

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2022. № 477. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 477. April

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robeyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Phi-
lology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Doctor of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Березовская А.В. Когнитивные основания синонимии в немецкоязычных правовых текстах на разных этапах формирования юридической терминосистемы	5
Горбенко А.Ю. «Из этой власти мы никогда не выйдем»: литературоцентризм «Воспоминаний» Г.Н. Потанина	21
Зусева-Озкан В.Б. «Священные монстры»: к характерологии Айрис Мердок	29
Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Расширение словарного состава современного английского языка на примере фразовых глаголов с послелогом <i>down</i>	37
Храброва В.Е., Сергаева Ю.В. Сопоставительный анализ английских и немецких глагольных фразеологизмов с компонентом «перо»	48

ФИЛОСОФИЯ

Гончаренко М.В., Лукьянова Н.А. Социальное конструирование и визуальная метафора	60
Попов Е.В. Новый реализм: идеи и границы	67
Kuzheleva-Sagan I.P., Galazhinsky E.V., Spicheva D.I., Kruckeberg D., Polyanskaya E.V. Study on a conceptual model for campus transformation of classical universities in the digital era	74

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Касамара В.А., Чебанова Д.С. Мотивация участия советской молодежи в комсомольских стройках в период Хрущевской оттепели (на примере Красноярской ГЭС)	85
Крашенинникова Ю.А. Замысел и практики экспертизы в российской системе возрастной классификации медиаконтента	95
Матвеева Е.В., Алагоз А.В. Социальные сети губернатора Кузбасса как механизм политической интернет-коммуникации власти и общества	105

ИСТОРИЯ

Ахмедов Т.А. Осман Оджалан и его деятельность в рядах Рабочей партии Курдистана (РПК) в 1978–2004 гг.	113
Иванова А.Н. Практическое применение струнного гальванометра Эйнтховена в первой четверти XX в.	119
Копылов И.В. Факторы и причины снижения рождаемости у городского населения Красноярского края в конце 1950-х – начале 1990-х гг.	126
Малых О.О. Импорты из погребений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э. как источник сведений о военных походах населения Среднего Прикамья	133
Мирошниченко Е.И. «Панэллинιον» Синесия Киренского (Ep. 101.73) и проблема эволюции позднеантичного эллинизма	145
Николаев Ю.В. Роль Эквадора в палестино-израильском конфликте	153
Расколец В.В., Некрылов С.А., <u>Фоминных С.Ф.</u> Социально-экономическое положение Томского государственного университета в 1990-е гг. (по материалам газеты «Alma mater»)	163

CONTENTS

PHILOLOGY

Berezovskaya A.V. Cognitive features of synonymy in German-language legal texts at different stages of development of legal terminology in the system of law	5
Gorbenko A.Yu. “We will never get out of this power”: The literary centrism of <i>Memories</i> by Grigory Potanin	21
Zuseva-Ozkan V.B. “Sacred monsters”: Toward the characterology of Iris Murdoch	29
Ryzhkova T.S., Zaykova, I.V. The expansion of modern English vocabulary on the example of phrasal verbs with the particle <i>down</i>	37
Khrabrova V.E., Sergaeva Yu.V. A comparative analysis of English and German verbal idioms with the component “feather/Feder”	48

PHILOSOPHY

Goncharenko M.V., Lukianova N.A. Social construction and visual metaphor	60
Popov E.V. New Realism: Ideas and limits	67
Kuzheleva-Sagan I.P., Galazhinsky E.V., Spicheva D.I., Kruckeberg D., Polyanskaya E.V. Study on a conceptual model for campus transformation of classical universities in the digital era	74

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Kasamara V.A., Chebanova D.S. Motivation for the participation of Soviet youth in Komsomol construction projects during the Khrushchev Thaw (on the example of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station)	85
Krashenninnikova Yu.A. Design and practices of experts’ work in the Russian Age Rating System	95
Matveeva E.V., Alagoz A.V. Social networks of the Kuzbass governor as a tool of political Internet communication between the authorities and society	105

HISTORY

Akhmedov T.A. Osman Ocalan and his activity in the ranks of Kurdistan Workers’ Party in 1978–2004	113
Ivanova A.N. The practical use of the Einthoven string galvanometer in the first quarter of the 20th century	119
Kopylov I.V. Factors and reasons of the birth rate of the urban population of Krasnoyarsk Krai in the late 1950s – early 1990s	126
Malykh O.O. Imports from burials of the Tarasovo burial ground of the second half of the 3rd century AD as a source of information about the military campaigns of the population of the Middle Kama region	133
Miroshnichenko E.I. The Panhellenion mentioned by Synesius of Cyrene (Syn. Ep. 101.73): The problem of the Late Antique Hellenism evolution	145
Nikolaev Yu.V. Ecuador’s role in the Israeli–Palestinian conflict	153
Raskolets V.V., Nekrylov S.A., <u>Fominykh S.F.</u> The socioeconomic situation of Tomsk State University in the 1990s (based on the newspaper <i>Alma mater</i>)	163

ПЕДАГОГИКА

Викторов Д.В. Прикладная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья	173
Гнитецкая Т.Н., Анкудинов И.И. Влияние предметных связей на когнитивную эффективность изучения физики	178
Поздеева Е.А., Мелентьев А.Н., Руссу О.Н., Коричко Ю.В., Давыдова С.А. Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов	191
Федорова Н.Ю. Оценка умений составления аннотаций статей в курсе иностранного языка для аспирантов	201
Черданцева Р.Г., Дробышева С.А. Физкультурно-спортивная деятельность кафедры физического воспитания ТГУ в 1960-х гг.	209
Tsiguleva, O.V., Pozdeeva, S.I. Historical conditions of human capital's formation in the higher education's non-state sector abroad	216

ПРАВО

Качалов В.И., Качалова О.В., Марковичева Е.В. Возможности применения информационных технологий при принятии судом процессуальных решений по уголовному делу	222
Кратенко М.В. Возмещение вреда пациенту: деликтное право vs. Компенсационные (страховые) схемы	230
Лаптев Д.Б., Федоров А.А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран	239
Овсянников И.В. О деятельности и процессуальном статусе прокурора на стадии подготовки к судебному заседанию	246
Ряховская Т.И. К вопросу о закономерностях трансформации современного конституционного права России и основаниях их классификации	254
Серова А.В. В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости	260
Vaničková R., Bilek S. Practical legal aspects of the use of publicly accessible roads	269

PEDAGOGICS

Viktorov D.V. Applied adaptation of students with health limitations	173
Gnitetskaya T.N., Ankudinov I.I. Subject connections' influence on the cognitive efficiency of studying physics	178
Pozdeeva E.A., Melentyev A.N., Russu O.N., Korichko Yu.V., Davydova S.A. Healthy lifestyle and biohacking: Analysis of concepts, components and basic principles	191
Fedorova N.Yu. Assessment of formation of postgraduate students' ability to write article abstracts in a foreign language	201
Cherdantseva R.G., Drobysheva S.A. The history of organising physical education classes at TSU in the 1960s	209
Tsiguleva O.V., Pozdeeva S.I. Historical conditions of human capital's formation in the higher education's non-state sector abroad	216

LAW

Kachalov V.I., Kachalova O.V., Markovicheva E.V. Possibilities of using information technologies when making procedural decisions by the court in a criminal case	222
Kratenko M.V. Compensation for harm caused by medical treatment: Tort law vs. alternative (insurance) scheme	230
Laptev D.B., Fedorov A.A. Improvement of the institution of confiscation of property based on the experience of foreign countries	239
Ovsyannikov I.V. On the activities and procedural status of the prosecutor at the stage of preparation for the court session	246
Ryakhovskaya T.I. On laws governing the transformation of modern constitutional law in Russia and reasons for their classification	254
Serova A.V. Legal regulation of platform employment: In search of a concept	260
Vaničková R., Bilek S. Practical legal aspects of the use of publicly accessible roads	269

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'276.6:34+81'373.421
doi: 10.17223/15617793/477/1

Когнитивные основания синонимии в немецкоязычных правовых текстах на разных этапах формирования юридической терминосистемы

Анастасия Викторовна Березовская^{1, 2}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия

² Постоянное представительство Российской Федерации при международных организациях в Вене, Вена, Австрия
^{1, 2} frau.berezovskaya@yandex.ru

Аннотация. Феномен синонимии подвергается анализу в одном из сегментов юридического дискурса – в терминосистеме права. Проанализированы нормативно-правовые акты корпуса национальных законодательств Германии и Австрии, а также тексты международного права. Явление синонимии рассмотрено на примере номинаций, вербализующих один из базовых правовых концептов – РАЗРЕШЕНИЕ. Выявлено, что основанием синонимии является наличие общего признака, дополнительные актуализируемые признаки разграничивают синонимичные лексемы и определяют степень их близости, а также возможности употребления.

Ключевые слова: немецкая юридическая терминология, концепт, синонимия, национально-когнитивные синонимы

Для цитирования: Березовская А.В. Когнитивные основания синонимии в немецкоязычных правовых текстах на разных этапах формирования юридической терминосистемы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 5–20. doi: 10.17223/15617793/477/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/1

Cognitive features of synonymy in German-language legal texts at different stages of development of legal terminology in the system of law

Anstassia V. Berezovskaya^{1, 2}

¹ MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation

² Permanent Mission of the Russian Federation to International Organizations in Vienna, Vienna, Republic of Austria
^{1, 2} frau.berezovskaya@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of studying the corpus of German legislation, as well as EU normative legal acts, views on the nature of the legal language, features of studying terminology. The author studies the phenomenon of synonymy in the legal terminology system, the cognitive foundations of this phenomenon at different stages of the developing of legal terminology. The aim of this study is to confirm the existence of the phenomenon of synonymy in the language of law, to establish the reasons for this phenomenon, and to explain the choice of a particular term from the range of possible ones in a reasoned manner. Synonymy is considered as a product of linguistic development, and synonymous terms can distinguish different sides of the same concept, consist in generic relations, clarify the meaning of the dominant term, and also be opposed to each other. The research is based on the comparison and analysis of lexicographic data of dictionaries of general and special vocabulary. The author uses the texts of the legislation of Germany, Austria, and the EU as the research material. National law is considered as a historically formed expression of cultural identity, realized in lexical units designated as “national-cognitive synonyms” (the term of L. A. Chernysheva). At the same time, it is important to take into account the modern processes of convergence of national legislations aimed at unifying legal systems within a single global space, and similar processes that occurred in earlier periods of the development of the language of law. The research methodology is demonstrated on the material of lexemes representing the concept of PERMISSION. As a result of the analysis, the conceptual features of the concept, its nuclear components, as well as features located on the periphery and actualized under certain conditions are established. The author considers several examples of synonymous series, the lexemes of which are in generic relations, adjacency relations or are opposed to each other in order to concretize the concept. Consideration of individual concepts from the perspective of synchrony and diachrony helps to study their structure more deeply, to identify the main and secondary features fixed in the internal form of the word. Contextual analysis allows describing the conditions and reasons for the actualization of conceptual features.

Keywords: German legal terminology, concept, synonymy, national-cognitive synonyms

For citation: Berezovskaya, A.V. (2022) Cognitive features of synonymy in German-language legal texts at different stages of development of legal terminology in the system of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/1

Введение. В фокусе исследований лингвистов в последнее время все чаще оказываются способы номинации различных явлений окружающей действительности, одним из активно развивающихся направлений является изучение терминологий отдельных дискурсов. В настоящей работе комплексному анализу подвергаются тексты нормативно-правовых актов, прежде всего, используемая в них терминология и общеупотребительные слова, подвергшиеся терминологизации. В законодательных текстах – важнейших источниках права – отражена воля законодателя, зафиксированная в правовой норме. Главным условием эффективности правового регулирования и основной нормотворчества является доступность для понимания всеми участниками правовых отношений текста закона и однозначное его толкование. Тщательно отбирать языковые средства, понятные как обывателю, так и профессионалу-юристу, позволяет следование правилам юридической техники. Одним из основных требований, традиционно предъявляемым к языку права, является однозначность: один термин – одно понятие. Однако в текстах законов и других нормативно-правовых актов достаточно широко представлена синонимия. Рассмотрение этого феномена в когнитивно-дискурсивном аспекте дает возможность дополнить традиционные взгляды на данное явление и позволяет по-новому взглянуть на перспективы его изучения.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения синонимии в юридическом дискурсе, в частности, в одном из наиболее важных его сегменте – сфере законодательства, выявлении закономерностей данного явления и его отличительных особенностей. Не менее актуальным в этой связи является установление и описание факторов, оказывающих влияние на процессы варьирования языковых единиц в рамках специального дискурса, а также изучение механизмов, определяющих выбор определенной лексемы в процессе номинации.

Объектом исследования является синонимия в текстах немецкого законодательства, представляющая собой многообразие способов актуализации концептуальных признаков в определенных контекстах.

Предметом исследования выступают имеющие схожее значение языковые средства, вербализующие юридические концепты, а также механизмы, определяющие выбор лексемы в процессе номинации.

Цель настоящего исследования состоит в описании когнитивно-прагматических параметров механизма моделирования синонимической пары или группы, используемых в немецких законодательных текстах.

Постановка данной цели требует решения следующих **задач**:

– уточнить методологические подходы к изучению синонимии;

– смоделировать структуру синонимов, представленных в текстах законов, определить общие и дифференцирующие когнитивные признаки;

– изучить механизмы варьирования лексических единиц в рамках изучаемой сферы и определить факторы, детерминирующие выбор определенного языкового знака из имеющихся в ряду синонимов.

Методика проведения лингвистического анализа построена на сочетании традиционного описательного метода и метода лингвистического моделирования. Для выявления значения слова в исследовании применяется метод компонентного анализа. Данный метод основан на представлении о значении слова как о сложной многоуровневой структуре компонентов. Мы исходим из традиционного выделения в качестве мегакомпонентов значения лексического и структурно-языкового значений, а также дальнейшего их разделения на денотативный и коннотативный макрокомпоненты, с одной стороны, и функциональный и грамматический макрокомпоненты – с другой. В качестве микрокомпонента выделяется сема, являющаяся минимальной единицей для всех указанных макрокомпонентов. Сема отражает отдельный признак предмета номинации или функционирования слова. Сопоставив близкие по значению лексические единицы, выявленные на основе словарей синонимов и толковых словарей, мы выделяем в их значении интегральные (общие, совпадающие) и дифференциальные семы, различающие значения сравниваемых слов. Первичное сопоставление проводится на основе словарных дефиниций с привлечением данных авторитетных толковых и специальных словарей. Дальнейший анализ проводится с учетом использования языковой единицы в текстах нормативно-правовых актов. Установление и сопоставление набора сем каждого из значений исследуемых языковых единиц позволяют изучить механизмы формирования синонимичных отношений.

В рамках семантико-когнитивного направления исследование лексической семантики рассматривается в качестве средства доступа к содержанию концептов. Концепты существуют в сознании человека, а значение, представляющее собой элемент языкового сознания, является закрепленной языковым знаком в целях коммуникации частью концепта как мыслительной единицы. В языке эксплицируется значительная часть концептуального содержания. Объем языковых средств, объективирующих содержание концепта, образует номинативное поле, включающее в свою очередь прямые номинации концепта и номинации его отдельных когнитивных признаков [1. С. 14–15]. В процессе исследования мы переходим от содержания значений к содержанию концептов, используя метод семантико-когнитивного анализа, описанного в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Следуя одному из этапов данного метода – когнитивной интерпретации, на основе набора сем, составляющих

значения разных языковых единиц, номинирующих концепт, выявляем набор когнитивных признаков концепта. Для этого обобщаем совпадающие или близкие по содержанию семы в единый когнитивный признак. Далее ранжируем признаки, исходя из полевой организации структуры концепта, наличия в ней ядерных и периферийных компонентов. Путем анализа синонимического ряда выявляем семантические компоненты, репрезентующие отдельные когнитивные признаки. Сопоставление выявленных признаков позволяет установить общие и дифференциальные компоненты для каждой номинации. Анализ синонимов, представленных в специализированных словарях, и номинаций, зафиксированных в текстах немецкого законодательства, позволяет выявить дополнительные когнитивные признаки, актуализируемые в отдельных контекстах. Таким образом, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мы рассматриваем семы как компоненты значения слова, репрезентующие в речи отдельные когнитивные признаки концепта. Построение структурной модели для рассматриваемых номинаций концепта позволяет выявить основания установления синонимичных отношений между отдельными языковыми единицами.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые комплексному изучению подвергается явление синонимии в языке немецкого законодательства. Исследование данного феномена осуществляется с учетом сложной структуры юридических концептов, выстраивается модель синонимичных номинаций, содержащая как общие когнитивные признаки, так и компоненты когнитивного плана, актуализирующие значение каждого отдельного синонима.

Теоретическая значимость работы определяется когнитивным подходом к изучению семантики языковых единиц, используемых в текстах законов, так как его результаты расширяют современные представления о механизмах взаимодействия языковых единиц в рамках специальных дискурсов. Сочетание в исследовании традиционного и когнитивного подходов, позволяющее установить сложную взаимосвязь между элементами отдельной концептосферы, вносит определенный вклад в развитие методики семантико-когнитивного направления и расширяет возможности учета когнитивных механизмов в раскрытии сложной семантической структуры языковых единиц при анализе особенностей специальных дискурсов.

Практическая значимость данного исследования определяется тем, что полученные результаты могут составить основу для дальнейшего семантико-когнитивного анализа юридического дискурса и других специальных сфер языка, а также применяться в учебно-методической деятельности при создании учебных пособий по «Немецкому языку для специальных целей», глоссариев и словарей.

Система речевых средств, используемых для формулирования правовой нормы, складывалась на протяжении многих столетий и впитала в себя традиции и опыт правоприменения. Мы исходим из того, что в процессе функционирования юридического языка задействуются как правовые средства, так и средства

лингвистики, т.е. язык права находится под обоюдным влиянием двух своих составляющих. Юридический язык можно обозначить как систему, в которой язык является средством реализации права. Национальное право стран, в которых немецкий является официальным языком, рассматривается как исторически сложившееся выражение культурной идентичности, реализующееся в лексических единицах, определяемых как «национально-когнитивные синонимы» [2. С. 48]. При этом важно учитывать современные процессы сближения национальных законодательств, направленные на унификацию правовых систем в рамках единого глобального пространства, а также актуальные тенденции к упрощению юридического языка в разных странах.

Центральное место в языке права занимает терминология, а одним из главных требований, предъявляемых к термину, традиционно является однозначность, несмотря на это, правовые тексты обнаруживают значительное количество синонимов, объединяемых в синонимические пары и даже синонимические ряды. Многими лингвистами явление синонимии в терминологии оценивалось крайне негативно или вообще отрицалось: считалось, что отношений синонимии между терминами не может и не должно быть (Г.О. Винокур, Л. Блумфилд, А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Е.Н. Толикина и др.).

Сегодня наличие синонимов в юридических текстах считается закономерным и объясняется тем, что языкам специальных сфер свойственны такие же явления, как и общему языку. Однако синонимические отношения терминологических единиц в правовом дискурсе обладают рядом своих особенностей, отличающих их от подобного явления в общеупотребительной лексике. Неправильное употребление синонима может существенно осложнить толкование правовой нормы и привести к неточностям и правовым коллизиям в процессе ее применения. В основу исследования легли работы, посвященные синонимии, Л.А. Булаховского и Д.С. Лотте, О.С. Ахмановой и Е.Н. Толикиной, В.Г. Гака и В.М. Лейчика, Л.Н. Русиновой и С.Д. Шелова, В.А. Татарина и Н.В. Новодрановой и других ученых. Мы отталкивались от положений, сформулированных в работах по терминологии таких известных лингвистов, как А.А. Реформатский, В.М. Лейчик, В.Г. Гак, С.В. Гринев-Гриневич, Д.С. Лотте, А.А. Брагина, Б.Н. Головин, Т.Л. Канделаки, М.Н. Володина и др. Кроме того, привлекались научные труды по исследованию юридической терминологии, законотворчества и принципов законодательной техники С.С. Алексеева, В.А. Белова, Н.А. Власенко, Н.Д. Голева, Л.Н. Завадской, Н.Н. Ивакиной, П.И. Люблинского, А.С. Пиголкина, В.М. Савицкого, Ю.А. Черданцева, С.П. Хижняка и др. В настоящем исследовании использованы положения, сформулированные в работах зарубежных исследователей, посвященных синонимии и изучению языка права, например, в работах Р. Арнтца, Д. Буссе, В. Фишера, М. Хана, Х. Хенне, В. Мюллера, М. Нуссбаумера, П. Сандрини, Ф. Фогеля, Х. Виганда и др.

В данной работе вслед за многими исследователями синонимия рассматривается как естественный продукт языкового развития, как явление, свойственное, в том числе, языкам для специальных целей. Однозначного определения синонимии на сегодняшний момент не выработано. Различается подход к рассмотрению данного явления, выделению критериев, лежащих в его основе, типологизации синонимов. Чаще всего под синонимией понимается отношение между различными словами, совпадающими или близкими по значению, используемыми в текстах с целью взаимозамены, уточнения понятий или для реализации стилистической функции. Для синонимов характерны совпадение частеречной принадлежности и различия в сфере стилистического использования или возможностей сочетаемости. Синонимия в терминологии основана на способности лексической единицы выделять разные стороны одного и того же понятия, в нашем исследовании – правового понятия. Вслед за С.В. Гриневым-Гриневичем, мы рассматриваем понятие как форму мысли, отражающую наиболее существенные признаки объектов и явлений окружающего мира, а термин – как номинативную единицу специального языка, используемую для точного наименования специальных понятий. С формальной точки зрения понятие тесно связано со значениями слов, а в ракурсе содержания оно охватывают всю сумму знаний и представлений языковой личности об отдельном предмете или явлении.

Основная часть. В рамках настоящего исследования под юридическим термином вслед за С.С. Алексеевым понимаются слова и выражения, имеющие специфическое правовое содержание и особую когнитивно-коммуникативную значимость. Термины выражают правовые понятия, отражая и закрепляя в языке содержательные представления реальных процессов правовой действительности. Законодатель использует правовые понятия и термины для конструирования и изложения правовых норм. Благодаря сконцентрированной в правовых понятиях информации о реальной и желательной действительности, правовая норма обобщенно и относительно лаконично моделирует определенные ситуации, значимые для правового воздействия [3. С. 145]. Четкость правовых понятий, их смысловая однозначность предопределяют справедливость нормативно-правовых решений, неопределенность правовых понятий усложняет толкование и применение правовых норм и создает потенциал для правовых коллизий, однако использование «гибких» понятий придает «эластичный» характер нормам права и позволяет учесть потенциально допустимые особенности отдельной правовой ситуации, которую невозможно детально отразить в тексте закона. Для выражения «гибких» понятий в текстах законодательства используются более общие термины, не содержащие четкой законодательной дефиниции, допускающие широкое толкование.

Юридическая терминология находится в тесной взаимосвязи с общеупотребительной лексикой, и термины часто формируются на основе переосмысления общеупотребительных слов, например в процессе ме-

тафоризации, сужения или расширения их значения, поэтому содержание термина нередко отличается от общеупотребительного и известного широкому кругу носителей языка. В таких случаях термин должен сопровождаться юридической дефиницией, которая отражает основные признаки выражаемого понятия и облегчает процесс восприятия и корректного использования термина в дискурсе. Стоит отметить, что у многих юридических терминов дефиниция отсутствует и раскрытие их терминологического значения происходит на основе соотношения значения слова в общелитературном языке и в системе правовых знаний. Кроме того, некоторые исследователи, например В.М. Савицкий, утверждают, что «если термин ясен сам по себе, по своей внутренней форме, не нужно никакого специального определения» [4. С. 90]. Такой подход существенно затрудняет осмысление и установление значения термина. Лишь юрист, обладающий профессиональными и научными знаниями, способен правильно истолковать и грамотно использовать специальную лексику. Эти знания формируются в процессе преобразования и упорядочения таксономических структур, включающих в себя разноуровневые логические и когнитивные категории, в результате чего формируются мыслительные образования – концепты. По мнению С.П. Хижняка, «именно концептуальная основа термина, даже представленного общеупотребительным словом, не имеющим специальной дефиниции, позволяет отождествлять его с определенным субконтинуумом знаний (например, с субконтинуумом правовых знаний)». Правовой концепт основывается на осмыслении правового понятия «с учетом рационального знания и индивидуального чувственного опыта», он охватывает не только содержание понятия, но и смысл слова, соотносимого с отдельным понятием [5. С. 209].

Правовой концепт существует на уровне передаваемых смыслов, формируемых концептуальными признаками. Номинации, вербализующие концепт в текстах закона, отражают лишь часть его содержания. Сложность и многоуровневость организации структуры правового концепта вынуждают законодателя прибегать к использованию схожих по своему значению языковых знаков при формулировании правовой нормы. Это связано со стремлением к наиболее полному, понятному или наиболее точному выражению воли законодателя. По словам В.А. Татарина, «определение синонимов на металингвистическом уровне как единиц, коррелирующих в смысловом отношении, но различающихся периферийной семантикой, как нельзя кстати отражает сущность терминологической синонимии» [6. С. 173]. Концептуальные признаки формируются в результате когнитивного процесса категоризации. Под концептуальным признаком мы понимаем структурный компонент концептуальной системы, признак категории, репрезентуемый в семантическом пространстве. В отличие от него когнитивный признак представляет собой отдельный признак предмета или явления, осознаваемый языковой личностью и отраженный в структуре соответствующего концепта в качестве отдельного

элемента его содержания. По своему объему и функции концептуальный признак представляет собой более широкое явление, хотя в ряде случаев когнитивный и концептуальный признаки могут совпадать друг с другом. «Человек вычленяет сущности реальной действительности, признаки которых взаимодействуют с уже имеющимися знаниями, в результате чего возникает концепт, содержанием которого становятся выделенные и зафиксированные признаки» [7. С. 15]. Синонимия в текстах закона, таким образом, обосновывается возможностью различных перспектив характеристики объектов или явлений, а дифференциальные признаки синонимов, как проекции разных ракурсов видения и понимания обозначаемых явлений или объектов.

Попытки дать определение концепта предпринимались в работах многих когнитивистов (среди них В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев и др.). Наиболее удачные, на наш взгляд, характеристики концепта выделены исследователями, определяющими его как «операционную единицу мысли», как «способ и результат квантификации и категоризации знания», как «единицу ментального пространства», которая «структурирует знания о мире и отражает национальную специфику членения мира» [8. С. 52]. С учетом специфики нашего исследования, мы понимаем под правовым концептом комплексную единицу мышления, содержащую всю совокупность знаний об определенном явлении правовой действительности, представляющую собой результат когнитивной деятельности общества в целом и отдельной личности, обладающую сложной, гибкой структурой, включающей когнитивные признаки, организованные по полемому принципу, реализуемые разными языковыми средствами. Подобно тому, как термины образуют терминосистему, а понятия – систему понятий или понятийный аппарат, совокупность концептов представляет собой концептосферу. В структуре концептосферы выделяются концепты разного объема и масштаба от микроконцептов до макроконцептов, связанных друг с другом посредством концептуальных признаков. Макроконцепты, находящиеся в иерархии ниже макроконцептов, соотносятся (но не отождествляются) с базовыми правовыми понятиями, и представляют собой совокупность, массив более частных концептов, которые в свою очередь включают в себя множество микроконцептов.

Так же, как В.И. Карасик, мы считаем, что актуальность вербализуемого концепта проявляется в его «номинативной плотности», т.е. в большом количестве номинаций, в этой связи мы используем в исследовании метод частотного анализа. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мы полагаем, что возможно выявить национальную, социальную, групповую и индивидуальную специфику концепта, поскольку концепт отражает «категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [1. С. 24]. В процессе формирования понятийной системы и терминосистемы права одни

концептуальные признаки выходят на первый план, а другие, находясь на периферии, ожидают подходящих условий для актуализации. Синонимия в праве отражает национально-когнитивные особенности правовой картины мира представителей отдельных немецкоязычных стран. Используемые в нормативно-правовых текстах синонимы способствуют более точному выражению мысли законодателя, помогают уточнить, дополнить представления о явлениях действительности, усилить значение какого-либо признака, действия или состояния.

Материалом исследования послужили немецкоязычные тексты права Германии и Австрии: конституции, гражданские кодексы и некоторые нормативно-правовые акты других отраслей права, а также тексты законодательства ЕС и некоторые международные договоры. Общий объем проанализированных текстов – 8 729 страниц. Полученный материал позволяет вычленить 173 примера синонимических пар или групп лексем разных отраслей права. Выявление компонентов значений языковых единиц проводилось на основе анализа словарных дефиниций, размещенных в толковых немецкоязычных словарях: DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [9], Wahrig Deutsches Wörterbuch [10], PONS Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache [11], Langenscheidt Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache [12] Duden. Das Stilwörterbuch [13] DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [14], а также словарей синонимов [15]. Общеязыковые лексикографические источники не всегда фиксируют релевантные для терминосистем концептуальные признаки, потому с учетом специфики изучаемой языковой сферы для анализа были использованы данные юридических словарей Deutsches Rechtswörterbuch [16], комментированный глоссарий, размещенный на платформе Juraforum, словарь австрийской коллегии адвокатов, экономический словарь [17] и словарь терминологических различий права Германии и Австрии [18]. Кроме того, анализ проводился с использованием текстов законодательства, размещенных на официальных правовых порталах Германии [19], Австрии [20] и ЕС [21].

Результаты. Принципы работы с концептом можно продемонстрировать на материале концепта РАЗРЕШЕНИЕ. Данный концепт имеет сложную структуру, включающую множество когнитивных признаков. Для выявления этих компонентов необходимо проанализировать номинации, вербализующие данный концепт в немецких нормативно-правовых актах. Номинативное поле концепта РАЗРЕШЕНИЕ представлено в текстах законодательства следующими номинациями: *Genehmigung* (разрешение, утверждение), *Bewilligung* (разрешение, одобрение), *Erlaubnis* (разрешение), *Zulassung* (разрешение, одобрение, допуск), *Einwilligung* (разрешение, согласие), *Befugnis* (разрешение, полномочия), *Berechtigung* (разрешение, предоставление права), *Ermächtigung* (разрешение, предоставление полномочий), *Lizenz* (разрешение, предоставление права), *Konzession* (разрешение, концессия), *Zubilligung* (разрешение, одобрение), *Anerkennung* (разрешение, признание), *Billigung* (разрешение, одобрение, утверждение),

Duldung (разрешение, допущение), *Gestattung* (разрешение, допущение) и др. Под разрешением понимается правовой механизм, регулирующий правоотношения в разных отраслях права, он может иметь целевую направленность, выполнять различные функции, может быть ограничен во времени и соотноситься с участниками правовых отношений, а также с уровнем нормативно-правового акта.

По частотности использования в текстах законодательства первое место занимает лексема *Genehmigung*. Она представлена в 3 505 текстах законодательства Германии [19], 30 335 нормативно-правовых актах Австрии [20], в текстах законодательства ЕС [21] она встречается более 100 тыс. раз. В наиболее авторитетном толковом словаре «Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» (DUDEN) [9] представлена следующая дефиниция слова *Genehmigung*: *„genehmigen, (besonders amtlich, offiziell) die Ausführung, Verwirklichung einer Absicht, die jemand als Antrag, Gesuch o. Ä. vorgebracht hat, gestatten“*. На основе данного определения можно выделить следующие семы: (1) «*genehmigen*» / «*gestatten*» – процесс выдачи разрешения; (2) «*offiziell*» – официальный статус лица или организации, выдающей разрешение; (3) «*amtlich*» – форма организации, выдающей разрешение (ведомство, учреждение); (3) «*Absicht*» – наличие намерения получить разрешение, (4) «*Ausführung*» / «*Verwirklichung*» – исполнение, реализация, как признаки процесса, процедуры или действия, на которые запрашивается разрешение; (5) «*jemand*» – субъект правоотношений, запрашивающий разрешение (в данном случае обезличенный); (6) «*vorgebracht hat*» – подача запроса на получения разрешения, обращение субъекта с данной целью; (7) «*Antrag*» / «*Gesuch*» – запрос как необходимое формальное условие для получения разрешения. Еще одно значение слова *Genehmigung*, представленное в том же словаре: «*Schriftstück, Papier, auf dem etwas (amtlich) genehmigt wird*». В данном случае можно наблюдать метонимический перенос значения с процесса на результат действия, воплощенный в официальном документе. Под «*Genehmigung*» понимается официально выданное разрешение, зафиксированное на бумаге «*Schriftstück*», «*Papier*». От первоначального набора компонентов остаются признак официального статуса «*amtlich*» выдавшего разрешение лица и процесса выдачи разрешения «*genehmigen*» на осуществление чего-либо. Фиксируем дополнительный признак – в данном случае формат разрешения – письменный, объект фиксации разрешения – бумага, содержащая текст разрешения.

В первом определении используются лексемы с синонимичным значением «*Antrag*» и «*Gesuch*». Разницу значений устанавливаем с помощью дефиниционного анализа данных компонентов. Дифференциальной семой является обозначение лица, которое может подавать ходатайство о выдаче разрешения. В большинстве словарных определений данная сема выражена для обеих семем обезличено с помощью неопределенного местоимения «*jemand*». Однако словарь DUDEN конкретизирует частное лицо «*Privatperson*» в роли субъекта, подающего ходатайство «*Gesuch*».

Дефиниция, представленная в словаре PONS [10], также позволяет выделить для лексемы *Genehmigung* в значении «разрешение» признак официальности организации «*offiziell*» и формы организации «*Amt*», в которой разрешение может быть получено. Композита *Genehmigungsverfahren* актуализирует признак процесса «*Verfahren*», в ходе которого получается разрешение. Периферийный признак «*Pflicht*», указывающий на обязательность, законодательное предписание получения разрешения, не отраженный в словарных дефинициях, актуализирует композита *Genehmigungspflicht*. В качестве примеров самих разрешений в данном словаре зафиксированы *Arbeitsgenehmigung* (разрешение на **работу**), *Einfuhrgenehmigung* (разрешение на **ввоз/импорт**), *Ausreisegenehmigung* (разрешение на **выезд**) и др., все они конкретизируют объект разрешения. В стилистическом словаре DUDEN [13] лексема *Genehmigung* приводится в сочетании с прилагательными *schriftlich, polizeilich, behördlich, offiziell*, что еще раз подчеркивает обязательность письменной формы разрешения и официальный статус выдавшего его лица. Кроме того, представлены наиболее частотные глаголы *erteilen, einholen, vorlegen*, сочетающиеся с данной лексической единицей, актуализирующие признаки подачи предварительного запроса, получения разрешения и необходимости подтверждения наличия разрешения (предъявления разрешения), коррелирующего с компонентом «*pflicht*» в уже рассмотренной композите *Genehmigungspflicht*.

Еще один толковый словарь немецкого языка Wahrig. Grosses Wörterbuch der deutschen Sprache [10] определяет значение слова *Genehmigung* с привлечением синонимичных номинаций *Erlaubnis, Einwilligung, Zustimmung*. Приведенный пример использования: *G. für etwas erteilen*, подчеркивает, что разрешение выдается на осуществление чего-либо, а в примере *etwas ohne jmds. G. tun*, актуализируется еще и источник разрешения, правда, в данном случае он обезличен (выражен неопределенным местоимением кто-то, кто-либо «*jemand*») и статус его не обозначен.

Таким образом, можно выявить доминантные когнитивные признаки данного концепта: официальный статус разрешения и источника, выдающего разрешение; наличие намерения и подача запроса на получение разрешения; письменный формат самого разрешения и заявления о его выдаче, и периферийные признаки: варианты правовых действий (получение, выдача и предъявление); отдельные сферы и виды осуществляемой деятельности, на которые запрашивается разрешение, и обязательность его получения.

Как уже было сказано, общезыковые лексикографические источники не всегда фиксируют релевантные для терминосистем концептуальные признаки, потому с учетом специфики изучаемой языковой сферы для анализа используются данные юридических словарей и официальных платформ профессиональных сообществ, на которых размещены подготовленные специалистами комментированные глоссарии. Дефиниции и толкования, представленные в этих источниках, разработаны на основе представленных в

текстах законов терминологических дефиниций, а также с учетом опыта правоприменения.

Термин *Genehmigung* имеет четкое законодательное определение в Гражданском праве и обозначает **разрешение** (одобрение) третьей стороной **юридической сделки**, совершенной другими лицами (§§ 182, 184 ГГУ) [19]. Во внешнеэкономическом праве (*Außenwirtschaftsrecht*) данная лексема ассоциируется с **процедурами экспорта и импорта** и используется в композитах, обозначающих разрешения, выданные для осуществления правовых действий в этих сферах. В Законе о грузовых перевозках (*Güterkraftverkehrsgesetz*) требуется разрешение на **осуществление коммерческих грузовых перевозок** (автотранспортными средствами) *Gewerblicher Güterkraftverkehr*. Интересным фактом является то, что для вербализации концепта РАЗРЕШЕНИЕ в данном законе используется несколько номинаций: *Erlaubnis*, *Genehmigung*, *Lizenz*. Номинация *Erlaubnis* определяет разрешения на коммерческие перевозки, оформленные предпринимателями (*Unternehmer*), зарегистрированными в Германии (*dessen Unternehmen seinen Sitz im Inland hat*). Получение такого разрешения является необходимым условием для осуществления коммерческих перевозок, когнитивный признак обязательности выражен в компоненте «*pflichtig*» – *erlaubnispflichtig*. Разрешение ограничено во времени сроком до 10 лет (*befristet, für die Dauer von bis zu zehn Jahren erteilt*). Кроме того, выданное разрешение может быть отозвано или аннулировано, данный когнитивный признак вербализован с помощью языковых единиц *Rücknahme/Widerruf u zurücknehmen/widerrufen*. Представляют интерес обоснования для прекращения лицензии: в первом случае это вскрывшиеся уже после получения лицензии обстоятельства нарушения ее выдачи, во втором – допущенные нарушения, которые ведут к отзыву лицензии. Соотнесенность с одним из данных случаев обуславливает выбор соответствующей лексемы из синонимической пары. Аналогами разрешения, освобождающими от получения разрешения *Erlaubnis*, являются разрешения третьих стран *Drittstaatengenehmigung* или лицензия Сообщества *Gemeinschaftslizenz*. Кроме того, исключением служит наличие разрешения, выданного на основании резолюции Совета Европейской конференции министров транспорта от 14 июня 1973 г. (BGBl. 1974 II S. 298) *Genehmigung auf Grund der Resolution des Rates der Europäischen Konferenz der Verkehrsminister (CEMT)*. Из разъяснений, представленных на юридическом форуме, узнаем, что такая лицензия выдается на короткий или длительный срок, а в определениях, представленных на специализированных платформах, он обозначается как определенный период времени, далее в тексте закона используется сокращенное обозначение этого вида разрешения *CEMT-Genehmigung*. Кроме того, в законе упоминается *CEMT-Umzugsgenehmigung*, компонент «*Umzug*» конкретизирует вид грузовых перевозок, а именно связанный с услугами по переезду, основанием для выдачи данного разрешения является резолюция той же организации, однако она указывается в формате аббревиатуры

без отсылки к конкретному документу. Последний вид разрешения в списке исключений – Швейцарская лицензия на коммерческие грузовые перевозки (*Schweizerische Lizenz für den gewerblichen Güterkraftverkehr*), далее в тексте закона данный вид обозначается, как «Швейцарская лицензия» (*der Schweizerische Lizenz*). Таким образом, можно констатировать, что концепт РАЗРЕШЕНИЕ, связанный с правовым понятием «основание для осуществления какого-либо вида деятельности» (в данном случае, коммерческих грузовых перевозок), выражен следующим набором когнитивных признаков: доминантные признаки: 1) необходимость (наличие/отсутствие) получения разрешения *Erlaubnis*, связанная с местом регистрации предприятия; 2) субъект, определяющий выдачу разрешения (сообщество (ЕС/ЕЭС), третья страна, Швейцария, Совет Европейской конференции министров транспорта) – данный набор отражает актуальную ситуацию: наличие единого европейского пространства, наличие общей корпоративной структуры, выделенность Швейцарии, не являющейся членом ЕС, и обобщенное обозначение всех остальных стран понятием «третьи страны»; периферийные признаки: 1) основание выдачи лицензии – конкретный правовой акт, ссылка на который указывается при обозначении документа; 2) ограничение документа во времени – данный признак не актуализирован в тексте данного закона, но он воспроизводится на основании информации, представленной на специализированных порталах; 3) привязка к особому статусу получателя разрешения. Актуализация дополнительных признаков обосновывает выбор определенной номинации. На наш взгляд, компонент *Genehmigung* в структуре композиты *Drittstaatengenehmigung* позволяет наиболее обобщенно обозначить возможные виды разрешений, выдаваемых третьими странами, т.е., представляет собой пример «гибкого» термина.

Обобщающими понятиями для видов разрешений на грузовые перевозки выступают терминологические единицы: *Dokumente* и *Nachweise*, также являющиеся «гибкими» терминами. В связи со сложностью точного наименования определенного вида документа из-за обширности территорий и стран, попадающих в сферу регулирования данного закона, используются обтекаемые формулировки: сопроводительный или другой документ, в котором указано: «...ein *Begleitpapier* oder ein *sonstiger Nachweis*, in dem das beförderte Gut, der Be- und Entladeort und der Auftraggeber angegeben werden» (GüKG) [19]. Номинация *Genehmigung* обладает наиболее общим значением по сравнению с двумя рассмотренными другими номинациями, вербализующими концепт РАЗРЕШЕНИЕ, поэтому именно она используется для обозначения данного вида документа в контексте его выдачи *Erteilung*, отзыва *Widerruf* и аннулирования *Rücknahme*. Кроме того, она же используется для обозначения других видов разрешений в тексте того же закона, например разрешения на оружие *Waffengenehmigung*, или обозначения послаблений в отношении имеющихся разрешений *insbesondere genehmigungsrechtliche Erleichterungen*. Сопоставление выявленных когнитивных признаков с

компонентной структурой, описанной на основе дефиниционного анализа, позволяет сделать следующие выводы. Большинство выявленных первоначально когнитивных признаков обнаруживаются в структуре концепта РАЗРЕШЕНИЕ, однако в тексте нормативно-правового акта они приобретают большую определенность, точно называются организации, регулирующие право выдачи лицензий, и соответствующие нормативные акты, точное обозначение имеет предмет регулирования и субъект правоотношений, на второй план отходят признаки запроса разрешения и самого запроса, однако актуализируется признак обязательности получения самого разрешения для осуществления грузовых перевозок. При необходимости расширить границы обозначаемого объекта или явления используются «гибкие» термины.

В этом же законе фиксируем использование синонимичных языковых единиц для обозначения концепта ОДОБРЕНИЕ, входящего в структуру макроконцепта РАЗРЕШЕНИЕ. Речь о номинациях *Einvernehmen*, *Zustimmung*. Первая из них *Einvernehmen* используется в сочетании с обозначениями ведомств: министерства финансов и министерства экономики и энергетики (*Bundesministerium der Finanzen und dem Bundesministerium für Wirtschaft und Energie*) и актуализирует признак согласованности в процессе одобрения (разрешения), наличия единого мнения. Номинация *Zustimmung* сочетается в тексте с обозначением верхней палаты парламента (*Bundesrates*) и актуализирует признак одобрения со стороны законодателя. Поскольку обе лексические единицы в указанных значениях обладают ярко выраженной внутренней формой, выбор каждой из них абсолютно понятен и обоснован и не требует проведения дополнительного компонентного анализа.

В административном праве лексема *Genehmigung* входит в состав композитов, обозначающих **различные виды разрешений**, регулируемые данной областью права: разрешение на эксплуатацию (*Betriebsgenehmigung*), разрешение на строительство (*Baugenehmigung*) и др. Данные определения представлены в Экономическом словаре Габлер [17], их сравнительный анализ позволяет выделить дополнительные концептуальные признаки, такие как юридическая сила разрешения, время выдачи данного разрешения (постфактум), отдельные сферы регулирования, кроме того, мы можем наблюдать актуализацию периферийных компонентов концепта при использовании термина в разных отраслях права.

По данным электронного юридического словаря [16], *Genehmigung* обозначает **требование юридической силы** многих договоров (например, в соответствии с Законом о земельном обороте или Законом об аренде земли). До тех пор, пока разрешение регулирующего органа не предоставлено, договор является **недействительным** (не имеет полной юридической силы). Комментируя особенности употребления данного термина, многие специалисты выделяют в качестве его признака-маркера, позволяющего отграничить ее от лексем со схожим значением, **временные особенности** получения разрешения – постфактум («*nachträglich*»).

Концепт РАЗРЕШЕНИЕ в текстах законодательства вербализуется и с помощью других номинаций. Некоторые из них образуют синонимические ряды, например:

1) *Zulassung* (разрешение, одобрение, допуск) - *Genehmigung* (разрешение, утверждение) - *Bewilligung* (разрешение, одобрение) – *Erlaubnis* (разрешение) – *Konzession* (разрешение, концессия);

2) *Zustimmung* (разрешение, согласие, одобрение) – *Einwilligung* (разрешение, согласие) *und Genehmigung* (разрешение, одобрение);

3) *Genehmigung* (разрешение) – *Lizenz* (лицензия) – *Bescheinigung* (свидетельство).

Первая группа синонимов зафиксирована в тексте Закона регулировании коммерческой деятельности (*Gewerbeordnung*) § 149 Создание центрального коммерческого регистра (*Einrichtung eines Gewerbezentralregisters*) [19]. Согласно тексту закона, в регистр необходимо заносить информацию в том числе об отклоненных заявлениях на выдачу разрешений *Antrag auf Zulassung* (*Erlaubnis*, *Genehmigung*, *Konzession*, *Bewilligung*). Для вербализации концепта РАЗРЕШЕНИЕ в данном контексте использованы номинации: *Zulassung*, *Erlaubnis*, *Genehmigung*, *Konzession*, *Bewilligung*. Анализируя структуру предложения, в котором данные номинации зафиксированы, можно установить, что номинация *Zulassung* является гиперонимом, а остальные номинации служат гипонимами, обозначающими более частные виды разрешений, либо использующиеся в разных отраслях права. Рассмотрим словарные дефиниции каждой отдельной номинации.

Одно из значений лексемы *Zulassen* определяется в словаре DUDEN [9] как предоставление кому-либо доступа «*Zugang*» к чему-либо, официальное разрешение, выданное на осуществление «*Ausübung*» чего-либо, определенного вида деятельности «*bestimmte Betätigung*», для определенной цели «*bestimmter Zweck*». В качестве синонимов приводятся *Duldung*, *Erlaubnis*, *Genehmigung*, *Gestattung* (допуск, разрешение). Когнитивные признаки, устанавливаемые на основе данной дефиниции и дефиниций, представленных в других словарях, следующие: **официальный статус** выдавшего разрешение органа (ведомства); **определенный вид деятельности**, как объект, на который разрешение направлено; наличие цели, с которой получается разрешение (корреляция с признаком намерения «*Absicht*»); **особенности видов деятельности**, на которые выдается разрешение, необходимость **доступа** к чему-либо в ходе осуществления определенного вида деятельности; разрешение на **использование** чего-либо «*Nutzung*», разрешение на **участие** в чем-либо «*Teilnahme*». В качестве видов разрешения приводятся примеры врачебного разрешения, допуска врача к осуществлению профессиональной деятельности (*Z. als Arzt*), разрешение на осуществление образовательной деятельности студентам (*Z. zum Studium*) или разрешение на продажу и использование лекарственных средств (*das Medikament wurde zugelassen, erhielt die amtliche Erlaubnis zum Verkauf, zur Ingebrauchnahme*). Грамма-

тически признак объекта, регулируемого разрешением, выражен с помощью предлога *zu* (в случае неодушевленности) или *als* (для одушевленных объектов). В толковом словаре PONS [10] в дефиниции *Zulassung* также фиксируются семы «*offiziell*» и «*Tätigkeit*» (официальный статус, деятельность), «*Teilnahme*», «*Nutzung*» (участие и использование), отражающие признаки определенных видов деятельности или фактора использования чего-либо, что значительно расширяет объем выдаваемых разрешений, а следовательно, и объем самого понятия, таким образом *Zulassung* можно определить как разрешение что-либо делать, использовать или принимать в чем-либо участие. Номинация *Zulassung* зафиксирована в 3 481 законодательном тексте Германии [19], в 18 620 текстах австрийского законодательства [20] и в более чем в 100 тыс. нормативных актах ЕС [21]. По частотности употребления синонимы *Zulassung* и *Genehmigung* примерно сопоставимы: 3 481/3 505 в текстах законодательства Германии [19], около 100 тыс. в нормативных текстах права ЕС [21], однако семы «*Teilnahme*» и «*Nutzung*» существенно расширяют возможности употребления номинации *Zulassung* для вербализации концепта РАЗРЕШЕНИЕ и позволяют ей занять место терминологической доминанты в данном синонимическом ряду.

В Законе о допуске к управлению воздушным средством *Zulassung* используется наряду с синонимичным термином *Erlaubnis*. Один их терминов использован в названии самого нормативного акта (*Luftverkehrs-Zulassungs-Ordnung (LuftVZO)* [19], а другой – в названии отдельного параграфа (§ 91 *Antrag auf Erteilung der Erlaubnis*). Порядок получения разрешений *Zulassung* на управление воздушным средством предполагает подачу запроса на получение разрешения. Очевидно, что *Zulassung* эксплицирует абстрактность обозначаемого феномена, а *Erlaubnis* объединяет обозначения **права** на управление воздушным средством – разрешение, и **документа**, дающего это право, – разрешение.

С помощью анализа словарных дефиниций можно выделить следующие когнитивные признаки для *Erlaubnis*: **разрешение** «*Einwilligung*», «*Zustimmung*», предоставление **кому-либо** «*jemand*» (снова обезличено), **возможности** или **права** для осуществления чего-либо «*Möglichkeit*», «*Recht*», необходимость наличия **разрешения для осуществления** какого-либо действия «*Tätigkeit*», «*zulassen*»; наличие намерения, **обращение** за получением разрешения («*um Erlaubnis bitten*»). Анализ синонимов позволяет установить дополнительные признаки: необходимость **согласования**, получения **одобрения**, официального **подтверждения** законного права на какое-либо действие («*Genehmigung*, «*Zustimmung*, «*Bestätigung*, «*dass jemand etwas tun darf*). Анализ примеров из текстов немецкого законодательства выявляет когнитивные признаки: официальный статус «*amtlich*», «*offiziell*», необходимость обращения, запроса «*beantragen*», «*Antrag*». Фиксируется корреляция разрешения *Erlaubnis* с профессиональной деятельностью (*Arbeitserlaubnis*), перемещением (*Einreiseerlaubnis*, *Fahrerlaubnis*) и воз-

можностью нахождения, например, на территории другой страны (*Aufenthaltserlaubnis*). Номинация *Erlaubnis* по частотности использования уступает терминам *Genehmigung* и *Zulassung*. В нормативно-правовых актах Германии она встречается 2 181 и 2 516 раз соответственно. Однако именно она является общим обозначением для правовых актов, разрешающих какие-либо действия. Всего различается три вида нормативных актов: разрешающие, запрещающие и предписывающие. *Erlaubnis* используется для обозначения разрешающих нормативных актов.

Еще одним видом разрешающей правовой нормы является *Bewilligung*, данная номинация часто используется в качестве синонима к *Erlaubnis*. В структуре значения *Bewilligung* выделяются семы «*offiziell*» (официальный статус), «*amtlich*» (ведомство, выдающее разрешение), «*auf Antrag*» (подача ходатайства), «*Wunsch*» (наличие желания, намерения) и целый набор сем «*gewähren*», «*genehmigen*», «*zugestehen*», «*zubilligen*», «*erlauben*», коррелирующих с когнитивным признаком «предоставление разрешения» (согласия, одобрение), кроме того, выявляется сема «*schriftlich*» – письменная форма разрешения. В структуре значения *Erlaubnis* фиксируем семы «*jemand*» (обезличенный субъект), «*tun*» (осуществление действия, на которое запрашивается разрешение), «*darf*» (наличие разрешения), «*Genehmigung*», «*Zustimmung*», «*Bestätigung*» (разные форматы выдачи разрешения).

Синонимические отношения между *Bewilligung* и *Erlaubnis* можно зафиксировать, например, в сфере водного права. Использование водоема требует получения одного из видов разрешений: *wasserrechtliche Erlaubnis* или *wasserrechtliche Bewilligung*. Компонент «*wasser*» выражает когнитивный признак водного объекта, а «*rechtlich*» – правовое основание его использования. Требование, необходимость получения разрешения репрезентируются с помощью наречия *zulassungspflichtig*, в котором присутствует дополнительный компонент «*pflchtig*», актуализирующий признак обязательности, а сам формат разрешения выражен компонентом «*zulassung*», позволяющим обобщенно обозначить отдельные виды разрешений: *Erlaubnis* и *Bewilligung* (*Für eine zulassungspflichtige Gewässerbenutzung ist in der Regel eine wasserrechtliche Erlaubnis oder eine wasserrechtliche Bewilligung erforderlich*) [19]. Разрешения выдает соответствующий компетентный орган при особых условиях, семы «*offiziell*» и «*amtlich*» выявлены на начальном этапе, сема особенности, исключительности «*besondere*» не отражена в словарных дефинициях. Исходя из использования грамматического средства – разделительного союза «или», можно сделать вывод о противопоставлении данных лексических единиц в тексте закона. Разница объясняется следующим образом: *Die Erlaubnis gewährt die Befugnis, die Bewilligung das Recht, ein Gewässer zu einem bestimmten Zweck in einer nach Art und Maß bestimmten Weise zu benutzen*. В контексте актуализируются дополнительные признаки: цель, вид и объем использования, а также определенный способ использования. Первый вид разрешения *wasserrechtliche Erlaubnis* предоставляет полномочия,

право на использование водоема («*Befugnis*»), которое **может быть отозвано** в любое время («*widerruflich*»), т.е. данный вид разрешения является **временным** – здесь актуализируется признак временного ограничения действия, не отраженный в словарях общей лексики. В отличие от него второй тип *wasserrechtliche Bewilligung* дает право («*Recht*»), которое также может быть приостановлено, однако данная процедура возможна только при строго определенных условиях, четко прописанных в нормативном акте. В законодательном тексте мы наблюдаем пример противопоставления лексем со схожим значением с целью разграничения отдельных видов разрешений. В том же законе находим еще другой пример распределения лексических единиц в рамках синонимического ряда, где речь идет о необходимости особого разрешения (*eine besondere Zulassung*) в виде *Erlaubnis* или *Bewilligung* (*Hierfür ist fast immer eine besondere Zulassung in Form einer Erlaubnis oder Bewilligung erforderlich*), таким образом, *Erlaubnis* и *Bewilligung* являются разновидностями *Zulassung*, обладающего более общим значением.

Терминологические словосочетания *wasserrechtliche Erlaubnis* и *wasserrechtliche Bewilligung* соотносятся со сферой использования водных объектов. Различные виды водных объектов обобщенно выраженные в компоненте «*wasser*», четко прописаны в текстах нормативно-правового акта. Для их обозначения использованы следующие номинации: *oberirdische Gewässer, Küstengewässer, Meeresgewässer, Grundwasser, künstliche Gewässer, Wasserkörper, Flussgebietseinheit*. Кроме того, обозначены изменения и вредные воздействия на состояние водных объектов, регулируемые данным законом: *erheblich veränderte Gewässer, Gewässereigenschaften, Gewässerzustand, Wasserbeschaffenheit, schädliche Gewässeränderungen, Veränderungen von Gewässereigenschaften*. Без четкого определения терминологических словосочетаний *erheblich veränderte Gewässer* и *schädliche Gewässeränderungen* или *Wasserkörper* и *Flussgebietseinheit* очень сложно гарантировать их корректное законодательное употребление.

Довольно подробно обозначен термин *Wassernutzungen*, при этом синонимичным ему обозначением выступают *Wasserdienstleistungen*, к такому выводу можно прийти на основе анализа утверждения *Wassernutzungen sind alle Wasserdienstleistungen sowie andere Handlungen mit Auswirkungen auf den Zustand eines Gewässers*. Дополнение *andere Handlungen mit Auswirkungen auf den Zustand eines Gewässers* представляет собой «гибкое» терминологическое словосочетание, с помощью которого законодатель стремится максимально охватить сферу возможных действий субъекта правоотношений. В рассмотренном примере можно наблюдать уже выделенный ранее алгоритм использования синонимов в тексте закона: актуализация интегральных сем, фиксируемых в словарных дефинициях, репрезентация дополнительных когнитивных признаков с учетом сферы применения, использование «гибких» терминов в целях обобщения и возможности более широкого толкования текста закона.

Выявленные доминантные когнитивные признаки номинации *Bewilligung*, вербализующей концепт РАЗРЕШЕНИЕ, следующие: статус **официальности** разрешения и официального **статуса** органа, выдающего разрешение («*offiziell*», «*amtlich*»), **обязательность** получения разрешения («*pflicht*»), **предоставление разрешения, одобрение, признание** («*gewähren*», «*genehmigen*», «*zugestehen*», «*zubilligen*», «*erlauben*»). Анализ синонимов, представленных в словаре Duden [15], подтверждает релевантность данных признаков: необходимость **согласования, утверждения** для выдачи разрешения, а также строгое **соответствие установленному порядку** подачи документов (*Entsprechung, Genehmigung, Gewährung, Zubilligung*). Многие примеры использования номинации *Bewilligung*, связаны с финансовой сферой: разрешение на получение **кредитов, субсидий** и др. В текстах отдельных областей права данная лексическая единица проявляет свои оттенки значения. Так в административном праве разрешение (*Bewilligung*) является обоснованием субъективно-публичного права на **специальное использование** (особое использование) **общественной вещи** (например, §§ 8f. WHG) [19]. Мы видим актуализацию уже встречавшегося нам периферийного компонента, не зафиксированного в дефинициях толковых словарей, семы исключительности («*besondere*», «*Sonder*»). В имущественном праве (§ 19 GBO) [19] разрешение *Bewilligung* является необходимым условием для регистрации объекта имущества, здесь разрешение выступает в качестве основания, документа – актуализируется сема «*Schriftform*» и наблюдается метонимический перенос с действия на результат данного действия.

Последняя единица рассматриваемого синонимического ряда *Konzession* представлена в текстах немецкого законодательства в довольно незначительном объеме, однако представляет интерес в целях нашего исследования. Данная лексема встречается всего в 54 документах [19], зато в австрийском законодательстве обнаружен 4 417 [20], а в текстах права ЕС [21] 4 909 примеров. Словарь DUDEN [9] определяет данную лексему как временное «*befristet*» разрешение «*Genehmigung*» регулирующих органов «*behördlich*» на осуществление коммерческой деятельности «*Ausübung eines Gewerbes*», маркируя ее как слово официального стиля, т.е. добавляется функциональная сема. Выделяемые когнитивные признаки данной лексемы **ограничение по времени, официальный статус, осуществление деятельности, сфера коммерческой деятельности, стилистическая принадлежность**. В словарях синонимов она также соотносится с официально-деловым стилем. Юридический словарь [16] дает похожее определение, дополняя коммерческую деятельность компонентом «*Handel*», **сфера торговли**. Кроме того, данное разрешение дает **особое** право на пользование общественной вещью, здесь актуализируются когнитивные компоненты **исключительность и право на использование**.

По результатам анализа единиц синонимического ряда *Zulassung – Genehmigung – Bewilligung – Erlaubnis – Konzession* можно сделать следующие выводы.

У каждой лексемы выявляются дополнительные признаки, определяющие различия между синонимами. Для *Genehmigung* – это возможность получения разрешения постфактум, для *Bewilligung* – особенности сложного процесса получения разрешения и широкий охват форматов выдачи, для *Erlaubnis* – ограничение по времени, возможность отзыва разрешения и соотнесенность с определенной сферой деятельности, для *Konzession* – ограничение срока действия и стилистическая принадлежность. Объем понятия *Zulassung* наиболее широкий, что позволяет употреблять эту лексему как обобщающую для данного ряда синонимов. Номинации, вербализующие концепт РАЗРЕШЕНИЕ, могут соотноситься друг с другом и как лексические единицы одного уровня. Например, в приложении к Положению о сборах и расходах на должностные действия Федеральной администрации железнодорожного транспорта (Федеральное регулирование железнодорожных сборов – BEGebV) [19] в перечне индивидуально рассчитываемых платных услуг *Zulassungen* и *Genehmigungen* использованы наряду с другими обозначениями видов услуг (*Baufreigaben*, *Abnahmen*, *Prüfungen*, *Zulassungen*, *Genehmigungen* und *Überwachungen für Errichtung, Änderung, Unterhaltung und Betrieb der Betriebsanlagen und für Schienenfahrzeuge*).

Второй синонимический ряд *Zustimmung* – *Einwilligung* и *Genehmigung* – также выявлен на основании текстов нормативно правовых актов. В нем проявляются родовидовые отношения. На этот раз *Zustimmung* представляет собой лексему с более широким объемом значения, чем у оставшихся двух единиц синонимического ряда. *Einwilligung* и *Genehmigung* репрезентируют разные стороны концепта разрешения в отношении субъекта правовых отношений. В первом случае это физическое или юридическое лицо, планирующее заключить сделку. Помимо субъекта в данной лексеме актуализируется периферийный компонент «соотношение во времени» (до совершения сделки). Второй термин связан с официальным органом, выдающим разрешение, здесь также на передний план выступает сема «соотношение во времени» (после совершения сделки). Разница в субъектах правовых отношений и временной соотнесенности и определяет выбор данных между номинациями *Einwilligung* и *Genehmigung* для репрезентации концепта РАЗРЕШЕНИЕ.

Еще один синонимический ряд, который мы рассмотрим в рамках данной статьи, *Genehmigung* – *Lizenz* – *Bescheinigung*, существенно отличается от представленных ранее. Синонимические отношения между данными терминологическими единицами зафиксированы на основе текста постановления ЕС 2021/267 от 16 февраля 2021 г. «Об установлении специальных и временных мер в связи с продолжающимся кризисом COVID-19 в отношении замены или продления определенных сертификатов, лицензий и разрешений, переноса сроков определенных регулярных проверок и программ повышения квалификации в определенных областях транспортного права и продления определенных периодов, на предусмотренные

Постановлением (ЕС) на 2020/698 периоды» [21]. *Genehmigung*, *Lizenz*, *Bescheinigung* представляют лексические единицы одного уровня, обозначающие разные виды документов и разрешений. При этом *Bescheinigung* обозначает разные виды документов, содержащих информацию о человеке или каком-либо факте, *Lizenz* – документ, позволяющий в зависимости от отрасли права субъекту права пользоваться объектами или осуществлять определенные виды деятельности, а *Genehmigung* – номинация, используемая для разрешений разного рода. Слово *Lizenz*, по данным словаря LANGENSCHIEDT [12], относится, прежде всего, к сфере экономики. Словарные дефиниции позволяют выделить признаки получения разрешения «*Erlaubnis*», «*Genehmigung*» и предоставления права использования «*Nutzung eines Rechtes*». Исходя из известных нам особенностей терминологических синонимов и структуры самого предложения, можно сделать вывод о том, что данные лексемы представляют гиперонимы, термины верхнего уровня с более общим значением, для каждого из них на основе анализа текстов европейского законодательства можно подобрать синонимическую пару или даже построить синонимический ряд. Очевидно, что выбор в пользу номинации *Lizenz* обусловлен правовым статусом документа – текста постановления ЕС, а также необходимостью в дальнейшем имплементировать данный правовой акт в национальные законодательства стран членов ЕС, т.е. в целях упрощения поиска подходящего эквивалента (*VERORDNUNG (EU) 2021/267 DES EUROPÄISCHEN PARLAMENTS UND DES RATES zur Festlegung besonderer und vorübergehender Maßnahmen im Hinblick auf die anhaltende COVID-19-Krise hinsichtlich der Erneuerung oder Verlängerung bestimmter Bescheinigungen, Lizenzen und Genehmigungen, der Verschiebung bestimmter regelmäßiger Kontrollen und Weiterbildungen in bestimmten Bereichen des Verkehrsrechts und für die Verlängerung bestimmter in der Verordnung (EU) 2020/698 vorgesehenen Zeiträume*) [21].

В своей работе «Английская синонимика» В.Г. Вилюман приводит признаки и условия синонимии, среди которых инвариантный компонент значения и общий смысл, общая формула дистрибуции, сочетаемость и взаимозаменяемость [22. С. 33]. Последний признак требует уточнения в связи со спецификой специальной языковой области – юриспруденции. Изучению сложного характера взаимозаменяемости как критерия синонимии посвящена работа В.А. Белова, в которой он формулирует положение о том, что синонимические ряды разграничиваются по степени асимметричности: высокой, средней и нулевой. Некоторые синонимические ряды могут иметь два ядерных синонима, а в каких-то доминанта может отсутствовать [23. С. 390]. Таким образом, степень асимметричности определяет взаимозаменяемость синонимов. Анализ текстов законодательства позволяет выделить в качестве особенности языка законов возможность взаимозаменяемости лишь в случаях родовидовых отношений между единицами синонимического ряда и только в направлении от частного к общему.

Используя в качестве критерия синонимии сочетаемость и формулу дистрибуции, мы проанализировали употребление рассмотренных нами лексических единиц. Практически все синонимы наиболее часто сочетаются с глаголом *erteilen* или существительным *Erteilung* [14]. В текстах законов речь идет о выдаче разрешений, для обозначения которых используются следующие лексемы: *Genehmigung, Zulassung, Bewilligung, Erlaubnis, Zustimmung, Berechtigung, Befugnis, Bescheinigung* и др. [19]. Можно констатировать, что многие из исследуемых нами словарные единицы часто фиксируются в сочетаниях с другими синонимами, они могут характеризоваться склонностью к развитию значения, уточнения понятия, детализации, объема понятия при этом за счет добавления нового компонента сужается. Вид разрешения может уточняться сферой его действия: *Inbetriebnahme-genehmigung, Erwerb-s-genehmigung, Baugenehmigung*. Может также конкретизироваться сфера использования разрешения и сам факт использования чего-либо; *Erlaubnis, Betriebserlaubnis, Ausbildererlaubnis, Fahr-schulerlaubnis, Fahrlehrerlaubnis, Erlaubnis für bestimmte Gewässerbenutzungen*; синонимия может проявляться на уровне очень специфических обозначений: *Erteilung einer unbefristeten Aufenthaltserlaubnis* oder einer *Aufenthaltsberechtigung, Abrufbefugnis* oder *Datenabrufbefugnis, Triebfahrzeugführerschein* oder *Fahrber-echtigung an Triebfahrzeugführer*.

В процессе проверки критерия сочетаемости удалось на следующем примере обнаружить целый спектр разных видов разрешений, выдаваемых иностранным гражданам: Bei Ausländern, die vor dem 1. Januar 2005 im Besitz einer *Aufenthaltserlaubnis* oder *Aufenthaltsbefugnis* sind, ist es bei der Entscheidung über die Erteilung einer *Niederlassungserlaubnis* oder einer *Erlaubnis zum Daueraufenthalt* – EU hinsichtlich der sprachlichen Kenntnisse nur erforderlich, dass sie sich auf einfache Art in deutscher Sprache mündlich verständigen können. [21]. В данных синонимических отношениях *Aufenthaltserlaubnis* oder *Aufenthaltsberechtigung, Aufenthaltserlaubnis* oder *Aufenthaltsbefugnis, Niederlassungserlaubnis* oder einer *Erlaubnis zum Daueraufenthalt* наблюдается уточнение ключевого понятия – разрешения на пребывание в стране с разными сроками, в разном статусе или для разных целей.

Рассмотренные номинации, репрезентирующие концепт РАЗРЕШЕНИЕ, относятся к одной части речи – имени существительному. При анализе терминосистемы права мы, однако, не ограничиваемся только «именем существительными и словосочетаниями на их основе», поскольку вслед за С.П. Хижняком, считаем, что «глаголы и прилагательные не лишены статуса терминологичности» [24. С. 93].

Анализ глагольных репрезентаций концепта РАЗРЕШЕНИЕ позволил выявить и сгруппировать следующие когнитивные признаки:

КП1 – направленность разрешения, варианты направленности: действие (КП1а), конкретное действие (КП1б), привилегии (КП1в);

КП2 – требования к форме документа, варианты: письменная (КП2а), не обязательно письменная (КП2б);

КП3 – институциональность (ведомство), варианты: (коннотация разрешающего органа есть) (КП3а); связь с институтом права (КП3б), нет (КП3в), зависит не от субъекта, а от нормы права (КП3г);

КП4 – вектор направленности (адресат/предмет), варианты: адресат (КП4а), предмет («*Geldsumme*», «*Antrag*», «*Stipendium*» (КП4б);

КП5 – временная соотнесенность, варианты: действие в будущем (КП5а), регулярно выполняемое действие (КП5б), соотнесенность с уже совершенным действием (КП5в);

КП6 – намерение адресата, варианты: адресат планирует выполнить действие (КП6а), адресат не собирается выполнять действие (КП6б);

КП7 – воля адресата, варианты: необходимость предоставления запроса, формулирования просьбы (КП7а), не имеет значения (независимо от воли адресата) (КП7б);

КП8 модальность, варианты: КП8 разрешено (КП8а), прямо не запрещено (КП8б), обязательность исполнения (КП8в), запрещено (КП8г);

КП9 – наличие третьей стороны, варианты: есть (КП9а), нет (КП9б).

Изучение актуализируемых когнитивных компонентов и сопоставление отдельных глагольных единиц с терминами существительными позволяет более глубоко рассмотреть проблему синонимии и выяснить когнитивные основания данного явления. Схематично можно представить проанализированные значения лексем в виде линейных моделей с обозначением актуализируемых когнитивных признаков:

erlauben КП1б КП2аб КП3а КП4а КП5а КП6а
КП7а КП8а КП9б

genehmigen КП1б КП2а КП3а КП4а КП5в КП6а
КП7а КП8а КП9б

gestatten КП1а КП2а КП3а КП4а КП5аб КП6а
КП7аб КП8а КП9б

gewähren КП1б КП2б КП3б КП4а КП5аб КП6а
КП7а КП8аб КП9б

zulassen КП1аб КП2а КП3а КП4а КП5б КП6а
КП7б КП8б КП9б

zugestehen КП1аб КП2б КП3б КП4а КП5б КП6б
КП7б КП8б КП9б

bewilligen КП1аб КП2а КП3а КП4б КП5а КП6а
КП7а КП8а КП9б

zustimmen КП1а КП2б КП3в КП4а КП5б КП6б
КП7аб КП8б КП9б

billigen КП1аб КП2а КП3б КП4а КП5а КП6а КП7а
КП8а КП9б

einwilligen КП1б КП2б КП3а КП4а КП5б КП6б
КП7б КП8б КП9б

befügen КП1ав КП2б КП3г КП4а КП5б КП6б
КП7б КП8а КП9б

berechtigen КП1ав КП2б КП3г КП4а КП5б КП6б
КП7б КП8б КП9б

ermächtigen КП1а КП2б КП3в КП4а КП5а КП6б
КП7б КП8а КП9а

bevollmächtigen КП1а КП2а КП3в КП4а КП5а
КП6б КП7б КП8а КП9а

Представленный список моделей с установленными на основе словарных дефиниций когнитивными признаками позволяет сделать вывод о схожести концептуальных структур и наглядно показывает, какие компоненты этих структур могут определить выбор одной или другой лексемы в конкретных контекстах, а также выявить концептуальные признаки, выполняющие функцию связующего звена.

Так, например, анализируя основания выбора в пользу глагола *genehmigen* при наличии частотного синонима *erlauben*, можно сразу увидеть, что основная дифференциальная сема – это признак соотносительности с уже совершенным действием **КП5в/КП5а**, мы уже упоминали, что получить разрешение *Genehmigung* или одобрить что-то *genehmigen* можно постфактум «*nachträglich*».

В синонимичной паре *erlauben* – *bewilligen* основным различающимся компонентом служит вектор направленности (на объект или на субъект: разрешать кому-то что-то или просто что-то). Можно утверждать, что наличие дифференциальных признаков или актуализация разных сем в определенных контекстах может служить основанием явления синонимии в текстах законодательства.

Понятие права неотделимо от понятия правосознания, т.е. формы общественного сознания в отношении юридической действительности, уникально реализующегося в разных государствах. Национально-когнитивное восприятие мира влияет на формирование отраслевой терминологии. Изучая когнитивные основания явления синонимии в правовых текстах, необходимо учитывать территориальную специфику терминологического корпуса национальных немецкоязычных законодательств. В процессе законотворчества представителей разных национальностей возникают равнозначные термины или термины с частично совпадающим значением, отражающие национальное восприятие правовых явлений, а также исторические закономерности и особенности развития юридической терминологии в рамках национальных законодательств.

В настоящее время можно наблюдать активные процессы, направленные на унификацию правовой терминологии в рамках единого глобального пространства. Национальная правовая идентичность является камнем преткновения в процессе унификации правовых норм, поскольку представления и оценки людей относительно совпадения юридических норм с общественными требованиями обусловлены традициями и культурными особенностями страны. Интересно, что чем сильнее стремление сблизить разные правовые системы в рамках Европейского союза, уравнивать правовые нормы разных стран, тем выше национальное правовое самосознание, тем острее желание сохранить свою идентичность. В словаре терминологических различий в области права Германии и Австрии [18] зафиксировано 2 тыс. австрийских терминологических единиц, отличающихся по форме и (или) содержанию от терминов права Германии.

В продолжение рассмотрения синонимии при презентации концепта РАЗРЕШЕНИЕ, стоит отметить, что в корпусе права Германии представлены

термины *erlaubnispflichtiges Gewerbe/ genehmigungspflichtiges Gewerbe* (§ 18, GewO) [17], которым в законодательстве Австрии соответствуют терминологические единицы *gebundenes Gewerbe* и *reglementiertes Gewerbe* (§ 29, GewO) [18]. Первая пара зафиксирована в словаре как случай функционально эквивалентных синонимов, у второй пары значения совпадают лишь частично. На основе анализа употребления немецкого термина в тексте закона можно выявить когнитивные признаки **исключительности** и **вида деятельности**, в то время как в тексте австрийского закона речь идет о **конкретных**, перечисленных видах деятельности, требующих разрешения. Словарь DUDEN фиксирует особенности национального употребления отдельных лексем, например для единицы *Zulassung* приводится распространенное в Австрии значение ‘разрешения на обучение в высшем учебном заведении’, одновременно представляющее **процесс**, **факт** получения разрешения и **документ**, удостоверяющий это. В этом случае мы наблюдаем процесс метонимизации, переноса значения на основе смежности, кроме того, актуализацию периферийного компонента «доступ».

Исследование синонимии невозможно без учета особенностей функционирования и взаимопроникновения национальных законодательств и права ЕС. Необходимость в унифицированном правовом регулировании уже возникала в период существования Священной Римской империи германской нации. Среди базовых нормативных документов этого государственного образования можно выделить избирательные капитуляции императоров, которые закрепляли права и свободы различных имперских сословий, а значит были ориентированы на широкий круг реципиентов. Этот документ незначительно варьировался в содержательной части и позволяет проследить развитие немецкого юридического языка, а также сделать вывод о его лидирующей позиции в Европе на протяжении длительного времени. О важности данного документа пишет и Вольфганг Бургдорф. Он приводит слова известного правоведа XVIII в. Кристиана Августа Бека. «Они (избирательные капитуляции. – Прим. авт.) заслуживают особого внимания, потому что в них заключалось все государственное право» [25. С. 10].

В текстах капитуляций встречается большое количество парных выражений, типичных для немецких правовых текстов, представляющих особый интерес в рамках нашего исследования. Лексемы, входящие в состав таких выражений, часто характеризовались близостью значений. Можно выделить целую группу таких парных выражений: *schützen und schirmen, Recht und Billigkeit, Recht und Gerechtigkeit*; это могли быть слова, обозначающие действия, направленные на один и тот же объект *die ihm geschwächt, genommen, entzogen worden, suspendieren und ausschließen, halten und leisten (den Schutz)*; или связанные с одним и тем же субъектом *einwilligen und bestätigen, versetzen und verkaufen*. Объединение слов в пары происходило, скорее всего, с целью **уточнения понятий**, либо достижения наиболее **полного их определения**, либо **перечисления** возможных юридических действий.

Слова, которые ранее объединялись в пары в законодательных текстах, дополняли друг друга, поясняли друг друга или обозначали одинаковые или схожие понятия, сегодня развили свои сферы употребления. Обозначения *rechtlich* (законный, правовой) и *gültig* (действительный), хотя и могут находиться в границах одного концепта, но не заменяют друг друга. Это можно увидеть в таких сочетаниях, как *ein gültiger Ausweis, Fahrschein* или *einen Vertrag als gültig anerkennen* (DUDEN), но *rechtliche Fragen* или *einen rechtlichen Anspruch auf etwas haben*.

Наибольший интерес представляет группа парных выражений с заимствованным компонентом: *Erbschaft* oder **Succession**, *confirmieren* und *bestätigen*, *Contract* oder *Bündnis*, *contravenieren* und *zuwiderhalndeln*, *Genehmigung* und *Approbation*. Иностраннй компонент выделялся на письме и в печати специальным шрифтом. Роль немецкого компонента, на наш взгляд, заключалась в **уточнении, пояснении** латинского термина. Интересен тот факт, что многие из этих слов так и не ассимилировались в немецком языке, а в XIX в. попали в список «вредоносных слов», от которых предлагали избавиться пуристы, ратовавшие за чистоту родного языка. Сегодня проблема избыточного использования заимствованных слов вновь актуальна. Термины **Succession, Kontrakt, Approbation, Lizenz, Klient** употребляются в текстах права ЕС наряду с принятыми в национальных немецкоязычных законодательствах *Erbschaft, Vertrag, Genehmigung, Erlaubnis/ Berechtigung, Kunde*, обнаруживая избыточность в употреблении разных лексических единиц для обозначения одного понятия, или приобретают свои оттенки значения, закрепляясь в терминологическом корпусе немецкого права. Например, *Approbation* закрепилось в немецком юридическом дискурсе в узком значении разрешения на осуществление деятельности в качестве врача или аптекаря.

Изучение лексем, использовавшихся в процессе становления правовой терминологии, и анализ исторических законодательных текстов позволяют сделать вывод о том, что все приведенные нами номинации, вербализующие концепт РАЗРЕШЕНИЕ, давно попали в лексический состав немецкого языка и сформировали доминантные когнитивные компоненты своих значений. Интересно, что для обозначения различных видов разрешений в ранние периоды истории немецкого права использовались номинации с более прозрачной концептуальной структурой, хорошо просматриваемой внутренней формой. Например, *Machtbrief*, согласно определению исторического юридического словаря [26], обозначало виды «письменных» разрешений *«schriftliche» Erlaubnis, Genehmigung*. Компонент *«brief»* отсылает нас к определенной форме, в которой выдавались такие разрешения, а с помощью компонента *«Macht»* актуализируется сема «полномочия/правомочия», которая сегодня выявляется в структуре *Ermächtigung* или *Bevollmächtigung*. Другой пример – *Bergkonsens* – *bergbehördliche Genehmigung*, первый компонент отсылает нас к сфере регулирования – горнодобываю-

щей промышленности, а второй компонент раскрывает дополнительные факторы, влияющие на получение разрешения, как-то дополнительные консультации или согласование с вышестоящими органами. Интересно отметить, что лексема *Erlaubnis* часто коррелировала с субъектом правоотношений – судьей, а ранее с *шультгайсом* или *солтысом*, должностным лицом, назначаемым королем, для наблюдения за исполнением представителями той или иной общины своих обязанностей перед королем. Вероятно, этот исторический факт зафиксирован во внутренней форме данной лексической единицы, стершейся к настоящему моменту, и позволяет актуализироваться таким периферийным компонентам, как возможность «отзыва» разрешения или «сложности» процедуры его получения.

Заключение. В результате проведенного исследования представляется возможным подтвердить наличие феномена синонимии в языке права. Подробно описаны когнитивно-прагматические параметры механизма моделирования синонимической пары или группы, используемых в немецких законодательных текстах. Проблема синонимии раскрывается в совершенно новом свете в ракурсе изучения процессов категоризации и концептуализации в терминологии, а также применения методов дефиниционного и контекстного анализа. Данное явление проявляется в способности терминов-синонимов дополнять, уточнять значение основного термина-определителя (доминанты), выражать родовидовые отношения, а также выявлять особые признаки репрезентируемого явления, как, например, «исключительность» или «временное соотношение» в рамках концепта РАЗРЕШЕНИЕ. Актуализация концептуальных признаков в определенных условиях служит идентификаторам объекта, правового действия или процедуры как фрагмента общей картины мира. Смоделированная структурная модель синонимичных глагольных лексем помогает установить общие и дифференцирующие признаки. Рассмотрение отдельных концептов на разных этапах становления правовой терминисистемы способствует глубокому изучению их структуры, выявлению закреплённых во внутренней форме слова основных и вторичных признаков, контекстный анализ позволяет описать условия и причины актуализации когнитивных признаков. Контекст или закрепившаяся в правовых текстах традиция являются дополнительными факторами, влияющими на установление синонимичных отношений между номинациями одного концепта. Рассмотрение номинаций концепта в законодательных текстах немецкоязычных стран и права ЕС позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений правовой действительности сознанием представителей разных стран.

Исследование синонимических отношений в терминологии права способствует более четкой дифференциации признаков, различающих правовые понятия, а следовательно, совершенствованию нормотворческой деятельности и практики правоприменения.

Список источников

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
2. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие. М. : Колос-Пресс, 2003. 544 с.
3. Чернышева Л.А. О национально-когнитивной синонимии терминов // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 46–52.
4. Савицкий В.М. Язык процессуального закона: Вопросы терминологии. М. : Наука, 1987. 288 с.
5. Хижняк С.П. Терминологическое значение, концептуальное содержание и дефинитивная основа системности юридической терминологии. // Вестник СГЮА. 2013. № 2 (91). С. 208–213.
6. Татаринов В.А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь. М. : Московский Лицей, 2006. 527 с.
7. Берзина Г.П. Кластер концептуальных признаков уступительности понятийной // Язык и культура. 2013. № 2. С. 13–22.
8. Касьян Л.А. Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 50–53.
9. DUDEN. Duden-Online Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 16.04.2021).
10. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Mit einem «Lexikon der deutschen Sprachlehre». Gütersloh, München : Bertelsmann Lexikon Institut, 2006. 1728 S.
11. PONS Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. URL: <https://ru.pons.com> (дата обращения: 10.04.2021).
12. LANGENSCHIEDT Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin ; München ; Wien ; Zürich ; New York : Langenscheidt, 2010. 1513 S.
13. Duden. Das Stilwörterbuch. 10., überarbeitete und erweiterte Auflage. Bd 2. Berlin : Dudenverlag, 2017. 1104 S.
14. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 12.05.2021).
15. Synonymenwörterbuch. URL: <https://synonyme.woxikon.de> (дата обращения: 12.05.2021).
16. Rechtswörterbuch. URL: <https://rechtslexikon.net> (дата обращения: 27.04.2021).
17. Gabler Wirtschaftslexikon. URL: <https://wirtschaftslexikon.gabler.de> (дата обращения: 15.05.2021).
18. Muhr R., Peinhopf M. Wörterbuch rechtsterminologischer Unterschiede Österreich-Deutschland. Peter Lang GmbH, 2015. 748 S.
19. Bundesamt für Justiz. Gesetze im Internet. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 12.04.2021).
20. Rechtsinformationssystem. Bundesministerium für Digitalisierung und Wirtschaftsstandort. URL: <https://www.ris.bka.gv.at> (дата обращения: 15.04.2021).
21. EUR-Lex. Zugang zum EU-Recht. URL: <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html?locale=de> (дата обращения: 15.04.2021).
22. Вилюман В.Г. Английская синонимика: Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1980. 128 с.
23. Белов В.А. Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 3. С. 390–411.
24. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1997. 132 с.
25. Duchhardt H. Wahlkapitulationen in Europa. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht GmbH, 2015. 172 S.
26. Deutsches Rechtswörterbuch der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. URL: <https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw/info/index.html> (дата обращения: 21.05.2021).

References

1. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and Cognitive Analysis of Language]. Voronezh: Istoki.
2. Goyman-Kalinskiy, I.V., Ivanets, G.I. & Chervonyuk, V.I. (2003) *Elementarnye nachala obshchey teorii prava* [Elementary Principles of the General Theory of Law]. Moscow: Kolos-Press.
3. Chernysheva, L.A. (2009) On national-cognitive synonymy of terms. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*. 1. pp. 46–52. (In Russian).
4. Savitskiy, V.M. (1987) *Yazyk protsessual'nogo zakona: Voprosy terminologii* [The Language of Procedural Law: Questions of terminology]. Moscow: Nauka.
5. Khizhnyak, S.P. (2013) Terminological meaning, conceptual content and definition basis of the systematic character of legal terminology. *Vestnik SGYuA*. 2 (91). pp. 208–213. (In Russian).
6. Tatarinov, V.A. (2006) *Obshchee terminovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [General Terminology. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Moskovskiy Litsey.
7. Berzina, G.P. (2013) Cluster of cognitive signs of conceptual concession. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2. pp. 13–22. (In Russian).
8. Kas'yan, L.A. (2010) Term concept in modern linguistics: its different interpretations. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta – Yugra State University Bulletin*. 2 (17). pp. 50–53. (In Russian).
9. DUDEN. (n.d.) Duden-Online Wörterbuch. [Online] Available from: <https://www.duden.de> (Accessed: 16.04.2021).
10. Wahrig, G. (2006) *Deutsches Wörterbuch. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre"*. Gütersloh, München: Bertelsmann Lexikon Institut.
11. PONS Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. (n.d.) [Online] Available from: <https://ru.pons.com> (Accessed: 10.04.2021).
12. Götz, D. (ed.) (2010) *LANGENSCHIEDT Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt.
13. Dudenredaktion. (2017) *Duden. Das Stilwörterbuch*. 10th ed. Vol 2. Berlin: Dudenverlag.
14. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.dwds.de> (Accessed: 12.05.2021).
15. Woxikon. (n.d.) *Synonymenwörterbuch*. [Online] Available from: <https://synonyme.woxikon.de> (Accessed: 12.05.2021).
16. Rechtswörterbuch. (n.d.) [Online] Available from: <https://rechtslexikon.net> (Accessed: 27.04.2021).
17. Gabler Wirtschaftslexikon. (n.d.) [Online] Available from: <https://wirtschaftslexikon.gabler.de> (Accessed: 15.05.2021).
18. Muhr, R. & Peinhopf, M. (2015) *Wörterbuch rechtsterminologischer Unterschiede Österreich-Deutschland*. Peter Lang GmbH.
19. Bundesamt für Justiz. (n.d.) *Gesetze im Internet*. [Online] Available from: <https://www.gesetze-im-internet.de> (Accessed: 12.04.2021).
20. Rechtsinformationssystem des Bundes. (n.d.) *Bundesministerium für Digitalisierung und Wirtschaftsstandort*. [Online] Available from: <https://www.ris.bka.gv.at> (Accessed: 15.04.2021).
21. EUR-Lex. Der Zugang zum EU-Recht. (n.d.) [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html?locale=de> (Accessed: 15.04.2021).
22. Vilyuman, V.G. (1980) *Angliyskaya sinonimika: Vvedenie v teoriyu sinonimii i metodiku izucheniya sinonimov* [English Synonymy: An Introduction to the theory of synonymy and the methodology of studying synonyms]. Moscow: Vysshaya shkola.
23. Belov, V.A. (2018) Interchangeability as the feature of synonymy (experimental and corpus research). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 3 (15). pp. 390–411. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu09.2018.306
24. Khizhnyak, S.P. (1997) *Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav* [Legal Terminology: Formation and composition]. Saratov: Saratov State University.

25. Duchhardt, H. (2015) *Wahlkapitulationen in Europa*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH.
26. Heidelberger Akademie der Wissenschaften. (n.d.) *Deutsches Rechtswörterbuch*. [Online] Available from: <https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw/info/index.html> (Accessed: 21.05.2021).

Информация об авторе:

Березовская А.В. – соискатель кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; переводчик Постоянного представительства Российской Федерации при международных организациях в Вене (г. Вена, Австрия). E-mail: frau.berezovskaya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Berezovskaya, external postgraduate student, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs Russia (Moscow, Russian Federation); Permanent Mission of the Russian Federation to International Organizations in Vienna (Vienna, Republic of Austria). E-mail: frau.berezovskaya@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2021;
одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 24.06.2021;
approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 82-94
doi: 10.17223/15617793/477/2

«Из этой власти мы никогда не выйдем»: литературоцентризм «Воспоминаний» Г.Н. Потанина

Александр Юрьевич Горбенко^{1, 2}

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

² Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
^{1, 2} al_gorbenko@mail.ru

Аннотация. «Воспоминания» лидера сибирского областничества Г.Н. Потанина рассматриваются в качестве текста, доминантой которого является литературоцентричность. В процессе описания собственной жизни Потанин постоянно ориентировался на различные литературные тексты (Ч. Диккенса, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др.) и – шире – сам феномен фикциональной литературы. Выявляются и описываются различные модусы литературоцентризма, взаимодействовавшие друг с другом в потанинских мемуарах.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, областничество, эго-документ, литературоцентризм, ролевая модель, житиетворчество

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Для цитирования: Горбенко А.Ю. «Из этой власти мы никогда не выйдем»: литературоцентризм «Воспоминаний» Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 21–28 doi: 10.17223/15617793/477/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/2

“We will never get out of this power”: The literary centrism of *Vospominaniya* by Grigory Potanin

Aleksandr Yu. Gorbenko^{1, 2}

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
^{1, 2} al_gorbenko@mail.ru

Abstract. The article discusses the specificity of the literary centrism of *Vospominaniya* [Memories] by Grigory Potanin, which became the final book of the leader of Siberian regionalism. The subject of the study determined the composition of the material taken. In addition to *Vospominaniya*, the analysis involves *Krymskie Pis'ma Sibiryaka* [The Crimean Letters of a Siberian], the brochure *Vozrozhdenie Rossii i Ministerstvo Narodnogo Prosveshcheniya* [The Revival of Russia and the Ministry of Public Education], Potanin's anniversary speech in 1915, as well as letters from the “senior” regionalist (first of all, letters to his second wife, the poetess M.G. Vasilyeva). The author refers to the methodology of research in the field of life-creation (Sh. Shahadat, A.L. Zorin), works on the literary centrism of Russian culture (Yu.M. Lotman, M. Berg, A.I. Zhuravleva), milestone research in Siberian studies (B.A. Chmykhalo, K.V. Anisimov, A.V. Remnev). The aim of the article is to consider the modes of literary centrism of *Vospominaniya* in the context of the literary centrism of Potanin's worldview and the views of “senior” regionalists on the relationship between literature and extra-literary reality. Though *Vospominaniya* belongs to non-fictional literature, its text is dominated by literary centrism. The key modes of literary centrism of the book are revealed. Their correlation with other manifestations of the literary centrism of Potanin's worldview is traced. The analysis led to the following conclusions. In his memoirs, Potanin intended to represent the events of his own life through the prism of literature as a reservoir of plot and behavioral models and psychological proto-narratives. Life in the cadet corps is portrayed as a place of spontaneous life-creation experience, the source of which was Nikolai Gogol's prose (first of all, *Taras Bulba*). The departure to St. Petersburg University is described with the help of an ironic auto-projection onto the mythologized biography of Mikhail Lomonosov. The episode of the meeting with Dostoevsky in Semipalatinsk is created according to the patterns of a scene from *Mertvye Dushi* [Dead Souls]. While developing “purely Siberian topics” in his *Vospominaniya*, Potanin actively turned to the resources of all-Russian literature, using its most significant achievements, which conflicted with the regional program of the 1860s–1870s and was more difficult to correlate

with Potanin's views of the 1900s–1910s. Fictional literature did not occupy a dominant place in Potanin's legacy (and in that of "senior" regionalists in general), either structurally or in purely quantitative terms. At the same time, Potanin's most varied works had an almost invariable literature-centric focus, the apotheosis of which was *Vospominaniya*.

Keywords: Grigory Potanin, regionalism, ego-document, literature centrism, role model, life-creation

Financing: The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884.

For citation: Gorbenko, A.Yu. (2022) "We will never get out of this power": The literary centrism of *Memories* by Grigory Potanin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 21–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/2

Тезис о литературоцентричности русской культуры привычен, и, казалось бы, не требует специального обоснования или, напротив, опровержения. М. Берг считает, что «[л]итературоцентристские тенденции в русской культуре появились с момента возникновения в России института светской письменности <...>» [1. С. 183]¹. В самом деле, в отечественном социально-культурном поле Нового времени литература и как феномен, и как институт занимает уникальное по своей значимости место, доминируя над другими, менее развитыми социально-культурными практиками и институтами. По словам А.И. Журавлевой, «такое положение объясняется не только небывалым взлетом литературы как эстетического феномена, но и особенностями нашей истории. Когда общество было практически отстранено от участия в политике, умственная жизнь нации (во всяком случае ее гуманитарные аспекты) сосредоточилась главным образом в литературе, а начиная с определенного периода и в литературной критике». В результате именно «литература быстро стала одним из важнейших факторов, позволявших ориентироваться в реальности» [3. С. 253].

Кроме этого базового значения, мы будем понимать литературоцентризм как 1) интертекстуальную насыщенность текста; 2) установку на осмысление и репрезентацию жизни сквозь призму литературных сюжетов, т.е. важнейшее (по крайней мере, для русской культуры) слагаемое житнетворчества, условие, необходимое для возникновения житнетворческой практики, поскольку именно литература на протяжении XIX столетия была главным поставщиком моделей поведения и «эмоциональных матриц» человека² (ср.: [5, 6]). Разумеется, оба эти модуса литературоцентризма тесно (иногда – до неразличимости) связаны между собой в произведениях, которые так или иначе втянуты в орбиту житнетворческих практик.

Мы будем рассматривать мемуары лидера сибирского областничества Г.Н. Потанина (1835–1920), которые он создавал в 1900–1910-е гг. в Томске (где поселился в 1902 г. и прожил до самой смерти) с помощью местной учительницы географии Н.П. Карповой³, с точки зрения их литературоцентристской доминанты.

Прежде чем обратиться к «Воспоминаниям», отметим, что круг примеров литературоцентричности мировоззрения Потанина отнюдь не ограничивается этой книгой, охватывая и другие его нефикциональные тек-

сты. Приведем несколько разноплановых примеров (число которых, безусловно, может быть существенно умножено). В «Крымских письмах сибиряка» (1876) Потанин, описывая избыток комфорта, которым он был окружен в ялтинской гостинице «Россия», признается, что «чувствовал себя, как "мещанин во дворянстве"» [9. Т. 7. С. 190]. Другой пример – небольшой травелог под названием «Из записной книжки сибиряка», четвертая часть которого («Омск») носит подзаголовок «Город Акакиев Акакиевичей» (см.: [9. Т. 7. С. 216–219]). Многократно упомянув в этом разделе своего сочинения героя гоголевской «Шинели», Потанин, в частности, пишет: «Мне всегда Омск казался, а теперь еще больше кажется похожим на старую шинель Акакия Акакиевича с грязной ватой, вылазющей из прорех, с обтрепанным подолом, с плешинами на воротнике и с тем равновесием смерти и жизни, которое обнаруживается в периодическом появлении заплат и мест, где старая ткань начинает вновь мучительно расползаться в стороны» [9. Т. 7. С. 217].

Эксплуатация интертекстуальных связей с фикциональной словесностью и (или) литературных клише могла касаться и программных теоретических работ Потанина. Так, в брошюре «Возрождение России и Министерство народного просвещения», которую, по словам К.В. Анисимова, можно «рассматривать <...> как вершину творчества Потанина пореволюционных лет» [10. С. 301], он рассуждает о соотношении интернационалистского и областнического «политических направлений». Говоря о человеке, с детских лет увезенном из родных мест, Потанин использует реминисценцию из лермонтовского стихотворения «Тучи»: «Приходится оторвать его от любимых улиц, от любимых полей и лесов и поставить в совершенно новую обстановку, перенести от милого севера в сторону южную» [10. С. 302].

Потанин активно прибегал к ресурсам фикциональной литературы и в своем чрезвычайно обширном эпистолярии, прежде всего – в письмах к М.Г. Васильевой, сибирской поэтессе, впоследствии ставшей его второй женой. В этом корпусе писем он опирался на широкий круг литературных претекстов – от А.С. Пушкина⁴, А.А. Фета⁵ и А.П. Чехова⁶ до П.Б. Шелли⁷ и Г. Гейне⁸.

Наконец, отметим, что референты потанинских аллюзий чаще всего находились в области литературы, но сфера претекстов его сочинений включала в

себя и другие искусства. Например, в уже цитировавшихся «Крымских письмах сибиряка», содержащих такое описание поездки в горы с компанией спутников, читаем: «У каждого сзади была сумка из грубой шерстяной материи с теплым платьем, бельем и булками; по всей вероятности, мы напоминали в это время фигуры вувермановских картин» [9. Т. 7. С. 193]. Другой подобный пример обнаруживается в третьей части «Воспоминаний»: «Мне также в эти моменты Алтай напоминал картину Иванова “Мария Магдалина”, на лице которой, как мне говорили художники, в одно и то же время в глазах блещут слезы, а на устах играет улыбка» [9. Т. 6. С. 71].

Переходя к «Воспоминаниям», сразу подчеркнем, что в этой книге Потанина отчетливо выделяются два модуса литературоцентричности. Первый из них состоит в интертекстуальной насыщенности текста, однако доминирует, как мы постараемся показать, другой модус. Дело не столько о том, что потанинские мемуары изобилуют отсылками к разнообразным литературным произведениям, сколько в том, что в них реализовалась авторская установка на репрезентацию событий собственной жизни и участвовавших в них людей сквозь призму литературы как резервуара сюжетных и поведенческих моделей и «психологических протонарративов», т.е., по словам А.Л. Зорина, «эмоциональной матрицы» (курсив автора. – А.Г.), задающей нормы переживания» [12. С. 14].

Так, рассказывая о своих планах отправиться в Петербургский университет, Потанин сравнивает себя с Ломоносовым, чья мифологизированная биография стала парадигмальной для русской культуры ролевой моделью: «Мои надежды найти средства на поездку рушились. Я начал, наконец, подумывать, нельзя ли мне совершить путь до Петербурга пешком, как Ломоносов» [9. Т. 6. С. 103].

Вслед за этим мемуарист говорит о трудностях, связанных с принятием этого решения и носящих по преимуществу стилистический характер: «Почему-то сразу я не мог решиться на это; казалось очень трудным переменить платье; нельзя же было пуститься в этот путь, примкнув к обозу и вступить в компанию с ямщиками, – в городском пиджаке и городских сапогах. Я думал, что надо купить зипун и бродни, но это переодевание походило на комедию. Боялся, как бы людей не насмешить» [9. Т. 6. С. 103]. Это осознание риска невольно переключиться в комический регистр, сопровождающийся обязательным переодеванием, подчеркивает литературоцентричную оптику мемуариста: Потанин выдвигает на первый план не биографическую прагматику, а эстетическое измерение поступка, жеста и позы.

Одновременно с этим Потанин помещает рассказ о своем пути в Петербург в еще одну литературную перспективу, сопоставляя его с первым походом в театр персонажа рассказа, опубликованного в журнале, издававшемся Диккенсом. В этом рассказе «маленький мальчуган в первый раз отправляется в театр, с трепетом ждет минуты, когда выедет из дома. А вдруг какое-нибудь несчастье? У мамы разорвется юбка, и придется отложить удовольствие на неопределенное время. Так и я все время от Томска до выез-

да из ворот заводского двора был не уверен, доеду ли я до Петербурга. Но, как только наш возок выкатился на улицу, я почему-то почувствовал, что теперь уж нет никаких препятствий, никто и ничто не помешает моей заветной мечте осуществиться. Какой контраст! В моей груди сердце стучало от радости, а сзади еще меня провожали крики несчастного со шпичрутенами» [9. Т. 6. С. 105]⁹.

Ч. Диккенс в интересующей нас перспективе появляется и на других страницах потанинских мемуаров, в частности, при описании впервые увиденного повествователем Томска: «Здесь большая улица, большие дома в несколько этажей, тротуары, которых я еще никогда не видел, ворота под домом, о которых я читал только в романах, – все это вместе и, наконец, нищие, окружившие нас, показалось картинкой из романа Диккенса» [9. Т. 6. С. 99].

Потанин специально подчеркивал важность прозы Диккенса для собственного читательского опыта и – шире – для становления людей своего круга: «Я с особым увлечением читал Диккенса вместе с моим другом Александром Дмитриевичем Лаптевым. В то же самое время увлекался Диккенсом и другой мой друг Чокан Валиханов. Мы все трое воспитывались на этом писателе и унесли уважение и благодарность к нему далеко за стены учебного заведения» [9. Т. 6. С. 50]. Более того, влияние Диккенса распространялось не только на читательскую практику будущего областника, но и на его литературные опыты – вспоминая о своих ранних рассказах, Потанин пишет: «<...> кажется, в обоих <...> я старался подражать Диккенсу» [9. Т. 6. С. 56]¹⁰.

Позднее, описывая омский период своей жизни, мемуарист изображал гостиную Екатерины Ивановны Капустиной (родной сестры Д.И. Менделеева), в которой «собиралось интересное, образованное и либеральное общество» Омска: «Здесь читали и поклонялись Чарльзу Диккенсу <...>» [9. Т. 6. С. 82]¹¹.

Такое влияние Диккенса на сибирских читателей неудивительно, поскольку книги английского прозаика были вообще широко распространены среди читающей отечественной публики середины и второй половины XIX в. Они имелись во всех каталогах библиотек для чтения за 1879–1881 гг.¹², а по количеству упоминаний его имени в рецензиях, печатавшихся в русских «толстых журналах» за период 1880–1881 гг. (7), Диккенс обогнал Салтыкова-Щедрина (6), а также Некрасова, А.Н. Островского и А.С. Пушкина (все – по 5)¹³. Говоря о литературных вкусах своей покойной супруги А.В. Лаврской-Потаниной, Потанин отмечает, что одним из ее любимых романистов был Диккенс [9. Т. 7. С. 75].

Однако главным резервуаром, из которого Потанин черпал ресурсы при формировании своей литературоцентрически-жизнетворческой оптики, стали все же не произведения Диккенса, а проза Н.В. Гоголя. Чтение гоголевских произведений будущий областник впервые услышал в детстве, но «содержание этих произведений не задержалось в моей памяти: как будто какая-то губка тотчас смысла с моей памяти отдельные фразы, которые на нее ложились <...>» [9. Т. 6. С. 32].

При этом в памяти Потанина «хорошо сохранились картинки, созданные живым детским воображением под влиянием чтения. Детская голова выпустила из памяти все диалоги, произнесенные Хлестаковым в то время, как он сидел в трактире без денег и голодный, но зато моя детская фантазия живо создала обстановку, в которой находился Хлестаков. Она оклеила комнату желтыми обоями, разукрасила их до мельчайших подробностей, вероятно, позаимствовав материал из ситцев и др. материй, виденных раньше. Все это, — резюмирует Потанин, — и подлинные строки Гоголя, и комната, созданная моим воображением, улетучилось из моей памяти, но впоследствии, когда сочинения Гоголя попали в мои руки, тщательно забытое вдруг живо проснулось в моей памяти.

Дошедши до одного места, я вдруг подумал: “Да это знакомая комната! Я уже в ней был. Это те самые желтенькие обои, те самые цветочки, которые я видел в детстве!” Воскресли в памяти не речи Хлестакова и Осипа, а только то, что было создано моим собственным творчеством» [9. Т. 6. С. 32].

Итак, образный репертуар, созданный воображением Потанина (который вступает в отношения творчества с Гоголем: «Воскресли в памяти не речи Хлестакова и Осипа, а только то, что было создано моим собственным творчеством») под влиянием переживания гоголевских произведений, стал «кодирующим устройством» (Ю.М. Лотман) по отношению к окружающей будущего областника действительности.

В начале пятой части «Воспоминаний» Потанин использует серию метафор, которые, в сущности, обосновывают его литературоцентрическую оптику (показательно, что одна них при этом сама является оптической). Закономерно, что делает он это с помощью отсылок к героям Гоголя и Чехова: «Ноздрев, унтер Пришибеев и другие герои Гоголя и Чехова — это те же выветрившиеся стекла, отливающие цветами радуги, те же истерзанные соломенные шляпы и стоптанные каблуки. А если бы их не было, как бы наша жизнь побледнела и потеряла свои краски» [9. Т. 6. С. 126]. Выше Потанин упоминает картину немецкого художника А. Ахенбаха, который содержит, в частности, описание окна изображенного на картине дома, замеченных художником П.П. Дюжиным, с которым Потанин посещал выставку: «Мой спутник Дюжин <...> указал мне на огромное окно в чердаке, в котором он усмотрел умысел художника изобразить выветрившиеся стекла, отливающие радужными цветами перламутра. Я тоже всмотрелся в это окно, но никакой иллюзии не почувствовал. Мне показалось, что художник сделал неудачную попытку, и я бы ее не заметил, если бы мне не указал мой опытный спутник. Тем не менее это открытие Дюжина усилило во мне впечатление картины; от нее еще более повеяло горячей сыростью» [9. Т. 6. С. 125]¹⁴.

Повествуя во второй главе мемуаров о годах своего пребывания в сибирском кадетском корпусе (речь идет о второй половине 1840-х гг.), Потанин вспоминает об эпизоде, который можно счесть важным юношеским стихийным житетворческим опытом. «На казаков сильное действие произвел повесть “Та-

рас Бульба”»; мы увидели нечто общее между нами и героями Гоголя и почувствовали себя сродни тем республиканцам, которые избирали Кирдягу кошевым атаманом. Мы до того увлеклись повестью Гоголя, что распределили имена героев между собою; среди нас появились: Тарас Бульба, Остап, Андрий» [9. Т. 6. С. 42–43].

Дальнейший рассказ убеждает читателя в том, что персонажи «Тараса Бульбы» стали не просто источниками кадетских прозвищ, превратились в ролевые житнетворительные модели, что свидетельствует о гораздо более решительном и семиотически насыщенном пересечении границы между искусством и жизнью.

В этой же главе Потанин вспоминает об обособленности ротных и эскадронных кадет. Одни жили в бельэтаже («это была Европа»), другие («Азия») — на нижнем этаже [9. Т. 6. С. 42]. Эта обособленность сказалась и в кадетских играх, причем изначальное разделение (которое, по предположению Потанина, «было сделано с намерением сохранить дворянскую чистоту в детях дворян») наложилось на популярную в корпусе «игру в войну русских с киргизами» [9. Т. 6. С. 43]. В результате оппозиция кадетов, продиктованная уже пространственной семиотикой корпуса, была усилена наложением на нее этнической дихотомии, усвоенной при распределении ролей. «[Р]оль киргиз, конечно, выполняли казаки, а ротные изображали русских» [9. Т. 6. С. 43]. Это двойное напряжение отчасти было снято кадетами с помощью рецепции «Тараса Бульбы»: «Все или многое в наших отношениях к бельэтажу убеждало нас, что мы низшая раса, но повесть Гоголя и романтическая история Малороссии поднимали нас в наших глазах, так как герои Малороссии были тоже казаки, и между ними и нами было что-то общее» [9. Т. 6. С. 43].

Среди обитавших на низшем этаже «азиатов» нашелся «зачитыва[вший]ся Гоголем» [9. Т. 6. С. 43] кадет Бедрин, который организовал регулярные кражи провизии со склада. Когда преступление вскрылось, Бедрин с товарищами был высечен и во время порки, которую эскадрон выдерживал молча в одной из отдаленных камер. Во время экзекуции неслышимый кадет Бедрин внезапно высунул в открытую дверь голову и выкрикнул слова гоголевского Остапа: «Слышишь ли, батьку?» [9. Т. 6. С. 44]¹⁵.

Перейдем от этого примера тематизации литературоцентризма и стихийного житетворческого опыта как его следствия в «Воспоминаниях» Потанина к «гоголевскому» примеру иного рода. Один из эпизодов потанинских мемуаров рассказывает о мимолетной встрече автора с Ф.М. Достоевским: «В Семипалатинске я встретился с Достоевским, но только на одну минуту; я входил в двери, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец он, улыбаясь, сказал: “Десять тысяч китайских церемоний!” Вот и все, что я от него услышал» [9. Т. 6. С. 63]. Эта сцена имеет отчетливый литературный генезис, восходя к сцене из второй главы «Мертвых душ», в которой Чичиков и Манилов «стояли <...> несколько минут перед дверями гости-

ной, взаимно упрасывая друг друга пройти вперед» [17. Т. 5. С. 25]. Помимо очевидного мизансценического сходства, такая интерпретация поддерживается и значимыми деталями. Так, Потанин вкладывает в уста Достоевского реплику «Десять тысяч китайских церемоний!», а в третьей главе «Мертвых душ» рассказчик говорит, что с Коробочкой «Чичиков, не смотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большою свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился» [17. Т. 5. С. 47], из чего следует, что, беседуя с Маниловым, Чичиков «церемонился».

Принимая во внимание идеологическую программу «старших» областников с ее установкой на формирование местного самосознания и выстраивания провинциальной культуры как самостоятельной альтернативы культуре столичной, можно было бы предположить, что Потанин в своих мемуарах будет апеллировать в первую очередь к произведениям сибирской словесности, видя своим идеальным читателем чаемого им сибирского интеллектуала¹⁶.

Однако это предположение не подтверждается. Круг прецедентных текстов потанинских «Воспоминаний» сформирован по преимуществу русской и — шире — европейской литературой. Иными словами, Потанин полноценно задействовал существующие литературные ресурсы и предназначал свои мемуары не только для читателя-сибиряка, но для образованного русского читателя вообще, который по определению лучше знаком с книгами Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина или У. Теккерея, нежели с сочинениями И.Т. Калашникова, И.В. Федорова-Омулевского или Н.И. Наумова¹⁷.

Стоит оговориться, что в «Воспоминаниях» Потанина, безусловно, есть и аллюзии на сибирскую словесность. Приведем два выразительных примера. Рассуждая о Ядринцеве, на здоровье которого, по мнению Потанина, пагубное влияние оказала попытка поправить дела газеты «Восточное обозрение», мемуарист предлагает читателю аллюзию на название романа И.А. Кушечского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин»: «Тому, кто пожелает прожить свой век благополучным россиянином, следует посоветовать не браться за издание провинциальной газеты с серьезным направлением. Такое издание начнет медленно чахнуть, вгонит в чахотку редактора и под конец увлечет за собой в могилу, как это и случилось с Ядринцевым» [9. Т. 7. С. 71–72]. В другом месте Потанин, осужденный в 1865 г. вместе с Ядринцевым по знаменитому «Делу об отделении Сибири от России и образовании республики по образцу Соединенным Штатам», описывает тюремный быт, сравнивая арестантов с персонажами В.Я. Шишкова: «Когда наступит вечер, когда население тюрьмы поужинает и ключники запрут камеры на ночь, спать еще не хочется, и мы коротаем вечер в разговорах: правильнее сказать, разговор, часто переходящий в спор, вели «фильмикультетный человек» и сибирский крестьянин, а мы с Колосовым изображали аудиторию. С первого же вечера эти споры, иногда очень пикантные, меня в высшей степени заинтересовали. Эти два лица являлись представителями двух миров, отно-

сившихся друг к другу критически и даже враждебно. Передо мной как бы стояли два героя из повести Шишкова «Ванька-Хлюст»: один сбившийся с жизненной дороги и потерявший веру в смысл жизни, другой — член деревенского мира; прочная общественная организация дисциплинировала его ум; он исповедует культ сельской общины; дух его в совершенном равновесии» [9. Т. 6. С. 217].

Тот факт, что Потанин задействовал в тексте своих мемуаров наиболее весомые достижения русской литературы, вступал в противоречия с областнической программой, сформированной Потаниным и Ядринцевым в 1860–1870-е гг., а со взглядами Потанина 1900–1910-х гг. одновременно и коррелировал и диссонировал¹⁸. С одной стороны, Потанин и в начале XX в. продолжал настаивать на разработке сибирскими литераторами «чисто сибирских тем» и «защи[щая]» эту «разработк[у] от “пришлых”» [18. С. 170]. Вместе с тем в создающихся в это же время мемуарах он разрабатывал «чисто сибирские темы», активно обращаясь к ресурсам «общерусской» литературы.

С другой стороны, в речи на своем юбилее, произнесенной в 1915 г. и тогда же опубликованной в журнале «Сибирский студент», Потанин как бы «сглаживал» конфликтные для областников отношения литературы метрополии Российской империи и складывающейся словесности ее восточной окраины. В этой речи он активно использовал областническую топику, рассуждая, в частности, о сосредоточенности «жизни духовной» в столицах и «сонности» провинции, которая «лежит как неподвижное тело, как бы парализованное какими-то ядовитыми уколами» [9. Т. 7. С. 257]. Потанин говорит о местном патриотизме и «расчленении» территории «на отдельные области», традиционно для «старших областников» настаивая на различении местного патриотизма и сепаратизма и утверждая, что «расчленение еще не есть распадение» [9. Т. 7. С. 257]. Потанин, к тому моменту давно исповедовавший регионалистские и федералистские взгляды [22. С. 111], говорил в юбилейной речи: «Процесс расчленения пугает робких публицистов, они думают, что тут и конец России. Этот страх напрасный <...>, есть могущественная сила, которая всегда области русской территории будет удерживать в связи и единении...» [9. Т. 7. С. 257]. Такой силой, по мнению Потанина, воспроизводящего здесь логику европейского романтического национализма, оказывается «русская литература и тот духовный багаж, который создан творческим духом русской народности... Из этой власти мы никогда не выйдем. Мы всегда будем чувствовать на себе власть этой силы» [9. Т. 7. С. 257].

Характерно, что третьей частью фундамента национальной консолидации, по мнению Потанина, оказывается, наряду с «русской литературой и духовны[м] багаж[ом], <...> создан[ным] творческим духом русской народности», русская публицистика, чей «всегда смелый, честный, искренний голос <...> заставит нас всех почувствовать, что мы один народ» [9. Т. 7. С. 258].

К.В. Анисимов пишет о «недостаточн[ом] “литературоцентризм[е]” наследия областников, прису-

ще[м] ему порой смешени[и] политики и эстетики, художественных и публицистических жанров, несомненно повлиявшие[м] на неудачу важнейшего литературного эксперимента Потанина и Ядринцева – романа “Тайжане”» [19. С. 175]. В другом месте исследователь говорит о «недостатке литературоцентризма» Потанина и Ядринцева в связи с тем, что «представители областнической традиции» «не оставили» «целостной художественной или литературно-критической программы» [19. С. 207]. Кроме того, отношение к литературе Потанина и вообще «старших» областников со временем менялось. Как показал Б.А. Чмыхало, взгляды Потанина на литературу менялись от характеристики изящной словесности как к «бесплодному труду», «груде потраченной бумаги» и «усыпляющему средству» (оценки Потанина из письма к Н.В. Щукину от января 1862 г.) до взгляда на литературу как на «действенную форму сибирского самосознания, способную организовать “патриотов”, прежде всего местную интеллигенцию» [18. С. 144, 147]. Н.В. Серебренников добавляет к этой картине (обходясь, впрочем, без ссылок на работу Б.А. Чмыхало) еще один фрагмент, справедливо напомнив, что в «Воспоминаниях» Потанин свидетельствовал о своих мечтах «сделаться сибирским романистом» [9. Т. 7. С. 186], пришедшихся на время учебы в Сибирском кадетском корпусе [23. С. 90] (что, разумеется, автоматически исключало возможность презрительного отношения к беллетристике, продемонстрированного Потаниным в начале 1860-х гг.).

Трудно не согласиться с тем, что в областническом наследии (в частности, в корпусе текстов Потанина) фикциональная словесность не занимала доминирующего места ни в структурном, ни в чисто количественном отношении, а также с тем, что Потанин и Ядринцев не сумели сформулировать исчерпывающей «литературно-критической программы». Вместе с тем

перед нами несколько парадоксальная ситуация: регулярно и систематически смешивая политику и эстетику, фикциональное письмо и публицистический дискурс, Потанин почти неизменно удерживает литературоцентрический фокус, некоторые эффекты которого мы постарались описать. 13 мая 1902 г. Потанин писал М.Г. Васильевой: «Вы смотрите на явления через очки поэзии и поэтизируете их; я натура прозаическая» [11. С. 60], Потанин имеет в виду, судя по всему, «прозу жизни», а не прозу как художественный дискурс. Вопреки этому заявлению, можно, пользуясь фразеологией самого Потанина, с полным правом сказать, что он «смотрел на явления» «через очки» литературы.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что релевантность положения о литературоцентричности отечественной культуры XIX столетия для культуры Сибири, безусловно, не означает, что каждый вышедший из-под пера сибирских литераторов (в нашем случае – мемуаристов) текст содержал в себе это качество. Так, скажем, принадлежавший к тому же поколению, что и Потанин, М.В. Загоскин (1830–1904) в своем мемуарном очерке «Десять лет в сибирской деревне»¹⁹ рассказывает о «проверке счетов и книг» в деревне Грановщина, в которой он поселился, и сообщает, в частности, что «за мертвыми записаны недоимки в те года, когда их уже давно не было в живых <...>» [24. С. 250]. Процитированный фрагмент, казалось бы, автоматически и почти безальтернативно (особенно если учесть литературные занятия автора очерка) провоцирует сравнение реалий сибирской деревни с фабулой гоголевских «Мертвых душ», однако Загоскин, в отличие от Потанина, никак не использует столь мощный символический ресурс. Этот пример лишний раз показывает, что тезис о литературоцентричности русской культуры XIX в., который Г.С. Морсон характеризует как «трюизм» [25. Р. 15], всякий раз нуждается в конкретизации.

Примечания

¹ Ср. известное замечание Ю.М. Лотмана, согласно которому «[т]радиционное место церкви как хранителя истины заняла в русской культуре второй половины XVIII в. литература» [2. С. 205].

² Здесь необходимо сделать две оговорки. С одной стороны, доминирование литературы как основного источника поведенческих моделей выходит за пределы XIX в., частично охватывая XVIII и XX столетия. Как показал Ю.М. Лотман, «[в] последнюю треть XVIII в. <...> основным источником сюжетов поведения была высокая литература небытового плана: античные историки, трагедии классицизма, в отдельных случаях – жития святых» [4. С. 247]. Говоря о XX в., достаточно указать на целый kaleidoscope жизнестроительных практик, вдохновленных литературными образцами, – от модернистских проектов до проектов позднесоветского андеграунда.

³ Подробнее об истории создания потанинских мемуаров см.: [7], ср.: [8].

⁴ «Возлагание надежды на мою готовность служить Вам очень приятно на меня действует. Готов служить Вам всеми силами своей души. “Я здесь, Инезилья, с гитарой и шпагой стою под окном!”» (28 января 1901 г.) [11. С. 14].

⁵ «Одаренная Ваша натура сама найдет новый ход под новыми восприятиями, а я буду вознагражден тем наслаждением, которое буду испытывать, наблюдая видоизменения Вашего творчества, Вашей поэтической физиономии, “ряд волшебных изменений милого лица”» (19 марта 1901 г.) [11. С. 22].

⁶ «<...> прежде всего хочется сказать об удовольствии, с которым я прочел Ваше разрешение называть Вас Маней. Как это хорошо, как мне приятно было официальное признание за мной этого права. Как чиновник, получивший “Анну”, любителю на себя и самодовольно говорит: Ай да и я, добился-таки Анны! Так и я в восторге, то добился “милой Мани”» (11 февраля 1905 г.) [11. С. 111].

⁷ «“Одежды теплым дышат ароматом” переводит русский переводчик из Шелли, который это говорит о любимой им женщине. Совершенно то же я говорю себе о Вас. Я хотел бы непрерывно сидеть в этой ароматической бане около Вас» (25 марта 1905 г.) [11. С. 123].

⁸ «У Гейне есть стихотворение, которое, конечно, Вы знаете. (Чернышевский называет его гуманным.) В город входит гусарский полк и располагается на квартиры, и подруга Гейне увлекается новыми лицами и забывает старого друга. Но полк уходит, сияющее солнце, дворники выметаю из конюшен навоз от гусарских лошадей, и Гейне идет к своей подруге с букетом цветов. Слава Богу, и мой эпизод кончился, и кончился для меня благоприятно!» (2 ноября 1909 г.) [11. С. 213].

⁹ Не исключено, что отмеченный мемуаристом контраст генетически восходит к коллизии, на которой основан рассказ Л.Н. Толстого «После бала», опубликованный в 1911 г. [13. С. 551], в период создания потанинских «Воспоминаний». Если такое предположение, подтверждаемое другими содержащими навоз от гусарских лошадей, и Гейне идет к своей подруге с букетом цветов. Слава Богу, и мой эпизод кончился, и кончился для меня благоприятно!» (2 ноября 1909 г.) [11. С. 213].

ет и другой источник, который представляется несомненным. Это – «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, которые, как хорошо известно, стали парадигмальными для «старших» областников сочинением.

¹⁰ Ср. косвенное признание в том, что Потанин «воспитал свои общественные чувства на произведениях английского писателя Диккенса» и характеристику Диккенса как «[о]дн[ого] из <...> учителей», которые в состоянии «отучи[ть] людей от звериных мыслей и звериных поступков» [10. С. 303] в написанной областником за год до смерти брошюре «Возрождение России и Министерство народного просвещения» (1919).

¹¹ Кроме того, в этой гостиной, по словам Потанина, «с жадностью глотали переводы из Гейне и декламировали его стихотворения; у журнала “Современник” было обыкновение в январской книжке на обложке печатать о литературных новинках, которые будут помещены в грядущем году, и сердца в доме Капустиных замирали от ожидания и вопроса: что-то расскажет в своей новой повести Тургенев?» [9. Т. 6. С. 82].

¹² Их анализ выполнен А.И. Рейтблатом, который основывался на данных всех каталогов (общее число – 31), имеющихся в Российской государственной библиотеке. Подробнее см.: [16. С. 66].

¹³ Этот социологический «замер» также был осуществлен А.И. Рейтблатом, модернизовавшим методику шведского социолога литературы К.Э. Розенгрена, исходившего, по словам Рейтבלата, из того, что «известность писателя можно измерить числом упоминаний его в текстах, непосредственно не посвященных его жизни и творчеству» [16. С. 81–82].

¹⁴ Чтобы прояснить другие содержащиеся в процитированном фрагменте тропы, приведем одно из предшествовавших ему пространств рассуждений Потанина: «Как в живописи, так и в литературе и, наконец, в самой действительности жизнь всего ярче рисуется чертами разрушения. Когда вы видите, что по тротуару проходит человек, несущий в починку связку дырчатых соломенных шляп или корзину сапогов со стоптанными каблуками и проношенными подошвами, вы не печалитесь, что на свете все изнашивается, рвется и трухнет, а думаете, что эти изношенные шляпы и подошвы свидетельствуют только о том, что человечество живет <...>» [9. Т. 6. С. 125].

¹⁵ Вполне вероятно, что этот эпизод восходит одновременно к «Запискам из Мертвого дома» Достоевского.

¹⁶ Об идеологической платформе сибирских областников см. прежде всего: [18. С. 143–192; 19. С. 172–223; 20–22].

¹⁷ Вспомним, что несколькими десятилетиями ранее в программной для «старших» областников статье «Роман и рассказ в Сибири» (1876) Потанин упрекает И.В. Федорова-Омулевского и И.А. Кушевского в том, что они «писали не для сибирской публики, а для русской вообще» [9. Т. 7. С. 228].

¹⁸ Специально и литературно-критических взглядах позднего Потанина и их рецепции его последователями см.: [18. С. 169–172].

¹⁹ Впервые очерк был опубликован в первом выпуске «Сибирского сборника» за 1890 г.

Список источников

1. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 342 с.
2. Лотман Ю.М. Архаисты-просветители // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : Искусство-СПб, 1997. С. 198–210.
3. Журавлева А.И. Новое мифотворчество и конец литературоцентризма // Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 253–261.
4. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПб, 2002. С. 233–254.
5. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
6. Шахадат Ш. Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков / пер. с нем. А.И. Же-ребина. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 440 с.
7. Яновский Н. О «Воспоминаниях» Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1983. С. 7–21.
8. Яновский Н. О «Воспоминаниях» Г.Н. Потанина // Яновский Н. Писатели Сибири: Избранные статьи. М. : Современник, 1988. С. 61–85.
9. Литературное наследство Сибири : в 8 т. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1969–1988.
10. Потанин Г.Н. Возрождение России и Министерство народного просвещения / публ. и коммент. К.В. Анисимова // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. Сер. Философия. Культурология. Филология. С. 300–307.
11. Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
12. Зорин А. Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива // История и повествование: Сборник статей / под ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена. М. : Новое литературное обозрение, 2006. С. 12–27.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : ГИХЛ, 1928–1958. Т. 34.
14. Серебренников Н.В. Г.Н. Потанин и Л.Н. Толстой // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 65–66.
15. Никонова Н.Е., Масяйкина Е.В. Художественная литература в личной библиотеке Г.Н. Потанина: на материале сочинений Л.Н. Толстого // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 63–72.
16. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века // Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 11–248.
17. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 7 т. М. : Художественная литература, 1976–1979.
18. Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь: Регионализм в истории русской литературы. Красноярск : КГПИ, 1992. 200 с.
19. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
20. Анисимов К.В. Риторика раннего сибирского областничества: Франция как автоописательный концепт // Сибирско-французский диалог XVII–XIX веков и литературное освоение Сибири. Материалы Международного научного семинара / под ред. Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой, А.Ф. Строева. М. : ИМЛИ, 2016. С. 106–117.
21. Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли : сб. ст. / ред.: Ю. Шеррер, Б. Ананьич. СПб. : Европейский дом, 1997. С. 142–156.
22. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109–128.
23. Серебренников Н.В. О ситуации в областниковедении // Сибирский текст в русской культуре : сб. ст. Вып. 2 / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 86–94.
24. Загоскин М. Десять лет в сибирской деревне // Загоскин М. Магистр: Роман. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981. С. 245–275.
25. Morson G.S. Introduction: Literary History and the Russian Experience // Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies / ed. by G.S. Morson. Stanford, California : Stanford University Press, 1986. P. 1–30.

References

1. Berg, M. (2000) *Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature* [Literaturocracy. The problem of appropriation and redistribution of power in literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [About Russian Literature]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. pp. 198–210.
3. Zhuravleva, A.I. (2013) *Koe-cto iz bylogo i dum: O russkoy literature XIX veka* [Something from the Past and Thoughts: About Russian Literature of the 19th century]. Moscow: Moscow State University. pp. 253–261.
4. Lotman, Yu.M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB. pp. 233–254.
5. Zorin, A.L. (2016) *Poyavlenie geroya: Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The Appearance of a Hero: From the history of Russian emotional culture of the late 18th – early 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Schahadat, Sch. (2017) *Iskusstvo zhizni: Zhizn' kak predmet esteticheskogo otnosheniya v russkoy kul'ture XVI–XX vekov* [The Art of Life: Life as an object of aesthetic attitude in Russian culture of the 16th – early 20th centuries]. Translated from German by A.I. Zhrebina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Yanovskiy, N.N. (1983) O “Vospominaniyakh” G.N. Potanina [About the Memoirs of G.N. Potanin]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 7–21.
8. Yanovskiy, N.N. (1988) *Pisateli Sibiri: Izbrannye stat'i* [Writers of Siberia: Selected articles]. Moscow: Sovremennik. pp. 61–85.
9. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1969–1988) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Potanin, G.N. (2004) Revival of Russia and the Ministry of public education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 300–307. (In Russian).
11. Potanin, G.N. & Vasil'eva, M.G. (2004) “Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' Vas svoey lyubov'yu”: *Perepiska* [“I want to serve you, to clothe you with my love”: Correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Zorin, A. (2006) Ponyatie “literaturnogo perezhivaniya” i konstruktivnaya psikhologicheskaya protonarrativ [The concept of “literary experience” and the construction of a psychological protonarrative]. In: Obatnin, G.V. & Pesonen, P. (eds) *Istoriya i povestvovanie* [History and Narration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 12–27.
13. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 34. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.
14. Serebrennikov, N.V. (2011) G.N. Potanin and L.N. Tolstoy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 65–66. (In Russian).
15. Nikonova, N.E. & Masayakina, E.V. (2018) General fiction in the personal library of G. N. Potanin: on the material of Leo Tolstoy's works. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 17. pp. 63–72. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/17/5
16. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bova k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 11–248.
17. Gogol', N.V. (1976–1979) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Chmykhalo, B.A. (1992) *Molodaya Sibir': Regionalizm v istorii russkoy literatury* [Young Siberia: Regionalism in the History of Russian Literature]. Krasnoyarsk: KGPI.
19. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of Poetics of Literature of Siberia of the 19th – Early 20th Centuries: Features of formation and development of regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Anisimov, K.V. (2016) [Rhetoric of early Siberian regionalism: France as an auto-descriptive concept]. *Sibirsko-frantsuzskiy dialog XVII–XIX vekov i literaturnoe osvoenie Sibiri*. [Siberian-French Dialogue of the 17th–19th Centuries and Literary Development of Siberia]. Proceedings of the International Seminar. Tomsk. 11–15 June 2015. Moscow: IWL RAS. pp. 106–117. (In Russian).
21. Remnev, A.V. (1997) Zapadnye istoki sibirskogo oblastnichestva [The Western origins of Siberian oblastnichestvo]. In: Sherrer, Yu. & Anan'ich, B. (eds) *Russkaya emigratsiya do 1917 goda – laboratoriya liberal'noy i revolyutsionnoy mysli* [Russian Emigration Before 1917 – Laboratory of Liberal and Revolutionary Thought]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom. pp. 142–156.
22. Remnev, A.V. (2011) Natsional'nost' “sibiryak”: regional'naya identichnost' i istoricheskiy konstruktivizm XIX v. [Nationality “Siberian”: regional identity and historical constructivism of the 19th century]. *Politiya*. 3 (62). pp. 109–128.
23. Serebrennikov, N.V. (2007) O situatsii v oblastnikovedenii [About the situation in regional studies]. In: Kazarkin, A.P. & Serebrennikov, N.V. (eds) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian Text in Russian Culture]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–94.
24. Zagoskin, M. (1981) *Magistr: Roman* [Magister: A Novel]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 245–275.
25. Morson, G.S. (ed.) (1986) *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies*. Stanford, California: Stanford University Press. pp. 1–30.

Информация об авторе:

Горбенко А.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия); научный сотрудник лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Gorbenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation); researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021;
одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 28.10.2021;
approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/15617793/477/3

«Священные монстры»: к характерологии Айрис Мердок

Вероника Борисовна Зусева-Озкан¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, v.zuseva.ozkan@gmail.com

Аннотация. Исследуется особый тип персонажей, константный для романов А. Мердок на всем протяжении ее творчества. Это фигуры магов, чарователей, под властью которых оказываются остальные персонажи. Выявляются особенности этого типа героев, описывается связанный с ними мотивно-сюжетный комплекс и повествовательная специфика, демонстрируются их функции. Делаются выводы об их связи с моральной философией Мердок и с важнейшими для нее темами губительных иллюзий и жизненных «случайностей».

Ключевые слова: А. Мердок, волшебник, тайное знание, Восток, благо, Платон, миф о пещере

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. «Священные монстры»: к характерологии Айрис Мердок // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 29–36 doi: 10.17223/15617793/477/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/3

“Sacred monsters”: Toward the characterology of Iris Murdoch

Veronika B. Zuseva-Ozkan¹

¹ Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, v.zuseva.ozkan@gmail.com

Abstract. The article examines a special type of characters that is constant for Iris Murdoch’s novels throughout her career and is best described as “sacred monsters”. The peculiarities of this type of characters are revealed, the motifs and plot complex and narrative techniques associated with them are described, and their functions are demonstrated. Conclusions are made about their connection with the moral philosophy of Murdoch and with the themes of destructive illusions and life’s contingency which are the most important for this writer. In the course of the analysis of Murdoch’s early and later novels, it is shown that a hero of this type is the center of attraction – both inside the world of characters, that is, for the heroes, and outside it, for the reader, since the horizon of the reader’s expectations is bound with such a character, the main motifs are usually “tied” to him (or her), and the plot unravels with his or her direct participation. These are characters-magicians with inexplicable power over the souls of other people, for whom they are always shrouded in a veil of secrecy. Such characters are surrounded by rumors, innuendoes, riddles. They are associated with an “alien” world; a marker of this “alienness” can be a violation of a taboo. The actions and the very existence of these characters are described in terms of “witchcraft”, “magic”, “fairy tale”. Their inherent power and knowledge do not turn out to be illusory, a case of “collective self-deception”, but they leave clear signs of their reality. The intervention of such heroes in the lives of other characters can be both beneficial and disastrous in its consequences. In their images of the savior and the monster, there is an irremovable ambivalence. The “sacred monsters”, endowed with seemingly great power and knowledge, are not omniscient and not omnipotent. Ultimately, they are unable to subjugate reality, which exists according to its own incomprehensible laws. Even more often than other characters, they turn out to be incapable of being happy, and sometimes they experience a real fiasco. The main “beneficiaries” in Murdoch’s novels are not “enchanters”, whatever their power over other characters is, but heroes-writers, because, in her opinion, only art takes a person out of a small personal world into the wide real world, helps to get rid of illusions, fantasies – and in this sense it is close to the Good. Ultimately, the “sacred monsters” appear as personalizations of the central myth in Murdoch’s work, that is, Plato’s myth of the cave. The prisoners of the cave (i.e. life) are unable to look at the light itself because the sun hurts their eyes, but they contemplate the reflected light embodied in the heroes of this type. Therefore, the “sacred monsters” themselves are not the final instance of Murdoch’s novels, but the same prisoners of reality. But through relationships with them, defined primarily by love, some other characters are sometimes able to look at the sun, i.e. to know the truth and the Good.

Keywords: Iris Murdoch, enchanter, secret knowledge, East, Good, Plato, myth of cave

For citation: Zuseva-Ozkan, V.B. (2022) “Sacred monsters”: Toward the characterology of Iris Murdoch. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 29–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/3

Эта статья посвящена аспекту, который к настоящему времени оказался в тени больших тем, изучав-

шихся литературоведами в связи с творчеством А. Мердок. В центре внимания находились философ-

ские основания романов Мердок (см., например, [1–10]), вопросы влияния и рецепции ею предшествующей литературной традиции [11–17], жанрологии [18–21] и собственно поэтики [22–27], однако непосредственно «геройный» уровень предстает сравнительно малоисследованным. В последние же годы и вовсе наблюдается существенное падение интереса к творчеству писательницы; даже задаются вопросы о том, выдержали ли они испытание временем [28]. В данной статье я постараюсь вернуться к основополагающей проблеме характерологии Мердок, сосредоточившись на специфическом и регулярно повторяющемся типе персонажей.

А. Мердок принадлежит к тем писателям, которые тяготеют к постоянному кругу мотивов, тем, образов, сюжетных схем, повторяющихся с некоторыми вариациями из произведения в произведение. Ее художественный мир вращается вокруг ряда констант, которые можно ранжировать от такого крупного элемента, как сюжетная схема, до самого мелкого – художественной детали. Одной из принципиальных констант Мердок является такой тип персонажа, который лучше всего описывается словосочетанием «священные монстры» и который появляется чуть ли не в каждом ее романе, становясь своего рода *центром притяжения* – и *внутри художественного мира*, т.е. для героев, и *вне его*, т.е. для читателя, поскольку с таким персонажем в высокой степени оказывается связан *горизонт читательских ожиданий*, к нему обычно «*прикрепляются*» основные мотивы, с его участием *развязываются сюжетные узлы* и от его роли в произведении так или иначе отталкиваются все попытки извлечь «смысл», «суть» романа.

Нельзя сказать, чтобы никто не обращал внимания на таких персонажей Мердок. Напротив, в литературоведении закрепилось мнение, что «наличие персонажей, выполняющих роль своеобразных злых гениев, или дирижеров, с одной стороны, и “святых”, <...> хрестоматийно для романов Мердок» [29. С. 88]. Однако, как это часто бывает, хотя явление и обозначено, оно почти не проанализировано и не объяснено. Наиболее подробно эта тема трактуется в давней работе Э.А. Ву «The Enchanter Figure in the Novels of Iris Murdoch» («Фигура волшебника в романах Айрис Мердок»), написанной в 1974 г. и, соответственно, оставляющей «за кадром» еще 20 лет активной творческой деятельности писательницы. Кроме того, хотя в этой диссертации осуществляется очень подробный пересказ романов Мердок в названном аспекте, пересказ этот почти не переходит собственно в анализ, который подразумевает ответы не только на вопрос «что?», но также «как?» и «почему?». Фактически последний поднимается только во введении и кратком заключении, где исследовательница говорит о том, что фигура волшебника, чарователя непосредственно соотносится с концепцией любви у Мердок: любовь в философском горизонте писательницы, согласно Ву, подразумевает «открытые глаза», способность видеть реальность как она есть, не погружаясь в солипсизм и фантазии, а также открытость стихийному и полному случайностям жизненному потоку. Причем, по Ву,

любовь есть центральная тема творчества Мердок, а отсюда проистекает и первостепенная важность образов «волшебников». Соответственно, «волшебники» у Мердок делятся на «хороших» и «плохих» в зависимости от того, способны ли они любить, т.е. «видеть и признавать реальность» [30. С. 178].

Попробуем выявить постоянные характеристики таких героев в романах Мердок. В этой статье меня будет интересовать не столько эволюция таких персонажей от раннего к позднему творчеству писательницы (имеющая место, но, на мой взгляд, не очень значительная), сколько константы.

Что же это за герои? Они – *маги* (иногда и в прямом, а не только переносном смысле), обладающие неизъяснимой *властью над душами других людей*, для которых они всегда окутаны своего рода «магическим покрывалом», *завесой тайны* – даже для персонажей-скептиков, которые в какой-то момент тоже подпадают под их власть, их странное обаяние. См., например, в романе «Бегство от волшебника» (1956), где подобный персонаж выписан очень выпукло и отношения с ним других персонажей тематизируются в заглавии: «Никто не знает, сколько Фоксу лет. Никто не знает, откуда он родом. Где он родился? Что за кровь течет в его жилах? Никто не знает. А как только ты начинаешь фантазировать, тебя тут же будто парализует. То же самое с его глазами. Они всегда будто чем-то прикрыты. Вы смотрите на глаза Миши, а не в глаза. Трудно сказать, что случится, если заглянуть под поверхность» [31. С. 39].

Такие герои окружены слухами (многие из которых неожиданно оказываются правдивы), недомолвками, загадками – даже для тех, кто наиболее к ним близок (родных, друзей): «Он [Питер] смотрел на Мишу и чувствовал изумление и нежность, неизменно пробуждающиеся в нем во время этих странных встреч. Миша был загадкой, которую, Питер это чувствовал, ему никогда не удастся разгадать... при том, что, наверное, никто не знал о Фоксе так много, как он. Но чем больше Миша раскрывался перед Питером, тем загадочней становился» [31. С. 241]. Действия и само существование этих персонажей описываются в терминах «колдовства», «волшебства», «сказки». Их боятся и их обожают, мечтают попасть в их орбиту.

Эти персонажи *связаны с «чужим» миром* и принадлежат как бы древней, таинственной расе¹. Например, маркером этой «чужеродности», «неотмирности» может выступать нарушение табу, преступление человеческих законов: таков разуверившийся в существовании Бога священник Карл, находящийся в инцестуальной связи со своей дочерью, в романе «Время ангелов» (1966); таковы Палмер Андерсон и Гонория Кляйн в «Отрубленной голове» (1961), единоутробные брат и сестра, совершающие инцест (причем о них говорится, как о богах). Гонория еще и еврейка, что неоднократно подчеркивается нарративом; она исследователь первобытности и, видимо, следует восточным духовным практикам. Так, неоднократно говорится о ее упражнениях с мечом самураев.

Вообще, чаще всего у Мердок маркером принадлежности героя к «чужому», таинственному миру являются его путешествия на Восток и занятия восточными духовными практиками. Но могут быть и другие варианты; так, Миша Фокс из цитированного выше романа «Бегство от волшебника» – иностранец в уютном английском мире, откуда-то из Центральной или Восточной Европы (кроме того, он отмечен таким внешним знаком «особости», как разные глаза – один карий, другой голубой). При этом Питер Сейуард, историк Древнего мира (он занимался «империями, которые возникли и пали еще до Вавилона» [31. С. 22]), вдруг видит в нем не более и не менее, как «дух Востока». Когда Миша смотрит на недоступные для расшифровки иероглифы, над которыми тщетно бьется Питер, тот думает: «...еще мгновение – и Миша прочтет то, что там написано! Он не может не знать! Миша впился взглядом в иероглифы... Сейуард видел его карий глаз, видел этот жестокий ястребиный профиль и вдруг подумал: “Да это же сам дух Востока, того, древнего, бывшего еще до греков, варварского и погребального, востока Египта, Ассирии, Вавилона...”» [31. С. 244]. Примечательно, что Миша советует Питеру «сейчас не тратить усилий. <...> Тебе не удастся их прочесть. Вскоре отыщется двуязычный памятник» [31. С. 244] – и, действительно, роман заканчивается в том числе и открытием этого, обещанного Мишей, двуязычного памятника. То есть *власть и знание, присущие такого рода героям*, не оказываются в пространстве романа иллюзорными, случаем «коллективного самообмана» или коллективной же галлюцинации, но оставляют *явные знаки своей реальности*.

Другой яркий пример – Джексон из последнего романа Мердок «Дилемма Джексона» (1995). Его «неотмирность», непринадлежность обыкновенному существованию маркирована статусом бродяги, «найденшца»; кроме того, он, по-видимому, в разных точках своей биографии побывал священником и сидел в тюрьме. Прошрое его загадочно, как и сам его облик, его суть – у него нет даже имени, только фамилия²: «А что там у него с речью? Какой-то северный акцент? Нет. Иностраный? Была какая-то *властность* в его облике» [32. С. 117]; «Полагаю, Джексон <...> ясновидящий. Он довольно странный человек...» [32. С. 280]; «Сколько ему лет – сто, тысяча?.. Эти люди являются как ангелы-хранители, они *и есть* ангелы-хранители, вот он говорит с ней на странном языке, а она тем не менее его понимает, протягивает руку и касается его руки – рука пылает» [32. С. 329]; «...В вас ведь есть нечто сверхъестественное <...> Вы – как реинкарнация божества в виде птицы с подбитым крылом. Вам может быть, насколько я понимаю, и двести...» [32. С. 251]. Его интеракции с другими героями неизменно «наводят порядок» в их жизнях – не даром другие персонажи называют его «волшебником» (а также «темным ангелом» [32. С. 94], «божеством» [32. С. 231]) и считают, что он совершает «чудеса» ради них [32. С. 284]. В нем нуждаются, он является для остальных героев центром притяжения, и в то же время Бенет, которому он был «послан» и у которого живет, испытывает по-

стоянное оттолкновение от него, недоверие, ревность, порой – нечто вроде ненависти (которые преодолевает в конце романа). В видении Бенета Джексон предстает христоподобной фигурой³. Другие персонажи сравнивают его и с шекспировским Ариэлем, и с Калибаном одновременно. Милдред он предстает в окружении индийских богов. В финале романа оказывается, что эта внешняя перспектива удивительно совпадает с перспективой внутренней, и «сила» героя, отмечаемая всеми остальными персонажами, ему действительно присуща – или была присуща, поскольку и он может совершить ошибку: «Моя сила меня покидает, – думал он. – Вернется ли она когда-нибудь, будут ли явлены мне другие указания?» [32. С. 350].

Таких героев другие персонажи нередко называют «богами» и «демонами» (иногда – одновременно), и им, действительно, свойственно чувство своей ответственности за происходящее в мире: «Посещало ли тебя хоть когда-нибудь чувство, – он [Миша] повернулся к Питеру, – что все в мире нуждается в твоём покровительстве? Ужасающее чувство. Все... даже этот коробок спичек» [31. С. 243]. Отсюда – свойственная таким героям созерцательность.

Иногда они переходят к активным действиям и вмешиваются в жизнь других персонажей – ведь, как говорит Миша, создания этого мира «так беззащитны. Все что угодно может их ранить. И я не мог... этого вынести. <...> Боги убивают нас не ради развлечения, а потому что при виде нас их сердца переполняются сочувствием, непереносимым, похожим на болезнь» [31. С. 243]. Как пишет У. Джонс Наканиши о романе Мердок «Сон Бруно» (1969), «как и другие “просветленные создания” Мердок, Найджел обладает чудесными способностями, его личность загадочна, его мотивы неизвестны, и его главная роль, кажется, заключается в том, чтобы действовать как “бог из машины” <...>. Найджел чудесным образом появляется в самые критичные моменты, не позволяя людям причинять себе или другим боль или предлагая свою мудрость и утешение “израненным душам” романа. <...>» [33].

Но вмешательство таких героев может быть как благим (например, Миша спасает Розу от других «выходцев из иного мира» – поляков братьев Лисевичей, стремящихся захватить власть над ней и ее имуществом; неизменно благой оказывается помощь Джексона), так и катастрофическим по своим последствиям. Так, Джеймс, кузен Чарльза Эрроуби в романе «Море, море» (1978), использует свою тайную силу, чтобы спасти главного героя, сброшенного в море, в Миннов Котел, из-за собственных иллюзий Чарльза, и ее уже не хватает на невинную жертву, на Титуса: «Что, если один из этих демонов, с помощью которых Джеймс меня спас, воспользовался предельной устойчивостью Джеймса, чтобы схватить Титуса и разломить его юную голову о скалы?» [34. С. 586]. Более того, как догадывается Чарльз по прошествии времени, именно Джеймс привел к нему Титуса, опять же воспользовавшись своим тайным знанием: «“Я ослабил свою власть над ним, я сдал...”». О ком говорил Джеймс в тот вечер <...>? Как случилось, что Титус

пришел ко мне именно в это время? Зачем Джеймсу понадобилось знать, как его зовут? Имя – это путь» [34. С. 585]. Разумеется, Джеймс сделал это из благих побуждений, видя, что Чарльз обуреваем опасными заблуждениями, и желая помочь ему от них избавиться; не случайно на смерть Титуса он отозвался фразой «Это не должно было случиться» [34. С. 586], словно считал себя отчасти в ней повинным. Примечательно также, что Джеймс в момент спасения Чарльза сравнивается с «некой ползучей тварью», уподобляясь морскому чудовищу – кошмару, преследующему главного героя. В его образе – спасителя и чудовища – присутствует *неустраняемая амбивалентность*. Такова же и роль Миши Фокса в отношении Нины, которую он невольно подталкивает к гибели.

Хотя эти «священные монстры» оказывают гипнотическое воздействие на окружающих, сами они *устают от своей роли всеобщего магнита*, вокруг которого разыгрываются всяческие безумства, и *ждут проявления свободы воли*. Только после совершения свободного действия герой-рассказчик «Отрубленной головы», Мартин Линч-Гиббон, становится на равных с Гонорией Кляйн и обретает шанс на ее любовь⁴. Таинственная героиня «Единорога» (1963), магнит для всех окружающих, замороженных ею и потому неспособных на всякое действие, Анна безуспешно ждет решительного поступка – и, в конце концов, сама его совершает. Миша Фокс после сценарного скандала в своем доме, где всеобщая одержимость им приводит к гибели его драгоценных рыб, говорит: «– Все сходит с ума, как обычно <...>

– Ты сводишь их с ума, – заметил Питер» [31. С. 240].

На эту тему – предопределения и свободы – размышляет Роза в финале «Бегства от волшебника»: «Нет никаких сомнений: Миша способен заглянуть ей прямо в лицо, прямо в душу. “А может, он все знает? Может, это все *им* задумано?” – на миг, всего лишь на миг промелькнуло в ее мозгу» [31. С. 325]. И: «Странно <...> Раньше я всегда чувствовала, что, приближаясь к нему или удаляясь, я все равно исполняю *его* волю. Выходит, я заблуждалась, это все была иллюзия.

– Кто знает, – ответили Кальвин. – Возможно, именно сейчас тот момент, когда вы должны так думать» [31. С. 326]. А на последней странице Питер Сейуард, которому Роза предлагает жениться на ней, обвиняет Розу в том, что «какой-то бог или демон заставил тебя сказать это, но сама-то ты этого не хочешь» [31. С. 333]. И Роза, в отчаянии, что он уже никогда ей не поверит, плачет. По-видимому, здесь трактуется идея принципиальной смысловой незавершенности жизни и невозможности извлечь из прошлого однозначный урок: то ли герои пребывают в состоянии гибельных иллюзий относительно предопределенности событий героем-полубогом, то ли Миша, действительно, оркестровал все происходящее – но в таком случае возникает вопрос, предугадал ли он вмешательство своей “правой руки”, трикстера Кальвина Блика, которого “много лет назад” символически «убил» [31. С. 324], сделав своей марионет-

кой, или же тот действовал по своей воле, охраняя свое «имущество», как говорит ему Роза, и тем самым разрушил его счастье и уже, казалось бы, состоявшийся союз с Розой.

На свободу воли Бенета неизменно полагается Джексон: именно поэтому тот многожды отвергает его, принимает к себе на службу лишь при вмешательстве дядюшки Тима (тоже персонажа «волшебного»), наконец, выгоняет его за не совершенный им проступок, но потом самостоятельно раскаивается. Джексон прощает его и возвращается к нему, придавая смысл его жизни (всё это весьма напоминает путь грешника к Христу, а Джексон, хотя и не лишен темных тонов, наиболее хриstopодобен из всех «священных» героев Мердок), но он и сам сомневается в правильности всего произошедшего: «Что касается Бенета, не совершил ли он в конце концов ошибку в отношении него? <...> Неужели я просто неправильно понял? По крайней мере я окликнул тогда Бенета на мосту. Все это *сон*, да <...> В конце пути, который был предопределен, я очутился в месте, где нет дорог» [32. С. 350].

В высшей степени примечательно, что «священные монстры», наделенные, казалось бы, великой властью и знанием, оказываются *не всезнающими и не всемогущими*. В конечном счете, они не в состоянии подчинить себе действительность, которая существует по своим непостижимым законам. Более того – часто они еще и несчастны.

Эти ограничения и различные перспективы связаны с тем, как именно изображается тот или иной герой интересующего нас типа.

Здесь надо отметить, что они представлены в романах Мердок по-разному. Как правило, это *мужчина*, но иногда может быть и *женщина* (Гонория Кляйн, Анна Крин-Смит), что осложняет мотив власти новыми обертонами, в частности, патриархатной власти мужчин над женщинами (Анна, хотя и объект поклонения окружающих, еще и жертва гнева обманутого мужа; Мартин бьет Гонорию по лицу, стремясь ее подчинить).

Это может быть *центральный* (Миша Фокс, Хилари Бэрд в романе «Дитя слова», Карл) либо *второстепенный персонаж* (Джеймс Эрроуби, Мэтью Гибсон Грей в романе «Человек случайностей», 1971).

Это может быть даже *мертвый персонаж* – таков дядюшка Тим в «Дилемме Джексона», который к моменту начала повествования уже умер, но о котором постоянно вспоминают остальные персонажи как о «центре притяжения» [32. С. 298] и который на пороге смерти обеспечил появление Джексона в их жизни.

Это может быть *единственный персонаж такого рода в романе либо один из нескольких*, чаще двух, связанных «близнечными отношениями». Например, это кузены Джеймс Эрроуби и Чарльз Эрроуби, который тоже обладает неизъяснимой властью над окружающими. Не случайно его дом в пустынном месте вдруг становится объектом паломничества чуть ли не всех персонажей романа. Он также неоднократно сравнивается с волшебником Просперо из шекспировской «Бури» (с которым сравнивается также Джу-

лиус Кинг во «Вполне достойном поражении»): «Я сижу здесь и дивлюсь на себя. Что же я, добровольно распростился с этой магией, бросил свою книгу в море, как Просперо? Простил врагам своим? Отречение от власти, окончательное претворение магии в жизнь духа? Время покажет» [34. С. 55–56]. Назову также брата и сестру Палмера Андерсона и Гонорию Кляйн; братьев Мэтью и Остина Гибсон Греев; дядюшку Тима и Джексона; Таллиса Брауна и Джулиуса Кинга.

Это может быть герой-рассказчик (Чарльз Эрроуби, Хилари Бэрд) либо герой, о котором повествуется от 3-го лица и представленный из внешней перспективы.

Это может быть герой «светлый», созидательный, помогающий другим героям, т.е., по терминологии Мердок, «добродетельный» – как Джексон – или «темный», разрушительный, губящий, как, например, Карл из «Времени ангелов».

Наконец, в таком персонаже могут быть *сильнее или слабее выражены черты «священного монстра»*. Максимальные пределы обозначены образом Миши Фокса из раннего романа «Бегство от волшебника» и Джексона из последнего романа Мердок. О минимальном можно дискутировать. Это может быть и Анна Крин-Смит, поскольку она в высшей степени лишена инициативы и сама как бы «заворожена» собственной судьбой, собственным несчастьем; и Мэтью Гибсон Грей, местами представленный как комическая фигура и в финале, несмотря на весь свой ум, шарм, богатство и любовь окружающих, оказывающийся как бы в изгнании, тогда как его место занимает его брат и враг Остин, о котором на всем протяжении романа говорится, что он неудачник. Или даже Хилари Бэрд из романа «Дитя слова» (1975), чей жизненный проект полностью разваливается и который роковым образом навлекает на себя и окружающих несчастье; при этом – не будем забывать – роман строится на том, как постепенно герой, изначально представленный полным неудачником, раскрывается в качестве магнита для окружающих и воплощенного рока (ср.: «На протяжении многих лет вы присутствуете в нашей жизни, заполняя все собой, словно джинн из сказки, – вы всегда *тут*, в глубине, позади каждой вещи. Вы – как судьба... или как некий грозный... бог... или гигантский призрак, которому не лежит в могиле и который, по-видимому, никогда там не уляжется» [35. С. 207]).

Разумеется, в зависимости от того, в какой нарративной позиции представлен герой, меняется и степень его «божественности» (или «демоничности»). Чем больше интроспекции – тем меньше таинственного флера; чем уникальнее позиция героя (т.е. речь идет об отсутствии его «двойников», «близнецов» в пространстве романа) – тем его «священность» сильнее; чем больше сюжетных, событийных доказательств его тайной силы (т.е. не только иррационального притяжения к нему других героев) – тем, опять же, он ближе к позиции божества.

И всё же – еще раз отметим это – даже в самом своем сильном варианте *такой герой не может возвыситься над силами жизни, над ее непостижимостью, ее тайными законами (или, возможно, великими*

случайностями), не может вполне ее подчинить себе или даже полностью предугадать. Не случайно *жизненный итог этих героев не слишком отличается от жизненных итогов других, «обычных» героев*; он даже чаще, чем эти персонажи, оказывается не способен к счастью, а порой переживает настоящее жизненное банкротство. Даже герои, до конца сохраняющие таинственную силу, переживают своего рода крах.

Так, в «Море, море» Джеймс добровольно отказывается от жизни, по-буддистски «потушив свое сознание силой собственной мысли» [34. С. 588]; об этом же, кстати, думает Джексон в финале «Дилеммы Джексона» («...у меня еще остаются силы, и я в любой момент могу уничтожить себя», 350). Чарльз в «Море, море» полагает, что Джеймсу «захотелось сбросить с себя груз мистики, которая не сработала, духовности, которая каким-то образом выродилась в магию» [34. С. 589]. И хотя единовец Джеймса называет такую смерть «хорошей» и утверждает, что «мистер Эрроуби умер счастливый, достигнув всего», т.е. вырвавшись из колеса сансары, в кругозоре главного героя уход из мира не ассоциируется со счастьем; вообще, ценность отшельничества как «последней мудрости» у Мердок ставится под вопрос (см., например, параллельную ситуацию в романе 1954 г. «Под сетью», где Хьюго Белфаундер, «завороживший» главного героя, Джексона и оказавший важнейшее влияние на его судьбу, отказывается от всего, чтобы жить уединенно и просто, работая часовщиком).

Главными «бенефициарами» в романах Мердок оказываются вовсе не «волшебники», какова бы ни была их власть над другими персонажами, а *герои-писатели*, ибо, по ее мнению, лишь искусство выводит человека из маленького персонального мирка в широкий реальный мир, помогает ему избавиться от иллюзий, фантазий – и в этом смысле оно близко Благу. Как пишет Мердок в философском эссе «Суверенность блага» (1970), «мы животные, навьюченные заботами и страхами. Наши умы непрестанно и почти всегда самозабвенно трудятся над созданием подвижной, отчасти искажающей пелены, скрывающей от нас часть мира» [36. С. 122]. Искусство же – «хорошее искусство», как сказано в эссе, или «великое искусство», как в «Море, море», – «показывает нам, как сложно быть объективным, открывая нам, насколько по-разному мир являет себя объективному взгляду. В форме, всегда доступной созерцанию, искусство дает нам правдивый образ человеческого положения. Для многих из нас это, фактически, единственный контекст, позволяющий его увидеть. Искусство выходит за рамки эгоистичных и навязчивых ограничений личности и способно усилить восприимчивость его потребителя. Это нечто вроде опосредованной добродетельности (goodness by proxy). Оно лучше всего демонстрирует нам сочетание в *человеческих* существах ясного реалистичного взгляда и сочувствия» [36. С. 124]. Таким образом, именно художник, писатель ближе к Благу, ближе к чуду, ближе к истине, нежели «священный монстр». Иногда эти два образа сливаются – как в «Море, море», в образе Чарльза

Эрроуби в конце романа, но лишь постольку, поскольку в личности побеждает человек искусства. И ненадолго – собственно, в момент творения.

При этом «священные монстры» и люди искусства сближены у Мердок в той мере, в какой и те и другие неэгоистичны, способны подняться над собой и увидеть мир, способны на благородное самопожертвование и обладают «скромностью», которая, по Мердок, есть «не самоуничижение (вроде того, что поднимать свой голос не стоит, все равно никто не услышит), а одна из наиболее трудных и важных добродетелей, состоящая в неэгоистическом уважении к реальности» [36. С. 131]. Большая власть, по Мердок, должна сочетаться и с большой скромностью, но фактически мало кто из ее «священных монстров» это испытание выдерживает и не употребляет свою силу эгоистически: «Чистое сияние добродетели – большая редкость: таково великое искусство, скромные люди, оказывающие помощь другим» [36. С. 134]. «Хороший человек скромн, он совершенно не похож на исполинского неокантианского Люцифера. <...> Скромность – редкая и старомодная добродетель, которую трудно разглядеть. Очень редко встречаются люди, преисполненные ее сияния; в них мы с удивлением обнаруживаем отсутствие беспокойных и алчных шупальцев самости» [36. С. 136–137]; это люди, способные принять, что они – ничто («Признание смерти является признанием нашего собственного ничтожества (nothingness)» [36. С. 136]). Из всех «священных монстров» Мердок, пожалуй, лишь Джексон оказывается на высоте этого описания – как и его двойник дядюшка Тим («это дар, знак глубокой истины: “Я – ничто”» [32. С. 18]). Остальные герои Мердок способны достичь этого состояния лишь как творцы «хорошего» искусства, приняв «реальную смерть, реальную случайность и реальную скоротечность».

Почему же персонажи интересующего нас типа способны оказывать на других такое сильное воздействие? Очевидно, здесь играет роль то, что Мердок называет «склонностью к мазохизму и наличием других темных особенностей души. Древняя склонность к поклонению глубока и неоднозначна» [36. С. 134]. Персонажи Мердок, как и сама писательница, как правило, не верят в Бога. В «Суверенности блага» она писала открыто: «Утверждение, что в человеческой жизни нет заданного извне предназначения <...>, доказать так же сложно, как и противоположное, и я просто буду исходить из него. Я просто не вижу оснований полагать, что человеческая жизнь не является самодостаточной. <...> Мы есть то, чем кажемся, – недолговечные смертные существа, подчиненные необходимости и случайности. Я хочу сказать, что Бога в традиционном смысле этого слова, по моему мнению, не существует, а традиционный смысл, пожалуй, и есть единственно возможный. <...> Равным образом, различные метафизические заменители Бога –

Разум, Наука, История – являются ложными богами. Нашу судьбу можно изучить, но нельзя оправдать или полностью объяснить. Мы полностью погружены в этот мир. И если в человеческой жизни можно найти какой-нибудь смысл или единство (а мечта об этом не покидает нас), то искать их нужно в человеческом опыте, за пределами которого нет ничего» [36. С. 118–119]. Но персонажи Мердок, в основном не веря в Бога, испытывают при этом чувство необходимости в метафизическом – как, видимо, и сама писательница, поскольку в ее романах неизменно действуют некие таинственные силы, силы случайности или необходимости, но влияющие на происходящие события таким образом, который трудно назвать вполне рациональным. И *проводниками* этого *таинственного* являются как раз «*священные монстры*».

Герои Мердок порой размышляют о том, существует ли мистика без религии. Так, Бенет в «Дилемме Джексона» «никогда не верил в Бога, но в определенном смысле веровал во Христа и в Платона, в платонического Христа – икону добра» [32. С. 22]. Карл во «Времени ангелов» говорит о том, что Бог исчез, но «существуют начала и силы. Ангелы – мысли Бога. Теперь он распался на множество мыслей, непостижимых для нас ни в своей природе, ни в множественности, ни в силе. <...> Отныне ничто не в силах предотвратить магнетизм многих духов» [37. С. 212–213]. Для Мердок, хотя Бога и нет, Благо, единое и совершенное, все-таки есть. В «Суверенности блага» она пишет: «Любовь является источником наших величайших ошибок, но вместе с тем даже не вполне чистая любовь дает душе энергию и страсть для поисков Блага; это сила, соединяющая нас с Благом, а через него – с миром. Само ее существование – это знак, который невозможно истолковать неправильно, знак того, что мы – духовные существа, влекомые совершенством и созданные для Блага. Это отражение тепла и света солнца» [36. С. 136].

«Священные монстры» Мердок, хотя сами и *не являются* этим *солнцем*, предстают как бы *призмой, собирающей солнечные лучи*: главное, что их объединяет, – это сила любви, испытываемой по отношению к ним другими персонажами, беспомощно к ним влекущимися. В конечном счете, они предстают словно бы *персонализациями центрального мифа в творчестве Мердок – платоновского мифа о пещере*: узники жизни-пещеры не в силах смотреть на самый свет, ибо от солнца болят глаза, но созерцают отраженный свет, воплотившийся в героях этого типа. Поэтому и сами «священные монстры» – не итоговая смысловая инстанция романов Мердок, но такие же узники реальности. Зато через них, через отношения с ними, определяющиеся в первую очередь любовью, иногда способны, в конечном счете, посмотреть на солнце, т.е. познать истину и Благо, некоторые другие герои.

Примечания

¹ По мнению Э.А. Ву, не все «маги» у Мердок таковы, а только «экзотические» (вторая категория – «обычные», ordinary).

² Отсутствием имени отмечен и герой-«волшебник» романа «Замок на песке» (1957) по фамилии Бладуард.

³ На Христа спроецирован и Таллис Браун, герой романа «Вполне достойное поражение» (1970).

⁴ Ср. со сходной ситуацией в романе «Вполне достойное поражение», где Таллис Браун толкает в бассейн Джулиуса Кинга, тем самым заслуживая его уважение и собственное освобождение из плена.

Список источников

1. Iris Murdoch, *Philosopher: A Collection of Essays* / ed. by J. Broackes. Oxford, 2012.
2. Iris Murdoch and the Search for Human Goodness / eds. by M. Antonaccio, W. Schweiker. Chicago ; London, 1996.
3. Robjant D. As a Buddhist Christian: the Misappropriation of Iris Murdoch // *The Heythrop Journal*. 2011. № 70. P. 993–1008.
4. Iris Murdoch, *Gender and Philosophy*. New York ; London, 2012.
5. Altorf M. Iris Murdoch, or What It Means To Be A Serious Philosopher // *Daimon. Revista Internacional de Filosofia*. 2013. № 60. P. 75–91.
6. Moore S.H. Murdoch's Fictional Philosophers: What They Say and What They Show // Rowe A., Horner A. *Iris Murdoch and Morality*. London, 2010. P. 101–113.
7. Ивашева В.В. Роман с философской тенденцией: Айрис Мердок. Уильям Голдинг // Ивашева В.В. Что сохраняет время: литература Великобритании 1945–1977. М., 1979. С. 161–183.
8. Ивашева В.В. От Сартра к Платону // *Вопросы литературы*. 1969. № 11. С. 134–155.
9. Мадорская Н.Я. Концепция личности в философско-психологическом романе Айрис Мердок: От первых опытов к «Ученику философа» : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1997.
10. Мизинина И.Н. Романы А. Мердок конца 60-х – начала 70-х гг.: Идеи философии Платона в зеркале художественной структуры : дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
11. Phillips D. The Challenge of the Past: Iris Murdoch and the Legacy of the Great Nineteenth-Century Novelists // *Caliban*. 1990. № 27. P. 73–81.
12. Conradi P.J. Iris Murdoch and “Shakespeare the Novelist” // *Iris Murdoch Review*. 2016. № 7. P. 29–38.
13. Conradi P.J. Iris Murdoch's ‘Negative Capability’ and the Question of Influence // *Études britanniques contemporaines*. 2020. № 59. URL: <http://journals.openedition.org/ebc/9613>
14. Pearson G. Iris Murdoch and the Romantic Novel // *New Left Review*. 1962. № 13–14. P. 137–145.
15. Байрамкулова Л.К. Поэтика Айрис Мердок в свете проблемы интертекстуальности: Мердок и Шекспир : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2005.
16. Пирудян А.А. Структура романов Айрис Мердок и комедии Шекспира // *Английская литература XX в. и наследие Шекспира*. М., 1997. С. 120–132.
17. Чебинева В.А. Развитие традиций Л. Стерна в творчестве В. Вульф и А. Мердок : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003.
18. Homer A. ‘Refinements of Evil’: Iris Murdoch and the Gothic // *Iris Murdoch and Morality* / eds. by A. Rowe, A. Horner. London, 2010. P. 70–84.
19. Sullivan Z.T. The Contracting Universe of Iris Murdoch's Gothic Novels // *Modern Fiction Studies*. 1977–1978. № 23. P. 557–569.
20. Nakanishi W. Jones. *A Severed Head: As Freudian Drama and as Restoration Comedy* // *English Studies*. 2010. № 91:8. P. 884–892.
21. Малишевская Н.А. Жанровое своеобразие романов Айрис Мердок: к проблеме пародирования жанровых моделей в современной мета-прозе : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2001.
22. Byatt A.S. *Degrees of Freedom: The Early Novels of Iris Murdoch*. London, 1965.
23. Conradi P.J. *Iris Murdoch: the Saint and the Artist*. London, 1986.
24. Brugmans E. Poetry in the Novels of Iris Murdoch // *Philosophy and Literature*. 2013. Vol. 37, № 1. P. 88–101.
25. Урнов М.В. Айрис Мердок: литература и мистификация // *Вопросы литературы*. 1984. № 11. С. 78–105.
26. Осипенко Е.А. Принципы игровой поэтики в романах Айрис Мердок 50–80 годов : дис. ... канд. филол. наук. Балашов, 2004.
27. Никифорова А.Н. Поэтика романов Айрис Мердок 1950-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
28. Garner D. On the Centennial of Iris Murdoch's Birth, Remembering a 20th-Century Giant // *The New York Times*. 25 June 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/25/books/iris-murdoch-centennial.html>
29. Тимонина Т.Ю. Поэтология света и тьмы в творчестве А. Мердок (на материале романов конца 1960-х – 1970-х годов) : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2016.
30. Woo E.A. *The Enchanter Figure in the Novels of Iris Murdoch : a Thesis ... for the Degree of Master of Arts*. Vancouver, BC, 1974.
31. Мердок А. Бегство от волшебника / пер. И. Трудовой. М., 2003.
32. Мердок А. Дилемма Джексона / пер. И. Дорониной. М., 2002.
33. Nakanishi W. Jones, Shakespeare and Buddhism in *Bruno's Dream*. URL: https://www.researchgate.net/publication/291167248_27Shakespeare_and_Buddhism_in_Bruno%27s_Dream%27
34. Мердок А. Море, море / пер. М. Лорие. М., 2004.
35. Мердок А. Дитя слова / пер. Т. Кудрявцевой. М., 2001.
36. Мердок А. Суверенность блага / пер. Е. Востриковой и Ю. Кульгавчук // *Логос*. 2008. № 1 (64). С. 117–137.
37. Мердок А. Время ангелов / пер. И. Трудовой. М., 2008.

References

1. Broackes, J. (ed.) (2012) *Iris Murdoch, Philosopher: A Collection of Essays*. Oxford: Oxford University Press.
2. Antonaccio, M. & Schweiker, W. (eds) (1996) *Iris Murdoch and the Search for Human Goodness*. Chicago; London: University of Chicago Press.
3. Robjant, D. (2011) As a Buddhist Christian: the Misappropriation of Iris Murdoch. *The Heythrop Journal*. 70. pp. 993–1008.
4. Lovibond, S. (2012) *Iris Murdoch, Gender and Philosophy*. New York; London: Routledge.
5. Altorf, M. (2013) Iris Murdoch, or What It Means To Be A Serious Philosopher. *Daimon. Revista Internacional de Filosofia*. 60. pp. 75–91.
6. Moore, S.H. (2010) Murdoch's Fictional Philosophers: What They Say and What They Show. In: Rowe, A. & Horner, A. (eds) *Iris Murdoch and Morality*. London: Palgrave Macmillan. pp. 101–113.
7. Ivasheva, V.V. (1979) *Chto sokhranyaet vremya: literatura Velikobritanii 1945–1977* [What Saves Time: Literature of Great Britain 1945–1977]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 161–183.
8. Ivasheva, V.V. (1969) Ot Sartra k Platonu [From Sartre to Plato]. *Voprosy literatury*. 11. pp. 134–155.
9. Madorskaya, N.Ya. (1997) *Kontseptsiya lichnosti v filosofsko-psikhologicheskom romane Ayris Merdok: Ot pervykh opytov k “Ucheniku filosofa”* [The concept of personality in the philosophical and psychological novel by Iris Murdoch: From the first experiments to the “The Philosopher's Pupil”]. Philosophy Cand. Diss. Saint Petersburg.
10. Mizinina, I.N. (1991) *Romany A. Merdok kontsa 60-kh – nachala 70-kh gg.: Idei filosofii Platona v zerkale khudozhestvennoy struktury* [A. Murdoch's Novels of the late 60s – early 70s: Ideas of Plato's Philosophy in the mirror of the Artistic structure]. Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Phillips, D. (1990) The Challenge of the Past: Iris Murdoch and the Legacy of the Great Nineteenth-Century Novelists. *Caliban*. 27. pp. 73–81.
12. Conradi, P.J. (2016) Iris Murdoch and “Shakespeare the Novelist”. *Iris Murdoch Review*. 7. pp. 29–38.
13. Conradi, P.J. (2020) Iris Murdoch's ‘Negative Capability’ and the Question of Influence. *Études britanniques contemporaines*. 59. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/ebc/9613>.
14. Pearson, G. (1962) Iris Murdoch and the Romantic Novel. *New Left Review*. 13–14. pp. 137–145.
15. Bayramkulova, L.K. (2005) *Poetika Ayris Merdok v svete problemy intertekstual'nosti: Merdok i Shekspir* [Iris Murdoch's Poetics in the Light of the Problem of Intertextuality: Murdoch and Shakespeare]. Philology Cand. Diss. Nalchik.

16. Pirudyan, A.A. (1997) Struktura romanov Ayris Merdok i komedii Shekspira [The structure of Iris Murdoch's novels and Shakespeare's comedies]. In: Sarukhanyan, A.P. (ed.) *Angliyskaya literatura XX v. i nasledie Shekspira* [English Literature of the 20th Century and Shakespeare's Legacy]. Moscow: Nasledie. pp. 120–132.
17. Chebineva, V.A. (2003) *Razvitiye traditsiy L. Sterna v tvorchestve V. Vul'f i A. Merdok* [The development of L. Stern's traditions in the works of V. Woolf and A. Murdoch]. Philology Cand. Diss. Kazan.
18. Homer, A. (2010) 'Refinements of Evil': Iris Murdoch and the Gothic. In: Rowe, A. & Horner, A. (eds) *Iris Murdoch and Morality*. London: Palgrave Macmillan. pp. 70–84.
19. Sullivan, Z.T. (1977–1978) The Contracting Universe of Iris Murdoch's Gothic Novels. *Modern Fiction Studies*. 23. pp. 557–569.
20. Jones Nakanishi, W. (2010) A Severed Head: As Freudian Drama and as Restoration Comedy. *English Studies*. 91:8. pp. 884–892. DOI: 10.1080/0013838X.2010.488848
21. Malishevskaya, N.A. (2001) *Zhanrovoye svoeobrazie romanov Ayris Merdok: k probleme parodirovaniya zhanrovyykh modeley v sovremennoy metaprobe* [Genre originality of Iris Murdoch's Novels: on the problem of parodying genre Models in Modern Meta-prose]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
22. Byatt, A.S. (1965) *Degrees of Freedom: The Early Novels of Iris Murdoch*. London: [s.n.].
23. Conradi, P.J. (1986) *Iris Murdoch: the Saint and the Artist*. London: Macmillan.
24. Brugmans, E. (2013) Poetry in the Novels of Iris Murdoch. *Philosophy and Literature*. 1 (37). pp. 88–101. DOI:10.1353/phl.2013.0001
25. Urnov, M.V. (1984) Ayris Merdok: literatura i mistifikatsiya [Iris Murdoch: Literature and mystification]. *Voprosy literatury*. 11. pp. 78–105.
26. Osipenko, E.A. (2004) *Printsipy igrovoy poetiki v romanakh Ayris Merdok 50–80 godov* [Principles of game poetics in the novels of Iris Murdoch of the 1950s – 1980s]. Philology Cand. Diss. Balashov.
27. Nikiforova, A.N. (2007) *Poetika romanov Ayris Merdok 1950-kh godov* [Poetics of Iris Murdoch's novels of the 1950s]. Philology Cand. Diss. Ufa.
28. Garner, D. (2019) On the Centennial of Iris Murdoch's Birth, Remembering a 20th-Century Giant. *The New York Times*. 25 June. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2019/06/25/books/iris-murdoch-centennial.html>.
29. Timonina, T.Yu. (2016) *Poetologiya sveta i t'my v tvorchestve A. Merdok (na materiale romanov kontsa 1960-kh – 1970-kh godov)* [Poetology of light and darkness in the works of I. Murdoch (based on the novels of the late 1960s – 1970s)]. Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
30. Woo, E.A. (1974) *The Enchanter Figure in the Novels of Iris Murdoch*. Master of Arts Thesis. Vancouver, BC.
31. Murdoch, I. (2003) *Begstvo ot volshebniika* [The Flight from the Enchanter]. Translated from English by I. Trudolyubova. Moscow: AST.
32. Murdoch, I. (2002) *Dilemma Dzheksona* [Jackson's Dilemma]. Translated from English by I. Doronina. Moscow: AST.
33. Jones Nakanishi, W. (2005) *Shakespeare and Buddhism in Bruno's Dream*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/291167248_%27Shakespeare_and_Buddhism_in_Bruno%27s_Dream%27.
34. Murdoch, I. (2004) *More, more* [The Sea, the Sea]. Translated from English by M. Lorie. Moscow: AST.
35. Murdoch, I. (2001) *Ditya slova* [A Word Child]. Translated from English by T. Kudryavtseva. Moscow: AST.
36. Murdoch, I. (2008) *Suverennost' blaga* [The Sovereignty of Good]. Translated from English by E. Vostrikova and Yu. Kul'gavchuk. *Logos*. 1 (64). pp. 117–137.
37. Murdoch, I. (2008) *Vremya angelov* [The Time of the Angels]. Translated from English by I. Trudolyubova. Moscow: Eksmo.

Информация об авторе:

Зусева-Озкан В.Б. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.B. Zuseva-Ozkan, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021;
одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 20.10.2021;
approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 81.37; 811.811
doi: 10.17223/15617793/477/4

Расширение словарного состава современного английского языка на примере фразовых глаголов с послелогом *down*

Татьяна Сергеевна Рыжкова¹, Ирина Викторовна Зайкова²

^{1,2} Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
¹ ryzhkova08@mail.ru
² irazaykova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается семантический потенциал фразовых глаголов с послелогом *down* в современном английском языке. Материалом исследования являются данные толковых и фразеологических словарей, текстовые фрагменты британского корпуса английского языка и корпуса современного американского английского языка. Выявлена не зафиксированная лексикографическими источниками архисема 'чувства'. Определены семантические возможности исследуемых глаголов в качестве детерминирующего фактора расширения словарного состава языка.

Ключевые слова: семантический потенциал, фразовые глаголы, послелог *down*, словарный состав языка, метафорическое переосмысление, архисема, сема

Для цитирования: Рыжкова Т.С., Зайкова И.В. Расширение словарного состава современного английского языка на примере фразовых глаголов с послелогом *down* // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 37–47 doi: 10.17223/15617793/477/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/4

The expansion of modern English vocabulary on the example of phrasal verbs with the particle *down*

Tatyana S. Ryzhkova¹, Irina V. Zaykova²

^{1,2} Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation
¹ ryzhkova08@mail.ru
² irazaykova@mail.ru

Abstract. This article studies the semantic potential of phrasal verbs with the particle *down* as a means of expanding the modern English language. The research material is based on the data of explanatory and phraseological dictionaries of the English language. The British National Corpus (BNC) and Corpus of Contemporary American English (COCA) are used as a source of discursive analysis. The component analysis of the meanings of phrasal verbs with the particle *down* enables to reveal their broad semantic possibilities. The particle *down* when forming a unified semantic whole with the verb retains confidently the main seme 'downward' and modifies the meaning to denote the movement of objects of the surrounding world from top to bottom. It is the spatial component *down* in the aspect of vertical division of space that forms the archiseme for phrasal verbs on the basis of which subsequent metaphorization occurs, as well as the transfer from the feature 'downward' to other components of both physical and non-physical space. As a result, twelve basic semantic components, i.e. archisemes, and sixty differential semes are identified. It should be noted that thirty five meanings of the verbs are not taken into account due to the diffuseness of semantic features. The meanings of the verbs marked as 'old-fashioned' are not considered either. The contextual analysis is carried out on the basis of two thousand English-language text fragments from the late 20th – early 21st centuries by means of the continuous sampling method. The research shows that the indirect meanings of phrasal verbs with *down* exceed their direct spatial meanings in terms of their representation in the texts: 1297 and 703, respectively. The statistical data allow establishing the heterogeneity of the distribution of meanings. The archisemes 'downward movement', 'social relations' and 'completion' are quite frequent in the texts, which is primarily due to a wide range of semes forming them. The analysis of the discursive material also shows that the semantic properties of phrasal verbs with *down* can expand due to the static factor of space influencing the sensory perception of the world picture. The study makes it possible to reveal the archiseme 'feelings', which is not fixed in explanatory and phraseological dictionaries. The empirical research helps determine a progressive expansion of the vocabulary due to the particle *down*. Thus, phrasal verbs with *down* have a fairly wide range of metaphorically reinterpreted meanings, which allows us to conclude that these verbs possess a high potential of semantic possibilities and, as a consequence, can influence directly on the expanding of the vocabulary of modern English.

Keywords: semantic potential, phrasal verbs, particle *down*, vocabulary, metaphorical rethinking, archiseme, seme

For citation: Ryzhkova, T.S. & Zaykova, I.V. (2022) The expansion of modern English vocabulary on the example of phrasal verbs with the particle *down*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 37–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/4

Стремительное развитие научно-технического прогресса и общественных отношений, усиливающийся процесс глобализации, внедрение современных цифровых технологий в различные сферы бытия человека являются основными объективными детерминантами, способствующими образованию новых лексических единиц для того, чтобы обозначать и описывать актуальные фрагменты действительности. Словарный состав английского языка постоянно пополняется фразовыми глаголами. Новые лексические значения фразовых глаголов, образованные в результате метафорического переосмысления, также успешно занимают свою нишу в языке. В современных лингвистических исследованиях подчеркивается тот факт, что послелоговые глаголы обладают огромным словообразовательным потенциалом [1–9].

Как показывает анализ научной литературы, изучение послелогов в составе фразовых глаголов находится в центре внимания ученых. Так, в своем исследовании Дж. Лакофф достаточно подробно изучает влияние послелога *over* в составе фразовых глаголов. Автор показывает взаимосвязь между пространственными значениями данных глаголов и значениями, обусловленными метафорическим расширением [10].

С. Линднер проводит детальный лексико-семантический анализ фразовых глаголов с послелогом *up* and *out*, показывая высокую степень мотивации значений метафорами [5]. Д.Э. Рахматуллина, Э.Р. Замалютдинова рассматривают английские послелоговые глаголы *on*, *off*, *away*, *back*, *forward* в составе фразовых глаголов, степень их влияния на семантику данных глаголов. Авторы подчеркивают способность послелогов придавать глаголу дополнительное категориальное значение временного следования [11].

Исследуя типологию словообразования английских глаголов с послелогом, В.Г. Шабаетов проводит когнитивно-концептуальный анализ специфики английских фразовых глаголов с послелогом *up* и *down* в сопоставительном аспекте с русскими приставочными глаголами совершенного вида [12]. Автор рассматривает английские послелоговые глаголы как словообразовательные компоненты, анализирует их пространственное значение, выявляет частотность использования. Исследование фразовых глаголов в сопоставительном аспекте продемонстрировано в работе Н.А. Сабуровой и О.О. Кутенкиных [13]. Авторы проводят семантический анализ фразовых глаголов с постпозитивными компонентами *up* и *down* с точки зрения горизонтально-вертикального членения пространства.

Семантическая структура *down* в составе фразовых глаголов также изучается А.С. Джанумовым [14]. В частности, автор выстраивает цепочечную организацию значений фразовых глаголов с постпозитивным компонентом *down*, выявляет закономерности реализации последнего. В сопоставительном русле Е.В. Трубникова рассматривает пространственную семантическую модель английских фразовых глаго-

лов на примере послелога *over* и русских приставочных глаголов с префиксом *пере-*, описывая сходства данных глаголов по структуре и семантике [15].

Отметим, что пространственная семантика фразовых глаголов с различными послелогом находится в фокусе внимания исследователей. В частности, В.В. Кашпур, Е.В. Трубникова, Ю.В. Филь изучают семантическую организацию английских фразовых глаголов и русских префиксальных глаголов в контексте сравнения пространственной семантики с ориентиром *низ* [16]. Авторы выделяют особенности семантических трансформаций значений, которые реализуют фразовые глаголы с послелогом *down*. С.Ю. Богданова изучает фразовые глаголы в контексте концептуализации и реконцептуализации пространственных отношений, анализируя способность послелога *down* оказывать влияние на траекторию метафорически переосмысленных пространственных отношений [17].

Несмотря на активное изучение послелога *down* в составе фразовых глаголов, его семантические возможности до сих пор не раскрыты в полном объеме.

Цель настоящего исследования – изучить семантический потенциал фразовых глаголов с послелогом *down* как средство расширения словарного состава современного английского языка.

Выбор послелога *down* в качестве объекта исследования обусловлен тем, что он имеет значительную репрезентативность в составе фразовых глаголов, обладает достаточной продуктивностью, а также наряду с другими послелогом задает своеобразную систему координат материального и нематериального мира, представляя собой особенности восприятия и осмысления *пространства* носителями языка и культуры.

Материалом исследования послужили данные толковых [18–22] и фразеологических словарей современного английского языка [23–26]. В качестве источника дискурсивного материала были использованы британский корпус английского языка (BNC) [27] и корпус современного американского английского языка (COCA) [28].

Методами исследования являются анализ словарных дефиниций, компонентный анализ значений фразовых глаголов с послелогом *down*, контекстуальный анализ, а также статистический метод количественных и процентных характеристик.

В первую очередь следует отметить, что среди исследователей пока не существует единого мнения относительно номинации второго компонента фразового глагола. Авторы оперируют различной терминологией, используя такие термины, как «послелог» (Н.А. Сабурова, О.О. Кутенкиных, Е.В. Трубникова), «наречие» (П. Робертс, Р.В. Пэнс), «предложное наречие» (А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова), «предлогообразное наречие» (В.Н. Ярцева), «постпозитив» (И.П. Иванова), «частица» (Р. Куирк, С. Гринбаум), «наречная частица» (Л.И. Зильберман, А.И. Грузинская), «адвербиальный послелог» (И.Е. Аничков) [11–12, 14–15].

В данной работе применительно ко второму компоненту фразового глагола считаем целесообразным использование термина «послелог», принимая во внимание его относительную зависимость от глагола и способность оказывать влияние на его семантические свойства [15].

Фразовый глагол в настоящем исследовании рассматривается как сочетание основного глагола и послелога, представляющее собой единое семантическое и синтаксическое целое. Послелог *down*, занимающий вторую позицию во фразовом глаголе, рассматривается как компонент, модифицирующий семантику основного глагола.

На первом этапе исследования анализ словарных дефиниций позволил отметить у послелога *down* следующие дифференциальные значения с ярко выраженными пространственными и переосмысленными характеристиками: *падение и разрушение* (falling and destroying); *уменьшение* (reducing); *подавление* (suppressing); *нанесение поражения* (defeating); *провал* (failing); *фиксирование* (fixing); *запись в письменной форме* (recording in writing); *прием пищи* (eating); *завершенность* (completion); *интенсивность* (intensity) [26. Р. 353–355].

Далее методом сплошной выборки на материале толковых и фразеологических словарей английского языка было выявлено, проанализировано и классифицировано 512 значений с послелогом *down*, что позволило очертить семантические возможности исследуемых фразовых глаголов. Не были включены в классификацию 35 значений ввиду диффузности их семантических признаков. Кроме того, не учитывались значения фразовых глаголов с пометой в словаре *old-fashioned*. В данной работе также не рассматривалась конструкция «обычный глагол + предлог», в которой предлог служит для связи глагола с последующим существительным и не оказывает влияние на значение глагола. В том числе не анализировались фразово-предложные глаголы «глагол + наречие + предлог» с целью исключения устойчивых семантических признаков, вносимых третьим компонентом.

Последующий компонентный анализ значений фразовых глаголов с послелогом *down* позволил разложить значения исследуемых глаголов на минимальные семантические составляющие, которые затем были объединены в группы значений с единой для каждой группы архисемой. В результате проведенного компонентного анализа были выявлены базовые смысловые компоненты – архисемы, которые представлены на рис. 1.

Рис. 1. Базовые смысловые компоненты фразовых глаголов с послелогом *down*

Рассмотрим последовательно языковую репрезентацию вышеуказанных базовых смысловых компонентов, обозначив дифференциальные семы внутри каждой архисемы, а также по мере необходимости более дробного членения дифференциальные признаки внутри семы.

Архисема '*движение вниз*' напрямую коррелирует с фундаментальной категорией человеческого

мышления *пространство* и является отражением категоризации *пространства* в процессе познания человеком окружающей действительности и формирования наивной картины мира. Пространственный опыт является важным аспектом в познавательной деятельности человека [29], поскольку само понятие *пространство* предполагает форму созерцания вещей, одно из условий чувственного опыта, позволя-

ющее воспринимать объекты внешнего мира с точки зрения их расположения в том или ином месте и определенного положения относительно друг друга [30]. Познавая пространство, человек находится в центре микро- и макрокосмоса, вокруг которого организуется пространство, воспринимаемое и дифференцируемое им [29, 31]. Динамические особенности пространства применительно к сознанию человека напрямую ассоциируются с движением, связанным с перемещением в пространстве [32].

Следует отметить, что пространственный послелог *down* позволяет категоризовать действие, обозначенное фразовым глаголом, как осмысленное с точки зрения определенных пространственных отношений. В зависимости от особенностей передвижения и степени переосмысления явлений действительности у архисемы **‘движение вниз’** дифференцируется несколько сем: *падение*, *утопление*, *приземление*, *спуск*, *выпадение осадков*, *движение за линию горизонта*, *движение на юг*.

Сема **‘падение’** представлена в содержательной структуре следующих глаголов с прямыми пространственными значениями: *knock down* – *сбить с ног*, *отправить в нокадаун*; *go down* – *падать (о самолете)*; *fall down* – *упасть*; *kick down* – *сбросить вниз ударом ноги*; *tumble down* – *упасть, рухнуть*.

Следующие семы **‘утопление’**, **‘приземление’** и **‘спуск’** отражают прямую траекторию движения объекта сверху вниз и актуализируются в семантической структуре глаголов, ср.:

утопление: *go down* – *тонуть (о корабле)*, *пойти ко дну*; *suck down* – *затягивать (о водовороте)*; **приземление:** *touch down* – *приземлиться, сесть (о самолете)*; *splash down* – *совершить посадку на воду*; **спуск:** *shin down* – *быстро спускаться (по дереву, трубе)*; *ride down* – *спуститься вниз*; *roll down* – *скатиться вниз*.

Сема **‘выпадение осадков’** представлена фразовыми глаголами, которые описывают пространственные отношения относительно явлений природы. В процессе вычленения данных фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них человек распредмечивает природные явления, тем самым включая их в свою картину мира: *come down* – *падать (о снеге, дожде)*; *beat down* (*lash down*, *pour down*) – *лить (о дожде)*; *bucket down* – *лить как из ведра*.

Сема **‘движение за линию горизонта’** присутствует в семантической структуре таких глаголов, как *go down* (*sink down*) – *садиться, заходить (о солнце, луне)*.

Архисема **‘движение вниз’** актуализируется в содержательной структуре глаголов с общей семой **‘движение на юг’**, отражая графическую визуализацию перемещения на юг как *движение вниз*, ср.: *go down* (*come down*) – *двигаться на юг*; *get down* – *добраться до места, расположенного южнее*.

Отметим, что вертикальное членение пространства для человека первостепенно, так как оппозиция *верх–низ* напрямую ассоциируется с противопоставлением *небо–земля*. Данная оппозиция *верх–низ* трактуется как *север–юг*, что в историческом аспекте связано с первыми представлениями древних народов о Земле и

ее форме, и в дальнейшем с переосмыслением расположения частей света, ср.:

Дальнейший анализ фразовых глаголов с семантикой **‘движение вниз’** позволил выделить глаголы с семой **‘поглощение пищи’**. Действительно, благодаря анатомическим особенностям своего тела человек в отличие от большинства живых существ обладает вертикальным положением тела, что позволяет ему соотносить прием пищи с движением еды сверху вниз. У семы **‘поглощение пищи’** вычленяется несколько дифференциальных признаков, ср.:

быстрое поглощение пищи: *wolf down* (*bolt down*, *scarf down*, *hook down*, *gulp down*) – *есть с жадностью, уплетать, проглатывать одним махом*; *drink down* (*swill down*) – *выпить залпом*;

поглощение пищи с трудом: *get down* (*choke down*, *force down*, *swallow down*) – *глотать с трудом, проглотить*; *wash down* (*swill down*, *rinse down*) – *запивать*;

поглощение пищи с удовольствием: *chow down* (*go down*) – *есть, пить с удовольствием*; *slip down* – *легко идти (о напитке)*.

Сема **‘перемещение’** была выделена у глаголов, которые напрямую ассоциируются с перемещением тела человека в пространстве из вертикального в горизонтальное или иное положение тела, а также с изменением положения объекта воздействия в пространстве относительно системы отсчета с четкой траекторией движения вниз, ср.:

перемещение тела в положение ‘сидя’, ‘лежа’ или ‘пригнувшись’: *sit down* – *сесть*; *lie down* – *прилечь*; *flor down* – *плюхнуться (в кресло)*; *bend down* – *пригнуться, нагнуться*; *crouch down* – *сесть на корточки*; *bow down* – *поклониться*;

перемещение объекта воздействия вниз: *pull down* – *стягивать вниз, спускать*; *roll down* – *опустить окно (в машине)*; *go down* – *опускаться (о занавесе)*; *roll down* – *раскатать (рукава)*.

Появление архисемы **‘движение по горизонтали’** обусловлено спецификой вертикального членения пространства, которое способно преломляться в процессе познания и переосмысления окружающей действительности в горизонтальной плоскости. При этом координате *низ* соответствует координата *далеко*, т.е. объект воздействия перемещается относительно точки координат *дальше*, ср.: *lay down* (*put down*) – *отложить в сторону*; *set down* – *высадить (пассажира)*; *get down* – *выйти из-за стола*; *run down* – *догонять*.

Дальнейший компонентный анализ значений исследуемых глаголов позволил выявить архисему **‘изменение количественной характеристики’**. Уменьшение количественных характеристик объекта часто ассоциируется с движением вниз, поэтому именно пространственное значение послелога *down* привносит в значение фразового глагола необходи-

мый семантический признак. У данной архисемы были выделены следующие семы, ср.:

уменьшение количества: *cut down* – уменьшать, ограничивать; *draw down* – сокращать расходы; *scale down* (*pare down*) – уменьшать, урезать;

уменьшение объема: *let down* – выпускать воздух, спускать (шину); *boil down* – сократить (статью);

уменьшение скорости: *slow down* – замедлять, сбавлять темп; *bog down* – замедлиться, затормозиться; *wind down* – замедлять ход, сбавлять обороты;

уменьшение громкости: *turn down* (*put down*) – уменьшить громкость звука; *keep down* (*pipe down*, *tone down*) – сбавить тон, говорить тише;

уменьшение размера: *trim down* – уменьшить (размер); *dwindle down* – уменьшиться.

Также были выявлены актуальные для сферы финансовых отношений фразовые глаголы с общей се-

мой **‘уменьшение цены’**, ср.: *bring down* (*put down*, *mark down*, *move down*, *drive down*, *pull down*, *price down*, *work down*) – снизить, уменьшить цены; *beat down* (*bid down*) – сбить цену.

Нижеследующие графические изображения наглядно демонстрируют устойчивую ассоциативную связь при понижении стоимости объектов недвижимости, котировок нефти и курса цифровой валюты с траекторией движения вниз (рис. 2).

Уменьшение количественных характеристик для обозначения понижения температуры, уровня, снижения оценки и веса, релевантных для данной архисемы, в том числе, ассоциируется с траекторией движения вниз: **понижение температуры:** *cool down* – охладить; **понижение уровня:** *level down* – понижать до уровня; **снижение оценки:** *mark down* – снизить оценку; **снижение веса:** *slim down* (*thin down*) – худеть.

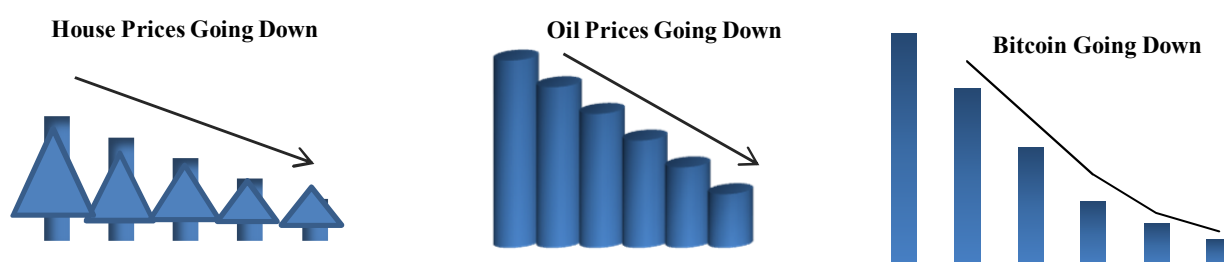

Рис. 2. Изменение количественных характеристик по шкале убывания

Наряду с архисемой **‘изменение количественной характеристики’** была выделена архисема **‘изменение качественной характеристики’**, которая не может быть выражена точными числовыми значениями, но доступна для восприятия и сравнения по принципу «было–стало». Таким образом, послелог *down* номинирует и помогает зафиксировать в языке эволюцию объекта, ср.:

изменение свойств объекта: *wear down* – изнашивать(ся); *water down* – разбавлять водой; *thin down* – разбавлять; *tamp down* (*beat down*, *pack down*, *ram down*) – утрамбовать;

изменение образа жизни: *settle down* – осесть, зажить семейной жизнью; *slow down* – жить более спокойно, снизить темп жизни;

изменение агрегатного состояния вещества: *boil down* – выпарить(ся); *melt down* – расплавить(ся); *render down* – растопить жир.

Последующий анализ фразовых глаголов, находящихся в фокусе настоящего исследования, позволил выделить архисему **‘нарушение целостности объекта’**, которая означает состояние или следствие процесса, приводящего не только к уменьшению пространственных параметров объекта, но и нарушению целостности конструкции, разделению объекта на определенное количество частей или к его разрушению. В данной группе значений глаголов были выделены следующие дифференциальные семы, ср.:

разделение объекта на части: *knock down* (*take down*) – разобрать на части; *break down* – распасться (о веществе); *grind down* – размолоть, измельчить; *saw down* – отпилить; *rip down* – разорвать;

разрушение объекта: *pull down* (*knock down*, *bring down*) – сносить, ломать, обрушивать; *burn down* – сжечь дотла; *break down* – разбить, сломать; *cut down* (*hack down*) – срубить; *smash down* – сносить, крушить; *trample down* – растоптать.

Архисема **‘завершение’**, выделенная у фразовых глаголов с послелогом *down*, напрямую коррелирует с одной из существенных характеристик пространства – прерывностью. Пространственные координаты *верх–низ* переосмысливаются в ментальном пространстве и трактуются как *начало–конец*. Послелог вносит в значение основного глагола тональность завершенности действия, которая дифференцируется как полная или временная остановка в пространственно-временном континууме: *hunt down* – поймать, выследить.

В данной группе глаголов был выделено несколько дифференциальных сем, ср.:

доведение действия до конца: *track down* – обнаружить, выследить; *chase down* – разыскать, поймать; *shut down* – завершить работу (на компьютере); *put down* – завершить телефонный разговор;

прекращение: *come down* (*go down*) – оставить университет; *close down* – прекратить работу, закрыть (о предприятии); *wind down* – сворачивать (деятельность);

временная остановка в работе техники: *go down* (*shut down*) – зависнуть (о компьютере); *run down* – разряжаться; *break down* – сломаться, выйти из строя;

полная остановка биологических и физиологических процессов жизнедеятельности организма: *gun down* (*shoot down*, *tow down*, *cut down*) – пристрелить; *strike down* – убить (о болезни); *tow down* – сбить насмерть (на машине); *put down* – усыпить (животное).

Далее на семантическом уровне у исследуемых глаголов была выделена антонимичная архисема '**завершение**' архисема '**начало**', что свидетельствует о возможности послелога *down* отражать более сложные когнитивные процессы человеческого мышления и более глубокое метафорическое переосмысление действительности. Отметим, что в описании любой картины мира лежат различные бинарные оппозиции, которые отражают столкновение совершенно противоположных понятий. Послелог *down* придает значению глаголов с семой '**начало**' оттенок энтузиазма и решительности, ср.: *settle down* – братья, приступить; *buckle down* (*hunker down*, *knuckle down*) – *взяться за работу серьезно*.

Исследование переосмысленных значений фразовых глаголов позволило вычленить архисему '**интенсивность**', которая с траекторией движения в пространстве абсолютно не связана. Данный семантиче-

ский признак проявляется в содержательной структуре глаголов, описывающих усиление или ослабление интенсивности воздействия извне, ср.:

усиление интенсивности: *howl down* (*shout down*, *scream down*) – *заглушить (криком), перекричать*; *beat down* – *палить о солнце*;

ослабление интенсивности: *calm down* (*die down*) – *стихать (о ветре, дожде)*; *damp down* – *уменьшать жар в печи*; *die down* – *догореть, гаснуть (об огне)*; *dim down* – *приглушить (свет)*; *simmer down* – *перестать кипеть*.

Анализ фразовых глаголов с послелогом *down* позволил также выделить дифференциальные семы, мотивированные пространственной семантикой за счёт случайных ассоциативных связей с общей архисемой '**общественные отношения**', которые графически представлены на рис. 3.

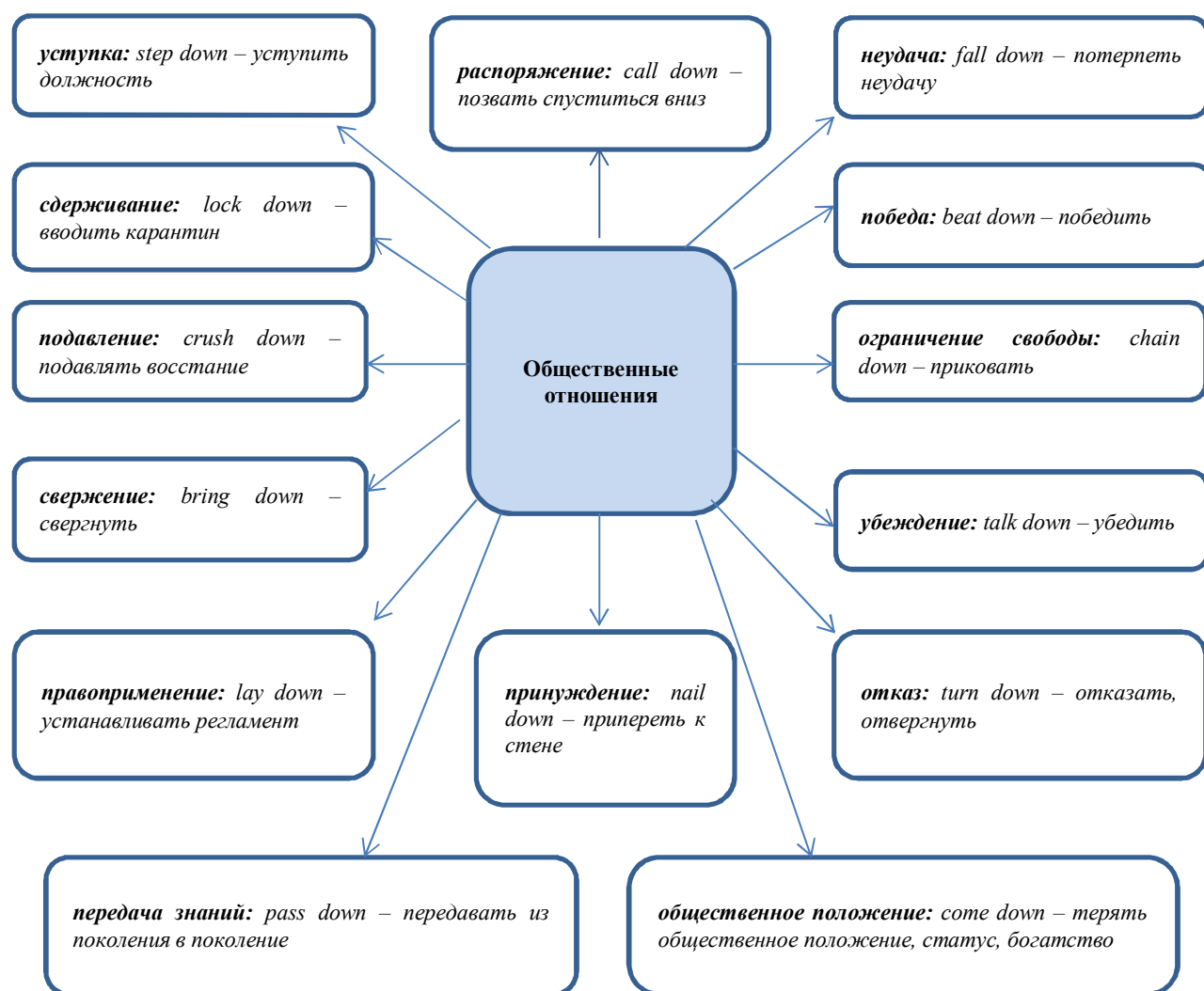

Рис. 3. Архисема *общественные отношения* и дифференцирующие её семы

Усложняющиеся общественные и политические отношения обуславливают появление актуальных фрагментов действительности, требующих их вычленения и номинации. Исследование позволило выделить единичные фразовые глаголы, которые появились в языке сравнительно недавно в ответ на изменения реалий общественной и политической жизни, что в свою очередь

свидетельствует о вовлеченности послелога *down* в процесс расширения словарного состава языка не только за счет пространственного восприятия новых фрагментов окружающей действительности, но и метафорического переосмысления пространственной характеристики *низ*. Таким образом, происходит восприятие физического пространства не на физическом, а на нефизическом,

ментальном уровне: *water down* – *ослабить, смягчить (санкции)*.

Следует отметить, что значения большей части вышеперечисленных фразовых глаголов с архисемой '**общественные отношения**' невозможно определить по их составляющим вследствие категоризации и концептуализации все более усложняющегося внешнего мира и его стремительных изменений, к которым человек вынужден быстро приспосабливаться и адаптироваться для комфортного существования в обществе. Фразовые глаголы данной группы отличаются высокой степенью идиоматичности, при которой семантическая самостоятельность основного глагола и послелога утрачивается полностью.

На наш взгляд, интересным представляется тот факт, что послелог *down* при образовании единого семантического целого с глаголом является катализатором при концептуализации как негативных, так и положительных эмоций, в результате чего происходит насыщение вертикальной пространственной категории эмоционально-ценностным смыслом, что позволяет выделить группу глаголов с общей архисемой '**эмоциональный фон**'. Под эмоциональным фоном в данном случае понимается общее глобальное отношение человека к окружающей ситуации и самому себе, ср.:

негативно окрашенные эмоциональные состояния: *let down* – *разочаровать, подвести*; *get down* – *расстраивать, приводить в уныние*; *slap down* – *осуждать, резко критиковать*; *wear down* – *утомлять*;

позитивно окрашенные эмоциональные состояния: *wind down (get down)* – *расслабиться*; *calm down (quit down, sober down, cool down, simmer down)* – *успокоиться, остыть, выпустить пар*.

Следует отметить, что послелог *down* способствует появлению новых смыслов в семантике фразового

глагола, при которых проявление отрицательных эмоций в качестве ответной реакции на негативные события внешнего мира ассоциируется со снижением эмоционального настроения. Аналогичным образом послелог *down* реализует значение состояния расслабления после напряженной работы или сложных ситуативных моментов, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни. Пространственная координата *низ* переосмысливается и трактуется как *низкий уровень стресса*.

Компонентный анализ значений исследуемых фразовых глаголов позволил выявить архисему '**умственная деятельность**', которая является результатом тесной взаимосвязи не только с пространственным, но и временным фактором концептуализации действительности. В когнитивном плане в первичных пространственных отношениях усматривается основа для метафорических переносов, связанных с временными характеристиками действия. Послелог *down* отражает момент, когда в ментальном пространственно-временном континууме фиксируется и отражается результат умственной деятельности, ср.:

принятие решения: *come down* – *принять решение*; *hand down* – *выносить решение*; *nail down* – *принять окончательное решение*;

симплификация: *dumb down* – *упростить, сделать понятным для глупцов*; *render down* – *упростить*;

арифметические операции: *round down* – *округлять (в меньшую сторону)*; *count down* – *считать в обратном порядке*.

Помимо глаголов, обозначающих умственную деятельность, была выделена группа глаголов с общей архисемой '**повседневная деятельность**', которая подразумевает обычные действия, совершаемые человеком в процессе своей жизни. Выделенные дифференциальные семы наглядно представлены на рис. 4.

Рис. 4. Архисема *повседневная деятельность* и дифференцирующие её семы

Отметим, что дифференциальная сема **‘фиксировать речь и мысли на письме’** является результатом перенесения характеристик пространственной координаты вертикали *вниз* на координату *горизонтали*.

Приведенная языковая репрезентация фразовых глаголов с послелогом *down* позволяет отметить достаточно широкие семантические возможности дан-

ной группы глаголов, семантический объем которых включает 12 базовых архисем и 60 дифференциальных сем.

Представим графически базовые архисемы и их значения, зафиксированные толковыми и фразеологическими словарями в количественном соотношении (рис. 5).

Рис. 5. Базовые архисемы и их значения в количественном соотношении

Рис. 6. Динамика распределения прямых и косвенных значений фразовых глаголов с послелогом *down*

Таким образом, послелог *down* при образовании единого семантического целого с глаголом уверенно сохраняет свою основную сему *вниз* и модифицирует значение глагола для обозначения движения и перемещения объектов окружающего нас мира *сверху вниз*. Именно пространственный компонент *down* в аспекте вертикального членения пространства формирует базовую архисему для глаголов с послелогом *down*, на основе которой происходит последующая метафоризация и перенос признака *вниз* на другие составляющие как физического, так и нефизического пространства.

На втором этапе исследования семантического потенциала фразовых глаголов с послелогом *down* методом сплошной выборки были проанализированы 2 тыс. англоязычных текстовых фрагментов конца XX – начала XXI в. британского корпуса английского языка (BNC) и корпуса современного американского английского языка (COCA). Проведенный контекстуальный анализ показал количественный перевес косвенных значений фразовых глаголов с послелогом *down* над их прямыми пространственными значениями по степени их представленности в текстах: 1 297 и 703 соответственно, что наглядно демонстрирует рис. 6.

Анализ дискурсивного материала показал, что помимо значений, обусловленных динамическими свойствами пространства, семантические свойства фразовых глаголов с послелогом *down* могут расширяться за счет особенностей статического фактора пространства. В человеческом сознании пространство воспринимается либо в динамике, либо в статике. Если динамический фактор непосредственно связан с движением и различными изменениями в пространстве, то статический оказывает влияние на чувственное восприятие картины мира [32], ср.: *hear down* – *услышать*, *feel down* – *чувствовать себя подавленным*, *smell down* – *чувствовать запах*, например:

In fact, it sounds rather like the tone of a flat-out, old Fender Champ -- not the kind of thing they'd like to hear down at your local C & W; club! [28];

Now I really feel down. My silly wee sister says she's going to clean our shoes for Camphill. I'm not going to let her beat me and yet I want to give something really splendid [27];

Even after a shower, I smell down there. How can I get rid of it? [28].

Таким образом, представляется возможным выделить архисему '*чувства*', не зафиксированную в толковых и фразеологических словарях, что свидетельствует о пополнении семантического объема и поступательном расширении словарного состава языка за счет фразовых глаголов с послелогом *down*.

В приведенной ниже таблице продемонстрирована динамика распределения выявленных базовых смысловых компонентов фразовых глаголов с послелогом *down* в количественном соотношении.

Семантический объем фразовых глаголов с послелогом *down*

№	Базовые смысловые компоненты фразовых глаголов с послелогом <i>down</i>	Количество значений
1	Движение вниз	661/2 000
2	Общественные отношения	322/2 000
3	Завершение	249/2 000
4	Изменение количественной характеристики	233/2 000
5	Повседневная деятельность	152/2 000
6	Эмоциональный фон	92/2 000
7	Изменение качественной характеристики	71/2 000
8	Нарушение целостности объекта	67/2 000
9	Умственная деятельность	52/2 000
10	Движение по горизонтали	42/2 000
11	Интенсивность	34/2 000
12	Начало	21/2 000
13	Чувства	4/2 000

Полученные данные свидетельствуют о неоднородности распространения значений, составляющих ту или иную архисему. Значения, формирующие архисемы '*движение вниз*', '*общественные отношения*' и '*завершение*', достаточно частотны в текстах, что обусловлено, прежде всего, широким диапазоном образующих их сем. Проведенный анализ позволяет очертить границы расширения словарного состава за счет высокой степени распространенности метафорически переосмысленных значений.

Следует отметить, что появление новых значений глаголов с послелогом *down* детерминировано, в том числе, бинарной оппозицией *up-down*. Новые глаголы с послелогом *down* появляются в результате стремления человека познавать окружающий мир через аксиологическую призму бинарного мышления, ср.: *dress up* '*одеваться официально*' – *dress down* '*одеваться просто*'.

Настоящее исследование позволяет выявить четкую тенденцию к расширению словарного состава английского языка за счет фразовых глаголов с послелогом *down* на современном этапе его развития. В результате метафорического переосмысления происходит образование новых значений, что обусловлено не только стремлением английского языка к новизне форм выразительности, но и необходимостью номинировать новые, актуальные для современного общества фрагменты действительности. Как можно заключить на основе полученных эмпирических данных, помимо прямых пространственных значений фразовые глаголы с послелогом *down* имеют достаточно широкий спектр метафорически переосмысленных значений, что позволяет сделать вывод о высоком потенциале семантических возможностей данных глаголов и, как следствие, их непосредственном влиянии на процесс расширения словарного состава современного английского языка.

Список источников

1. Жлуктенко Ю.А. О так называемых «сложных глаголах» типа stand up в современном английском языке // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 105–113.
2. Зильберман Л.И. Категория предельности и семантика наречных частиц в составе глагольных образований типа go out в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 16 с.
3. Керлин А.А. Составные глаголы в современном английском языке. Л. : Учпедгиз, 1956. 129 с.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago : The University of Chicago Press, 1980.
5. Lindner S.J. *A Lexico-Semantic Analysis of English Verb Particle Constructions with OUT and UP*. Ph. D. diss. San Diego : University of California, 1981. P. 122.
6. Rudzka-Ostyn B. *Word power: Phrasal Verbs and Compounds*. The Hague : Mouton de Gruyter, 2003.
7. Tyler A., Evans V. *The Semantics of English Prepositions. Spatial scenes, embodied meanings and cognition*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
8. Kovacs E. Traditional vs. Cognitive Approach to English phrasal Verbs // Электронная библиотека Elektronikus pereodika. Hungary, 2007. URL: https://www.uni-miskolc.hu/~philos/2011_tom_XVI_1/141.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
9. Cappelletti B., Yury Shtyrov Yu., Pulvermüller F. Heating up or cooling up the brain? MEG evidence that phrasal verbs are lexical units // *Brain & Language*. 2010. № 115. P. 189–201.
10. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1987. P. 418–439.
11. Рахматуллина Д.Э., Замалютдинова Э.Р. Референциальный статус постпозитивов английских фразовых глаголов в темпоральном контексте // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 3. С. 85–88.
12. Шаббаев В.Г. Английские послелogi как словообразовательные и грамматические компоненты-концепты // Наука и образование: современные тренды. 2015. № 3 (9). С. 47–70.
13. Сабурова Н.А., Кутенки О.О. Семантика фразовых глаголов с постпозитивами up и down в аспекте горизонтального и вертикального членения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). С. 155–161.
14. Джанумов А.С. Семантическая структура постпозитивного компонента down в составе фразовых глаголов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2008. № 2 (2). С. 29–34.
15. Трубникова Е.В. Пространственная семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов: сопоставительный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 66–73.
16. Кашпур В.В., Трубникова Е.В., Филь Ю.В. Языковая интерпретация пространственного предела «низ» в русском и английском языках (на материале английских фразовых и русских приставочных глаголов) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 13–20.
17. Богданова С.Ю. Отаждествившие фразовые глаголы в концептуализации и реконцептуализации пространственных отношений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. № 1. С. 23–31.
18. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 22.01.2021).
19. Longman Dictionary of American English. Harlow : Pearson Education, 2000. 933 p.
20. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 02.02.2021).
21. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 1998. 1081 p.
22. The Concise Oxford Dictionary of Current English / ed. by J.B. Sykes. 7th ed. Oxford : Oxford University Press, 1987. 1264 p.
23. Cambridge Phrasal Verbs Dictionary. 2nd ed. Cambridge University Press, 2007. 432 p.
24. Longman Phrasal Verbs Dictionary. Harlow : Pearson Education Limited, 2000. 624 p.
25. McGraw-Hill's Essential Phrasal Verb Dictionary / Richard A. Spears. New York : McGraw Hill, 2007. 288 p.
26. Oxford Phrasal Verbs Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2007. 398 p.
27. Британский национальный корпус. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.06.2021).
28. Корпус современного американского английского языка. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.06.2021).
29. Арбузова Н.А. Отражение пространства в языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 126–133.
30. Большая энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3168767> (дата обращения: 20.06.2021).
31. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.
32. Рубцова О.В. Языковая концептуализация категории пространства // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 115–120.

References

1. Zhluktenko, Yu.A. (1954) O tak nazyvaemykh "slozhnykh glagolakh" tipa stand up v sovremennom angliyskom yazyke [About the so-called "complex verbs" of the stand up type in modern English]. *Voprosy yazykoznanija*. 5. pp. 105–113.
2. Zil'berman, L.I. (1955) *Kategoriya predel'nosti i semantika narechnykh chastits v sostave glagol'nykh obrazovaniy tipa go out v sovremennom angliyskom yazyke* [The category of extremity and semantics of adverbial particles as part of verb formations of the go out type in modern English]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Kerlin, A.A. & Kuznets, M.D. (1956) *Sostavnye glagoly v sovremennom angliyskom yazyke* [Compound Verbs in Modern English]. Leningrad: Uchpedgiz.
4. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press.
5. Lindner, S.J. (1981) *A Lexico-Semantic Analysis of English Verb Particle Constructions with OUT and UP*. Ph.D. Diss. San Diego.
6. Rudzka-Ostyn, B. (2003) *Word power: Phrasal Verbs and Compounds*. The Hague: Mouton de Gruyter.
7. Tyler, A. & Evans, V. (2003) *The Semantics of English Prepositions. Spatial scenes, embodied meanings and cognition*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kovacs, E. (2007) Traditional vs. Cognitive Approach to English phrasal Verbs. *Elektronikus pereodika*. [Online] Available from: https://www.uni-miskolc.hu/~philos/2011_tom_XVI_1/141.pdf (Accessed: 10.03.2021).
9. Cappelletti, B., Shtyrov, Yu. & Pulvermüller, F. (2010) Heating up or cooling up the brain? MEG evidence that phrasal verbs are lexical units. *Brain & Language*. 115. pp. 189–201. DOI: 10.1016/j.bandl.2010.09.004
10. Lakoff, G. (1987) *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press. pp. 418–439.
11. Rakhmatullina, D.E. & Zamalyutdinova, E.R. (2016) The referential status of english adverbial postpositions with phrasal verbs in temporal context. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 3. pp. 85–88. (In Russian).
12. Shabaev, V.G. (2015) Angliyskie poslelogi kak slovoobrazovatel'nye i grammaticheskie komponenty-kontsepty [English postpositions as word-forming and grammatical components-concepts]. *Nauka i obrazovanie: sovremennye trendy*. 3 (9). pp. 47–70.

13. Saburova, N.A. & Kutenkikh, O.O. (2016) Semantics of phrasal verbs with post-positions up and down in the aspect of horizontal and vertical division of space. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12 (66). pp. 155–161. (In Russian).
14. Dzhannumov, A.S. (2008) Semantics of phrasal verbs with post-positions up and down in the aspect of horizontal and vertical division of space. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie – MCU Journal Of Philology. Theory Of Linguistics. Linguistic Education*. 2 (2). pp. 29–34. (In Russian).
15. Trubnikova, E.V. (2015) Spatial semantics of English phrasal and Russian prefixal verbs: comparative aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 66–73. (In Russian).
16. Kashpur, V.V., Trubnikova, E.V. & Fil', Yu.V. (2018) The language interpretation of the spatial limit “bottom” in Russian and English (On the material of English phrasal and Russian prefixal verbs). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 13–20. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/2
17. Bogdanova, S.Yu. (2006) Otad'ektivnye frazovye glagoly v kontseptualizatsii i rekontseptualizatsii prostranstvennykh otnosheniy [Deadjectival phrasal verbs in conceptualization and reconceptualization of spatial relations]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 1 (4). pp. 23–31.
18. Collins English Dictionary. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 22.01.2021).
19. Pearson ELT. (2000) *Longman Dictionary of American English*. Harlow: Pearson Education.
20. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed: 02.02.2021).
21. Oxford University Press. (1998) *Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press.
22. Sykes, J.B. (ed.) (1987) *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. 7th ed. Oxford: Oxford University Press.
23. Cambridge University Press. (2007) *Cambridge Phrasal Verbs Dictionary*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Pearson ELT. (2000) *Longman Phrasal Verbs Dictionary*. Harlow: Pearson Education Limited.
25. Spears, R.A. (ed.) (2007) *McGraw-Hill's Essential Phrasal Verb Dictionary*. New York: McGraw Hill.
26. Oxford University Press. (2007) *Oxford Phrasal Verbs Dictionary*. Oxford: Oxford University Press.
27. The British National Corpus (BNC) (n.d.). [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Accessed: 10.06.2021).
28. The Corpus of Contemporary American English (COCA). [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 20.06.2021).
29. Arbuzova, N.A. (2019) Reflection of space in language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 7 (140). pp. 126–133. (In Russian).
30. Smirnitckaya, E.V., Lysenko, V.G. & Mesyats, S.V. (2005–2019) Prostranstvo [Space]. In: *Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya* [The Big Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3168767> (Accessed: 20.06.2021).
31. Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Linguistic Transformations]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
32. Rubtsova, O.V. (2019) Language conceptualization of the category “space”. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 5 (138). pp. 115–120. (In Russian).

Информация об авторах:

Рыжкова Т.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: ryzhkova08@mail.ru

Зайкова И.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: irazaykova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.S. Ryzhkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ryzhkova08@mail.ru

I.V. Zaykova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irazaykova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 81'373.7, 811.111, 811.112.2
doi: 10.17223/15617793/477/5

Сопоставительный анализ английских и немецких глагольных фразеологизмов с компонентом «перо»

Валентина Евгеньевна Храброва¹, Юлия Владимировна Сергаева²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономика», Санкт-Петербург, Россия, stefankhrabrova@mail.ru

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, sergaeva@gmail.com

Аннотация. Проводится сравнительный анализ английских и немецких глагольных (номинативно-коммуникативных) фразеологических единиц (ФЕ) с общим компонентом «перо» (*feather/Feder*). Материал для исследования извлечен из лексикографических источников и характеризуется хронологической неоднородностью. Используется комплекс методов для выявления степени межязыковой соотнесенности ФЕ, выявления их универсальных и национально-культурных особенностей. Сделан вывод о невысокой степени эквивалентности сопоставляемых единиц на основании их семантической сложности.

Ключевые слова: соматизм, межязыковая соотнесенность, субъективно-оценочный компонент, межязыковой фразеологический эквивалент, номинативно-коммуникативный фразеологизм, национально-культурный компонент, фразеосемантическая группа

Для цитирования: Храброва В.Е., Сергаева Ю.В. Сопоставительный анализ английских и немецких глагольных фразеологизмов с компонентом «перо» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 48–59 doi: 10.17223/15617793/477/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/5

A comparative analysis of English and German verbal idioms with the component “feather/Feder”

Valentina E. Khrabrova¹, Yulia V. Sergaeva²

¹ National Research University Higher School of Economics – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation, stefankhrabrova@mail.ru

² Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, sergaeva@gmail.com

Abstract. The study focuses on 56 English and German nominative-communicative (verbal) phraseological units, with the common etymologically related component *feather/Feder* as part of their composition. Mono- and bilingual dictionaries, both explanatory and etymological, serve as a source of research material which is characterized as chronologically heterogeneous. This principal prerequisite allows comparing people's common, typical features and reflecting inherent mentality characteristics. The research aims to (1) identify the degree of inter-lingual correlation between the selected idioms, (2) specify similarities and differences in their meaning, (3) fix universal and unique (national and cultural) particularities. The authors hypothesize that verbal idioms with an etymologically related component manifest a high degree of inter-lingual correlation. The applied inter-language approach facilitates the research material's classification for further elucidation of its structural and semantic proprieties, functions, national identities, whereas the cross-language approach enables the identification of phraseological correlation degree. At different research stages, the authors employ such methods as: the continuous sampling method, the distribution of idioms into structural and semantic groups, the analysis of definitions derived from lexicographical literature, the scaling method, the method of phraseological identification, the analysis of cultural background information, the etymological analysis, and others. The comparative analysis reveals a domination of the negative (pejorative) subjective evaluative component in both English and German investigated material. In contrast to German idioms, English idioms display a more discernible shift towards pejorative meanings. The existence of a comparatively considerable quantity of German phraseological units of the group *writing performance* and *sleep* constitutes a significant cross-lingual difference. Conversely, English idioms exhibit a wider range of meanings throughout 25 phraseological-semantic groups (versus 19 in German). Totally, classified in 3 groups, 10 units out of 56 are determined as cross-lingual equivalents (CLE): full CLE (2), close CLE (6), quasi-equivalents (2). According to the grading scale, the obtained quantitative data unveil a marked (the second smallest) degree of inter-lingual correlation, equal to 17.85%, while the vast majority of idioms (82.15%) are non-equivalent. Therefore, the research hypothesis for a high-level degree has been rejected. Overall, the analysis of the selected sampling of idioms demonstrates their high-level figurativeness due to the symbolic nature of the common component and its figurative potential, embodied in unique national images.

Keywords: somatism, cross-linguistic correlation, subjective evaluative component, cross-lingual phraseological equivalent, nominative-communicative phraseological unit, national and cultural component, phraseological-semantic group

For citation: Khrabrova, V.E. & Sergaeva, Yu.V. (2022) A comparative analysis of English and German verbal idioms with the component "feather/Feder". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 48–59. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/5

Введение

Интерес широкого круга исследователей к сопоставительному изучению языков вызван потребностями глобального поликультурного сообщества с присущим ему разнообразием национальных картин мира – фактором, который обуславливает всестороннее изучение «национальной специфики мышления, менталитета народов» [1. С. 5], выявление и описание универсальных и уникальных черт языков, отражением которых можно назвать фразеологические знаки. С позиций лингвокультуры, проводниками знаний об окружающем мире служат архетипы, эталоны, символы – способы передачи образной составляющей фразеологизмов и «базовые оппозиции лингвокультур» [2. С. 5]. Из этого следует, что владение фоновыми знаниями о мире языковой личности-носителя определенного культурно-языкового кода позволяет избежать препятствия в процессе осуществления коммуникации на иностранном языке, поэтому выявление языковых единиц, содержащих скрытую культурологическую информацию, становится востребованной методической задачей [3. С. 260; 4. С. 69].

Необходимо пояснить некоторые важные положения, которые лежат в основе нашей работы. Под смыслом фразеологической единицы мы понимаем информацию предметно-логического и эмоционально-оценочного характера, которую вкладывает говорящий, «употребляя ее в определенном контексте в определенный период времени при определенных обстоятельствах» [5. С. 33]. Придерживаясь широкой трактовки сферы фразеологии и следуя идеям Е.Ф. Арсеньевой [6. С. 6] и А.П. Василенко [7. С. 3], к категории фразеологизмов мы причисляем полностью или частично переосмысленные по значению раздельно-оформленные единицы языка, обладающие устойчивостью, семантической осложненностью, постоянством лексического состава, морфологической и синтаксической фиксированностью, а именно идиомы – собственно фразеологизмы, фразеологические сочетания, речевые штампы, клише и цитаты, сочетания служебных слов с идиоматичностью значения, паремии – пословицы и поговорки. Немаловажно заметить, что референтность фразеологизмов к культуре обуславливает необходимость в проведении сопоставительных исследований, которые раскрывают неисчерпаемое богатство оттенков образного языка, восприятие и оценку добродетели и порока разными народами, при этом «одно и то же моральное качество может находить в данном языке большее количество толкований, чем в другом» [8. С. 38].

Как справедливо отмечает В.И. Карасик [9. С. 89], «лингвокультурное освещение языка есть сопоставительное изучение этого языка в сравнении с иностранным либо родным, поэтому в качестве единиц

изучения фигурируют реалии <...> лакуны, т.е. «минус-факты» действительности, фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующиеся для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа». Именно с этой точки зрения сопоставительное изучение фразеологизмов относится к одному из самых актуальных направлений лингвистики.

Объектом нашего исследования являются английские и немецкие глагольные (номинативно-коммуникативные) фразеологические единицы (ФЕ) с этимологически родственным соматическим компонентом «feather» (англ.) / «Feder» (нем.) – «перо». В общей сложности в работе исследованы 56 английских и немецких фразеологизмов, при выборе которых мы опирались на два важных принципа. Во-первых, относительно небольшое количество материала не может являться сдерживающим фактором в проведении исследования, так как суть типологических и сопоставительно-контрастивных работ заключается «не в объеме взятого языкового материала, а в методике его анализа» [10. С. 162]. Во-вторых, в нашем исследовании используется хронологически неоднородный материал, но он позволяет сопоставить «общие, типичные для данного народа черты менталитета и отражает его имманентные черты, а также важное для народа суммарное знание» [11. С. 57–58].

Источниками ФЕ послужили одноязычные и двуязычные словари: немецко-русский фразеологический словарь Л.Э. Биновича, Н.Н. Гришина [12]; немецкий энциклопедический словарь-лексикон пословиц и поговорок (Wander) [13]; словарь немецкой идиоматики (Duden) [14]; немецкий универсальный словарь (Duden) [15]; немецкий этимологический словарь (Kluge) [16]; немецко-русский словарь Е.И. Лепинга, Н.П. Страховой, Н.И. Филичевой [17]; этимологический словарь современного немецкого языка М.М. Маковского [18]; словарь идиоматики немецкого языка в контексте (Schemann) [19]; англо-русский фразеологический словарь А.В. Кунина [20]; англо-русский словарь Д.Ю. Апресяна [21]; словарь употребительных английских пословиц [22]; тезаурус английских метафор (Wilkinson) [23]; английский толковый словарь (Brewer's) [24]; словарь идиом (Oxford) [25]; английский словарь символов [26]; словарь английских пословиц (Smith) [27]; словарь английских диалектов (Wright) [28]; краткий этимологический словарь современного английского языка (Partridge) [29]; словарь Бойера (Boyer's Royal Dictionary) [30].

Целью настоящей работы является установление степени межъязыковой соотнесенности (МС) выбранных ФЕ, что предполагает решение таких задач, как определение совпадений/различий в характере их

значений, выявление универсальных и национально-культурных особенностей, важных для формирования мира образных представлений в английском и немецком языках, раскрытие лингвокультурной ценности ФЕ. Нами выдвинута гипотеза, согласно которой глагольные фразеологизмы с родственным соматическим компонентом *перо* должны демонстрировать высокую степень МС. В связи с этим поставлена задача провести сопоставительный анализ выбранных английских и немецких глагольных фразеологизмов, систематизировать полученные результаты для проверки выдвинутого предположения.

Научная новизна работы состоит в том, что исследуемые ФЕ с общим этимологическим компонентом «перо» (*feather/Feder*) впервые систематизированы и изучены в сравнительном аспекте на основе алгоритма сопоставительного анализа, который позволил выявить большой спектр значений фразеологизмов, установить их межъязыковую соотнесенность и выделить фразеологические лакуны одного языка относительно другого.

Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные качественные и количественные данные могут быть использованы при чтении лекций по фразеологии английского и немецкого языков, сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, спецкурсов по сравнительной типологии, в практике создания толковых двуязычных словарей. К важным показателям практической значимости результатов работы относится их возможное применение в переводческой деятельности. Разработанный алгоритм поэтапного анализа рассматриваемых английских и немецких глагольных фразеологизмов с компонентом «перо» может быть использован при изучении фразеологизмов других семантических групп родственных языков.

Соматический аспект

Исследуемые в работе ФЕ рассматриваются как соматические, однако следует отметить, что в научной литературе существуют различные точки зрения относительно соматической лексики, некоторые из которых представлены далее. Согласно общепринятому определению, соматические фразеологизмы являются «единицами, имеющими в своем составе наименования частей тела как человека, так и животного, например, *поднять голову, поджать хвост*» [31. С. 6]. Вопреки этому в работе З.Н. Хашаевой [32. С. 127] о месте соматизмов во фразеологической картине мира дается весьма ограниченное определение, исключающее анималистические элементы. В исследовании Е.В. Лаврищевой понятие «соматизмы (соматическое номинативно-метафорическое поле)» также рассматривается с позиций его соотнесенности только с телом человека [33. С. 13]. С.О. Кочнова расширяет рамки соматических ФЕ и причисляет к этой группе анималистические фразеологизмы без зоонима (АФБЗ) с компонентами *рога, копыта, хвост, когти, перо* [34. С. 1], к которым можно отнести анализируемые в этой работе фразеологические единицы.

Вне зависимости от точек зрения относительно соматической лексики лингвисты постулируют приоритетность символизма частей тела и телесного покрова животных, а также их значительную роль в разных культурах [35. С. 56]. Так, в языковой картине мира «перо» представляется как нечто легкое, невесомое: *as light as a feather* (англ.) [22. Р. 472] / *leicht wie eine Feder* (нем.) [14. С. 449] – легкий как перышко. В обоих рассматриваемых языках олицетвление гуся ассоциируется с трудолюбием: *feather by feather, the goose is plucked* (англ.) [23. С. 78] / *Feder auf Feder berupft man eine Gans* (нем.) [13. С. 951] – терпение и труд все перетрут. Кроме того, заложенные в соматизмах представления ориентированы на человека и его бытие, что делает антропоцентричность характерной особенностью соматических ФЕ, которая заключается в их способности описывать человека «как живое и социальное существо», показывать понимание человеком абстрактных категорий, а также передавать «отношение человека к различным предметам и явлениям <...> выраженное через сравнение с соматизмами» [36. С. 9], например: *feather your own nest* (англ.) [25. Р. 104] – использовать служебное положение в корыстных целях; *mit fremden Federn fliegen* (нем.) [17. С. 461] – пользоваться чужими трудами.

Рассматриваемые ФЕ в полной мере отражают универсальность человеческого мышления: *tar and feather* (англ.) [25. Р. 287] / *teeren and federn* (нем.) [19. С. 837] – очернить, оклеветать (букв.: обмазать дегтем и осыпать перьями); постижения реальности путем перенесения на человека признаков окружающего мира: *shake/wag the feather* (англ.) [22. С. 198] – кичиться заслугами; *ohne Federn fliegen wollen, ehe die Federn gewachsen sind* (нем.) [13. С. 954] – предпринимать авантюру (букв.: хотеть летать без крыльев). Даже эта небольшая подборка примеров свидетельствует о справедливости отнесения соматизма «перо» (наряду с другими компонентами тематической группы «покрытия животных») к категории так называемых метафоризаторов лингвокультурного кода [37. С. 46–47].

Приоритет соматического кода, как наиболее древнего в наивной картине мира [38. С. 233], четко прослеживается во фразеологии английского и немецкого языков, о чем свидетельствует широкий диапазон тематики исследуемых в работе фразеологических единиц, что создает определенные трудности для исследователей. В частности, Г.И. Денисова выделяет проблему распределения соматических ФЕ по тематико-семантическим разрядам, которая заключается в передаче соматическими фразеологизмами «огромной области действительности, охвате различных понятийных сфер, в результате чего невозможно ограничить исследуемый материал, характеризующийся тематическим разнообразием, рамками определенной группы, и анализу подвергаются разнотипные в смысловом отношении ФЕ» [39. С. 8]. В целях объединения устойчивых выражений на основе конкретного понятия и выявления основных содержательных категорий Г.И. Денисова предлагает классифицировать соматические ФЕ по тематическим разрядам: ощущения, восприятие, интеллект, эмоции и

чувства, черты характера, характеристика личных отношений, внешность и др.

В разное время лингвисты писали об «акцентировании внимания соматической фразеологии на тех явлениях, которые вызывают отрицательную оценку» [39. С. 9], например, Е.Ф. Арсентьева [6. С. 47] считает характерным преобладание отрицательного субъективно-оценочного компонента у фразеологизмов и приводит убедительную сравнительную статистику: фразеоло-семантическая группа «отрицательные черты характера» в английской фразеологии достигает 66,26%, а группа «положительные черты» составляет 33,74%. Сдвиг в отрицательную сторону назван Е.Ф. Арсентьевой «общей семантической асимметрией фразеологической системы» и может быть объяснен гиперэмоциональной реакцией человека на негативные явления, а также тенденцией к использованию в таких ситуациях готовых речевых средств.

Мотивационный аспект

Внутренняя форма (ВФ) представляет собой основополагающий многосторонний элемент порождения ФЕ [40. С. 3–5]. Как редуцированный образ и «осознаваемая носителем языка образная мотивация значения» [41. С. 130] ВФ фразеологизмов характеризуется универсальностью механизмов их порождения, развития и функционирования. Например, в современном немецком языке ФЕ *teeren und federn* означает «оклеветать», однако этимологический словарь раскрывает первоначальный смысл идиомы, а именно унижительное наказание провинившихся людей в виде обмазывания в смоле и вываливания в перьях. В английском языке выражение *tar and feather* имеет ту же этимологию: «...таких людей, как Уильям Ллойд Гаррисон, обмазывали дегтем и вываливали в перьях, а затем бросали в тюрьму за то, что они высказывались против рабства» [20. С. 746]. С другой стороны, национально-культурная специфика и связь фразеологизмов «с определенным культурным кодом отражаются в способности носителей языка воспринимать культурную отнесенность» [3. С. 93] и понимать значение образных выражений. Ярким примером этого утверждения служит немецкий фразеологизм *eine Feder durch die Nase ziehen* – «по губам мазать, обманывать ложными обещаниями». Выражение восходит к неблагоприятному действию по отношению к очень голодной курице, которую приманивают кормом, но вместо угощения птице в клюв вставляют выщипанное перо [13. С. 952], тем самым усугубляя ее голодные страдания.

Закрепленные во фразеологическом составе языка системы образов [42. С. 12] заложены в модели образно-мотивированной внутренней формы, двусторонней по своей сути. Экстралингвистическое направление образности [43. С. 132] обусловлено символической природой «пера» [26. Р. 101] как олицетворения ветра и богов-творцов древнеегипетской религии (Пта, Хатхора, Осириса, Амона), стихии «воздух» – царства птиц. Интралингвистическое направление функционирования тропов рассматрива-

ется как механизм «осмысления образа фразеологизма, происхождение которого тесно связано с мировидением данной лингвистической общности» [43. С. 133]. Приведенные далее примеры демонстрируют важную роль тропов при передаче уникальной образной составляющей исследуемых фразеологизмов.

1. Метафора используется как инструмент переосмысления на основе сходства и подобия признаков: *eine scharfe (spitze) Feder führen* (нем.) – обладать острым пером [19. С. 185]; *go to heaven in a featherbed* (англ.) – пройти нелегкий жизненный путь [27. Р. 516]. В выбранных нами ФЕ онтологические метафоры [44. С. 50–56] используются, например, как способы восприятия и передачи эмоций: *rise at a feather* – вспылить [21. С. 745]; *have a feather in the mouth* [23. Р. 473] – проявлять дурной нрав. Мы наблюдаем концептуализацию метафоры как вместилища – «поля зрения»: *see neither feather nor bone* [28. Р. 102] – не найти никаких следов. Метафора проявляет себя как объект-вместилище: *aus den Federn holen* – с трудом будить какого-либо (вытаскивать из постели).

2. Олицетворение позволяет наделять животных, неодушевленные предметы, абстрактные явления и прочее способностями человека [45. С. 124–125]: *(seiner) Feder freien Lauf lassen* [19. С. 185] – дать волю перу.

3. Гипербола используется для преувеличения свойств предмета или явления [45. С. 58–59]: *cut one's throat with a feather* – утопить в ложке супа (букв.: разрезать горло пером) [30. С. 601]; *nicht viel zuviel Federlesens mit jemandem machen* – не церемониться с кем-либо [16. С. 283].

4. Литота служит для преуменьшения качества или значения предмета [45. С. 87]: *keinen Federstrich tun* – ничего не делать (не написать ни черточки) [14. С. 196]; *(pluck) two feathers out of a goose* [22. Р. 285] – выдернуть два перышка с гуся (мизерная часть чего-то).

5. Метонимия позволяет заменить одно имя другим на основании сопредельности, а в сфере символов этот троп является необходимой связью между повседневным опытом и внутренне согласованными метафорическими системами, лежащими в основе религий и культур [44. С. 61]. Приведем несколько примеров: *aus den Federn kriechen* [12. С. 169] – с трудом просыпаться, где *Federn* – перья (составная часть ложа) используется вместо *Bett* (постель). Интерес представляет немецкая ФЕ *eine Feder vom römischen Adler rupfen* [13. С. 952] – ощипывать по перышку римского орла, т.е. ослаблять могущество империи. Известно, что орел является символом греческого Зевса – покровителя Рима и всей империи.

6. Сравнение лежит в основе создания смысловой целостности фразеологизма и позволяет связать его внутреннюю форму с новым значением [43. С. 133]: *dive like a feather and swim like a rock* [22. Р. 428] – нырять как перо и плавать как утюг; *sich wie der Pfau in seinen Federn spiegeln* [13. С. 954] – заниматься самолюбованием (как павлин).

7. Троп в тропе представляет собой взаимодействие тропов для усиления экспрессивности фразеологизма [43. С. 133]. (1) метафора + метонимия: для

создания образа обедненной жизни используется метафора *von den Federn aufs Stroh kommen* (разориться; букв.: из перины в солому) [12. С. 170], в то время как метонимия служит для замены предмета (постели) его составляющими *Federn* (перья, пуховая перина), существительное *Stroh* (солома) использовано в значении «постель бедняка». (2) метафора – оксюморон: *FE strike with a feather and stab with a rose* [22. Р. 73] (подвергнуть мягкому наказанию) содержит слова *перо* и *роза* – метафорические представления мягких орудий наказания. Две метафоры создали парадоксальный образ – оксюморон [45. С. 97–98], в котором сочетается несочетаемое: *strike with a feather* – ударить пером, *stab with a rose* – вонзить розу.

Методология исследования

Выбор методологии для достижения цели нашего сопоставительного исследования обусловлен необходимостью сочетания внутриязыкового подхода, направленного на выявление типов, структурно-семантических особенностей, функций, национальной специфики ФЕ, и межъязыкового подхода, предполагающего «выход за пределы фразеологической системы одного языка и привлечение двух родственных <...> языков» [47. С. 65]. В ходе исследования использовались: метод сплошной выборки; дефиниционный анализ; структурно-семантический анализ фразео-семантических групп; методы шкалирования и количественных подсчетов; метод фразеологической идентификации; лингвокультурологический комментарий и элементы этимологического анализа. Каждый метод предполагал набор приёмов, т.е. «конкретные шаги для решения поставленной задачи, ориентированные на констатацию фактов» [48. С. 15].

С опорой на работы по фразеологии, предлагающие методы и приёмы сопоставительного анализа (см., например, методику Т.Н. Федуленковой [49. С. 27]), для проведения исследования был выработан определенный алгоритм – ряд последовательных действий, направленных на установление фразеологической идентификации, классификации и сравнительного описания исследуемых единиц:

1. Определение значения (как следствия вторичной номинации) всех выбранных ФЕ с компонентом «перо» на основе словарных дефиниций: например, ФЕ *die Feder in den Wind werfen* (нем.) [13. S. 951] – принимать решение наугад; *sing your feathers* (англ.) [22. Р. 473] – опалить себе перья/крылышки.

2. Сравнение выявленного значения ФЕ с буквальным значением ее компонентов для определения семантической устойчивости, т.е. полного или частичного переосмысления. При этом исходим из того, что если ни один из компонентов фразеологизма не использован в дефиниции, то можно констатировать его полное переосмысление: например, ФЕ *use the feather* (англ.) определяется в словаре как «лгать» [28. Р. 318]. Частичное переосмысление значения наблюдается, когда компонент с буквальным значением входит в состав дефиниции: например, *die Federn in Gift/ Galle/ Scheidewasser tauchen* (нем.) – «писать

произведения язвительного характера, т.е. макать писчее перо в яд/желчь/азотную кислоту» [17. С. 461].

3. Сопоставление системных отношений элементов английского и немецкого языков, что предполагает сравнение не отдельных единиц, а парадигматических объединений [46. С. 57]; в частности, все фразеологизмы с исследуемым компонентом сначала были классифицированы по структурно-семантическим признакам и разделены на классы [50. С. 148]: 1) номинативные: а) субстантивные, например, *kangaroo feathers* – англ. [22. Р. 117], *ein Mann von der Feder* – нем. [12. С. 169]; б) адъективные, например, *feather-legged* – англ. [22. Р. 473], *federweich* – нем. [17. С. 462]; в) адвербиальные, например, *in full feather* – англ. [21. С. 745], *mit fliegender Feder* – нем. [12. С. 169]; г) предложные, например, *unter der Federführung von...* – нем. [15. S. 586]; 2) номинативно-коммуникативные: глагольные ФЕ, например, *feather your own nest* – англ., *die Feder in den Wind werfen* – нем.; 3) коммуникативные ФЕ: пословицы и поговорки, например, *a sitting hen gets no feathers* [22. Р. 292] – англ., *der Feder Kunst bringt geld und Gunst* [13. S. 950] – нем.

4. Отбор номинативно-коммуникативных (глагольных) ФЕ с компонентом *перо* для дальнейшего сопоставительного анализа (ввиду сравнительно большого объема первоначально отобранного материала). Столкнувшись с проблемой варьирования объема материала от словаря к словарю, мы нашли этому объяснение в исследованиях Е.В. Ивановой [11. С. 56], которая пишет о неизбежной субъективности включения в словари глагольных ФЕ.

5. Распределение отобранных глагольных ФЕ по фразеосемантическим группам с учетом их смысловой общности и аксиологической характеристики, т.е. наличия положительных, нейтральных или отрицательных оценочных компонентов значения, для выявления которых также требовался культурологический анализ.

6. Дальнейшая систематизация языкового материала по структурно-типологическому и функциональному параметрам с целью определения межъязыкового сходства и различия исследуемых ФЕ в разных культурах.

7. Сравнительная количественная характеристика фразео-семантических групп английских и немецких ФЕ и их шкалирование по степени межъязыковой соотнесенности.

Наше исследование опирается на точку зрения А.Д. Райхштейна об аппроксимативности анализа результатов сопоставления фразеологических единиц и необходимости «пренебречь частными, второстепенными, периферийными различиями и сконцентрировать внимание лишь на существенных, затрагивающих принципиальные качественные и количественные свойства объектов анализа. <...> В противном случае мы рискуем потонуть в массе любопытных деталей, которыми изобилует фразеология» [46. С. 17].

Результаты и их обсуждение

Учитывая важность этимологического параметра исследования [7. С. 118], прежде всего было необхо-

димо выявить степень родства слов feather/Feder – основных компонентов анализируемых ФЕ. В «Этимологическом словаре современного немецкого языка» М.М. Маковского [18. С. 86] Feder соотносится с индоевропейским корнем «pet-fliegen» (летать), кимрским словом «крыло eterin «Vogel» (pet); древневерхненемецким fedara, древнеанглийским feder. В этимологическом словаре Kluge [16. S. 282–283] представлена цепочка общего происхождения слов Feder/feather: старонемецкое слово Fedara (10 в.), средне-немецкое Veder, старосакское feðera, средненидерландское vēder(e), нидерландское ve(d)er, староанглийское feþer, английское feather, древнескандинавское fjǫðr (немецкое feþrō), древнеиндийское pātati, греческое pétēsthai (πέτεσθαι) – летать, ptēsis (πτήσις) – полет, ptōsis (πτῶσις) – падение, pterón (πτερόν), латинское penna (из petnā). Примерно с 18 в. Feder (нем.) используется для называния металлического пишущего инструмента. Partridge [29. P. 1069, 2342] прослеживает латинское происхождение английского слова pen (родственного варианта слов feaher/Feder), за которым в английском языке этимологически закреплена функция письма: penmanship (почерк), penpal (друг по переписке), pencil (карандаш) и др. Таким образом, можно сделать вывод об общности происхождения feather/Feder; с другой стороны, в отличие от немецкого языка, в английском языке feather имеет родственный «аналог» – слово pen (пишущий инструмент), которое входит в состав связанных с писательской деятельностью ФЕ.

В соответствии с предложенным выше алгоритмом проведения анализа для распределения глагольных ФЕ обоих языков по фразеосемантическим подгруппам с общей архисемой [46. С. 57], т.е. общим семантическим микрокомпонентом индивидуального лексического значения [46; 51. С. 35], был применен метод Е.Ф. Арсентьевой, в основе которого лежит идентификация ФЕ отдельными лексемами, словосочетаниями или развернутыми описаниями в словарях и наличие общих интегральных сем в семантике фразеологизмов [6. С. 47]. Кластерный анализ был использован для выделения совокупности семантически связанных между собой слов, «которые служат для репрезентации того или иного фрагмента картины мира» [52. С. 163]. В результате выделены следующие подгруппы исследуемых ФЕ:

Английские ФЕ (28):

25 фразеосемантических подгрупп:

а) ФЕ с пейоративным (отрицательным) оценочным компонентом (ОК):

черты характера: *дурной нрав* – rise at a feather; ruffle smb's feathers; have a feather in the mouth; *тщеславие* – shake/wag the feather; *бесполезность* – see neither feather nor bone; *лесть* – use the feather;

отрицательно окрашенные чувства: *презрение* – not care a cock's feather; *досада* – singe your feathers; *потрясение* – knock over with a feather;

неблаговидные поступки и неумение: *малодушие* – show the white feather; find a white feather in sb's tail; *унижение* – crop the feathers; *злоупотребление* – feather your own nest; *подлость* – cut one's throat with

a feather; *клевета* – tar and feather; *обман* – cut a feather; *присвоение успехов других* – impd with false feathers; *лишение чести* – pull the feathers off; *скандал* – have a broken feather in your wing; *неумение* – dive like a feather and swim like a rock;

финансовое положение (бедность): not to have a feather to fly with;

б) ФЕ с мелиоративным или нейтральным ОК: ~ 22%: *мягкое наказание* – strike with a feather and stab with a rose; *успокоение* – smooth your ruffled / rumpled feathers; *пробуждение и нега* – lie in the long feathers; *судьба* – go to heaven in a featherbed; *улучшение финансового положения* – clear your feathers; *обычай тюрьмы* – grow your feathers; *усиление* – gain more feathers.

Немецкие ФЕ (28):

19 фразеосемантических подгрупп, объединенных в общие тематические группы:

а) ФЕ с пейоративным ОК: ~51,5%:

черты характера: *опрометчивость* – die Feder in den Wind werfen; *безделье* – keinen Federstrich tun; *приспосабливание* – mit jeder Feder eine andere Hand schreiben; *авантюризм* – ohne Federn fliegen wollen, ehe die Federn gewachsen sind; *несамостоятельность* – mit fremden Federn fliegen; *отсутствие деликатности* – nicht viel zuviel Federlesens machen; *самолюбование* – sich wie der Pfau in seinen Federn spiegeln;

неблаговидные поступки/действия: *ослабление власти* – eine Feder vom römischen Adler rupfen; *присвоение успехов других* – sich mit fremden Federn schmücken; *лишение инициативы* – einem die Feder verbinden; *ложное обещание* – einem eine Feder durch die Nase ziehen; *клевета* – teeren und federn; *поспешное решение* – mit einem Federstrich erledigen; *принуждение* – etwas in die Feder diktieren; *язвительная критика писателя* – die Federn in Gift/Galle/Scheidewasser tauchen;

финансовое положение: *бедность, разорение* – von den Federn aufs Stroh kommen; Federn lassen müssen;

б) ФЕ с мелиоративно-нейтральным ОК: 48,5 %:

писательский труд – die Feder ergreifen/zur Feder greifen; eine flüssige Feder haben; aus jemander Feder stamen; seiner Feder freien Lauf lassen; unter der Feder haben; eine scharfe (spitze) Feder führen; **перемирие** – die weiße Feder (zu früh) zeigen; **сон, пробуждение и нега** – aus den Federn kriechen/ scheuchen/ holen, früh aus den Federn sein/ morgens nicht aus den Federn finden, auf den Federball gehen, in den Federn liegen; **любезность** – viel zuviel Federlesens Machen (см. табл. 1, 2).

Анализ отрицательного (51,5%) (табл. 1) и положительно-нейтрального (48,5%) субъективно-оценочных компонентов немецких фразеологизмов (табл. 2) демонстрирует небольшое доминирование первой группы, в то время как английские ФЕ с пейоративным (отрицательным) оценочным компонентом (ОК) (78%) в количественном отношении превосходят ФЕ с положительно-нейтральным компонентом более чем в 3,5 раза. Другим важным отличием является отсутствие в немецком языке фразеосемантической

подгруппы *отрицательно окрашенные чувства*. С другой стороны, немецкие ФЕ подгруппы *писательский труд* (6) и *сон/пробуждение* (4) уникальны по своим национально-культурным значениям. Обратим внимание, что подгруппа *сон/пробуждение* была со-

кращена количественно за счет объединения некоторых фразеологизмов-синонимов, отличающихся только входящими в их состав вариантами глаголов, например: *aus den Federn kriechen/ scheuchen/ holen* – поднимать (ся) с постели [12. С. 169].

Таблица 1

Сравнительная количественная характеристика фразеосемантических групп английских и немецких ФЕ с отрицательным ОК

Английские ФЕ с отрицательным ОК (78%)	Количество ФЕ (21%)	Немецкие ФЕ с отрицательным ОК (51,5%)	Количество ФЕ (16%)
<u>Черты характера</u>		<u>Черты характера</u>	
▪ дурной нрав	3	▪ опрометчивость	1
▪ тщеславие	1	▪ безделье	1
▪ бесполезность	1	▪ приспособливание	1
▪ лесть	1	▪ авантюризм	1
<u>Отриц. окрашенные чувства</u>		▪ несамостоятельность	1
▪ презрение	1	▪ отсутствие деликатности	1
▪ досада	1	▪ самолюбование	1
▪ потрясение	1		
<u>Неблаговидные поступки и неумение</u>		<u>Неблаговидные поступки</u>	
▪ малодушие	2	▪ ослабление власти	1
▪ унижение	1	▪ лишение инициативы	1
▪ злоупотребление.	1	▪ язвительная письменная критика	1
▪ подлость	1	▪ клевета	1
▪ клевета	1	▪ ложное обещание	1
▪ обман	1	▪ присвоение чужих успехов	1
▪ присвоение чужих успехов	1	▪ принуждение	1
▪ скандал	1	▪ поспешное решение	1
▪ лишение чести	1	<u>финансовое положение</u>	
▪ неумение	1	▪ бедность	2
<u>финансовое положение</u>			
▪ бедность	1		

Таблица 2

Сравнительная количественная характеристика фразео-семантических групп английских и немецких ФЕ с положительным-нейтральными ОК

Английские ФЕ (22%) с положительным/нейтральным ОК	Количество ФЕ (7)	Немецкие ФЕ (48,5%) с положительным/нейтральным ОК	Количество ФЕ (12)
▪ пробуждение и нег	1	▪ сон, пробуждение и нег	4
▪ судьба	1	▪ писательский труд	6
▪ успокоение	1	▪ любезность	1
▪ усиление	1	▪ перемирие	1
▪ мягкое наказание	1		
▪ привилегия заключенного	1		
▪ финансовое улучшение	1		

Дальнейшая систематизация и классификация языкового материала проводилась с опорой на адаптированную для целей нашего исследования процедуру сопоставительного анализа М.И. Грицко [53. С. 101], что позволило определить межъязыковое сходство и различие функционирования исследуемых ФЕ с общим соматическим компонентом «перо» в разных культурах. Исследуемый материал был систематизирован с учетом степени структурно-типологического сходства на основе трех критериев [54. С. 213]: лексического (лексический состав), грамматического (система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства) и образно-культурологического. Отметим, что национально-культурный компонент фразеологического значения ниже приводимых единиц реализует **образно-организующую функцию** (фразеологическую образ-

ность), которая является основным свойством данных единиц – результатов вторичной номинации [55. С. 100]. Из общего числа фразеологизмов выделены 3 группы межъязыковой эквивалентности (всего 10 английских и немецких ФЕ): **1) полные межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ)**: *tar and feather / teeren und federn* (оклеветать); **2) близкие МФЭ** [Грицко]: *imped with false feathers / (sich) mit fremden Federn schmücken* (присваивать успехи других); *not to have a feather to fly with / Federn lassen* (обеднеть); *lie in the long feathers* (стелить постель на соломе) / *in den Federn liegen* – нежиться в постели после пробуждения (рис. 1); **3) квазиэквиваленты**: *show the white feather* (струсить) / *die weiße Feder (zu früh) zeigen* (заключать преждевременный мир). Хотя эти фразеологизмы очень близки по структуре, мы наблюдаем семантические различия такой степени, что теряется «вообще какое-либо смысловое соотно-

шение <...> остается соотносительность только по структуре» [56. С. 129].

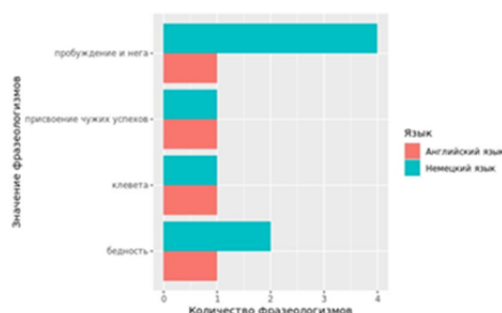

Рис. 1. Межязыковое совпадение значений по фразеотематическим подгруппам

Количественные данные сопоставительного анализа свидетельствуют о преобладании безэквивалентных ФЕ, как мотивированных, так и немотивированных. Уникальность безэквивалентных ФЕ обусловлена возрастанием культурной фразеологической значимости, «когда в их структуре присутствует символическая составляющая» [57. С. 45]. **Оттеночно-смысловая функция** анализируемых мотивированных фразеологизмов проявляется в их национально-культурных особенностях и позволяет создать уникальный образный колорит: *von der Feder leben* (нем.) – жить литературным трудом; *mit fremden Federn fliegen* (нем.) – делать что-либо «чужими руками» (не самостоятельно); *see neither feather nor bone* – не найти и следа (ни перьев, ни костей); *clear your feathers* (англ.) – рассчитаться с долгами; *ruffle smb's feathers* – вызывать чье-либо недовольство (взъерошить перья); *smooth your ruffled feathers* (англ.) – успокоиться; *gain more feathers* (англ.) – усиливаться (нарастить перья). На примере исследуемых единиц мы наблюдаем межязыковые различия, «фиксирующие несовпадения в интерпретации определенных фрагментов действительности разными языковыми сообществами» [57. С. 42]: *grow your feathers* (англ.) – отрастить волосы (тюремный обычай: отрицание волос как привилегия заключенным перед освобождением из тюрьмы), *pull the feathers off* (англ.) – лишить чести (выдергивать перья); *knock over with a feather* (англ.) – привести в замешательство, а буквально – сбить с ног перышком; *in die Federn kriechen* (нем.) – отправляться на боковую (шутл.); *ohne Federn fliegen wollen, ehe die Federn gewachsen sind* (нем.) – отважиться на какое-либо дело, не имея возможностей (когда крылья еще не выросли).

С другой стороны, необходимо указать на **бытийную функцию** немотивированных ФЕ [55. С. 101], понимание которых требует владения фоновыми знаниями, например: *cut a feather* (англ.) – пускать пыль в глаза, быть слишком дотошным; *not care a cock's feather* (англ.) – ни во что не ставить; *find a white feather in sb's tail* – обнаруживать признаки трусости в ком-либо; *mit jeder Feder eine andere Hand schreiben* (нем.) – держать нос по ветру; *auf den Federball gehen* (нем.) – идти на боковую. Остановимся подробнее на

двух уникальных немецких ФЕ, противоположных по значению за счет отрицания *nicht*: *nicht viel zuviel Federlesens machen* (нем.) – не церемониться (не стряхивать перышки); *viel zuviel Federlesens machen* (нем.) – любезничать (рьяно стряхивать перышки). Сложное слово *Federlesen* используется в немецком языке только в значении «стряхивание перышек», появление которого связано с невербальной формой заискивающего-показного поведения лакеев по отношению к господам.

Для интерпретации полученных данных и характеристики выявленных количественных показателей мы применили разработанный Л.А. Кривенко метод шкалирования – «шкалу ранжирования степени выраженности исследуемых параметров», на основании следующих критериев [58. С. 37]: а) 0 – нулевая степень (отсутствие рассматриваемого явления); б) > 0 и < 10% – низкая степень; в) ≥ 10 и < 30% – заметная степень; г) ≥ 30% и < 50% – яркая степень; д) ≥ 50% и < 70% – значительная степень; е) ≥ 70% и < 90% – высокая степень; ж) ≥ 90% и < 100% гипервысокая степень; з) 100% абсолютная степень. Следовательно, для исследованных 56 английских и немецких глагольных ФЕ с компонентом *pero*, с учетом входящих в это число 10 межязыковых эквивалентов, характерна **заметная степень** межязыковой соотносительности, равная 17,85%.

Рис. 2. Общее межязыковое соотношение фразеологических единиц (эквивалентов, квазиэквивалентов, безэквивалентных единиц), %

Заключение

В данном сопоставительном исследовании рассмотрены 56 хронологически неоднородных фразеологизмов английского и немецкого языков с целью раскрытия их лингвокультурной ценности и установления межязыковой соотносительности. Входящий в состав ФЕ соматический компонент обуславливает их ориентированность на человека и его бытие. Исследуемые английские фразеологизмы характеризуются большим спектром значений в пределах 25 фразеосемантических подгрупп, количество которых в немецком языке составляет 19.

Для решения поставленных задач с помощью шкалы ранжирования получены количественные показатели, констатирующие заметную степень проявления межязыковой соотносительности (17,85%) у исследуемого материала, на основании чего выдвинута исследовательская гипотеза о высокой степени МС

опровергнута. 10 фразеологизмов из общего числа рассмотренных единиц определены как межъязыковые фразеологические эквиваленты: полные межъязыковые фразеологические эквиваленты с аналогичной лексической и структурной организацией (2), близкие межъязыковые фразеологические эквиваленты (6) и квазиэквиваленты (2).

Выявленная степень проявления межъязыковой соотносительности предопределяет доминирование безэквивалентных ФЕ (82,15%); как мотивированных, так и немотивированных и служит подтверждением характерной для фразеологизмов универсальной закономерности: чем сложнее совокупное значение ФЕ, тем ниже число фразеологических эквивалентов (см. рис. 2). Из общего числа исследованного материала выявлена только одна единица с компонентом-реалией, а именно немецкий фразеологизм *eine Feder vom römischen Adler rupfen* – ослаблять власть.

Сравнительный анализ фразеосемантических групп демонстрирует преобладание отрицательного субъективно-оценочного компонента в обоих языках, но у исследуемых английских единиц наблюдается гораздо больший сдвиг в сторону отрицательных значений. Степень внутриязыковой корреляции отрицательных значений по отношению к положительным значениям в английском языке составляет пропорцию 78: 22%, в немецком языке она выражена как 51,5 : 49,5%. Таким образом, межъязыковое соотношение субъективно-оценочных компонентов (английские ФЕ vs немецкие ФЕ) составляет пропорцию 3,5 : 1,03.

Отметим фразеологические лакуны одного языка относительно другого. Во-первых, по сравнению с английским языком в пределах фразеосемантических групп немецкого языка с компонентом «перо» наблюдается отсутствие фразеологизмов для передачи *отрицательно окрашенных чувств*. Во-вторых, в отличие от немецкого языка в английском языке нет еди-

ниц с компонентом *feather*, представляющих фразеосемантическую подгруппу *писательский труд*, что объясняется этимологической «закрепленностью» данного значения за словом *pen*. Еще одно отличие сравниваемых ФЕ состоит в присутствии фразеологического ряда близких по синтаксической структуре и компонентному составу, обладающих тождественным значением немецких лексических вариантов подгруппы *сон/пробуждение*: *aus den Federn kriechen/scheuchen/ holen, früh aus den Federn sein/ morgens nicht aus den Federn finden* (вставать с постели), которые отличаются друг от друга только варьированием лексических элементов.

Определены два направления мотивационного аспекта исследуемых фразеологизмов: экстралингвистическое направление образности, обусловленное символической природой компонента «перо», и интралингвистическое направление, открывающее важную роль тропов (метафоры, метонимии, сравнения, гиперболы, литоты и др.) при передаче уникальной образной составляющей исследуемых фразеологизмов.

Таким образом, установив степень межъязыковой соотносительности английских и немецких фразеологических единиц с общим компонентом «перо» (*feather/Feder*), а также выявив их структурно-семантические, функциональные и аксиологические особенности, можно заключить, что задачи настоящей работы решены и поставленная цель достигнута.

Предложенный в работе алгоритм сопоставительного анализа фразеологических единиц с общим этимологическим компонентом позволяет комплексно описывать сходство и различие английских и немецких фразеологизмов по целому ряду параметров и, как предполагается, может быть экстраполирован на другие типы фразеологических единиц и пары родственных языков.

Список источников

1. Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. Воронеж : Изд-во ООО РИТМ, 2019. 226 с.
2. Соколова М.В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2015. 326 с.
3. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа : БГУ, 2003. 367 с.
4. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1991. 173 с.
5. Аюпова Р.А. Сигнификативно-денотативный макрокомпонент фразеологического значения в словарной статье и контексте // Вестник университета Российской академии образования. 2008. № 3. С. 31–36.
6. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. 130 с.
7. Василенко А.П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2011. 44 с.
8. Грищенко Т.Ф., Иванова Е.А., Карнюшина В.В., Король Е.В. Язык и реальность: сопоставительный, лингвокультурный и дидактический аспекты межкультурной коммуникации. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2016. 96 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
10. Федуленикова Т.Н., Любова А.Н. Методы и процедуры исследования фразеологии (на материале английского, немецкого и норвежского языков) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 2 (10). С. 158–167.
11. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ (Филологический факультет), 2006. 280 с.
12. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М. : Русский язык, 1975. 656 с.
13. Wander K.F. Deutsches Sprichwörter-Lexikon – ein Hausschatz für das deutsche Volk. 1. Band. Hrsg. Augsburg, Weltbild, 1987.
14. Drosdowski G. Werner Scholze-Stubenrecht. Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Band 11. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1992.
15. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Berlin : Duden Verlag, 2015. 2132 p.
16. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeitet von Elmar Seebold. 25., durchgesehene und erweiterte Auflage. Berlin; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. 1092 p.
17. Лепинг Е.И., Страхова Н.П., Филичева Н.И., Цвиллинг М.Я., Червас Р.А. Большой немецко-русский словарь. Т. 1. М. : Русский язык, 1980. 760 с.

18. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М. : Азбуковник, 2004. 630 с.
19. Schemann H. Deutsche Idiomatik Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. 2. Auflage, mit vollständig überarbeiteter Einführung. Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. 1181 p.
20. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М. : Русский язык, 1984. 944 с.
21. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. Новый Большой русско-английский словарь : в 3 т. 6-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 2001. 832 с.
22. Wilkinson P.R. Thesaurus of Traditional English Metaphors. London ; New York : Routledge & Francis Group, 2006. 2009 p.
23. Буковская М.В., Вяльцева С.И., Дубянская З.И. Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1990. 240 с.
24. Brewer's Dictionary of Phrase & Fable. New York : Harper & Brothers Publishers, 1999. 990 p.
25. Siefring J. The Oxford Dictionary of Idioms. New York : Oxford University Press Inc., 2004. 352 p.
26. Cirlot J.E. A Dictionary of Symbols. London : Routledge, 1971.
27. Smith W.G. The Oxford Dictionary of English Proverbs. London : Oxford University Press, 1936. 676 p.
28. Wright J. The English Dialect Dictionary. Vol. 2: D-G. The English Dialect Society. Oxford : Oxford University Press, 1981. 788 p.
29. Partridge E. Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English. London ; New York : Routledge, 1966. 4247 p.
30. Boyer A. Boyer's Royal Dictionary. Abridged. Part Two. English and French. Helsinki : Arkose Press, 2015. 934 p.
31. Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин : АН ЭССР – Отделение социальных наук, 1964. 35 с.
32. Хашаева З.Н. Соматизмы в структуре фразеологической картины мира // Современная наука: Актуальные вопросы, достижения и инновации : Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. : в 4 ч. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 126–129.
33. Лаврищева Е.В. Номинативно-метафорическое поле концепта «соматическое пространство» в русской и немецкой языковой картине мира. Елец : Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2014. 177 с.
34. Кочнова С.О. Лингвокультурологическая интерпретация русских анималистических фразеологизмов без зоонима в практике преподавания русского языка как иностранного : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : РУДН, 2005. 20 с.
35. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.
36. Подгорная В.В. Наивная анатомия в английской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 226 с.
37. Юрков Е.Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб. : СПбГУ, 2012. 56 с.
38. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : ИТДГК Гнозис, 2002. 284 с.
39. Денисова Г.И. Соматические фразеологические единицы эрзянского и немецкого языков (сопоставительный анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск : МГУ им. Огарева, 2003. 20 с.
40. Ковалевская Л.А. Внутренняя форма как источник семантической мотивации культурной коннотации фразеологизмов русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. В. Новгород : НГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. 24 с.
41. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс) : учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М. : Флинта, 2014. 312 с.
42. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. : Отдел теоретического и прикладного языкознания Учреждения Российской Академии наук Института языкознания, 2009. 49 с.
43. Василенко А.П. Тропеические механизмы образования внутренней формы фразеологизмов русского и английского языков // Вестник ПГЛУ. 2010. № 2. С. 131–134.
44. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
45. Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь. М. : Энас, 2007. 208 с.
46. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии для институтов и факультетов иностранных языков. М. : Высшая школа, 1980. 143 с.
47. Капышева Г.К. Межъязыковые фразеологические компоненты в разносистемных языках. Усть-Каменогорск : Изд-во ВКГУ им. В.С. Аманжолова, 2008. 142 с.
48. Любимова Н.А., Бузальская Е.В. От приема к методу: как пройти этот путь с наименьшими потерями. СПб. : Златоуст, 2016. 96 с.
49. Федуленикова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков : курс лекций. 2-е изд., испр. М. : Издательский Дом «Академии Естествознания», 2018. 220 с.
50. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник для ин-тов и факультетов иностр. яз. 2-е изд., перераб. Москва : Высш. шк. ; Дубна : Изд. центр Феникс, 1996. 381 с.
51. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 138 с.
52. Хроленко А.Т. Основы культурологии. М. : Флинта ; Наука, 2009. 184 с.
53. Грицко М.И. Глагольные фразеологизмы русского, английского и французского языков в сопоставительном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск : Сибирское отделение, Объединенный институт истории, филологии и философии, Институт филологии, 2005. 150 с.
54. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект) : учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. М. : Флинта : Наука, 2003. 264 с.
55. Титаренко Н.В. Функции национально-культурного компонента фразеологического значения при образовании межъязыковых параллелей // Известия ВГПУ. 2007. № 2 (20). С. 98–101.
56. Зимин В.И. Сравнительное описание фразеологизмов русского и французского языков: типы межъязыковых фразеологических эквивалентов // Романское культурное и языковое наследие: история и современность : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.В. Скуратов. М. : МГОУ, 2016. С. 127–132.
57. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.
58. Кривенко Л.А. Использование метода шкалирования при внутриязыковых и сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования. 2015. Воронеж : Истоки, 2015. С. 36–43.

References

1. Konopel'ko, I.P. (2019) *Sopostavitel'nyy analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka* [Comparative analysis in language research and teaching]. Voronezh: Izd-vo OOO RITM.
2. Sokolova, M.V. (2015) *Lingvokul'turologicheskaya spetsifika frazeologicheskikh edinits s komponentom-zoonimom v mariyskom i finskom yazykakh* [Linguoculturological specificity of phraseological units with a zoonym component in the Mari and Finnish languages]. Philology Cand. Diss. Yoshkar-Ola.
3. Ivanova, S.V. (2003) *Lingvokul'turologicheskii aspekt issledovaniya yazykovykh edinits* [Linguoculturological aspect of the study of linguistic units]. Philology Dr. Diss. Ufa: Bashkir State University.

4. Mal'tseva, D.G. (1991) *Stranovedenie cherez frazeologizmy. Posobie po nemetskomu yazyku* [Country Studies through Phraseological Units. Manual on the German language]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Ayupova, R.A. (2008) Dictionary entry and a context: significative-denotative macrocomponent of the phraseological meaning. *Vestnik universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. 3. pp. 31–36. (In Russian).
6. Arsent'eva, E.F. (1989) *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinits (na materiale frazeologicheskikh edinits, semanticheski orientirovannykh na cheloveka, v angliyskom i russkom yazykakh* [Comparative Analysis of Phraseological Units (Based on the material of phraseological units semantically oriented to a person in English and Russian)]. Kazan: Kazan State University.
7. Vasilenko, A.P. (2011) *Aspekty semantiki frazeologizmov (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Aspects of semantics of phraseological units (based on the material of Russian and French languages)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Orel.
8. Grishenkova, T.F. (2016) *Yazyk i real'nost': sopostavitel'nyy, lingvokul'turnyy i didakticheskiy aspekty mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Language and Reality: Comparative, linguocultural and didactic aspects of intercultural communication]. Novosibirsk: Izd-vo TsRNS.
9. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
10. Fedulenkova, T.N. & Lyubova, A.N. (2008) *Metody i protsedury issledovaniya frazeologii (na materiale angliyskogo, nemetskogo i norvezhskogo yazykov)* [Methods and procedures of phraseology research (based on the material of English, German and Norwegian languages)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 2 (10). pp. 158–167.
11. Ivanova, E.V. (2006) *Mir v angliyskikh i russkikh posloviatsakh* [The World in English and Russian Proverbs]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
12. Binovich, L.E. & Grishin, N.N. (1975) *Nemetsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [German-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
13. Wander, K.F. (1987) *Deutsches Sprichwörter-Lexikon – ein Hausschatz für das deutsche Volk*. Vol. 1. Augsburg: Weltbild.
14. Drosowski, G. (1992) *Werner Scholze-Stubenrecht. Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Vol 11. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
15. Dudenredaktion. (2015) *Duden. Deutsches Universalwörterbuch*. Berlin: Duden Verlag.
16. Seebold, E. (ed.) (2011) *Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 25th ed. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
17. Leping, E.I. et al. (1980) *Bol'shoy nemetsko-russkiy slovar'* [Big German-Russian Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Makovskiy, M.M. (2004) *Etimologicheskiy slovar' sovremennogo nemetskogo yazyka. Slovo v zerkale chelovecheskoy kul'tury* [Etymological Dictionary of the Modern German Language. The word in the mirror of human culture]. Moscow: Azbukovnik.
19. Schemann, H. (2011) *Deutsche Idiomatik Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext*. 2nd ed. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
20. Kunin, A.V. (1984) *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Apresyan, Yu.D., Mednikova, E.M. & Petrova, A.V. (2001) *Novyy Bol'shoy russko-angliyskiy slovar'* [New Big Russian-English Dictionary]. 6th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Wilkinson, P.R. (2006) *Thesaurus of Traditional English Metaphors*. London; New York: Routledge & Francis Group.
23. Bukovskaya, M.V., Vyal'tseva, S.I. & Dubyanskaya, Z.I. (1990) *Slovar' upotrebitel'nykh anrliyskikh posloviats: 326 statey* [Dictionary of Common English Proverbs: 326 articles]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Brewer, E.C. (ed.) (1999) *Brewer's Dictionary of Phrase & Fable*. New York: Harper & Brothers Publishers.
25. Siefing, J. (2004) *The Oxford Dictionary of Idioms*. New York: Oxford University Press Inc.
26. Cirlot, J.E. (1971) *A Dictionary of Symbols*. London: Routledge.
27. Smith, W.G. (1936) *The Oxford Dictionary of English Proverbs*. London: Oxford University Press.
28. Wright, J. (1981) *The English Dialect Dictionary*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press.
29. Partridge, E. (1966) *Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English*. London; New York: Routledge.
30. Boyer, A. (2015) *Boyer's Royal Dictionary. Abridged. Part Two. English and French*. Helsinki: Arkose Press.
31. Vakk, F. (1964) *O somaticheskoy frazeologii v sovremennom estonskom literaturnom yazyke* [On somatic phraseology in the modern Estonian literary language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tallin.
32. Khashaeva, Z.N. (2018) [Somatism in the structure the phraseological picture of the world]. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern Science: Current issues, achievements and innovations]. Proceedings of the 2nd International Conference. Penza. 05 June 2018. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie". pp. 126–129. (In Russian).
33. Lavrishcheva, E.V. (2014) *Nominativno-metaforicheskoe pole kontsepta "somaticeskoe prostranstvo" v russkoy i nemetskoy yazykovoy kartine mira* [Nominative-Metaphorical Field of the Concept "Somatic Space" in the Russian and German Language Picture of the World]. Yelets: Yelets State Ivan Bunin University.
34. Kochnova, S.O. (2005) *Lingvokul'turologicheskaya interpretatsiya russkikh animalisticheskikh frazeologizmov bez zoonima v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Linguocultural interpretation of Russian animalistic phraseological units without a zoonym in the practice of teaching Russian as a foreign language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
35. Kozerenko, A.D. & Kreydlin, G.E. (2011) *Frazeologicheskie somatizmy i semioticheskaya kontseptualizatsiya tela* [Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 54–66.
36. Podgornaya, V.V. (2016) *Naivnaya anatomiya v angliyskoy yazykovoy kartine mira* [Naive anatomy in the English language picture of the world]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
37. Yurkov, E.E. (2012) *Metafora v aspekte lingvokul'turologii* [Metaphor in the aspect of linguoculturology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
38. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow: ITDGG Gnozis.
39. Denisova, G.I. (2003) *Somaticheskie frazeologicheskie edinytsy erzyanskogo i nemetskogo yazykov (sopostavitel'nyy analiz)* [Somatic phraseological units of the Erzya and German languages (comparative analysis)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saransk.
40. Kovalevskaya, L.A. (2010) *Vnutrennyaya forma kak istochnik semanticheskoy motivatsii kul'turnoy konnotatsii frazeologizmov russkogo yazyka* [Internal form as a source of semantic motivation of cultural connotation of phraseological units of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Veliky Novgorod.
41. Baranov, A.N. & Dobvol'skiy, D.O. (2014) *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs)* [Fundamentals of Phraseology (short course)]. 2nd ed. Moscow: Flinta.
42. Kovshova, M.L. (2009) *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Semantics and pragmatics of phraseological units (linguocultural aspect)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
43. Vasilenko, A.P. (2010) *Tropeicheskie mekhanizmy obrazovaniya vnutrenney formy frazeologizmov russkogo i angliyskogo yazykov* [Tropeic mechanisms of formation of the internal form of phraseological units of Russian and English languages]. *Vestnik PGLU*. 2. pp. 131–134.
44. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS.
45. Gorte, M.A. (2007) *Figury rechi: terminologicheskiy slovar'* [Figures of Speech: Terminological dictionary]. Moscow: Enas.

46. Raykhshteyn, A.D. (1980) *Sopostavitel'nyy analiz nemetskoy i russkoy frazeologii dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Comparative Analysis of German and Russian Phraseology for Institutes and Faculties of Foreign Languages]. Moscow: Vysshaya shkola.
47. Kapysheva, G.K. (2008) *Mezh'yazykovye frazeologicheskie komponenty v raznosistemnykh yazykakh* [Interlanguage Phraseological Components in Multi-System Languages]. Ust-Kamenogorsk: Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University.
48. Lyubimova, N.A. & Buzal'skaya, E.V. (2016) *Ot priema k metodu: kak proyti etot put' s naimen'shimi poteryami* [From Reception to Method: How to go this way with the least losses]. Saint Petersburg: Zlatoust.
49. Fedulenkova, T.N. (2018) *Sopostavitel'naya frazeologiya angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov* [Comparative Phraseology of English, German and Swedish languages: A course of lectures]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skiy Dom "Akademii Estestvoznaniya".
50. Kunin, A.V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Course of Phraseology of Modern English]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola; Dubna: Izd. tsentr Feniks.
51. Sternin, I.A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical Meaning of a Word in Speech]. Voronezh: Voronezh State University.
52. Khrolenko, A.T. (2009) *Osnovy kul'turologii* [Fundamentals of Cultural Studies]. Moscow: Flinta; Nauka.
53. Gritsko, M.I. (2005) *Glagol'nye frazeologizmy russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov v sopostavitel'nom aspekte* [Verb phraseological units of the Russian, English and French languages in a comparative aspect]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
54. Solodub, Yu.P. & Al'brekht, F.B. (2003) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyy aspekt)* [Modern Russian Language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect)]. Moscow: Flinta; Nauka.
55. Titarenko, N.V. (2007) Funktsii natsional'no-kul'turnogo komponenta frazeologicheskogo znacheniya pri obrazovanii mezh'yazykovykh paraleley [Functions of the national-cultural component of phraseological meaning in the formation of interlanguage parallels]. *Izvestiya VGPU*. 2 (20). pp. 98–101.
56. Zimin, V.I. (2016) [Comparative description of phraseological units of the Russian and French languages: types of interlanguage phraseological equivalents]. *Romanskoe kul'turnoe i yazykoe nasledie: istoriya i sovremennost'* [Romance Cultural and Linguistic Heritage: History and modernity]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 21–22 June 2016. Moscow: Moscow Region State University. pp. 127–132. (In Russian).
57. Dobrovol'skiy, D.O. (1997) Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii [National-cultural specificity in phraseology]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 37–48.
58. Krivenko, L.A. (2015) Ispol'zovanie metoda shkalirovaniya pri vnutyazykovykh i sopostavitel'nykh issledovaniyakh [The use of the scaling method in intra-linguistic and comparative studies]. In: Sternina, M.A. (ed.) *Sopostavitel'nye issledovaniya. 2015* [Comparative Studies. 2015]. Voronezh: Istoki. pp. 36–43.

Информация об авторах:

Храброва В.Е. – старший преподаватель Департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономика» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: stefankhrabrova@mail.ru

Сергаева Ю.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sergaeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.E. Khrabrova, senior lecturer, National Research University Higher School of Economics – Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: stefankhrabrova@mail.ru

Yu.V. Sergaeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sergaeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2021;
одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 28.02.2021;
approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 316.423
doi: 10.17223/15617793/477/6

Социальное конструирование и визуальная метафора

Марк Васильевич Гончаренко¹, Наталия Александровна Лукьянова^{2, 3, 4}

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

⁴ Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

¹ markgon73@rambler.ru

^{2, 3, 4} lukianova@tpu.ru

Аннотация. Рассматриваются принципы социального конструирования и значение в этом процессе метафоры (визуальной метафоры на примере социальной сети). Обосновывается, почему использование междисциплинарного подхода при исследовании природы социальных конструктов представляется правомерным. Проанализировано, почему исследование метафоры не утратило перспективности: метафора обеспечивает возможность использования индивидуальных особенностей в процессе трансформации реальности, что приводит к появлению новых социальных практик.

Ключевые слова: социальная эпистемология, метафора, визуализация, конструирование, будущее

Для цитирования: Гончаренко М.В., Лукьянова Н.А. Социальное конструирование и визуальная метафора // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 60–66. doi: 10.17223/15617793/477/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/6

Social construction and visual metaphor

Mark V. Goncharenko¹, Natalia A. Lukianova^{2, 3, 4}

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

¹ markgon73@rambler.ru

^{2, 3, 4} lukianova@tpu.ru

Abstract. The article examines the processes of social construction determined by current social practices, which are constantly in a state of transformation. This transformation is influenced by many factors; we analyzed one of them. We made an assumption according to which a visual metaphor is a factor in generating new knowledge and new social constructs. In this regard, it seems essential to take into account the peculiarities of individual metaphors as they often contain a very important section of the perceptions of the subject of cognition, which in one way or another ultimately affects social reality. The main object of research in this article is the emergence and transformation of social constructs as a result of the emergence of new visual metaphors. The working hypothesis of this research comes down to the following: a visual metaphor is a way of constructing a picture of the future, which contributes to the formation of a certain social projection. This process is a prerequisite for social transformation. The aim of this study is to identify elements that have a significant impact on the formation of a social subject's individual perceptions of characteristics, preferences, knowledge, which produces social construction by transforming reality. The features of a social subject's individual approach are somehow presented in visual images that are relevant to them, and which they either choose or create themselves. Naturally, this (visualization/visual metaphor) is not the only element of construction, but it was the focus in this study. We argue that the analysis of the problem of social construction and the role of visual metaphor in this process can be successful only when using an interdisciplinary approach. The fact is that a social construct is the result of the development of a social subject that transforms reality taking into account their knowledge and goals, creating new aspects of reality. Taking into account the above, the following research methods were used in the article: analytical method, semiotic analysis method, constructionist analysis of social reality, discourse analysis. As a result of the analysis, we came to the following conclusions: the study of visual images/visual metaphor is one of the promising directions, since metaphor provides the possibility of using individual characteristics in the transforming of reality, which leads to the emergence of new social practices.

Keywords: social epistemology, metaphor, visualization, construction, future

For citation: Goncharenko, M.V. & Lukianova, N.A. (2022) Social construction and visual metaphor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 60–66. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/6

Введение

Данное исследование направлено, прежде всего, на изучение процесса социального конструирования, одним из важнейших инструментов которого является язык. Феномен познания мира, как и феномен его трансформации, невозможны вне языковой деятельности субъекта познания, в результате которой появляются новые области исследования, описываются новые процессы и формируются новые социальные практики. Авторы данного исследования совершенно разделяют мнение Дж. Лакоффа о том, что «новые метафоры <...> могут обладать способностью определять действительность. Они осуществляют это посредством связанной сети следствий, высвечивающих одни свойства реальности и скрывающие другие» [1. С. 185]. Безусловно, язык является сверхсложной системой, состоящей из различных уровней и имеющей множество средств в своём арсенале, однако наш выбор был направлен на анализ метафоры по причине недооценённости социокультурной роли данного языкового феномена.

Насколько тесно связаны процесс вербализации и реальность, было показано представителями аналитической философии, один из основоположников которой Л. Витгенштейн неоднократно обращался и к проблеме метафоры: метафорической концептуализации когнитивного пространства. Мы также солидарны в понимании метафоры с М. Блэком, который рассматривал метафору не как художественный приём или троп, но, с одной стороны, как один из инструментов создания языковых конструктов и, с другой стороны, как объект анализа роли языка в когнитивных процессах, в результате применения которого мы имеем возможность понимания (к сожалению, далеко не всегда) как и на каких основаниях формируется концептуальная схема какого-то явления, процесса и пр. Помимо этого, для проведения исследования в таком ракурсе мы не могли не обратиться к обоснованию эпистемологического феномена метафоры у Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Д. Дэвидсона, Дж. Сёрля, что позволило нам аргументировать тезис, в соответствии с которым метафора успешно справляется с конструированием реальности.

В данном исследовании рассматривается процесс конструирования реальности в результате успешного соединения метафор визуального и вербального ряда; например, переход от стихотворения к картине изменяет материю, что показывает следующее: «...трансмутация добавляет сигнификаты или наделяет значительностью те коннотации, которые исходно ею не обладали» [2. С. 389]. В нашем случае мы анализируем метафоры, так или иначе структурирующие социальное пространство, на примере контента социальной сети Instagram. В контексте понимания метафоры как инструмента познания представляется допустимым рассмотрение соцсети в качестве средства

формирования новых концептов социума, определяющих направления дальнейшего социального конструирования, обязательным элементом которого является и такая социальная практика, как образование, готовящая основания для дальнейшей трансформации социальной системы.

Для нашего исследования важен междисциплинарный подход поскольку мы рассматриваем случаи, когда социальное конструирование происходит посредством метафоры, по-новому организующей когнитивное пространство за счёт актуализации междисциплинарных представлений субъекта познания о том или ином явлении.

Трансформация социума в контексте социальной эпистемологии

Анализ проблемы социального конструирования однозначно детерминирует необходимость междисциплинарного подхода по нескольким причинам. Во-первых, какое из современных научных направлений не занимается конструированием? Таких направлений нет, но есть специфика различных областей знания (естественного, технического, гуманитарного), которая и определяет особенности их конструирования. И именно на основании специфики областей знания иногда делаются выводы относительно неконгруэнтности объектов исследования в этих исследовательских областях. При таком подходе гуманитарное знание, обусловленное феноменом социальности, теряет объективность научности других областей знания, что, по нашему мнению, совершенно неприемлемо в контексте теории социальной эпистемологии и социального конструирования.

Отказываясь признавать авторство познающего субъекта в теоретическом и практическом познании, исследователь такого рода игнорирует факт социальности знания и познания: различные системы знания формируются только в социуме и являются результатами развития того или иного социума на конкретном этапе его становления. В этой связи представляется необходимым учитывать корреляцию гуманитарного и негуманитарного компонентов знания. Во-вторых, социальность как объект изучения обладает, по определению, всеми теми свойствами, что и любой объект в другой (негуманитарной) исследовательской сфере, а именно: он формирует специфику методологии, контуры предмета, определяет исследовательское поле и т.д. И это является дополнительным аргументом в пользу того, что И.Т. Касавин называет теоретическим значением социальной эпистемологии, которое «...определяется центральной ролью общества в процессе формирования знания, а также и тем, что главная современная движущая сила общества – это информация или знание. Отсюда вытекает и практическая важность социальной эпистемологии: она связана с её возможной ролью в перестройке социальных

институтов, ориентированных на хранение, переработку и производство информации» [3. С. 7]. Социальность¹, как и социальное значение знания, – это одно из базовых условий различных познавательных практик, каждая из которых ориентирована на прагматику, какой бы экзотичной, на первый взгляд, ни казалась последняя (сегодня никто не удивляется проектам и прогнозам Илона Маска относительно космического кораблестроения, а несколько столетий назад это сочли бы пустыми фантазиями) (исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта 20-011-31100).

Социальное конструирование, являясь неотъемлемым элементом анализа социальной эпистемологии, безусловно, отсылает нас к вопросу о том, «как знание существует в обществе», и о том, что такое социальное совокупное производство знания [3. С. 8; 4]. И это, в свою очередь, определяет нашу повестку: каким образом и с помощью каких способов социальность продуцирует знание. В этой связи актуальность междисциплинарного подхода вряд ли может быть оспорена: многомерность рассматриваемого предмета (социальное производство знания) исключает всякие сомнения по этому поводу. Социологический, антропологический, социально-философский, лингвистический, дискурс-анализ, когнитивный анализ, – это далеко не все подходы, которые необходимы при исследовании вышеуказанного предмета (социальное конструирование различных систем знания – это процесс, определяющийся бесконечным взаимодействием социальных и когнитивных элементов субъекта познания). Помимо этого, важно, что процесс продуцирования знания бесконечен и модели, гештальты будущего, реальность их появления – это один из возможных вариантов трансформации уже существующих систем знания, так или иначе являющихся социальными конструктами²: «Способность субъекта мыслить, обобщая свои практические акты и подвергая рефлексии процедуры самого мышления, есть заложенный в человека образованием и опытом социокультурный продукт. Одновременно субъект продуцирует идеальные схемы и проводит мысленные эксперименты, создавая условия возможности деятельности и общения. <...> социальные системы также формируют требования к знанию и критерии его применимости» [3. С. 9–10].

В этой связи исследование феномена интерактивности представляется одним из наиболее перспективных в контексте анализа социальности (конвенциональности) различных систем знания, как и различных социальных практик. Собственно, понимание возможно вследствие взаимодействия субъекта³ и мира: «...понятийная система человека основана на опыте взаимодействия с действительностью. И концепты, непосредственно возникающие из опыта <...> основаны на постоянном взаимодействии человека с его физическим и культурным окружением» [3. С. 150]. Однако это *взаимодействие* происходит как раз на основе тех эпистемологических схем, которыми в данный момент обладает субъект в результате социального взаимодействия (конечно же, схемы по-

знания/понимания трансформируются, что связано, в свою очередь, с новыми аспектами, появляющимися в результате интерактивной природы знания (взаимодействие субъекта и мира).

Таким образом, интересубъективность выводов, схем, моделей и прочего отсылает нас к видовой общности субъекта познания, которая предопределяет и общность когнитивных процессов, поэтому, задаваясь фундаментальным вопросом о базовой области опыта как структурированном целом, «которое концептуализируется как *эмпирический гештальт*» [3. С. 148–149], мы можем констатировать, «что метафоры позволяют понимать одну область опыта в терминах другой» [3. С. 148–149]. Другими словами, базовая область опыта для субъекта становится возможной и доступной благодаря концептуализации одних областей при помощи средств, разработанных для использования/концептуализации в других областях⁴. Мы мало что можем сказать о том, как буквально мы соотносим понятие «масса» и вес какого-то предмета или понятие «расстояние» и путь из одной географической точки в другую и т.д. Тем не менее, если говорящий и слушающий имеют общие знания о мире и общие лингвистические знания [6. С. 336], этого достаточно не только для взаимопонимания, но и для формирования общих для обоих целей дальнейшего познания, для осуществления которых используют возможности метафоры.

Метафоризация и познавательная деятельность

Для того чтобы проиллюстрировать процесс метафоризации конструктов, определяющих структуру опыта субъекта познания, обратимся к примеру пропозиции Л. Витгенштейна «Часы пробьют через пять минут», для понимания которой, по мысли философа, нужно всего-то найти путь с места, на котором находится субъект, что приведёт к решению проблемы [7. С. 77]. Этот пример метафоры демонстрирует выражение пространственно-временного континуума посредством отношений между циферблатом часового механизма и звуком этого механизма, оповещающего о наступлении конкретного временного момента, и пространством, которое необходимо преодолеть.

Во-первых, что такое «пятиминутное ожидание», если не акт, без понимания которого непонятно, когда же будет бой часов (мы должны ориентироваться во времени), и опознание сигнала часов – акт, успешность которого может быть гарантирована, только если мы ориентируемся в звуковом пространстве (звуковые волны, которые производит часовой механизм) [7. С. 77]. Не означает ли это, что субъект в каждом случае, в том числе и в этом конкретном примере, снова сталкивается с проблемой соотношения/корреляции визуального (ментального) пространства-времени с функциональным? Другими словами, субъект может слышать *бой часов* и к концу произнесения фразы, используя собственную пространственно-временную ориентацию, но условием возможности этого выступает владение метафоризацией дискурса.

Во-вторых, почему-то *часы бьют* (отсчитывают определённые периоды и производят после этого

удар) и язык допускает данную семантическую валентность этого высказывания как нормативную; это визуально-слуховая метафора, которая отражает наше бытовое представление о времени и о механизме, который его регистрирует определённым образом, оповещая нас об этом сигналами. При этом понятно, что сообщение о времени – это действие, выполняемое часами, которое для нас ассоциируется с нарушением покоя и обычного течения жизни, но не совсем понятно, как данное высказывание связано с пространством, если не учитывать принципиальную метафоризацию пространственно-временных отношений. Продолжая рассуждение Л. Витгенштейна о пространстве, которое может быть как определённым, так и визуальным [8], нужно использовать ещё один термин философа «визуальное поле», в котором и происходит конструирование визуального (ментального) пространства с учётом того определённого пространства, обеспечивающего интерес субъективности представлений, знаний. Таким образом, визуальный образ и физический объект – не только не одно и то же, но и находятся между собой в состоянии постоянного взаимодействия. В этом случае пространственная/визуальная метафора может быть представлена как один из способов формирования нового знания. Если «истинность зависит от понимания, которое возникает на основе функционирования человека в мире» [3. С. 247], то метафора как механизм, соотносящий одно с другим, вполне может претендовать на роль трансформатора индивидуальной и социальной реальности, что имеет непосредственное отношение к социальному конструированию.

Метафора как системный механизм, координирующий конституэнты когнитивного континуума, достаточно успешно скрывает основания этой координации, но делает возможным понимание смысла того или иного тезиса / утверждения, содержащего метафору⁵. В связи с этим Дж. Лакофф предполагает: «...мы думаем, что определение условий истинности метафор обнаружит зависимость истины от понимания» [1. С. 188], но это совершенно невероятно, хотя бы потому, что понимание тезиса не является условием его реальности. Используя известную пропозицию «нынешний король Франции лыс», мы понимаем её смысл, но при этом знаем, что такого человека не существует, также и понимание метафоры не определяет реальность её реальности. Одна структура помогает выразить/передать другую, но от этого первая структурная модель не становится второй: структуры реальности сосуществуют одновременно, но субъект актуализирует какую-то конкретную, сообразно необходимости.

Описывая процесс возможного появления метафоры через контраст между новым использованием известного слова и использованием известного слова прежним образом, Д. Дэвидсон утверждает: «...в первом случае наше внимание направлено на язык, во втором – на то, что описывает язык. Метафоры, по моему глубокому убеждению, относятся ко второму случаю» [9. С. 180]. Сложно спорить с тем, что *то*, что описывает язык (реальность), и само это языковое

описание нетождественны, но коннотация, возникающая в результате использования метафоры, определяет смысл (индивидуальный или коллективный) таким образом вновь сформированной реальности, трансформировав уже давно известные схемы описания. На этом фоне выделяются визуальные метафоры, так как их особенности позволяют проследить процесс формирования/трансформации новых аспектов и смыслов в ускоренном режиме: «Автор осуществляет ряд операций по работе с образами, наиболее важными из которых можно считать “узнавание” как идентификацию объекта, выделенного из множества ему подобных, и его “замещение” на аналогичный объект. При этом незнакомое, или “чужое”, описывается через известное, подвергается заданной классификации и распознается в качестве “своего”» [10. С. 31].

Другими словами, визуальная метафора является одним из наиболее явных примеров⁶ трансформации социального пространства в самом широком смысле, поскольку социальное пространство включает в себя все существующие социальные практики (мифологию, искусство, религию, право, науку и т.д.) [12, 13], успешная эволюция которых, безусловно, определяется пониманием целостности опыта взаимодействия субъекта познания с действительностью [1] (это опять возвращает нас к необходимости применения междисциплинарного подхода при анализе феномена метафоры как инструмента познания). Завершая рассмотрение принципов социального конструирования и роли метафоры в этом процессе, можно обратиться непосредственно к примерам визуальной метафоры. Яркие визуальные метафоры можно найти в Instagram. Например, хэштег #моебудущее предлагает множество вариантов визуальной метафоры, среди которых можно выделить:

- портрет представителя молодого поколения, который находится в окружении рядов книг и вглядывается через бинокль в далёкое будущее; пониманию метафоры, что будущее моделируется из достижений настоящего и удачной проекцией перспектив, способствует вербальный комментарий, в котором растерянность от призрачности перспектив сменяется признанием необходимости упорной работы, приобретению новых знаний и нового опыта, а также поиском смысла в текущей жизни;

- человеческая фигура прижимается спиной к зеркалу, отражение которого включает сегмент мира (вместе с самим наблюдателем), видимого наблюдателю, но невидимого нам; пониманию визуальной метафоры способствует комментарий о невозможности видеть мир таким, каким видит его любое другое индивидуальное сознание;

- рука человека отправляет письмо-самолётик, которое движется по прерывистой спирали между скалистых гор в неизвестное будущее; это – попытка выйти из привычного течения времени и встретиться с собой «новым» в будущей жизни – напоминает попытку преодоления оков времени (вербальная метафора «оковы времени» сопровождается в комментарии эту визуальную метафору);

- изображение раскрытого фолианта (хэштег #мечта), из которого произрастает растение, заботливо

поливаемое водой, говорит нам о том, что любая теория, даже если она уже совершенно устарела, ретроспективно может быть полезной и привести в будущем к совершенно новому пониманию/прочтению мира;

– изображение «вырывающейся» реальности (локомоти́ва) из гаджета (хэштег #мечта) обращает человека к новому пониманию своих возможностей и своих перспектив, даже если есть неудачи и поезд отличается от других, это всё можно преодолеть; будущее невозможно без надежды;

– изображение растения, прорастающего сквозь старую кирпичную кладку (хэштег #будущее), является метафорой жизненной силы, выносливости, а также указывает на необходимость постоянных усилий для того, чтобы будущее наступило.

В принципе, примерам несть числа, для нас важно, что эти визуальные метафоры не только «говорят» о том, чего хотелось бы достичь индивидууму, но и наглядно демонстрируют возможную социальную трансформацию, что является обязательным условием социального конструирования. Одной из задач данного исследования является обоснование необходимости анализировать и учитывать *индивидуальные* подходы/видения/представления о будущем, так как визуальные метафоры, во-первых, имеют прикладной характер, а во-вторых, особенность этого праксиса всегда основана на личном опыте субъекта. Таким образом, визуальные метафоры могут быть использованы не только в связи с анализом перспектив и тенденций социального развития, но и для разработки инновационного подхода к процессу обучения. Так, например, в статье «Accounting students perceptions of using visual metaphor as part of personal development planning: an exploratory case study» [14] при рассмотрении феномена использования визуальной метафоры студентами-бакалаврами авторы обращают особое внимание на то, что визуальная метафора, её применение дают возможность студентам создавать многомерное личное пространство, в котором могут пересекаться, накладываться, ассимилироваться, усиливаться различные индивидуальные тренды, обуславливающие планирование выработки новых навыков, компетенций, приобретение новых знаний и, возможно, даже формирование форсайтов. Визуальная метафора предоставляет дополнительные возможности для выражения индивидуальных особенностей, запросов, надежд и прочего, поэтому студенты-бакалавры, опрошенные авторами, подтвердили положительный эффект использования визуальной метафоры в процессе планирования своего будущего, в том числе и профессионального будущего (у них появилось представление о том, что необходимо для реализации такого типа индивидуального планирования).

Также следует отметить, что в ряде современных зарубежных исследований по визуальной метафоре отмечается следующее: визуальная метафора в рекламе оказывает очень большое влияние на различные сферы когнитивной деятельности реципиента, связанные с механизмом принятия решения [15, 16]. Эффективность и востребованность визуальной метафоры также зависят от индивидуальных особенностей субъекта

восприятия, а именно от степени развития визуального мышления. У разных типов реципиентов этот процесс протекает в соответствии с его личными когнитивными особенностями. И это, в свою очередь, говорит о том, что другой тип метафоры (вербальная метафора) тоже играет важную роль. Более того, в этом случае мы имеем дело с взаимным переходом визуальных и вербальных метафор, и этот процесс трансформации метафор нужно обязательно учитывать при планировании исследований того или иного контента или проведении анализа метафорических средств, используемых субъектами для выражения своих социальных целей и запросов.

В статье [17] авторы приходят к выводу о том, что различные типы метафор производят различное воздействие на индивидов, имеющих различные уровни образования, а также это обусловлено и гендерной принадлежностью (к примеру, сопоставительные метафоры эффективнее для мужчин (тип рекламируемого товара не имеет значения), для женщин с высокой когнитивной способностью, оказывается, актуальным интерактивностью, заложенной в визуальной метафоре. Следовательно, для создания наиболее удачного социального предложения (в нашем случае социальной практики) необходимо ориентироваться на индивидуальные предпочтения, особенности, запросы и пр.

Наша статья с учётом анализа современных и зарубежных исследований показывает, что в процессе социального конструирования визуальная метафора является обязательным инструментом/способом, создающим новые предложения и запросы в самых различных социальных сферах (образование, наука, право, искусство, потребительские стандарты, медиа, реклама, в том числе, социальные сети, политический дискурс и мн. др.). Другими словами, визуальная и вербальная метафора моделирует картины будущего доступными для восприятия/понимания средствами очень широких и разнообразных социальных групп и не учитывать этот фактор при планировании и трансформации различных социальных практик было бы, по нашему мнению, совершенно неправильно.

Заключение

В результате проведённого исследования мы обосновали тезис о том, что социальное конструирование – это процесс, протекание которого определяется многими факторами, наиболее важным из которых является язык как система, обуславливающая глобальную коммуникацию, в результате которой происходит постоянная трансформация социального пространства. Одним из языковых инструментов, создающих новое знание, является метафора. Будучи инструментом познания, метафора успешно трансформируется (визуальная – вербальная), создавая новые горизонты и новые прочтения реальности, в том числе, и социальной.

Проанализировав контент некоторых хэштегов в социальной сети Instagram, мы убедились в том, что индивидуальные представления субъекта познания не только влияют на конструирование социального пространства (его цифровой составляющей), но и делают

это посредством разработки индивидуальных прочтений реальности. В этой связи особая роль принадлежит такой социальной практике, как образование, в рамках которого субъект познания, с одной стороны,

получает доступ к уже имеющемуся коллективному опыту, а с другой стороны, в результате этого знакомства предлагает свой инновационный вариант понимания будущего.

Примечания

¹ Стоит уточнить, что *социальность* – это такое измерение субъекта, которое актуально даже в случае его деятельности, так или иначе направленной против социума. Дело в том, что последнее положение вещей является следствием, очевидно, не совсем удачных взаимоотношений этого субъекта с социумом, поэтому такого рода социальность должна рассматриваться просто с отрицательным знаком: субъект моделирует свою деятельность с учётом правил и норм актуального сообщества, членом которого естественным образом он и сам является.

² К примеру, антропоморфная концепция Вселенной хорошо демонстрирует, как и почему знание имеет социальную природу: «...каждое научное объяснение естественного феномена является гипотезой о том, что в природе существует что-то, чему подобен человеческий разум; свидетельством этого могут служить все достижения науки...» [5. С. 135]. Другими словами, мы можем видеть и понимать только так, как можем.

³ Здесь важно уточнить, что мы разделяем тезис о том, что любой социальный субъект в большой степени является результатом коллективного (социального) воздействия, которое осуществляется не только при непосредственном воздействии окружающих, но и при вовлечении данного субъекта в культуру через различные образовательные практики и другие социальные институты.

⁴ Поскольку данное исследование не ставит перед собой целью поиск и определение *начальной точки* появления метафоры, постольку анализ проблемы априорности метафорических структур и их семантическое измерение здесь не представляются возможными: «Поскольку знания, которые позволяют нам использовать и понимать метафорические высказывания, выходят за пределы наших знаний о буквальном значении слов и предположений, искомые принципы не входят (или по крайней мере не полностью входят) в традиционно понимаемую теорию семантической компетенции» [6. С. 309].

⁵ Авторы данного исследования совершенно разделяют мнение Дж. Лакоффа о том, что «новые метафоры <...> могут обладать способностью определять действительность. Они осуществляют это посредством связей сети следствий, высвечивающих одни свойства реальности и скрывающие другие» [1. С. 185]. Однако при этом важно понимать, что когниция всегда индивидуальна, т.е. создание того или иного гештальта, репрезентирующего какую-либо схему познания, зависит также и от индивидуальных предпочтений. Собственно, поэтому происходит трансформация дискурса и принятие новых конвенций. Помимо этого, важен ещё один аспект знания: «свойства реальности» имеют много различных аспектов, которые субъект анализирует, применяя методы и подходы из различных областей знания (так, вещество, по меньшей мере, имеет физическую и химическую характеристики, – междисциплинарный подход обусловлен познавательными процессами; человек – это член сообщества с соответствующим набором социальных атрибутов, и он же – биологическое существо, для которого характерны определённые химические реакции и физиологические процессы, а также человек ещё и твёрдое тело с возможностью самопередвижения, изучением которого занимается физика твёрдого тела и т.д.).

⁶ Есть и другие метафоры, например, вербальные, однако, по мнению некоторых исследователей [11], всё выглядит как раз наоборот, перспективность в порождении смыслов закрепляется как раз за вербальными метафорами. Мы рассматриваем такую позицию как самопротиворечивую, потому что метафора – это способ создания нового смысла, и если визуальная метафора обуславливает появление и понимание новых аспектов реальности, то почему её нужно рассматривать как образ, функционирующий в художественном произведении? Дело в том, что любая метафора контекстуальна, и в этом смысле, если субъект не понимает метафору, то для него её не существует хоть в художественном произведении, хоть в политической рекламе, хоть в дискурсе научной теории.

Список источников

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Изд-во ЛКИ, 2017. 256 с.
2. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
3. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология & Философия науки. 2006. Т. VII, № 1. С. 5–15.
4. Shera J. Sociological Foundations of Librarianship. N.Y., 1970.
5. Пирс Ч.С. Избранные произведения. М.: Логос, 2000.
6. Сёрль Дж. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 307–341.
7. Wittgenstein L. Philosophical Remarks / ed. by R. Rhees; trans. R. Hargreaves, R. White. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
8. Wittgenstein L. [Lectures, 1930–1932] Wittgenstein's lectures, Cambridge, 1932–1935 / ed. by A. Ambrose. Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield, 1979.
9. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 173–193.
10. Ивинских Н.П., Плетнева Ю.В. Визуальная метафора в логотипах // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2015. № 11. С. 30–35.
11. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
12. Ластовка Е.Ю. Визуальная метафора в русскоязычной политической рекламе // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Спирина. М., 2019. С. 17–20.
13. Горбачева О.Н., Каменева В.А. Визуальные стилистические средства в социальной интернет-рекламе, или зарождение визуальной стилистики текста // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 124–127.
14. Osgerby J., Marriott P., Gee M. Accounting students perceptions of using visual metaphor as part of personal development planning: an exploratory case study // Accounting education. 2018. Vol. 27, is. 6. P. 570–589. doi: 10.1080/09639284.2018.1523735
15. Ventalon G., Erjavec G., Tijus C. Processing visual metaphors in advertising: an exploratory study of cognitive abilities // Journal of Cognitive Psychology. 2020. doi: 10.1080/20445911.2020.1817038
16. Coegnarts B. Visual Metaphor: Structure and Process // Metaphor and The Social World. 2020. Vol. 10, is. 1. P. 169–175. doi: 10.1075/msw.19022.coe
17. Chang C.T., Wu Y.C., Lee Y.K., Chu X.Y. Right metaphor, right place: choosing a visual metaphor based on product type and consumer differences // International Journal of Advertising. 2018. Vol. 37, is. 2. P. 309–336. doi: 10.1080/02650487.2016.1240468

References

1. Lakoff, G. & Johnson, M. (2017) *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English. Moscow: Izd-vo LKI.
2. Eco, U. (2006) *Skazat' pochni to zhe samoe. Opyty o perevode* [Experiences in Translation]. Translated from Italian by A.N. Koval'. Saint Petersburg: Simpozium.
3. Kasavin, I.T. (2006) *Sotsial'naya epistemologiya: ponyatie i problemy* [Social epistemology: concept and problems]. *Epistemologiya & Filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 1 (7). pp. 5–15.
4. Shera, J. (1970) *Sociological Foundations of Librarianship*. New York: Asia Publishing House.

5. Peirce, Ch.S. (2000) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from English by K. Golubovich, K. Chukhrukidze & T. Dmitriev. Moscow: Logos.
6. Searle, J. (1990) *Metafora* [Metaphor]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafor* [The Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 307–341.
7. Wittgenstein, L. (1975) *Philosophical Remarks*. Translated from German by R. Hargreaves & R. White. Chicago: University of Chicago Press.
8. Ambrose, A. (ed.) (1979) *Wittgenstein's lectures, Cambridge, 1932–1935*. Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield.
9. Davidson, D. (1990) *Chto oznachayut metafor* [What metaphors mean]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafor* [The Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 173–193.
10. Ivinskikh, N.P. & Pletneva, Yu.V. (2015) Visual metaphor in logotypes. *Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. 11. pp. 30–35. (In Russian).
11. Arutyunova, N.D. (1990) *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafor* [The Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–32.
12. Lastovka, E.Yu. (2019) *Vizual'naya metafora v russkoyazychnoy politicheskoy reklame* [Visual metaphor in Russian-language political advertising]. In: Spirina, V.I. (ed.) *Aktual'nye tendentsii i innovatsii v razvitiy rossyskoy nauki* [Current Trends and Innovations in the Development of Russian Science]. Moscow: Pero. pp. 17–20.
13. Gorbacheva, O.N. & Kameneva, V.A. (2014) Visual stylistic means in social internet advertising or the beginning of visual text stylistics. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (48). pp. 124–127. (In Russian).
14. Osgerby, J., Marriott, P. & Gee, M. (2018) Accounting students perceptions of using visual metaphor as part of personal development planning: an exploratory case study. *Accounting education*. 6 (27). pp. 570–589. DOI: 10.1080/09639284.2018.1523735
15. Ventalon, G., Erjavec, G. & Tijus, C. (2020) Processing visual metaphors in advertising: an exploratory study of cognitive abilities. *Journal of Cognitive Psychology*. DOI: 10.1080/20445911.2020.1817038
16. Coegnarts, B. (2020) Visual Metaphor: Structure and Process. *Metaphor and The Social World*. 1 (10). pp. 169–175. DOI: 10.1075/msw.19022.coe
17. Chang, C.T. (2018) Right metaphor, right place: choosing a visual metaphor based on product type and consumer differences. *International Journal of Advertising*. 2 (37). pp. 309–336. DOI: 10.1080/02650487.2016.1240468

Информация об авторах:

Гончаренко М.В. – д-р филос. наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: markgon73@rambler.ru

Лукьянова Н.А. – д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой – руководитель отделения социально-гуманитарных наук на правах кафедры Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); профессор кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: lukianova@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Goncharenko, Dr. Sci. (Philosophy), professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

N.A. Lukianova, Dr. Sci. (Philosophy), professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation). E-mail: lukianova@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.10.2020;
одобрена после рецензирования 26.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 06.10.2020;
approved after reviewing 26.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 111.1
doi: 10.17223/15617793/477/7

Новый реализм: идеи и границы

Евгений Владимирович Попов¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, evgeniipalamodov@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка приблизительной картографии концепций философского реализма, которые не входят в корпус идей спекулятивного реализма. Текст реконструирует идеи четырех философов-реалистов – Жослина Бенуа, Линн Бейкер, Маурицио Феррариса и Маркуса Габриэля. При этом выделяются ключевые моменты той или иной концепции, описываются интеллектуальные истоки возникновения философского подхода. Доказывается тезис о том, что рассмотренные в тексте статьи философов-реалистов, не работающих в рамках спекулятивного подхода, могут быть объединены в течение Нового реализма.

Ключевые слова: реализм, Ж. Бенуа, Л. Бейкер, М. Феррарис, М. Габриэль

Для цитирования: Попов Е.В. Новый реализм: идеи и границы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 67–73 doi: 10.17223/15617793/477/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/7

New Realism: Ideas and limits

Evgeniy V. Popov¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, evgeniipalamodov@mail.ru

Abstract. This article is an attempt at a rough cartography of the concepts of philosophical realism that are not part of the corpus of ideas of speculative realism. The author reconstructs the ideas of four realist philosophers, Jocelyn Benoist, Lynn Baker, Maurizio Ferraris, and Marcus Gabriel; highlights the key points of one or another concept; outlines the intellectual origins of the emergence of the philosophical approach; and proves that the philosophers in question represent a philosophical current. The author tries to solve the problem of disunity that exists within this current of philosophical thought. The disunity lies in the fact that the works of Benoist and Gabriel, or Baker and Ferraris are seen as independent and not bound by the same program intention. Moreover, sometimes leading non-mainstream (new) realists themselves cannot understand who can be assigned to their camp (the example of Benoist, who did not participate in any conference of new realists and did not publish his articles in any collection of new realists, is remarkable). In addition, there is a bias within the Russian philosophical community that elevates speculative realists to a cult and leaves new (non-mainstream) realists off the topical agenda. The solution to this disunity is proposed through a theoretical reconstruction of the approaches of the previously mentioned authors (Benoist, Gabriel, Baker, and Ferraris), which explicates the origins of the philosophical concept (the corpus of authors and texts on which the realist approach is based), the basic theses, the categorical apparatus and the relationship of concepts within the approach. The use of the above method of reconstruction makes it possible to prove the thesis that the realist philosophers considered in the text of the article, who do not work within the speculative approach, can be united into the current of New (Non-Mainstream) Realism. The conclusions obtained by using the method of reconstruction of philosophical ideas show that all the projects discussed in the article develop as a critical response to some established language of philosophy – phenomenology (as in the case of Benoist and his contextual realism), constructivism and correlationalism (as in the case of the new transcendental realism of Ferraris), anti-realism (as in the case of the neutral realism of Gabriel), naturalism and physicalism (as in the case of the practical realism of Baker). The author also notes that within the New (Non-Mainstream) Realism two directions of theorizing can be distinguished – artifactual (Ferraris and Baker) and contextual (Gabriel and Benoist). In addition, this article can be seen as a compendium of the key ideas of Non-Mainstream (New) Realism, which allows to some extent a stronger popularization within the Russian philosophical community of the ideas of New Realism and inspiration for research in this field.

Keywords: realism, Jocelyn Benoist, Lynn Baker, Maurizio Ferraris, Marcus Gabriel

For citation: Popov, E.V. (2022) New Realism: Ideas and limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 67–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/7

Постановка проблемы

В рамках данной статьи предлагается наметить границы и основные идеи такого направления философской мысли, как реализм. При этом данный текст

сосредоточивается не на популярном направлении «спекулятивный реализм», ключевые авторы которого большими тиражами переведены на русский язык, а на менее популярных в России вариантах этого течения. Так, в рамках статьи мы постараемся реконстру-

ировать философские реализмы таких авторов, как Ж. Бенуа, Л. Бейкер, М. Феррарис и М. Габриэль. Необходимость такой картографии возникла в связи с тем, что в русскоязычных источниках наблюдается дисбаланс при описании направления философского реализма. Так, сборник под редакцией В. А. Лекторского [1] строится как компендиум магистральных идей реализма, но из упоминания современных философов в этом сборнике есть лишь ссылки на М. Феррариса. В то же время за три года до выпуска сборника в журнале «Философия и социальные науки» в России выходит статья Игоря Прись о реализме французского философа Жослина Бенуа [2. Р. 32–36]; в 2011 г. текст на русском языке философа-реалиста Линн Бейкер [3. С. 55–63]; в 2017 г. на русском языке публикуется текст Маркуса Габриэля [4].

Все это свидетельство того, что русскоговорящее философское сообщество не обладает на данный момент обобщенным представлением о том, как развивается философский реализм за пределами популярного течения спекулятивного реализма в менее известных направлениях. Поэтому данная статья – это попытка обрисовать границы, чтобы инспирировать интерес к исследованию не только популярных спекулятивных, но и не-мейнстримных реалистов (о течении не-мейнстримных реалистов (Бенуа, Феррарис, Габриэль) в одном из своих текстов говорит Глория Ориджи (G. Origgi), философ из Национального центра научных исследований в Париже) [5].

Контекстуальный реализм Жослина Бенуа

Свой реализм Бенуа развивает как противовес феноменологическому подходу Э. Гуссерля (E. Husserl), используя аспекты философии Л. Витгенштейна (L. Wittgenstein) времен философских исследований. Бенуа не устраивает то, как в философском дискурсе воспринимается тезис Гуссерля о том, что основной метод феноменологии – это метод приведения примеров, когда для того, чтобы понять цвет купюры, необходимо увидеть название цвета и его визуальное представление (пример). Ссылаясь на Мерло-Понти (M. Merleau-Ponty), Бенуа пишет, что тот или иной пример является стандартизированным и не может в дальнейшем помочь в достижении настоящего феномена, с которым феноменология должна иметь дело [6. Р. 414]. Развивая свою критику, он обрушивается и на теорию тропов, согласно которой каждый объект в мире состоит из тропов того или иного характера. Для того чтобы сказать, что два объекта – десятирублевая купюра и ёлка – имеют окраску зеленого цвета, нужно объявить, что каждый из них имеет троп зелености в своем составе, который может отличаться по насыщенности и плотности. Наличие зелености в составе (вне зависимости от количества этой зелености) позволяет отнести тот или иной объект к тропу «зеленый». Бенуа именует такой метод рассмотрения объектов конкретизацией (instantiation). В противовес феноменологическому методу «приведения примеров» и в противовес «конкретизации» (instantiation) Бенуа формулирует свою позицию. Начинает он с то-

го, что пересматривает содержание абстрактного феноменологического примера – это содержание не должно быть отныне чем-то общим, это должна быть часть конкретной данности [6. Р. 417]. В пример Бенуа приводит случай с банкой чернил. Чернила в банке выглядят действительно черными – черность ли это? Да, это без сомнения черность. Но чернила могут изменить свою черноту, если мы прольем их на пол или заправим ими шариковую ручку. В первом случае они будут черными, а во втором уже синими. Получается, имеется один черный, один менее черный и один синий цвета? Ортодоксальный феноменолог, по мнению Бенуа, ответил бы: «Да, все это черные цвета», конкретизатор (instantiation) говорил бы о степенях черности, но Бенуа предпочитает говорить о контексте, в котором тот или иной объект получает свою концептуальную основу как черный цвет чернил в банке, черный цвет пролитых чернил, синий цвет чернил на бумаге. Именно поэтому мы и решили определить его реализм как контекстуальный. Хотя в своей работе 2014 г. И. Прись и именует этот реализм интенциональным [2. Р. 34–36], но впоследствии в своей книге 2020 г., где он опирается на работы Бенуа, использует понятие «контекстуальная онтология» [7, 8].

Идея контекстуального реализма Бенуа заключается в том, что содержание того или иного концепта, например концепта мужества, не может быть раз и навсегда законсервировано и описано как смелость в бою и т.п. Концепт мужества каждый раз переформулируется в зависимости от контекстуальных факторов. Здесь Бенуа проводит прямые параллели с витгенштейновской идеей о языковых играх, в рамках которых содержание того или иного термина устанавливается группой в зависимости от той или иной языковой игры, которую они приводят в жизнь. Бенуа формулирует свой контекстуальный реализм следующими словами: «...не существует концептов, не зависящих от использования, и нормативности, которая, по сути, принадлежит этим понятиям» [6. Р. 421]. Бенуа имеет в виду, что определение того или иного концепта зависит от набора его употреблений в реальности.

Отдельно Бенуа останавливается на возможности соединения концепта и реальности. Он считает, что идея «соответствия» концепта какой-то части реальности не может быть использована в реалистической философии, так как она изымает реальную жизнь из поля онтологического исследования. Вместо этого Бенуа устанавливает критерий адекватности. Адекватность понимается им как термин, означающий некую качественную характеристику, оценивающую степень соответствия концепта и контекста. При этом Бенуа эксплицитно это не описывает, но очевидно, что адекватность базируется на интуиции (предыдущем опыте) [2. Р. 33].

Так, ключевыми идеями контекстуального реализма Ж. Бенуа являются контекст и адекватность. Контекст как категория позволяет эксплицировать то, как употребление или практика использования формулирует концепты, создавая горизонт их смысла. В то же время адекватность выступает в процессе формулирования концептов как менее структурированный и бо-

лее приближенный к человеческому опыту критерий соответствия, который создает не образец концепта, но образец ситуации его использования. Подытоживая, можно сказать, что контекстуальный реализм – это попытка вернуть феноменологию в мир данности путем изъятия ее из мира абстракций (стоит отметить, что изначально Бенуа аффилировал себя с феноменологическим лагерем, но затем, критически переосмысливая феноменологию, стал эксплицитно себя позиционировать как реалиста [2. Р. 35]). Особо стоит отметить, что контекстуально-реалистический анализ Бенуа работает не на уровне языка, но на уровне концептов.

Практический реализм Линн Райдер Бейкер

Для практического реализма Бейкер характерны два ключевых концепта – первичный вид (primary kind) и конституция (constitution). Философия Бейкер – это ее ответ на три устоявшихся ограничения реализма. Первое из них – это независимость естественных объектов от человеческого влияния (mind independence). По мнению Бейкер, артефакты точно так же могут обладать внутренней независимостью – например самонаводящаяся ракета может выбирать цели и отклоняться от нее [3. С. 58]. Второе ограничение – это редуцирование естественных объектов из физики (deducibility from physics). Бейкер выступает против точки зрения, согласно которой все вопросы о любви, целях, морали имеют одну простую реакцию – этих феноменов не существует, это просто иллюзии [9. Р. 145–155] (в более простой форме можно сказать, что Бейкер выступает против фальсификационизма К. Поппера, согласно которому такие феномены, как либидо или народный дух, не могут существовать, так как нельзя их фальсифицировать). Такой подход к реализму, по мнению Бейкер, исключает из сферы анализа реальность, оставляя человека на грани примитивной формы жизни [9. Р. 145]. Третье ограничение, против которого выступает практический реализм, – это тезис о том, что все онтологические дискуссии должны вестись в рамках тарскианского языка («Tarskian language») [9. Р. 147] (имеется в виду концепция истины Тарского (A. Tarski): «X истинно тогда и только тогда, когда р» [10. Р. 341–375]). Бейкер считает, что говорить о настоящей онтологии на языке Тарского просто невозможно. К примеру, «кровотечение истинно только тогда, когда из тела вытекает кровь». С точки зрения языка Тарского – это истинное выражение, которое можно верифицировать. Но проблемы начинаются тогда, когда мы говорим о внутреннем кровотечении, при котором врачам не видно крови, но они вынуждены выявлять наличие внутреннего кровотечения по вторичным признакам – повышенной температуре, обморочности и т.п.

Пытаясь освободиться от этих трех ограничений, Бейкер выстраивает свой практический реализм. «Практичность» такого реализма заключается в том, что исследовать предлагается не созданный изначально мир, но мир, с которым соприкасается человек через определенный набор практик. Основные концепты

реализма Бейкер – первичный вид (primary kind) и конституция (constitution). Каждый объект обладает своим первичным видом – то, из чего он в большинстве своем состоит. Объект прекращает свое существование, если из него изъять этот первичный вид. Человек – первичный вид, а Учитель – нет. Проверить это легко – человек может оставаться человеком, даже если из него вычесть свойство Учитель, но человек прекращает свое существование, если из него вычесть свойство Человек. Также первичный вид виртуально (т.е. потенциально, но не обязательно [11. Р. 29]) подразумевает то, какие изменения могут произойти с объектом. Эти изменения возможны в рамках той или иной конституции объекта. Конституция подразумевает, что когда несколько объектов первичного вида находятся в определенных обстоятельствах, может возникнуть новый объект, который будет находиться на более высоком онтологическом уровне, чем сумма его составляющих [9. Р. 151]. Также Бейкер предлагает определенную вариацию онтологического анализа – редуцировать объект до тех пор, пока не обнаружим несводимый далее первичный уровень. Отгалкиваясь от этого уровня, можно говорить о дальнейших итерациях того или иного объекта и степенях онтологии. Собственно, можно говорить только о двух степенях онтологии – первичной и производной.

Таким образом, ключевыми концептами практического реализма Линн Бейкер являются первичный вид (primary kind), конституция (constitution) и артефакт. Под понятие первичного вида может подпадать как естественный объект, так и артефакт. Оба эти понятия имеют свои реалистические корни. Так, первичным видом естественного объекта может считаться атом, а первичным видом артефакта – камень (который затем развивается в молоток) или малую группу (которая затем может развиваться в социальный институт или государство). Конституция – это те физические и социальные/культурные (и другие) условия, которые влияют на развитие первичного вида (и на степени его онтологии). Например, особые условия позволили такому первичному виду, как производство (условно будем считать, что это первичный вид), развиваться в особый азиатский способ производства, в то время как производство в Европе эволюционировало в капиталистический способ производства. Концепт артефакта используется Бейкер для того, чтобы нивелировать влияние первого ограничения реализма и ввести в сферу анализа практику создания объектов и концептов людьми. С помощью этих положений (первичный вид, конституция и артефакт) Бейкер стремится выйти за пределы позитивистского и неопозитивистского видения научной реальности и вернуть в сферу исследования реальное бытие.

Новый (трансцендентальный) реализм М. Феррариса

В одной из своих работ Феррарис именуется свой подход трансцендентальным реализмом. Это связано с тем, что в его основе заложен реалистический тезис – наблюдатель наблюдает что-либо отличное и независимое от него самого [12. Р. 221]. Этот тезис, по мне-

нию Феррариса, реалистичен, так как предполагает реальность (надматериальную), отличную от знания как такового [12. Р. 222]. Трансцендентальность этого тезиса кроется в том, что реальность необходима как условие возможности любого знания. Если знание не ссылается на что-то помимо познающего субъекта, то такие категории, как субъект, объект, онтология, вовсе не имеют смысла.

Свою реалистическую философию он строит на основании критики конструктивистских подходов объяснения. Первое, на что он обращает внимание, – проблема корреляционизма. Решение данной проблемы Феррарис находит в опровержении ключевого тезиса корреляционизма – объекты существуют только в корреляции со своими субъектами. Для Феррариса логичным видится, что для установления этой корреляции необходимым и достаточным условием является факт конструирования объекта посредством мысли (исследование Б. Латура (B. Latour) о Пастере и поиске спор сибирской язвы). Но в мире есть много доказательств того, что какой-либо объект нельзя изменить только силой мысли – следовательно, ложно, что объекты каузально зависят от своих субъектов [12. Р. 221]. Так, например, только через интеллектуальные усилия человеку не под силу изменить последствия ядерных разработок.

В процессе разработки своей реалистической философии Феррарис также рассматривает проблему соотношения внутреннего и внешнего миров. В этой связи реализм связывается с проблемой внешнего мира как референции – без наличия внешнего мира субъекта сам термин реальность терял бы смысл. Без референции к внешнему миру нельзя было бы отличить процесс восприятия от обычной галлюцинации. Но такое рассмотрение внешнего мира очень схоже с бытовым пониманием термина «онтология» (все сущее). В этой связи Феррарис предлагает понимать под внешним миром не совокупность физических и природных факторов, но сферу того, что поддается объяснению [12. Р. 224] (важный аспект того, как Феррарис рассматривает соотношение эпистемологии и онтологии). Что может поддаваться объяснению (быть внешним миром)? То, о чем есть какие-либо представления или общие сведения. Какие-либо представления или общие сведения – это онтология? Да. Но может быть, это эпистемология? Скорее всего, тоже да. Развивая эту мысль, Феррарис показывает, что природные и идеальные объекты не зависят напрямую от человеческих представлений, но в то же время отмечает, что социальные артефакты напрямую конструируются человеческой мыслительной деятельностью. Как это становится возможным? Ответ – документирование. Документирование – это то, как схема интерпретации превращается в объект-сам-по-себе [13. Р. 74]. Например, устный свод законов – как вариация эпистемологии – может быть вмонтирован в жизненные практики той или иной совокупности людей, но как только этот свод законов приобретает материальное измерение (когда он пишется на бумаге) – онтологию – он становится сам-по-себе-объектом, отличным от тех практик, которые он обуславливает.

Феррарис формулирует ключевой тезис своего реализма, согласно которому эпистемология появляется из онтологии [12. Р. 225].

Главным условием любой эпистемологии является онтология – если бы не было людей, которые стояли у истоков государства, то не была бы создана конституция, которая является эпистемологической рамкой всех юридических отношений в рамках страны. Но как происходит в данном случае трансфер эпистемологии в онтологию (конструирование внешнего мира)? Главным средством такого трансфера, согласно Феррарису, является процесс документирования. Сам этот процесс является онтологическим и природным (например, Феррарис пишет о генетическом коде, который «вписан в ДНК»).

Главный аргумент Феррариса в поддержку его позиции о том, что эпистемология является функцией онтологии, заключается в том, что только в сфере онтологии можно наблюдать проявление эмерджентности [14. Р. 157] и казуальности, в то время как в эпистемологии структурирование и контроль (со стороны ученых или политиков) нивелируют возможность появиться чему-то новому и случайному без соответствующих указаний от тех, кто контролирует эпистему.

Так, ключевыми положениями нового (трансцендентального) реализма Феррариса являются его тезис о зависимости эпистемологии от онтологии, а также ключевая роль процесса документирования в их взаимоотношении. Подчиненная роль эпистемологии позволяет Феррарису не только ослабить степень влияния конструктивизма, но и превратить его из противника в друга – в то, без чего невозможна полноценная онтология (не чисто натуралистическая). Таким образом, реалистичная философия Феррариса – это попытка ослабления корреляционизма и конструктивизма, которая дает возможность безболезненного перехода от постмодернистского способа философствования к новому языку.

Нейтральный реализм Маркуса Габриэля

Нейтральный реализм, по мысли Габриэля, опровергает философские дискуссии о том, что реализм должен рассматриваться в контексте вопроса о внешнем мире (см., например, тезисы М. Феррариса) и постулирует положение вещей, согласно которому не существует множества различных онтологических областей, но существует множество областей дискурса и способов мышления [15. Р. 182]. Этот шаг позволяет Габриэлю отделить реализм от натурализма, так как делает философию Габриэля безразличной к любой метафизической приверженности существованию целокупности объектов или к миру (как миру природному) [16. Р. 217].

Один из столпов нейтрального реализма – аргумент о фактичности. Данный аргумент демонстрирует, что определенный реализм по своей природе необходим, а также, что у философа нет изначальных аргументов, которые бы позволяли отнести ту или иную область к реалистичной, а другую к нереалистичной. Аргумент о фактичности в конечном счете показыва-

ет, что каждая позиция в какой-то момент должна соответствовать реалистическим требованиям. Как пишет Габриэль, данный аргумент в своем изначальном виде имеет следующий вид: если бы даже самая крайняя версия антиреализма – солипсизм – была истинной, нельзя было бы с полной уверенностью опровергнуть реалистическую точку зрения, так как истинность солипсизма оставляет, по крайней мере, один абсолютный факт в качестве остатка [15. Р. 185; 17]. При этом Габриэль оперирует максимально узким понятием факта – под фактом он понимает то, что является истинным для чего-либо (намекая на нейтральность). Чтобы обосновать нейтральный тезис, Габриэль обращается к аргументу об онтологическом плюрализме. Онтологический плюрализм, в понимании Габриэля, это положение дел, согласно которому наличествуют различные регионы объектов. Различия между данными регионами проходят по линии «объективных критериев идентичности», описывающих объекты как принадлежащие к определенному региону или не принадлежащие. Такой критерий именуется Габриэлем «чувством», а предметные регионы – «полями смысла». Необходимость онтологического плюрализма Габриэль находит в идее концептуальной относительности Х. Патнэма (H. Putnam) [18], которую он переформулирует как Аллегория кубов. Как итог, Габриэль выступает за то, что описания реальности человеком так же реальны, как и то, на что направлены эти описания.

Таким образом, нейтральный реализм Маркуса Габриэля строится на аргументе о фактичности – когда факт о том или ином положении дел сам по себе становится положением дел, и на аргументе об онтологическом плюрализме, согласно которому не существует привилегированного слоя реальности, который являлся бы критерием истинности того или иного объекта или его описания. В этой связи видится, что нейтральный реализм – это, скорее, методологическая установка, нежели полноценная философия, так как Габриэль не вводит особый категориальный аппарат, а также не формулирует какие-либо новые положения. Через формулирование нейтрального реализма Габриэль постулирует необходимость пересмотра конструктивистских и натуралистических тезисов, которые даже при полной проработке всех аспектов оставляют зазор для включения реалистической оптики.

Точки соприкосновения и расхождения

Для понимания не-мейнстримного реализма необходимым видится проведение сравнения описанных подходов с целью выделения схожих черт, а также их классификации. Классификаций существует большое количество [1], но не все они адекватно описывают то положение дел, которое нас интересует. В этой связи кажется, что классификации обладают ситуативной характеристикой и должны собираться и пересобираться в соответствии с особыми условиями исследования. К примеру, обращаясь к классификации Марио Де Каро (De Caro), выделившему три типа реализмов – онтологический, семантический и эпистемоло-

гический [19. Р. 198] – мы можем отметить, что подход М. Феррариса по своей природе является онтологическим (такой подход, по мнению Де Каро, описывает все вещи как реальные, при этом ссылаясь на внешний мир как причину этой реальности [19. Р. 198]), подходы Ж. Бенуа и М. Габриэля семантическими (такие подходы, как пишет Де Каро, определяют значение концепта теми условиями, при которых он является истинным, и для этого требуется реальность сущностей, к которым относятся эти концепты [19. Р. 198]), но в то же время ни один из рассмотренных нами подходов не может быть назван эпистемологическим.

Мы предлагаем рассмотреть реконструированные в данной статье реализмы по другим основаниям, а именно по двум осям – контекстуальной и артефактной. Ось контекстуальности располагает на себе такие реализмы, в рамках которых количество «реальностей» потенциально неограниченно, а основа того или иного объекта «реальности» формируется в соответствии с определенными контекстуальными условиями (используя терминологию Бенуа – в соответствии с «критерием адекватности», используя терминологию Габриэля – в соответствии определенного чувства определенному полю смысла). Проще говоря, те варианты реализмов, которые находятся на контекстуальной оси (контекстуальный реализм Бенуа и нейтральный реализм Габриэля), в своей основе имеют условие онтологического плюрализма. Это условие подразумевает, что необходимо отказаться от такого видения реальности, при котором объекты или концепты формируются и сразу же консервируются. Плюрализм подразумевает множественность объектов и множество вариаций объекта. Таким образом, главными точками соприкосновения контекстуального реализма Бенуа и нейтрального реализма Габриэля являются плюралистическая реальность, отсутствие фиксированности, а также влияние контекста на формирование той или иной нормы употребления (если мы говорим о реализме Бенуа) или понимания (если мы говорим о реализме Габриэля). В то же время стоит отметить, что реализмы, расположенные нами на контекстуальной оси, являются, скорее, методологическими реализмами. Это связывается с тем, что Бенуа и Габриэль не разрабатывают особых онтологий, не дополняют их особым категориальным аппаратом, но описывают условия, при которых возможно и необходимо проводить анализ реальности.

Вторая ось, по которой предлагается проводить различие не-мейнстримных реализмов, – это артефактная ось. К данной оси мы относим реализмы Феррариса и Бейкер, которые в рамках своих работ много внимания уделяют разработке концепта артефакта. В своих текстах Бейкер и Феррарис атакуют позиции натуралистического реализма, который стремится устанавливать примат естественных объектов над всеми остальными. Реализмы Феррариса и Бейкер в своей основе имеют тезис, согласно которому артефакт должен обладать фундаментальной неизменной (нередуцируемой) характеристикой, которая в дальнейшем определяет то, в какой степени и какими способами будет происходить

развитие и улучшение этого артефакта, если оно вообще предусмотрено. В реализме Бейкер за такое потенциальное развитие отвечает первичный вид, который реально и виртуально определяет то, как возможно развитие того или иного артефакта (через конституцию); в реализме Феррариса за это отвечает документирование, которое кристаллизует основные положения того или иного положения вещей, создавая из этого положения неизменный базисный факт, начинающий существовать по собственным онтологическим законам. Также отмечается, что оба эти концепта – первичный вид и документирование – содержат в себе элемент виртуальности. Виртуальность в данном случае следует понимать в том смысле, в котором о ней писали Делёз и Гваттари – как то, что потенциально, но не обязательно может произойти по причине изначальной вероятности происхождения [20]. В текстах Бейкер наличие виртуального модуса артефактов прямо прописано – это одна из важнейших характеристик взаимодействия концептов первичного вида и конституции, которая развивает объект первичного вида в артефакт, например. У Феррариса виртуальность эксплицитно не прописывается, но вычитывается между строк – в тех пассажах, где он описывает то, что эпистемология не может появиться раньше онтологии, так как она структурирована и не предусматривает спонтанных мутаций в отличие от онтологии, где есть место спонтанности и эмерджентности. Как нам кажется, в таких пассажах Феррариса защита виртуальность онтологии, которая наиболее заметна в отношении артефактов.

Сразу стоит оговориться, что предложенная в данном тексте вариация классификации рассмотренных реализмов не полностью определяет те отличия и те сходства, которые существуют между ними. Данная классификация требуется в тексте для того, чтобы нанести большие штрихи на карту не-мейнстримных реализмов, чтобы дать общее представление об этом способе философствования.

Таким образом, реконструированные в тексте статьи реализмы предлагается расположить на двух осях – контекстуальной и артефактной. На контекстуальной оси предлагается разместить подходы таких авторов, как Ж. Бенуа и М. Габриэль, которые включают в орбиты своих подходов положения об онтологическом плюрализме, влиянии контекста на формирование концептов и объектов, в то время как на артефактной оси – реализмы М. Феррариса и Л. Бейкера, которые включают в свои орбиты положения о неизменности базовой составляющей артефак-

та, а также о виртуальности. Еще раз отметим, что данная классификация не является полной, но она служит тем целям, которые были поставлены в начале данной статьи.

Заключительные примечания

Современная философская мысль в попытке вернуться из пут постмодернистского языка стремится возвращаться и пересматривать некоторые реалистические концепции [12. Р. 215–232; 14. Р. 145–160]. Наибольшего успеха на данный момент добились философы спекулятивного направления, книги которых в огромных количествах переводятся на русский язык, в то время как из упомянутых в данном тексте философов на русский переведены лишь книга М. Феррариса «Ты Где? Онтология мобильного телефона» и книга М. Габриэля «Я не есть мозг: философия духа XXI века».

Если о философах-спекулятивистах говорят как о группе (да и сами они себя описывают как группа, регулярно перечисляя имена друг друга), то о не-мейнстримных философах не говорят вообще или говорят как об атомизированных элементах, чьи философии не имеют никаких сходств. Кажется, что и сами эти философы еще не до конца определились, кого следует включать в свой лагерь, а кого нет. Так, например, на конференции о реализме в 2012 г., проходившей в Боннском университете (конференция была организована М. Гибриэлем), среди участников не наблюдалось, например, Л. Бейкера и Ж. Бенуа. И если данное недоразумение в отношении Л. Бейкера (к сожалению, в 2017 г. Л. Бейкер покинула этот мир) было ликвидировано в 2015 г., когда в тематическом выпуске журнала *The Monist* под редакцией М. Феррариса, посвященному реалистической философии, была опубликована ее статья о практическом реализме, то в отношении Ж. Бенуа недоразумение продолжает иметь место (он выглядит обособленным от течения не-мейнстримного реализма).

В этой связи видится необходимым собрать в один корпус философии не-мейнстримных реалистов, выделить их в особое течение философской мысли, выделить ключевые сходства и отличия. Конечно, представленная в данной статье картография не претендует на роль полноценной, но, как видится, это может быть лишь первым шагом на пути к исследованию и популяризации данного направления философской мысли.

Список источников

1. Перспективы реализма в современной философии : сб. тр. / ред.: В.А. Лекторский. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 446 с.
2. Pris Francois-Igor. On the New Philosophical Method and The New Realist Philosophy of Joscelin Benoist // *Philosophy and Social Sciences*. 2014. P. 32–36.
3. Бейкер Л. Онтологическая значимость артефактов // *Эпистемология и философия науки*. 2011. № 2. С. 55–63.
4. Габриэль М. Метафизика или онтология? Нейтральный реализм / пер. Д. Миронова. М. : Идея-Пресс, 2017. 127 с.
5. Origi G. What's New About 'New Realism' // *The Berlin Review of Books*. URL: <https://berlinbooks.org/brb/2016/10/whats-new-about-new-realism/> (дата обращения: 12.12.2020).
6. Benoist J. Making ontology sensitive // *Continental Philosophy Review*. 2012. Vol. 45, № 3. P. 411–424.
7. Прись И.Е. Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб. : Алетейя, 2020. 346 с.
8. Rosenberg A. *The Atheist's Guide to Reality: Enjoying Life Without Illusions*. N.Y. : W.W. Norton and Company, 2011. 441 p.
9. Baker L. Ontology Down-to-Earth // *The Monist*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 145–155.
10. Tarski A. The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1944. Vol. 4, № 3. P. 341–375.

11. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К.С. Майоровой. Пермь : Гиле Пресс, 2017. 170 с.
12. Ferraris M. Transcendental realism // *The Monist*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 215–232.
13. Ferraris M. A New Realist Approach to Hermeneutics // *Phainomena. Selected Essays in Contemporary Italian Philosophy*. 2012. Vol. 11, № 82–83. P. 67–83.
14. Феррарис М. Что такое новый реализм? // *Вопросы философии*. 2014. № 8. С. 145–160.
15. Gabriel M. Neutral Realism // *The Monist*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 181–196.
16. Gabriel M. *Fields of Science. A New Realist Ontology*. Edinburgh : University Press, 2014. 564 p.
17. Boghossian P. *Fear of Knowledge*. Oxford : Oxford University Press, 2006. 383 p.
18. Putnam H. *Ethics Without Ontology*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. 277 p.
19. De Caro M. Realism, Common Sense, and Science // *The Monist*. 2015. Vol. 98, № 2. P. 197–214.
20. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. М. : Астрель, 2010. 895 с.

References

1. Lektorskiy, V.A. (ed.) (2017) *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii* [Prospects of Realism in Modern Philosophy]. Moscow: Kanon+ROOI “Reabilitatsiya”.
2. Pris, F.-I. (2014) On the New Philosophical Method and The New Realist Philosophy of Joscelin Benoist. *Philosophy and Social Sciences*. pp. 32–36.
3. Baker, L. (2011) The Ontological Significance of Artefacts. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 2. pp. 55–63. (In Russian).
4. Gabriel, M. (2017) *Metafizika ili ontologiya? Neytral'nyy realizm* [Metaphysics or Ontology? Neutral realism]. Translated from German by D. Mironov. Moscow: Ideya-Press.
5. Origg, G. (2016) What's New About 'New Realism'. *The Berlin Review of Books*. [Online] Available from: <https://berlinbooks.org/brb/2016/10/whats-new-about-new-realism/> (Accessed: 12.12.2020).
6. Benoist, J. (2012) Making ontology sensitive. *Continental Philosophy Review*. 3 (45). pp. 411–424.
7. Pris', I.E. (2020) *Kontekstual'nost' ontologii i sovremennaya fizika* [Contextuality of Ontology and Modern Physics]. Saint Petersburg: Aleteyya.
8. Rosenberg, A. (2011) *The Atheist's Guide to Reality: Enjoying Life Without Illusions*. New York: W.W. Norton and Company.
9. Baker, L. (2015) Ontology Down-to-Earth. *The Monist*. 2 (98). pp. 145–155.
10. Tarski, A. (1944) The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*. 3 (4). pp. 341–375.
11. DeLanda, M. (2017) *Novaya filosofiya obshchestva: Teoriya assambleyazhey i sotsial'naya slozhnost'* [A New Philosophy of Society: Assemblage theory and social complexity]. Translated from English by K.S. Mayorova. Perm: Gile Press.
12. Ferraris, M. (2015) Transcendental realism. *The Monist*. 2 (98). pp. 215–232. DOI: 10.1093/monist/onv007
13. Ferraris, M. (2012) A New Realist Approach to Hermeneutics. *Phainomena. Selected Essays in Contemporary Italian Philosophy*. 82–83 (11). pp. 67–83.
14. Ferraris, M. (2014) What is the new realism? *Voprosy filosofii*. 8. pp. 145–160. (In Russian).
15. Gabriel, M. (2015) Neutral Realism. *The Monist*. 2 (98). pp. 181–196.
16. Gabriel, M. (2014) *Fields of Science. A New Realist Ontology*. Edinburgh: University Press.
17. Boghossian, P. (2006) *Fear of Knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
18. Putnam, H. (2004) *Ethics Without Ontology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
19. De Caro, M. (2015) Realism, Common Sense, and Science. *The Monist*. 2 (98). pp. 197–214. DOI: 10.1093/monist/onv006
20. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Translated from French by Ya.I. Svirskiy. Moscow: Astrel'.

Информация об авторе:

Попов Е.В. – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).
E-mail: evgeniipalamodov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Popov, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: evgeniipalamodov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2021;
одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 06.03.2021;
approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Original article
UDC 111; 140; 378; 005.7; 531-4; 316.4
doi: 10.17223/15617793/477/8

Study on a conceptual model for campus transformation of classical universities in the digital era

Irina P. Kuzheleva-Sagan¹, Eduard V. Galazhinsky², Dina I. Spicheva³,
Dean Kruckeberg⁴, Ekaterina V. Polyanskaya⁵

^{1, 2, 3, 5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁴ The University of North Carolina at Charlotte, USA

¹ ipsagan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5560-4018>

² rector@tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9596-5950>

³ spicheva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4300-3610>

⁴ dkruckeb@uncc.edu, <https://orcid.org/0000-0002-1929-274X>

⁵ polyanskayaev@mail.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2603-6365>

Abstract. This article presents a conceptual management model of campus space 4.0 (CS4.0), in which CS4.0 is viewed as a condition for the transformation of classical universities in the digital era. To create this model, we used the systems approach as well as complexity theory, focusing on the ontological, spatial, axiological, social, psychological, and management aspects. The model not only defines the systems status of CS4.0 and describes the three types of properties inherent in CS4.0. This model also explains why, in the digital era, CS4.0 can become the agent of change for a classical university that has had a long history. This model of CS4.0 will not destroy the university's cultural identity and academic values; rather, it will serve the interests of all groups within the university community. This conceptual model can be the key to understanding one of the possible management strategies for the development of the classical university in the digital network society at the beginning of the Fourth Industrial Revolution.

Keywords: campus space 4.0, classical university, digital era, hybrid ontology, systems approach, complexity theory, conceptual model, university management

Acknowledgement: We would like to thank Jean Kollantai, MSW, Tomsk State University, for proofreading this paper, and for her support and assistance.

For citation: Kuzheleva-Sagan, I.P., Galazhinsky, E.V., Spicheva, D.I., Kruckeberg, D. & Polyanskaya E.V. (2022) Study on a conceptual model for campus transformation of classical universities in the digital era. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 74–84. doi: 10.17223/15617793/477/8

Introduction

The inevitability of transformation of classical universities in the network society has been discussed by many researchers [1–5]. However, some scholars consider classical universities' rich history and culture to be burdens of the past; they believe such universities cannot react quickly to the challenges of our time [6, 7]. The Fourth Industrial Revolution (4IR) [8], with its total digitalization, has only exacerbated this contradiction. This assumption about universities that had been founded in the nineteenth century or even earlier is quite understandable: in the pursuit of current trends, classical universities can lose their cultural identity and their academic values that have been shaped for several centuries. Nevertheless, understanding that there may be some negative consequences does not preclude the desire of classical universities to participate in the 4IR, because they realize that, by neglecting these trends, they may risk being ignored by talented students, professors, and researchers, thereby losing their high positions in university rankings and thus their

competitiveness. Such trends accelerate the process of transformation of classical universities, encouraging them to attract different resources.

One resource for university transformation is the restructuring of campuses. The transformation of universities is impossible in the old spatial culture that does not correspond to the new standards of quality of life, education, and professional activity of the university community that are conditioned by the digital era and the beginning of the 4IR. Thus, university spaces that are transformed with digital technology are becoming “agents for change” [9. P. 30]. An additional reason for universities' desire to restructure their campuses is to position themselves as among the most innovative universities worldwide [10, 11]. According to Whitton [12. P. 255]:

Spaces and materials are exploited to ensure that intelligent student consumers know where their fees have been spent and are contented enough not to exercise “free market” choice and look elsewhere for an education.

The problems of organizing institutional and social spaces are discussed in many theoretical publications [13,

14]. However, scientific publications about university campuses in particular are not numerous. They are focused mostly on policies and reforms in higher education that cause changes in the campus space [15]; the architecture, design, and ecology of this space [16, 17]; how campus space is connected to the city, safety, and management [18]; and organizing students' activities on campuses [19, 20]. These pay special attention to the social spaces of the campus that are considered, not only as an important condition of the "ecology of training" [21] that creates student social capital [22], but also a criterion of the innovativeness of the campus and its desire be suited to the times [19].

As a rule, researchers consider campus renovations to have a positive influence on the image and activity of universities. However, not long ago, some publications were warning about the risks related to extensive use of innovative disruptive technologies on campuses [23]. Moreover, some researchers (for example, Whitton, 2018) [12] critically analyzed the impact of the super modern campus as an institutional space and place of social interaction, that is, on the daily life of the academic community, due to the complex relationships between the campus and the shaping of individual, social, and professional identity of members of the academic community.

Also, universities have not demonstrated the ability to think radically about the types of environments necessary in the future [12. P. 260], and they have not created generalized concepts that could help classical universities to develop their own management strategies to reconstruct their campuses in the era of the 4IR.

We believe universities should pay attention to the necessity of changing existing models of university management. Even such a democratic model as "shared governance," which has been used in university education worldwide for many years [24], must be reconsidered, taking into account the new problems that universities are facing today [3, 25, 26]. The digital transformation of universities means, not only the total digitalization of university campuses, but also considerable changes in their organization and management culture and in the values upon which this culture is based.

All of this is especially important for classical universities that have a distinct cultural identity and academic values, but that are now seeking radical transformation in compliance with the new challenges of the digital era and the 4IR. We raise this question: What type of campus space can become the driver of this transformation without damaging the cultural identity and academic values of a classical university that has a long history serving the interests of all groups within the university community?

The main hypothesis of this research is that campus space 4.0 (CS4.0)¹ can be this type of space if:

1) It is organized as a social communication space that has hybrid ontology that is inherent to the network society in the stage of the 4IR, which space also possesses corresponding technological infrastructure, planning, and architecture.

2) It is considered within the systems methodology and complexity theory that reveal its systems status and basic characteristics.

3) It includes a management subsystem that contributes to finding balance between introducing technological and cultural innovations to the university environment, on one hand, and retaining traditions and classical academic values on the other, as well as between the management space and the interests of different groups within the university community.

Thus, this research seeks to develop and to justify the generalized conceptual model of CS4.0 as the condition (the agent) of the transformation of a classical university in the digital era. This model has been based on the experience of Tomsk State University, the first classical university in Siberia [27, 28].

Theoretical Bases

No single systems method can provide a comprehensive description of a complex system, and CS4.0 can definitely be characterized as a complex system; therefore, we have searched for the combination of different systemic and other methodological approaches that are most relevant to our research. This theoretical complex includes several aspects (Table 1).

Table 1

Theoretical framework of research

Aspects	Theories and conceptions
Ontological	<i>Theories and concepts of the global network information and communication society</i> (Castells, Luhmann, Mitchell, Attali, Bauman, Urry, Brey, Makimoto, Manners, Turkle, Hayles, Latour, Haraway) and <i>the Fourth Industrial Revolution</i> (Schwab)
Systems	<i>General systems approach and interdisciplinary complexity theory</i> (Prigogine, Stengers, Haken, Gleick, Luhmann, Jackson); <i>axiological systems theory</i> (B.P. Hall, M-L.W. Hall, Parra-Luna, Judge) and <i>Values-Based Management</i> (Dolan, Garsia, Diegoli, Auerbach); <i>The concept of the autopoietic identity of a classical university</i> (Lenartowich, Shaw)
Spatial	<i>Spatial theory</i> (Lefebvre), as well as the concepts of "space of flows" (Castells), "post-sedentary space" (Mitchell), "mobile spaces" (Urry), "electronic cottages" (Toffler)
Social and psychological	Basic Psychological Needs Theory, BPNT (Deci & Ryan)
Management	<i>Theory 'Y'</i> (McGregor); <i>Theory of Structural Power in Organizations</i> , "delegation of authority" (Kanter); the concepts of "shared governance" (Crellin; Honu); "creative destruction" (Schumpeter); and "disruptive innovation" (Shwab, Christensen); the three-modus management system "run-change-disrupt" (Gref)

Results of the Theoretical Research: The Conceptual Management Model of Campus Space 4.0

The conceptual management model of CS4.0 as the agent of change (transformation) of the classical university in the digital era is the space of social communication of the university community that has the hybrid ontology generated by the technologies of the digital era and the newest advances of the 4IR (virtual reality, augmented reality, mixed reality, artificial intelligence, Internet of things, and others). This ontology is characterized by the absence of clear boundaries between the real and the virtual, the digital and the analog, and the natural and the artificial. The social and communicative nature and the hybrid ontology of CS4.0 provide the seamlessness of its social and technological infrastructure as a result of integration of many separate elements—buildings and services; computer, digital, and social technologies; and social and value-based networks. The hybridity of the CS4.0 ontology determines its architecture both as the space of place and the space of flows.

The architecture and planning of CS4.0 as a space of place implies different types of locations: large, middle-sized, and small; open and closed; and interconnected and isolated. Altogether, they form a comprehensive surface communication scheme with the corresponding channels (passages) and nodes (crossings). The architecture and design of CS4.0 are based on the idea of continuity of the traditional academic values of a classical university, their high potential for the university's development in the digital era, and the ability to be combined with the ethical values and the technologies of the 4IR. However, when CS4.0 is seen as the space of flows, its architecture is

invisible and complies with the network logic.

In the context of the systems methodology and the theory of complexity, CS4.0 takes an ambivalent position in the systems hierarchy: on one hand, CS4.0 is a subsystem of a university (a more complicated system), and, under certain conditions, it is able to perform the functions of the agent of change (attractor) for the university; on the other hand, CS4.0 is a part of the external environment of a university². CS4.0 has a combined status in the sense that this simultaneously represents: (a) an open complex social system with undefined, penetrable, and flexible boundaries, which contributes to all kinds of emerging innovations, including value-based ones; and (b) an operationally closed (self-referential) system that is responsible for preserving the cultural identity and classical academic values. The academic (classical and emerging) values of a university are the attractors for CS4.0 as a (sub)system. The classical values, as permanent attractors, create the patterns of autopoiesis of the (sub)system, keeping its cultural identity. The emerging values, as strange attractors, lead the (sub)system, together with the (super)system, to the new current and strategic goals.

Due to its social and communication essence, the hybrid ontology, the ambivalent position in the systems hierarchy, and its compound systems status, CS4.0 possesses three types of properties. First is the universal properties common for all complex systems. The second type is the substantive (mono)properties manifested in CS4.0 as both an open and closed system. The third type is substantive paired ambivalent (dialectically opposite to each other) properties; every property can be more apparent, depending upon whether CS4.0 is seen as an open or closed (sub)system (Figure 1).

Fig. 1. Types of systems properties of CS4.0

The management core of CS4.0 (and the whole university management system at the same time) is represented through two main management parameters. The first parameter (shared governance) ensures the necessary diversity of the possible states of the (sub)system of CS4.0 that is needed for its self-organization and self-development. Due to this parameter, the CS4.0 (sub)system can perform the largest number of management functions concerning organization of different types of students' and professors' activities, and,

therefore, increases the number of possible states of the university as a (super)system.

The second parameter is the three-modus management parameter run—change—disrupt that maintains the consensus/balance of the traditional and the emerging academic values. The run modus is responsible for the order and equilibrium of the CS4.0 (sub)system (that is, for the management of its basic processes and structures and preserving cultural identity). The change modus, as management of soft change (or changes of the first level

within the traditional cultural, value-based, and technological paradigm), is able to lead this (sub)system to the edge of chaos as the most productive state for this (sub)system. This is the modus of experimenting with educational, creative, and other practices; the most suitable laboratory for these can become the 4.0 campus. Disrupt, as a modus of managing the cardinal changes (changes in the second level within the new paradigm and the new identity), is connected with great risks, as high as the transition of the (sub)system to the state of utter chaos. Essentially, this means management faces multiple headwinds. Therefore, the disrupt modus cannot be applied simultaneously to all the levels of the university (super)system or its campus (sub)system.

These two CS4.0 management parameters, together with the three types of systems properties, ensure the balance between (a) introducing different types of innovations into the university campus, on one hand, and, on the other hand, preserving classical values and traditions; and (b) the conceived management space and the interests of different groups of the university community.

All of these contribute to the implementation of both: the strategic direction of the transformation of the campus and the classical university in the digital era and of the individual and group strategies of student and professor self-development; and the attractiveness of CS4.0 for all groups in the university community. CS4.0 can produce new interest groups and value-based networks, while broadcasting the existing academic values and creating the new pragmatic and ethical values that correspond to the challenges of the 4IR.

Discussion

The Ontological Aspect

The ontological arguments refer to the first statement of the hypothesis of this research. Classical universities, which largely determine the strategies of mass consciousness development, relate to the key social structures “organized around electronically processed information networks” that are described by Castells [29]. In addition, society as a whole and its individual structures cannot exist without communication [30], and “space is the expression of society” [29. P. 440]. Consequently, communicativeness is the ontological characteristic of universities and campus spaces. Spatial concepts by Lefebvre, Nicholson-Smith, and Harvey [13], Mitchell [31], and Urry [32], together with the basic psychological needs theory (BPNT) by Deci and Ryan [33], also give ground to state that it is necessary to consider CS4.0, not only as a place with high-tech constructions, but, first of all, as a result of production and reproduction of social relations and as a space of social communications of the members of the university community.

Hybridity is another ontological characteristic of CS4.0, because this is inherent to all the spaces of contemporary social reality [34–37]. Relying on Lefebvre’s spatial triad, we can state that hybridity defines a fundamentally new everyday spatial practice (or perceived space) of the “inhabitants” and “users” of CS

4.0; all of its spatial representations (or conceived space); and also representational space (or lived space). This hybridity is expressed through the idea that, thanks to the general technological convergence of the 4IR era [8] and the new media, functioning as “multipliers of new worlds” [37. P. 2], CS4.0 acts as a certain interface between these two worlds. Different ontologies—reality and virtuality—do not oppose one another; rather, they are closely connected. Inhabitants and users of CS4.0 have an opportunity to act simultaneously in two and more ontologically different environments. For example, real laboratories, libraries, museums, and other campus spaces can deal with virtual objects created with technologies VR, AR and MR. In a certain sense, inhabitants and users of CS4.0 are becoming cyborgs themselves [34]. In addition, a completely virtual learning environment (VLE) can be created on a campus.

VR and MR suggest a new channel of perceiving the environment, making learning quicker and giving an opportunity to apply knowledge into practice at any time and at any place [38]; this is especially important for those researchers and students who choose the way of life of a global or urban digital nomad [39, 40]. CS4.0 is a Plato’s Academy of the digital era in which professors and students can have open-space discussions without relying only on their memory, but by having immediate access to all the necessary data [31. P. 150]. The intersection of the real and the virtual creates a completely new type of space for interaction [41] and new mixed (hybrid) objects [42]. The most vivid example of interpenetration of the analog and the digital worlds is IoT [43], one of the leading technologies of the 4IR [8], which space of implementation can be CS4.0. AI is making itself a full participant of different processes that take place on the campus, being engaged in the dialogue with the natural intelligence of people [44–46]; also, artificial and natural intelligence together are creating hybrid cognitive systems [38, 47] and hybrid actor-networks [36].

The hybrid ontology defines the seamlessness of connection of different technologies within the structures of a campus that is interconnected in one social and technological infrastructure. These seamlessness and systems connectedness are important conditions for the effective functioning of the CS4.0. As Schwab and Davis [38. P. 15] mention, “It is tempting to focus on technologies themselves, when what really matters are the systems that deliver well-being.” In the network society, the social and technological infrastructure of the campus must follow the logic of the network as the space of flows and of the status that a university claims to have in the global networks (scientific, educational, innovative, and technological). Accordingly, the infrastructure of CS4.0 must include these three layers, creating [29. P. 441–448] the material support of the space of flows: (1) a circuit of electronic impulses; (2) hierarchically organized nodes and communication centers (websites) of a university that are constantly evolving and are connecting the campus (as a place) with global networks; and (3) managerial elites, managing university networks around which the space of the university ecosystem is built. The network dimension turns the campus into a highly adaptable and flexible

structure, contributing to the transformation of a classical university as a whole within the context of the main challenges of the network digital society. If the network of the university suggests the most topical agenda for the world-wide academic community, it is becoming the main node in the global networks for a certain time.

The architecture of CS4.0 is also viewed through the lens of hybridity: as the architecture of both the space of places and the space of flows [29. P. 453–459]; as real public spaces and continuous fields of network presence [31. P. 156]; and as a merger of real (analog) and virtual/digital architecture [48, 49]. The architecture and planning of CS4.0 as the space of places suggest distribution of clusters of common spaces (local hubs) and of locations of different types needed for meeting the basic psychological needs [33], as well as the necessary level of psychological comfort and confidentiality [50]. Altogether, they create a comprehensive terrestrial telecommunication system with “channels” (transitions) and “hubs” (intersections) that are convenient for making “virtual campfires”: online seminars and discussions [31. P. 158]. This approach to planning allows for the organization of campus space for different types of people, depending on their tasks, psychological characteristics, and emotional states. The architecture and design of CS4.0 as the space of places [29] and conceived space [13] are built upon the idea of the continuity of values of a classical university, of their high potential for the university development in the digital era, and of their compatibility with the ethical values and the technologies of the 4IR, as well as on the idea of creating “cultural bridges” between the spaces of places and flows [29. P. 459]. The architecture of CS4.0 is complex and diverse: the “old” facades can conceal super-modern and high-tech locations — “electronic cottages” [31, 51] for “sedentary” users, and “electronic oases” for “digital nomads” [40, 52].

The Systems Aspect

The systems aspect of the theoretical grounds refers to the second statement of the hypothesis of this research. Having a socio-technological nature and hybrid ontology, CS4.0 is not explicitly a “human” nor a “nonhuman” system; rather, principles of analysis of different types of complex systems can be applied to CS4.0. In addition, it is necessary to remember that the problem of an exact description of complex systems is considered unsolvable [53. P. 21], especially as it concerns social systems [54].

Thus, according to the main principles of the systems approach and of complexity theory, universities, as systems, include subsystems that can be considered systems in-and-of-themselves that influence other university systems [55. P. 43–44]. The campus is the largest university (sub)system, if this is viewed as the “space of place”, that is, the space with all the terrestrial constructions and the university infrastructure. If the campus is considered “the space of flows”, the field for all kinds of internal and external social interactions of the members of the university community in the digital era, its status in the systems hierarchy changes: the campus becomes a part of the external environment in which the university functions.

Our statement about the combined status of CS4.0, which is a simultaneously open and closed (sub)system, is the result of using, not only interdisciplinary complexity theory [56–58], but also the concept of autopoietic identity of a classical university [4, 59], which is connected to the theory of social systems by Luhmann [30]. As a rule, universities are described only as open social systems, having all of the resulting characteristics (for example, Holtzhausen [60. P. 118]). Put another way, being living dynamic systems, universities have to be responsive and adaptable to the changes of outside circumstances and the environment if they want to survive [61. P. 429]. However, according to a more recent view, the astonishing viability of classical Humboldt-type universities is explained, not by their openness, but by their closedness as social systems. To be more precise, their autopoiesis that ensures constant reproduction of cultural identity of a classical university is structurally connected with the environment; however, it is not controlled by this environment. Lenartowicz [59. P. 959] states that universities “*change only to be able to remain unchanged*”. Thus, a classical university is an open and closed system at the same time. We state that this combined systems status can also be applied to CS4.0. Otherwise, it is impossible to explain how CS4.0 can remain simultaneously the space of innovations and cultural traditions in the digital era.

In the context of axiological systems theory (AST) [62–64], CS4.0 is a complex social and technological (sub)system that has a common cultural identity with its (super)system, the classical university. The basis of this cultural identity is a certain combination of values, in which values perform the function of attractors. This combination can be viewed in terms of each of these perspectives that correspond to different classifications of values: 1) control and developmental values; 2) variable and constant values; and 3) end-values and instrumental values [64–66]. The control values are those that assign the inhabitants and users of the campus, as members of the university community, the patterns of behavior that contribute to managing the current processes. These are: effectiveness, discipline, responsibility, and punctuality. The developmental values that perform the functions of strange attractors that take CS4.0 to the new levels of development are trust, creativity, freedom, and commitment to innovations. The variable values are those that are inherent to the culture of a specific classical university and its campus³. The constant values are those that are common to all classical universities as social institutions, that is, traditional Humboldt values⁴, which act as end-values that define the definitive (classical) status of a university as an educational institution. The instrumental values are system internal values, leading CS4.0 to self-governance, self-organization, and self-development. These are the principles of shared governance and the three-modus management model run–change–disrupt.

Taking into account AST and the combined status of CS4.0, we consider that there are at least two types of attractors in CS4.0. First are constant attractors, assigning the patterns of autopoiesis of CS4.0 and the

classical university as a whole. Constant attractors keep the core of their common cultural identity, and, as a consequence, are conditioned by the control, constant, and end types of values that can be defined as basic values. They ensure that CS4.0 functions as a closed (sub)system. The second type is strange attractors, leading the CS4.0 (sub)system, together with its (super)system, the university, to the new current tasks and strategic goals. This type of attractors is the development, variable, and instrumental types of values inherent to CS4.0 as an open (sub)system. We define them as emerging values. They are conditioned by the necessity of changes that are connected to the challenges of the digital era and the 4IR. The balance and coevolution of these basic and emerging values significantly determine the success of the functioning of CS4.0 and of the classical university as a whole. They ensure the conditions when the “system and environment change in response to one another and evolve together” [53. P.116].

Three Types of Systems Properties of CS4.0

We state that, in addition to the universal properties—continuity, emergence, goal seeking, structuredness, adaptability, nonlinearity, and others that are inherent to all complex systems [52, 56–58] — CS4.0 possesses substantive (mono)properties that are reflected in CS4.0 as both an open and a closed (sub)system and substantive paired ambivalent (that is, dialectically opposite) properties. The latter is based on Prigogine’s [67] thesis about the existence of paired opposite qualities in self-developing systems. Each of the substantive ambivalent properties is manifested more vividly depending on whether CS4.0 is viewed as either an open or a closed (sub)system. The ambivalent properties sustain the constant conflict inside CS4.0, which is one of the drivers of its development as a social (sub)system. The presence of all these three types of interconnected properties is conditioned by the hybrid ontology, the social and communicative essence, and the combined systems status of CS4.0.

The substantive (mono)properties of CS4.0 are its sociability, multidimensionality, multifunctionality, symbolization, axiological and semantic fullness, comfortability, attractiveness, and affectiveness. Sociability is the immanent tendency of CS4.0 “to making” social contacts as one of the basic psychological needs of people [33]. Multidimensionality is the ability of CS4.0 to be reflected in several dimensions and spaces: real, virtual (VR), augmented (AR), and mixed (MR) [68]; network and electronic [29, 31]; architectural and landscape; perceived, conceived, and lived [13]; and others. Multifunctionality in relation to CS4.0 has two meanings: (1) the ability of campus to perform different functions: sociable, managerial, educational, and others; and (2) the alterability of campus infrastructure and layout for different tasks and functions. Symbolization is the property of CS4.0 to represent the symbolic university values, both classical and emerging, through the corresponding culture codes [13, 29]. Axiological and semantic fullness is the ability of CS4.0 to generate

continuous “semantic communication” [30] that is responsible for self-organization of this (sub)system. This process of self-organization includes coevolution of different types of values: traditional academic (Humboldt-type) and innovational or emerging values that are connected to the beginning of the 4IR, end-values and instrumental values, and those focused on control and development.

Comfortability is compliance of CS4.0 with international and national standards of campus space arrangement (safety, ecological elements, inclusiveness, catering, information accessibility, and other standards), the orientation of CS4.0 to satisfy all the basic human needs, and the ability to produce positive psychological and physical sensations in its inhabitants and users.

Attractiveness is the property of CS4.0 to attract present and future members of the university community; this also acts as an attractor, leading the university to the new orbit of its development. Affectiveness is CS4.0’s possession of unique natural and artificial, real and virtual objects and artifacts (for example, rare plants, monuments, and archeological finds) as “points of attraction” that create spatial attachment of visitors to the space and the sense of affect. These artifacts play the predominant role in preserving the cultural identity [13, 32].

We interpret the substantive paired ambivalent properties of CS4.0 as follows: openness/closedness. Openness is manifested through involvement of CS4.0 in the city environment and in the global network in its accessibility for the public and internet-users and also in the ability to superstruct and expand itself with the help of VR and MR technologies and electronic communications. Closedness means that CS4.0 has boundaries as a result of differentiating itself and the external environment and in its self-description [30]. These contribute to keeping the core of its cultural identity. If the processes connected to openness are obviously dominant, CS4.0 can move into chaos, destroying the cultural identity; if the processes connected with closedness are dominant, the external boundaries constrict, and the campus can head into stagnation.

Liquidity/structuredness: Liquidity [69] is inherent in CS4.0 as the space of flows and as a post-sedentary space belonging to the global network and also as a space for social communications provided with wireless connection. Structuredness is the property of CS4.0 as the space of places and as a sedentary space that is a part of a certain area [29, 31, 32], with a certain structure and separate elements (objects and locations). Liquidity is more connected to spontaneous and organized communications (meetings and events) and structuredness to permanent work at special locations (laboratories and classrooms).

Delocalizedness/localizedness: Delocalizedness is conditioned by the invisible electronic networks. To Mitchell, because of these networks, campuses

“<...> as habitats no longer consist of single or contiguous enclosures, but have become increasingly fragmented and dispersed. They are no longer bounded by walls, but by the reach of our networks” [31. P. 16].

Consequently, in CS4.0, there are no boundaries between the outside and the inside, and the “order is not made in one discrete inside neatly separated from a hostile outside...” [31. P. 16].

The delocalized CS4.0 is the “field of presence” [31. P. 144] of its inhabitants in different parts of the global world simultaneously, whereas localizedness of the campus is defined by its certain (geographical) boundaries of the constructions of the campus.

Chaoticity/fractality: These properties can be observed at multiple levels of CS4.0 as a complex social and technological (sub)system. However, most of all, they characterize its social and communicative nature: communications (online and offline) can be spontaneous and chaotic in time and place, but fractal [70] from the point of view of the repeated patterns because the models of communications behavior are oriented at certain values and goals [71]. We suggest that some of these fractal patterns help keep the cultural identity of the campus, conditioned by classical academic values; the others gradually create new values corresponding the spirit of the new digital era in CS4.0.

Dehierarchicity/hierarchicity: This means that this space represents the system of simultaneously horizontal (colleague-to-colleague and student-to-student) and vertical (manager-to-subordinate and professor-to-student) social communications. The dehierarchicity / hierarchicity of relations is defined by social contexts. In CS4.0, “each network defines its sites according to the functions and hierarchy of each site, and to the characteristics of the product or service to be processed in the network” [29. P. 444].

Thus, even in the social networks of the campus, there is clear hierarchy, but this hierarchy is always a result of interactions, because “they are not predefined, like those of armies and corporations” [31. P. 34]. That is why network communications in CS4.0 are hierarchical and de-hierarchical at the same time.

Self-organization/organization: In CS4.0, self-organization/organization, together with self-development/development, follow from its openness/closedness as a (sub)system. Self-organization is manifested at the level of horizontal connections (shared governance) and organization at the level of vertical communications. The processes of self-organization, leading to system order of the new type as a new level of self-development of the (sub)system, occur when this (sub)system is at the edge of chaos as a result of subtle change made at the right time and in the right place [53. P. 118]. Self-development as a property of CS4.0 always includes the factor of proactive, creative, and innovative behavior of the members of the university community and a priori suggests the openness of this (sub)system. Development, by contrast, suggests quantitative, rather than qualitative, changes (for example, increasing the number of similar buildings in the campus). This development can occur within the operationally closed (sub)system.

Mobility/stationarity: CS4.0 can be viewed as a hybrid mobile (sub)system that consists of moving elements – various objects and environments that intertwine with

each other while moving [32. P. 50–54]. Their new configurations are created every time. The most important factors here are not people and objects (for example, phones or computers) involved in the movement, but the structured routes in which they circulate: for example, pedestrian paths and cycle lanes and mobile and computer networks [72]. Thanks to the modern technologies, CS4.0 as a post-sedentary space [31. P. 143] possesses mobility [32]: CS4.0 is able to “travel” along social networks, the Internet, and, in the end, around the world through the spread of suitable content. Stationarity of CS4.0 is its geographical reference to a certain location and the format of existence as a huge “electronic cottage” with all kinds of wire and wireless connection [51].

Globality/locality: These characteristics of CS4.0 flow from its previous properties, which are mobility and stationarity. Travelling along the network, the digital visualizations of the campus and its textual content make the campus recognizable throughout the world, and CS4.0 becomes global as a place [32]. The extent of notability of CS4.0 shows its globalization and the level of formation of a university brand as a whole. This global reputation is as important for the university as are the intellectual products that the university produces. The globality of CS4.0 is conditioned, not only by the high level of its digitalization, but also by its openness to the global culture, and is achieved through the production of suitable cultural content. The locality of CS4.0 is its linkage to a certain geographical location that has its natural, social, economic, and cultural features. This is the ability of CS4.0 to keep its original national and regional cultural identities that exist as the space containing the unique cultural objects.

Innovativeness/traditionality are the multi-aspect properties of CS4.0. According to Schumpeter [73], innovations, together with creative destruction, are the basic driving forces of prosperity and progress. Innovativeness of CS4.0 is manifested as follows: being equipped with the newest technologies of the 4IR (Internet of Things/IoT, in particular), making significant changes in research and education, creating conditions for generating innovative ideas, and producing and implementing the innovations to the university ecosystem (including disruptive innovations [8, 74], as well as creating the new values, new social capital, and new elements of cultural identity. The innovativeness of the campus is also reflected through the fundamentally new architectural decisions. This property of CS4.0 largely determines the competitiveness of the university on the global educational market. The traditionalism of CS4.0 lies in preserving the classical academic values and the core of cultural identity of the university; maintaining the standards (educational, scientific, and management); using existing social capital; and preserving the architectural elements and artifacts connected with the history of the university.

The Management Aspect

The management core of the (sub)system of CS4.0, which is also the core for controlling the whole classical university as a (super)system, has two main parameters:

shared governance and run-change-disrupt. These parameters are based on: the premises of the systems approach and complexity theory, with the focus on the values, as well as on Y theory [75]; theories of structural power in organizations and delegation of authority [76]; the concepts of shared governance [26]; disruptive innovations [8]; and the run-change-disrupt three-modus management model [77].

A classical university is an organization in which most of the staff members are by definition highly intellectual, hardworking, and creative people; they are able to be responsible, work in teams, and conduct self-monitoring. This means that the management style should be based on trust in the staff members, giving them freedom in their professional activity and using their creative potential, as well as on the decentralization of power and on other principles related to the theories by McGregor [75] and Kanter [76], as well as on the model of shared governance.

CS4.0 is the common communicative space, which, by virtue of the diversity of its infrastructure and the systems characteristics discussed above, has great opportunities, not only for implementing the shared governance model in any student and professor activities, but for their extensive unlimited communication based on common shared values to constantly improve this model [25, 66]. Applying the shared governance model ensures horizontal connections within the university community and the diversity of its spatial practice leading to the diversity of representations of CS4.0 as the lived space [13]. Thanks to this parameter of management, the CS4.0 (sub)system is able to undertake a great number of managerial functions when organizing different kinds of students and staff activities and communications, increasing in this way the diversity of possible states of the university (super)system. The latter is one of the indispensable conditions for its evolution from the point of view of complexity theory.

The three-modus system run-change – disrupt [77–79] is the second important parameter for managing CS4.0, in which the successful transformation of CS4.0 and the university as a whole occurs in the digital era. In certain situations in the academic environment, the run modus supports the traditional vertical connections (manager-subordinate), as well as the classical basic university structures (faculties, departments, scientific schools, and student groups), the processes (for example, fundamental scientific research, online and offline education), standards (educational and scientific), traditions (student initiation ceremony or handing the academic robes), and end-values (Humboldt-type). Thus, this modus sustains the university (super)system and the CS4.0 (sub)system in the state of relative rest. It maintains their closedness, keeping the original cultural identity.

The change modus, managing soft changes [53], is responsible for the constant modernization of CS4.0 and of the university within the existing cultural value and technological paradigms. Changes that do not destroy, but complement and modernize the existing practice, can be introducing the new format of education (project-type, remote, or flipped classroom); creating new transdisciplinary research and educational structures,

learning start-ups, and social spaces; transition to the new working schedule (for example, all-night library halls); and creating new traditions and developing values [66]. The change modus is like a testing laboratory for spot testing of new educational, research, and other instruments using disruptive technologies (VR, AR, MR, VLE, AI, and IoT). The change modus is responsible for the openness of CS4.0 and information and energy exchange with other systems and is able to take CS4.0 to the edge of chaos as the most productive state.

The disrupt modus leads the CS4.0 (sub)system and the university (super)system over the borders of the well-established paradigm through the systemic use of disruptive technologies (VR, AR, MR, VLE, AI, IoT, and others) [38], breaking down the traditional basic structures, processes, programs, standards, and values to their foundations and replacing them with the fundamentally new ones [80, 81]. For example, disruptive Ph.D. programs [82] can become a fully personalized (adaptable) environment [83]. The disrupt modus is the modus of radical changes (or changes of the second level) that can lead to the formation of the new identity of the university within the new cultural, value, and technological paradigm. This is connected to the highest risk of taking CS4.0, as well as the classical university as a whole, to the state of irreversible chaos, destroying the university identity. Therefore, this modus cannot be applied to multiple elements and layers of CS4.0 at the same time.

Run-change-disrupt is the model of simultaneous coexistence of three management cultures [77, 84]. This model allows the use of the features and potential of the university staff and students of different types, ranging from those who believe in traditional academic values to audacious innovators who are striving for radical changes.

We state that the two management parameters of CS4.0 (shared governance and run-change-disrupt), together with its hybrid ontology and the systems properties (universal, substantive, and ambivalent), are the main conditions for campus space to become the driver of transformation for a classical university in the digital era—transformation without destroying the university's cultural identity and not touching the academic values of the classical university with its long history, but serving the interests of all the groups of the university community. Hence, the art of managing the (sub)system of CS4.0, and the university (super)system as a whole, is largely defined by the combination of these two management parameters (shared governance and run-change-disrupt) at each period of time and at each particular level of functioning of the (sub)system. The subtle alliance of these two parameters will contribute to balancing introducing innovations to the campus, on one hand, and preserving the classical traditions and values on the other, as well as to the planned management space and the interests of different groups of the university community.

The three aspects of the conceptual model of the campus (ontological, systemic, and managerial) describe CS4.0 as the agent of change or as a strange attractor for the university (super)system. The agent of

change represents a quasi-steady (relatively balanced) state (or stage of development) of the campus, characterized by certain ontological, social, cultural, technological, and other parameters, defining the vector and the dynamics of the classical university transformation in the digital era at the beginning of the Fourth Industrial Revolution.

Conclusion

How radical is our vision of the campus of the classical university that has begun its transformations in the digital era? We have developed a conceptual model that is not restricted by understanding the campus only as an architectural and infrastructural complex that is intended to ensure comfortable conditions for students and to maintain the image of a modern innovational university. As a complex social and technological system, the campus needs different types of descriptions and self-descriptions.

Our conceptual model describes campus characteristics and management which combination makes the campus the agent of change of a classical university as a whole, placing it into the orbit of the 4IR without destroying the value core of its cultural identity and the balance of interests of all groups of the academic community.

This interdisciplinary research can make a theoretical contribution to studying the management processes connected with university transformations in the digital era at the beginning of the 4IR. Its main novelty is:

- discovering the special features of the hybrid ontology of the CS4.0;
- defining the combined systems status of CS4.0 as a university (sub)system and as part of the university external environment, as well as on a closed and open system;
- describing the systems properties of CS4.0 of three types: universal, for all the complex systems, substantive (mono)properties, and substantive paired ambivalent properties;

– interpreting the management core of CS4.0 as a combination of two basic management parameters: shared governance and run–change–disrupt;

– establishing the possibility of preserving the value core of cultural identity of a classical university in an age of changing technological paradigms, maintaining the balance between the traditional processes and structures as well as on the soft changes and disruptive innovations and between the conceived space of the campus 4.0 and the interests and potentials of all the groups of the academic community.

The practical importance of our research is that, because the pace of digitalization, as a process of system change, is different for different classical universities, the analysis of the current state of their campuses through the lens of this conceptual model CS4.0 can be key to a general understanding whether this process is successful and whether the state of their campuses is quasi-stable or at the edge of chaos. This conceptual model can help create the rankings of campuses of classical universities that have accepted the challenges of the digital era and the 4IR and have begun these transformations.

We hope that this research will contribute to the scientific discussion of other conceptual models of the campus of a classical university and the principles of its management in the digital age.

Note

We began this research in “peacetime” and finished during the pandemic of COVID-19. We consider that the cardinal changes in higher education that are connected to the pandemic are making this research even more relevant. Understanding the CS4.0 hybrid ontology, its system status, and substantive properties and principles of its management is important for the success of hybrid or blended learning that will probably become ubiquitous.

Besides, even in the time of pandemics and lockdowns, the network structure makes CS4.0 the uninterrupted field of presence and space of flows for all of its inhabitants and users.

Notes

¹ The 4.0 code means that the space is inherent to the 4IR.

² This ambivalence, as mutual implicitness, conditions the further use of the terms “(sub)system” for CS4.0 and “(super) system” for a university as a whole.

³ For example, celebration of the date of the university foundation; the university anthem; some special traditions.

⁴ Search for truth, unity of teaching and research, and academic freedom.

References

1. Clark, B.R. (1998) *Creating entrepreneurial universities: Organizational pathways of transformation*. Bingley, UK: Emerald Group.
2. Wissema, J.G. (2009) *Towards the third generation university. Managing the university in transition*. Cheltenham, UK, & Northampton, MA: Edward Elgar Pub.
3. Bowen, W.G. (2013) *Higher education in a digital age*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
4. Shaw, M.A. & Lenartowicz, M. (2016). Humboldt is (not) dead: A social systems perspective on reforming European universities. In: Leeman, R.J., Imdorf, C., Powell, J.W. & Sertl, M. (eds) *How education gets organized: Sociological analyses of schools, vocational, higher, and continuing education*. Weinheim/Munchen, DE: BeltzJuventa Verlag. pp. 272–285
5. Barnett, R. (2018) *The ecological university: A feasible utopia*. London, UK: Routledge.
6. Readings, B. (1996) *The university in ruins*. London, UK: Harvard University Press.
7. Anderson, J., Boyles, J.L. & Rainie, L. (2012) *The future of higher education*. Pew Research Center. Washington, DC. [Online] Available from: http://www.pewinternet.org/~media/Files/Reports/2012/PIP_Future_of_Higher_Ed.pdf
8. Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. Cologne, DE/Geneva, CH: World Economic Forum.
9. JISC. (2006) *Designing spaces for effective learning: A guide to 21st century learning space design*. Bristol, UK. [Online] Available from: <http://www.jisc.ac.uk/media/documents/publications/learningspaces.pdf>

10. Barnett, R. & Temple, P. (2006) *UK higher education space management project: Review of space norms*. Bristol, UK. [Online] Available from: <http://www.smg.ac.uk/documents/FutureChangesInHE.pdf>
11. RIBA. (2009) *RE SOLUTION: Architectural solutions for a changing higher education sector in the UK*. London, UK. [Online] Available from: <https://docplayer.net/32964202-Riba-higher-education-design-quality-forum-2009-re-solution-architectural-solutions-for-a-changing-higher-education-sector-in-the-uk.html>
12. Whittton, P.D. (2018) *The new university: space, place and identity*. Doctoral thesis (Ph.D.). Manchester, UK: Manchester Metropolitan University. [Online] Available from: <https://e-space.mmu.ac.uk/620806/1/PhD%20Thesis%20PD%20Whitton.pdf>
13. Lefebvre, H., Nicholson-Smith, D. & Harvey, D. (1991) *The production of space*. Oxford, UK: Blackwell Publishing.
14. Spencer, D. (2016) *The architecture of neoliberalism: How contemporary architecture became an instrument of control and compliance*. 1st ed. London, UK: Bloomsbury Publishing.
15. Radice, H. (2013) How we got here: UK higher education under neoliberalism. *ACME: An International Journal for Critical Geographies*. 12 (2). pp. 407–418.
16. Dovey, K. (2010) *Becoming Places: Urbanism/architecture/identity/power*. Abingdon, UK: Routledge.
17. Peltonen, T. (2011) Multiple architectures and the production of organizational space in a Finnish university. *Journal of Organizational Change Management*. 24 (6). pp. 806–821.
18. Marmot, A. (2014) Managing the campus: Facility management and design, the student experience and university effectiveness. In: Temple, P. (ed.) *The physical university: Contours of space and place in higher education*. Abingdon, UK: Routledge. pp. 58–71.
19. Harrison, A. & Hutton, L. (2014) *Design for the changing educational landscape: Space, place and the future of learning*. Abingdon, UK: Routledge.
20. Harrington, K.D. (2014) *Community on campus: The role of physical space*. Doctoral dissertation. Georgia State University. [Online] Available from: https://scholarworks.gsu.edu/epse_diss/92
21. Matthews, K.E., Andrews, V. & Adams, P. (2011) Social learning spaces and student engagement. *Higher Education Research & Development*. 30 (2). pp. 105–120.
22. Temple, P. (2009) From space to place: University performance and its built environment. *Higher Education Policy*, 22(2), 209–223.
23. EdTech Times Staff. (2018) *Leading in the midst of higher ed disruption: Experts discuss paths to innovation* (Podcast). Times podcast series Higher Ed Transformation for the Campus of Tomorrow. June 27. [Online] Available from: <https://edtechtimes.com/2018/06/27/higher-ed-leaders-discuss-the-evolution-of-higher-ed/>
24. Tierney, W.G. & Lechuga, V.M. (eds) (2004) Restructuring shared governance in higher education. *New Directions for Teaching and Learning*. 2004 (127). pp. 1–98.
25. Crellin, M.A. (2010) The future of shared governance. The stress of change: Testing the resilience of institutions. *New Directions for Higher Education*. 151. pp. 71–81.
26. Honu, Y.A.K. (2018). Shared governance: Opportunities and challenges. *Academy of Educational Leadership Journal*. 22 (2). pp. 1–8. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/30874791_From_Virtuality_to_Reality_and_Back
27. Tomsk State University. (2018) *“The Road Test”: Part I*. [Online] Available from: http://en.tsu.ru/about/rector_news/the-road-test-part-i/
28. Tomsk State University. (2018) *“The Road Test”: Part II*. [Online] Available from: http://en.tsu.ru/about/rector_news/the-road-test-part-ii/
29. Castells, M. (1996) *The rise of the network society*. Oxford, UK: Blackwell.
30. Luhmann, N. (1995) *Social systems*. Stanford, CA: Stanford University Press.
31. Mitchell, W.J. (2003) *Me++: The cyborg self and the networked city*. Cambridge, MA: MIT Press.
32. Urry, J. (2007) *Mobilities*. Oxford, UK: Polity Press.
33. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2000) The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 11. pp. 227–268.
34. Haraway, D. (1985) A manifesto for cyborgs: Science, technology, and socialist feminism in the 1980s. *Socialist Review*. 80 (15, p. 2). pp. 65–107.
35. Hard, M. & Jamison, A. (2005) *Hubris and hybrids: A cultural history of technology and science*. New York, NY: Routledge.
36. Latour, B. (2007) *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford, UK: Oxford University Press.
37. Kluszczyński, R. W. (2011) Living between reality and virtuality. Remarks over the work of Monika Fleischmann and Wolfgang Strauss. In: Miekus, K. (ed.) *Performing Data: M. Fleischmann & W. Straus*. Gdansk, PL: Center for Contemporary Art. pp. 6–20.
38. Schwab, K. & Davis, N. (2018) *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. Geneva, CH: World Economic Forum.
39. Makimoto, T. & Manners, D. (1997) *Digital nomad*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
40. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2015) Die Kultur von digitalin Nomaden im Kontext der Ontologie der Netzwerkgesellschaft und Kultursemiotik. *Zeitschrift für Semiotik*. 37 (34). pp. 189–210.
41. Colagrossi, M. (2018) *Future of mixed reality: How augmented and virtual worlds will collide*. [Online] Available from: <https://bigthink.com/mike-colagrossi/future-of-mixed-reality-how-augmented-virtual-worlds-will-collide>
42. Coutrix, C. & Nigay, L. (2008) Balancing physical and digital properties in mixed objects. *AVI '08: Proceedings of the working conference on advanced visual interfaces*. Napoli, IT. pp. 305–308.
43. Elwell, J.S. (2014) The transmediated self: Life between the digital and the analog. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 20 (2). pp. 233–249.
44. Turkle, S. (2005) *The second self: Computers and the human spirit*. Cambridge, MA/London, UK: The MIT Press.
45. Hayles, N.K. (2005) *My mother was a computer: Digital subjects and literary texts*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
46. Kurzweil, R. (2014) Don't fear artificial intelligence. *Time*. 184 (26/27). pp. 28–28.
47. Brey, P. (2005) The epistemology and ontology of human-computer interaction. *Minds and Machines*. 15 (3–4). pp. 383–398.
48. Schnabel, M.A., Wang, X., Seichter, H. & Kvan, T. (2007) From virtuality to reality and back. *Proceedings of the 12th International Association of Societies of Design Research (IASDR)*. Hong Kong, CN.
49. Vlachodimos, G. (2016) The coherence between smart objects and artificial intelligence in architectural digital design process. *Architecture In-Play International Conferences Proceedings*. Lisbon, PT. pp. 163–170.
50. Oseland, N. (2012) *The psychology of collaboration space*. (Research summary on behalf of Herman Miller). [Online] Available from: http://hermanmiller.homestead.com/The_Psychology_of_Collaboration_Space_Handout.pdf
51. Toffler, A. (1980) *The Third Wave*. London, UK: Collins.
52. Attali, J. (1991) *Millennium: Winners and losers in the coming world order*. New York, NY: Random House.
53. Jackson, M.C. (2003) *Systems thinking: Creative holism for managers*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Ltd.
54. Prigogine, I. (1986) Nature, science, and new rationality. In: Sandkühler, H.J. & Holz, H.H. (eds) *Dialektik 12: Dialectics and the Sciences*. Cologne, DE: Pahl-Rugenstein. pp. 15–37.
55. Brits, H.J. (2010) *A model for the integration of quality management, planning and resource allocation at South African universities*. Doctoral dissertation. [Online] Available from: <https://repository.nwu.ac.za/handle/10394/12828?show=full>
56. Prigogine, I. & Stengers, I. (1984) *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature*. New York, NY: Bantam Books.
57. Gleick, J. (1987) *Chaos: Making a new science*. New York, NY: Viking.

58. Haken, H. (1988) *Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems*. Berlin, DE: Springer.
59. Lenartowicz, M. (2015) The nature of the university. *Higher Education*. 69. pp. 947–961.
60. Holtzhausen, S. M. (2000) External and internal influences on the development and implementation of quality assurance in higher education institutions. *South African Journal of Higher Education*. 14 (2). pp. 118–125.
61. Buss, A.R. (1975) Systems theory, generation theory, and the university: Some predictions. *Higher Education*. 4 (4). pp. 429–445.
62. Hall, B.P. (1994) *Values shift*. Rockport, MA: Twin light pub.
63. Hall, M.L.W. (1999) *Systems thinking and human values: Towards understanding the chaos in organizations*. The XIV World Congress of Sociology, Montreal, CA.
64. Parra-Luna, F. (2008) Axiological Systems Theory: A general model of society. *TripleC*. 6 (1). pp. 1–23.
65. Judge, A. (1994) Values as strange human attractors: Coevolution of classes of governance principles. *UNiS Journal* (Dramatic University). 5 (3). pp. 12–30. [Online] Available from: <http://www.laetusinpraesens.org/docs/values93.php/>
66. Dolan, S.L., Garcia Sanchez, S., Diegoli, S. & Auerbach, A. (2000) Organisational values as “attractors of chaos”: An emerging cultural change to manage organisational complexity. *UPF Economics Working Paper No. 485*. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=237630>
67. Prigogine, I. (1989) The philosophy of instability. *Futures*. 21 (4). pp. 396–400.
68. Mann, S., Havens, J. C., Iorio, J., Yuan, Y. & Furness, T. (2018) *All reality: Values, taxonomy, and continuum, for virtual, augmented, eXtended/MiXed (X), Mediated (X,Y), and multim mediated reality/intelligence*. Presented at the AWE 2018, Santa Clara, CA. [Online] Available from: <http://wearcam.org/all.pdf>
69. Bauman, Z. (2000) *Liquid modernity*. Cambridge, UK: Polity.
70. Barnsley, M. (2000) *Fractals everywhere*. San Diego, CA: Morgan Kaufmann.
71. Wheatley, M.J. (1994) *Leadership and the new science: Discovering order in a chaotic world*. San Francisco, CA: Berrett-Koehler.
72. Graham, S. & Marvin, S. (2001) *Splintering urbanism: Networked infrastructures, technological mobilities and the urban condition*. London, UK, and New York, NY: Routledge.
73. Schumpeter, J.A. (1942) *Capitalism, socialism, and democracy*. 3rd ed. New York, NY: Harper.
74. Christensen, C.M., Raynor, M.E. & McDonald, R. (2015). What is disruptive innovation? *Harvard Business Review*. [Online] Available from: <https://hbr.org/2015/12/what-is-disruptive-innovation>
75. McGregor, D. (1960) *The human side of enterprise*. New York, NY: McGraw-Hill Book Company.
76. Kanter, R.M. (1989) *When giants learn to dance*. New York, NY: Simon & Schuster.
77. Gref, G. (2016, October 28). Sovremennyye kompanii dolzhny sovmeshchat v sebe raznye kultury [Modern companies have to combine different cultures] (news feed, in Russian) [Online] Available from: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=9318914>
78. Bell, S.C., Betz, C.T. & Schmidt, J.G. (2013) *Run grow transform: Integrating business and lean IT*. Boca Raton, FL: CRC Press Taylor & Francis Group.
79. Bucy, M., Hall, S., Yakola, D. & Dickson, T. (2017) Disruption, friction, and change: The hallmarks of a true transformation (Podcast). [Online] Available from: <https://www.mckinsey.com/business-functions/rts/our-insights/disruption-friction-and-change-the-hallmarks-of-a-true-transformation>
80. Anderson, T. & McGreal, R. (2012) Disruptive pedagogies and technologies in universities. *Educational Technology & Society*. 15 (4). pp. 380–389.
81. Rettle, K. (2017) *Shaping the future: How disruptive innovation is changing higher education*. [Online] Available from: <https://www.3blmedia.com/News/Shaping-Future-How-Disruptive-Innovation-Changing-Higher-Education>
82. Robinson, J., Morgan, J. & Reed, W. (2016, January). Disruptive innovation in higher education: The Professional Doctorate. *International Journal of Information and Education Technology*. 6 (1). pp. 85–89.
83. Afshar, V. (2016) Disrupting higher education [a blog]. *The Huffington Post*. August 5. [Online] Available from: www.huffingtonpost.com/vala-afshar/disrupting-higher-education_b_11341146.html
84. Korolova, M. (2016) *Gref uncovers the three components of a successful company*. [Online] Available from: <https://rueconomics.ru/204680-gref-raskryl-tri-sostavlyayushchih-uspeshnoi-kompanii> (In Russian).

Information about the authors:

I.P. Kuzheleva-Sagan, Doctor of Philosophy, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor; Head of the Department of Social Communication, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University (TSU); Head of the Laboratory of High Hume New Media Technologies, Faculty of Psychology, TSU; Chairman of the Organizing Committee of the International Transdisciplinary Research and Practice Online Conference “Connect-Universum”; President of Tomsk Regional Public Organization “The Strategy of Success”, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ipsagan@mail.ru

E.V. Galazhinsky, PhD, Professor, Doctor of Psychology, Full Member of the Russian Academy of Education, Rector of National Research Tomsk State University (TSU), Scientific Director of the Laboratory for Comparative Research in Quality of Life at TSU; Chairman of the Academic Council at TSU, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rector@tsu.ru

D.I. Spicheva, Ph.D. (Philosophy); Associate Professor, Department of Social Communication, Tomsk State University; Deputy Head of the Laboratory of High Hume New Media Technologies, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: spicheva@rambler.ru

Dean Kruckeberg, PhD, APR, Fellow PRSA, Professor, Department of Communication Studies, the University of North Carolina at Charlotte; His honors include the Public Relations Society of America (PRSA) Gold Anvil Award for Lifetime Achievement, the PRSA Atlas Award for Lifetime Achievement in International Public Relations, the PRSA Outstanding Educator Award, the Pathfinder Award of the Institute for Public Relations, the Jackson Jackson & Wagner Behavioral Research Prize, and the National Communication Association Public Relations Division Pride Award for Lifetime Achievement. He has lectured and performed research worldwide, including the Russian cities of St. Petersburg, Moscow, Ulan-Ude and Barnaul. E-mail: dkruckeb@uncc.edu

E.V. Polyanskaya, Senior Lecturer, Department of Social Communication, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polyanskayaev@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*The article was submitted 01.04.2022;
approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 323.2
doi: 10.17223/15617793/477/9

Мотивация участия советской молодежи в комсомольских стройках в период хрущевской оттепели (на примере Красноярской ГЭС)

Валерия Александровна Касамара¹, Дарья Сергеевна Чебанова²

^{1,2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

¹ vkasamara@hse.ru
² dschebanova@edu.hse.ru

Аннотация. Выявляются группы мотивационных установок советской молодежи, побуждавшие ее участвовать в комсомольских стройках 1960-х гг. Исследование проводилось методом глубинного полуструктурированного интервью с 17 респондентами, строившими Красноярскую ГЭС. Были выделены материальные и нематериальные группы установок. Несмотря на ярко выраженный идеологический фон происходивших событий, группа материальных факторов также оказала влияние на процесс принятия решения.

Ключевые слова: мотивация, молодежная политика, Красноярская ГЭС, молодежь, мотивационные установки, комсомольские стройки

Для цитирования: Касамара В.А., Чебанова Д.С. Мотивация участия советской молодежи в комсомольских стройках в период хрущевской оттепели (на примере Красноярской ГЭС) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 85–94. doi: 10.17223/15617793/477/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/9

Motivation for the participation of Soviet youth in Komsomol construction projects during the Khrushchev Thaw (on the example of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station)

Valeria A. Kasamara¹, Daria S. Chebanova²

^{1,2} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

¹ vkasamara@hse.ru
² dschebanova@edu.hse.ru

Abstract. In this article, the authors analyze the Soviet youth's motivation to participate in Komsomol construction projects in the 1960s on the example of the construction of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station. The aim of the article was to identify groups of motivational attitudes of the Soviet youth during the Khrushchev Thaw, which encouraged young people to leave their homes and go to the sparsely populated areas of the country for Komsomol construction sites. Primary data were collected using the method of in-depth semi-structured interviews. The study involved 17 respondents – builders and pioneer builders of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station and the city of Divnogorsk, who arrived for construction between 1956 and 1972. In addition, a significant part of working with data was the qualitative analysis of the media on the example of the texts of the printed edition – the Soviet newspaper *Pravda*. The sample of materials included articles printed at the first stages of the construction of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station and containing information about the construction itself. Their analysis revealed the specifics of the context of construction in Krasnoyarsk and its features that contributed to its popularity among young people and effectiveness in terms of youth policy. As a result of qualitative processing of interview scripts with the participants in the construction of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station by coding, two main groups of motivating factors were identified: material and non-material; the latter, in turn, were divided into personal, that is, significant directly for the respondent themselves, and ideological, significant for society. With a pronounced ideological background of the events that took place and, as a result, clearly identified and significant ideological incentives, the group of material factors also influenced the decision-making process to join the construction of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station. Consequently, we can see the balance of economic and ideological aspects in stimulating the Soviet youth to participate in the construction of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station, as well as a significant impact of the media on the formation and actualization of motivational attitudes. However, the qualitative methodology chosen by the authors for the study does not allow to give answers to several questions about the ratio of groups of motivational attitudes, as well as to conclude that the importance of certain groups of attitudes is paramount. At the same time, the grounded theory that the research has been based on allows the authors to continue working in the field to correct the model, saturating it with new empirical material.

Keywords: motivation, youth policy, Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station, young people, motivational attitudes, Komsomol construction

For citation: Kasamara, V.A. & Chebanova, D.S. (2022) Motivation for the participation of Soviet youth in Komsomol construction projects during the Khrushchev Thaw (on the example of the Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 85–94. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/9

Введение

Послевоенная жизнь Советского Союза – это восстановление экономики страны и масштабное строительство промышленных предприятий. Основная нагрузка по реализации строительных проектов легла на плечи молодежи, которая по всей стране участвовала в комсомольских стройках. Наиболее значимые народно-хозяйственные объекты получали статус Всесоюзных ударных комсомольских строек. В 1950–1970-е гг. к таким объектам относились атомные и гидроэлектростанции (например, Красноярская ГЭС), нефтепроводы и газовые магистрали, железнодорожные линии и магистрали (например, Байкало-Амурская), первые линии металлургических, алюминиевых и нефтеперерабатывающих заводов [1].

Большинство комсомольских строек находилось в труднодоступных и малообжитых районах, что требовало от молодых людей готовности к переезду в отдаленный уголок страны, в том числе психологической готовности к преодолению множества бытовых трудностей. Если говорить современным языком, то это был осознанный выход молодежи из зоны своего комфорта. Первое время строителям-первопроходцам приходилось жить и работать в невероятно сложных условиях, по их же словам, жить едва ли не среди пустынных скал или степей и работать чуть ли не круглосуточно. Тем не менее комсомольские стройки продолжали привлекать молодых людей.

Одни объекты пользовались большей популярностью среди комсомольцев, как, например, Красноярская ГЭС, другие несколько меньшей, но за период существования комсомольских строек не было выявлено проблем с мотивацией молодежи, поэтому работа продолжалась и темпы строительства не снижались. Кроме того, в период больших строек не было проблемы вовлечения молодых людей в активную жизнь государства, что крайне важно для современной молодежной политики. Обратиться к опыту комсомольских строек нас подтолкнул стремительный выход на политическую авансцену молодежной политики современной России, в повестке которой одним из основных вопросов стоит именно мотивация молодых людей, ее вовлечение в социально значимые проекты. Иными словами, проблемным становится именно процесс привлечения новых, до этого момента не принимавших участия в проектах молодых людей.

В 2020 г. государственная молодежная политика была институционально закреплена на федеральном уровне посредством принятия Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Закон задал вектор в решении проблем молодого поколения. В настоящее время происходит активная интеграция молодежной

повестки во все федеральные и региональные проекты и инициативы. Однако единый путь решения проблемы, связанной с незаинтересованностью и пассивностью молодежи, до сих пор не обозначен во многом из-за того, что нет понимания причин низкой мотивации ее к участию в государственных проектах.

Тенденция усиленной поддержки молодежи укоренилась в России со второй половины 2017 г. В 2018 г. была создана президентская платформа «Россия – страна возможностей» с целью реализации потенциала молодежи и включения последней в активную общественную и политическую сферы жизни государства¹. Тем не менее молодые люди среди прочих проблем своего поколения отмечают сложности, связанные с поиском мотивации к действию [4]. Такая ситуация не может быть охарактеризована в позитивном ключе, поскольку мотивационный компонент достаточно важен для эффективности совершаемой деятельности, и, следовательно, пока молодежь борется за обретение собственной мотивации, она становится еще более незащищенной от внешних условий, так как прокрастинация, наступающая вследствие отсутствия мотивов к действию, имеет следствием рост неудовлетворенности существующим положением дел, депрессии, что не способствует развитию молодежи и человеческого капитала в целом.

Именно поэтому авторы задались вопросами: применим ли советский опыт привлечения молодежи к реализации крупных проектов, таких как комсомольские стройки, сегодня? Что может подтолкнуть современного молодого человека выйти из зоны комфорта? Как повысить вовлеченность молодежи в общественно-политические проекты?

На примере ретроспективного исследования мотивации участников строительства Красноярской ГЭС в 1960-х гг. мы постарались выявить мотивационные установки молодых людей 1960-х гг., анализ которых помог бы сделать выводы, насколько они применимы к сегодняшней молодежи и возможно ли в принципе их использовать для повышения вовлеченности молодых людей в общественно значимые проекты и мероприятия. Мотивационная установка – «отсроченное, запланированное намерение», которое осуществляется так скоро, как индивид оказывается в подходящих для его реализации условиях или получает повод к началу действий [5]. Стоит отметить, что в данном исследовании концептуально мотивы и факторы использовались в качестве синонимичных понятий, однако если мотив всегда внутреннее явление, то фактор может обозначать среду, действующую на установку извне.

Описание исследования

Методологической основой исследования стала обоснованная теория, выбор которой объясняется,

прежде всего, индуктивным следованием в составлении дизайна работы, а также относительной свободой от теоретических рамок, что дает преимущество в сборе и анализе данных, в соответствии с которыми в дальнейшем происходит процесс построения новой теории, имеющей непосредственное отношение к изучаемой реальности. Кроме того, указанная теория делает возможным процесс постоянного выдвижения и опровержения рабочих гипотез и, следовательно, обоснование новых объяснений для уже описанных социальных процессов и феноменов [6]. Таким образом, она позволяет пересмотреть устоявшиеся взгляды на предмет исследования, что мы, в пределе, и стремились осуществить.

Данное исследование проводилось с помощью стратегии кейс-стади, позволяющей рассмотреть выбранный случай во всем многообразии его проявлений, чтобы тщательно, со всех перспектив индуктивно определить и проанализировать происходившие в условиях кейса процессы и, погрузив их в уникальный контекст, выявить интересующие нас детали. В рамках стратегии был выбран кейс Красноярской ГЭС, который можно считать уникальным [7], поскольку строительство было показательным, его посещали первые лица государства, влиятельные деятели культуры, спорта, науки, к нему было приковано особое внимание всесоюзных СМИ [8, 9]. Кроме того, красноярское строительство было одной из первых послевоенных строек в СССР, в ходе которой не использовался труд заключенных. Кейс Красноярской ГЭС также был выбран по ряду технических причин:

1) Красноярская ГЭС стала градообразующим предприятием, для обеспечения строительства и функционирования которого был воздвигнут город Дивногорск;

2) в Дивногорске есть сообщество ветеранов-строителей ГЭС, что является важным условием с точки зрения доступа к респондентам. Учитывая возраст участников стройки, интересующих нас в рамках нашего исследования, необходимо было найти достаточное для этого количество респондентов. Выбор данной стройки сделал осуществимым сбор первичных данных.

В январе 2021 г. состоялась экспедиция в Дивногорск, в ходе которой нам удалось провести 17 глубоких интервью с респондентами – строителями Красноярской ГЭС, чего достаточно для выявления общих кодов в соответствии с методологией исследования [10]. При этом возраст самого молодого респондента – 67 лет, самого старшего – 85 лет (таблица). Метод глубинного полуструктурированного интервью позволил исследователям в личном разговоре с респондентами обсудить именно те темы (связанные с мотивацией), которые удовлетворяли вопрос исследования, а также ориентироваться в диалоге, не опираясь на жесткий сценарий интервью, выходя за его рамки, если это необходимо, углубляясь в те размышления респондентов, которые могли быть наиболее интересными для понимания сути проблемы. Такой метод сбора данных релевантен для исследования феноменов, связанных с психологическими, когнитивными аспектами, каковой является мотивация.

Выборка респондентов была целевой, однако ее построение (и, соответственно, исследование в целом) имеет ряд ограничений: 1) исследование проводилось во время пандемии, и многие из респондентов группы риска опасались прямых контактов; 2) респонденты находятся в возрастной группе, которая не имеет возможностей (навыков и технического оснащения) для выхода на контакт в онлайн-формате; 3) возрастные ограничения проявились, прежде всего, в том, что количество респондентов постепенно сокращается, поэтому в живых осталось не так много участников стройки, готовых и способных принять участие в исследовании.

Таблица кодирования участников исследования

Показатели	Пол	Год рождения	Возраст	Дата приезда на стройку
Респондент 1	М	1940	82	1956
Респондент 2	М	1939	83	1958
Респондент 3	М	1937	85	1959
Респондент 4	Ж	1942	80	1959
Респондент 5	М	1940	82	1961
Респондент 6	Ж	1945	77	1964
Респондент 7	М	1946	76	1964
Респондент 8	М	1945	77	1964
Респондент 9	М	1944	78	1965
Респондент 10	М	1940	82	1966
Респондент 11	М	1945	77	1967
Респондент 12	Ж	1946	76	1967
Респондент 13	Ж	1951	71	1971
Респондент 14	Ж	1955	67	1972
Респондент 15	Ж	1952	70	1972
Респондент 16	Ж	1954	68	1972
Респондент 17	М	1950	72	1972

Несмотря на эти ограничения, по ходу интервью исследование насыщалось информацией, что проявлялось, прежде всего, в процессе обработки полученных данных, когда выделяемые нами в текстах интервью коды начинали дублироваться, каждый раз подтверждая данные, уже полученные до этого.

Участники исследования приехали в Дивногорск в разные годы и из разных областей СССР. Часть строителей приехали на стройку еще до того момента, как был возведен город Дивногорск (5 респондентов, прибывших до 1962 г.). *«Тут ничего не было – Енисей спокойно тек, город еще только начинал строиться. Поселили нас в общежитие, и понеслась...»* (респондент 3). И именно они, первостроители, заложили основы строительства и обеспечили дальнейшее развитие Красноярской ГЭС.

Двое мужчин прибыли на стройку на первых этапах строительства (в 1961 и 1964 гг.) из союзной Республики Казахстан, где в то время как раз разворачивалось освоение целины, проект, в котором они не стали участвовать, так как «в Сибири было хорошо тогда, сильно лучше, чем на целине» (респондент 5)². Оба эти респондента попали в Дивногорск по распределению в ряду лучших выпускников вузов, как и многие приезжающие на строительство, однако переезд в Сибирь стал для них осознанным выбором: один респондент обучался в университете в Омске, другой – в Томске.

Многие женщины – строители Красноярской ГЭС и Дивногорска приехали на стройку из Украины, однако сложные климатические условия края заставили значительную их часть вернуться обратно: «А мы позамерзли в чулках, ну, с Украины же!» (респондент 6). Женщины отмечали, что строительство было безопасным, потому что «зэки не работали вообще на Красноярской ГЭС, это, наверное, единственная стройка союзная, где была только именно элита собрана, то есть молодежь, которая без всякого, будем говорить, криминального прошлого и всего остального» (респондент 6).

Большинство участников, приехавших на строительство ГЭС, уже имели опыт работы на стройках гидроэлектростанций (Саратовская, Братская, Богучанская, Иркутская), но при этом отмечали, что именно красноярский проект был наиболее масштабным и комфортным с точки зрения условий: «Снабжение прекраснейшее, ну, я имею в виду, по сравнению с Братском, и, конечно, я здесь остался...» (респондент 8).

Гайд интервью, используемый при сборе данных, содержал несколько тематических блоков. Прежде всего, это информация о жизни респондентов до того момента, как они попали на стройку: откуда они приехали в Сибирь, где учились и что им было известно о комсомольских стройках до того момента, как они приняли участие в строительстве Красноярской гидроэлектростанции. Второй блок вопросов был посвящен процессу принятия решения, а именно тому, почему решение уехать из дома было принято (прямой вопрос), было ли данное действие коллективным, влияли ли какие-либо внешние факторы: родители, учителя, СМИ. Важными в этом блоке также были вопросы об эмоциональном состоянии: что чувствовали респонденты, когда приняли решение ехать в Сибирь, было ли страшно, испытывали ли одиночество или чувство гордости за свое решение. Третий тематический блок был связан с физическими условиями, в которых оказались прибывшие на строительство респонденты: где поселили, каким было окружение. Последний блок вопросов был связан с перспективами, которые молодые строители возлагали на строительство, и с тем, насколько их надежды и планы осуществились: планировали ли они надолго оставаться в Дивногорске и остались ли дети строителей на малой родине или же покинули ее.

После транскрибирования полученные данные были обработаны методом кодирования, обработка

проводилась без использования специальных программ, т.е. механически. Нами было выделено две категории мотивационных установок: материальные и нематериальные. Группа нематериальных факторов, в свою очередь, делилась на личностные, т.е. не зависящие от идеологии государства, и идеологические, обусловленные общественным интересом. В каждой категории выделялись основные, наиболее часто встречающиеся коды, соответствующие определенной группе установок и подкрепленные, прежде всего, цитатами из интервью со строителями ГЭС. Коды содержали в себе скрытый или явный мотив, повлиявший на решение респондентов в их молодые годы принять участие в строительстве Красноярской ГЭС и города Дивногорска.

Помимо работы с собранными нами первичными данными, исследование также предполагало работу с документами, а именно с материалами СМИ методом качественного анализа текстов. Выборка статей осуществлялась по поиску ключевых слов с запросом «Красноярская ГЭС» в промежутке с 1955 по 1959 г., т.е. на начальных этапах строительства, когда активно требовались строители для реализации проекта.

СМИ как инструмент воздействия на советскую молодежь

Формированию мотивационных установок советской молодежи активно способствовала культурная и информационная политика государства. Так, серьезное влияние на решение молодых людей поехать на комсомольскую стройку оказала ее масштабная освещенность: про Красноярскую ГЭС писали главные газеты страны³, снимали фильмы, сочиняли стихи и рассказы⁴.

Несмотря на то что все комсомольские стройки активно освещались в центральных СМИ Советского Союза, описание Красноярской ГЭС имело ряд отличительных черт, которые мы выявили на основе анализа ежедневной газеты «Правда», которая была самым тиражируемым печатным СМИ, являвшимся одним из наиболее влиятельных изданий страны с наибольшим охватом аудитории⁵. Так, в ходе анализа были рассмотрены 35 статей газеты «Правда», напечатанные в 1955–1959 гг.⁶, т.е. на начальном этапе стройки, и посвященные Красноярской ГЭС.

В текстах статей подчеркивается беспрецедентный характер проекта, что стало для молодых амбициозных людей послевоенного СССР одним из значимых мотивов поехать на стройку в Дивногорск. В публикациях можно заметить повторяющуюся рефреном тему грандиозности разворачиваемого строительства, которая стала мощным стимулом для молодежи принять участие в стройке: «крупнейшая в мире Красноярская ГЭС» [11], «Со всех концов страны сюда едут советские люди на строительство крупнейшей в мире Красноярской ГЭС» [12]. Авторы статей героизируют самих строителей, в том числе публикуя фотографии строительства и его передовиков [13]. Интересно отметить, что в газетных статьях, посвященных строительству Красноярской ГЭС, практически не было призывов приехать на стройку⁷, наоборот, отме-

чался избыток людей, что отражено в одной из статей от 16.10.1957 года: *«И сколько сейчас в Шумихе вольных, бывалых людей большой, благородной судьбы! А еще больше просят! На имя начальника стройки поступают сотни писем патриотов с просьбой зачислить их в штат строителей...»* [14]. Таким образом, в случае с Красноярской ГЭС важным оказался акцент на особенности, исключительности начинающегося строительства, которые во многом обеспечили ему популярность среди молодежи и постоянный приток молодых строителей на объект.

Нематериальные идеологические мотивационные установки строителей Красноярской ГЭС и города Дивногорска

Идеологические мотивационные установки молодого поколения СССР 1960-х гг. рассматриваются нами в контексте жизни всего советского общества. Идеологическое воздействие обеспечивалось такими важными политическими институтами, как КПСС, ВЛКСМ, деятельность которых являлась важной составляющей большинства сфер жизни советских людей.

В высказываниях участников исследования мы выделили коды, составляющие категорию идеологических факторов. Первым и основным кодом стала **«идеология»** как основа информационно-разъяснительной и пропагандистской работы. При анализе нематериальных идеологических факторов мы опирались, прежде всего, на подход Л.П. Альтюссера в рассмотрении идеологии, который адаптирует теоретическую модель К. Маркса к реалиям середины XX в. В его концепции *«...идеологические аппараты государства в первую очередь функционируют с применением идеологии, а уж потом репрессивным образом, то есть на грани репрессии, достаточно заметной, даже, можно сказать, – символической (не существует чисто идеологического аппарата)»* [15].

Про идеологию, которой была пропитана вся жизнь строителей, участники исследования рассуждали наиболее уверенно, причем некоторые даже признавали, что сами принимали на себя роль ее распространителей: *«(Меня. – Прим. авт.) посылали рассказывать, что такое Красноярская ГЭС, где она расположена, как мы живём», «...и мне не приходилось сватать, агитировать, я просто рассказывал, как мы живём, что мы делаем»* (респондент 3). Некоторые респонденты подчеркивали, что, действуя в идеологических рамках, у них часто не было реальной возможности выбора: *«В принципе, можно было не ехать, но лишили сразу всех статусов, которые в то время давали студентам»* (респондент 14). Иными словами, хотя молодым людям предоставляли возможность выбора, альтернативы были в большей степени иллюзорны и всегда приемлемы для государства. Мнения самих молодых людей никто знать не хотел: *«...я хотел остаться во Владивостоке, поступить в Мединститут (там только-только открыли), но нам сказали: “Вот либо вы едете на целину, либо на стройки коммунизма – выбирайте одно из двух”»* (респондент 8).

Несмотря на то что исследование проводилось более чем через четыре десятилетия после завершения строительства ГЭС, фактор идеологии остался наиболее осознанным. При соотношении же с сегодняшним днем чувствовалось разочарование респондентов и искреннее непонимание причин ухода единой идеологии из стратегий современной российской власти: *«К коммунизму шли! К коммунизму! У нас лозунг был: “К коммунизму!” А сейчас... (вздыхает. – Прим. авт.)»* (респондент 1).

Еще одним значимым кодом стала **«деятельность партии и комсомола»**, что также укладывается в концептуальную рамку Альтюссера: *«К этой сфере (идеологическому аппарату государства. – Прим. авт.) принадлежат церкви, партии, профсоюзы, семьи, некоторые школы, большинство газет, предприятий культуры и так далее»* [15].

В ходе интервью респонденты отмечали ведущую роль партии и комсомола в жизни всей страны: *«в то время партия была... ведущей, единственной и сплачивающей... в то время не только партия, но и комсомол (принимал. – Прим. авт.) активнейшее участие»* (респондент 11). Оба института воспринимались как сплачивающие и определяющие правила, по которым каждый гражданин страны будет жить, работать и в соответствии с которыми будет принимать практически любые решения: *«Если говорить, во время стройки, конечно, партийная линия, она во всем прослеживалась, пронизано структурами было буквально всё...»* (респондент 11).

Интересно, что подкатегория **«альтруизм»** неосознанно выдавалась участниками исследования за один из элементов внутренней, нематериальной мотивации: *«...и мы так ездили туда (в совхоз. – Прим. авт.), помогали, и это всё безвозмездно, нам ничего не платили...»* (респондент 14). Нужно понимать, однако, что та деятельность, которая рассматривалась нашими респондентами в качестве самоотверженной безвозмездной помощи (которой она, в сущности, и являлась), во многом имела обратную сторону – общественное осуждение при отказе от такого рода работы: *«...ну-ка, идите баню стройте, помогайте, и мы поперлись туда: баню строить, кирпичи таскали там...»* (респондент 4). *«Мы тебя обяжем общественные работы... раз ты комсомолец»* (респондент 5). Таким образом, мы предполагаем, что в данном случае «альтруизм» молодых строителей был частично идеологически обусловлен: *«Это сейчас выйдет любой руководитель скажет: “пойдём построим бесплатно!” вот так покажут (показывает фигу. – Прим. авт.) “А сколько заплатишь?”»* (респондент 3). При этом нами не отрицается существование в СССР альтруизма как такового.

Идеологические установки изначально казались наиболее очевидными и определяющими, именно поэтому выделение их в обособленную категорию необходимо для состоятельности исследования. Нужно сказать, что при рассмотрении Красноярской ГЭС нами была отмечена очень активная и сбалансированная государственная политика, направленная на молодежь, поэтому группа идеологических установок

получилась значимой, но при этом не единственной у исследованного нами поколения.

Нематериальные личностные мотивационные установки строителей Красноярской ГЭС и города Дивногорска

Нематериальные личностные факторы во многом связаны с характерными особенностями молодого поколения периода хрущевской оттепели. В своем труде «Очерки массового сознания...» Б.А. Грушин отмечал, что поколение 1960-х гг. было поколением строителей, причем необязательно в прямом смысле слова, которое целью своей жизни видели строительство коммунизма. Среди строителей можно выделить «активных продолжателей революции», «романтиков», «творцов», «трудаг» [16], для которых такая масштабная комсомольская стройка, как Красноярская ГЭС, была способом не только воплотить в жизнь свои идеалы, но и познать саму жизнь.

В целом рассуждения участников исследования о нематериальных мотивах приехать на Красноярскую ГЭС носят ярко выраженный позитивный характер: «интерес», «романтика», «гордость», «энтузиазм», «мечты коммунистического будущего», «становление личности» и другие коды из данной категории не только очевидно перекликаются со специфическими чертами всего поколения оттепели, но и демонстрируют определенно чувствительную натуру, свойственную молодежи в принципе, которая в силу своей неопытности часто умеет еще «*рассветы встречать*» (респондент 4) и наслаждаться насыщенностью жизни, расширяющей житейский опыт: «*И мы приехали: такие молодые, веселые, красивые, ну прямо жизнь кипела! Было очень даже здорово, просто шикарно!*» (респондент 12). Участники исследования, рассуждая об **интересе** и **романтике**, подчеркивали, что быт в Дивногорске не был скучным, а тяжелая работа ценилась самими строителями гораздо больше: «*Что же я работаю в столовой? Надо быть... Мне всё хотелось в гуцу, в гуцу...*» (респондент 4).

С другой стороны, категория нематериальных факторов включает в себя **энтузиазм**, стремление молодежи засвидетельствовать свое существование в этом мире, вписать себя в историю, в которой уже прочно заняли свое место их родители, герои Великой Отечественной войны, и родители их родителей, вершители Октябрьской революции и строители нового мира, «прекрасного» общества: «*Мы были добрыми, мы были энтузиастами, нам хотелось вместе делать Вещи, чтобы с большой буквы*» (респондент 10). В ходе интервью прослеживалось стремлением к постоянному движению и работе: «*И вот этот энтузиазм, он в людях сидел...*» (респондент 11).

По ходу исследования создалось впечатление, что именно респонденты, приехавшие на стройку «перво-строителями», называли больше нематериальных стимулов в ходе своего рассказа, в том числе очень важным являлось чувство **гордости**: «*...мы на Красноярской земле оставили великолепный памятник тому, что может молодой человек, если его органи-*

зовать, дать ему направление, поймать его инициативу, мы горы можем свернуть, и у нас все получилось...» (респондент 3). Они же не поднимали практически вопросов, связанных с бытовой стороной своей жизни, например, с жильем. На наш взгляд, это объясняет тот факт, что именно «первостроители» до сих пор живут в бараках, некогда построенных как временное жилье. В ретроспективе та гордость, которая подтекстом читается в скриптах интервью и фокус-групп, сама становится контекстом всего разговора о строительстве Красноярской ГЭС и города Дивногорска, испытываемая до сих пор, поскольку респонденты и сегодня видят плоды своего труда и понимают, что дело их жизни вызывает уважение у последующих поколений: «*Вот это мы, поколение тех лет, оставили вот такой след на этой земле, мы вправе гордиться, а вы вправе завидовать нам!*» (респондент 3).

Такой код, как «**мечты коммунистического будущего**» довольно интересен для нас своей очевидной привязкой к идеологическим факторам: «*Да нам говорили просто постоянно, а мы верили, что наши дети должны жить лучше*» (респондент 17). При том что такие мечты являются следствием идеологической пропаганды, они «защиты» глубоко в ценностные представления наших респондентов, составляют основу их сущности. И поэтому мечты, связанные с лучшим, коммунистическим будущим стали важным мотивом деятельности молодых строителей ГЭС: «*И мы вот как-то этой целью были настроены, что действительно мы создадим такое общество, светлое будущее, что будет все доступно, и этим жили, этим стремились и жили*» (респондент 14).

Важен в рассмотрении ряда нематериальных факторов код «**становление личности**», который описывал стремление молодых людей отделиться от родителей, начать свою независимую, взрослую жизнь, в которой они были бы способны самостоятельно принимать решения и брать на себя ответственность: «*...надо было начинать жизнь чисто по-мужски. Надо было начинать жить, строить свой дом...*» (респондент 17). Зачастую в СССР «молодежь была в полной власти у старших поколений» [17], поэтому отъезд на стройки коммунизма становился важным шагом на пути взросления молодого человека, показывавшим его решимость, смелость, самостоятельность: «*...мне нужно было показать, кто такой я, на что я способен как личность...*» (респондент 3).

Нематериальные мотивационные установки молодых строителей Красноярской ГЭС достаточно важны, именно они проявляют в молодежи 1960-х гг. такие специфические черты: инициативность, самостоятельность, стремление к самореализации. Помимо прочего, нематериальные установки всегда рассматриваются самими респондентами как внутренние положительные мотивы, несмотря на фактическое несоответствие действительности – большинство нематериальных факторов, таких как энтузиазм, патриотизм, частично романтика, являются результатом успешного внешнего стимулирования и обусловлены не только и не столько индивидуальными особенностями наших респондентов, сколько ценностным влиянием,

особенностями молодежи в принципе, поколенческими характеристиками [16].

Материальные мотивационные установки строителей Красноярской ГЭС и города Дивногорска

Артикуляция материальных факторов носила по большей мере полусознанный характер, они не выдавались респондентами за стимулы напрямую и наиболее четко высвечивались в их разговоре при сравнении годов стройки с настоящим временем. Данный фактор, по понятным причинам, не предполагался не только важным, но существующим в принципе в советское время из-за строгого табу на стяжательство со стороны государственной идеологии.

Так, нами были выявлены коды «недвижимость», «обеспечение», «заработная плата», «карьерные перспективы», «инфраструктура» и другие, составившие категорию материальных установок.

Прежде всего, код «**недвижимость**» показывает, что перед строителями Красноярской ГЭС не стоял «квартирный вопрос» – было гарантировано, что жилье будет получено ими в максимально краткие сроки, поскольку из строящегося жилищного фонда 30% квартир оставлялось для строителей города и ГЭС: «*“Нам специалисты нужны, через месяц ты получишь квартиру”, я через месяц получил квартиру, понимаете?*» (респондент 9).

Код «**обеспечение**» был выявлен в связи с тем, что Дивногорск как город, к которому было приковано всеобщее внимание, снабжался по первой категории⁸, что означало отсутствие дефицитных товаров: «*В Красноярске было хуже, они к нам приезжали – было снабжение хорошее...*» (респондент 4). При этом многие респонденты отметили преимущества Красноярской стройки в обеспечении относительно других комсомольских проектов: «*Все было бы хорошо, значит, но я почему рассказываю сейчас о Братске, потом о Дивногорске – это две большие разницы!*» (респондент 8) «*И: И все-таки, почему Вы решили поехать сюда? Ведь Саратов намного ближе. Р.: Так мы нашей группой рассудили: тут самая большая стройка государства в самом разгаре, тут и весело, и сытно будет*» (респондент 12).

Несомненно, важную роль играли высокие **заработные платы** (с надбавками и часто с командировочными) в тесной связи с перспективностью работы на строительстве ГЭС: «*...я 25 лет получал командировочные [смеется прим. авторов], то есть помимо заработной платы, я получал командировочные ежемесячно*» (респондент 9). Часто молодых и неопытных людей, приехавших на стройку и полных энтузиазма, брали на работу мастерами, в том числе, такие возможности были и у женщин, что означало их высокую самостоятельность и важность не только в рамках семьи, но и в качестве квалифицированного специалиста. Все эти обстоятельства особенно актуальны для второго поколения строителей, которые ехали уже не на «голые горы», поскольку они поприезде были «окружены» готовой инфраструктурой, а

также могли командироваться на уже частично работающую ГЭС из других городов СССР.

Участницы исследования отмечали в своих интервью, что Красноярская стройка стала одним из первых масштабных объектов, на которых женщины работали наравне с мужчинами и имели хорошие **карьерные перспективы**. «*И вот так я попала в строители, ну, у меня и специальность была строительная, и попала мастером сразу – сходу!*» (респондент 6). «*Я вообще начинала с контролёров ОТК... я вела приемку... через год меня поставили уже мастером в этом цехе... и так дошла до ведущего конструктора*» (респондент 14).

В материальных факторах важную роль также играют коды, связанные с **инфраструктурой** в широком смысле этого слова, т.е. досугом и культурной жизнью, которые в Дивногорске были на высоком уровне: «*Приезжали поэты московские... Был клуб “Строитель”, построили, там танцы были, и артисты часто приезжали, и Кузнецов (Анатолий Борисович, советский и российский актер театра и кино. – прим. авт.) был, потом этот самый... Заклунная (Ва)лерия Гавриловна, советская и украинская актриса театра и кино прим. авторов, потом Нина Сазонова (советская и российская актриса театра и кино, певица. – Прим. авт.) приезжала и ещё украинский какой-то актёр, много было, приезжали...*» (респондент 4), а если чего-либо не хватало строителям Красноярской ГЭС, «*все, что надо было сделать – написать заявление*» (респондент 7), и тогда любые препятствия были ликвидированы, а отдых организован.

Все данные материальные блага вспоминались жителями Дивногорска, некогда жившими лучше Москвы, в сопоставлении с сегодняшним днем: «*...в Сибири в то время зарботки были, и были конечно значительно выше, чем московские...*» (респондент 15). При сравнении с советским прошлым реалии современной России кажутся участникам исследования печальными, едва ли не возмутительными: «*И когда стройка закончилась, закончилось всё, ушло*» (респондент 12). Учитывая контекст личной гордости за свершения своей юности, респонденты, выражая таким образом свою обиду и неудовлетворенность современной действительностью, демонстрируют важность материальных факторов для них в их молодости.

Материальные установки, таким образом, оказываются достаточно значимыми для изученных нами комсомольцев-гидростроителей поколения 1960-х гг., несмотря на то что именно этим факторам не предавалось формально большого значения: «*Заработные платы? Мы даже не задумывались...*» (респондент 14). Однако инфраструктура и досуговые мероприятия были неотъемлемой частью красноярского строительства и обеспечивали именно этой стройке достаточное количество работников без постоянного оттока людей. Кроме того, можно предполагать, что материальные установки оказались столь значимыми по причине морального запрета всяких излишеств, что делало обладание дефицитными материальными благами большей ценностью.

Ограничения и обсуждение результатов

Данная работа и, следовательно, результаты, имеют ряд ограничений. Прежде всего, исследование проводилось более чем через четыре десятилетия после реальных событий. За это время произошло достаточное количество изменений – как в жизни каждого из строителей, с которыми проводилось исследование, так и в обществе в целом. Изменился социально-политический строй, кардинально преобразовались общественные взгляды на ряд явлений и процессов, культивируемых в советском прошлом России. Во многом именно из-за этого мы не можем сейчас определить, что фактически являлось ведущим мотивом для молодых респондентов сорок лет назад, и должны делать коррективы на то, что мы принимаем временные искажения за допустимую погрешность.

Кроме того, мы не можем говорить о том, как идеология повлияла на соотношение материальных и нематериальных установок. Это является следствием избранной в качестве инструментария качественной методологии исследования. Нужно понимать, однако, что обоснованная теория может позволить нам вернуться в поле, чтобы детальнее и обширнее в плане выборки взглянуть на уже построенную модель.

Из рассмотренных нами инструментов идеологического воздействия на молодежь стоит отдельно выделить наличие в Советском Союзе 1960-х гг. универсальных каналов связи, охватывающих большую часть населения страны, – СМИ. Из-за отсутствия альтернатив, а также полной подконтрольности государству таких газет, как «Правда» или «Комсомольская правда», они являлись прямым каналом коммуникации с молодежью, что облегчало руководству страны задачу поиска посредника взаимодействия, своеобразного медиатора. В настоящее время такой инструмент сложно рассматривать в качестве универсального, поскольку, несмотря на то, что более 90% молодежи использует социальные сети [18], предпочтения ее фрагментарны, из-за чего значительно растет значимость микро-инфлюенсеров в формировании повестки [19, 20]. При этом нами не отрицается возможность работать с молодыми людьми через те каналы связи, которые они сами считают релевантными и значимыми для себя.

Заключение

Исследование такого масштабного проекта, как строительство Красноярской гидроэлектростанции, демонстрирует обстоятельства, когда среди прочих на повестке дня не стояла проблема вовлечения молодежи в социально значимые события – так или иначе большинство молодого поколения было задействовано, и в воронку вовлечения через определенные каналы попадали новые люди, расширяя ее. Данное исследование позволяет нам взглянуть на ситуацию, во многом отличную от настоящего времени, и постараться понять на личностном уровне, через мотивационные установки молодежи, каким образом мы можем использовать практики прошлого для достижения

схожего, необходимого нам эффекта, а именно формировать у представителей молодежи достигательное поведение, зачатки которого ограниченно формировались в советскую эпоху.

На выявленную модель мотивационных установок в настоящее время стоит смотреть через несколько иную оптику. Прежде всего, рассматривать мотивацию через призму идеологии было бы некорректно, и, следовательно, более релевантными оказываются подходы достигательного поведения и мотивации в процессе принятия решений, способные работать в условиях рыночного мира [21. Р. 4]. При этом именно достигательное поведение является важным в рамках исследования современной молодежи. Об этом свидетельствуют результаты, полученные в исследованиях трансформации системы ценностей молодого поколения в современных российских условиях [22]. Несмотря на то что в настоящее время материальные стимулы считаются чрезвычайно важными [21], нельзя недооценивать значимость нематериальных мотивов, даже таких базовых, как потребность в принадлежности, по Айзенку [23], «получение эмоциональной поддержки». Особенно важными становятся такого рода факторы, когда человек находится в кризисной ситуации, а в настоящий момент атомизация [24] и состояние тотального недоверия, как межличностного, так и к разного рода институтам [25], порождают ситуацию социальной турбулентности.

Принципиальной разницей между молодежью двух поколений (1960-х гг. и современной) является то, что советские молодые люди были не только потребителями благ, но и их производителями. Современная же молодежь – в большей степени потребитель общественных благ, что не позволяет ей непосредственно запечатлеть собственный вклад в изменение окружающего ее ландшафта, при этом молодые люди предпочитают скорее делегировать свою роль создателя компетентным структурам посредством вложения денег, т.е. посредством потребления [26]. Тренд добровольчества, достаточно широко распространенный среди российской молодежи в настоящее время, как правило, инвестирует в повседневность, практикуя реализацию малых дел. Тем временем, возможности реализации масштабных проектов, которые требуют долгосрочной поведенческой стратегии, практически не рассматриваются молодым поколением в качестве привлекательных.

Из выявленных нами нематериальных мотивов можно отдельно выделить интерес. Такой фактор является особенно значимым для молодежи в принципе. Современное молодое поколение, предположительно, не является исключением в данном ряду. Именно интерес, зарождающийся во время деятельности, может породить энтузиазм, гордость за результаты своего труда, но для этого необходимо идти по пути самоуправления, вовлекать молодежь не только в реализацию проектов, но и в процесс их задумки. Примечателен в такой ситуации agile-подход [27], практикуемый бизнесом для решения проблем вовлечения и осознанности результатов. Кроме того, в качестве примера успешной реализации молодежной политики с точки зрения во-

влечения молодежи в масштабные проекты можно использовать опыт строительства Красноярской гидростанции. Данная комсомольская стройка отличилась особым балансом в формировании и реализации материальных и нематериальных мотивационных установок, а также в лавировании между личными мотивами и общественным благом.

Мы не ставим точку в данном исследовании, а рассматриваем его как первый этап. На ряд вопросов мы могли бы ответить в последующих исследованиях,

сделав еще одно «хождение в поле» и дополнив имеющуюся модель новым эмпирическим материалом. Пока остаются открытыми вопросы, каким было влияние идеологии на соотношение материальных и нематериальных мотивационных установок? Какие идеологические факторы оказали наиболее существенное воздействие, и как перенести их в реалии современного деидеологизированного общества? Какие инструменты молодежной политики можно эффективно использовать в настоящее время?

Примечания

- ¹ На сегодняшний день в проекты РСВ вовлечено около 10% от общей численности российской молодежи. Расчеты произведены авторами на основании открытых данных платформы РСВ [2] и Всероссийской переписи населения [3].
- ² Цитата одного из респондентов содержит информацию о том, что на больших инфраструктурных проектах в Сибири были лучше условия, чем на целине, и поэтому приток строителей был стабильным, из-за чего отсутствовала проблема текучести кадров и от руководства не требовалось постоянных призывов на стройку. Данные подтверждаются авторским анализом 1 225 статей газеты «Правда», посвященных освоению целины и датированных 1954–1958 гг.
- ³ «Правда», «Комсомольская правда», «Известия».
- ⁴ Фильмы: «Негасимое пламя» (реж. Е. Дзиган, 1964 г.), «На диком берегу» (реж. А. Граник, 1966 г.) и эпизодически – в двухсерийной киноленте «Сибирячка» (реж. А. Салтыков, 1972 г.); рассказы: «Костровые новых городов» (В. Распутин, 1966 г.), «Сильнее Енисея» (1974 г.), «Если зажигают звезды» (В. Бекетов, 1977 г.); стихотворения: «Праздник света» (И. Рождественский), «Работай, товарищ река!» (Р. Рождественский).
- ⁵ Анализ газетных статей проводился в зале РГБ с использованием электронных ресурсов библиотеки.
- ⁶ За тот же период об аналогичной по масштабам строительстве целине в «Правде» было написано 1225 статей.
- ⁷ Такая ситуация не была характерной для Всесоюзных комсомольскихстроек. При анализе статей «Правды», посвященных освоению целины, было выявлено, что подавляющее их большинство прямо или косвенно содержало призыв принять участие в стройке.
- ⁸ В Советском Союзе было четыре категории снабжения: особая, первая, вторая и третья. Соответственно, в особую и первую категории снабжения входили столицы и особенно важные для экономики государства промышленные центры.

Список источников

1. Большая российская энциклопедия: список комсомольскихстроек. URL: bigenc.ru/domestic_history/text/2087957 (дата обращения: 03.08.2021).
2. Раздел «О нас». Общая численность участников проектов платформы // Россия – страна возможностей. URL: <https://rsv.ru/about-us/> (дата обращения: 30.03.2021).
3. Общая численность молодежи в РФ // Всероссийская перепись населения. URL: <https://www.strana2020.ru/mediaoffice/kak-menyaetsya-molodezh-i-chto-pokazhet-perepis/> (дата обращения: 30.03.2021).
4. Подведены итоги форума «Территория смыслов» // Regnum. 02.09.2020. URL: <https://regnum.ru/news/society/3051825.html> (дата обращения: 30.03.2021).
5. Мотивационные установки // PsyEra. 2014. URL: https://psyera.ru/motivacionnye-ustanovki_7536.htm (дата обращения 11.02.2022).
6. Charmaz, K. Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. SAGE, 2006.
7. Navaro-Yashin Yael. Faces of the State: Secularism and Public Life in Turkey. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2002.
8. Растоксеев Б.А. Красноярская ГЭС: люди и свершения. Красноярск : Кн. изд-во, 1992. 191 с.
9. Зыков В. Слушайте Дивногорье! Антология Всесоюзных ударных комсомольскихстроек. М. : Молодая гвардия, 1982. 208 с.
10. Штейнберг И. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М. : ВЦИОМ, 2021. 300 с.
11. Правда. 08.07.1956. № 189. С. 2.
12. Правда. 08.05.1956. № 129. С. 1.
13. Правда. 31.05.1956. № 152.
14. Правда. 16.10. 1957. № 289. С. 3.
15. Альтюссер Ж.П. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследователей) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 10.02.2022).
16. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
17. Ильинский И.М. Государственная молодежная политика в СССР. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. 217с.
18. Пользование социальными сетями и мессенджерами // Фонд Общественное мнение. 22.11.2018. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14137> (дата обращения: 13.02.2022).
19. Tafheem N., El-Gohary H., Sobh R. Social Media User-Influencer Congruity: An Analysis of Social Media Platforms Parasocial Relationships // International Journal of Customer Relationship Marketing and Management. 2022. № 13 (1). P. 1–26. doi: 10.4018/IJCRM.289213
20. Касамара В.А., Сорокина А.А., Шилина А.Н. YouTube-блогеры как агенты политической социализации российских школьников // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2021. № 3. С. 7–21.
21. Redlawsk D.P., Lau R.R. The Oxford Handbook of Political Psychology. 2 ed. Behavioral Decision-Making, 2013. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.000
22. Севостьянов Д.А., Калошина Т.Ю., Гайнанова А.Р. Исследование целеполагания у современных студентов // Профессиональное образование в современном мире. 2021. С. 33–41.
23. Айзенк М., Брайант П., Куликэн Х. Психология: комплексный подход. Минск : Новое знание, 2002. 832 с.
24. Одиночество и как с ним бороться // ВЦИОМ. 19.08.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 13.02.2022).
25. Доверие институтам // Левада-центр. 21.09.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 13.02.2022).
26. Edelman Z. The power of Gen Z. Trust and the future consumer. 2021. URL: <https://www.edelman.com/future-consumer> (дата обращения: 14.02.2022).
27. Навигатор цифровой трансформации: Agile-подход в государственном управлении: электронное издание / под ред. Е.Г. Потаповой. М. : РАНХиГС, 2019. 162 с.

References

1. Krivoruchenko, V.K. (n.d.) Komsomol'skie stroyki [Komsomol construction sites]. In: *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: bigenc.ru/domestic_history/text/2087957 (Accessed: 03.08.2021).
2. Rossiya – strana vozmozhnostey [Russia – a Country of Opportunity]. (n.d.) *O nas. Obshchaya chislennost' uchastnikov proektov platformy* [About Us. The total number of participants in the platform's projects]. [Online] Available from: <https://rsv.ru/about-us/> (Accessed: 30.03.2021).
3. Vserossiyskaya perepis' naseleniya [All-Russian population census]. (2021) *Obshchaya chislennost' molodezhi v RF* [The total number of young people in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.strana2020.ru/mediaoffice/kak-menyatsya-molodezh-i-cto-pokazhet-perepis-/> (Accessed: 30.03.2021).
4. Regnum. (2020) Podvedeny itogi foruma "Territoriya smyslov" [The results of the forum "Territory of Meanings" were summed up]. *Regnum*. 02 September. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/society/3051825.html> (Accessed: 30.03.2021).
5. Il'in, E.P. (2014). Motivatsionnye ustanovki [Motivational attitudes]. *PsyEra*. [Online] Available from: https://psyera.ru/motivatsionnye-ustanovki_7536.htm (Accessed: 11.02.2022).
6. Charmaz, K. (2006) *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. SAGE.
7. Navaro-Yashin, Y. (2002) *Faces of the State: Secularism and Public Life in Turkey*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
8. Rastoskuev, B.A. (1992) *Krasnoyarskaya GES: lyudi i sversheniya* [Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station: People and achievements]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
9. Zikov, V. (1982) *Slushayte Divnogoriyu! Antologiya Vsesoyuznykh udarnykh komsomol'skikh stroek* [Listen to Divnogoriya! Anthology of All-Union shock Komsomol construction projects]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Steinberg, I. (2021) *Metod "dlinnogo stola" v kachestvennykh polevykh sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [The "Long Table" Method in Qualitative Field Sociological Research]. Moscow: VTsIOM.
11. *Pravda*. (1956) 08 July. 189. P. 2.
12. *Pravda*. (1956) 08 May. 129. P. 1.
13. *Pravda*. (1956) 31 May. 152.
14. *Pravda*. (1957) 16 October. 289. P. 3.
15. Althusser, L.P. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovateley) [Ideology and ideological state apparatuses. (Notes towards an investigation)]. Translated from French by S. Ryndin. *Neprikosnovenny zapas*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (Accessed: 10.02.2022).
16. Grushin, B.A. (2001) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina* [Four Lives of Russia in the Mirror of Public Opinion Polls. Essays on the Mass Consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin]. Vol. 1. Moscow: Progress-Traditsiya.
17. Il'inskiy, I.M. (2017) *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v SSSR* [State Youth Policy in the USSR]. Moscow: Moscow University for the Humanities.
18. Fond Obshchestvennoe mnenie. (2018) Pol'zovanie sotsial'nymi setyami i messendzherami [Use of social networks and messengers]. *Fond Obshchestvennoe mnenie*. 22 November [Online] Available from: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14137> (Accessed: 13.02.2022).
19. Tafheem, N., El-Gohary, H. & Sobh, R. (2022) Social Media User-Influencer Congruity: An Analysis of Social Media Platforms Parasocial Relationships. *International Journal of Customer Relationship Marketing and Management*. 13 (1). pp. 1–26. DOI: 10.4018/IJCRM.289213
20. Kasamara, V.A., Sorokina, A.A. & Shilina, A.N. (2021) YouTube bloggers as agents of political socialization of Russian pupils. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 3. pp. 7–21. (In Russian).
21. Redlawsk, D.P. & Lau, R.R. (2013) *The Oxford Handbook of Political Psychology*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.000
22. Sevost'yanov, D.A., Kaloshina, T.Yu. & Gaynanova, A.R. (2021) Research on the goal setting by modern students. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 3 (11). pp. 33–41. (In Russian). DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-04
23. Eysenck, M., Bryant, P. & Coolican, Kh. (2002) *Psikhologiya: kompleksnyy podkhod* [Psychology: An integrated approach]. Translated from English. Minsk: Novoe znanie.
24. VCIOM. (2021) Odinochestvo i kak s nim borot'sya [Loneliness and how to fight it]. *VCIOM*. 19 August. [Online] Available from: <https://vciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsya> (Accessed: 13.02.2022).
25. Levada-tsentr [Levada Center]. (2020) Doverie institutam [Trust in Institutions]. *Levada-tsentr* [Levada Center]. 21 September. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (Accessed: 13.02.2022).
26. Edelman, Z. (2021) *The power of Gen Z. Trust and the future consumer*. [Online] Available from: <https://www.edelman.com/future-consumer> (Accessed: 14.02.2022).
27. Potapova, E.G. (ed.) (2019) *Navigator tsifrovoy transformatsii: Agile-podkhod v gosudarstvennom upravlenii* [Navigator of Digital Transformation: Agile approach in public administration]. Moscow: RANEP.

Информация об авторах:

Касамара В.А. – канд. полит. наук, директор Института прикладных политических исследований, доцент департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: vkasamara@hse.ru

Чебанова Д.С. – студент образовательной программы «Политология» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: dschebanova@edu.hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Kasamara, Cand. Sci. (Political Science), head of the Institute for Applied Political Studies, associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation) E-mail: vkasamara@hse.ru

D.S. Chebanova, student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation) E-mail: dschebanova@edu.hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022;
одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 17.02.2022;
approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 351
doi: 10.17223/15617793/477/10

Замысел и практики экспертизы в российской системе возрастной классификации медиаконтента

Юлия Александровна Крашенинникова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, jkrashennnikova@hse.ru

Аннотация. Рассматриваются реальные функции использования экспертного знания в защите детей от потенциально вредной для них информации в России. Анализируется, каким образом дизайн экспертизы определяет особенности ее проведения на практике, как установленные правила приводили к отбору определенных экспертов и для кого эта экспертиза оказалась востребованной. Показано, что, созданный как независимый арбитраж, этот вид экспертизы за почти десять лет своего существования не оформился в значимый институт.

Ключевые слова: экспертиза, детская информационная безопасность, возрастная классификация информационной продукции, эксперты

Источник финансирования: Статья подготовлена по материалам исследовательского проекта «Практики экспертизы в российском государственном управлении», реализованном автором в 2016–2019 гг. при финансовой поддержке Фонда «Хамовники» (грант № 2016 002).

Для цитирования: Крашенинникова Ю.А. Замысел и практики экспертизы в российской системе возрастной классификации медиаконтента // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 95–104. doi: 10.17223/15617793/477/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/10

Design and practices of experts' work in the Russian Age Rating System

Yulia A. Krashennnikova¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, jkrashennnikova@hse.ru

Abstract. The article deals with experts' contribution to the Russian Age Rating System. It aims to understand the real functions of this new type of experts' work created in 2012: Does it provide conflict resolution in this system, work as a barrier for unwelcome content, or help to appropriate implementation of the law on the media safety of children? For this purpose, the author analyzed the institutional design of this experts' work and its place in the system of children's information security, drew the generalized portrait of experts and expert organizations, and studied the practices of initiating examinations, as well as interactions between experts and their clients. The research is based on biographical and other data from the registers of accredited experts and expert organizations, the results of all expert examinations from the start of the system to the end of 2021, laws and regulations, and semi-structured interviews with experts themselves. The author found that experts' work, which had been introduced into the Russian Age Rating System as a means of resolving disputes and doubts or as independent arbitration, never formed a significant institution for almost ten years of its existence. The contradictions of design due to optionality, the market method to engage experts, and the weak regulation of procedures cause its weakness. The rules of experts' activity arise spontaneously, they are implicit and local, and the expert body's composition is heterogeneous. However, the design problems have a dual impact. On the one hand, they do not contribute to the development of expert activity and do not ensure demand for it. On the other hand, they create opportunities for modeling the results of expert examinations in accordance with clients' interests through the selection of a suitable expert and informal communications prior to the conclusion of the contract with an expert, and it is not necessarily corruption. So, expert knowledge is used very selectively. Demand for it does not correlate with the proportions of classification's violations in different media. Rather, it reflects the activity of individuals among stakeholders who pay attention to this expert institution for ideological reasons or considerations of a moment.

Keywords: expert examination, children media safety, age classification system, age ratings, experts

Financing: The article was prepared based on the materials of the research project implemented by the author in 2016–2019 and supported by the Khamovniki Foundation (Grant No. 2016 002).

For citation: Krashennnikova, Yu.A. (2022) Design and practices of experts' work in the Russian Age Rating System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 95–104. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/10

Десять лет назад в России появился новый вид экспертизы, применяемой в государственном управлении. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436 от 29 декабря 2010 г. (далее – закон) ввел с 2012 г. возрастную классификацию медиаконтента, а также специальную процедуру экспертной оценки как способ минимизации вольных трактовок и злоупотреблений в классификации. Практика этой экспертизы на протяжении почти десятилетия является подходящим материалом для анализа того, каким образом заданный государством дизайн экспертной деятельности влияет на ее практические функции и смыслы. Она затрагивает и более широкую проблему государственного управления – расхождения между предназначением новых институтов или правовых механизмов и их реальным применением.

Несмотря на разнообразие сюжетов и дисциплинарные различия в академических дискуссиях по поводу того, как государства используют экспертные или научные знания, общим лейтмотивом можно назвать признание отличия экспертизы от строго научной деятельности. Например, как отмечал социолог П. Вейнгард, наука, используемая политиками и государственными управлениями для принятия решений, неизбежно политизируется [1]. Авторы концепта «уполномоченной науки» (mandated science) указывали, что ее образ идеализирован: она представляется ценностно нейтральной, способной давать безусловно достоверные результаты и основанной на рецензировании коллегами, но на практике не соответствует этому идеалу [2]. Исследователи включают в функции экспертизы, помимо предоставления научно-технической информации по запросу властей, прежде всего легитимацию решений и символическое использование знания [3–7]. Такой функциональный подход позволяет избежать идеализма в оценках экспертизы и выйти за пределы измерения ее эффективности в критериях научности. Важность приобретает сама механика экспертных процедур, а не только их конечный результат.

Привычная исследовательская рамка обращения к экспертизе информационной продукции для детей в российском контексте – это констатация несовершенств ее нормативного устройства и обсуждение путей исправления ситуации для того, чтобы она была действенным инструментом обеспечения детской медиабезопасности [8–13]. Настоящая работа рассматривает предмет с иной точки зрения. Ее цель – понять, какие функции этот правовой институт выполняет на практике. Ключевые вопросы здесь следующие. Какой экспертизы можно было ожидать, исходя из требований законодательства к ней? Каким образом установленные правила приводили к отбору определенных экспертов? Для кого эта экспертиза оказалась востребованной, кто вовлечен в ее производство?

В работе использовались два типа данных и методов их анализа. Основным было кодирование массива фактической информации о составе экспертов и о результатах экспертиз за 2013–2021 гг. (за 2013–2017 гг. были также доступны сами тексты заключений). Сведения из реестров аккредитованных экспертов и экспертных организаций Федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций РФ (Роскомнадзора России) были дополнены результатами поиска из открытых источников, в основном – официальных сайтов мест работы экспертов и СМИ. Итоги кодирования позволяют увидеть общую картину, построить типологии экспертов и экспертиз, определить тенденции и пропорции. Наиболее значимые результаты представлены в табл. 1–3.

Для выявления мотивации экспертов и алгоритмов их работы проводились полуструктурированные интервью с 10 аккредитованными экспертами (7 из них имели практический опыт) и двумя производителями экспертируемой медиапродукции¹. Интервью состоялись в 2017–2018 гг. в пяти регионах России, включая Москву, расшифровки аудиозаписей тематически кодировались. Количество интервью небольшое, однако и общее число практикующих экспертов тоже не большое.

Таблица 1

Характеристики аккредитованных экспертов

Общие данные	Чел.	География	%	Базовое образование	%	Тип занятий	%
Всего было аккредитовано экспертов к 13.01.2022	189	Москва	23	Психология	23	Психолог-практик	23
		Амурская область	10	Педагогика (в том числе дошкольная)	20	Общественник (НКО)	14
Из них в реестре на 13.01.2022	81	Самарская область	7	Филология/лингвистика	20	Академический психолог	13
		Хабаровский край	6	Другая школьная дисциплина	17	Филолог/лингвист	13
Всего проведенных экспертиз	34	Алтайский край	5	Юриспруденция	8	Суд. эксперт или юрист	11
		Иркутская область	5	Медицина	4	Академический педагог	8
Из них в реестре на 13.01.2022	13	Тюменская область	5	Другое	8	Нет данных	5
		Красноярский край	4	Эксперты с ученой степенью	46	Академ. гуманитарий	3
		Другие регионы	35	Переподготовка по психологии или педагогике	12	Специалист в области медиа	3
						Школьный педагог	3
						Медик	2
						Другое	2

Таблица 2

Характеристики экспертных организаций

Тип экспертных организаций	Всего аккредитованных организаций	Организации, которые проводили экспертизы (в скобках — количество экспертиз)	Количество организаций в реестре на 27.01.2022
Всего организаций	26	11	15
Центры судебной и др. экспертиз	6	5 (86)	4
НКО	4	2 (43)	2
Вузы	6	2 (3)	1
Социальные учреждения	4	1 (24)	4
Другое	6	1 (1)	4

Таблица 3

Характеристики экспертиз информационной продукции (2013–2021 гг.)

Исполнитель	Кол-во экспертиз	Вид контента	% от 316 экспертиз	Тип заказчика	Кол-во экспертиз	Кол-во заказчиков
Всего	316	Обучающие материалы	23,7	Производитель или распространитель контента	193	63
Эксперты	193	Книги	20	Орган власти и подведомств. организация	60	40
Эксп. организации	123	Интернет-страницы	15,8	НКО	23	9
Год		Кино (фильмы и трейлеры)	10,4	Гражданин	20	19
2013	17	Представления	10	Организация-посредник	15	6
2014	6	Игры	3,5	Нет данных	5	—
2015	11	Песни	3,2	Итого	316	137
2016	26	Реклама	2,3			
2017	45	Публикации сетевых СМИ	1,9			
2018	38	Публикации прессы	1,9			
2019	57	ТВ-программы	1,6			
2020	58	Другое	5,8			
2021	58					

На тот момент были получены мнения примерно трети из них, что позволяет делать некоторые обобщения о практиках экспертной работы.

Формирование института экспертизы

Для понимания дизайна экспертизы информационной продукции важен контекст ее появления. Она призвана обслуживать национальную систему, классифицирующую медиаконтент в зависимости от вероятного негативного воздействия на детей разных возрастов.

В 1990–2000 гг. возрастные рейтинги стали повседневностью медиаполитики во многих странах, где они воспринимались преимущественно как рекомендательный инструмент для родителей [14]. Как показывают исследования зарубежного опыта, конечная результативность возрастной классификации была и остается проблемной в силу появления новых коммуникационных технологий, поведения родителей, недостаточной ответственности участников медиарынка и других причин [15–21]. Возрастные рейтинги не отличаются гибкостью и в целом не сильно способствуют снижению уровня насилия и другой потенциально вредной информации в массмедиа [17, 18, 20]. Родители считают их недостаточно информативными [16, 19, 21].

Хотя Россия с запозданием присоединилась к этому глобальному тренду медиаполитики, ее систему возрастной классификации сложно назвать заимствованной. В рамках концепции трансферта политик

(policy transfer) ее стратегию можно было бы назвать избирательной имитацией: комбинируются элементы из разных национальных моделей при сильном влиянии местного контекста [22]. Российский вариант имеет свою существенную специфику благодаря следующей конфигурации основных параметров. Во-первых, возрастная классификация распространяется на максимально широкий круг контента. Во-вторых, перечень запрещенной для детей информации обширен и содержит расплывчатые формулировки (например, «оправдывающая противоправное поведение» и «отрицающая семейные ценности»). В-третьих, задача классификации возлагается на самих участников медиарынка. Фактически система построена на презумпции того, что не обязательно быть специалистом по детскому развитию, чтобы обнаружить возможный вред для ребенка. Это распространенный вариант в мировой практике (часто применяется на телевидении и в производстве компьютерных игр), однако не в сочетании с первыми двумя параметрами [14]. Их комбинация в российском законодательстве делает классификацию уязвимой для нарушений и создает условия для выборочного применения установленных правил.

Экспертам в этой системе отводится вспомогательная роль. Они появляются в ситуациях, когда кто-то не согласен с уже присвоенной маркировкой либо сам участник рынка сомневается в своей компетенции. Профессионал, обладающий углубленными познаниями в детской психологии, по сути, является «третьей стороной», которая должна выносить объек-

тивные и аргументированные решения в затруднительных ситуациях. Правовое последствие экспертизы имеет в действии надзорного органа: на ее основании Роскомнадзор принимает решение, соответствует ли конкретная маркировка требованиям закона или нет, и выносит предписание об устранении нарушения. Экспертизу имеют право проводить люди и организации, аккредитованные Роскомнадзором. Присваивая статус эксперта, ведомство формирует экспертный корпус, причем закон на равных рассматривает экспертов-физических лиц и экспертные организации.

В России идея возрастной классификации медиаконтента очень долго, более десяти лет, обсуждалась в Госдуме, и принятый закон существенно отличался от первоначального варианта. На разных этапах работы с законопроектом менялась и конфигурация экспертной деятельности, включая такие параметры, как задачи (изначально речь шла о классификации всей информационной продукции, затем лишь о спорных случаях), заказчик, а также способ выбора эксперта [23]. В итоге модель экспертизы получилась уникальная, отличающаяся как от зарубежных вариантов, так и от решений, апробированных в других отраслях в РФ. При этом конечный результат не был воплощением какого-то проработанного первоначального замысла, а сложился под давлением обстоятельств.

Ключевые характеристики этой экспертизы таковы: 1) предназначена для фиксации надзорным органом нарушения закона; 2) необязательна для участников рынка; 3) имеет рыночно-договорную основу (заказчиком может быть кто угодно; заказчик сам выбирает эксперта; отношения эксперта и его заказчика договорные, включая определение размера оплаты).

Экспертный корпус: ожидания и реальность

Вне зависимости от сферы экспертизы процесс отбора экспертов является одной из «организационных предпосылок» ее устройства [24. С. 446] и влияет на внутреннюю механику работы института, а также определяет его авторитет в обществе. В нашем случае он особенно значим, поскольку, как показывают исследования возрастной классификации фильмов, рейтинг медиаконтента в итоге зависит от того, кто оценивает – представитель академической среды, родители или участник медиарынка [20].

По задумке законодателя и с точки зрения заинтересованных сторон, экспертами являются профессионалы в области детского развития. Из приказа Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 29 августа 2012 г. № 217 «Об утверждении порядка проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей» следует, что эксперты способны разработать и провести исследование возможного влияния конкретной информации на ребенка. Однако нормативные условия присвоения статуса давали возможность признавать экспертами людей, чьи познания в данной предметной области не отличаются от носителей профанного знания². Аналогично экспертной организацией может быть признана не только та, что специ-

ализируется в области детской психологии, но и любая другая, в штате которой есть три сотрудника, соответствующих требованиям к экспертам – физическим лицам. По словам одного из информантов, *«процедура аккредитации настолько упрощенная, что теряет какой-то смысл вообще»* (инф. 1).

Как видно из табл. 1, лишь примерно половина из аккредитованных за все время людей соответствует ожиданиям об экспертах-профессионалах в области детской психологии: имеют специальное образование, принадлежат к академическому миру, работают в сфере возрастной психологии.

Распределение между регионами проживания экспертов также неоднородное: представлены только 38 субъектов РФ, а география причудлива. Если в регионе аккредитовано несколько экспертов, чаще всего они вместе работают либо связаны сотрудничеством с одной НКО. Из интервью и публикаций в СМИ известно, что в некоторых регионах инициатором аккредитации местных экспертов был орган власти в сфере образования или Уполномоченный по правам ребенка. Так, по словам одного из информантов, местные чиновники *«собирали группу людей, компетентных в возрастной и общей психологии и интересующихся именно этой сферой деятельности»*, причем *«предпочтение отдавалось кандидатам психологических наук»* (инф. 6), и курировали отправку документов на аккредитацию. То есть, по сути, власти провели предварительный отбор специалистов. Распространена и практика дублирования: сотрудники экспертных организаций также получают аккредитацию как индивидуальные эксперты.

Личные мотивации к тому, чтобы получить статус эксперта, как показали интервью, могут быть самые разные. Аккредитация рассматривается и как условие участия в защите детей (*«нужно предупреждать родителей, чтобы защищать детей»*, инф. 2), и как инструмент, позволяющий быть более убедительным в иной экспертной деятельности (*«на всякий случай»*, инф. 4), и как способ развивать свой собственный профессионализм (*«интересно для профессионального развития»*, инф. 6; *«в русле исследовательской работы»*, инф. 9). Однако практической экспертной работой занимались немногие – лишь 17% аккредитованных лиц. Еще меньше тех, кто делал это регулярно, причем для них детская психология не является основной сферой деятельности.

Экспертные организации в целом оказываются более активными и востребованными, чем индивидуальные эксперты. Хотя их число гораздо меньше и среди них меньше половины вообще проводили экспертизы (см. табл. 2), они выполнили около 40% всех работ. Состав организаций так же, как и экспертов, весьма разнообразен.

Если исходить из идеалистичного представления об экспертах как носителях узкоспециализированного знания, в этом поле видно ядро «настоящих» экспертов и множество субъектов, такому представлению не соответствующих. Однако если ориентироваться на практические смыслы данной экспертизы, можно выделить четыре основных типа субъектов, для каждого из которых получение аккредитации выглядит логичным способом достижения своих целей:

1. «Академические» эксперты, соответствующие представлению о «настоящих» экспертах. Для кого-то (например, сотрудников профильных кафедр педагогики и психологии) экспертиза действительно является приложением их узкоспециализированных знаний, а также служит свидетельством их признания и востребованности. Эта группа многочисленна, но не активна, и многие не стали проходить переаккредитацию через 5 лет. Как видно из интервью, такие люди периодически участвуют также в психолого-педагогических, психолого-лингвистических и иных экспертизах, т.е. в принципе востребованы именно как эксперты в области детской психологии, но не в данном виде экспертизы.

2. «Профессиональные» эксперты. Это экспертные центры, судебные эксперты, эксперты-лингвисты, для которых проведение разного рода экспертиз (в основном судебных) является основным профессиональным занятием. Получение аккредитации Роскомнадзора дает таким субъектам возможность расширить спектр своих услуг и новые возможности заработка, чем они, судя по статистике экспертных заключений, действительно пользуются.

3. «Общественные» эксперты. Им экспертный статус нужен для борьбы с медиаконтентом, который они считают неприемлемым. Такие люди и организации видят свою задачу в общественном контроле над соблюдением закона. Проведение экспертиз своими силами становится для них тактикой оптимизации этого контроля, позволяющей максимально просто подтвердить свою правоту. Эта группа довольно активна, как и предыдущая, причем в их активе — наиболее резонансные и спорные экспертизы.

4. Наконец, есть эксперты и организации (например, детские библиотеки и подведомственные организации Роскомнадзора), для которых экспертный статус, вероятно, мог быть нужен для подстраховки: для того, чтобы обезопасить себя от возможных претензий контрольных органов [25] либо чтобы не искать исполнителя экспертизы «на стороне». Однако на практике аккредитация редко пригождается. Так, организации Роскомнадзора, когда возникла необходимость в проведении экспертизы, предпочитали заказывать ее у сторонних экспертов.

Мы видим, что с учетом неоднородности состава экспертов, а также очень большого разрыва между числом аккредитованных лиц и тех, кто действительно оказывает экспертные услуги, само понятие «экспертный корпус» приобретает условный характер. Фактически экспертов информационной продукции для детей как особой социальной группы, объединенной родом деятельности, не существует.

Востребованность экспертизы

Необязательность экспертизы и отсутствие инициативы у самих экспертов не способствуют большому спросу на нее. Как категорично отметил один из экспертов, *«закон [в части, касающейся экспертизы] — не работающий и не действующий, потому что производитель может ее заказать или не заказать...»*

(инф. 5). По словам другого информанта, *«это официальными органами не часто востребовано, и производителям это не надо, и государству в каком-то смысле не очень надо»* (инф. 2).

Однако обращения к экспертам все-таки есть, и самая активная и многочисленная группа — участники медиарынка, на которых приходится 45% от всех заказчиков и 74% экспертиз (см. табл. 3). Примерно четверть от числа заказчиков — органы власти (в основном органы прокуратуры, МВД и Роспотребнадзора) и подведомственные им учреждения, организовавшие 29% всех экспертиз. Третья заинтересованная сторона — общественность (НКО и физические лица) ожидаемо из-за платности экспертизы менее инициативна, однако именно с ней связаны случаи самых резонансных и неоднозначных экспертиз. Последний, редкий тип заказчиков можно обозначить как посредников (юридические, маркетинговые или аудиторские компании). Их запрос на экспертизу, вероятно, мог быть связан с судебными делами или с общей проверкой деятельности клиентов.

Состав заказчиков и диапазон интересующего их медиаконтента в динамике за десятилетие свидетельствуют, что в целом заинтересованные стороны в России мало знакомы с этим видом экспертизы. При этом формирующиеся тренды все более отдалают ее применение от тех функций, что были заложены законодателем в ее дизайн, а именно от решения спорных случаев и затруднений в классификации.

Во-первых, среди заказчиков наблюдаются «активисты», среди заказчиков приходится значительная часть инициированных экспертиз. Их появление невозможно объяснить объективными причинами. Например, из всех театров России экспертизу заказывали только учреждения, подведомственные Краснодарскому министерству культуры. Среди органов власти наибольшее число обращений к экспертам — у прокуратуры Тюменской области и УВД по городу Тюмень. Из общественных структур заметную активность проявляла общественный уполномоченный Санкт-Петербурга по защите семьи О.Н. Баранец.

Во-вторых, пропорции между типами экспертируемой продукции никак не коррелируют с объемами отдельных сегментов российского медиарынка или с объемами нарушений возрастной маркировки³. Например, на новые книги приходилось больше экспертиз, чем на интернет-страницы, и заказывали их лишь несколько крупных издательств (см. табл. 3). Хотя в последние годы социальные сети (в основном «ВКонтакте») становятся основным предметом внимания заказчиков экспертиз, особенно силовых структур.

В-третьих, заметная доля экспертиз приходится на учебно-просветительские видеоролики, сайты, полиграфические и иные материалы, созданные специально для использования в обучении и воспитании детей. Эта доля была бы еще больше, если бы счет шел по числу единиц информационной продукции (сюда, например, относятся 655 видеороликов детского спецпроекта ИТАР-ТАСС). Причем их число возрастает в последние годы. Оценить их просят сами производители или распространители данных материа-

лов, которые, возможно, опасаются, что контент не будет соответствовать целевой аудитории (например, в антинаркотической рекламе приходится упоминать о факте существования наркотиков).

Однако получается, что экспертиза оказывается востребованной в отношении продуктов, маркировка которых вызывает менее всего вопросов, поскольку они созданы специально для детей и подростков определенных возрастов. По словам одного из информантов, смысл экспертной работы при этом теряется: *«Сложнее оценить фильмы, которые делают с целью профилактики зависимого поведения или суицидальных рисков, то есть которые несут позитивный заряд. В этом случае возникает вопрос: что вообще я должна оценить? Полезен он или нет? Но это не соответствует закону. Я же не могу написать “не вредный”»* (инф. 5).

Органы государственной власти и подведомственные им учреждения заказывают экспертизу тогда, когда им необходимо подтвердить факт нарушения, или реагируя на жалобу со стороны граждан. Подавляющее большинство таких ситуаций было связано со спорами вокруг того, есть ли запрещенная для детей информация (т.е. категории «18+»). Один из приоритетов госорганов – борьба с побуждением к самоубийству, которая носит несколько конъюнктурный характер. Так, в 2016 г. на волне «моральной паники» вокруг проблемы детского суицида в России [27] предметом особого внимания территориальных управлений Роспотребнадзора и местных прокуратур стала книга «50 дней до моего самоубийства», поступившая в продажу с рейтингом «16+» и по результатам двух экспертиз квалифицированная с рейтингом «18+». Второй приоритет – борьба с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений, что наблюдается в конце 2010-х гг.

Однако использование экспертизы госорганами нельзя свести к одной тенденции. В ряде случаев правоохранители прибегали к ней для того, чтобы блокировать распространение противозаконного интернет-контента, хотя для этого можно было бы воспользоваться, например, законодательством об экстремизме или о СМИ, а также правилами социальных сетей и видеохостингов. Одновременно существует и противоположная практика – принуждения к выполнению закона № 36-ФЗ без использования экспертизы. Как показывает анализ судебных решений из ГАС «Правосудие», в последние годы российские суды массово принимали решения о блокировании в РФ интернет-страниц по искам органов прокуратуры или Роскомнадзора на том основании, что там контент «18+» доступен неограниченному кругу лиц, в том числе детям. Среди них – порносайты, группы «ВКонтакте», посвященные тюремной культуре и оскорбляющие правоохранительные органы, интернет-магазины по продаже табачной продукции и сайты, где размещена информация, явно пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения» (цит. по решению Центрального районного суда г. Барнаула от 21 мая 2019 г. по делу № 2а-3046/2019). При этом никакой экспертизы не проводилось, т.е. для возрастной классификации контента эксперты оказались не нужны, с этой задачей органы прокуратуры и судьи справлялись самостоятельно.

Такие расхождения могут свидетельствовать о неустойчивости исследуемого института экспертизы: он пока не воспринимается заинтересованными сторонами так, как функционально его определил закон – как источник легитимного знания о том, опасен ли конкретный медиаконтент для детей.

О том, благоприятен или нет был результат экспертной деятельности для заказчика, можно уверенно говорить лишь для тех экспертиз, тексты заключений которых были доступны для анализа (с 2013 по 2017 г. включительно). Среди них неблагоприятных – только 16%. То есть задача легитимации мнения заказчика превалирует над задачей предоставления специализированного знания. Процедурные факторы, определяющие такую картину, рассмотрены далее.

Взаимодействие заказчиков и экспертов

Процедуры взаимодействия участников экспертизы нормативно регламентированы слабо и сводятся к рыночно-договорным отношениям. Как они выглядят на практике, можно отчасти реконструировать, опираясь на результаты интервью с экспертами.

Подбор эксперта идет разными способами. Во-первых, через личные контакты. Причем знакомство может быть и опосредованным: *«Я просто в родительском сообществе участвую... Родители [с жалобами] обращались в эту организацию, а там уже переадресовали ко мне»* (инф. 2). Во-вторых, заказчик подбирает незнакомого ему эксперта из реестра, а иногда и делает рассылку по определенному кругу адресатов. В этом случае он ориентируется на результаты его предыдущей работы: *«Спросила, почему именно ко мне, сказали: у Вас много проведено экспертиз, мы рассчитываем на Ваш опыт»* (инф. 9). Это частично объясняет, почему так мало аккредитованных экспертов проводили экспертизы. В-третьих, в интервью упоминалась возможность обратного инициирования: эксперт сначала сам обнаружил нарушения в медиаконтенте, а затем пытался подобрать формального заказчика для экспертизы.

Эксперты также имеют возможность выбора заказчика и иногда отказываются от предложений. Самая очевидная причина отказа – просьба заказчика дать заключение с определенным результатом: *«Грубо говоря, говорят: “Вот нам надо, чтобы было так”. Это неприемлемо»* (инф. 10). Также бывает, что эксперт не видит смысла в результатах экспертизы (например, если фильм уже вышел в прокат или телепрограмма вышла в эфир) или ему непонятна ценовая политика заказчика.

Далее, стороны могут не дойти до заключения официального договора по результатам предварительной, неофициальной оценки контента. Заказчику может не понравиться будущий результат экспертизы: *«Ко мне обращались, просили сделать заключение “16+”, я посмотрела материал и сказала, что категорически будет “18+”. Они сказали: “Ну, тогда мы не будем Вам заказывать экспертизу”»* (инф. 10). С другой стороны, и эксперт может не взяться за работу, если не нашел нарушений: *«...я берусь, когда*

что-то вредное вижу, когда мне кажется, что это опасное и детей защитить надо» (инф. 2).

В рыночных отношениях также неизбежно возникает вопрос оплаты. Проблемы демпинга среди экспертов на практике нет, поскольку и конкуренции между ними нет. Информанты не рассматривали это занятие как основной источник дохода и ожидали лишь компенсации своих трудозатрат, и даже если ими движет мотивация защиты детей, были готовы работать бесплатно или за минимальные деньги: «Я экспертизу делаю не из корыстных соображений» (инф. 2), «я, например, называю не очень высокую стоимость экспертизы, но опять же, это зависит от ситуации, от личной симпатии, от желания работать с тем или иным продуктом» (инф. 9); «первый раз, когда к нам так обратились, мы сделали бесплатно, просто для приобретения опыта» (инф. 4).

Более актуальны две другие проблемы, связанные с оплатой: определения цены и источника средств. Для экспертов, которые ранее подобной работой не занимались, сложно решить, сколько она стоит, тем более что торг в целом для них некомфортен: «Вот пишут в письме: установите свои цены и сроки. И ты сидишь, глазами хлопаешь, потому что непонятно, из каких соображений эти цены выбирать...» (инф. 3). Сложности с источником оплаты возникают прежде всего у родителей или общественников – просто нет денег. Поэтому для них оказывается удобной стратегия работы со своими собственными экспертами – членами той же или дружественной НКО. Для заказчиков – юридических лиц дополнительной проблемой становится поиск того, на какую статью расходов включать этот платеж в бухгалтерской отчетности.

Были попытки решения этих проблем региональными властями. По словам одного из информантов, в его регионе вопрос о расценках обсудили на общем собрании экспертов, и «потом был издан приказ управления о том, что на основании собрания профессионального сообщества цены такие-то» (инф. 6). В Санкт-Петербурге была попытка, правда, неудачная, обязать оплачивать из бюджета города экспертизы, заказанные Законодательным собранием или детским омбудсменом [28].

Разные типы экспертов в разной степени готовы к коммуникации в рамках ролей «клиент и исполнитель», которая предшествует экспертному исследованию. В наиболее выгодном положении оказываются люди и организации, ранее работавшие на рынках экспертных услуг (например, судебные эксперты), поскольку у них такие правила уже сформированы: известны расценки, налажены механизмы поиска и общения с заказчиками. Экспертам-общественникам отсутствие детализированных процедур взаимодействия с заказчиками также скорее полезно – оно позволяет фактически игнорировать рыночные рамки экспертизы и использовать свои полномочия для борьбы с контентом, опасным для детей. Наименее же приспособленными к таким условиям работы оказываются эксперты из академической среды, хотя они в наибольшей степени соответствуют критериям обладателей экспертного знания в данной сфере.

Помимо заказчиков и экспертов, заинтересованной стороной является Роскомнадзор, основной потребитель результатов экспертизы. Однако для наших информантов взаимодействие с ведомством ограничивалось формальным документооборотом: «...мы приносим в Роскомнадзор заключение, там человек в окошечке сидит и проверяет полноту представленных документов, но, естественно, он не вчитывается. А дальше это вывешивается на сайт» (инф. 10). Такой характер коммуникаций создает у самих экспертов представление о том, что помимо публичной работы ведомства по исполнению закона есть какая-то кулуарная, теневая. В интервью они высказывали предположения, что «у Роскомнадзора есть пул каких-то своих экспертов, с которыми они сотрудничают» (инф. 9), что часть экспертных заключений «кто-то в частном порядке проводит» и их не выкладывают на сайт (инф. 1). Все это усиливает общую картину отсутствия четких внешних правил и процедур экспертизы.

Заключение

То, что экспертиза не стала заметной частью системы возрастной классификации медиаконтента в России, отчасти обусловлено противоречиями, заложенными в ее дизайн законодателем, включая слабую регламентацию правил отбора экспертов и проведения экспертиз. Мы видим, что в такой «рыхлой» нормативной среде заинтересованные стороны пытались формировать свои правила, пусть неявные и локальные (инициативы региональных властей по аккредитации экспертов и ценообразованию или вырабатываемые отдельными экспертами алгоритмы взаимодействия с заказчиками).

В сравнении с многими другими видами экспертиз, используемыми в отечественном государственном управлении, здесь сильно размыт сам экспертный статус. Хотя устройство экспертизы предполагает под экспертами специалистов по детскому развитию, способных провести научное исследование, их состав куда разнообразнее – и в плане профессионального опыта и знаний и в плане мотивации. Фактически аккредитация стала способом получения экспертного статуса для разных целей (для борьбы с нежелательным медиаконтентом, для заработка, для развития профессиональных компетенций, для повышения репутации), в том числе и «на всякий случай».

Проблема того, что полученный экспертный статус многими не используется по прямому назначению, не уникальна. Например, в первые годы после введения антикоррупционной экспертизы нормативных актов в России в ней участвовало всего 3–8% аккредитованных экспертов [29]. Однако низкая востребованность экспертизы информационной продукции и выявленные практики взаимодействия экспертов и их заказчиков позволяют сомневаться в том, что данная проблема может быть устранена.

Устройство исследуемой экспертизы является специфическим, сложившимся под давлением обстоятельств конструктом в рамках особой российской системы возрастной классификации медиаконтента. Трудно

найти ее аналоги за рубежом и представить, как она могла бы работать в других внешних условиях. Вместе с тем очевидно, что то, что экспертиза в первые годы своего существования не справлялась с миссией независимого арбитра, связано с тем, что сама система ориентирована не на информирование родителей о его

потенциальном вреде для детей, а на тотальную защиту детей от опасной, по мнению законодателя, информации. Экспертиза в ней оказывается ситуативно востребована не как источник знания, а как инструмент борьбы или защиты отдельных игроков этой системы, и в этом смысле она политизируется.

Примечания

¹ Все разговоры проводились на условиях анонимности. В тексте статьи цитаты из них выделены курсивом с указанием порядкового номера информанта. Автор выражает глубокую благодарность участникам интервью за помощь в проведении исследования.

² Согласно закону, эксперты «должны иметь высшее профессиональное образование и обладать специальными знаниями, в том числе в области педагогики, возрастной психологии, возрастной физиологии, детской психиатрии» (п. 5 ст. 17 закона). Такая формулировка позволяет аккредитовать любого человека, у которого в дипломе есть указанные дисциплины, без учета того, в каком объеме ему они преподавались. Дополнительных условий лишь два: отсутствие опыта правонарушений определенного рода и конфликта интересов. Требования к опыту работы по специальности нормативно не зафиксированы, хотя в аккредитационном пакете документов нужно представить копию трудовой книжки (в соответствии с Приказом Роскомнадзора России от 24 августа 2012 г. № 824 «Об утверждении порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции»).

³ Например, согласно исследованию А.В. Шарикова с коллегами [26], только 39,65% эфирных элементов ведущих российских телеканалов имели возрастную маркировку и из них только 0,32% были маркированы «18+», в то время как значительная часть программ шла со знаком «16+». По мнению его авторов, телеканалы вместо применения закона обращаются к стереотипу советской эпохи, когда существовало деление контента на «для детей» и «для взрослых» (16+). В то же время, по нашим подсчетам, лишь 1,6% экспертиз были посвящено телевидению.

Список источников

- Weingart P. Scientific expertise and political accountability: paradoxes of science in politics // *Science and public policy*. 1999. Т. 26, № 3. P. 151–161.
- Salter L., Leiss W., Levy E. *Mandated Science: Science and Scientists in the Making of Public Policy*. Vol. 1: Springer Science & Business Media, 1988.
- Jasanoff Sh. *The Fifth Branch. Science Advisers as Policymakers*. Harvard University Press, 1990.
- Jasanoff Sh. Quality control and peer review in advisory science // *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance* / ed. by J. Lentsch, P. Weingart. Cambridge University Press, 2011. P. 19–35.
- Boswell C. The political functions of expert knowledge: Knowledge and legitimation in European Union immigration policy // *Journal of European Public Policy*. 2008. Т. 15, № 4. P. 471–488.
- Krick E. The epistemic quality of expertise: contextualized criteria for the multi-source, negotiated policy advice of stakeholder for a // *Critical Policy Studies*. 2016. Т. 12, № 2. P. 209–226.
- Zarkin M. Knowledge utilization in the regulatory state: an empirical examination of Schrefler's typology // *Policy Studies*. 2021. Т. 42, № 1. P. 24–41.
- Прудникова О.А. Защита детей в информационной сфере: эффективность нововведений // *Вестник Башкирского университета*. 2013. Т. 18, № 4. С. 1349–1351.
- Полянина А.К. Понятие информационной продукции как ключевой категории системы правового обеспечения информационной безопасности детей // *Lex russica*. 2015. № 11. С. 75–82.
- Майоров В.И., Дорогова Е.В. Проблемы обеспечения безопасности в информационной сфере // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 13. С. 48–55.
- Смирнов К.Б. Особенности оценки рейтинга аудиовизуальной продукции по возрастной классификации в Российской Федерации как важного элемента механизма государственного регулирования // *Петербургский экономический журнал*. 2016. № 3. С. 49–55.
- Гольяпина И.Ю. Законодательство России в области обеспечения информационной безопасности детей // *Эпоха науки*. 2017. № 12. С. 17–25.
- Грудзинский А.О., Полянина А.К. Экспертные оценки продуктов медиаиндустрии: информационная безопасность детей // *Социологические исследования*. 2021. № 7. С. 83–89.
- Крашенинникова Ю. Дети и страхи в массмедиа // *Отечественные записки*. 2013. № 2. С. 191–200.
- Jordan A.B. Children's media policy // *The future of children*. 2008. Т. 18, № 1. P. 235–253.
- Gentile D.A. et al. Parents' evaluation of media ratings a decade after the television ratings were introduced // *Pediatrics*. 2011. Т. 128, № 1. P. 36–44.
- Gosselt J., van Hoof J., de Jong M. Media rating systems: Do they work? Shop floor compliance with age restrictions in the Netherlands // *Mass communication and society*. 2012. Т. 15, № 3. P. 335–359.
- Kaye B.K., Sapolsky B.S. Offensive language in prime-time television: Four years after television age and content ratings // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2004. Т. 48, № 4. P. 554–569.
- Bushman B.J., Cantor J. Media ratings for violence and sex: Implications for policymakers and parents // *American Psychologist*. 2003. Т. 58, № 2. P. 130–142.
- Leenders M.A.A.M., Eliashberg J. The antecedents and consequences of restrictive age-based ratings in the global motion picture industry // *International Journal of Research in Marketing*. 2011. Т. 28, № 4. P. 367–377.
- Signorielli N. Age-based ratings, content designations, and television content: Is there a problem? // *Mass Communication & Society*. 2005. Т. 8, № 4. P. 277–298.
- Benson D., Jordan A. What have we learned from policy transfer research? Dolowitz and Marsh revisited // *Political studies review*. 2011. Т. 9, № 3. P. 366–378.
- Стенограммы обсуждения законопроекта № 155209-5 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», заседания № 101 от 24.06.2009 и № 201 от 21.12.2010 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/155209-5> (дата обращения: 14.03.2022).
- Gustafsson K.M., Lidskog R. Organizing international experts: IPBES's efforts to gain epistemic authority // *Environmental Sociology*. 2018. Т. 4, № 4. P. 445–456.
- Борисова Е.И. Информационная безопасность детства: дискуссии продолжаются // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 29–1. С. 123–128.

26. Шариков А.В., Проскурнова Е.Л., Кандакжи Л. Проблемы возрастной маркировки на российских телеканалах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. Т. 23, № 4. С. 428–440.
27. Архипова А.С. и др. Группы смерти: от игры к моральной панике. Исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора». 2017.
28. Проект закона Санкт-Петербурга «О порядке заключения договоров на проведение экспертизы информационной продукции» // Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. URL: www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/777304993 (дата обращения: 14.03.2022).
29. Коробкин А.Н. Проблемы осуществления независимой антикоррупционной экспертизы // Журнал российского права. 2012. № 9 (189). С. 60–65.

References

1. Weingart, P. (1999) Scientific expertise and political accountability: paradoxes of science in politics. *Science and public policy*. 3 (26). pp. 151–161. DOI: 10.3152/147154399781782437
2. Salter, L., Leiss, W. & Levy, E. (1988) *Mandated Science: Science and Scientists in the Making of Public Policy*. Vol. 1. Dordrecht; Boston; London: Kluwer academic publishers.
3. Jasanoff, Sh. (1990) *The Fifth Branch. Science Advisers as Policymakers*. Cambridge: Harvard University Press.
4. Jasanoff, Sh. (2011) Quality control and peer review in advisory science. In: Lentsch, J. & Weingart, P. (eds) *The politics of scientific advice: Institutional design for quality assurance*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 19–35.
5. Boswell, C. (2008) The political functions of expert knowledge: Knowledge and legitimation in European Union immigration policy. *Journal of European Public Policy*. 4 (15). pp. 471–488. DOI: 10.1080/13501760801996634
6. Krick, E. (2016) The epistemic quality of expertise: contextualized criteria for the multi-source, negotiated policy advice of stakeholder fora. *Critical Policy Studies*. 2 (12). pp. 209–226. DOI: 10.1080/19460171.2016.1258317
7. Zarkin, M. (2021) Knowledge utilization in the regulatory state: an empirical examination of Schrefler's typology. *Policy Studies*. 1 (42). pp. 24–41. DOI: 10.1080/01442872.2020.1772220
8. Prudnikova, O.A. (2013) Child protection in the information sphere: efficiency of innovations. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 4 (18). pp. 1349–1351. (In Russian).
9. Polyana, A.K. (2015) Ponyatie informatsionnoy produktsii kak klyuchevoy kategorii sistemy pravovogo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti detey [The concept of information products as a key category of the system of legal provision of information security for children]. *Lex Russica*. 11. pp. 75–82.
10. Mayorov, V.I. & Dorogova, E.V. (2015) Control and supervision as a function of information security. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 13. pp. 48–55. (In Russian).
11. Smirnov, K.B. (2016) Features on the age classification evaluating audiovisual production ranking in the Russian Federation as an important element of state regulation mechanism. *Peterburgskiy ekonomicheskiy zhurnal*. 3. pp. 49–55. (In Russian).
12. Gol'tyapina, I.Yu. (2017) The Russian legislation in the sphere of ensuring information security of children. *Epokha nauki – Era of Science*. 12. pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-17-25
13. Grudzinskiy, A.O. & Polyana, A.K. (2021) Expert assessments of media industry products: information safety for children. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7. pp. 83–89. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250012554-2
14. Krashenninnikova, Yu. (2013) Children and fears in mass media. *Otechestvennye zapiski*. 2. pp. 191–200. (In Russian).
15. Jordan, A.B. (2008) Children's media policy. *The Future of Children*. 1 (18). pp. 235–253.
16. Gentile, D.A. et al. (2011) Parents' evaluation of media ratings a decade after the television ratings were introduced. *Pediatrics*. 1 (128). pp. 36–44. DOI: 10.1542/peds.2010-3026
17. Gosselt, J., van Hoof, J. & de Jong, M. (2012) Media rating systems: Do they work? Shop floor compliance with age restrictions in the Netherlands. *Mass Communication and Society*. 3 (15). pp. 335–359. DOI: 10.1080/15205436.2011.558803
18. Kaye, B.K. & Sapolsky, B.S. (2004) Offensive language in prime-time television: Four years after television age and content ratings. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 4 (48). pp. 554–569. DOI: 10.1207/s15506878jobem4804_2
19. Bushman, B.J. & Cantor, J. (2003) Media ratings for violence and sex: Implications for policymakers and parents. *American Psychologist*. 2 (58). pp. 130–142. DOI: 10.1037/0003-066X.58.2.130
20. Leenders, M.A.A.M. & Eliashberg, J. (2011) The antecedents and consequences of restrictive age-based ratings in the global motion picture industry. *International Journal of Research in Marketing*. 4 (28). pp. 367–377. DOI: 10.1016/j.ijresmar.2011.06.001
21. Signorielli, N. (2005) Age-based ratings, content designations, and television content: Is there a problem? *Mass Communication & Society*. 4 (8). pp. 277–298. DOI: 10.1207/s15327825mcs0804_1
22. Benson, D. & Jordan, A. (2011) What have we learned from policy transfer research? Dolowitz and Marsh revisited. *Political Studies Review*. 3 (9). pp. 366–378. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2011.00240.x
23. The State Duma. (2010) *Stenogrammy obsuzhdeniya zakonoproekta № 155209-5 "O zashchite detey ot informatsii, prichinyayushchey vred ikh zdorov'yu i razvitiyu", zasedaniya № 101 ot 24.06.2009 i № 201 ot 21.12.2010* [Transcripts of the discussion of draft Law No. 155209-5 "On the protection of children from information harmful to their health and development", meetings No. 101 of June 24, 2009 and No. 201 of December 21, 2010]. [Online] Available from: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/155209-5> (Accessed: 14.03.2022).
24. Gustafsson, K.M. & Lidskog, R. (2018) Organizing international experts: IPBES's efforts to gain epistemic authority. *Environmental Sociology*. 4 (4). pp. 445–456.
25. Borisova, E.I. (2014) Children's information security: the discussion continues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*. 29–1. pp. 123–128. (In Russian).
26. Sharikov, A.V., Proskurnova, E.L. & Kandakzhi, L. (2018) Issues of Content Rating System on Russian TV Channels. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 4 (23). pp. 428–440. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-4-428-440
27. Arkhipova, A.S. et al. (2017) *Gruppy smerti: ot igry k moral'noy panike* [Death Groups: From game to moral panic]. Moscow: [s.n.].
28. Saint Petersburg Legislative Assembly. (2017) *Proekt zakona Sankt-Peterburga "O poryadke zaklyucheniya dogovorov na provedenie ekspertizy informatsionnoy produktsii"* [The draft law of St. Petersburg "On the procedure for concluding contracts for the examination of information products"]. [Online] Available from: www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/777304993 (Accessed: 14.03.2022).
29. Korobkin, A.N. (2012) Problemy osushchestvleniya nezavisimoy antikorruptsionnoy ekspertizy [Problems of implementation of independent anti-corruption expertise]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9 (189). pp. 60–65.

Информация об авторе:

Крашенинникова Ю.А. – канд. ист. наук, эксперт лаборатории муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: jkrashennnikova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.A. Krashennnikova, Cand. Sci. (History), expert, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: jkrashennnikova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 322.2
doi: 10.17223/15617793/477/11

Социальные сети губернатора Кузбасса как механизм политической интернет-коммуникации власти и общества

Елена Викторовна Матвеева¹, Алиса Владимировна Алагоз²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ mev.matveeva2020@yandex.ru

² aliscristall@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены формы политических интернет-коммуникаций в формате выстраивания взаимодействия губернатора Кемеровской области–Кузбасса С. Цивилева с населением через социальные сети. На основании проведенного обзора отдельных научных подходов и определений понятий «коммуникация» и «политическая интернет-коммуникация» предложено авторское определение данного термина. Анализ контента социальных сетей Instagram и YouTube губернатора Кузбасса, проведенный с помощью программы Feedspy и корреляционного анализа, позволил оценить активность губернатора в интернет-пространстве и провести анализ форм коммуникации с населением.

Ключевые слова: регион, власть, губернатор как высшее лицо исполнительной власти в регионе, политические коммуникации и политические интернет-коммуникации, социальные сети губернатора Кузбасса С. Цивилева Instagram и YouTube, формы коммуникации губернатора Кузбасса и общества, Кемеровская область–Кузбасс

Для цитирования: Матвеева Е.В., Алагоз А.В. Социальные сети губернатора Кузбасса как механизм политической интернет-коммуникации власти и общества // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 105–112 doi: 10.17223/15617793/477/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/11

Social networks of the Kuzbass governor as a tool of political Internet communication between the authorities and society

Elena V. Matveeva¹, Alice V. Alagoz²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ mev.matveeva2020@yandex.ru

² aliscristall@mail.ru

Abstract. The aim of the article was to develop the authors' definition of the term "political Internet communications" based on the available Western and Russian definitions of Internet communications with the subsequent use of this term in the analysis of social network accounts of Kuzbass Governor Sergey Tsivilev. To achieve this aim, the authors analyzed the Instagram and YouTube accounts of the Kuzbass governor in terms of identifying key forms of interaction between the authorities and society, building communications in the form of feedback mechanisms from the head of the regional executive power and the population. As a result of the analysis of information on the Instagram network for 2020–2021, the authors identified the main forms of political Internet communications: the topic and content of the post influencing the activity of the discussion in the form of likes and comments left on the post; type of content of information messages; topics of frequently mentioned #hashtags in publications as an opportunity to discuss the proposed topics; correlation between the number of posts, likes and comments. On the YouTube account, such forms of communication are types of information content and topics of publications. The study used Feedspy software as a tool for analyzing and statistically processing content on social networks. The data were systematized in the form of tables and diagrams. The correlation analysis revealed the relationship between the variables – the number of posts (or publications), likes, and comments. The correlation analysis was carried out to explore the content for each separate month of 2021. Using the Chaddock scale, the authors found that there was a noticeable direct relationship between the considered variables on the Instagram account and a high direct relationship on the YouTube one. This made it possible to conclude that information messages in the form of media materials and videos on the YouTube network are a more effective means of communication between the authorities and the population in contrast to the Instagram network. #Hashtags and type of information content are important forms of political Internet communications. While #hashtags allow exchanging opinions on a given topic, the main function of the type of content is to build a stable communication link between the governor and the population by addressing everyday issues in the form of empathy with the personal stories of Kuzbass dwellers or promotion of family values and a healthy lifestyle by the governor. As a result, based on the case of communications between Kuzbass Governor Sergey Tsivi-

lev and the population, political Internet communications are increasingly oriented toward building “feedback” mechanisms using social networks. This, in turn, makes it possible not only to receive a response from the population in the form of likes and comments, but also to evaluate the implemented projects, to know the opinions of citizens about the most significant problems in the region and to turn earlier expressed proposals into management decisions.

Keywords: region; government, governor as highest person of executive power in region, political communications and political Internet communications, social networks of Kuzbass Governor Sergey Tsivilev Instagram and YouTube, forms of communication of Kuzbass Governor and society, Kemerovo Oblast–Kuzbass

For citation: Matveeva, E.V. & Alagoz, A.V. (2022) Social networks of the Kuzbass governor as a tool of political Internet communication between the authorities and society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 105–112. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/11

Взаимодействие институтов власти с обществом (НКО, экспертное сообщество в разных проявлениях и формах, отдельные граждане) неразрывно связано, как показывает политическое развитие государств, с выстраиванием коммуникационных каналов. В условиях достаточно быстрого развития в последние годы постиндустриального общества в Российской Федерации изменения форм коммуникации затрагивают все уровни принятия политических решений, начиная с федерального, заканчивая региональным и в некоторой степени муниципальным. На региональном уровне изменения происходят в системе взаимоотношений органов региональной власти и общества в лице губернаторов, депутатского корпуса региональных парламентов, лидеров региональных отделений политических партий, что в итоге формирует все более разнородные формы включения населения в политические процессы, и, безусловно, оказывает все более возрастающее воздействие на региональную политику. Формируются новые технологии как взаимодействия с региональными политическими элитами, так и практики донесения информации до власти (региональные Центры управления регионами, расширение перечня услуг на портале Госуслуги). Данные процессы становятся результатом развития как в целом системы электронного правительства в Российской Федерации, так и механизмов адаптации государства к новым рискам и угрозам, связанным с постковидным периодом развития страны.

В рамках данного исследования авторы поставили цель разработать авторское определение термина «политические интернет-коммуникации» на основе имеющихся западных и российских определений интернет-коммуникаций с последующим применением данного термина в анализе социальных сетей губернатора Кузбасса С. Цивилева. Для реализации данной цели в статье был проведен анализ социальных сетей Instagram (с 21 марта 2022 г. запрещена на территории Российской Федерации. – *Прим. ред.*) и YouTube губернатора Кузбасса С. Цивилева в контексте выявления ключевых форм взаимодействия власти и общества, выстраивания коммуникаций в виде механизмов обратной связи главы исполнительной власти региона и населения.

При рассмотрении процесса научного осмысления феномена политических коммуникаций возникает вопрос не только по выявлению сущности понятия «коммуникация» на современном этапе его развития, но и разграничения с понятием «политическая интернет-коммуникация». Феномен коммуникации в си-

стеме политики вызывал интерес еще у древнегреческих мыслителей. Причем в работах древнегреческих авторов коммуникация выступала в качестве самостоятельного феномена политического пространства с реализацией основной функции – передачи информации. Так, для Платона важную роль в реализации общественного блага играло коммуникационное воздействие на политическое сознание людей в части корректировки мифов. В свою очередь для Аристотеля коммуникация в политике означала «целенаправленную деятельность людей, осуществляемую посредством специальных форм общения между людьми для достижения общественных интересов» [1, 2].

Развитие первых средств массовой информации в эпоху Нового времени привело к росту числа трактовок политических коммуникаций. Представители эпохи Просвещения (Т. Гоббс, Д. Локк, Ш. Монтескье, Д. Милль и др.) [3–6] рассматривали политическую коммуникацию в системе взаимодействия общества и власти в качестве инструмента контроля над институтами государства [7. С. 15]. Данное понимание политической коммуникации находит и сегодня широкое применение в рамках либеральных и неолиберальных теорий.

В XX в. оформляется ряд научных подходов преимущественно в западной науке, которые можно оценивать не просто как изучение форм и направлений политических коммуникаций современного мира, а как попытку посмотреть на отдельное направление – интернет-коммуникации в политике. В числе данных подходов кибернетический подход (Н. Винер), структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Р. Мертон), информационно-кибернетический подход (К. Дойч), теория информационного общества (М. Кастельс, Е. Масуда, О. Тоффлер), трактовки политической коммуникации Г. Инниса и М. Маклюэна в рамках Торонтской школы коммуникативистики и ряд других направлений.

Одной из первых теорий, направленных на изучение политической коммуникации, стала теория «массового общества» (Г. Блумер, Г. Лассуэлл, У. Липман и др.). Так, Г. Лассуэлл считал, что важную роль в осуществлении процессов массовой коммуникации играет пропаганда. В своей статье «The Theory of Political Propaganda» он пишет: пропаганда – это управление коллективными установками путем манипулирования значимыми символами. Пропаганда рассматривается ученым преимущественно на примере общественных организаций. Пропаганда может быть классифицирована на основе многих возможных кри-

териев, в частности реализуемой цели (революционной или контрреволюционной, реформистской или контрреформистской). Наряду с этим пропаганда бывает временной и постоянной, внутригрупповой и внегрупповой и т.д. Определённую роль в системе пропаганды играет реализуемая стратегия. Стратегия пропаганды описывается в формате «стимул-реакция» [8].

К началу 1950-х гг. политическая коммуникация становится самостоятельным направлением политологии, что было вызвано рядом факторов, в частности развитием телевидения и радио [9], дальнейшим ростом влияния пропаганды в условиях противостояния идеологических систем и развитием научной мысли в рамках структурно-функционального подхода и кибернетического подхода Н. Винера. Так Винер заявлял, что «понимание общества возможно только на пути исследования сигналов и относящихся к ним средств связи» [10. С. 30], а феномен «обратной связи» в предоставлении информации политической системе способен выполнять функцию системной стабилизации и обеспечивать ее способность взаимодействовать с окружающей средой. С позиции Т. Парсонса социальная коммуникация – это одна из функций системы, посредством которой «обеспечивается связь между общественными структурами, а самостоятельные индивиды становятся обществом» [11]. С этого момента времени политическая коммуникация приобретает черты интернет-коммуникации.

Представитель информационно-кибернетического подхода К. Дойч подходил к изучению политических коммуникаций с позиции воздействия информационных потоков на государство внутри и вне политической системы. Выделял такие разновидности коммуникаций, как неформальные, институциональные, массовые, при этом роль последних возрастает в современном мире. Вводит понятие информационной элиты, которая контролирует СМИ, и соответственно, органы власти, использующие информацию в своей деятельности [12].

Особое значение в осмыслении политических интернет-коммуникаций играют теории постиндустриального общества, в частности теория Д. Белла. Основоположник теории постиндустриального общества социолог Д. Белл отмечал, что знания и технологии постепенно становятся ведущим ресурсом постиндустриального общества, предопределяющим конкретные политические и экономические инициативы [13]. Как пишет Д. Белл, «сегодня мы находимся на подъеме третьей технологической революции. Это подъем, поскольку мы перешли от стадии изобретений и инноваций к решающему периоду их распространения. Темпы распространения будут варьироваться в зависимости от экономических условий и политической стабильности обществ. Тем не менее это явление не может быть обращено вспять, и его последствия могут быть даже больше, чем две предыдущие технологические революции, которые изменили Запад, а теперь, с распространением индустриализации, и другие части мира» [14].

Появление первых постиндустриальных теорий приводит к введению в научный оборот в конце 1960-х гг.

понятия «информационное общество» (именно оно становится «материалом» для дальнейшего изучения теоретиками теории информационного общества) [15, 16]. Намного позднее российский ученый А.И. Ракитов предложил несколько информационных революций в глобальном масштабе: распространение языка, появление письменности, массовое книгопечатание, радиотелекоммуникации, компьютерные технологии, при этом отличием последней волны явились технологические изменения [17].

Общей чертой представителей теории информационного общества выступало рассмотрение информации как мощного властного ресурса в современном обществе, при этом теоретики высказывают опасения в случае концентрации власти в руках одной политической силы, например партии, что может возродить тоталитарные государства [18] (по мнению авторов статьи, последняя идея, скорее, являлась особенностью западноевропейских и американских политических теорий XX в.). Так, Ё. Масуда в работе «The Information Society as Postindustrial Society» при выявлении черт «нового» информационного общества отмечал возрастание роли сетевых сообществ как институтов давления на органы власти, появление нового типа человека – «человека знающего» («homo intelligens»), и в целом смену традиционной модели на демократию участия [19].

Еще один представитель теории информационного общества М. Кастельс современный этап развития общества называл эпохой глобализации с присущей ей скоростью проникновения информации через национальные границы государств. В результате информация структурирует общество по сетевому принципу без долговременных центров и однозначных лидеров [20].

В российских исследованиях изучению различных аспектов интернет-коммуникаций в мировой практике в Российской Федерации уделено внимание в исследованиях Г.А. Аكوпова, С.В. Володенкова, О.Н. Морозовой и др. [21, 22].

В рамках представленного обзора научных теорий и подходов и с опорой на результаты проведенного исследования авторами статьи под политической интернет-коммуникацией понимается коммуникация, включающая различные формы политического участия граждан и политику с помощью интернет-технологий, в первую очередь социальных сетей, что видоизменяет как сами политические институты, так и содержательную сторону принимаемых ими политических решений. При этом процесс коммуникации все больше приобретает взаимодополняемый характер через выстраиваемые «обратные связи» между властью и населением при явном преобладании воздействия на политических субъектах отдельных субъектов политики – граждан, НКО, экспертов.

Переходя к вопросу рассмотрения политических интернет-коммуникаций губернатора Кузбасса С. Цивилева, отметим, что, несмотря на выстраивание коммуникации с населением через несколько социальных сетей, наиболее популярными по количеству подписчиков являются Instagram и ВК, отдельное место занимает канал YouTube, предоставляющий возможность просмотра и

комментирования видеороликов. В табл. 1 представлено количество подписчиков и публикаций за период с 2018 по 2021 г. (данные по всем таблицам, и рисункам представлены до декабря 2021 г.).

Таблица 1
Количество подписчиков и публикаций (постов)
в социальных сетях за 2018–2021 гг.

Социальная сеть	Количество подписчиков	Год			
		2018	2019	2020	2021
Instagram	242 312	292	654	529	366
BK	44 638	–	662	532	370
YouTube	3 630	–	–	39	75

С учетом сходства представляемой информации в социальных сетях губернатора С. Цивилева авторы статьи провели анализ контента на примере наиболее популярной сети Instagram, а анализ видеороликов – канала YouTube. Анализ контента проводился с помощью программы Feedspry и корреляционного подхода. В ходе анализа информации в сети Instagram за 2020–2021 гг. были выделены следующие основные формы политических интернет-коммуникаций:

- тематика и содержание поста, оказывающие влияние на активность (интенсивность) обсуждения в форме поставленных к посту комментариев и лайков;
- вид контента информационных сообщений;
- тематика часто упоминаемых #хештегов в публикациях как возможность обсуждения предложенных тем;
- корреляция между количеством постов, лайков и комментариев.

Наряду с отмеченными формами интернет-коммуникации между губернатором и населением в сети Instagram имеется возможность отправить сообщение губернатору Кузбасса С. Цивилеву, но оценить интенсивность использования данной формы коммуникации и тематику обращений не представляется возможным в силу закрытости информации.

Анализируя тематику и содержание постов (нами такой показатель был обозначен как эмоциональная окраска поста) как форму коммуникации между губернатором Кузбасса и населением, во внимание был взят показатель активности (интенсивности) обсуждения того или иного поста. Условно показатель активности (интенсивности) был разграничен на три группы (высокая, средняя, низкая) в зависимости от количества последовавших лайков и комментариев. Так, к низкой активности были отнесены посты с активностью откликов менее 5 тыс. человек, средней – от 5 до 10 тыс. человек, высокой – более 10 тыс. человек (табл. 2).

Таблица 2
Эмоциональная окраска заголовков постов в сети Instagram
за 2020–2021 гг.

Категория признака	2020		2021	
	Количество	Процент	Количество	Процент
Высокая активность	47	8,8	16	4,4
Средняя активность	162	30,6	44	12,02
Низкая активность	320	60,6	276	84,58

Всплески «активности» в 2020 г. пришлось на празднование Дня Победы с учетом соблюдения антиковидных мер (пост от 9.05.2020 г. – 11 195 лайков и 180 комментариев), семейные фото губернатора С. Цивилева с супругой (пост от 8.07.2020 г. – 29 226 лайков и 580 комментариев, пост от 27.12.2020 г. – 15 513 лайков и 657 комментариев) и родителями (пост от 29.11.2020 г. – 13 210 лайков и 262 комментария).

В 2021 г. самыми резонансными событиями стали: трагедия на шахте «Листвяжная» (пост от 25.11.2021 г. – 13 148 лайков и 974 комментария), выступление авиационной группы «Стрижи» в честь 300-летия Кузбасса (пост от 10.07.2021 г. – 19 051 лайк и 722 комментария, от 11.07.2021 г. – 22 845 лайков и 590 комментариев), посещение праздничных мероприятий в честь 300-летия Кузбасса В. Путиным (пост от 6.07.2021 г. – 16 835 лайков и 1 139 комментариев), открытие нового терминала Международного аэропорта Кемерово им. А.А. Леонова (пост от 23.05.2021 г. – 11 554 лайка и 344 комментария), а также пост-поздравление в Днем защитника Отечества, подкрепленный личным примером службы на флоте губернатора Кузбасса (пост от 23.02.2021 г. – 14 408 лайков и 435 комментариев).

Исходя из представленных постов, необходимо отметить, что основным событием 2020 г., вызвавшим наибольший всплеск «обратной связи» в форме лайков и комментариев от населения, стало празднование 75-летия Великой Победы. В 2021 г. перечень событий, максимально эмоционально воспринимаемых населением, был более разнообразным – мероприятия в честь празднования 300-летия Кузбасса и открытия международного терминала аэропорта им. Леонова, трагические события на шахте «Листвяжная». Значительный отклик среди населения Кузбасса за весь рассмотренный период вызывают посты, связанные с поддержанием имиджа губернатора как хорошего семьянина и любящего мужа.

Информационный контент губернатора (под контентом подразумевается любая информация, которая генерируется каким-либо лицом для наполнения страниц социальных сетей, блогов, сайтов и др.) был проанализирован путем систематизации контента на виды информационных сообщений. В итоге были выделены следующие виды контакта, представленные в табл. 3 (с разбивкой по кварталам) и на рис. 1 (за 2021 г.):

1. Просветительский – обучающие посты, инструкции, FAQ (ответы на часто задаваемые вопросы), рекомендации, разбор ошибок и т.д.
2. Репутационный (имиджевый) – отзывы, достижения, экспертность, поздравления, благодарность, имидж, обзор территорий и т.д.
3. Эмоциональный – сторителлинг (личные истории) либо истории о людях как попытка вызвать какие-либо чувства у аудитории.
4. Интерактивный – опросы, обсуждения, чаты, советы, вопросы, комментарии, конкурсы, общая помощь в решении какого-либо вопроса, эстафеты, встреча с гражданами, отработка обращений.
5. Новостной – информационный контент, СМИ.

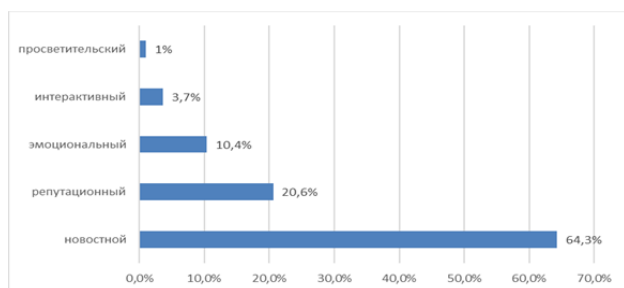

Рис. 1. Виды контента информационных сообщений в сети Instagram за 2021 г.

Таблица 3
Виды контента информационных сообщений в сети Instagram за 2021 г.

Вид контента	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Количество за год, %
Просветительский	1	3	0	0	1
Репутационный (имиджевый)	19	21	26	10	20,6
Эмоциональный	10	9	13	6	10,4
Интерактивный	7	4	2	1	3,7
Новостной	46	78	70	40	64,3
Всего новостей	83	115	111	57	100

Как показывают данные в табл. 3, губернатор Кузбасса практически не использует для взаимодействия с населением просветительский и интерактивный виды контента, уделяя значительное внимание новостному контенту – 64,3%, репутационному (имиджевому) – 20,6%, эмоциональному – 10,4%. Иными словами, главным в освещении работы губернатора является преподнесение «личностного» восприятия губернатором происходящих в регионе событий, рассказы о простых кузбассовцах, вызывающих своим примером глубокое уважение как своих знакомых, так и главы региона, и о формировании личного имиджа С. Цивилева, как человека, не только олицетворяющего власть, но и поддерживающего семейные ценности и здоровый образ жизни.

Следующей проанализированной формой взаимодействия губернатора Кузбасса и населения региона стали часто упоминаемые #хештеги в сети Instagram (табл. 4).

Таблица 4

Тематика часто упоминаемых #хештегов в постах в сети Instagram за 2020–2021 гг.

2020		2021	
#Хештег	Количество упоминаний	#Хештег	Количество упоминаний
#белоснежныйкузбасс	11	#ПМЭФ2021	9
#годпамятииславы	8	#людикузбасса300	2
#ДваждыПобедители	7	#комфортнаясреда42	2
#75летвеликойпобеды	3	#300_лет_Кузбасс	1
#300леткузбассу	6	#МыВместе	1
#WSRKuzbass	5	#МыРоссия	1
#WorldSkillsRussia	3	#земляки о Кузбассе	1

Согласно представленным данным в сети Instagram, в 2020 г. самые популярные #хештеги были связаны с вынесением на общественное обсуждение вопросов, в числе которых: обсуждение красивых пейзажей и зимних видов отдыха: зимняя рыбалка, катание на лыжах, сноубордах и снегоходах (#белоснежныйкузбасс, #белоснежныйКузбасс); чествование победителей в Великой Отечественной войны в юбилейный год, внесших свой вклад не только в победу, но и в послевоенное развитие родного Кузбасса (#годпамятииславы, #ДваждыПобедители, #75летвеликойпобеды); чествование победителей-кузбассовцев, впервые проводившихся в Кузбассе чемпионатов WorldSkills Russia – «Молодые профессионалы» и «Навыки мудрых» (#WSRKuzbass, #СтудентыКузбассаWSR). В 2021 г. в числе наиболее популярных #хештегов следует отметить участие Кузбасса в Петербургском международном экономическом форуме и переориентации региона путем открытия новых экологически чистых производств; проект #людикузбасса300, направленный на сохранение на электронных носителях в формате видео историй отдельных людей, приехавших в Кузбасс, записанных школьниками; в рамках проекта #комфортнаясреда42 каждый житель региона с 14 лет имеет возможность выбрать онлайн объекты благоустройства в своем муниципалитете на платформе 42.gorodsreda.ru, а в рамках проекта #городаменяютсядлянас привести в порядок парки, скверы и дворы на организованных субботниках.

Следующей формой взаимодействия губернатора и общества являлось выявление степени зависимости (корреляции) информационного наполнения постов и количества последовавших за ними лайков и комментариев в виде «обратной связи» (табл. 5, рис. 2).

Согласно представленным данным в таблице, максимальное количество постов приходится на июль, май и ноябрь, наибольшее количество лайков – на июль, май и август, комментариев – на ноябрь, июль и март. Подобная ситуация во многом определяется основными событиями 2021 г. (празднование 300-летия Кузбасса), а также трагическими (гибель 25 ноября шахтеров на шахте «Листвяжная»).

Систематизированные в виде таблицы и диаграммы данные для выявления уровня зависимости рассмотренных переменных были проанализированы с помощью корреляционного анализа. С использованием универсальной системы обработки данных Excel 7.0 авторы исследования сопоставили на предмет корреляции три переменные: 1) количество постов; 2) количество лайков; 3) количество комментариев (информация ранжировались с разбивкой по месяцам). Полученный результат был перенесен на шкалу Чеддока. Согласно данной шкале, теснота связи относится к категории прямой, заметной связи и варьируется в диапазоне 0,5–0,7 (рис. 3), что говорит о присутствии корреляции между переменными, учитывая максимально возможный показатель, равный 1, а ее отсутствие – близость к 0.

По аналогичным критериям оценивались формы взаимодействия губернатора С. Цивилева с населением

в сети YouTube. Виды контента были разделены на две группы – материалы СМИ и видеодневники (обратная

связь). Полученные результаты систематизированы и представлены в таблице (табл. 6).

Таблица 5

Количество постов, лайков и комментариев в месяц в сети Instagram за 2021 г.

Месяц	Посты		Лайки		Комментарии	
	Количество	Процент	Количество	Процент	Количество	Процент
Январь	17	4,5	35 383	4,2	2 548	4,3
Февраль	22	6	50 113	6	3 718	6,3
Март	44	12	83 643	10	6 890	11,7
Апрель	40	11	61 883	7,4	4 728	8
Май	34	9,3	102 675	12,3	4 134	7
Июнь	41	11	84 048	10	5 644	9,6
Июль	39	10,6	137 364	16,5	7 938	13,6
Август	36	10	82 840	9,9	5 363	9,1
Сентябрь	36	10	71 052	8,6	4 861	8,3
Октябрь	29	8	52 875	6,4	4 461	7,6
Ноябрь	28	7,6	71 788	8,7	8 534	14,5
Всего постов	366	100	833774	100	58 828	100

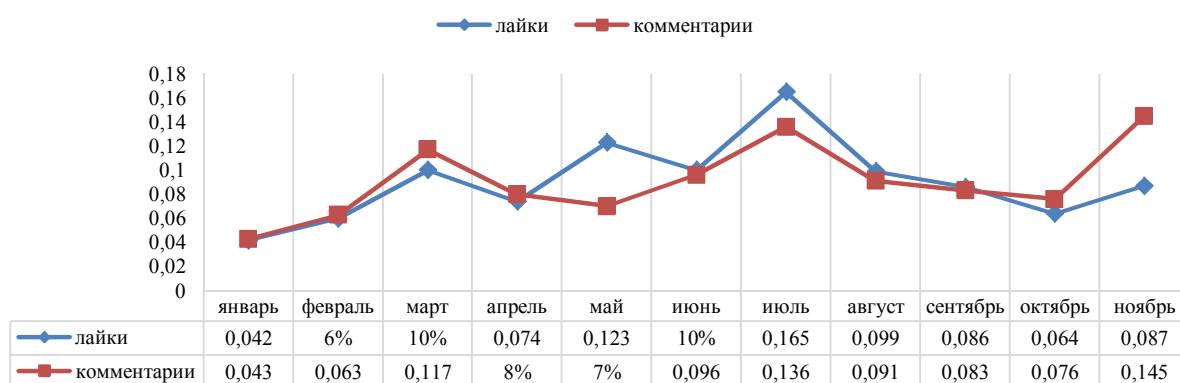

Рис. 2. Количество лайков и комментариев месяц в сети Instagram за 2021 г.

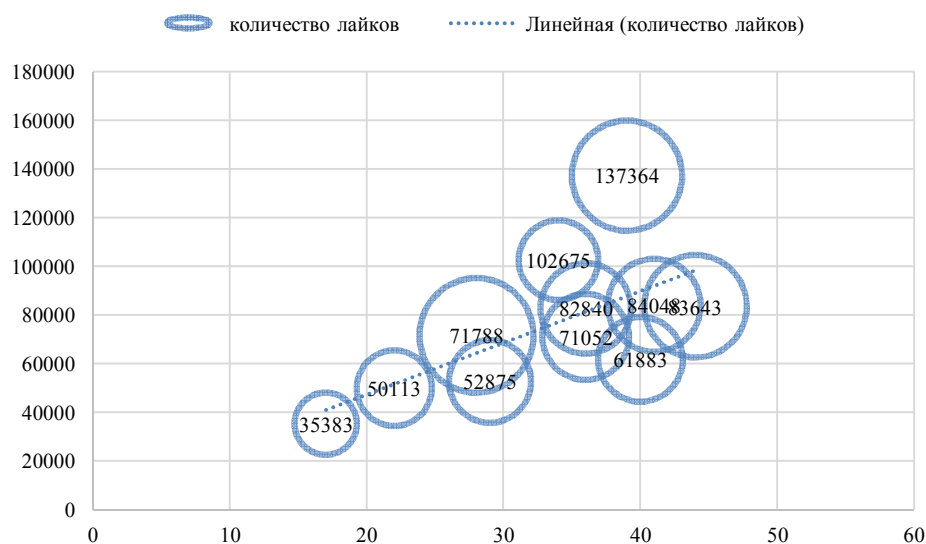

Рис. 3. Корреляция между постами, лайками и комментариями в сети Instagram

Таблица 6

Виды контента информационных роликов (публикаций) в YouTube за 2020–2021 гг.

Контент	2020		2021	
	Количество публикаций	Процент	Количество публикаций	Процент
Материалы СМИ	29	87,9	61	92,4
Видеодневник (обратная связь)	4	12,1	5	7,6
Всего публикаций	33	100	66	100

Как показывают представленные в табл. 6 данные, наиболее популярной формой взаимодействия губер-

натора Кузбасса С. Цивилева в сети YouTube являются информационные сообщения в виде материалов

СМИ, причем в количественном соотношении за последний год наблюдается увеличение (с 87,9% в 2020 г. до 92,4% в 2021 г.). Если в материалах СМИ представлены спецрепортажи регионального телеканала ГТРК «Кузбасс» (официальные встречи, итоги работы губернатора, в том числе по реализации значимых для Кузбасса проектов – поддержка малого и среднего бизнеса, системы здравоохранения, муниципальных образований и др.), то в видеороликах преимущественно рассматриваются сюжеты, связанные с разными формами «обратной связи» губернатора с населением. Это и непосредственно видеоролик о проведении ежегодной «прямой линии» губернатора с ответами на вопросы как в эфире, так и после проведения (в 2021 г. поступило около 4 тыс. обращений), и видеоролики в формате реализуемых проектов «Говорит и показывает Кузбасс», «Кузбасс уполномочен заявить», «Город со стальным характером». Взаимодействие с населением реализуется не только в фор-

мате видеороликов, в которых население информируется о проводимых мероприятиях и решенных вопросах, но и предложенной возможности оставить комментарий губернатору на предложенный сюжет и получить на него ответ.

В сети YouTube также было подсчитано количество публикаций и поступивших к ним лайков и комментариев (табл. 7).

Большая часть публикаций в сети YouTube приходится в 2021 г. на май–август (по количеству лайков и комментариев – на июль и май), что связано с завершением подготовки и проведением 300-летия Кузбасса. Полученные результаты аналогично, как и в сети Instagram, были рассмотрены с помощью метода корреляции. Согласно полученным данным корреляции, в YouTube просматривается более выражено и варьируется в диапазоне значения коэффициента корреляции от 0,8 до 0,9, теснота связи – высокая, связь – прямая.

Таблица 7

Количество публикаций, лайков и комментариев в месяц в Youtube за 2021 г.

Месяц	Публикации		Лайки		Комментарии	
	Количество	Процент	Количество	Процент	Количество	Процент
Январь	2	2,7	41	0,6	17	2,4
Февраль	3	4	45	0,7	12	1,7
Март	5	6,7	115	1,7	51	7,1
Апрель	6	8	690	10,3	31	4,3
Май	8	10,7	506	7,6	103	14,3
Июнь	10	13,3	224	3,4	79	11
Июль	15	20	2 409	36,1	304	42,2
Август	9	12	986	14,7	41	5,7
Сентябрь	6	8	100	1,5	29	4
Октябрь	7	9,3	1 117	16,7	42	5,8
Ноябрь	4	5,3	447	6,7	11	1,5
Всего постов	75	100	6 680	100	720	100

Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что применение программы Feedspry с наложением на нее корреляционного анализа при анализе видов, тематики контента, а также количественных показателей (посты, публикации, лайки, комментарии) позволяет говорить о том, что в сети YouTube информационные сообщения выступают более эффективным средством коммуникации губернатора Кузбасса С. Цивилева с населением в отличие от сети Instagram. Важными формами политических интернет-коммуникаций в сети Instagram являются #хештеги и применяемые виды информационного контента. Если #хештеги позволяют обмениваться мнениями подписчикам по заданной тематике, то основная задача вида контента – выстроить устойчивую коммуникационную связь губернатора с населением с

помощью обращения к бытовым вопросам в форме сопереживания личным историям кузбассовцев или пропаганды в лице губернатора семейных ценностей и здорового образа жизни.

В итоге, следует говорить о том, что политические интернет-коммуникации на примере коммуникаций губернатора Кузбасса С. Цивилева с населением все больше ориентируются на выстраивание механизмов «обратной связи» с помощью социальных сетей, что в конечном счете дает возможность не только получить «ответную» реакцию от населения в форме лайков и комментариев, но и оценить реализованные проекты, услышать мнения граждан о наиболее значимых проблемах в регионе и внести высказанные предложения в управленческие решения.

Список источников

1. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений. М. : Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
2. Аристотель. Риторика // Аристотель. Риторика. Поэтика. СПб. : Азбука, 2000. 346 с.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 503 с.
4. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406.
5. Монтескье Ш. О духе законов. М. : Мысль, 1999. 674 с.
6. Милль Д.С. О свободе // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М. : Наука, 1995. С. 288–392.
7. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2021. 416 с.
8. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. 1927. Vol. 21, № 3. P. 627–631.
9. Historical Dictionary of Political Communication in the United States / ed. by G.H. Stempel, J.N. Gifford. Westport : Greenwood Press, 1999. 184 p.
10. Винер Н. Кибернетика и общество. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 200 с.

11. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
12. Deutch K. The nerves of government: models of political communication and control. New York : Free Press, 1963. 316 p.
13. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow : Academia Publ., 2004. 783 p.
14. Bell D. The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences // Dissent. 1989. Vol. 36. P. 164–176.
15. Machiup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton : Princeton University Press, 1962. 436 p.
16. Umesao T., Hosono A. Joho sangyo ron. Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry. Tokyo : VP, 1963. 156 p.
17. Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М. : Директ-Медиа, 1998. 104 с.
18. Асеева И.А. Этические вызовы цифровой эпохи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3 (32). С. 202–212.
19. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington : World Future Soc., 1983. 171 p.
20. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. и под науч. ред. О.И. Шкаратяна. М. : Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
21. Акопов Г.Л. Политика и Интернет. М. : ИНФРА-М, 2014. 201 с.
22. Морозова О.Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 156–161.

References

1. Plato. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
2. Aristotle. (2000) *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Saint Petersburg: Azbuka.
3. Hobbes, Th. (1991) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
4. Locke, J. (1988) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 135–406.
5. Montesquieu, Ch. (1999) *O dukhe zakonov* [The Spirit of Law]. Translated from French. Moscow: Mysl'.
6. Mill, J.S. (1995) *O svobode* [On Liberty]. Translated from English. In: Abramov, M.A. (ed.) *O svobode: Antologiya zapadnoevropeyskoy klassicheskoy liberal'noy mysli* [On Freedom: An Anthology of Western European Classical Liberal Thought]. Moscow: Nauka. pp. 288–392.
7. Volodenkov, S.V. (2021) *Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya: navstrechu tsifrovomu obshchestvu* [Internet Communications in the Global space of Modern Political Governance: Towards a digital society]. Moscow: Moscow State University.
8. Lasswell, H.D. (1927) The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*. 3 (21). pp. 627–631.
9. Stempel, G.H. & Gifford, J.N. (eds) (1999) *Historical Dictionary of Political Communication in the United States*. Westport: Greenwood Press.
10. Wiener, N. (1958) *Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics and Society]. Translated from English. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
11. Parsons, T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Translated from English by L.A. Sedov & A.D. Kovalev. Moscow: Aspekt Press.
12. Deutch, K. (1963) *The nerves of government: models of political communication and control*. New York: Free Press.
13. Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming Post-Industrial Society. The experience of social forecasting]. Translated from English. Moscow: Academia.
14. Bell, D. (1989) The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences. *Dissent*. 36. pp. 164–176.
15. Machiup, F. (1962) *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton: Princeton University Press.
16. Umesao, T., Hosono, A. (1963) *Joho sangyo ron. Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry*. Tokyo: VP.
17. Rakitov, A.I. (1998) *Informatsiya, nauka, tekhnologiya v global'nykh istoricheskikh izmeneniyakh* [Information, Science, Technology in Global Historical Changes]. Moscow: Direkt-Media.
18. Aseeva, I.A. (2019) Ethical challenges of the digital age. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment – Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology And Management*. 3-9 (32). pp. 202–212. (In Russian).
19. Masuda, Y. (1983) *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington: World Future Soc.
20. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English O.I. Shkaratyan. Moscow: HSE University.
21. Akopov, G.L. (2014) *Politika i Internet* [Politics and the Internet]. Moscow: INFRA-M.
22. Morozova, O.N. (2011) Political internet-communication: its role, functions and forms. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (35). pp. 156–161. (In Russian).

Информация об авторах:

Матвеева Е.В. – д-р полит. наук, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Алагов А.В. – аспирант кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: aliscristall@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Matveeva, Dr. Sci. (Political Science), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

A.V. Alagov, postgraduate student, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aliscristall@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021;
одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 20.12.2021;
approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94/99
doi: 10.17223/15617793/477/12

Осман Оджалан и его деятельность в рядах Рабочей партии Курдистана в 1978–2004 гг.

Теуб Ахмед оглы Ахмедов¹

¹ Технический институт (филиала) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Нерюнгри, Россия, RSevoi@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена деятельность одного из полевых командиров и члена центрального комитета Рабочей партии Курдистана (РПК) Османа Оджалана, брата основателя РПК Абдуллы Оджалана. Проанализирован его политический путь от вступления в ряды организации и до того момента, как он окончательно и бесповоротно ее покинул, функции, которые Осман Оджалан выполнял на начальном этапе своей деятельности в РПК, пути его карьерного роста, разногласия с руководящим составом партии и факторы, приведшие к его падению в рядах РПК. Дается оценка причин, по которым Осман Оджалан не смог занять лидирующую позицию в партии после ареста лидера РПК Абдуллы Оджалана.

Ключевые слова: Осман Оджалан, Абдулла Оджалан, Турция, Ирак, Северный Курдистан, Рабочая партия Курдистана, Демократическая партия Курдистана, Патриотический союз Курдистана, Освободительные части Курдистана, Партия демократического решения Курдистана

Для цитирования: Ахмедов Т.А. Осман Оджалан и его деятельность в рядах Рабочей партии Курдистана в 1978–2004 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 113–118 doi: 10.17223/15617793/477/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/12

Osman Ocalan and his activity in the ranks of the Kurdistan Workers' Party in 1978–2004

Teub A. Akhmedov¹

¹ Technical Institute (Branch) of North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Neryungri, Russian Federation, RSevoi@yandex.ru

Abstract. This article aims to evaluate the activities of Osman Ocalan, one of the commanders of the Kurdistan Workers' Party (PKK) and brother of its founder and leader Abdullah Ocalan. The study is based on a variety of sources including periodicals, analytical materials and electronic resources in Russian, Turkish, Kurdish, and English. Osman Ocalan's career path in PKK is examined in the context of the history and development of the party. Despite being related by blood with the party leader, Osman Ocalan was not granted guaranteed seniority in the party leadership. At the start of his activity in the party ranks, he was involved in propagandist and organizational work, then he became the emissary to different countries, establishing international connections for the party. Only after he had achieved some positive results, he was promoted to a warlord and joined the collegial governing bodies of PKK, eventually reaching a position in the party's central committee. The author reveals the disagreement between Osman Ocalan and rival warlords within the party leadership, which was so severe that, after signing a peace treaty between PKK and major parties of Iraqi Kurdistan, Kurdistan Democratic Party and Patriotic Union of Kurdistan, Osman Ocalan fell from grace and was brought to the party trial and sentenced to death but later pardoned. The author emphasizes that this disagreement reflects a conflict of values, a clash between modernity and tradition within the PKK ranks. This conflict was revealed explicitly after the capture and imprisonment of the party leader, Abdullah Ocalan, when power struggle within party leadership started. Osman Ocalan regained his powers after disgrace, but was unable to become a new leader and caused a split in the party. His attitude, characterized by some as "feudal-nationalistic", contradicted the ideas of his brother to eradicate patriarchy and gender inequality. The author concludes that Osman Ocalan's personality did not fit for the role of a party leader. He was a capable warlord and emissary able to take initiative, and a political realist. But his lack of dedication and commitment, his tendency to be led by affection and striving for personal well-being made him unable to challenge the leadership. His views significantly diverged from the party doctrine. Abdullah Ocalan overshadowed his brother not only as a leader, but also as a sophisticated thinker, whose ideas are still influential and relevant for Kurdish people.

Keywords: Osman Ocalan, Abdullah Ocalan, Turkey, Iraq, Northern Kurdistan, Kurdistan Workers' Party, Kurdistan Democratic Party, Patriotic Union of Kurdistan, Liberation Units of Kurdistan, Kurdistan Democratic Solution Party

For citation: Akhmedov, T.A. (2022) Osman Ocalan and his activity in the ranks of Kurdistan Workers' Party in 1978–2004. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 113–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/12

В ходе национально-освободительных войн или революционной борьбы за права народа нередко в рядах освободительных движений плечом к плечу стояли близкие родственники. Примерами тому являются страницы истории освободительных и революционных движений второй половины XX в. в Северной Корее (Ким Ир Сен и его потомки), на Кубе (братья Фидель и Рауль Кастро) и в Северном (Турецком) Курдистане, где вместе действовали Абдулла и Осман Оджаланы. Старший брат, Абдулла Оджалан, является основателем и лидером Рабочей партии Курдистана (РПК), а младший, Осман Оджалан, с начала 1970-х гг., когда старший брат разворачивал революционную борьбу, находился рядом с ним, но в его тени, а после окончательного формирования партии, в 1978 г., стремился наравне с ним занимать ведущие позиции в рядах организации. Однако, забегаая вперед, можно сказать, что ему, в отличие от Рауля Кастро или Ким Чен Ира, не удалось стать полноценным преемником своего брата в организации после ареста А. Оджалана в 1999 г. [1. С. 69].

В 1970-е гг., когда будущая партия проходила через организационный этап, т.е. период агитационной пропагандистской работы, Осман Оджалан был студентом педагогического колледжа и, как большинство студентов из курдских регионов Турции, занимался агитационной деятельностью. В его обязанности входила связь между первичными ячейками революционной организации и руководящим составом. Осман Оджалан не всегда мог выполнять поставленные перед ним задачи, и это списывалось на его молодость и неопытность. Несмотря на это, он считался членом молодежного крыла «Революционеры Курдистана».

С момента основания РПК в 1978 г. и до военного переворота в Турции в 1980 г., Осман Оджалан по-прежнему входил в агитационную бригаду и по партийному поручению ездил по населенным пунктам Турецкого Курдистана для подготовки народа к революционным действиям. Накануне военного переворота сам А. Оджалан под угрозой ареста в 1979 г. эмигрировал в Сирию, оставив в Северном Курдистане костяк организации, который занимался, как и ранее, сбором информации, агитацией и финансированием партии.

После военного переворота в Турции в сентябре 1980 г. многие товарищи Оджалана (М. Доган, Х. Дурмуш, Ф. Куртай и др.) – были арестованы [2. С. 1–5], но некоторые смогли уйти за границу. Брат лидера РПК Осман Оджалан был отправлен в Ливию с партийным поручением. В его задачи входило налаживать отношения с курдской диаспорой Ливии и, в рамках его способностей и возможностей, установить контакты с руководителем страны. Однако из-за неопытности и слишком молодого возраста он не справился с поставленными перед ним партийными заданиями, и в 1982 г. его отозвали из Ливии, поручив иное, не менее важное дело, без учета прежних про-

валенных заданий, надеясь, что он уже обладает опытом ведения переговоров и сумеет исправиться. На этом этапе Осману Оджалану поручалось прибыть в Ливан и там закрепить отношения с Армянской секретной армией освобождения Армении (АСАЛА) и другими вооруженными группировками Ливана с целью закупки оружия и иной военной амуниции для созданных «Освободительных частей Курдистана» (первоначальное название боевого крыла РПК). Эти подразделения РПК в начале 1980-х гг. размещались в долине Бекаа в Ливане [3. С. 27–29] и проходили усиленную военную подготовку для начала освободительной войны в Северном Курдистане. В этой сфере он закрепил те договоренности, которые ранее были подписаны с АСАЛА и другими силами в регионе.

В середине 1980-х гг. Осман Оджалан выполнял различные поручения руководства РПК, и в 1986 г., как опытный политик, был включен в состав центрального комитета партии [4]. Отныне в его обязанности входило обеспечение бесперебойной связи между подразделениями вооруженных сил РПК и руководством освободительного движения.

В это время РПК, которая ранее имела косвенные связи с Ираном через Патриотический союз Курдистана (ПСК, одна из двух ведущих партий Иракского Курдистана), была заинтересована в том, чтобы иметь возможность беспрепятственного перемещения людей через иранскую территорию. Для налаживания прямых контактов в Иран был направлен Осман Оджалан. В 1987 г. РПК не только получила разрешение на пересечение иранской границы, но и возможность обустроить штаб-квартиры в городах Урумия и Маку. Интерес Ирана заключался в том, чтобы взамен получать от РПК информацию о турецких и расположенных в Турции американских вооруженных силах [5. Р. 119–120].

Впоследствии Анкара обвиняла Тегеран в том, что Осман Оджалан лично встречался с лицами из высшего руководства Ирана, в результате между РПК и Ираном было заключено соглашение, в соответствии с которым РПК не вмешивалась в дела курдской общины в Иране и не использовала прилегающий у Ирану участок границы с Турцией для боевых операций. Взамен РПК не только получила возможность обустроить базы на Иранской территории – по утверждениям турецких СМИ, Тегеран тайно передавал РПК тяжелое вооружение, а раненные бойцы РПК лечились в иранских госпиталях [6. Р. 103].

В 1990 г. Осман Оджалан стал членом исполнительного комитета РПК, и ему поручили заниматься налаживанием отношений с ведущими курдскими организациями Иракского Курдистана. Он руководил лагерем Хакурк, который РПК обустроила в Северном Ираке. В том же году он вошел в состав девяти членов подготовительного комитета к 4-му съезду РПК, который состоялся в декабре 1990 г. в районе Хафтанин Северного Ирака [5. Р. 146].

В интервью, которое Осман Оджалан дал спустя 13 лет, он признал, что в то время он вступил в романтические отношения с девушкой из рядов РПК по имени Зехра Окчу. Брак и любые формы романтических отношений были строго запрещены в РПК, чтобы не отвлекать бойцов от революционной борьбы. Как говорил сам Осман, тогда он впервые испытал настоящую любовь, и посчитал, что было бы этически неверно прятать отношения от соратников, поэтому поддерживал их открыто для всех [7].

РПК использовала базы в Иракском Курдистане как военные лагеря и тренировочные площадки для рейдов в Турцию. Все более активная деятельность Рабочей партии Курдистана вызывала недовольство крупнейших местных партий – ПСК и ДПК (Демократическая партия Курдистана). Ситуация серьезно осложнилась в 1992 г., когда Саддам Хусейн фактически объявил блокаду Иракскому Курдистану, и регион оказался в серьезной зависимости от торговли с Турцией. В октябре конфликт между РПК, с одной стороны, и ДПК и ПСК, которые испытывали сильный нажим со стороны Турции – с другой, вылился в тридцатидневную войну, в которой сеть баз РПК в Северном Ираке оказалась между двух огней – с юга наступали силы ДПК и ПСК, а в середине октября с севера на территорию Ирака зашли части турецкой армии, сопровождаемые массированной авиационной поддержкой. В это время большая часть боеспособных сил РПК была в Турции, а на базах в Иракском Курдистане половину наличного состава составляли рекруты. К концу месяца из-за истощения запасов продовольствия и боеприпасов ряд опорных пунктов РПК оказался в критическом положении. Наладить прямую связь из баз, расположенных на горном хребте Кандиль, с Сирией, где находился лидер РПК Абдулла Оджалан, оказалось невозможным, и Осман Оджалан по собственной инициативе отправил делегацию для переговоров с администрацией Иракского Курдистана. Ряд командиров РПК отказались поддержать его решение, Мурат Карайылан назвал его оппортунистическим [5. Р. 204].

30 октября Осман Оджалан и премьер-министр Региона Курдистан Фуад Масум поставили подписи под мирным соглашением. РПК обязалась не использовать территорию Иракского Курдистана для военных операций и переместить свои силы от турецкой границы в места, предписанные Правительством Иракского Курдистана [8. Р. 20]. В то время как части под командованием Карайылана продолжали сопротивляться турецким войскам в районе Хафтанин, основные силы РПК в Иракском Курдистане под командованием Османа Оджалана переместились в Зели, старую базу семейства Талабани близ границы с Ираном [5. Р. 204].

Сразу после прибытия в лагерь Зели женщины, которые были в числе рекрутов, решили создать первый женский съезд РПК. Его успели провести до конца года. Конечной целью съезда должно было стать создание автономной женской организации. Однако участницы оказались под сильным прессингом со стороны Османа Оджалана. Пользуясь своим руково-

дящим положением в лагере Зели, О. Оджалан главным в обсуждениях сделал вопрос о возможности вступления в брак и добился включения предложения разрешить брак членам РПК в итоговые документы съезда. Узнав об этом, лидер РПК А. Оджалан признал съезда неудачным и отменил все его решения [9. Р. 129].

Через несколько месяцев, в первой половине 1993 г., Абдулла Оджалан обвинил своего брата в том, что боевые действия и переговоры с правительством Региона Курдистан под его руководством были провальными, и распорядился созвать конференцию, чтобы там обсудить его «коллорабационизм». Используя старые связи, Осман укрылся в Иране, но РПК удалось вывезти его оттуда [5. Р. 260]. По его словам, настоящей причиной преследования было то, что он открыто призвал к демократическим переменам в структуре власти РПК [10]. Кроме того, ему поставили в вину и запрещенную любовную связь [7]. Осман оказался в полной изоляции, ему грозила смертная казнь. В начале 1995 г. он попросил о выходе из состава РПК и был посажен в тюрьму [10]. Чтобы реабилитировать себя перед партией, ему пришлось писать длинные тексты с самокритикой и признанием ошибок.

Криминолог Мурат Ханер в рамках своего исследования опрашивал в турецкой тюрьме пленного бойца РПК по имени Дениз. Рассказ Дениза отражает, как дело Османа Оджалана воспринималось рядовым составом РПК. По его словам, в разгар боев, в октябре 1992 г., к Осману Оджалану прибыл эмиссар от ведущего руководства ПСК. Он заявил Осману, что дни его брата сочтены, А. Оджалан со дня на день будет ликвидирован операцией международных сил. Ему стоит задуматься о том, чтобы получить убежище в зоне, контролируемой Патриотическим союзом Курдистана. Там ему дадут возможность создать свою политическую партию, которая будет пользоваться поддержкой ПСК. Осман поддался на эту уловку, бросил руководство силами РПК в своем лагере Хаккурк и сбежал с охраной в предоставленное ему убежище [11. Р. 339–340]. Узнав об этом, Абдулла Оджалан распорядился предать Османа смертной казни. Понимая, что охрана, предоставленная ПСК, не сможет защитить его от мести бывших товарищей, Осман бежал в Иран. Абдулла Оджалан отправил в Иран Джамиля Байыка, одного из высших руководителей РПК, и тот договорился с руководством страны, что Иран выдаст Османа при условии, что ему сохранят жизнь. В результате Османа не казнили, и он сохранил членство в партии, но с ним обращались безо всякого уважения. У него не было друзей, и ему поручали черновую физическую работу, чаще всего на кухне [11. Р. 375].

Дело О. Оджалана рассматривалось на 5-м съезде РПК, где он был помилован [5. Р. 260]. В 2005 г. в интервью французскому журналисту Полю Мобеку, известному под псевдонимом Крис Кучера, Осман Оджалан рассказал: «В июне 1993 года меня лишили всех полномочий... Меня посадили в одиночную камеру на три месяца и допрашивали в течение 52 дней

перед тем, как в феврале 1995 года состоялся суд. Суд длился всего день. Меня предупредили: если я буду продолжать отстаивать свои идеи, меня казнят. Если нет – меня помилуют. Адвокат? Об этом и речи быть не могло. Меня судили по закону гор» [12]. Окончательно обвинения с О. Оджалана были сняты в 1997 г. В том же году З. Окчу погибла в бою с ДПК на хребте Гара [13].

В разгар гонений на лидера РПК А. Оджалана в 1998 г. Осман Оджалан вернулся в ряды организации на должность полевого командира. В репортаже российского журналиста Михаила Маркелова о бойцах РПК в 1998 г. он, как полевой командир, заявил о том, что у Курдистана уже заложен фундамент регулярной армии [14]. При помощи союзников (в данном случае он имел в виду Россию, тогда основного противника Турции в регионе) они построят регулярную и боеготовую армию Курдистана.

После ареста А. Оджалана в феврале 1999 г. Осман Оджалан, имея поддержку среди бойцов РПК, был возвращен в состав ЦК РПК. Затем, по решению VI чрезвычайного съезда Рабочей партии Курдистана, в марте 1999 г. он был включен в состав Совета президиума РПК наравне с десятью другими его членами [1. С. 70–71].

Следуя призыву лидера РПК А. Оджалана, 1 сентября 1999 г. Совет президиума РПК, в состав которого входил Осман Оджалан, принял решение вывести бойцов РПК с территории Северного Курдистана и окончательно перенести штаб РПК в горы Кандиль в Курдском автономном районе Ирака. В марте 2003 г. Осман Оджалан в штабе РПК в Кандиле заявил западным журналистам: «Мы никогда не позволим себя разоружить, пока не будет урегулирован курдский вопрос» [15].

В годы, пока Осман Оджалан был членом Совета президиума РПК, он пытался для утверждения своей единоличной власти провести реформы в рядах партии. С одной стороны, он предлагал либеральные реформы, в частности дать возможность членам РПК при определенных условиях покинуть ряды партии, а рассмотрение судебных дел партийным судом сделать всесторонним и объективным. С другой – он предлагал ужесточить контроль над зарубежными отделениями партии. В борьбе за первенство в партии у него осложнились отношения с конкурентами в лице Мурата Карайылана, Дж. Байыка, Софи Нуреттина и др. В отношении Турции Осман Оджалан предлагал либеральную линию борьбы, которую не одобряли другие члены ЦК РПК. Параллельно по его инициативе были созданы филиалы РПК в других частях разделенного Курдистана, в частности Партия свободной жизни Курдистана (ПСЖК) в Иранском (Восточном) Курдистане и Партия демократический союз (ПДС) в Сирийском (Западном) Курдистане.

В 2004 г. Совет президиума РПК, не удовлетворившийся перемирием, возобновил боевые действия. С этим решением Осман Оджалан был не согласен. Кроме того, встал вопрос об избрании единоличного председателя РПК. В итоге в августе 2004 г. лидером РПК стал М. Карайылан, а Осман Оджалан и еще

20 его соратников в знак протеста покинули ряды партии [16]. При вторичном выходе из партии Осман Оджалан унес из партийной кассы не менее 25% годового дохода Рабочей партии Курдистана. По словам А. Оджалана, прозвучавшим в ходе суда над ним в 1999 г., годовой бюджет РПК составлял 200 млн долл.

Большую роль в расколе РПК сыграло то, что О. Оджалан и его сторонники вновь подняли проблему возможности вступления в брак для членов РПК. Для Османа это был личный вопрос, так как с 2003 г. он опять состоял в любовных отношениях с девушкой из рядов РПК. На этот раз его избранницей стала Кеве Шуджай из семьи иранских курдов. Дилар Дирик, видная представительница современного курдского феминизма, дает следующую оценку событиям 2004 г.: «Осман Оджалан вызвал большой раскол в движении, избрав феодально-националистическую линию. Одним из его лозунгов было “Мы тоже хотим вступать в брак” <...> Позиция Османа Оджалана выглядела как открытая атака на женское движение. В кругах, близких к Осману Оджалану, многие женщины порвали с РПК, выйдя замуж. Боевой дух женского движения в то время серьезно пострадал из-за представления, что курдские женщины должны вести себя как “нормальные” жены... Женское движение не было против брака как такового, проблема была в том, что Осман Оджалан пытался подорвать женское движение, говоря, что их участие в вооруженной борьбе, а следовательно, и освобождение, “не нормальные”» [17. Р. 38–39].

Осман Оджалан, покидая ряды РПК, обещал создать легальную партию в Турции, которая будет лояльной РПК. На этом поприще его соратниками были Хикмет Фидан в Турции и Файик Глупи в Ираке. Осенью 2004 г. Осман Оджалан и Хикмет Фидан учредили Патриотическую демократическую партию (ПДП) в Северном Курдистане. Однако в июле 2005 г. Х. Фидан, известный своей критикой А. Оджалана, был убит РПК [18], а сам Осман Оджалан, не имея возможности посещать Турцию, был вынужден смириться со слиянием ПДП с Народно-демократической партией (ХАДЕП). Та же участь постигла и политическую организацию, которую он совместно с Файиком Глупи создал в Ираке под названием Партия демократического решения Курдистана (ПДРК). Причиной ее ликвидации было отсутствие источников финансирования, непопулярность и преследование неокрепшей организации властями Южного Курдистана.

В 2007 г., во время интервью иностранным журналистам, Осман Оджалан охарактеризовал положение РПК следующим образом. По его мнению, численность бойцов РПК составляет примерно 6–7 тыс. человек. РПК перенесла свой штаб в иранскую часть горного хребта Кандиль [19].

С 2010 г. Осман Оджалан стал более доступным для журналистов. Видимо, у него исчез страх по поводу того, что власти Южного Курдистана могут выдать его Турции, а турецкие специальные службы потеряли к нему интерес после того, как он покинул ряды РПК. В связи с этим он начал часто давать интервью, особенно для СМИ, подконтрольных Демократической партии Курдистана.

кратической партии Курдистана (ДПК). За приличные гонорары он с каждым разом все более зашоренно критикует деятельность РПК в регионе, утверждая, что она приносит больше вреда, чем пользы народу Курдистана. При этом О. Оджалан настаивает на том, что турецкие власти должны освободить лидера РПК А. Оджалана, и тогда он на основе своей философии и

авторитета сможет разрешить курдский вопрос в Турции мирными средствами.

Резюмируя, можно сказать, что Осман Оджалан относится к тому типу политических деятелей, для которых собственное мнение, благополучие и личная власть стоят выше, чем коллегиальное руководство и конкурентная борьба за власть.

Список источников

1. Ахмедов Т.А. Реорганизация и деятельность Партии рабочих Курдистана в 1999–2009 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 69–72.
2. Соппротивление – жизнь. М.: Wesanen welet, 1994. 90 с.
3. Создание РПК и ее борьба за национальные права курдского народа (1973–1984 гг.) // Дружба. 2001. № 11. С. 27–29.
4. Осман Оджалан // gaz.wiki. URL: https://gaz.wiki/wiki/ru/Osman_Ocalan
5. Marcus A. Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence. New York University Press, 2009. 363 p.
6. Nachmani A. Turkey: Facing a New Millennium. Coping with Intertwined Conflicts. Manchester University Press, 2003. 264 p.
7. Aslan F. Aşk itirafları // Hurriyet Gazetecilik ve Matbaacılık AS. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/ask-itiraflari-251658>
8. Kurda K. Bad Blood Between Brothers: The KDP, PUK, PKK Conflict. 44 p.
9. Tax M. A Road Unforeseen: Women Fight the Islamic State. Bellevue Literary Press, 336 p.
10. Osman Ocalan sedema cudabûna xwe ji Kongra Gel û PKK bi daxuyaniyeke çapemeniyê eşkere kir // Partiya Demokrat'a Kurdistan – Xoybun. URL: <http://www.xoybun.com/modules.php?name=News&file=print&sid=5261>
11. Haner M. The Freedom Fighter: A Terrorist's Own Story // Ohio Department of Higher Education. URL: https://etd.ohiolink.edu/apexprod/rws_etd/send_file/send?accession=ucin1479818030113573&disposition=attachment
12. Kutschera C. Kurdistan Turkey: PKK dissidents accuse Abdullah Ocalan // The Middle East Magazine. July 2005. URL: http://chris-kutschera.com/A/pkk_dissidents.htm
13. Ateş Mavi ve Kırmızı // Şehîdên Me Rûmeta Me Ne. URL: <http://hpgsehit.com/index.php/eh-anilari/333-ate-mavi-ve-krmz5>
14. Маркелов М.Ю. Видеоэпопея из жизни бойцов РПК. М.: OPT, 1998.
15. Strauss J. Kurdish rebels ready to fight to the death for their cause // The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/1424241/Kurdish-rebels-ready-to-fight-to-the-death-for-their-cause.html>
16. Jongerden J. Gender equality and radical democracy: Contractions and conflicts in relation to the “new paradigm” within the Kurdistan Workers’ Party (PKK) // Anatoli. Les Kurdes : puissance montante au Moyen-Orient? URL: <https://journals.openedition.org/anatoli/618>
17. Living Without Approval. Dilar Dirik Interviewed by Jonas Staal // New World Academy Reader #5: Stateless Democracy. 2015. 245 p.
18. Days of terror. Violent Kurdish terrorism returns to Turkey, with little solution in sight // The Economist. URL: <https://www.economist.com/europe/2005/07/21/days-of-terror>
19. Arbil P. Former leader of Kurd rebels reveals retreat into Iran // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/former-leader-of-kurd-rebels-reveals-retreat-into-iran-399013.html>

References

1. Akhmedov, T.A. (2012) Kurdistan Workers’ Party reorganization and activity in 1999–2009. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 362. pp. 69–72. (In Russian).
2. Anon. (1994) *Soprotivlenie – zhizn’* [Resistance is Life]. Moscow: Wesanen welet.
3. Druzhiba. (2001) Sozdanie RPK i ee bor’ba za natsional’nye prava kurdsogo naroda (1973–1984 gg.) [The creation of the PKK and its struggle for the national rights of the Kurdish people (1973–1984)]. *Druzhiba*. 11. pp. 27–29.
4. Gaz.wiki. (n.d.) *Osman Odzhalan*. [Online] Available from: https://gaz.wiki/wiki/ru/Osman_Ocalan. (In Russian).
5. Marcus, A. (2009) *Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence*. New York University Press.
6. Nachmani, A. (2003) *Turkey: Facing a New Millennium. Coping with Intertwined Conflicts*. Manchester University Press.
7. Aslan, F. (2004) Aşk itirafları. *Hurriyet Gazetecilik ve Matbaacılık AS*. [Online] Available from: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/ask-itiraflari-251658>.
8. Kurda, K. (2015) *Bad Blood Between Brothers: The KDP, PUK, PKK Conflict*. [S.l.]: [s.n.].
9. Tax, M. (2016) *A Road Unforeseen: Women Fight the Islamic State*. New York: Bellevue Literary Press.
10. Partiya Demokrat’a Kurdistan – Xoybun. (n.d.) *Osman Ocalan sedema cudabûna xwe ji Kongra Gel û PKK bi daxuyaniyeke çapemeniyê eşkere kir*. [Online] Available from: <http://www.xoybun.com/modules.php?name=News&file=print&sid=5261>.
11. Haner, M. (2016) *The Freedom Fighter: A Terrorist’s Own Story*. Ph.D. Diss. [Online] Available from: https://etd.ohiolink.edu/apexprod/rws_etd/send_file/send?accession=ucin1479818030113573&disposition=attachment.
12. Kutschera, S. (2005) Kurdistan Turkey: PKK dissidents accuse Abdullah Ocalan. *The Middle East Magazine*. July. [Online] Available from: http://chris-kutschera.com/A/pkk_dissidents.htm.
13. Şehîdên Me Rûmeta Me Ne. (n.d.) *Ateş Mavi ve Kırmızı*. [Online] Available from: <http://hpgsehit.com/index.php/eh-anilari/333-ate-mavi-ve-krmz5>.
14. Markelov, M.Yu. (1998) *Videoreportazh iz zhizni boytsov RPK* [Video report from the life of PKK fighters]. Moscow: OPT.
15. Strauss, J. (2003) Kurdish rebels ready to fight to the death for their cause. *The Telegraph*. [Online] Available from: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/1424241/Kurdish-rebels-ready-to-fight-to-the-death-for-their-cause.html>.
16. Jongerden, J. (2017) Gender equality and radical democracy: Contractions and conflicts in relation to the “new paradigm” within the Kurdistan Workers’ Party (PKK). *Les Kurdes : puissance montante au Moyen-Orient?* [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/anatoli/618>. DOI: 10.4000/anatoli.618
17. Staal, J. (2015) Living Without Approval. Dilar Dirik Interviewed by Jonas Staal. In: In der Maur, R., Staal, J. & Bayram, S. (eds) *New World Academy Reader #5: Stateless Democracy*. Utrecht: BAK.
18. The Economist. (2005) Days of terror. Violent Kurdish terrorism returns to Turkey, with little solution in sight. *The Economist*. [Online] Available from: <https://www.economist.com/europe/2005/07/21/days-of-terror>.
19. Arbil, P. (2007) Former leader of Kurd rebels reveals retreat into Iran. *The Independent*. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/former-leader-of-kurd-rebels-reveals-retreat-into-iran-399013.html>.

Информация об авторе:

Ахмедов Т.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (Нерюнгри, Россия). E-mail: RSevoi@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Akhmedov, Cand. Sci. (History), associate professor, Technical Institute (Branch) of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov (Neryungri, Russian Federation). E-mail: RSevoi@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 17.08.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 001(091)
doi: 10.17223/15617793/477/13

Практическое применение струнного гальванометра Эйнтховена в первой четверти XX в.

Анна Николаевна Иванова¹

¹ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия, anna1486@mail.ru

Аннотация. Рассматривается история струнного гальванометра Виллема Эйнтховена – измерительного прибора, разработанного для научных исследований в области физиологии. Приведены сведения о начале промышленного производства в 1900-е гг. коммерческих моделей прибора. Сделан вывод о том, что промышленное изготовление струнного гальванометра Эйнтховена несколькими производителями, усовершенствование его конструкции способствовали успешному практическому применению прибора в разных областях науки и техники.

Ключевые слова: Виллем Эйнтховен, струнный гальванометр Эйнтховена, коммерческая модель прибора, электрокардиография, телеграфия, звуковая разведка

Для цитирования: Иванова А.Н. Практическое применение струнного гальванометра Эйнтховена в первой четверти XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 119–125 doi: 10.17223/15617793/477/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/13

The practical use of the Einthoven string galvanometer in the first quarter of the 20th century

Anna N. Ivanova¹

¹ Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation, anna1486@mail.ru

Abstract. The article considers the history of the Einthoven string galvanometer. The instrument was invented by the Dutch physiologist Willem Einthoven for electrophysiological research at the beginning of the 20th century, but later the sphere of its application extended. In particular, the invention of the Einthoven string galvanometer allowed using a method of electrocardiography in clinical medicine. In the article, the introduction of the Einthoven string galvanometer into practice is considered. The chronological scope of the study covers the period from 1901 to 1924. In 1901 Einthoven published his first article on the string galvanometer. In 1924 he was awarded the Nobel Prize for his achievements in electrocardiography. The article is aimed at identifying the factors that contributed, in the given chronological scope, to the practical use of the Einthoven string galvanometer – an instrument originally designed for scientific research. The sources of the study are publications of scientists and physicians who worked with the Einthoven string galvanometer in the 1900s–1910s, materials of the periodical press, textbooks. The article contains a short description of the construction of the Einthoven instrument and the principle of its use. The first commercial models of the instrument appeared in the 1900s as a result of Einthoven's cooperation with instrument makers, improvements in the construction of the instrument and its manufacturing. Consumers were given an opportunity to choose a suitable model of the Einthoven string galvanometer according to its price and characteristics. In the 1910s, the instrument was manufactured in several European countries and in the United States of America. The data on possibilities of the Einthoven string galvanometer as well as the description of research carried out with its help appeared in different scientific publications that contributed to the spread of information about the instrument and attraction of new customers. The purchase of the necessary device for registration of human electrocardiogram by medical institutions led to the development of a new instrumental method of diagnosis of the functional state of the heart. The high sensitivity of the Einthoven string galvanometer made possible to use it in wireless telegraphy for recording messages. A modified model of the Einthoven instrument with six strings was used in sound-ranging during World War I. The author comes to the conclusion that the manufacturing of the Einthoven string galvanometer by several instrument makers and the improvement of its construction facilitated successive practical applications of the instrument in different spheres of science (physiology, medicine) and technology (telegraphy, **military technology**).

Keywords: Willem Einthoven, Einthoven string galvanometer, commercial model of the instrument, electrocardiography, telegraphy, sound-ranging

For citation: Ivanova, A.N. (2022) The practical use of the Einthoven string galvanometer in the first quarter of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 119–125. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/13

В 1924 г. за «открытие механизма электрокардиограммы» лауреатом Нобелевской премии по физиологии или медицине стал голландский физиолог Виллем Эйнтховен [1]. Именно разработанный Эйнтховеном струнный гальванометр сделал возможным применение электрокардиографии в медицинской практике. Прибор Эйнтховена появился в начале XX в., когда четко прослеживалась «тенденция возрастания роли науки в техническом прогрессе» [2. С. 358]. Научные приборы находили применение в области техники и промышленности, сфера их применения постоянно расширялась [3. Р. 65].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы определить факторы, способствовавшие внедрению в практику в первой четверти XX в. струнного гальванометра Эйнтховена – прибора, первоначально разработанного для научных исследований в сфере физиологии. Источниковой базой для статьи стали научные труды ученых, работавших с прибором Эйнтховена в 1900–1910-е гг., материалы периодической печати, учебная литература. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1901 по 1924 г. – с появления первой публикации Эйнтховена о струнном гальванометре до получения Эйнтховеном Нобелевской премии за достижения в области электрокардиографии.

Первоначально разработанный Эйнтховеном струнный гальванометр предназначался для проведения электрофизиологических экспериментов. Прибор состоял из электромагнита, между полюсами которого была натянута как струна очень тонкая посеребренная кварцевая нить. Когда через нить, расположенную в магнитном поле, проходил электрический ток, она отклонялась к одному из полюсов электромагнита. Отклонения нити можно было наблюдать в микроскоп либо фиксировать их на фотопластинке [4. Р. 625, 627, 629; 5. Р. 53–54]. Прибор Эйнтховена обладал необходимыми характеристиками для того, чтобы улавливать, а в сочетании с фоторегистрирующим устройством и записывать биоэлектрические потенциалы. В своей Нобелевской лекции Эйнтховен отмечал, что «в физиологии струнный гальванометр успешно использовали для записи электрических токов мышц, нервов, кожи, а также электрических токов органов чувств» [6. Р. 99].

Промышленное производство струнного гальванометра Эйнтховена началось в 1900-е гг. По вопросу изготовления коммерческих моделей прибора Эйнтховен обращался к нескольким голландским и иностранным производителям инструментов. Ученый не был против производства копий разработанного им струнного гальванометра [7; 8. Р. 114]. Первой компанией, куда в 1902 г. обратился Эйнтховен, стала немецкая компания «Сименс и Гальске». И хотя компания занималась выпуском разного оборудования, в том числе телеграфного и электротехнического, на тот момент она не проявила интерес к прибору. В 1907 г. компания возобновила общение с Эйнтховеном относительно производства его прибора. К тому времени уже появились публикации в научных изданиях, которые раскрыли перед производителем пер-

спективы применения прибора в разных сферах. Так, сам Эйнтховен показал возможность использования своего прибора в медицинской практике в опубликованной в 1906 г. статье «Le télécardiogramme». Ученый и его коллеги осуществили регистрацию электрокардиограмм пациентов клиники Лейденского университета, используя для этого телефонный кабель. Электрокардиограммы (в статье Эйнтховен обозначил их как «телекардиограммы») были записаны при помощи струнного гальванометра Эйнтховена в лаборатории ученого, расположенной на расстоянии приблизительно 1,5 км от клиники. Заинтересовавшись производством струнного гальванометра, компания «Сименс и Гальске» хотела получить патент на прибор Эйнтховена. Но в итоге в 1913 г. компания была вынуждена отказаться от идеи выпуска прибора из-за возникших трудностей с получением патента [7. Р. 374–375, 383–385; 9. Р. 246–247, 251].

Некоторые производители не были готовы взять на себя финансовые риски, связанные с изготовлением коммерческих моделей прибора. Они опасались, что струнный гальванометр Эйнтховена, дорогой прибор, не будет пользоваться спросом. Кроме того, производителям предстояло найти покупателей для научного прибора, а для этого требовались связи в научной среде [7. Р. 374–377]. Изготовление струнного гальванометра Эйнтховена было также связано с определенными техническими трудностями. Так, оригинальный прибор Эйнтховена был очень громоздким (одной из его частей являлся большой электромагнит, который охлаждали водой), для его размещения было необходимо просторное помещение. Поэтому изготовление струнного гальванометра Эйнтховена в коммерческих целях требовало от производителей инструментов модификации конструкции самого прибора (в первую очередь, уменьшение его веса, размера) и совершенствования технологии производства его составных частей (к примеру, совершенствование процесса серебрения нитей – струн для гальванометра) [5. Р. 62–63; 10. Р. 329; 11. Р. 8–9].

Прибор Эйнтховена заинтересовал двух производителей – компанию М. Эдельмана (Германия) и Кембриджскую инструментальную компанию (Англия) [7. Р. 378–379]. Эдельман был, вероятно, первым производителем инструментов, кто изготовил струнные гальванометры для продажи [10. Р. 339]. Первые модели прибора, выпущенные компанией, были очень похожи на оригинальный прибор Эйнтховена, затем в конструкцию прибора внесли изменения. Компания Эдельмана стала производить большие и малые модели струнного гальванометра с электромагнитом и постоянным магнитом. Малые модели прибора уступали в чувствительности большим моделям [10. Р. 339; 11. Р. 4]. Компания Эдельмана выпускала коммерческие модели прибора без взаимодействия с Эйнтховеном. По имеющимся сведениям, в начале сотрудничества Эйнтховен отправил Эдельману отпечаток своей статьи 1903 г. о струнном гальванометре и письмо, которое содержало дополнительную информацию. В письме к Эйнтховену производитель выразил свое сожаление о невозможности получить

патент на прибор, поскольку сведения об изобретении Эйнтховена были опубликованы. Компания попросила ученого высказать условия и предложения по возможному улучшению струнного гальванометра. Эйнтховен предоставил запрашиваемые данные, а также предложил производить прибор меньшего размера с постоянным магнитом. Производитель же сообщил ученому о том, что конструирование более простого прибора уже велось. В 1905 г. Эдельман получил в Германии правовую защиту в виде охраны модели малого струнного гальванометра собственной конструкции [8. Р. 115–116]. В дальнейшем Эдельман решил прервать соглашение с Эйнтховеном. По мнению производителя инструментов, устройство струнного гальванометра Эйнтховена было похоже на устройство другого прибора – струнного гальванометра Адера, публикация о котором вышла в 1897 г. В связи с этим компания Эдельмана считала возможным прекратить сотрудничество с ученым и не платить ему авторские отчисления (англ. royalties) от продажи приборов. Следует отметить, что хотя принцип работы струнного гальванометра Эйнтховена был похож на принцип работы струнного гальванометра Адера, приборы отличались друг от друга. Струнный гальванометр Адера, который был разработан как средство для приема телеграфных сообщений, обладал меньшей чувствительностью по сравнению с прибором Эйнтховена – измерительным прибором, чья сфера применения не ограничилась только экспериментальными исследованиями в области физиологии. После 1907 г. общение компании Эдельмана с Эйнтховеном прекратилось [5. Р. 58; 7. Р. 379–380].

Сотрудничество Эйнтховена с другим производителем инструментов – Кембриджской инструментальной компанией, одним из основателей которой являлся Гораций Дарвин – сын Чарльза Дарвина [5. Р. 67], оказалось для ученого более продолжительным и успешным. Эйнтховен первым начал переписку с производителем в 1903 г. Прибор Эйнтховена заинтересовал компанию, которая специализировалась на производстве научного оборудования и могла за счет имевшихся в научном сообществе связей найти покупателей для струнного гальванометра. Кембриджская инструментальная компания была готова произвести необходимые модификации для создания подходящей для продажи модели прибора. Однако Эйнтховен не сразу заключил соглашение с компанией, так как считал себя связанным обязательствами с компанией Эдельмана. Гораций Дарвин убедил ученого начать сотрудничество [5. Р. 63; 7. Р. 378–379, 381]. Так, в буклете Кембриджской инструментальной компании 1912 г. значилось, что профессор Эйнтховен оказал компании «значительное содействие» в производстве прибора [12. Р. 26]. По заключенному соглашению Эйнтховен получал от Кембриджской инструментальной компании денежные отчисления от продажи моделей прибора. Производитель внес свои изменения в конструкцию прибора Эйнтховена. Конструирование прибора было выполнено Уильямом Дадделлом, которому удалось уменьшить размер электромагнита. Модифицированный прибор стал легче и

меньше по размеру в отличие от оригинального прибора Эйнтховена, при этом характеристики прибора остались прежними. Для предотвращения дополнительных воздействий струну в разработанной Дадделлом модели прибора заключили в контейнер – воздухо непроницаемую коробочку со слюдяными окошками по центру. Первая модель струнного гальванометра, произведенная Кембриджской инструментальной компанией, была продана в 1905 г. в физиологическую лабораторию в Шеффилде [5. Р. 63, 75; 10. Р. 338; 11. Р. 4].

Уже в 1900-е гг. покупатели могли выбрать подходящую для них по характеристикам и стоимости модель прибора, которые выпускали несколько производителей. В 1909 г. в своей статье, посвященной струнному гальванометру, Эйнтховен сообщал, что в продаже имелись разные модели прибора. Они отличались от оригинального прибора менее сложным устройством, что уменьшало их стоимость [13. С. 318]. Производители инструментов старались сделать конструкцию коммерческих копий гальванометра Эйнтховена удобной для потребителей. К примеру, они предлагали модели, в которых был предусмотрен футляр для струны – специальный контейнер, что делало процесс смены струны менее затратным по времени [13. С. 318; 14. С. 59]. Помимо фирм – производителей инструментов, конструированием моделей струнного гальванометра Эйнтховена занимались сами исследователи. Например, Й.К.А. Вертгейм-Саломонсон, профессор Амстердамского университета, разработал и сконструировал в частном порядке несколько струнных гальванометров [10. Р. 337]. Постепенно количество стран, где изготавливали модели струнного гальванометра Эйнтховена, увеличивалось. Первый струнный гальванометр, выпущенный в Соединенных Штатах Америки, был спроектирован Горацио Уильямсом, профессором Колумбийского университета, после посещения лаборатории Эйнтховена в Лейдене. Модель по проекту Уильямса была сконструирована в 1910-е гг. механиком Чарльзом Хиндлом [10. Р. 329; 11. Р. 14]. В 1914 г. фирма «Булитт-Верден» выпускала модели струнного гальванометра Эйнтховена в Париже [15. Р. 299].

Струнный гальванометр Эйнтховена постепенно становился частью оборудования физиологических лабораторий различных учреждений. К примеру, по опубликованным в 1910 г. данным, большой и малый струнный гальванометры Эйнтховена производства компании Эдельмана вместе с оборудованием для фотографической регистрации были в числе приборов физиологического отдела биологической станции Неаполя [16. Р. 30]. В России первый струнный гальванометр Эйнтховена появился в Казанском университете, в лаборатории основоположника отечественной электрокардиографии Александра Филипповича Самойлова. В 1906 г. профессор Самойлов ходатайствовал о приобретении прибора Эйнтховена для физиологической лаборатории физико-математического факультета университета [17. С. 32].

Появление струнного гальванометра Эйнтховена открыло возможность применения метода электро-

кардиографии в исследованиях электрических процессов в сердце. В 1910 г. В.Ф. Зеленин, врач, в статье «Электрокардиограмма, ее значение для физиологии, общей патологии, фармакологии и клиники» писал: «...что касается значения гальванометрического исследования для физиологии, то сама электрокардиограмма есть безраздельное ее достояние, как новый метод изучения работы сердца, при этом метод, имеющий большое преимущество перед практиковавшимися до сих пор (сфигмография, кардиография, наблюдение за работой обнаженного сердца и т.д.). На самом деле трудно оценить достаточно значение полного отсутствия всякого травматизма для такого нежного органа, к тому же связанного широкой сетью взаимоотношений со всеми частями тела. Немаловажно и то обстоятельство, что суждение составляется здесь не на основании промежуточных звеньев (пульс, сердечный толчок), а из непосредственного наблюдения над явлениями известной категории» [18. С. 682–683].

Научные исследования, проведенные с помощью струнного гальванометра как самим Эйнтховеном, так и другими учеными, врачами показали возможности применения метода электрокардиографии в экспериментальной работе и в клинической медицине. Вышедшие же научные издания, содержавшие сведения о новом методе исследования и новом научном приборе, служили для потенциальных покупателей источником информации о возможностях прибора. К примеру, в 1909 г. была впервые опубликована монография по электрокардиографии, написанная А.Ф. Самойловым на немецком языке [19. Р. 1624]. В период с 1910 по 1914 г. были изданы еще несколько монографий (среди авторов – исследователи, врачи Фридрих Краус и Георг Николаи [14], Томас Льюис), в которых было показано значение метода электрокардиографии для клинической медицины [7. Р. 381; 20. Р. 940–941]. Издания могли содержать не только описание конструкции струнного гальванометра Эйнтховена и методики работы с ним, но и критические отзывы о работе с прибором, как, например, в монографии Карла Виггера, посвященной системе кровообращения [21. Р. 157–159]. Сведения о струнном гальванометре Эйнтховена стали публиковать в учебных изданиях, предназначенных для студентов и преподавателей медицинских учебных заведений. К примеру, описание прибора можно найти в вышедшем в 1909 г. «Учебнике по экспериментальной физиологии», предназначенном для студентов, изучавших медицину [22. Р. 26].

С приобретением коммерческих моделей прибора в больницы, госпитали, университетские клиники у врачей появилась возможность применять наряду с уже известными инструментальными и клиническими методами исследования сердечно-сосудистой системы метод электрокардиографии. Так, медицинские учреждения для обследования пациентов могли купить у компании Эдельмана «электрокардиографическую станцию» – комплекс необходимых приборов, аппаратов для регистрации электрической активности сердца человека, о чем в своей статье в 1910 г. сооб-

щал Л.Ф. Баркер, профессор медицины Университета Джонса Хопкинса и главный врач больницы Джонса Хопкинса в Балтиморе. В состав станции Эдельмана кроме струнного гальванометра (компания Эдельмана выпускала большие и малые модели прибора) входили еще шесть составляющих компонентов, в том числе электроды, фотографический регистрирующий прибор, аппарат для определения чувствительности гальванометра. Малые модели струнного гальванометра компании Эдельмана стоили дешевле, тем не менее, для применения в больницах был желателен более дорогой комплект оборудования, снабженный большой моделью струнного гальванометра [23. Р. 363, 366]. Разработанный Эйнтховеном прибор стал основой для электрокардиографа, первая коммерческая модель которого была продана в 1908 г. [5. Р. 53].

Струнный гальванометр Эйнтховена использовали и в других сферах. В начале XX в. быстро развивалась беспроводная связь, происходило усовершенствование аппаратов и устройств для передачи и приема сообщений на расстоянии [2. С. 314]. Высокая чувствительность струнного гальванометра Эйнтховена позволяла использовать его в беспроводной телеграфии для приема сообщений. Отклонения струны гальванометра могли быть зафиксированы с помощью фотографий. На негативе пленки фотографическое изображение выглядело как широкая темная полоса с тонкой светлой линией (изображение струны) по центру. Когда при приеме сигнала струна смещалась со своей обычной позиции на короткий промежуток времени или на несколько более длительный срок, изображение линии менялось. На линии появлялись короткие и длинные выемки, соответствующие точкам и тире, сигналам малой и большой продолжительности. Подобный способ фиксации сообщений в некоторых случаях имел преимущество перед восприятием сообщений оператором на слух. Прибор Эйнтховена использовали в работе трансатлантических станций компании Маркони [24. Р. 263–264; 25. Р. 294–296; 26. Р. 549, 582]. Так, по имеющимся сведениям, струнные гальванометры Эйнтховена были приобретены компанией беспроводного телеграфа Маркони у Кембриджской инструментальной компании в 1909 и 1912 гг. [5. Р. 75–76].

В своей Нобелевской лекции Эйнтховен отметил модель струнного гальванометра, сконструированную инженером В. Эйнтховеном, подходившую для использования очень тонких струн [6. Р. 96]. Виллем Эйнтховен вместе с сыном Виллемом Фредериком Эйнтховеном, который изучал электрическую инженерию, во время Первой мировой войны работали над тем, чтобы использовать прибор как приемник для радиотелеграмм для прямой передачи сообщений с острова Ява в его страну-метрополию Нидерланды. В военное время передача сообщений на дальние расстояния посредством радиотелеграфии, в частности из Нидерландов на станцию острова Ява, без использования наземных станций, расположенных на территории других стран, была актуальной проблемой. Эйнтховен-младший предложил увеличить чувствительность струнного гальванометра и для этого умень-

шить длину и диаметр струны и поместить струну в вакуум [8. Р. 49–50]. Результаты проведенной работы были опубликованы в 1923 г. в трудах Королевской академии наук и искусств Нидерландов [27].

С началом Первой мировой войны сфера применения струнного гальванометра Эйнтховена расширилась. Прибор Эйнтховена стали использовать в звуковой разведке, проведение которой было необходимым для определения местоположения батарей противника в условиях повышавшейся маневренности артиллерии и ведения огня с закрытых огневых позиций [2. С. 418–419]. Звуковую разведку производили при помощи звукометрических станций – системы различных приборов. Модифицированный для применения в военном деле струнный гальванометр Эйнтховена был задействован в качестве регистрирующего устройства. Прибор содержал шесть струн. Каждая струна присоединялась к отдельному микрофону, который должен был улавливать звуковые волны, шедшие от орудий противника. От каждого из шести звукоприемников преобразованный в колебания электрического тока сигнал переходил к регистрирующему устройству, в частности вызывал колебания соответствующей струны, ее движения записывались на фотографической пленке. Наличие нескольких звукоприемников позволяло по разности времен начала записей сигналов, поступивших от звукоприемников, определить направление на источник звукового сигнала и расстояние до него. Разработчиком прибора для звуковой разведки на основе струнного гальванометра Эйнтховена был Люсьен Булл, исследователь, работавший в Париже в Институте Марей (известно, что прибор Эйнтховена производства Кембриджской инструментальной компании был куплен Институтом

в 1909 г.). Струнный гальванометр Эйнтховена, модифицированный Люсьеном Буллом, был на вооружении в английской, французской и американской армиях [5. Р. 75; 10. Р. 340; 28. Р. 248].

Таким образом, взаимодействие Виллема Эйнтховена, разработавшего в начале XX в. новый прибор для электрофизиологических исследований, с производителями инструментов, а также усовершенствование фирмами-изготовителями конструкции прибора и технологии его производства способствовали появлению в 1900-е гг. первых предназначенных для продажи промышленных копий струнного гальванометра. Выпуском коммерческих моделей прибора занимались несколько производителей инструментов из разных стран, что давало возможность потребителям выбрать подходящую по стоимости и характеристикам модель. Выходившие научные публикации о проведенных с помощью прибора исследованиях раскрывали для покупателей сведения о конструкции, характеристиках и возможностях струнного гальванометра Эйнтховена.

Измерительный прибор, обладавший высокой чувствительностью, конструкция которого позволяла производить регистрацию электрических потенциалов, стал востребованным в разных сферах деятельности. В первой четверти XX в. струнный гальванометр Эйнтховена получил применение как в области науки (физиология, медицина), так и в области техники (телеграфия, военная техника). Техническое совершенствование прибора Эйнтховена вело к появлению более удобных для потребителей моделей прибора, что способствовало успешному практическому применению струнного гальванометра Эйнтховена в разных областях науки и техники.

Список источников

1. The Nobel Prize in Physiology or Medicine 1924. NobelPrize.org. Nobel Prize Outreach AB 2021. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/medicine/1924/summary/> (дата обращения: 28.07.2021).
2. Техника в ее историческом развитии (70-е гг. XIX – нач. XX в.). / отв. ред. С.В. Шухардин, Н.К. Ламан, А.С. Федоров. М.: Наука, 1982. 510 с.
3. British scientific instruments // Nature. 1922. Vol. 109, № 2725. P. 65–66.
4. Einthoven W. Un nouveau galvanomètre // Archives néerlandaises des sciences exactes et naturelles. 1901. T. VI. P. 625–633.
5. Burnett J. The origins of the electrocardiograph as a clinical instrument // Medical History, Supplement. 1985. № 5. P. 53–76.
6. Einthoven W. Nobel Lecture: The string galvanometer and the measurement of the action currents of the heart. P. 94–111. NobelPrize.org. Nobel Prize Outreach AB 2021. URL: <https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/einthoven-lecture.pdf> (дата обращения: 28.07.2021).
7. Grob B. Willem Einthoven and the development of the string galvanometer. How an instrument escaped the laboratory // History and Technology. 2006. Vol. 22, № 4. P. 369–390. doi: 10.1080/07341510601003081. URL: <http://ieeemilestones.ethw.org/images/3/3a/Einthoven.pdf> (дата обращения: 31.07.2021).
8. Snellen H.A. Willem Einthoven (1860–1927). Father of electrocardiography. Life and work, ancestors and contemporaries. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1995. 140 p.
9. Einthoven W. Le télécardiogramme // Archives néerlandaises des sciences exactes et naturelles. 1906. Vol. XI. P. 239–272.
10. Williams H.B. The Einthoven string galvanometer, a theoretical and experimental study. Part 2. Reprinted from The Journal of the Optical Society of America and Review of Scientific Instruments. 1926. Vol. XIII // Studies from the Department of Physiology. Columbia University. Reprints 1922–1926. 1928. Vol. X. P. 313–382. URL: <https://archive.org/details/studiesreprints10coluuoft/page/4/mode/2up?q=Studies+from+the+Department+of+Physiology.+Columbia+University.+Reprints+1922%E2%80%921926> (дата обращения: 24.07.2021).
11. Barron S.L. The development of the electrocardiograph. With some biographical notes on Prof. W. Einthoven. Cambridge monograph no. 5. London: Cambridge Instrument Company Ltd., 1952. 26 p.
12. Some electrical instruments. Manufactured and supplied by the Cambridge scientific instrument company, LTD., Cambridge, England. Cambridge, 1912. 107 p. URL: <https://www.sil.si.edu/DigitalCollections/trade-literature/scientific-instruments/files/51687/> (дата обращения: 24.07.2021).
13. Einthoven W. Die Konstruktion des Saitengalvanometers // Archiv für die gesammte Physiologie des Menschen und der Thiere. 1909. Bd. 130. S. 287–321.
14. Kraus F., Nicolai G. Das Elektrokardiogramm des gesunden und kranken Menschen. Leipzig: Verlag von Veit & Comp., 1910. 322 S. URL: <https://wellcomecollection.org/works/ywpuub9e/items?canvas=5> (дата обращения: 23.07.2021).
15. Meyer J.De. Les méthodes modernes d'examen du coeur et des vaisseaux. Paris: Librairie J.-B. Baillière et Fils, 1914. 537 p. URL: <https://archive.org/details/b28035914> (дата обращения: 23.07.2021).

16. Kofoid Ch.A. The biological stations of Europe. United States Bureau of Education Bulletin. No. 4. Washington : Government Printing Office, 1910. 360 p. URL: <https://archive.org/details/b24875995/page/360/mode/2up?q=The+biological+stations+of+Europe> (дата обращения: 20.07.2021).
17. Григорян Н.А. Александр Филиппович Самойлов. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 203 с.
18. Зеленин В.Ф. Электrokardiogramma, ее значение для физиологии, общей патологии, фармакологии и клиники // Военно-медицинский журнал. 1910. Т. CCXXVIII. С. 677–688.
19. Krikler D.M. The search of Samojloff: a Russian physiologist in times of change // British Medical Journal. 1987. Vol. 295 (6613). P. 1624–1627.
20. Fye W.B. A history of the origin, evolution, and impact of electrocardiography // The American Journal of Cardiology. 1994. Vol. 73, № 13. P. 937–949.
21. Wiggers C. Modern aspects of the circulation in health and disease. Philadelphia ; New York : Lea & Freiberg, [1915]. 376 p. URL: <https://archive.org/details/modernaspectsofc00wigg/page/376/mode/2up> (дата обращения: 24.07.2021).
22. Alcock N.H., Ellison F.O'B. A textbook on experimental physiology for students of medicine. London : J. & A. Churchill, 1909. 139 p. URL: <https://archive.org/details/b24755965> (дата обращения: 20.07.2021).
23. Barker L.F. Electrocardiography and phonocardiography. A collective review // The Johns Hopkins Hospital Bulletin. 1910. Vol. XXI, № 237. P. 358–389. URL: <https://archive.org/details/johnshopkinsmedi21john/page/8/mode/2up?q=The+Johns+Hopkins+Hospital+Bulletin+1910> (дата обращения: 24.07.2021).
24. Pierce G.W. Principles of wireless telegraphy. New York ; London : McGraw-Hill Book Company, 1910. 350 p. URL: <https://archive.org/details/principlesofwire00pierrich/page/342/mode/2up> (дата обращения: 24.07.2021).
25. Zenneck J. Wireless telegraphy. New York : McGraw-Hill Book Company, Inc ; London : Hill Publishing CO., Ltd, 1915. 443 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.212404/page/n3/mode/2up?q=Wireless+telegraphy> (дата обращения: 24.07.2021).
26. Fleming J.A. The principles of electric wave telegraphy and telephony. 4th ed. London ; New York ; Bombay ; Calcutta ; Madras : Longmans, Green and Co., 1919. 707 p. URL: <https://archive.org/details/principlesselect01flemgoog/page/n8/mode/2up> (дата обращения: 24.07.2021).
27. Einthoven W.F. The string galvanometer in wireless telegraphy // Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Proceedings of the section of sciences. 1923. Vol. XXVI, № 7–8. P. 635–649. URL: <https://www.dwc.knaw.nl/toegangen/digital-library-knaw/?pagetype=publDetail&pId=PU00014598> (дата обращения: 24.07.2021).
28. E.N. da C.A. Range-finders and position-finders // Encyclopaedia Britannica. The new volumes. 12th ed. London: The Encyclopaedia Britannica Company, LTD; New York: The Encyclopaedia Britannica, INC, 1922. Vol. XXXII. P. 242–249. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.83474/page/n13/mode/2up> (дата обращения: 22.07.2021).

References

1. NobelPrize.org. (2021) The Nobel Prize in Physiology or Medicine 1924. *Nobel Prize Outreach AB 2021*. [Online] Available from: <https://www.nobelprize.org/pri-zes/medicine/1924/summary/> (Accessed: 28.07.2021).
2. Shukhardin, S.V., Laman, N.K. & Fedorov, A.S. (eds) (1982) *Tekhnika v ee istoricheskoy razvitiy (70-e gg. XIX – nach. XX v.)* [Technology in Its Historical Development (1870s – beginning of the 20th century)]. Moscow: Nauka.
3. Nature. (1922) British scientific instruments. *Nature*. 2725 (109). pp. 65–66.
4. Einthoven, W. (1901) Un nouveau galvanomètre. *Archives néerlandaises des sciences exactes et naturelles*. VI. pp. 625–633.
5. Burnett, J. (1985) The origins of the electrocardiograph as a clinical instrument. *Medical History, Supplement*. 5. pp. 53–76.
6. Einthoven, W. (2021) Nobel Lecture: The string galvanometer and the measurement of the action currents of the heart. *Nobel Prize Outreach AB 2021*. pp. 94–111. [Online] Available from: <https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/einthoven-lecture.pdf> (Accessed: 28.07.2021).
7. Grob, B. (2006) Willem Einthoven and the development of the string galvanometer. How an instrument escaped the laboratory. *History and Technology*. 4 (22). pp. 369–390. DOI: 10.1080/07341510601003081 [Online] Available from: <http://ieeemilestones.ethw.org/images/3/3a/Einthoven.pdf> (Accessed: 31.07.2021).
8. Snellen, H.A. (1995) *Willem Einthoven (1860–1927). Father of electrocardiography. Life and work, ancestors and contemporaries*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers.
9. Einthoven, W. (1906) Le télécardiogramme. *Archives néerlandaises des sciences exactes et naturelles*. 11. pp. 239–272.
10. Williams, H.B. (1928) The Einthoven string galvanometer, a theoretical and experimental study. Part 2. Reprinted from The Journal of the Optical Society of America and Review of Scientific Instruments. 1926. Vol. XIII. *Studies from the Department of Physiology. Columbia University*. Reprints 1922–1926. Vol. 10. pp. 313–382. [Online] Available from: <https://archive.org/details/studiesreprints10coluuoft/page/4/mode/2up?q=Stu-dies+from+the+Department+of+Physiology.+Columbia+University.+Reprints+1922%E2%80%921926> (Accessed: 24.07.2021).
11. Barron, S.L. (1952) *The development of the electrocardiograph. With some biographical notes on Prof. W. Einthoven. Cambridge monograph no. 5*. London: Cambridge Instrument Company Ltd.
12. Anon. (1912) *Some electrical instruments. Manufactured and supplied by the Cambridge scientific instrument company, LTD., Cambridge, England*. Cambridge: [s.n.]. [Online] Available from: <https://www.sil.si.edu/DigitalCollections/trade-literature/scientific-instruments/files/51687/> (Accessed: 24.07.2021).
13. Einthoven, W. (1909) Die Konstruktion des Saitengalvanometers. *Archiv für die gesamte Physiologie des Menschen und der Thiere*. Vol. 130. pp. 287–321.
14. Kraus, F. & Nicolai, G. (1910) *Das Elektrokardiogramm des gesunden und kranken Menschen*. Leipzig: Verlag von Veit & Comp. [Online] Available from: <https://wellcomecollection.org/works/ywpuub9e/items?canvas=5> (Accessed: 23.07.2021).
15. Meyer, J.De. (1914) *Les méthodes modernes d'examen du coeur et des vaisseaux*. Paris: Librairie J.-B. Baillière et Fils. [Online] Available from: <https://archive.org/details/b28035914> (Accessed: 23.07.2021).
16. Kofoid, Ch.A. (1910) *The biological stations of Europe. United States Bureau of Education Bulletin. No. 4*. Washington: Government Printing Office. [Online] Available from: <https://archive.org/details/b24875995/page/360/mode/2up?q=The+biological+stations+of+Europe> (Accessed: 20.07.2021).
17. Grigoryan, N.A. (1963) *Aleksandr Filippovich Samoylov*. Moscow: USSR AS.
18. Zelenin, V.F. (1910) Elektrokardiogramma, ee znachenie dlya fiziologii, obshchey patologii, farmakologii i kliniki [Electrocardiogram, its significance for physiology, general pathology, pharmacology and clinic]. *Voenno-meditsinskiy zhurnal*. 228. pp. 677–688.
19. Krikler, D.M. (1987) The search of Samojloff: a Russian physiologist in times of change. *British Medical Journal*. 295 (6613). pp. 1624–1627.
20. Fye, W.B. (1994) A history of the origin, evolution, and impact of electrocardiography. *The American Journal of Cardiology*. 13 (73). pp. 937–949.
21. Wiggers, C. (1915) *Modern aspects of the circulation in health and disease*. Philadelphia; New York: Lea & Freiberg. [Online] Available from: <https://archive.org/details/modernaspectsofc00wigg/page/376/mode/2up> (Accessed: 24.07.2021).
22. Alcock, N.H. & Ellison, F.O'B. (1909) *A Textbook on Experimental Physiology for Students of Medicine*. London: J. & A. Churchill. [Online] Available from: <https://archive.org/details/b24755965> (Accessed: 20.07.2021).
23. Barker, L.F. (1910) Electrocardiography and phonocardiography. A collective review. *The Johns Hopkins Hospital Bulletin*. 237 (21). pp. 358–

389. [Online] Available from: <https://archive.org/details/johnshopkinsmedi21john/page/8/mode/2up?q=The+Johns+Hopkins+Hospital+Bulletin+1910> (Accessed: 24.07.2021).
24. Pierce, G.W. (1910) *Principles of Wireless Telegraphy*. New York; London: McGraw-Hill Book Company. [Online] Available from: <https://archive.org/details/principlesofwire00pierrich/page/342/mode/2up> (Accessed: 24.07.2021).
25. Zenneck, J. (1915) *Wireless Telegraphy*. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc; London: Hill Publishing CO., Ltd. [Online] Available from: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.212404/page/n3/mode/2up?q=Wireless+telegraphy> (Accessed: 24.07.2021).
26. Fleming, J.A. (1919) *The Principles of Electric Wave Telegraphy and Telephony*. 4th ed. London; New York; Bombay; Calcutta; Madras: Longmans, Green and Co. [Online] Available from: <https://archive.org/details/principleselect01flemgoog/page/n8/mode/2up> (Accessed: 24.07.2021).
27. Einthoven, W.F. (1923) The string galvanometer in wireless telegraphy. *Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Proceedings of the section of sciences*. 7–8 (26). pp. 635–649. [Online] Available from: <https://www.dwc.knaw.nl/toegangen/digital-library-knaw/?pagetype=publDe-tail&pId=PU00014598> (Accessed: 24.07.2021).
28. E.N. & C.A. (1922) Range-finders and position-finders. In: *Encyclopaedia Britannica. The new volumes*. 12th ed. Vol. 32. London: The Encyclopaedia Britannica Company, LTD; New York: The Encyclopaedia Britannica, INC. pp. 242–249. [Online] Available from: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.83474/page/n13/mode/2up> (Accessed: 22.07.2021).

Информация об авторе:

Иванова А.Н. – научный сотрудник отдела сравнительной кардиологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар, Россия). E-mail: anna1486@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.N. Ivanova, researcher, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: anna1486@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 15.08.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/477/14

Факторы и причины снижения рождаемости у городского населения Красноярского края в конце 1950-х – начале 1990-х гг.

Иван Владимирович Копылов¹

¹ Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнёва,
Красноярск, Россия, Kopilov_ivan@mail.ru

Аннотация. Анализируются факторы снижения рождаемости в городской местности Красноярского края в конце 1950-х – начале 1990-х гг. В качестве основной причины снижения рождаемости выделено изменение репродуктивного поведения (в том числе репродуктивных стратегий) как составляющей общественного сознания. В качестве фундаментального фактора выделен переход к городскому образу жизни, связанный с форсированной индустриализацией региона и ускоренной урбанизацией.

Ключевые слова: демографическая история, городское население, Красноярский край, рождаемость, репродуктивное поведение, репродуктивные стратегии

Для цитирования: Копылов И.В. Факторы и причины снижения рождаемости у городского населения Красноярского края в конце 1950-х – начале 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 126–132. doi: 10.17223/15617793/477/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/14

Factors and reasons of the birth rate of the urban population of Krasnoyarsk Krai in the late 1950s – early 1990s

Ivan V. Kopylov¹

¹ Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russian Federation, Kopilov_ivan@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to align a hierarchy of factors and analyze the reasons for the decline in the birth rate among the urban population of Krasnoyarsk Krai in the late 1950s – early 1990s. The source base is the materials of the current population count for Krasnoyarsk Krai and the Russian Soviet Federative Socialist Republic. An attempt is made to distinguish between the concepts of “fertility factor” and “cause of fertility”. The reasons in the article mean those changes in public consciousness that led to the abandonment of the birth of children or a decrease in their number within the framework of intrafamily birth control. Factors mean objective changes in social life, which led to a change in the component of social consciousness associated with reproductive behavior. The article shows that the decline in the birth rate in the period under review was of a landslide nature. The highest rates of this process were observed in the 1960s. The author proves that the birth rate in the region decreased more than the average for the RSFSR, which was largely due to the initially higher level and higher rates of industrial development of the region in the period under review. Changes in public consciousness, manifested in the restructuring of the system of values, goals, needs and priorities of individuals and related norms and models of sexual, matrimonial, pro-creative behavior, are designated as the main fundamental reason for the decline in the birth rate. The main factor in fertility decline highlighted the transition to the urban way of life, greatly accelerated the forced industrial development of Krasnoyarsk Krai. Another determining factor was a decrease in the need for children due to significant successes in the striving against child mortality in the context of the withering away of the family’s production function. The author proves that children lost their importance, as evidenced by a very high abortion rate and a decline in the number of children in the family. These changes are interpreted as the final approval of the pronounced K reproductive strategy. The important role of the structural factor is emphasized, taking into account the fact that its negative impact on the birth rate in the region was manifested to a lesser extent than on average in the urban area of the RSFSR due to the remoteness from the fronts of the Great Patriotic War and youth migration to industrial facilities under construction in the period under review, which led to a “leveling” of the age-and-gender structure. The author hypothesizes that the remaining factors are either connected or are parts of the mentioned ones, and that only integral systemic changes in the most significant aspects of social life (the level and prevailing type of production, women’s involvement in the economy, the state of social infrastructure, etc.) that altered public consciousness can be interpreted as the causes of factors of declining fertility.

Keywords: demographic history, urban population, Krasnoyarsk Krai, fertility, reproductive behavior, reproductive strategies

For citation: Kopylov, I.V. (2022) Factors and reasons of the birth rate of the urban population of Krasnoyarsk Krai in the late 1950s – early 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 126–132. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/14

Актуальность историко-демографических исследований сегодня очевидна. Завершение становления современного типа воспроизводства в России в условиях глобализации и соседства с менее развитыми странами с более высокой рождаемостью способствует формированию в общественном сознании тревожного образа замещения российского населения мигрантами. Мы не разделяем этих тревог, и, на наш взгляд, на данный момент существуют более серьезные, не гипотетические, а вполне реальные проблемы в демографической сфере: рождаемость ниже уровня простого воспроизводства, мужская сверхсмертность, низкая (в сравнении с наиболее развитыми стран) продолжительность жизни. Особо остры эти проблемы на территориях, ставшими районами нового промышленного освоения (РНПО) во второй половине XX в., одной из которых являлся Красноярский край.

На наш взгляд, наиболее опасной для общества проблемой из перечисленных является низкая, продолжающаяся снижаться рождаемость. При этом вопрос о том, может ли государственное вмешательство повлиять на этот процесс, до сих пор является дискуссионным (в современном научном дискурсе полярные точки зрения по-прежнему связаны с именами А.И. Антонова и А.Г. Вишневского). Если исходить из того, что государство способно влиять на демографическую сферу и даже её регулировать, то разработать эффективную демографическую политику без теоретического осмысления обвального снижения рождаемости в 1960-е гг. практически невозможно, так как демографические процессы инерционны и во многом обусловлены событиями прошлого (особо ярко это проявляется в так называемых демографических волнах, т.е. отражении исторических событий в половозрастной структуре населения). К тому же значимая часть факторов, влиявших на рождаемость в советский период, актуальны и сегодня, в связи с чем их изучение представляет общественный и научный интерес.

Очевидно, что для поиска путей решения демографических проблем необходимо выявить их причины и обозначить влияющие на них факторы. Несмотря на то что на данный момент существует огромный массив специализированной литературы, имеются определенные проблемы в категориальном аппарате, так как в советской историографии не было единства по поводу соотношения категорий «причина» и «фактор» при анализе демографических процессов. Так, В.И. Переведенцев использует эти категории как синонимы, Б.Ц. Урланис разграничивает факторы и условия как социальную обстановку, а Т.И. Заславская выделяет и условия, и факторы, и причины [1. С. 52].

В постсоветский период ясности в этот вопрос внесено не было. Крупнейшие специалисты по демографической сфере РНПО Сибири, как правило, употребляют обозначенные понятия как равнозначные (Л.Н. Славина [2], В.А. Исупов [3], О.Б. Дашинамжилов [4] и др.). Попытки развести эти понятия немногочисленны (подробнее см. статью Л.Л. Рыбаковского [1. С. 52]).

Основная проблема применения связки «причина – фактор» заключается в том, что не всегда получается

вскрыть различия между теми аспектами общественного бытия, которые собственно и вызывают снижение рождаемости через изменения в поведении субъекта и теми, что определяют интенсивность и параметры (динамику, структуру, масштабы и т.д.) этого процесса. В связи с этим в рамках демографической истории возникает ситуация, когда факторы нередко трактуются как причины снижения рождаемости, что затрудняет анализ этого процесса, построение иерархии факторов, а также усложняют дискуссию из-за разного понимания ключевых понятий. Так, например, можно прийти к выводу, что главной причиной снижения рождаемости является рост образовательного уровня женщин, что логически близко к утверждению, что причиной рака легких является курение, а не сбой в процессах регуляции тканевого роста, обусловленный не одним, а множеством факторов.

В данной статье мы не претендуем на решение обозначенной проблемы, но необходимо обозначить, что далее мы будем рассматривать в качестве причин снижения рождаемости, а что в качестве факторов. Под причинами понимаются те изменения в общественном сознании, которые приводили к отказу от рождения детей или снижению их числа в рамках внутрисемейного регулирования рождаемости у отдельных индивидов. Под факторами – те объективные изменения в общественном бытии, которые привели к изменению общественного сознания, действующие не обособленно друг от друга, а комплексно и системно, так как только в системе факторы проявляют эмерджентность и приводят к снижению рождаемости в рамках популяции. Учитывая вышесказанное, целью данной статьи является построение иерархии факторов и анализ причин снижения рождаемости у городского населения Красноярского края в последнее советское тридцатилетие. Это как раз и позволит выявить те аспекты общественной реальности, на которые должны быть направлены усилия общества и государства для решения демографических проблем сегодня.

Снижение рождаемости в городской местности Красноярского края в 1960-е гг. никак кроме как обвальным назвать нельзя. С 1960 по 1970 г. общий коэффициент рождаемости в городской местности края снизился на 27,1%, а в среднем по РСФСР – на 27,5% (табл. 1). В дальнейшем снижение продолжилось, но темпы этого процесса снизились.

Специфика общего коэффициента рождаемости как статистического показателя может ввести в заблуждение: можно сделать неверный вывод, что рождаемость в среднем по стране снизилась сильнее. Это не так. Анализ динамики более точных показателей, таких как суммарный коэффициент рождаемости (СКР), показывает, что рождаемость в городской местности края снизилась на 22,5%, а в РСФСР – на 15,9% (рассчитано по табл. 2). Снижение специального и возрастных коэффициентов рождаемости в крае также было выше, чем в среднем по стране. Таким образом, демографическая сфера края «пострадала» сильнее, чем РСФСР в целом.

Наиболее высокие темпы снижения рождаемости были характерны для женщин в возрасте 25–29 лет,

вносящих второй по величине вклад в общее число новорожденных. За рассматриваемый период возрастной коэффициент рождаемости для этой когорты снизился на 45,7% (в среднем по РСФСР – на 44,9%), а наибольшую интенсивность этот процесс приобрел

именно в 1960-е гг., что видно из имеющихся динамических рядов (в дальнейшем его темпы замедлились, а в 1970-е гг. даже наблюдался эпизодический рост, обусловленный прежде всего структурным фактором).

Таблица 1

**Общий коэффициент рождаемости в городской местности Красноярского края
и РСФСР в 1960–1991 гг.***

Территория	Год							
	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1989	1991
Красноярский край	23,8	16,9	17,3	17,5	17,8	18,4	15,0	12,2
РСФСР	20,4	14,4	14,8	15,9	15,8	16,1	14,0	11,2

* Составлено по [5. С. 3; 6. С. 55].

Таблица 2

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости городского населения Красноярского края и РСФСР в 1958–1991 гг.*

Год	Территория	Число родившихся в среднем за год на 1 000 женщин в возрасте, лет								СКР
		До 20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	15–49	
1958/ 1959	Красноярский край	31,7	149,3	136,6	87,3	47,8	13,2	1,8	80,7	2,339
	РСФСР	22,7	134,8	129,0	77,3	38,1	10,4	1,1	67,3	2,06
1969/ 1970	Красноярский край	32,9	143,2	96,0	59,2	25,1	5,7	0,4	55,1	1,812
	РСФСР	27,0	135,1	97,2	59,4	22,3	4,8	0,5	49,2	1,733
1979/ 1980	Красноярский край	43,8	147,3	94,0	50,5	15,2	3,7	0,2	59,8	1,773
	РСФСР	38,4	141,2	93,8	48,2	14,6	3,2	0,2	55,3	1,688
1984/ 1985	Красноярский край	50,7	145,4	102,9	57,4	23,7	3,2	0,2	63,8	1,917
	РСФСР	42,3	141,5	102,7	55,4	20,5	2,7	0,1	58,9	1,826
1986/ 1987	Красноярский край	49,4	157,9	104,8	64,7	26,8	5,5	0,1	64,5	2,016
	РСФСР	42,5	150,8	107,5	61,6	23,9	4,6	0,1	61,0	1,955
1990	Красноярский край	52,9	142,3	84,4	44,0	18,7	3,7	0,1	50,1	1,73
	РСФСР	48,1	141,5	86,0	44,2	17,0	3,4	0,1	49,3	1,701
1991	Красноярский край	53,9	132,0	74,2	38,6	15,6	2,9	0,2	45,1	1,590
	РСФСР	47,4	130,4	75,2	37,7	14,4	3,0	0,1	43,8	1,540

*Рассчитано по: [7. С. 33; 6. С. 94, 137; 8, Л. 6; 9. С. 62].

Фундаментальной причиной снижения рождаемости у городского населения в рассматриваемый период как в крае, так и во всём мире, являются изменения в общественном сознании, повлекшие за собой пересмотр характерных для традиционного типа воспроизводства репродуктивных стратегий, вызванные коренными изменениями в общественном бытии, заключавшиеся в переходе к городскому образу жизни. Этот переход затронул все сферы общественной жизни, изменив конфигурацию экономического базиса, в том числе и отраслевую структуру экономики, что сопровождалось ростом уровня жизни, и, как следствие, уровня и стандартов потребления.

Исходя из этого, истоки более высоких темпов снижения показателей рождаемости в городской местности Красноярского края чем в среднем по РСФСР следует искать в темпах и масштабах промышленного освоения региона в годы «красноярских десятилеток» (к этому моменту европейская часть страны уже прошла наиболее интенсивный период индустриализации). Форсированная индустриализация края существенно ускорила процесс урбанизации (как в узком, так и широком смысле) и необратимо изменила повседневность, место в общественном разделении труда и социальный статус подавляющей части населения.

Реализация программ комплексного промышленного освоения региона и формирования территориально-производственных комплексов (ТПК) требова-

ла массового вовлечения женщин в общественное производство, что напрямую влияло на показатели рождаемости [10]. Женщины, в которых власть видела трудовые резервы, активно вовлекались не только в производственную, но и образовательную деятельность, так как существенно возросла потребность в квалифицированных кадрах.

Образование, как общественный институт, выполняло не только экономическую функцию, но развивающую и социализирующую, что значительно меняло мировоззрение, а с ним, как его составляющую, ценностные установки. За рассматриваемый период образовательный уровень женщин существенно возрос, что влекло за собой повышение их квалификации и, следовательно, экономической независимости [11. С. 19]. К 1989 г. на 1 000 женщин 115 имели высшее образование (у мужчин – 113) (табл. 3).

Массовое образование и вовлечение широких масс в совместную производственную деятельность существенно меняли общественное сознание, в том числе и систему ценностей. Менялись жизненные цели, приоритеты, идеалы и принципы, в том числе и в области семейной жизни. Значения семьи для молодежи снижались: к концу советского периода, в 1987 г. всего 6% опрошенной молодежи в крае назвало семью в качестве основного жизненного приоритета [11. С. 59].

Изменения в общественном сознании влекли за собой изменения в репродуктивном поведении и его составляющих. Менялось матримониальное поведение у женщин,

что проявлялось в возрастании «требований» к потенциальным женихам, но при это ориентации на конкретный класс не было (что можно было объяснить крайней неоднородностью категорий «рабочий» и «служащий», вскрывшейся в ходе критики «трёхчленной модели»). С.И. Голод отмечал, что исследования ухаживаний

вскрыли эластичность норм выбора жениха и невесты, т.е. мужчины-служащие ориентировались и на женщин-служащих, и на студенток, а женщины-служащие могли выходить замуж и за мужчин-рабочих. Семьи имели гетерогенный характер по социальному статусу и гомогенный по уровню образования [12. С. 58].

Таблица 3

Изменение уровня образования городского населения Красноярского края в возрасте 15 лет и старше*

Год	На тысячу человек имеют образование						
	Высшее и среднее (полное и неполное)	В том числе					Начальное
		Высшее	Неоконченное высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Неполное среднее	
Мужчины							
1970	648	50	18	88	141	351	270
1979	805	79	20	129	245	332	157
1989	881	113	20	186	338	224	96
Женщины							
1970	611	43	16	105	146	301	188
1979	740	74	17	170	226	253	142
1989	825	115	20	252	250	188	105

* Составлено по: [5].

Вышесказанное было характерно и для городов Красноярского края. Материалы единовременного выборочного обследования молодых семей в крае за 1984 г. свидетельствует о том, что в большинстве семей образовательный уровень женщин был или такой же, как и мужа (в 50,7% случаев), или ниже (в 30,6%). Из этого следует, что женщины преимущественно выходили замуж за мужчин или с равным уровнем образования, или более высоким (рассчитано по: [13. Л. 69]). В семьях служащих это проявлялось особенно ярко: всего в 20,4% таких семей при наличии высшего образования у одного из супругов имелся супруг с более низким уровнем образования, т.е. женщины-служащие с высшим образованием ориентировались

на мужчин-служащих с высшим образованием (женщины-рабочие были более «либеральными»). Таким образом, чем выше был уровень образования женщины, тем выше были её «требования» к потенциальным женихам в плане образования.

Трансформация матримониального поведения отражалась в показателях брачности и разводимости (табл. 4). В рассматриваемый период брачность снижалась, а разводимость росла (опять же, наибольшее снижение брачности пришлось на 1960-е гг.). К тому же в последнюю четверть XX в. происходило значительное снижение повторных браков [12. С. 203], что приводило к росту числа одиночек и, как следствие, ещё больше снижало рождаемость.

Таблица 4

Динамика общих показателей брачности и разводимости в городской местности Красноярского края в 1960–1991 гг.*

Год	Общий коэффициент брачности, ‰	Общий коэффициент разводимости, ‰	Число браков, тыс.	Число разводов, тыс.
1960	16,5	1,6	19,0	1,8
1965	11,4	2,5	15,9	3,5
1970	12,3	4,0	19,4	6,3
1975	12,0	4,4	20,9	7,7
1980	11,6	5,3	22,4	10,2
1985	10,9	5,2	22,9	11,0
1990	9,6	4,8	21,3	10,7
1991	9,2	5,1	20,3	11,4

* Составлено по: [14. С. 39].

Высокий уровень разводимости свидетельствует об дестабилизации семьи как общественного института. Это подтверждается и высоким уровнем внебрачной рождаемости в городской местности края, превышавшем среднереспубликанский. Так, в 1959 г. в крае 16,8% всех детей было рождено вне брака (в РСФСР в 1960 г. – 11,5%), в 1989 г. – 18,6% (15,5%) [2. С. 355; 5. С. 87; 15. С. 102]. Это было обусловлено тем, что, с одной стороны, получали распространение консенсуальные браки, с другой – шла трансформация норм сексуального поведения, которая приводила к сдвигу первого сексуального опыта в более младшие возраста и увеличению числа случаев нежелательной беременности [16].

Трансформация сексуального поведения была значительно ускорена новыми жизненными условиями: молодежные стройки, «культура общежития», особая культурная среда формирующейся городской местности порождали аномию, что влекло за собой либерализацию норм сексуального поведения. В условиях некоторых трудностей с контрацепцией и только формирующейся сексуальной культурой это способствовало росту числа аборт [16].

Изучение годовых отчетов по акушерско-гинекологической помощи и состоянию родовспоможения в Красноярском крае показало крайне неблагоприятную ситуацию с абортами в его городской местности (подробнее см.: [17]). После легализации

абортов (1955 г.) в конце 1950–1960-х гг. соотношение аборт и родов составляло 3 (в отдельные годы 4 [18. Л. 6]) к 1, к концу периода – 2 к 1. Причем чем крупнее был город, тем выше там был уровень абортов. Так, в 1960 г. в Красноярске было совершено в два раза больше абортов (21 тыс., что составляет 20,5% всех абортов в городской местности края), чем во втором по численности городе – Норильске [19. Л. 14]. При этом даже после легализации и увеличения числа больниц, осуществлявших прерывание беременности, сохранялись очереди. В крупных городах время ожидания могло составлять до 1 месяца [19. Л. 13]. Ситуация менялась к лучшему, но проблема решалась медленно: к концу 1960-х гг., в среднем, женщины ожидали аборта от 2 до 10 дней [20. Л. 1].

Основные мотивы абортов, зафиксированные в отчетах о состоянии акушерско-гинекологической службы в крае (плохие жилищные условия, отсутствие яслей, незарегистрированный брак [19. Л. 12]), в очередной раз подтверждают тезис о негативном влиянии на рождаемость состояния социальной инфраструктуры и нестабильности в межличностных отношениях.

Стоит отметить, что вовлечение женщин в общественное производство в некоторых случаях негативно сказывалось на их репродуктивном здоровье. Так, у женщин, работавших в машиностроении, строительстве, химическом производстве, а также текстильной и швейной промышленности, наблюдались более высокие показатели перинатальной смертности, чем у женщин из других отраслей [21. Л. 4].

Таким образом, под воздействием объективной реальности в рассматриваемый период менялись все компоненты репродуктивного поведения: сексуальное, матримонильное и прокреативное. Результаты изменений последнего наглядно демонстрируют материалы переписи населения 2002 г.: если у женщин, рожденных до 1932 г., среднее число детей к моменту переписи составляло 2,297, то у поколения, вступившего в репродуктивный возраст в конце 1950-х – начале 1960-х гг., – 1,759, что свидетельствует о значительных отличиях в прокреативном поведении женщин, разделенных всего лишь одним десятилетием (рассчитано по [22]. Данные без Хакасской автономной области).

Под воздействием каких именно факторов менялось общественное сознание? Как отмечалось ранее, в качестве глобального, основного, фундаментального фактора необходимо назвать переход к городскому образу жизни, существенно ускоренный процессами форсированного промышленного освоения Красноярского края. Ещё одним определяющим фактором является снижение потребности в детях общества в целом из-за существенных успехов в борьбе с детской смертностью. Повышение культурного уровня населения, развитие системы здравоохранения и медицины повысили выживаемость детей, следовательно, уменьшилась потребность в рождении многих для выживания нескольких, т.е. отпадает объективная необходимость рожать множество детей в «гаранта выживания» [2. С. 418] популяции. Ведущие демографы видят в этом окончательное утверждение К-стратегии, предполагающий отказ от многочислен-

ного потомства с низкой выживаемостью в пользу немногочисленного, но с высокой вероятностью дожить до репродуктивного возраста [23. С. 8].

Отдельно необходимо отметить структурный фактор, обусловленный демографическим составом населения. Его негативное влияние на рождаемость в Красноярском крае ощущалось не настолько остро, как в европейской части страны, в силу его географического положения и отдаленности от наиболее кровопролитных фронтов мировых и гражданской войн. К тому же массовая молодежная миграция существенно «сгладила» диспропорцию полов в репродуктивных возрастах.

Все остальные факторы либо связаны, либо являются составляющей обозначенных. Так, промышленное освоение края было невозможно без привлечения дополнительных трудовых ресурсов. Основными их источниками стали внутренние трудовые резервы (в том числе незанятые в народном хозяйстве женщины) и миграция. В начале 1960-х начался процесс массового вовлечения женщин в общественное производство. Это способствовало снижению брачной плодovitости, что на материалах Красноярского края было доказано ещё в 1970-е гг. [24. С. 8] и в дальнейшем лишь подтверждалось.

Отмечавшийся ранее рост разводимости был обусловлен возросшей материальной самостоятельностью женщин и изменением правового аспекта (упрощения процедуры развода). Это в совокупности с возросшей социальной мобильностью, миграционной активностью и состоянием социальной инфраструктуры городской местности края делало молодые семьи крайне нестабильными (что, к слову, объясняет более высокий уровень разводимости, чем в среднем по РСФСР) также приводило к снижению рождаемости.

Именно изменение материального положения женщины, ставшее следствием вовлечения их в общественное производство, влекло за собой изменение в общественном сознании. Менялся социальный статус женщины и соответствующий ролевой набор. Можно предположить, что эти изменения влекли за собой ряд ролевых конфликтов: как внутриволевых, так и межролевых, когда женщина была вынуждена определять, кто она в первую очередь: член трудового коллектива или жена, домохозяйка или начальник, хорошая мать, уделяющая всё своё внимание единственному ребенку или жертвующая частью внимания к первому ради второго и т.д. В любом случае изменение образовательного уровня и вовлечение женщин в общественное производство привели к тому, что социальные роли работниц народного хозяйства «вытеснили» (или «потеснили») социальную роль матери.

Изменение общественной реальности, в частности социального статуса, меняло и уровень материальных притязаний и, следовательно, менялись стандарты потребления. Требования к социальной инфраструктуре постоянно возрастали, в то время как уровень её развития в крае был низок (относительно требований эпохи). Всё это способствовало формированию детоцентристской модели семьи, когда происходит отказ от рожде-

ния последующих детей для того, чтобы обеспечить всем необходимым (или мнимо необходимым) первых. Иллюстрацией этого является отчет специалистов объединенного родительского дома г. Норильска. По их данным, в основном аборт делали женщины, уже имеющие двоих или больше детей и опасющиеся, что не смогут их обеспечивать должным образом, а также женщины с непрочным браком [25. Л. 98].

Снижению рождаемости способствовали и многочисленные проблемы системы здравоохранения, которая просто не успевала за темпами ростами городского населения. Изучение материалов постоянной комиссии краевого совета депутатов трудящихся по здравоохранению и решений самого крайсовета показало, что больницы часто располагались в непригодных под них зданиях, некоторые из которых были лишены отопления и канализации. Коек для больных не хватало, нередко их размещали в коридорах (высокие показатели – 11 коек на 1 000 населения в первой половине 1960-х гг. были обусловлены высокой обеспеченностью местами северных районов и округов края, в центральных районах ситуация была хуже). В некоторых роддомах не хватало даже кроваток и весов. Остро ощущалась нехватка медицинских кадров, в том числе и педиатров. Заявки по лекарствам удовлетворялись на 40–70% [26. С. 36, 42, 227, 230]. Наблюдался дефицит специалистов: к концу 1960-х в городах края не хватало 860 врачей (более 40% утвержденного штата) [27. Л. 87].

К началу 1980-х гг. множество проблем остались нерешенными. Как свидетельствуют отчеты различных ведомств и должностных лиц, практически во всех городах в системе родовспоможения наблюдались существенные проблемы. В 1980 г. в г. Канске после ремонта открыли роддом, но без горячей воды. Его площадь была приблизительно в 6 раз меньше установленных норм. В Красноярске-66 отсутствовали терапевт, стоматолог, использовались просроченные медикаменты и нарушились санитарные нормы. В Ачинске у 21% новорожденных диагностировали гнойно-септические заболевания. В Лесосибирске женские консультации и роддом располагались в непригодных помеще-

ниях, не отвечающим санитарным требованиям, и т.д. [28. Л. 33, 62, 63, 133, 141, 142].

Конечно же, наблюдались и позитивные тенденции: число женских консультаций за рассматриваемый период устойчиво возрастало (как и число «родильных» коек). Уже к 1974 г. охват наблюдением беременных женщин в городской местности края составлял 99,7% [22. Л. 2], но сохранялись проблемы с материально-технической базой и нехваткой «узких» специалистов (например, онкологов-гинекологов) и, в общем, темпы развития системы здравоохранения не соответствовали темпам роста потребностей населения.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что фундаментальной причиной снижения рождаемости стало коренное, вызванное урбанизацией, т.е. переходом к городскому образу жизни, изменение общественного сознания, суть которого заключалась в перестройке всей системы социальных норм, в том числе и репродуктивных. Именно переход к городскому образу жизни, ускоренный форсированным промышленным освоением края и формированием ТПК, запустил действие ряда факторов, напрямую влиявших на рождаемость. При этом социально-экономическая политика советской власти в РНПО лишь ускорила урбанизационные процессы и, как следствие, трансформацию общественного сознания, а не стояла у их истоков.

Только комплексное, системное изменение наиболее значимых сторон общественной жизни (отраслевая структура экономики, вовлеченность женщин в народное хозяйство, состояние социальной инфраструктуры и т.д.) можно трактовать в качестве факторов снижения рождаемости. Именно они и обусловили изменение общественного сознания и, как следствие, причины снижения рождаемости. Отдельные элементы системы не обладают свойствами системы, следовательно, повышение образовательного уровня, повышение затрат на ребенка, изменения стандартов потребления, состояние социальной инфраструктуры и другое сами по себе не могут вызвать переход от многодетной семьи к малодетной. Лишь вместе перечисленные факторы порождают причины отказа населения от рождения большого числа детей.

Список источников

1. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм, их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. Т. 20, № 2. С. 51–61.
2. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. 472 с.
3. Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.
4. Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы. Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. 378 с.
5. Демографический ежегодник Красноярского края. 1996. Красноярск, 1997.
6. Демографический ежегодник России. 2002. М., 2002.
7. Население СССР. 1988. М., 1989.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А. 374. Оп. 31. Д. 4921.
9. О демографических процессах в Красноярском крае. Красноярск, 1988.
10. Голод А.И., Харчев А.Г. Производственная работа женщин и семья. Социологические исследования. Л., 1971.
11. Социологи о молодежи Красноярского края. Красноярск, 1987.
12. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
13. ГАРФ. Ф. А. 374. Оп. 39. Д. 8237.
14. Естественное движение населения Красноярского края (статистический ежегодник). Красноярск, 1996.
15. Народное хозяйство РСФСР в 1990. М., 1991.
16. Копылов И.В. Трансформация сексуального поведения красноярцев-горожан в условиях форсированной индустриализации (1960–1980-е гг.) // В мире научных открытий. 2014. № 7.1 (55). С. 586–600.
17. Рафикова С.А., Копылов И.В. Вторая советская легализация аборт и её влияние на репродуктивное поведения горожанок Красноярского края // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 1 (75).
18. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1384. Оп. 4. Д. 369.

19. ГАКК. Ф. 1384. Оп. 4. Д. 226.
20. ГАКК. Ф. 1384. Оп. 4. Д. 5043.
21. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 51. Д. 5665.
22. Всероссийская перепись населения 2002. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_12_01.htm.
23. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1.
24. Ковальчук В.И. Санитарно-демографическая характеристика населения Красноярского края (1939–1970 гг.) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Куйбышев, 1976.
25. ГАКК. Ф. 1384. Оп. 4. Д. 458.
26. ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 1. Д. 3715.
27. ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 1. Д. 3771.
28. ГАКК. Ф. Р. 1384 Оп. 4. Д. 689.

References

1. Rybakovskiy, L.L. (2017) Factors and causes of migration, mechanism of their relationship. *Narodonaselenie – Population*. 2 (20). pp. 51–61. (In Russian).
2. Slavina, L.N. (2007) *Sel'skoe naselenie Vostochnoy Sibiri (1960–1980-e gg.)* [Rural Population of Eastern Siberia (1960–1980s)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
3. Isupov, V.A. (1991) *Gorodskoe naselenie Sibiri: Ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh – konets 50-kh gg.)* [Urban Population of Siberia: From Catastrophe to Rebirth (late 1930s – late 1950s)]. Novosibirsk: Nauka.
4. Dashinamzhirov, O.B. (2018) *Gorodskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody. Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Urban Population of Western Siberia in the 1960s – 1980s. Historical and demographic research]. Novosibirsk: Nauka.
5. Anon. (1997) *Demograficheskij ezhegodnik Krasnoyarskogo kraja. 1996* [Demographic Yearbook of the Krasnoyarsk Krai. 1996]. Krasnoyarsk: [s.n.].
6. Federal State Statistics Service. (2002) *Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2002* [The Demographic Yearbook of Russia. 2002]. Moscow: Federal State Statistics Service.
7. Anon. (1989) *Naselenie SSSR. 1988* [The Population of the USSR. 1988]. Moscow: Finansy i Statistika.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A. 374. List 31. File 4921. (In Russian).
9. Anon. (1988) *O demograficheskikh protsessakh v Krasnoyarskom krae* [About Demographic Processes in the Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: [s.n.].
10. Golod, A.I. & Kharchev, A.G. (1971) *Proizvodstvennaya rabota zhenshchin i sem'ya. Sotsiologicheskie issledovaniya* [Women's Industrial Work and Family. Sociological research]. Leningrad: Nauka.
11. Peshkov, S.I. (ed.) (1987) *Sotsiologi o molodezhi Krasnoyarskogo kraja* [Sociologists about the Youth of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: [s.n.].
12. Golod, S.I. (1998) *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskij analiz* [Family and Marriage: Historical and sociological analysis]. Saint Petersburg: Petropolis.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A. 374. List 39. File 8237. (In Russian).
14. Anon. (1996) *Estestvennoe dvizhenie naseleniya Krasnoyarskogo kraja (statisticheskij ezhegodnik)* [Natural Movement of the Population of the Krasnoyarsk Krai (Statistical yearbook)]. Krasnoyarsk: [s.n.].
15. Goskomstat of USSR. (1991) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1990* [The National Economy of the RSFSR in 1990]. Moscow: Goskomstat.
16. Kopylov, I.V. (2014) Transformation of krasnoyarsk townspeople's sexual behaviour in the conditions of the forced industrialization (the 1960 – 1980th). *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*. 7.1 (55). pp. 586–600. (In Russian).
17. Rafikova, S.A. & Kopylov, I.V. (2017) The second soviet legalization of abortions and its impact on reproductive behaviour of Krasnoyarsk region townswomen. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 1 (75). pp. 172–175. (In Russian).
18. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 1384. List 4. File 369. (In Russian).
19. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 1384. List 4. File 226. (In Russian).
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 1384. List 4. File 5043. (In Russian).
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8009. List 51. File 5665. (In Russian).
22. Federal State Statistics Service. (2002) *Vserossiyskaya perepis 'naseleniya 2002* [All-Russian Population Census 2002]. [Online] Available from: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_12_01.htm.
23. Vishnevskiy, A.G. (2014) The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens. *Demograficheskoe obozrenie – Demographic Review*. 1 (1). pp. 6–33. (In Russian).
24. Koval'chuk, V.I. (1976) *Sanitarно-demograficheskaya kharakteristika naseleniya Krasnoyarskogo kraja (1939–1970 gg.)* [Sanitary and demographic characteristics of the population of Krasnoyarsk Krai (1939–1970)]. Abstract of Medicine Cand. Diss. Kuybyshev.
25. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 1384. List 4. File 458. (In Russian).
26. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R. 1386. List 1. File 3715. (In Russian).
27. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R. 1386. List 1. File 3771. (In Russian).
28. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R. 1384 List 4. File 689. (In Russian).

Информация об авторе:

Копылов И.В. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук Сибирского государственного университета науки и технологий им. М.Ф. Решетнёва (Красноярск, Россия). E-mail: Kopilov_ivan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Kopylov, Cand. Sci. (History), senior lecturer, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: Kopilov_ivan@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2021;
одобрена после рецензирования 21.10.2021; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 11.09.2021;
approved after reviewing 21.10.2021; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/477/15

Импорты из погребений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э. как источник сведений о военных походах населения Среднего Прикамья

Олег Олегович Малых¹

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, ovel34@mail.ru

Аннотация. Рассматривается погребальный инвентарь погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, включавший в свой состав такую разновидность защитного вооружения, как шлемы. На основании поиска аналогий и использования методов палеосоциальной реконструкции высказывается предположение о том, что защитное вооружение, ставшее частью погребального инвентаря погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, является трофеями, приобретёнными в ходе дальних военных походов населения Среднего Прикамья во второй половине III в. н.э.

Ключевые слова: статусное вооружение, шлемы, военные походы, трофеи

Для цитирования: Малых О.О. Импорты из погребений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э. как источник сведений о военных походах населения Среднего Прикамья // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 133–144. doi: 10.17223/15617793/477/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/15

Imports from burials of the Tarasovo burial ground of the second half of the 3rd century AD as a source of information about the military campaigns of the population of the Middle Kama region

Oleg O. Malykh¹

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, ovel34@mail.ru

Abstract. In the second half of the 3rd century AD on the territory of the Tarasovo burial ground located on the right bank of the Kama river, not far from the Tarasovo village, Burials No. 6 and 782 were left in the Tarasovo Sarapul District of the Udmurt Republic. The burials are of interest due to the fact that the social status of the deceased was emphasized by the presence of not only swords, but also helmets in the burial inventory. The aim of this article is to consider the possible reasons for the appearance in Burials No. no. 6 and 782 of helmets as parts of burial inventory and identify their origin. To achieve this aim, materials from the excavations of the Tarasovo, Niva and Ust-Sarapulskoe burial grounds of the Mazuni culture of the population of the Middle Kama region and materials of excavations of the Sarmatian monuments of the Southern Cis-Urals, the Black Sea region, the North Caucasus are used. The use of the analogy method allows establishing that helmets from Burials No. 6 and 782 correspond in design to helmets used by the military formations of the Sarmatians, the Kingdoms of Kushan and Parthia, and by the Roman troops. The data of anthropological studies suggest that men buried in the graves of interest in the Tarasovo burial ground died at the age of 17 to 20 years. Based on the methods of paleosociological research, it is possible to conclude that the deceased were not leaders, but they owned some of the richest male burial complexes of the Tarasovo burial ground. Within the framework of the article, the possibility of the acquisition of segmental and openwork helmets is considered as a result of trade contacts with craft and trade centers in Central Asia or the Black Sea region. Considering the distance between the Middle Kama and these regions, the lack of opportunity for the Mazuni population to organize the supply of grain and slaves in significant volumes, the author concludes that such trade is unlikely. The version of the appearance of helmets as part of the property of migrants is refuted by the absence of significant changes in funeral rituals among the population of the Middle Kama region in the second half of the 3rd century. As the main version of the appearance of helmets in Burials No. 6 and 782, the possibility of long-range military campaigns by the population of the Middle Kama region as part of the Sarmatian squads of the Southern Urals is considered. During these campaigns, helmets and other imports were acquired as trophies or as payment for service, which became part of the burial inventory. Participation in hostilities can explain the acquisition of the social status that led to a violation of the regulation of the funeral rite, which manifested itself in burying protective weapons with the deceased. In a similar way, items of status weapons could be obtained, which were discovered during the excavations of the Niva and Ust-Sarapulskoe burial grounds. Long-distance military campaigns can be considered as one of the channels for the supply of imports to the population of the Kama region in the first half of the 1st millennium AD.

Keywords: status weapons, helmets, military campaigns, trophies

For citation: Malykh, O.O. (2022) Imports from burials of the Tarasovo burial ground of the second half of the 3rd century AD as a source of information about the military campaigns of the population of the Middle Kama region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 133–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/15

Прикамье – географический регион, образованный бассейном р. Кама и ее притоков. В раннем железном веке на территории данного региона проживали группы населения, имевшие сопоставимую культуру и общие исторические корни. При проведении археологических исследований в Прикамье была собрана внушительная коллекция предметов статусного вооружения первой половины I тыс. н.э. Коллекция представлена 169 мечами и палашами, 29 шлемами, 18 кольчугами и фрагментами кольчужного полотна, 6 панцирями, происходящих из захоронений 34 могильников. Для сравнения: при раскопках сарматских памятников, функционировавших во II–IV вв. в Нижнем Поволжье, обнаружено 64 меча; около 40 мечей найдены в захоронениях Южного Предуралья второй половины II–III в. В материалах обоих регионов не зафиксировано находок защитного вооружения [1. С. 65; 2. С. 88].

Для анализа распространения статусного вооружения в среде населения Прикамья показательны материалы Тарасовского могильника, функционировавшего в I–V вв. н.э. на правом берегу р. Кама, недалеко от с. Тарасово Сарапульского р-на Удмуртской республики [3. Т. 1. С. 3]. Из 1 880 захоронений памятника происходит 25 мечей, 3 палаша, 4 шлема, 1 панцирь и 1 кольчуга [4. С. 35–36].

Из воинского снаряжения, как среди тарасовских материалов, так и среди материалов других памятников Прикамья, наиболее редкой категорией находок являются предметы защитного вооружения. Среди комплексов Тарасовского могильника захоронения с доспехами (4 погр.) составляют 0,002% от всех погребений некрополя и 0,014% от количества могил, содержащих оружие, колчаные крючки или элементы конской упряжи (273 погр.) [4. С. 37]. На территории проживания представителей мазунинской культуры, существовавшей в III–V вв. в среднем течении р. Кама, нижнем и среднем течении р. Белой, исследовано около 4 500 захоронений, среди которых 21 погребение содержит предметы защитного вооружения (0,004%). Следует принять во внимание, что значительная часть интересующих погребений могла принадлежать мигрантам. В древности захоронений с защитным вооружением было оставлено больше, но часть из них была разграблена или по иным причинам не включена в научный оборот.

Исходя из периодизации захоронений Тарасовского могильника, предложенной Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, можно выделить два периода, в течение которых защитное вооружение становилось частью погребального инвентаря [6. С. 17–47; 7. С. 172–194].

Первый период приходится на вторую половину III в., когда в дополнение к мечам в погр. 6 и 782 были помещены шлемы (рис. 1, 22, 12) [3. Т. 1. С. 5, 11, 138; 5; 6. С. 25]. Захоронения второго периода совершались в третьей четверти IV в. (погр. 1685) и по-

следней четверти IV в. (погр. 1784), когда умерших сопровождали такие предметы защитного вооружения, как шлемы, панцирь и кольчуга [3. Т. 1. С. 6, 255, 272; 6. С. 38; 7. С. 172].

Время совершения указанных захоронений совпадает с периодами, когда в Прикамье происходил приток защитного вооружения, отразившийся в погребальной обрядности. Без учета погр. 6, 782, 1685, 1784 Тарасовского могильника получаем следующее. Во второй половине III – первой половине IV в. было совершено 15 захоронений, содержащих в своем составе шлемы или кольчуги или и то и другое вместе. В период второй половины IV – начала V в. было оставлено 16 погребений с защитным вооружением.

Появление защитного вооружения в захоронениях нужно рассматривать как материальное отражение процессов и событий, оказавших влияние на социальную структуру и мировоззрение изучаемых обществ.

Социальные и мировоззренческие изменения второй половины IV – начала V в., приведшие к появлению в погр. 1685 и 1784 шлемов, кольчуги и панциря, происходили под влиянием целого ряда факторов. В этот период на территории Тураевского, Кудашевского, Старо-Муштинского, Бродовского могильников и иных памятников были оставлены курганные насыпи, не характерные для традиций населения Прикамья [8. С. 54–55; 9. С. 217; 10. С. 3]. Появление курганных насыпей в сочетании с другими особенностями погребального обряда могут свидетельствовать о проникновении в регион групп мигрантов. Наибольший интерес представляют материалы Тураевского и Кудашевского могильников, при раскопках которых зафиксировано 15 из 18 захоронений второй половины IV – начала V в. с защитным вооружением. Значительный объем вооружения мог быть связан с погребением на территории памятников мигрантов, представляющих собой военный отряд, а не группу переселенцев с различным половозрастным составом [11. С. 136]. Деятельность дружин и иных групп мигрантов могла осложнить военную обстановку в регионе, что привело к усилению роли воинов и вождей в жизни обществ. Косвенно об этом свидетельствует увеличение количества оружия, попавшего в захоронения Тарасовского могильника во второй половине IV в., и повышение трудозатратности подготовки могильных ям (табл. 1). Для населения, оставившего Тарасовский могильник, мигранты могли являться источником как вооружения, так и социальных и иных представлений.

В рамках предложенной статьи будут проанализированы возможные причины появления в погр. 6 и 782 Тарасовского могильника защитного вооружения. Выявление причин наличия доспехов в данных захоронениях, возможно, позволит лучше понять суть событий, приведших к появлению части статусного вооружения в погребениях населения Волго-Вятского междуречья и иных частей Прикамья.

Таблица 1

Особенности погребений со статусным вооружением Тарасовского могильника

Период	Погребения	Возраст	Меч/Палаши*	Шлем	Кольчуга/Пандиры*	Топор	Копье	Наконечник стрелы	Конская упряжь	Количество находок	Ко-во категорий находок	Ориентация погребения	Параметры могильной ямы			
													Длина, см	Ширина, см	Глубина, см	Объем, м ³
I–II в.	608	До 30	1						1	15	6	ССЗ-ЮЮВ	239	71	54	0,90
	733 А		1*						1	3	3	ССВ-ЮЮЗ	255	120	46	1,40
	1125		1				1		1	19	9	ССВ-ЮЮЗ	252	65	130	2,12
	1291		1*							4	4	ССВ-ЮЮЗ	191	66	35	0,44
	1307	40-50	1						1	11	6	ССВ-ЮЮЗ	214	66	61	0,86
	1317	40-50	1*							10	4	ССВ-ЮЮЗ	240	73	48	0,84
Первая половина III в.	131 А	20-30	1							13	5	СВ-ЮЗ	286	125	56	2,00
	446	30-35	1							14	6	ССВ-ЮЮЗ	266	100	70	1,86
Вторая половина III в.	4	25-35	1						1	28	6	ССВ-ЮЮЗ	271	106	83	2,37
	6	17-20	1	1					1	19	12	ССВ-ЮЮЗ	249	81	62	1,25
	782	18-20	1	1					1	80	14	СВ-ЮЗ	255	75	108	2,06
	790	20-25	1				1			13	6	ССВ-ЮЮЗ	282	107	163	4,91
Первая половина IV в.	199	40-50	1						1	43	9	ССВ-ЮЮЗ	272	87	120	2,83
	241	25-35	1					4		41	6	СВ-ЮЗ	214	105	115	2,58
	1737	35-40	1						1	10	7	ССВ-ЮЮЗ	240	95	70	1,59
Третья четверть IV в.	60	35-45	1						1	32	9	ССВ-ЮЮЗ	233	95	85	1,88
	129	30-40	1						1	14	7	ССВ-ЮЮЗ	252	96	75	1,81
	765 А	18-20	1						1	65	10	СВ-ЮЗ	302	180	112	6,08
	765 Б	18-20	1						1	45	7					
	1685	25-30	1	1	1*	5	1		1	52	12	С-Ю	360	230	213	17,6
	1779	11-12	1				1			12	7	СЗ-ЮВ	260	130	255	8,61
Четвертая четверть IV – начало V вв.	235		1				1			8	5	С-Ю	283	98	150	4,10
	474		1				1			6	6	С-Ю	302	120	177	6,79
	1703	25-30	1				1			10	6	С-Ю	280	123	170	5,85
	1772	16-17	1			2	1			12	7	ССЗ-ЮЮВ	270	125	260	8,77
	1784		1	1	1	1	1		1	31	16	СЗ-ЮВ	184	210	270	10,4

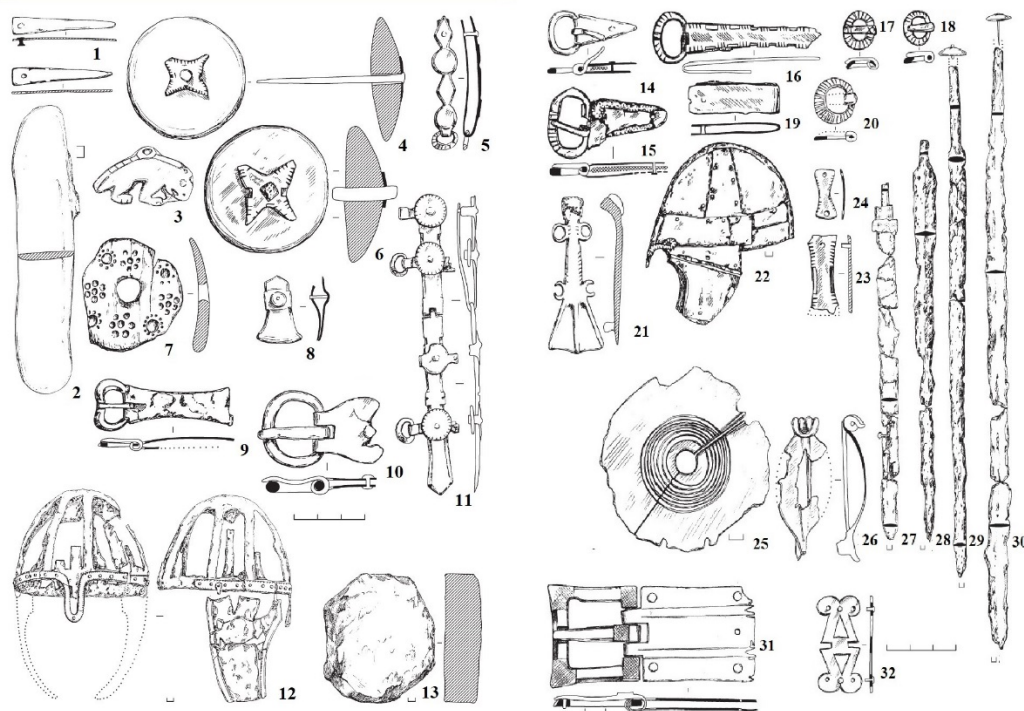

Рис.1. Предметы из мужских захоронений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э.:

1 – наконечники обувных ремешков; 2 – слиток латуни (погр. 1679); 3 – подвеска; 4 – навершие меча (погр. 782); 5, 11 – уздечные накладки; 6 – навершие меча (погр. 4); 7 – бляшка (створка моллюска); 8 – зажимы; 9, 10 – пряжка; 12 – шлем (погр. 782); 13 – крица (погр. 782); 14–18, 20, 39 – пряжки; 19 – наконечник ремня; 21 – крючок; 22 – шлем (погр. 6); 23, 24, 32 – накладки; 25 – сюльгама; 26 – фибула; 27 – меч (погр.790); 28 – меч (погр.6); 29 – меч (погр. 4); 30 – меч (погр. 782) [6. Рис. 3, 4]

В отличие от погребений второй половины IV в. в комплексах второй половины III в. Тарасовского могильника защитное вооружение представлено только шлемами. Конструкция шлема из погр. 6 [(см. рис. 1, 22) может быть отнесена к сегментной (по Матвееву, *тип I*) или к сегментно-пластинчатой (по Зубову и Радюш) группе (рис. 1, 17) [12. С. 361, Рис. 2; 13. С. 102]. Находка имеет полусферической форму, купол собран из прямоугольных и трапециевидных железных пластин различного размера. К нижнему краю шлема при помощи шарниров крепилось лицевое покрытие, представленное двумя нащечниками. Для дополнительной защиты лица изделие было снабжено наносником. Предполагаемый диаметр шлема составлял примерно 19,5 см, высота около 13,5 см [3. Т. 2. Табл. 4, 17].

В Прикамье при раскопках синхронных памятников сегментные шлемы обнаружены в составе инвентаря погр. 88 Худяковского, погр. 20, 30 Суворовского, погр. 117, 235 Рождественского V могильников [14. Табл. 98, 142, I; 15. С. 70, Рис. 37, I; 16. С. 15]. По форме находка из погр. 6 близка к шлемам, обнаруженным вблизи городов Будапешт, Дерне, Концешти [17. Рис. 3, 4, 7, 8]. Европейские находки от прикамской отличаются наличием гребня, элемента защиты шеи, богатством декорирования.

О происхождении сегментных шлемов высказываются различные точки зрения. С.Э. Зубов и О.А. Радюш считают подобные находки итогом развития римских традиций защитного вооружения [13. С. 102]. По мнению Р.В. Матвеева, сегментные шлемы развивались на основе каркасных шлемов, бытовавших в Парфии и Кушане, и впоследствии были заимствованы сарматами, под влиянием которых они поступили на вооружение частей римской армии [12. С. 360].

В погр. 782 найден шлем (рис. 1, 12), основу которого образовал железный обод диаметром 20 см. Купол шлема высотой 13,5 см составлен из узких полос. Нижняя часть полос крепилась к ободу, а верхняя к округлой пластине. Обод украшала узкая бронзовая полоска с насечками по краям. Шлем имел наносник и нащечники [3. Т. 2. Табл. 342]. Согласно типологии, предложенной Р.В. Матвеевым, находка из погр. 782 относится к типу ажурных шлемов (*тип III*) [12. Рис. 2].

Помимо захоронений Тарасовского могильника шлемы ажурной конструкции были найдены при раскопках погр. 10, 80 Нивского и погр. 27 Суворовского могильников [15. Рис. 37, 2; 18. С. 111–112]. За пределами Прикамья находку из погр. 782 возможно сравнить со шлемами, происходящими из погр. 1, 6, 8, 10 могильника у хутора Городской [19. Рис. 19]. Аналогии условны, так как склепанные из треугольных пластин шлемы имеют коническую, а не куполообразную форму.

И.А. Бажан и О.А. Гей связали происхождение ажурных шлемов с сармато-парфянской традицией развития вооружения [20. С. 120–121].

Помимо шлемов социальный статус или род занятий мужчин, захороненных в погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, подчеркивали мечи.

В погр. 6 был помещен прямой обоюдоострый меч (рис. 1, 28) с длиной клинка около 73,5 см и шириной основания в 5 см. Хвостовик имеет повреждения, что не позволяет установить его изначальную длину. Конструкция и параметры меча из погр. 6 могут отражать синтез готской (западной) и сарматской (восточной) оружейных традиций, происходивший во второй половине III в. на территории Крыма. Одной из отличительных особенностей подобного оружия является ширина основания клинка, составляющая около 5 см и более [19. С. 58].

В погр. 782 обнаружено оружие (рис. 1, 30) с длиной клинка 102 см и шириной 3,2 см. Рукоять меча имела хвостовик длиной 16 см и навершие, изготовленное из халцедонового диска диаметром около 5,2 см [3. Т. 2. Табл. 4, 18, 341, 38]. Меч из погр. 782 отражает традицию длинных всаднических мечей, распространенных в сарматской среде в II–III вв. и получивших основное распространение у населения Средней и Центральной Азии и Дальнего Востока [21. С. 87].

На наш взгляд, происхождение комплекса статусного вооружения, попавшего в погр. 782, могло быть связано с продукцией ремесленных центров Средней или Центральной Азии. Оружие, происходящее из погр. 6, могло быть получено на территории одного из регионов Северного Причерноморья, как, впрочем, и на территории других регионов. В древности оружие и доспехи обладали высокой межкультурной мобильностью как в виде готовых изделий, так и в контексте заимствования формы изделий.

И.Ю. Пастушенко, В.А. Бернц и Р.Д. Голдина связывают появление статусного вооружения в Прикамье с проникновением в регион мигрантов [6. С. 43; 22. С. 17].

Во второй половине III в. на территории Тарасовского могильника были оставлены погр. 4 и 790, в которых умерших сопровождали мечи [3. Т. 2. Табл. 2, 28, 347, 13]. Если сравнить погребальный обряд захоронений 4, 6, 782, 790 с обрядностью остальных комплексов данного памятника, возможно сделать следующее предположение. Погребальный обряд захоронений, содержащих предметы статусного вооружения, не имеет существенных отличий от обряда большинства погребений Тарасовского могильника (рис. 2). Следовательно, отсутствуют основания предполагать, что погр. 4, 6, 782, 790 могли принадлежать мигрантам. Или же погребальные традиции мигрантов не имели существенных отличий от обрядности носителей мазунинской культуры.

Появление в Прикамье предметов статусного вооружения могло быть связано не только с проникновением в регион групп инокультурного населения, но и с торговыми контактами местного населения.

Ремесленные центры, имевшие возможность наладить производство интересующего вооружения, могли находиться на территории Азии, Северного Причерноморья, римской периферии.

О наличии у населения, оставившего Тарасовский могильник, продукции высококвалифицированных ремесленников, свидетельствует меч из погр. 782 (рис. 1, 30). Оружие отковано из заэвтектонидной (тигельной, литой) стали, технологиями получения кото-

рой обладало ограниченное количество ремесленников Ближнего Востока, Юго-Восточной и Средней Азии [23. С. 19; 24. С. 110]. Навершие меча изготовлено из полудрагоценного минерала (халцедон), для обработки которого необходимо станковое оборудование (рис. 1, 4).

Населению Прикамья было сложно предложить что-то представителям торговых и ремесленных центров Причерноморья и Центральной Азии в обмен на предметы статусного вооружения. Представители культур лесных зон не могли предоставить зерно в объёмах, необходимых населению указанных регионов. Для поставок зерна в товарных объёмах мазунинское население должно было быть знакомо с пашенным земледелием, что не подтверждается археологическими находками. На территории Удмуртского Прикамья самые ранние датированные находки наконечников пахотных орудий относятся к IX–XI вв. [25. С. 103]. Население Прикамья не могло конкурировать с кочевниками в поставках продуктов животноводства или рабов. В регионах Причерноморья и в Римской империи отсутствует значимая потребность в мехах, которые могло предложить население лесных регионов в обмен на ремесленную продукцию. Интерес населения регионов Востока к мехам начинает формироваться в V–VI вв. [26. С. 19–20].

Географическая близость Прикамья к степям Южного Приуралья и Нижнего Поволжья позволяет

предположить, что вооружение могло быть получено в ходе торговых контактов с сарматами. Анализ имеющихся находок позволяет определить не только круг предметов, поступавших от кочевников к населению Прикамья, но и от местного населения к сарматам.

В III в. в среде воинской верхушки населения Волго-Донского междуречья выработалась мода на престижные предметы ремённой гарнитуры, центры по производству которой могли находиться на территории Волго-Камья [27. С. 136].

Сарматские племена импортировали многие предметы вооружения, так как при кочевом образе жизни сложно наладить металлообрабатывающее производство. Вероятно, с этим, как и с целым рядом иных причин, связано отсутствие защитного вооружения в сарматских памятниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [1. С. 65; 2. С. 85–91]. Вызывает сомнение, что сарматы обменивали мечи и шлемы на элементы костюма или даже продукты земледелия. При этом нельзя исключать возможности совершения дипломатических даров, суть которых без данных письменных источников понять сложно.

По мнению В.Ю. Малашева, у сармат Южного Приуралья из предметов вооружения, помимо мечей, особый социальный статус умерших подчеркивало не защитное вооружение, а два топора и один наконечник копья, обнаруженные в курганах 1 и 2 могильника Лебедевка [2. С. 90–91].

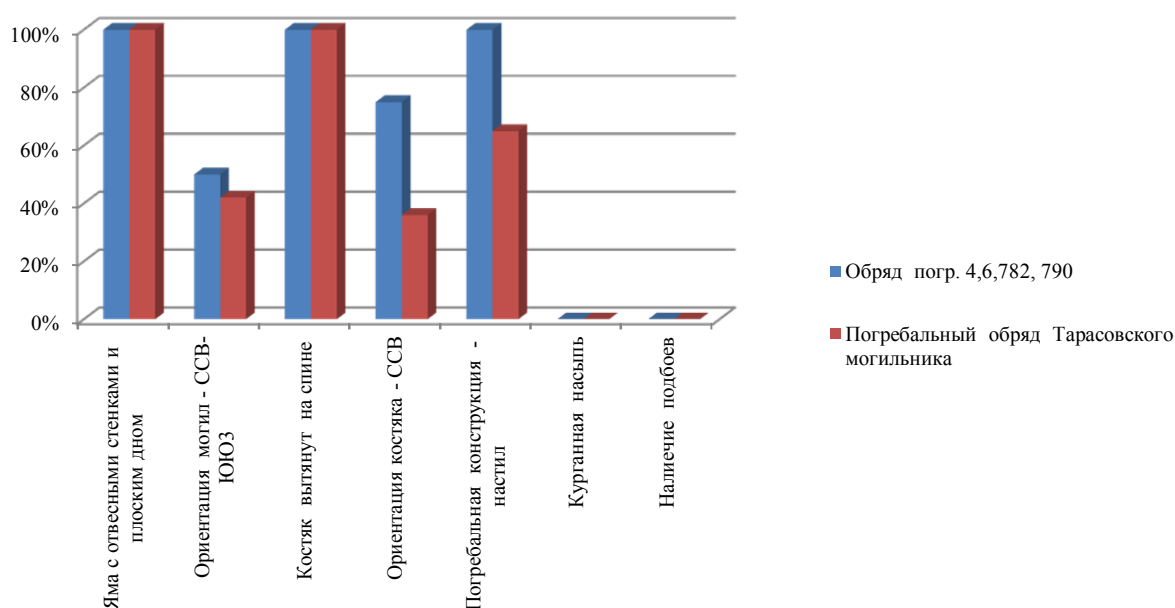

Рис. 2. Особенности погребальной обрядности Тарасовского могильника

Редкость предметов вооружения в степных погребальных комплексах позднесарматского времени могла быть связана с их регламентацией в погребальном обряде [2. С. 91]. Подобная регламентация могла присутствовать и в обрядность населения Прикамья.

Каким социальным статусом должны были обладать мужчины, захороненные в погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, для нарушения регламентации погребального обряда, выразившегося в помещении в

могилы шлемов? Допустимо предположить, что мужчины, захороненные вместе со шлемами и мечами, являлись вождями.

Критериями выделения погребальных комплексов лиц, обладавших властными функциями, для населения Прикамья может служить повышенная трудозатратность подготовки захоронений, наличие импортов, большое количество погребального инвентаря. Для наглядности особенности погребального обряда

погр. 6 и 782 будут сравниваться с погр. 1685 и 1784, также содержащих в своем составе предметы защитного вооружения.

Среднее количество категорий находок для погребальных комплексов Тарасовского могильника составляет от 1 до 3 [5. С. 37]. В погр. 6 присутствовало 12 категорий находок, представленных 19 предметами. Умершего из погр. 782 сопровождало 14 категорий предметов (80 находок). Для сравнения: в захоронениях с длинноклинковым оружием, оставленных в период I – первой половины III в., количество категорий находок варьируется от 4 (4 предмета) (погр. 1291) до 9 (19 предметов) (погр. 1125) [3. Т. 1. С. 10–11, 138, 186–187, 255, 272]. Интересующий показатель в захоронениях второй половины IV – начала V в. для погр. 1685 составил 12 категорий находок (52 предмета). Инвентарь погр. 1784 представлен 16 категориями находок (31 предмет) [3. Т. 2. С. 255, 272].

Следующим критерием выделения погребальных комплексов элит является наличие предметов импорта. Среди предметов, попавших в погр. 6, к импортам возможно отнести хрустальную бусину, меч, шлем. В погр. 782 импортами могут являться меч с халцедоновым навершием, халцедоновая бусина, шлем, железная крица [3. Т. 1. С. 11, 138].

Из инвентаря погр. 1685 к объектам импорта возможно отнести шлем, золотые нити, зафиксированные в области шеи и являвшиеся частью одежды, стеклянная бусина, меч с халцедоновым навершием, панцирь [3. Т. 1. С. 255]. В погр. 1784 импортными предметами могли являться шлем, меч с навершием из зеленого стекла, наконечник ремня со стеклянными вставками, кольчуга [3. Т. 1. С. 272].

Если обратиться к критерию трудозатратности, получаем следующую картину. Средний объем извлеченного грунта при рытье мужских могил Тарасовского могильника варьируется от 0,6 до 1 м³ [4. С. 14]. Трудозатратность подготовки погр. 6 (1,25 м³), 782 (2,06 м³) превосходила в 2–3,5 раз трудозатратность большинства мужских захоронений [3. Т. 2. Табл. 4, 339]. Захоронения с мечами и палашами периода I–II вв. совершались в могильных ямах объемом от 0,44 м³ (погр. 1291) до 2,12 м³ (погр. 1125). Для подготовки воинских погребений (131А и 446) периода первой половины III в. объем извлеченного грунта составлял около 2 м³ [3. Т. 2. Табл. 47, 193, 453, 499].

Захоронения второй половины IV – начала V вв., содержащие в своем составе предметы статусного вооружения, демонстрируют существенное увеличение трудозатратности. Объем могильных ям варьируется от 1,81 (погр. 129) до 17,6 м³ (погр. 1685) [3. Т. 2. Табл. 45, 617]. Погр. 1784 было частично разрушено нефтяниками при рытье траншеи. На момент проведения раскопок объем могильной ямы зафиксирован на уровне 10,43 м³ [3. Т. 2. Табл. 665]. Погр. 1685 превосходило средний объем мужских захоронений Тарасовского могильника в 17,5–29 раз, погр. 1784 минимум в 10–17 раз.

Трудозатратность подготовки погр. 6 и 782 в меньшей мере свидетельствует о принадлежности умерших к вождям в сравнении с погр. 1685 и 1784. Несоответ-

ствия возможно объяснить различием представлений, существовавших в различные исторические периоды. При этом стоит обратить внимание на погр. 790, для подготовки которого было извлечено около 4,91 м³ земли [3. Т. 2. Табл. 347]. Объем могильной ямы данного захоронения превосходит средний объем могильных ям Тарасовского могильника в 5–8 раз, а погр. 6 и 782 в 2–4 раза. Еще одним обстоятельством, выступающим против принадлежности мужчин из погр. 6 и 782 к вождям, является возраст умерших, определяемый в пределах 17–20 лет [3. Т. 1. С. 11, 138].

В погр. 6 и 782 были захоронены лица, относящиеся к родовой аристократии, но, вероятно, не являющиеся вождями. Но при этом, несмотря на относительно молодой возраст, им принадлежат одни из самых богатых мужских погребений Тарасовского могильника.

Состав погребального инвентаря погр. 6 и 782 и статус умерших мог быть связан с еще одним механизмом перемещения материальных ценностей и социальной мобильности, связанным с военными действиями. Во второй половине III в. часть населения Прикамья могла участвовать в дальних военных походах или нести воинскую службу за пределами региона.

По времени предполагаемые походы могли совпасть со Скифской войной или являться ее частью. Скифская война (Готская война) – военный конфликт, развернувшийся на территории Малой Азии, Фракии, Северного Причерноморья, Прикарпатья, Пиренейского и Апеннинского полуостровов в промежуток между 238–271 гг. и выразившийся в набегах варварских племен с целью захвата трофеев [28. С. 3–7]. События Скифской войны способствовали развитию межплеменных связей и союзов, необходимых для успешного совершения набегов.

С учетом географического положения Прикамья и наличия культурных контактов с кочевниками, допустимо предположение об участии мазунинского населения в деятельности сарматских дружин, местом формирования которых могло являться Южное Предуралье.

В участии в военных действиях кроме материального интереса могли присутствовать и социальные мотивы. Корнелий Тацит, описывая древнегерманские племена, оставил следующее упоминание. «Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться» [29. С. 347]. Древнегерманские племена находились на сопоставимом уровне развития с населением Прикамья; не исключено, что и представители местных культур могли участвовать в военных действиях для приобретения необходимого социального статуса.

Идея совершения населением Прикамья дальних военных походов за пределы региона не нова. Если обратиться к публикациям последнего десятилетия, возможно привести следующие примеры. В.В. Ставицкий предположил, что античные фибулы Ново-

Сасыкульского могильника являются трофеями, принесенными вместе с одеждой, а не объектами торговли (I–II вв. н.э.) [30. С. 127]. А.А. Красноперов считает, что воинские погребения Тураевского, Тарасовского, Кудашевского, Мокинского могильников были оставлены не мигрантами, а ветеранами военного отряда, вернувшегося в Прикамье после службы в других регионах [31. С. 222].

Защитное вооружение и иные предметы, ставшие частью погребального инвентаря погр. 6 и 782 Тарасовского могильника, могли являться трофеями, полученными во время участия в военных действиях второй половины III в.

Свидетельством участия в военных действиях может являться возраст мужчин, погребённых в захоронениях интересующей группы. Как уже упоминалось выше, мужчина из погр. 6 умер в возрасте 17–20 лет. В погр. 782 находились останки мужчины, возраст которого определяется в пределах 18–20 лет [3. Т. 1. С. 11, 138]. Причины смерти молодых людей могли быть связаны с участием в военных действиях. К сожалению, невозможно установить, погибли они на территории Прикамья или за его пределами.

В свете предположения о получении трофеев следует обратить внимание на некоторые предметы из захоронений второй половины III в. Тарасовского могильника. Как уже было сказано, в погр. 6 и 782 были обнаружены шлемы, использовавшиеся для оснащения военных формирований Римской империи, Кушана, Парфии [12. С. 360; 13. С. 102; 20. С. 120–121]. В условиях длительного военного конфликта торговля подобными предметами с «варварским миром» маловероятна. А вот захват трофеев вполне соответствует логике ряда событий второй половины III в. Если рассматривать вариант несения воинской службы или наемничества, возможен вариант снабжения союзных войск предметами вооружения. В этой связи обратимся к аналогиям сарматского мира. Основная масса сарматских захоронений с боевыми наголовьями оставлена в II–I вв. до н.э. М.Б. Щукин предположил, что шлемы типа «монтефортино» попали к кочевникам после перевооружения Митридатом IV своих войск. «Морально устаревшее вооружение» могло быть передано союзниками, которыми выступали кочевники [19. С. 146–147; 32. С. 143].

С предположением о приобретении вооружения по торговым каналам плохо стыкуется находка меча из погр. 782 Тарасовского могильника (рис. 3, 17). Оружие отковано из заэвтектоидной стали, производимой в специализированных ремесленных центрах Юго-Восточной и Средней Азии [23. С. 19; 24. С. 110].

Аналогией данному мечу является оружие, обнаруженное при раскопках кургана 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса. В сарматском захоронении находился меч, длина клинка которого 100 см при ширине основания 3,5 см. У тарасовского меча данные показатели составили 102 и 3,2 см [3. Т. 2. Табл. 341–38; 33. С. 254]. Рукояти мечей были снабжены халцедоновыми дисками, выполняющими функцию навершия (рис. 3, 2) [3. Т. 2. Табл. 341, 38; 33. Рис. 1, 2]. Оба клинка откованы из заэвтектоидной

стали, что совместно с параметрами и особенностями оформления оружия допускает предположение об их изготовлении в мастерских, расположенных в одном регионе [34. С. 88–92; 23. С. 19].

В погр. 782 было помещено оружие, качество и оформление которого были недоступны для большинства представителей элит кочевых сообществ. Среди захоронений Тарасовского могильника второй половины III в. присутствует еще один меч с халцедоновым навершием, происходящий из погр. 4 [3. Т. 2. Табл. 2, 25].

А.М. Хазанов отмечал редкость у сармат мечей с навершиями, изготовленными из полудрагоценных камней и иных материалов [35. С. 16]. В захоронениях Нижнего Подонья обнаружено шесть наверший мечей, в Волго-Донском междуречье три экземпляра, в Нижнем Заволжье пять подобных находок, в Прикубанье 2 навершия. Наибольшее количество интересующих предметов происходит из погребений, оставленных на территории Южного Приуралья и Зауралья (20 экз.) [36. С. 141]. Навершия из полудрагоценных камней являются элементами оформления престижной воинской экипировки, редкими для представителей элит сарматских обществ. По мнению М.Ю. Трейстера, во второй половине II – первой половине III вв. сарматы Южного Предуралья могли получать мечи с халцедоновыми навершиями как трофеи или дипломатические дары в ходе войн сасанидских царей Арташира I и Шапура I по подчинению восточных районов Ирана [37. С. 156].

Если элита сарматских обществ получала богато декорированное оружие в качестве трофеев, сомнительно, чтобы население Прикамья приобретало аналогичные мечи по торговым каналам.

Помимо вооружения ещё одной категорией предметов, хорошо вписывающихся в категорию трофеев, торговля которыми с населением Прикамья, однако, могла быть малорентабельной, являются металлургические полуфабрикаты.

В разграбленном погр. 1679, датируемом второй половиной III в., обнаружены две железные крицы; еще одна крица присутствовала в погр. 782 (см. рис. 1, 13) [38. С. 72–73]. Находки имеют стандартную форму, представляющую собой «вогнутую лепешку» диаметром от 15 до 18 см. Вес крицы из погр. 782 составлял 5,2 кг, из погр. 1679 – 5 и 5,1 кг [38. С. 72].

В металле крицы из погр. 1679 выявлено наличие никеля (0,14%), не относящегося к числу примесей, характерных для руд, добываемых на территории Прикамья [38. С. 73]. С.Е. Перовицкий и Т.М. Сабирова высказали предположение о том, что крица была выплавлена в регионах, расположенных к западу от Прикамья [38. С. 73].

Следует обратить внимание на слиток латуни, сохранившийся в погр. 1679. По мнению С.Е. Перовицкого, существовавшие в древности способы производства латуни технологически были слишком сложны для прикамских мастеров. Ближайшим регионом, из которого могла поступать латунь, является Причерноморье. В Боспорском царстве при царе Рескупориде I часть монет чеканилась из аурихалка (разно-

видность «золотоподобной» латуни), поступавшего с территории Римской империи [39. С. 273–274]. С продукцией античных ремесленных центров слиток из погр. 1679 сближает вес, равный трем римским фунтам (980 г). Металл определен как золотоподобная латунь (аурихалк) [38. С. 75]. Слиток латуни следует отнести к объектам импорта или же импортами являлись предметы, пошедшие на его выплавку.

Металлургические полуфабрикаты, попавшие в могилы Тарасовского могильника во второй половине III в., вполне могли являться трофеями или платой за военную службу. В связи с последним предположением стоит обратить внимание на мнение А.Г. Мухамадиева, согласно которому металлургические полуфабрикаты являлись аналогами денежных единиц [40. С. 66].

В Прикамье известны не только аналоги денег, но и монеты, отчеканенные в III в. н.э. и, возможно, являющиеся трофеями военных набегов эпохи Скифской войны. На территории Ижевского могильника была обнаружена монета чеканки Александра Севера (222–235 гг.). В погр. 142 Рождественского V могильника в составе шейной подвески обнаружены монеты императоров Александра Севера и Максимилиана I (235–238 гг.), использовавшиеся в качестве подвесок [41. С. 139, 141].

Если дальние военные походы совершались, то в них могло принимать участие не только население, оставившее после себя захоронения Тарасовского могильника. Рассматривая материалы памятников Удмуртского Прикамья, можно найти следующие отсылки к возможным трофеям, полученным во второй половине III в.

В погр. 10 и 80 Нивского могильника присутствовали шлемы ажурной конструкции [18. С. 111–112]. В погр. 80 находился шлем высотой 16 см и диаметром 21 см, собранный из 32 Y-пластин различной длины, крепящихся при помощи медных заклепок на каркас, собранный из двух дуг. В верхней части изделия раздвоенные концы полос образовывали многолучевую розетку. Наличие в нижней части обода железной петли и присутствие в могиле железных и медных изогнутых пластинок позволяют допустить предположение о наличии у шлема подобия бармицы [42. Рис. 18, 1, 2]. Шлем, обнаруженный в погр. 10, имел существенные повреждения, однако не исключено, что он обладал аналогичной конструкцией.

А.В. Симоненко при анализе шлемов сарматского времени отнес находку из погр. 80 Нивского могильника к группе каркасных боевых наголовий [19. С. 271]. Каркасные шлемы преимущественно происходят из захоронений, оставленных на территории Северного Кавказа (курган 13 мог. Кишпек, погр. 1, 6, 8, 10 мог. у хут. Городского) [19. Рис. 18, 1, 19]. Наиболее точной аналогией является ажурный (каркасный) шлем, обнаруженный в кургане 6 у ст. Тбилисской, также изготовленный из Y-образных полос, но не из железных, а из бронзовых [43. Рис. 1, 41].

На территории Нивского могильника было исследовано 156 захоронений, в 92 из которых (54%) умерших сопровождала одна категория находок (украшение или нож) [44. С. 127]. По подсчетам

Т.И. Останиной, община, оставившая Нивский могильник, состояла из 15–25 одновременно живущих взрослых. Если принять во внимание, что в погр. 10, 16, 17 были обнаружены мечи, получаем весьма приличный объем статусного вооружения для небольшой общины [18. С. 110]. Представителям малочисленной общины было проще получить предметы статусного вооружения в качестве трофеев, нежели в ходе торговых контактов.

В конце III – первой половине IV вв. предметы статусного вооружения появляются не только в захоронениях Тарасовского и Нивского могильников, но и в погребениях Усть-Сарапульского могильника. В погр. 89, 104, 105 данного памятника из статусного вооружения были обнаружены мечи [45. Рис. 6, 19]. Вызывает интерес находка из погр. 89. Клинок меча шириной 3,8 см сохранился на длину около 58 см. Хвостовик оружия также имеет повреждения, его длина на момент обнаружения составила 11 см. Навершием рукояти меча служил халцедоновый диск, особенностью которого является спиралевидный орнамент, вырезанный на внешней поверхности диска [45. Рис. 5, 26].

Большинство халцедоновых наверший не имели орнамента, что связано со сложностью обработки минерала из-за его высокой твердости. За пределами Прикамья аналогией диску из погр. 89 может являться халцедоновый диск с вихреобразной розеткой, служивший навершием мечу из погр. 1 кургана 10 могильника Высочино-I [36. Рис. 1, 6, 7]. По мнению М.Ю. Трейстера, полусферические или сегментовидные навершия мечей, украшенные вихреобразными розетками, происходящие из захоронений Нижнего Дона, могли являться продукцией ремесленников Боспора [36. С. 571].

Рассматриваемая находка является не единственным примером использования «резного халцедона» для оформления оружия. В погр. 98 Мокинского могильника, оставленного на территории Верхнего Прикамья, обнаружены фрагменты меча, навершием которому служила халцедоновая фалера, изображающая лицо «амурчика» [46. Рис. 86]. По мнению О.Я. Неверова, фалера изначально являлась медалью римского legionera или знаком отличия центуриона [46. С. 103–105].

Мечи с редким и дорогим оформлением рукоятей с большей вероятностью могли стать трофеями представителей населения Прикамья нежели объектам их торговых сделок.

Среди материалов Усть-Сарапульского могильника возможно найти как минимум еще одну отсылку к материальной культуре населения, проживавшего в регионах, расположенных к юго-западу от Прикамья. В погр. 88 обнаружены ножны ножа, представленные L-образной пластиной, образующей боковое ребро и основание изделия. Лицевая сторона закрыта бронзовой накладкой с начеканенным точечным орнаментом. Пластина прижималась к L-образной основе четырьмя зажимами-обоймами [47. С. 117].

К аналогиям возможно отнести ножны ножей, обнаруженных в погр. 50, 195, 200, могильника Нейзац

и погр. 24 комплекса Дружное, оставленных на территории Крыма [47. С. 116–117]. Ножны и ножи – не та категория предметов, которыми был смысл вести межрегиональную торговлю, но их вполне можно было взять в качестве трофея в военном походе.

Появление защитного вооружения в погр. 6 и 782 Тарасовского могильника могло быть связано с участием групп мазунинского населения в военных действиях за пределами Прикамья в период второй половины III в. Войны могли вестись в составе формирования, возникших в других регионах, в том числе в среде сармат Южного Предуралья. Без данных письменных источников невозможно установить, являлись данные набеги частью событий Скифской войны или не были связаны с ней. Участие в дальних военных походах могло способствовать приобретению мужчинами, умершими в возрасте 17–20 лет, социального статуса, достаточного для помещения в их могилы шлемов, что ранее не практиковалось ни представителями мазунинской культуры, ни сарматскими племенами Нижнего Поволжья и Южного Предуралья.

Военные походы за пределы интересующего региона возможно рассматривать как один из механизмов поступления импортов не только к населению, оставшемуся захоронения Тарасовского могильника, но и к представителям иных общностей Прикамья.

При изучении погребальных комплексов второй половины III – первой половины IV вв. 13 из 17 захо-

ронений с защитным вооружением были выявлены при раскопках памятников Волго-Вятского междуречья (азелинская культура). Наличие в погребениях доспехов и иного статусного вооружения могло быть связано не только с появлением в данной части региона групп мигрантов, но и с совершением военных походов или наемничеством. В первой половине IV в. благоприятным условием для дальних походов могла стать серия военных конфликтов, связанных с попытками Германиха расширить сферу своего влияния, в том числе на регионы Поволжья.

Возможно, прав А. Красноперов, считающий, что не все погребения с защитным вооружением второй половины IV в. оставлены мигрантами [31. С. 222]. Группы населения Прикамья могли принять участие в гунно-сарматских войнах и иных конфликтах данного периода. В результате чего элитные воинские комплексы могли появиться на территории Тарасовского (погр. 1685?) и Кудашевского могильников.

Население Прикамья не являлось изолированным конгломератом, а имело широкий круг торговых, культурных и военных контактов с представителями многих регионов. Возникновение одной из самых крупных археологических коллекций предметов статусного вооружения северных регионов Евразии могло быть связано не только с появлением мигрантов или торговыми контактами, но и с военной активностью населения Прикамья.

Список источников

1. Киришовцев М.В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 65–70.
2. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 207 с.
3. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Из-во Удмуртского университета, 2004. Т. I. 320 с.; Т. 2. 721 с.
4. Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М., Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Казань ; Ижевск : Институт археологии АН РТ, Удмуртский государственный университет, 2015. Т III. 297 с.
5. Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника (I–V вв.) на Средней Каме. // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2010. Вып. 41. С. 32–40.
6. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника (Часть I) // Поволжская археология. 2016. Вып. 3 (17). С. 17–47.
7. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника (Часть II) // Поволжская археология. 2017. Вып. 1 (19). С. 172–194.
8. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 65–108.
9. Казанцева О.А. Защитное вооружение воинов III–V вв. (по материалам Кудашевского I могильника). XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Самара, 2018. С. 217–219.
10. Сунгатов Ф.А., Гаустович Р.М., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого Переселения народов. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.
11. Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012. С. 133–141.
12. Матвеев Р.В. Шлемы первой половины I тысячелетия из некрополей Волго-Камья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 2. С. 360–364.
13. Зубов С.Э., Радюш О.А. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа, 2014. С. 94–105.
14. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Сарапульская типография, 2014. Т. 27. 472 с.
15. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. // Вопросы археологии Урала. 1963. Вып. 5. 160 с.
16. Старостин П.П. Рождественский V могильник. Казань : Институт истории АП РТ, 2009. 144 с.
17. Негин А.Е. Познеримские шлемы: проблема генезиса // Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал: Война, армия и военное дело в античном мире. 2007. Вып. 2. С. 335–359.
18. Останина Т.Н. Нивский могильник III–V вв. // Материалы по ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 92–117.
19. Симоненко А.В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. 2014. Вып. 4. С. 249–276.
20. Бажан И.А., Гей О.А. К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 115–122.
21. Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы : VII Донская археологическая конференция. Ростов н/Д., 1998. С. 87.
22. Пастушенко И.Ю., Бернц В.А. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica. 2008. Вып. 11. С. 12–23.
23. Перевозилов С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник ЧелГУ. История. 2014. Вып. 61. С. 18–24.

24. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М. : Знак, 2009. 244 с.
25. Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1958. 192 с.
26. Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Рим и варвары: от Августа до Августа // Stratum plus. 2010. Вып. 4. С. 19–20.
27. Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 130–139.
28. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 148 с.
29. Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии (перевод А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергеев) // Анналы. Малые произведения. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. Т. 1. 444 с.
30. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник ННИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Вып. 3 (27). С. 126–141.
31. Красноперов А.А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатой инкрустации) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2012. С. 218–255.
32. Шукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. : Фарн, 1994. 323 с.
33. Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. 2010. Вып. 13. С. 254–261.
34. Железничков Б.В., Порох В.Н. Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 88–92.
35. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука, 1971. 172 с.
36. Трейстер М.Ю. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре // Древности Боспора. 2019. Вып. 24. С. 554–572.
37. Трейстер М.Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.) // МАИАСК. 2018. Вып. 10. С. 118–158.
38. Перовских С.Е., Сабирова Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 1 (24). С. 71–82.
39. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2008. 349 с.
40. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань : Тат. кн. изд-во, 1990. 192 с.
41. Кропоткин В.В. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 137–141.
42. Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 98–122.
43. Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–99.
44. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : УИИЯЛ, 1997. 326 с.
45. Арматинская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 26–46.
46. Колобов А.В., Кулябина Н.В., Мельничук А.Ф. Античная гемма из Пермского Приуралья // Археология и этнография Среднего Приуралья. 2001. Вып. 1. С. 103–107.
47. Красноперов А.А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Симферополь, 2018. С. 116–118.

References

1. Kirivosheev, M.V. (2007) [Armament of the Late Sarmatian period of the Lower Volga region]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya* [Armament of the Sarmatians: Regional typology and chronology]. Proceedings of the 6th International Conference "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" [Problems of Sarmatian Archeology and History]. Chelyabinsk. 22–24 May 2007. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 65–70. (In Russian).
2. Malashev, V.Yu. (2013) *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e.* [Late Sarmatian culture of the Southern Urals in the 2nd–3rd centuries AD]. History Cand. Diss. Moscow.
3. Goldina, R.D. (2004) *Tarasovskiy mogil'nik I–V vv. na Sredney Kame* [Tarasov Burial Ground of the 1st – 5th Centuries on the Middle Kama]. Vols 1–2. Izhevsk: Udmurt State University.
4. Goldina, R.D., Sabirov, T.R. & Sabirova, T.M. (2015) *Pogrebal'nyy obryad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Sredney Kame* [The Funeral Rite of the Tarasov Burial Ground of the 1st–5th Centuries on the Middle Kama]. Vol. 3. Kazan; Izhevsk: Institute of Archaeology of Tatarstan Academy of Sciences; Udmurt State University.
5. Sabirov, T.R. (2010) *Pogrebal'nyy obryad Tarasovskogo mogil'nika (I–V vv.) na Sredney Kame* [The funeral rite of the Tarasov burial ground (1st–5th centuries) on the Middle Kama]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 18(199). pp. 32–40.
6. Goldina, R.D. & Bernts, V.A. (2016) Chronology of the third–fifth centuries male graves from the Tarasovo burial ground. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 3 (17). pp. 17–47. (In Russian).
7. Goldina, R.D. & Bernts, V.A. (2017) Chronology of 3rd–5th centuries male graves from the Tarasovo burial ground *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 1 (19). pp. 172–194. (In Russian). DOI: 10.24852/pa2017.1.19.172.204
8. Gening, V.F. (1976) *Turaevskiy mogil'nik V v. n.e. (Zakhoroneniya voenachal'nikov)* [Turaevsky burial ground of the 5th century A.D. (Burial of military leaders)]. In: Khalikov, A.Kh. (ed.) *Iz arkheologii Volgo-Kam'ya* [From the Archeology of the Volga–Kama Region]. Kazan: IYALi KFAN SSSR. pp. 65–108.
9. Kazantseva, O.A. (2018) [Protective armament of soldiers of the 3rd – 5th centuries (based on the materials of Kudashevsky I burial ground)]. *Proceedings of the 21st Ural Archaeological Meeting*. Samara. 8–11 October 2018. Samara: Porto-print. pp. 217–219. (In Russian).
10. Sungatov, F.A., Gaustovich, R.M. & Yusupov, R.M. (2004) *Priural'e v epokhu Velikogo Pereseleniya narodov* [The Urals in the Era of the Great Migration of Peoples]. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat.
11. Korenyuk, S.N. & Pereskokov, M.L. (2012) K voprosu ob etnokul'turnoy situatsii v Prikam'e v seredine I tys. n.e. [On the question of the ethnocultural situation in the Kama region in the middle of the 1st millennium AD]. In: Rudenko, K.A. (ed.) *Issledovaniya po srednevekovoy arkheologii Evrazii* [Studies in Medieval Archeology of Eurasia]. Kazan: RITs. pp. 133–141.
12. Matveev, R.V. (2014) [Helmets of the first half of the 1st millennium from the Volga-Kama necropolises]. *Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress*. Vol. 2. Kazan. October 2014. Kazan: Otechestvo. pp. 360–364. (In Russian).

13. Zubov, S.E. & Radyush, O.A. (2014) [Helmets of the Middle Volga region in the Middle Sarmatian time]. *Sarmaty i vneshniy mir* [Sarmatians and the Outside World]. Proceedings of the 8th All-Russian Conference "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" [Problems of Sarmatian Archeology and History]. Ufa. 12–15 May 2014. Ufa: Tsentr "Nasledie". pp. 94–105. (In Russian).
14. Leshchinskaya, N.A. (2014) *Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.). Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Vyatka Krai in the Pyanobor Epoch (Based on the materials of funerary monuments of the 1st – 5th centuries AD). Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol. 27. Izhevsk: Sarapul'skaya tipografiya.
15. Gening, V.F. (1963) Azelinskaya kul'tura III–V vv. [Azelinskaya culture of the 3rd – 5th centuries]. *Voprosy arkheologii Urala*. 5.
16. Starostin, P.P. (2009) *Rozhdestvenskiy V mogil'nik* [Rozhdestvensky V Burial Ground]. Kazan: Institut istorii AP RT.
17. Negin, A.E. (2007) Pozdnerimskie shlemy: problema genezisa [Late-Roman helmets: the problem of genesis]. *Antiquitas Aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal: Voyna, armiya i voennoe delo v antichnom mire*. 2. pp. 335–359.
18. Ostanina, T.N. (1978) Nivskiy mogil'nik III–V vv. [Nivsky burial ground of the 3rd – 5th centuries]. In: Ivanova, M.G., Semenov, V. A. & Nagovitsyn, L. A. (eds) *Materialy po ranney istorii naseleniya Udmurtii* [Materials on the Early History of the Population of Udmurtia]. Izhevsk: Nauchno-issledovatel'skiy institut pri Sovete Ministrov Udmurtskoy ASSR. pp. 92–117.
19. Simonenko, A.V. (2014) Sarmatian age helmets from Eastern Europe. *Stratum plus – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 4. pp. 249–284. (In Russian).
20. Bazhan, I.A. & Gey, O.A. (1992) K voprosu o datirovke "prikamskikh" azhurnykh shlemov [On the question of dating of "Kama" openwork helmets]. In: Shchukin, M.B. (ed.) *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni* [Problems of Chronology of the La Tène and Roman Times]. Saint Petersburg: Nauchno-arkheologicheskoe ob"edinenie "Oyum" VMTs. pp. 115–122. (In Russian).
21. Bezuglov, S.I. (1998) [The Late-Sarmatian sword from the Kamyshevskaya station]. *Problemy arkheologii Yugo-Vostochnoy Evropy* [Problems of Archeology of South-Eastern Europe]. Proceedings of the 7th Don Archeological Conference. Rostov-on-Don. 22–26 November 1998. Rostov-on-Don: [s.n.]. p. 87. (In Russian).
22. Pastushenko, I.Yu. & Bernts, V.A. (2008) Khaltseonovye diski v kul'ture naseleniya Prikam'ya [Chalcedony disks in the culture of the population of the Kama region]. *Finno-Ugrica*. 11. pp. 12–23.
23. Perevoshchikov, S.E. & Malykh, O.O. (2014) On the origin of Tarasovsky burial ground swords (applied to metallography facts). *Vestnik ChelGU. Istoriya – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 61. pp. 18–24. (In Russian).
24. Zav'yalov, V.I., Rozanova, L.S. & Terekhova, N.N. (2009) *Istoriya kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ya i Predural'ya: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeystviy* [The History of Blacksmithing of the Finno-Ugric Peoples of the Volga Region and the Urals: On the problem of ethno-cultural interactions]. Moscow: Znack.
25. Gening, V.F. (1958) *Arkheologicheskie pamyatniki Udmurtii* [Archaeological Sites of Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo.
26. Kazanskiy, M.M. (2010) Scandinavian fur trade and the Eastern Route during Great Migration. *Stratum plus – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 4. pp. 19–20. (In Russian).
27. Malashev, V.Yu. (2014) Some aspects of contacts of bearers of late Sarmatian culture of the South Urals steppes with the population of the wood and forest-steppe belt of the Volga region and the Ural foothills. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik – The Ufa Archaeological Herald*. 14. pp. 130–139. (In Russian).
28. Remennikov, A.M. (1957) *Bor'ba plemen Severnogo Prichernomor'ya s Rimom v III veke* [The Struggle of the Tribes of the Northern Black Sea Region with Rome in the 3rd Century]. Moscow: USSR AS.
29. Tacitus, C. (1993) O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhenii Germanii [On the origin of the Germans and the location of Germany]. Translated from Latin by A.S. Bobovich & M.E. Sergeenkov. In: Bodanskaya, N.E. & Chistyakov, G.P. (eds) *Annaly. Malye proizvedeniya* [Annals. Small-scale works]. Translated from Latin. Vol. 1. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Ladimir".
30. Stavitskiy, V.V. (2013) West component in the materials of Andreevsky barrow. *Vestnik NNIGN pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya – Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 3 (27). pp. 126–141. (In Russian).
31. Krasnoperov, A.A. (2012) Polikhromnye predmety s peregorodchatoy inkrustatsiey v Prikam'e ("dogunnskiy" stil' peregorodchatoy inkrustatsii) [Polychrome objects with cloisonné inlay in the Kama region ("Dogunsky" style of cloisonné inlay)]. In: Vorontsov, A.M. & Gavritukhin, I.O. (eds) *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskoy vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples]. Tula: The state museum-reserve "Kulikovo Field". pp. 218–255.
32. Shchukin, M.B. (1994) *Na rubezhe er: Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiy III v. do n.e. – I v. n.e. v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [At the Turn of the Era: The experience of historical and archaeological reconstruction of political events of the 3rd century BC – 1st century AD in Eastern and Central Europe]. Saint Petersburg: Farn.
33. Moshkova, M.G. & Demidenko, S.V. (2010) Voinskoe pogrebenie v kurgane 37 gruppy VI Lebedevskogo mogil'nogo kompleksa [Military burial in kurgan 37 of group VI of the Lebedevsky burial complex]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy*. 13. pp. 254–261.
34. Zheleznychkov, B.V. & Porokh, V.N. (1993) Pozdnesarmatskie mechi Lebedevki (opyt metallograficheskogo analiza) [Late Sarmatian swords of Lebedevka (experience of metallographic analysis)]. In: Ageev, B.B. (ed.) *Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala* [Chronology of Monuments of the Southern Urals]. Ufa: Ufa Scientific Center RAS. pp. 88–92.
35. Khazanov, A.M. (1971) *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow: Nauka.
36. Treyster, M.Yu. (2019) Long swords with Chalcedony pommels in Sarmatia and in the Bosporean kingdom. *Drevnosti Bospora*. 24. pp. 554–572. (In Russian).
37. Treyster, M.Yu. (2018) Parthian and early Sasanian "imports" in the burials of the nomads of Eastern Europe (2nd century BCE – 3rd century CE). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 10. pp. 118–158. (In Russian). DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004
38. Perevoshchikov, S.E. & Sabirova, T.M. (2014) Metallurgical products in the Kama region (based on the materials of the Tarasovskiy burial ground, 1st–5th centuries AD). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 1 (24). pp. 71–82.
39. Vinogradov, Yu.A. & Goroncharovskiy, V.A. (2008) *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.)* [Military History and Military Affairs of the Cimmerian Bosphorus (6th century BC – middle of the 3rd century AD)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
40. Mukhamadiev, A.G. (1990) *Drevnie monety Povolzh'ya* [Ancient Coins of the Volga Region]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
41. Kropotkin, V.V. (1984) O nekotorykh nakhodkakh rimskikh monet v Srednem Povolzh'e i Prikam'e [About some finds of Roman coins in the Middle Volga region and the Kama region]. In: Melyukova, A.I., Moshkova, M.G. & Petrenko, V.G. (eds) *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow: Nauka. pp. 137–141.
42. Goldina, R.D. & Volkov, S.R. (2000) Shlemy Tarasovskogo mogil'nika [Helmets of the Tarasovsky burial ground]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik – The Ufa Archaeological Herald*. 2. pp. 98–122.
43. Zhdanovskiy, A.M. (1984) Podkurgannye katakomby Srednego Prikuban'ya pervykh vekov nashey ery [Podkurgannye catacombs of the Middle Prikuban of the first centuries AD]. In: Kirey, N.I. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 72–99.

44. Ostanina, T.I. (1997) *Naselenie Srednego Prikam'ya v III–V vv.* [The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries]. Izhevsk: UIIYaL.
45. Armatynskaya, O.V. (1986) Ust'-Sarapul'skiy mogil'nik [Ust-Sarapulsky burial ground]. In: Tronin, A.A. (ed.) *Priural'e v drevnosti i srednie veka* [The Urals in Antiquity and the Middle Ages]. Ustinov: Udmurt State University. pp. 26–46.
46. Kolobov, A.V., Kulyabina, N.V. & Mel'nichuk, A.F. (2001) Antichnaya gemma iz Permskogo Priural'ya [Antique gem from the Perm Urals]. *Arkheologiya i etnografiya Srednego Priural'ya*. 1. pp. 103–107.
47. Krasnoperov, A.A. (2018) A scabbard from Ust'-Sarapulka cemetery in connection to the finds from Druzhnoe and Neizats cemeteries in the Crimea. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.е. – IV в. н.е.)*. 4. pp. 116–118. (In Russian).

Информация об авторе:

Малых О.О. – научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия). E-mail: ovel34@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.O. Malykh, researcher, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: ovel34@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.09.2020;
одобрена после рецензирования 14.10.2020; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 22.09.2020;
approved after reviewing 14.10.2020; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 94(100) «653»
doi: 10.17223/15617793/477/16

«Панэллинιον» Синесия Киренского (Ер. 101.73) и проблема эволюции позднеантичного эллинизма

Евгений Игоревич Мирошниченко¹

¹ Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, miroshnichenkoeu@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема так называемого панэллинциона, упомянутого Синесием Киренским (Ер. 101.73). сделан вывод, что этот кружок интеллектуалов, риториков, софистов и политиков, существовавший при дворе в Константинополе в конце IV – начале V в., был собранием поклонников позднеантичного эллинизма, однако его члены не придерживались языческих взглядов. Между кружком эллинов императора Юлиана и панэллиннием не было обнаружено прямой идейной преемственности.

Ключевые слова: эллинизм, эллины, пайдейя, панэллинιον, Синесий Киренский, позднеантичные интеллектуалы, император Юлиан, Либаний, Гимерий

Для цитирования: Мирошниченко Е.И. «Панэллинιον» Синесия Киренского (Ер. 101.73) и проблема эволюции позднеантичного эллинизма // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 145–152. doi: 10.17223/15617793/477/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/16

The Panhellenion mentioned by Synesius of Cyrene (Syn. Ep. 101.73): The problem of the Late Antique Hellenism evolution

Evgeniy I. Miroshnichenko¹

¹ Sociological Institute of the RAS, Saint Petersburg, Russian Federation, miroshnichenkoeu@gmail.com

Abstract. The article investigates the problem of the so-called Panhellenion, mentioned by Synesius of Cyrene (Ep. 101.73) and denoting a circle of intellectuals, rhetoricians, sophists, and politicians. The circle existed at the court in Constantinople in the late 4th – early 5th centuries and has never been investigated before. The author's primary aim is to find out if there was a connection between the Julian circle of "Hellene" and the "Panhellenion" of Synesius. To reach the aim, the author studies the attitude of "Hellenes" to paideia and religion. The author uses textual and hermeneutic methods for analyzing the fragment in which Synesius describes the Panhellenion (Ep. 101.73). This fragment was studied by Alan Cameron, but without due regard to the historical context of using the term "Hellene". Analyzing the context of the statement about the Panhellenion, the author clarifies the time of existence and the peculiarities of the functioning of the circle. The study of Synesius' usage of the word "Hellene" helps us to understand how unique this circle of Hellenes was at that time. The author suggests that the members of the Panhellenion, under the leadership of the rhetorician Troilus, sought to combine the classical paideia with Christianity. Comparing Synesius' attitude to Hellenism with the Hellenistic ideology of Emperor Julian, Libanius and Himerius, the author concludes that there is no direct ideological continuity between the "Hellenes" of Julian and the Panhellenion, although a certain typological similarity can be found. However Synesius, in contrast to Julian and his supporters, interpreted Hellenism outside of religion. He even interpreted Christianity more in terms of social networks and political ideology. The desacralization of paideia made it possible to prepare the intellectual community of the Hellenes for Christianization. Synesius himself was experiencing a crisis of self-identity, but he was still not a Christian in the full sense of the word. The Panhellenion, of which he considered himself a member, was not a secret pagan organization. Probably, its members were sympathetic to Christianity, a sign of which could be Synesius' acceptance of the bishopric. Synesius' attitude to Hellenism may also indicate the evolution of Late Antique Hellenism as well. The author believes that this evolution proceeded towards the weakening of the religious component within the classical paideia. That is why the opposition to Christianity softened. As a result of this process, Hellenism was involved in Christianization, as evidenced by both the Panhellenion and the life path of Synesius himself.

Keywords: Hellenism, Hellenes, paideia, Panhellenion, Synesius of Cyrene, Late Antique intellectuals, Emperor Julian, Libanius, Himerius

For citation: Miroshnichenko, E.I. (2022) The Panhellenion mentioned by Synesius of Cyrene (Syn. Ep. 101.73): The problem of the Late Antique Hellenism evolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 145–152. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/16

В собрании писем знаменитого позднеантичного философа, поэта и ритор Синесия Киренского есть один загадочный пассаж, в котором упоминается некий панэллинιον (πανελλήνιον) (Syn. Ep. 101.73), куда «отовсюду собирались выдающиеся люди послушать священный голос старца, разбирающего древние и новые творения» (τῶν ἀπανταχόθεν ἐλλογίμων συνιδόντων τῆς ἱερᾶς ἀκοῦσαι τοῦ πρεσβύτου φωνῆς παλαιὰ καὶ νέα καταμαστευούσης διηγήματα) (Ep. 101.75-77). Из этого чрезвычайно скупого и загадочного описания можно узнать много любопытного. Прежде всего, очевидно, что во главе этого кружка стоял некий авторитетный учитель, софист или ритор. Фигура учителя вызывает ассоциации с риторическими школами времён второй софистики, однако панэллинιον, согласно вышеприведённой цитате, существенно отличался от обычного театрона (о театроне см.: [1. S. 210–211]): главным занятием в нём было не произнесение речей, а толкование и изучение различных текстов. Иначе говоря, панэллинιον строился по принципам не столько риторической школы или типичного позднеантичного театрона, сколько по образцу философских школ своего времени. Наконец, судя по словам Синесия, панэллинιον не был закрытым обществом, поскольку люди приходили в него отовсюду. Сам Синесий попал туда из Кирены, возможно, по протекции одного из высокопоставленных чиновников (префекта претория Аврелиана), партию которого при дворе он поддержал своим словом «О царстве» [2. С. 331–332].

Слова Синесия вызывают ряд вопросов. Прежде всего, почему глава кружка назван «старцем»? Наименование «старец» было нормальным в то время для почтенных софистов, вокруг каждого из которых складывалась своя школа. Так Евнапий в трактате, созданном незадолго до знакомства Синесия с панэллинioniом, говоря о софисте Юлиане, называет его старцем (πρεσβύτης) (Eunap. Vit. Soph. 7.1.11). В другом месте он уточняет: «старцем» называется софист именно в связи с достижением преклонного возраста (Vit. Soph. 23.4.1). Таким образом, Синесий, используя слово «старец», указывает на сходство кружка со школами софистов. Иначе говоря, панэллинιον – это, прежде всего, философский кружок. Поскольку «старец» был хорошо знаком как автору письма, так и адресату, Синесий не называет его по имени. Мы предположили, что этим старцем может быть ритор Троил [3. С. 39]. Троил является наиболее подходящей кандидатурой хотя бы уже потому, что он был ритором и софистом [4. Р. 1128], а значит наименование «старец» по отношению к нему не является «поэтической вольностью», а отражает его возраст и характер деятельности. Троилу в то время было, вероятно, не менее 55 лет, поскольку в письме к нему от того же 405 г. (Syn. Ep. 123.15) Синесий называет его «отцом» (самому Синесию на момент написания письма было около 35 лет).

Другой вопрос заключается в том, почему голос старца назван священным (ἱερᾶ). Если мы посмотрим на тексты софистов и риторов второй половины IV – V вв., то увидим, что чаще всего при обращении к

человеку слово ἱερᾶ употреблялось в сочетании с κεφαλῇ (Syn. Ep. 123.7-8), реже с ψυχῇ (Syn. Ep. 123.7-8), но не с φωνῇ (в данном месте у Синесия это вообще единственный случай такого словосочетания для текстов указанного времени). Фωνῇ могло возникнуть вместо вполне подходящего здесь по смыслу ψυχῇ. Впрочем, мы не исключаем и того, что слово «священный» было действительно употреблено по отношению к голосу. Тогда речь может идти о склонности Троила к теургическому учению Ямблиха (и (или) об интересе к этой теме самого Синесия), что связывает данный сюжет с кружком так называемых эллинов [5. Р. 13; 6], интеллектуалов, сторонников классической пайдеи, группировавшихся вокруг императора Юлиана за 40 лет до посещения Синесием Константинополя. Возможно также, перед нами простая метафора, и голос является «священным» только для непосредственных слушателей Троила.

Наконец, вопросы вызывает выражение «древние и новые творения». «Διήγημα» может переводиться как рассказ, повествование. Например, сам Синесий так называет своё описание аммонийской соли, добываемой в Ливии (Syn. Ep. 148.20-24), а также изложение идей в трактате, носящем философский характер (Syn. Ep. 154.71). Таким образом, речь идёт не просто о текстах, но о вполне определённых текстах. Мы можем предположить, что здесь подразумеваются именно философские тексты, ведь именно они требуют особенного истолкования. Вероятно, именно они были предметом изучения в панэллинioniе под руководством Троила. Но особенно интересным нам представляется выражение «древние и новые» (παλαιὰ καὶ νέα). В сочетании с διηγήματα оно обозначает не просто «древние и новые произведения», но «древние и новые описания». То есть речь может идти о характере текстов: традиционные они или новаторские, а не просто классические или современные. При таком толковании фраза Синесия приобретает новый смысл. Кружок эллинов, о котором он пишет, стоит на передовой истории культуры, рассматривая и оценивая те новшества, которые возникают в сфере философии и, вероятно, риторики, которой сам Синесий не был чужд и с которой пытался философию объединить (Syn. Ep. 154.66-83). Обычно поздняя античность представляется весьма консервативной эпохой, опирающейся на тексты, закреплённые традицией в рамках классической пайдеи. Любые новые произведения должны ориентироваться на старое доброе аттическое красноречие: вообще аттицизм считался своего рода маркером хорошего вкуса в эпоху второй софистики (см. в связи с Синесием: [7]). Однако не следует преувеличивать консерватизм софистики того времени. Несмотря на огромный пиетет перед классикой в среде позднеантичных интеллектуалов, были сильны и иные настроения. Так, афинский ритор и софист Гимерий в одной из поздних речей (вероятно, 80-х гг. IV в.) замечает, что нужно не только подражать старому, но и искать новое. В пример он приводит Фидию, который в своё время был новатором (Him. Or. 68.3). Сам Гимерий активно экспериментировал с формой: например в речи 10, по словам Р. Пенеллы,

новаторски соединил жанры диалога и пропемтической речи [8. Р. 129]. Не чужд был экспериментов и сам Синесий [9. Р. 161]. Таким образом, речь может идти не просто о придворном философском кружке, но о своего рода авангарде позднеантичного «эллинизма».

Однако главный вопрос, который возникает у исследователя, это вопрос о характере панэллинниона: были ли «эллины», входившие в него, поклонниками языческой религии или теургической философии или же они были христианами? Споры о сущности этого кружка неизбежно концентрируются вокруг самого его наименования. Вообще «панэллиническим» называли в период второй софистики, вспоминая о классической эпохе, священные игры, объединявшие различные греческие народы, например «панафиней» у Флавия Филострата (Flav. Philos. Vita Soph. 2.1.550). В эллинистическую эпоху это слово применялось для обозначения специальных конкурсов. Например, подобный конкурс риториков проходил в Никомерии (Lib. Ер. 742) и на нём выступали такие известные «эллины», как Либаний и Гимерий. Слово *πανελλήνιον* у Синесия в Ер. 101.73 употреблено в единственном числе, тогда как в случаях, когда речь идёт о собрании по случаю игр или соревнований, используется множественное. Единственное число мы встречаем, правда, у Суды (Suda. Lex. π 1951) в перечислении произведений знаменитого софиста II в. Юлия Полидевка (панэллиннион здесь называлась, по всей вероятности, декламация, предназначенная специально для общегреческого конкурса). Может ли быть здесь омонимический перенос с жанра на место? В пользу этой гипотезы говорит словоупотребление у Секста Эмпирика, где он собрание панэллинов (во множественном числе) называет театроном (Sext. Emp. Contra Math. 11. 52-53). Подобное выражение «эллины в театроне» мы встречаем у Гимерия (Him. Or. 36.12). Вообще театрон ко времени Синесия становится площадкой не только для декламаций, но и для философских бесед и обсуждений текстов. Сам Синесий пишет своему другу Пилемону в том же письме, в котором он упоминает панэллиннион, что его, Пилемона, тексты обсуждаются интенсивно «эллинами» в местном ливийском театроне (Syn. Ер. 101.5).

Панэллиннион был, вероятно, такого рода театроном, но с философским уклоном. Само слово *πανελλήνιον* было использовано для усиления значения: чтобы продемонстрировать всеохватность константинопольского театрона. Эта же всеохватность подчёркивается словом *ἀπανταχόθεν* («отовсюду»). Итак, из краткого замечания Синесия мы можем сделать вывод о том, что в Константинополе при дворе в конце IV – начале V в. существовал философский театрон во главе с ритором Троилом, под руководством которого местные и приезжие интеллектуалы-эллины читали и обсуждали старые и новые философские произведения.

Некоторую дополнительную информацию об этом кружке мы можем также почерпнуть из контекста. Письмо 101 адресовано Пилемону, одному из ближайших друзей Синесия (ему посвящено 16 из 156

писем). С Пилеменом Синесий познакомился, по-видимому, в Константинополе во время своей миссии в этом городе, которая приходилась на 399–402 гг. Это было нелёгкое время, Синесий пытался заручиться поддержкой местных политиков, наладить социальные связи при дворе. Пилемен оказался одним из тех, кто его поддержал. В результате, вероятно, до самой смерти Синесий сохранял с ним дружеские отношения. Само письмо построено по всем канонам дружеского письма. Оно незатейливо, игриво, восхваляет всячески Пилемона и его интеллект. Синесий многократно и в разных вариациях жалуется на нехватку собеседника: ему не с кем поговорить о философии. «В Ливии мне не с кем поговорить о философии, разве что я выхожу в пустыню, и Эхо возвращает мне мой собственный голос» (Syn. Ер. 101.30). Синесий буквально зазывает Пилемона к себе в гости (Syn. Ер. 101.63-64). Наконец, Синесий просит передать привет «почтеннейшему Маркиану», которому Синесий и сам намеревался написать, но не решился этого сделать из опасения, что письмо прочтут в панэллиннионе. Очевидно, что Пилемен, как и Маркиан, находился в это время в Константинополе, а Синесий, судя по проэмию письма, в Кирене (Syn. Ер. 101.1-5). Если воспользоваться реконструированной Роком хронологией [10. Р. 405–439], то письмо было отправлено не позднее осени 405 г., т.е. спустя как минимум три года после отъезда из Константинополя. Таким образом, кружок Троила существовал ещё в 405 г. Но что это был за кружок? Почему Синесий опасается, что его участники прочтут письмо Синесия Маркиану [4. Р. 714]? Не было ли это жестом почтения к учёности и начитанности последнего, а также к самому Троилу?

На эти вопросы нам поможет ответить анализ использования слова «эллин» у Синесия. Очевидно, что не случайно именно от него был образован «панэллиннион»: по всей видимости, все члены кружка (по крайней мере, с точки зрения Синесия) относили себя к «эллинам». В его время это слово служило маркером принадлежности к последователям старой классической пайдеи [11. S. 26]. Император Юлиан собрал вокруг себя таких знаменитых риториков, как Либаний, Фемистий и Гимерий. Воззрения членов кружка Юлиана было самым разнообразным в плане отношения к религии: если Юлиан пытался возродить языческие культы вплоть до жертвоприношений, то Либаний и Гимерий относились к старым богам скорее как к культурному наследию, вписывая их в художественную традицию красноречия [12. Р. 122]. Однако нельзя сказать, что у них вовсе отсутствовало религиозное чувство. Так, например, в речи, посвящённой богине Артемиде, Либаний не упускает случая продемонстрировать свою веру в чудеса, которые богиня творит (Lib. Or. 5.51-53). Любопытно, что эта речь была составлена уже после смерти императора Юлиана. Может ли это свидетельствовать о том, что кружок эллинов существовал и дальше? И можем ли мы каким-либо образом связать панэллиннион, упоминаемый Синесием, с этим кружком? За исключением Либания, после смерти Юлиана эллины перестали явно говорить о своих языческих симпатии-

ях. В 368–369 гг. Гимерий возвращается в Афины [13. Р. 90], что может означать прекращение существования кружка, но не обязательно. В Константинополе оставался Фемистий, который теоретически мог продолжить традицию. С этого времени до того, как Синесий оказался в Константинополе, прошло около 30 лет. Соблазнительно думать, что за это время кружок эллинов сохранился в том или ином виде. Тогда редкое выражение «панэллинιον» приобретает особый смысл. Впрочем, судя по тому, что вскоре после возвращения из Константинополя Синесий увлекается христианством, можно предположить, что панэллинιον мог быть теоретически христианским. В пользу этого, например, говорит употребление специфического выражения *θεοφιλή κεφαλή* («боголюбивая глава»), которое он адресует Теотиму (Syn. Ep. 51.7-8), по-видимому, одному из членов панэллинιона. Однако в письме 154 (к Гипатии), написанном ок. 404 г., Синесий употребляет слово «эллины» ещё в привычном смысле поклонников пайдеи, без какого-либо намёка на христианство (Syn. Ep. 154.15, 96, 104, 114). Так или иначе, но Синесий и члены панэллинιона были не менее ревностными поклонниками пайдеи и в частности риторики, чем Либаний, Гимерий или Фемистий. Более того, они, по-видимому, стремились новаторски соединить риторику с философией. Разумеется, никаких достоверных свидетельств об идейной преемственности между юлиановским кружком эллинов и панэллинιоном у нас нет, однако мы можем констатировать явное типологическое сходство этих двух сообществ, существовавших в одном и том же месте (при императорском дворце в Константинополе) с разницей в 30–40 лет.

Тексты Синесия помогают не только понять указанное типологическое сходство, но и фальсифицировать идею о языческом характере панэллинιона, в результате чего гипотеза о постепенной христианизации эллинов константинопольского сообщества интеллектуалов уже не кажется такой уж безосновательной. Синесий неоднократно называет себя эллином (Syn. Epp. 1.15; 51.12; 101.6; 154.15), но что это значит для него? Повествуя о своём кумире, софисте Дионе Хрисостоме, он даёт своего рода определение:

Ἑλλήνα εἶναι, τοῦτ' ἔστι δύνασθαι τοῖς ἀνθρώποις ἐξομιλῆσαι, τῷ μηδενὸς ἀπείρως ἔχειν ἐλλογίμου συγγράμματος (Syn. Dion 4.3).

«Быть эллином значит быть способным общаться с людьми, из которых никто не лишён знания выдающихся литературных произведений».

Иначе говоря, эллин должен обладать таким уровнем знания традиционных для античной пайдеи текстов, чтобы иметь возможность общаться с другими знатоками. Несмотря на то, что данное определение Буффартинь считает недостаточным [14. Р. 265] (и действительно, по существу оно лишь указывает на определённый уровень знания текстов, который необходим для того, чтобы называться эллином), тем не менее оно открывает главную интенцию эллинизма Синесия: использовать пайдею в социальных целях. Суть не в том, чтобы знать тексты, а в том, чтобы с помощью этого знания коммуницировать и формировать социальные связи. Не

здесь ли кроется тот самый утилитарный подход к пайдеи, который встречается отчасти уже в сообществе эллинов императора Юлиана? И не по этой ли причине Синесий опасается того, что его письмо к Маркиану прочтут в панэллинιоне: боится, что не найдёт общего языка со всем сообществом эллинов? Эта утилитарность фиксируется у Синесия неоднократно. Более того, из его взгляда на эллинизм создаётся впечатление, что без привязки к социальному контексту он не существует вовсе. Так, например, в первом же письме из собрания (к Никандру, по всей видимости, также члену кружка ритора Троила) мы читаем:

Ἄν μὲν οὖν καὶ σοὶ δοκῇ, κοῖνωσαι τὸν λόγον τοῖς Ἑλλήσιν, ἀποψηφισθεὶς δὲ ἐπανάτω παρὰ τὸν πέμψαντα (Syn. Ep. 1.15).

«Итак, если и тебе так покажется, познакомь с этим сочинением эллинов, в обратном же случае верни отправителю».

Здесь Синесий называет эллинами интеллектуалов, способных по достоинству оценить его произведение, в согласии с определением из Dion 4.3. Очевидно, что знакомство подразумевало не только чтение текста перед близкими друзьями в театроне, но также и публикацию. В данном случае мы не можем говорить о каких-либо религиозных коннотациях (эллин – язычник). Несомненно одно: речь идёт именно о любителях красноречия, софистах или риториках. Более того, мы можем говорить, что в данном случае Синесий подразумевает не просто абстрактных любителей красноречия, а вполне конкретных членов нашего панэллинιона. Это второй случай самоназвания «эллин», который мы можем зафиксировать в текстах Синесия Киренского. То есть можно предположить, что эллинами как таковыми у Синесия названы только члены константинопольского панэллинιона.

В 51-м письме Синесий хвалит поэтический дар Теотима, по-видимому, одного из видных членов панэллинιона. Он говорит, что Симонид дал Гиерону гораздо больше, чем Гиерон Симониду, и сравнивает, соответственно, Теотима с Симонидом, а его патрона Анфимия с Гиероном. Теотима Синесий называет, как мы уже упоминали, «боголюбивой главой» (*θεοφιλή κεφαλήν*) и затем произносит похвалу, фактически, по нашим понятиям, граничащую с лестью:

Ἀλλὰ τοῦτο μὲν σὺ Σιμωνίδου πλέον ποιεῖς <...>, ἐκεῖνο δὲ κοινὸν ὅτι καὶ Σιμωνίδης Ἱέρωνα τῇ διαδοχῇ τοῦ χρόνου συνέστησε καὶ διὰ τῆς Θεοτίμου ποιήσεως, ἔστ' ἂν Ἕλληνες ᾧσι, πολὺς Ἀνθέμιος ἐν ταῖς τῶν λόγων διατριβαῖς. Ἀλλὰ τὰ μὲν Ῥωμαίων ἐκεῖνος αὖτοι, σὺ δὲ ἐκεῖνου τὸ ὄνομα ποιητικῇ γὰρ ἔδωκεν ὁ θεὸς ταμיעῦεν τὴν εὐκλειαν, ἥς τὸ καλὸν εἰς σὲ περιήκει (Syn. Ep. 51.8-16).

«И благодаря этому ты делаешься лучше Симонида, однако у вас есть и нечто общее: как благодаря Симониду Гиерон остался в истории, так и благодаря стихам Теотима Анфимий будет предметом литературных бесед до тех пор, пока существуют эллины. Пусть он возвращает ромеев, а ты возвращай имя, ибо Бог дал поэзии распоряжаться славой, красота которой осеняет и тебя».

Конечно, выражение «боголюбивая глава» и слово «Бог» ещё не дают основания утверждать, что панэллинιον имел христианский характер, однако нет ни-

каких свидетельств и того, что эта группа эллинов придерживалась языческих воззрений. Вряд ли романтические построения Демужо о том, что вокруг Аврелиана собрались все те, кто тосковал по эллинизму Юлиана, и что Аврелиан чуть ли не возродил язычество [15. Р. 236], имеют под собой достаточные основания. Однако в 1993 г. Алан Кэмерон тщательно разобрал вопрос о характере панэллинниона и пришёл к выводу, что такого кружка вообще не существовало [16. Р. 80]: Синесий, с точки зрения исследователя, сказал «панэллинιον» в шутку, по поводу людей, которые имели обыкновение собираться дома у любителя греческой культуры Маркиана и говорить о литературе. Мы не будем впадать в крайность и отрицать вслед за Кэмероном существование реального кружка эллинов (в конце концов, шуточный тон вовсе не аргумент в пользу того, что панэллинιον это выдумка автора), а также участие Аврелиана в этом кружке, но согласимся с тем, что говорить о языческом характере этого собрания и о том, что эллины Троила подражали эллинам Юлиана, это преувеличение. Единственный существенный аргумент Закревского [17], на котором основывается теория о языческом характере панэллинниона (заглавие письма Нила Анкирского: *Αὐρηλιανῷ ἑλλουστρίῳ ἀπὸ Ἑλληνῶν*) не выдерживает критики (главный контраргумент: слово «эллин» слишком многозначное, чтобы толковать его в данном случае в смысле «язычник»), и, как замечает Кэмерон, должен быть забыт [16. Р. 76–77]. Таким образом, маловероятно, что панэллинιον был собранием оппозиционных официальной христианской линии язычников.

Учитывая близость Троила к Аврелиану и вообще ко двору, вероятнее всего утверждать христианский характер (по крайней мере, официально) данной группы. Возможно, это была одна из первых попыток создать сообщество эллинов христианского образца. К сожалению, у нас слишком мало данных, чтобы сказать о характере этого сообщества что-то большее. Наконец, любопытно упоминание ромеев в контексте восхваления эллинизма (Syn. Ер. 51.8–16): «ромейство» относится Синесием к государству, к политической истории, которую он, таким образом, отделяет от истории культурной, ассоциирующейся с эллинизмом. Только вот эллинизм уже не связывается у Синесия с язычеством (как это было во времена Юлиана, и против чего возмущался Григорий Назианзин). Синесий, судя по всему, идентифицирует себя с эллинами, но в то же время принимает епископство. Является ли это признанием возможности христианского эллинизма? Этот вопрос тесно связан с другим: можно ли считать подобную репрезентацию отождествлением себя с сообществом эллинов, сформировавшимся вокруг императора Юлиана? Придерживался ли Синесий языческих взглядов? Или для него эллинизм уже полностью превратился в культуру, в пайдею, не имеющую отношения к языческой религии?

Одним из способов решения указанной проблемы является перформативный подход [18, 19]: исследование того, как Синесий себя проявляет в социальном контексте своего времени. Выступает он в своей об-

щественной и политической жизни как эллин или же как христианин? Конечно, такого рода подход возможен только в том случае, если во времена Синесия существовал некий идеальный тип поведения для христианина и такой же тип поведения для эллина. Изучение источников приводит нас к тому, что указанные идеалы действительно существовали.

Идеальный тип эллина обрисовывается благодаря сочинениям Юлиана и Либания. Так, например, Юлиан описывает эллина как знатока риторики и философии, человека справедливого, достойного, благородного, а также критически относящегося к мифам (Jul. Or. 8. 252 a-b). Для Либания быть эллином значит придерживаться классического образования, заключавшегося, прежде всего, в превосходном знании текстов Гомера, Гесиода, Демосфена, Фукидида и других классических авторов (Lib. Ер. 1036). Описывая эллина Аристофана, Либаний восхваляет его как приверженца пайдеи, а императора Юлиана, перед которым антиохийский ритор ходатайствует за Аристофана, Либаний чтит как того, кто заботится с любовью об эллинизме, под которым подразумеваются «священные культы, законы, красноречие, мудрость, посвящения и трофеи, полученные от варваров» (*ἱερὰ καὶ νόμους καὶ λόγους καὶ σοφίαν καὶ τελετὰς καὶ τρόπια ἀπὸ βαρβάρων*) (Lib. Or. 14.27). Эллинизм, таким образом, это целый комплекс различных знаний, верований, моральных норм, навыков и интересов, тесно переплетённых между собой. Но в основе этой идеологии лежит вполне определённый литературно-философский канон и, конечно же, знание древнегреческого языка (Him. Or. 17.4; 26; 23.4,7; 39).

Итак, эллин — это начитанный в классической литературе, риторически и философски образованный человек, который имеет досуг, но иногда участвует в политической, общественной и религиозной жизни, может выполнять куриальные обязанности своего родного города или служить чиновником в столице. Эллин с пиететом относится к старинным учреждениям, таким, как полис и сенат. Интересно, что первые реформы, которые предпринял Юлиан, были направлены на реанимацию сената и полиса [5. Р. 73]. Дохристианское прошлое его восхищает, он его идеализирует. Дион, о котором с таким придыханием писал Синесий, рисует портрет истинного эллина: это человек полиса и классической пайдеи [20. Р. 197]. Понятие полиса вообще было основой для социальной и культурной идентичности представителей позднеантичного эллинизма [21. Р. 41]. Какой контраст с христианской точкой зрения, для которой земной полис должен был подчиниться теократии небесного града!

Христианский идеальный тип обрисован церковными отцами во второй половине IV в., особенно в таких сочинениях, как «Житие Антония Великого» Афанасия Александрийского и «Жизнь святой Марины» Григория Нисского. Христианин никогда не будет ставить земное и плотское прежде небесного и духовного. Для этого необходима аскеза. Христианин — аскет по определению, аскеза и есть его пайдея. Характерна история из «Жития Антония Ве-

ликого» о том, как безграмотный коптский отшельник «посрамляет» греческих философов, эллинов:

«Был он [т.е. святой Антоний] весьма разумен и, что удивительно, не учась грамоте, отличался тонкостью и проницательностью ума. Однажды пришли к нему два языческих философа (φιλόσοφοι Ἑλληνες), думая, что могут искушить Антония. Был же он на внешней горе и, догадавшись по лицу шедших, какие это люди, вышел к ним и сказал через переводчика: “Почему столько беспокоитесь вы, философы, для человека несмысленного?”. Когда же ответили они, что Антоний человек вовсе не несмысленный, а напротив того – весьма умный, тогда продолжал он: “Если шли вы к человеку несмысленному, то напрасен труд ваш. А если почитаете меня разумным, то будьте такими же, каков я, потому что хорошему должно подражать. Если бы я пришёл к вам, то вам стал бы подражать. Если же вы ко мне пришли, то будьте такими же, каков я, а я – христианин”. Философы удалились в удивлении. Они видели, что и демоны боятся Антония» (Vita Ant. 72.1-5).

Имитация диалектических рассуждений и ссылка на сократовский тезис о необходимости подражания хорошему создают образ настоящего философа, который посрамляет грамотных, образованных эллинов. Классическая пайдейя этой истории полностью теряет своё значение (даже пропедевтическое, каковое она имела ещё у Василия Великого в его книге «К юношам о том, как читать языческие сочинения»).

В другом месте эллины снова приходят посмеяться над необразованностью Антония. Само незнание греческого является в их глазах недостатком: и это неудивительно, если учесть, что эллинизм это и есть, прежде всего, знание греческого (Him. Or. 17.4). Но Антоний спрашивает их: «Скажите, что первичнее – ум или письмена? И что чему причина: ум письменам или письмена уму?». Философы ответили, что ум, который и изобрёл письмена, на что Антоний ожидаемо заявил: «Поэтому в ком здравый ум, тому не нужны письмена» (Vita Ant. 73.2-3). Этот ответ также поразил своей мудростью философов, но нельзя не заметить, что в нём совершенно чётко была выражена установка на ненужность пайдейи. Пайдейя нужна только для тех, у кого нездоров ум, но если ум здоров, то пайдейя не нужна. Поскольку же здоровье ума приобретается аскезой и подвигами духовными, то в христианском мировосприятии оказывается чрезвычайно мало места для образования: зачем нужно читать греческих классиков, если можно молитвой и постом стяжать Дух Святой? Очевидно, что попытки оправдать пайдейю, которые мы встречаем у Григория Назианзина и Василия Великого, – это скорее исключение из правила, чем правило. Идеальный христианин не нуждается в пайдейе.

Аскетизм также сформулирован как основа поведения христианина у Григория Нисского, наиболее близкого к эллинизму христианского богослова. В послании «О жизни святой Макрины» он говорит, что в детстве она стеснялась изучать трагических поэтов и комедиографов по причине «неприличности» страстей, которые в них выражались (Vita Macr. 3.9-15).

Когда же из Афин вернулся её брат Василий, гордый своим риторическим образованием, она «направила его на стези истинного любомудрия» и сделала его сторонником «трудовой и простой рабочей жизни» (ἐργατικὸν τοῦτον καὶ αὐτόχειρα βίον) (Vita Macr. 6.8-12). В этих фрагментах мы видим превосходство простой аскезы над эллинизмом. Идеальный тип христианина как тип подвижника, монаха и аскета – следствие тех процессов, которые обрисовала Джудит Перкинс: это смена концепции главенства ума над телом концепцией страдающего тела [22. Р. 3].

Если сравнить идеальный тип эллина с идеальным типом христианина, можно сделать вывод, что с точки зрения перформативности в них чрезвычайно мало общего. Идеальный христианин напоминает образ апатичного стойка, презирающего пайдейю, развлечения и политику. Очевидно, что мнение Василия Великого и Григория Назианзина о пропедевтическом значении пайдейи находилось не в тренде: оно относилось только к тем, кто уже получал образование в риторических или философских школах и, обратившись в христианство, искал оправдания своему в них пребыванию. По существу, для христианина пайдейя оказывалась не только не необходимой, но и вредной, отвлекающим от духовной жизни соблазном.

А теперь вернёмся к Синесию и панэллинциону. Какую роль играет пайдейя у Синесия? Какому идеальному типу следует он? Первое, что бросается в глаза в этом отношении, это принятие Синесием епископства, которое можно расценивать как смену идентичности. Некоторые авторы ещё в XIX в. отмечали, что Синесий представляет собой хороший пример того, как происходит переход от эллинистического мировоззрения к христианскому [23. С. 18–19]. Такую схему долгое время не подвергали критическому анализу, однако последние исследования показали, что взаимоотношения эллинистической традиции и христианства в творчестве и жизни Синесия были далеко не простыми. Мы не будем вдаваться в проблему христианства Синесия (см. обзор дискуссии по этому вопросу: [24. Р. 149–170; 25. Р. 164–182]), отметим лишь, что эллинистические элементы явно доминируют в его мировоззрении над христианскими. И епископство здесь как раз представляется очень хорошим примером. Есть среди исследователей, правда, оригинальная версия о том, что Синесий не менял идентичности, а применил концепцию «философа-царя», заменив царя на епископа, оставшись верным своему эллинистическому мировоззрению [26. Р. 174]. Нам, однако, эта концепция представляется слишком спекулятивной, поскольку она игнорирует социальные связи Синесия, среди которых важнейшую роль играло общение с александрийским архиепископом Феодором. Кроме того, Брегман практически обходит стороной вопрос о возможном христианском характере панэллинциона.

Как верно замечает Алан Кэмерон, пайдейя из показателя достоинства элиты к началу V в. становится «пропуском на работу в имперскую службу, квалификацией» [27. Р. 344]. У Синесия, однако, она всё ещё выглядит, как показатель элитарности, но помимо его

собственной воли при избрании его епископом оказывается «пропуском на работу». И очевидно, что эти процессы Синесий не в силах был контролировать, он вынужден был подчиниться духу времени, несмотря на своё идеологическое несогласие. Это несогласие он выразил в знаменитом 105 письме [24. Р. 149–170; 28. S. 23–42]. Отказ от епископства сопровождался не только философскими, но и бытовыми аргументами. В частности, Синесий жаловался на нехватку времени на философию и охоту (Syn. Ер. 105.24,115). Вместе с тем епископам и вообще христианам вовсе не были свойственны подобные занятия. По своему поведению, насколько мы знаем из произведений самого Синесия, перед нами скорее типичный эллин, нежели христианин. Синесий увлекается характерными именно для эллина занятиями: охотой, философией, книгами, театрами, политической деятельностью, военной организацией защиты Пентаполя от берберов, ходатайствами и патронажем. Он аристократ и военный, и большая часть его социальных связей – не с церковными деятелями и не с христианами, а с государственными лицами и с представителями эллинизма. На свои церковные обязанности он переносит стратегию поведения, характерную для его светских социальных связей [3. С. 44–45]. В целом эллинизм им не отрицается, как это происходит в цитированных нами выше текстах, наоборот, он всячески защищает традиционную пайдею и с явным недовольством относится к христианским монахам [29. Р. 63]. Его пайдейя не христианская, а эллинистическая. Синесий, конечно, не был чужд неоплатоническому спиритуализму, но, как замечает Голдхилл, в то же время он отрицательно относится к популярному среди неоплатоников аскетизму [12. Р. 124]. Очевидно, в рамках теории перформативности, Синесий оставался на протяжении всей своей жизни скорее «эллином», чем христианином [29. Р. 53].

Итак, какие выводы можно сделать из нашего исследования? Можно ли, исходя из этих данных, сделать вывод об эволюции эллинизма на рубеже IV–V в.? Несомненно, отношение к классической пайдейе в

целом сильно изменилось. Синесию важно было сохранить свою идентичность, остаться эллином, несмотря на его несомненный интерес к христианству (о чём говорят его социальные связи с церковными деятелями). Христианство, как таковое, не имело своей пайдейи, и Синесий пытался переносить правила социальной и культурной жизни, которые оформились благодаря этой пайдейе, на свою церковную деятельность. Однако встреча старой традиции и новой религии не осталась для него без болезненных последствий, вызвав кризис идентичности. Идентичность как сегодня, так и в те времена не есть нечто статичное, это всегда процесс [21. S. 22]. Очевидно, Синесий был связан с сообществом эллинов и сам себя идентифицировал в качестве эллина, но в то же время у него мы наблюдаем смену идентичности, которая в той или иной мере отражает процессы, происходившие в среде позднеантичных интеллектуалов, воспитанных в традициях классического эллинизма. Разумеется, мы не можем утверждать, на основе имеющихся данных, что Синесий придерживался языческих взглядов. Как мы видели из приведённых выше цитат из писем Синесия, его эллинизм носил культурный, даже светский характер. Он не стремился возродить язычество в том или ином варианте, более того: по-видимому, он надеялся на возможность своего рода синтеза классической пайдейи и нового, христианского мировосприятия.

Если мировоззрение Синесия было близко членам панэллиниона, то мы можем сказать нечто и о характере этого кружка. Нам представляется, что его «генетическая» связь с юлиановскими эллинами весьма сомнительна, однако невозможно отрицать пietet перед классическим образованием, пайдейей, который царил в этом собрании. В то же время этот кружок едва ли носил языческий характер: вероятно, как и Синесий, его члены переживали определённый кризис идентичности в связи с активной христианизацией империи, но старались при этом сохранить традиционный эллинизм, который, с их точки зрения, являлся основой позднеантичной цивилизации.

Список источников

1. Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. 542 S.
2. Левченко М.В. Синезий Киренский. О царстве. Предисловие // Византийский временник. 1953. № 6. С. 327–337.
3. Мирошниченко Е.И. Синесий и его социальные связи // Византийский временник. 2018. № 102. С. 30–45.
4. Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. Cambridge, 1980. 1342 p.
5. Bowersock G. Julian the Apostate. London, 1978. 135 p.
6. Мирошниченко Е.И. «Эллины» императора Юлиана: проблема культурной идентичности в среде позднеантичных интеллектуалов // Вестник древней истории. 2022. № 82.1. С. 117–132.
7. Fritz W. Die Briefe des Bischofs Synesios von Kyrene: ein Beitrag zur Geschichte des Atticismus im IV und V Jahrhundert. Leipzig, 1898. 230 S.
8. Penella R.J. Two Notes on Himerius // Mnemosyne. 2012. № 65.1. P. 129–131.
9. Lacombrade C. Synésios de Cyrène, hellène et chrétien. Paris, 1951. 320 p.
10. Roques D. Synésios à Constantinople: 399–402 // Byzantion. 1995. № 65. P. 405–439.
11. Stenger J. Hellenische Identität in der Spätantike. Griechische Autoren und ihr Unbehagen an der eigenen Zeit. Berlin ; New York, 2009. 424 S.
12. Goldhill S. Artemis and Cultural Identity in Empire Culture: How to Think about Polytheism, now? // Greek on Greekness. Viewing the Greek Past under the Roman Empire / Ed. D. Konstan, S. Saïd. Cambridge, 2006. P. 112–161.
13. Penella R.J. Himerius and the Praetorian Prefect Secundus Salutius // Prometheus. 2006. № 32. P. 85–90.
14. Bouffartigne J. Julien ou l'hellénisme décomposé // ΕΛΛΗΝΙΣΜΟΣ. Quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque. Actes du Colloque de Strasbourg 25–27 octobre / ed. par S. Saïd. Leiden, 1991. P. 251–266.
15. Demougeot E. De l'unité à la division de l'empire romain, 395–410: Essai sur le gouvernement impérial. Paris, 1951. 618 p.
16. Cameron A., Long J., Sherry L. Barbarian and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley ; Los Angeles, 1993. 441 p.
17. Zakrewski K. Le parti théodosien et son antithèse. Lvov, 1931. 82 p.
18. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y. ; L., 1990. 272 p.
19. Moscovici S. Social Representations: Explorations in Social Psychology. Wiley, 2000. 328 p.

20. Bowie E.L. Hellenes and Hellenism in Writers of the Early 2nd Sophistic // *ἙΛΛΗΝΙΣΜΟΣ. Quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque*. Actes du Colloque de Strasbourg 25–27 octobre. Ed. par S. Saïd. Leiden, 1991. P. 183–204.
21. Yildirim B. Identities and Empire: Local mythology and the self-representation of Aphrodisias // *Paideia: The World of the Second Sophistic* / ed. by B.E. Borg. Berlin, 2004. P. 23–52.
22. Perkins J. The Suffering Self. Pain and Narrative Representation in the Early Christian Era. London, 1995. 254 p.
23. Остроумов А. Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879. 364 с.
24. Dimitrov D.Y. Synesius of Cyrene and the Christian Neoplatonism: Patterns of Religious and Cultural Symbiosis // *What Happened to the Ancient Library of Alexandria?* / ed. by Mostafa El-Abbadi, Omnia Fathallah. Leiden, 2008. P. 149–170.
25. Criscuolo U. Sinesio di Cirene fra neoplatonismo e teologia patristica // *Synesios von Kyrene. Politik – Literatur – Philosophie* / ed. by H. Seng, L.M. Hoffmann. Turnhout, 2013. S. 164–182.
26. Bregman J. *Synesius of Cyrene, philosopher-bishop*. Berkeley; Los Angeles; London, 1982. 206 p.
27. Cameron A. Poetry and Literary Culture in Late Antiquity // *Approaching Late Antiquity* / ed. by S. Swain, M. Edwards. Oxford, 2004. P. 327–354.
28. Horáček F. Tři výhrady biskupa Synesia vůči křesťanství: duše, svět a vzkříšení // *Studia Theologica*. 2017. № 19.2. S. 23–42.
29. MacMullen R. *Christianizing the Roman Empire. AD 100–400*. London, 1984. 184 p.

References

1. Hunger, H. (1978) *Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Vol. 1. München: Beck.
2. Levchenko, M.V. (1953) Sineziy Kirenskiy. O tsarstve. Predislovie [Synesius of Cyrene. About the kingdom. Preface]. *Vizantiyskiy vremennik*. 6. pp. 327–337.
3. Miroshnichenko, E.I. (2018) Synesius of Cyrene and his social relations. *Vizantiyskiy vremennik*. 102. pp. 30–45. (In Russian).
4. Martindale, J.R. (1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Bowersock, G. (1978) *Julian the Apostate*. London: Duckworth.
6. Miroshnichenko, E.I. (2022) The Hellenes of the emperor Julian: the problem of cultural self-identity among late antique intellectuals. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 1 (82). pp. 117–132. (In Russian). DOI: 10.31857/S032103910012760-9
7. Fritz, W. (1898) *Die Briefe des Bischofs Synesios von Kyrene: ein Beitrag zur Geschichte des Atticismus im IV und V Jahrhundert*. Leipzig: B.G. Teubner.
8. Penella, R.J. (2012) Two Notes on Himerius. *Mnemosyne*. 65.1. pp. 129–131.
9. Lacombrade, C. (1951) *Synésios de Cyrène, hellène et chrétien*. Paris: Les Belles-Lettres.
10. Roques, D. (1995) Synésios à Constantinople: 399–402. *Byzantion*. 65. pp. 405–439.
11. Stenger, J. (2009) *Hellenische Identität in der Spätantike. Griechische Autoren und ihr Unbehagen an der eigenen Zeit*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
12. Goldhill, S. (2006) Artemis and Cultural Identity in Empire Culture: How to Think about Polytheism, now? In: Konstan, D. & Saïd, S. (eds) *Greek on Greekness. Viewing the Greek Past under the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge Philological Society. pp. 112–161.
13. Penella, R.J. (2006) Himerius and the Praetorian Prefect Secundus Salutius. *Prometheus*. 32. pp. 85–90.
14. Bouffartigne, J. (1991) [Julien ou l'hellénisme décomposé]. *ἙΛΛΗΝΙΣΜΟΣ. Quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque*. Proceedings of the Colloquium. Strasbourg. 25–27 October 1989. Leiden: E.J. Brill. pp. 251–266.
15. Demougeot, E. (1951) *De l'unité à la division de l'empire romain, 395–410: Essai sur le gouvernement impérial*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
16. Cameron, A., Long, J. & Sherry, L. (1993) *Barbarian and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
17. Zakrewski, K. (1931) *Le parti théodosien et son antithèse*. Lviv: [s.n.].
18. Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York; London: Routledge.
19. Moscovici, S. (2000) *Social Representations: Explorations in Social Psychology*. Hoboken: Wiley.
20. Bowie, E.L. (1991) [Hellenes and Hellenism in Writers of the Early 2nd Sophistic]. *ἙΛΛΗΝΙΣΜΟΣ. Quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque*. Proceedings of the Colloquium. Strasbourg. 25–27 October 1989. Leiden: E.J. Brill. pp. 183–204.
21. Yildirim, B. (2004) Identities and Empire: Local mythology and the self-representation of Aphrodisias. In: Borg, B.E. (ed.) *Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin: De Gruyter. pp. 23–52.
22. Perkins, J. (1995) *The Suffering Self. Pain and Narrative Representation in the Early Christian Era*. London: Routledge.
23. Ostroumov, A. (1879) *Sineziy, episkop Ptolemaidskiy* [Synesius, Bishop of Ptolemais]. Moscow: tip. E. Lissner i Yu. Roman.
24. Dimitrov, D.Y. (2008) Synesius of Cyrene and the Christian Neoplatonism: Patterns of Religious and Cultural Symbiosis. In: El-Abbadi, M. & Fathallah, O. (eds) *What Happened to the Ancient Library of Alexandria?* Leiden: Brill. pp. 149–170.
25. Criscuolo, U. (2013) Sinesio di Cirene fra neoplatonismo e teologia patristica. In: Seng, H. & Hoffmann, L.M. (eds) *Synesios von Kyrene. Politik – Literatur – Philosophie*. Turnhout: Brepols. pp. 164–182.
26. Bregman, J. (1982) *Synesius of Cyrene, philosopher-bishop*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
27. Cameron, A. (2004) Poetry and Literary Culture in Late Antiquity. In: Swain, S. & Edwards, M. (eds) *Approaching Late Antiquity*. Oxford: Oxford University Press. pp. 327–354.
28. Horáček, F. (2017) Tři výhrady biskupa Synesia vůči křesťanství: duše, svět a vzkříšení. *Studia Theologica*. 19.2. pp. 23–42.
29. MacMullen, R. (1984) *Christianizing the Roman Empire. AD 100–400*. New Haven; London: Yale University Press.

Информация об авторе:

Мирошниченко Е.И. – младший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.I. Miroshnichenko, junior researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.07.2021;
одобрена после рецензирования 20.08.2021; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 18.07.2021;
approved after reviewing 20.08.2021; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 327
doi: 10.17223/15617793/477/17

Роль Эквадора в палестино-израильском конфликте

Юрий Викторович Николаев¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, yura.nik95@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ эквадорской внешней политики по палестино-израильскому противостоянию при опоре на широкий круг источников и литературы. Предпринята попытка более подробно проанализировать и представить сегодняшнюю роль латиноамериканских государств в палестино-израильском конфликте на примере официальной позиции Эквадора как одного из постепенно набирающих влияние государств андского региона.

Ключевые слова: Эквадор, Израиль, Палестина, ООН, Иерусалим, резолюции ООН, международное право

Для цитирования: Николаев Ю.В. Роль Эквадора в палестино-израильском конфликте // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 153–162. doi: 10.17223/15617793/477/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/17

Ecuador's role in the Israeli–Palestinian conflict

Yuri V. Nikolaev¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, yura.nik95@gmail.com

Abstract. The role of Ecuador in the solution of the Israeli–Palestinian conflict has not been studied in Russian science to date, and little attention has been paid to this topic in foreign research. This article is primarily aimed to show the feasibility of filling the “blank spot” in the subject under consideration. The aim of this article is to analyze the position of Ecuadorian foreign policy on the Israeli–Palestinian confrontation based on a wide range of sources and literature. The author analyzes public statements by top officials of Ecuador, UN documents on Arab–Israeli issues (speeches on the UN General Assembly and UN Security Council resolutions), examines the positions of the warring parties and their attitude to the role of Ecuador as an involved state, albeit indirectly, in the peaceful resolution of the conflict. In this article, the author attempts to analyze in more detail and present the current role of Latin American states in the Israeli–Palestinian conflict on the example of the official position of Ecuador, as one of the states of the Andean region that is gradually gaining influence. For the time period in this article, the stage from the moment of the emergence of Israel to the present day is taken, thereby considering more than half a century of the history of the Arab–Israeli confrontation, which includes numerous wars, truces and the signing of peace treaties between the warring parties. The position of Latin America, as a region that is represented in the Non-Aligned Movement, on the example of its individual members, seems interesting to the author in studying the above-mentioned problem.

Keywords: Ecuador, Israel, Palestine, UN, Jerusalem, UN resolutions, international law

For citation: Nikolaev, Yu.V. (2022) Ecuador's role in the Israeli–Palestinian conflict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 153–162. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/17

История участия Эквадора в разделе Палестины

С окончанием Второй мировой войны мир потребовал кардинального реформирования сложившегося порядка, и большинство государств стали отказываться от тяжелого колониального груза прошлого. Не осталась в стороне и британская подмандатная территория Палестины, по которой 29 ноября 1947 г. была принята резолюция № 181 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН) о разделе ее на два государства – арабское и еврейское, а в качестве

отдельной административной единицы под управлением ООН провозглашался Иерусалим [1].

Латинская Америка также приняла активное участие в голосовании по резолюции о разделе Палестины. «Против» проголосовали 13 членов ООН, среди которых было одно карибское государство – Куба, 10 государств «воздержались», в их числе Аргентина, Чили, Колумбия, Эль-Сальвадор, Гондурас и Мексика, и 33 государства ООН проголосовали «за», в их числе представитель Латинской Америки – Эквадор [2], продемонстрировав тем самым убежденность в

необходимости отказаться от «застаревших» принципов и политики колониальных держав.

Отмеченная резолюция однозначно подтвердила признание международным сообществом права еврейского народа на свое государство на своей исторической родине, а также отстаивала создание двух государств для евреев и арабов [3. С. 170–171]. 11 мая 1949 г. ГА ООН приняла резолюцию № 273 «Прием Израиля в число членов ООН» [4]. Среди государств, одобивших документ, был также Эквадор [5].

Что касается голосования Эквадора в пользу раздела Палестины, то известно, что его тогдашний президент Хосе Мария Веласко Ибарра (1944–1947) был очень доброжелателен к евреям и сионистским устремлениям и то, что за несколько лет до 1947 г. он написал работу по международному праву [6. Р. 215], «в которой исчерпывающе рассмотрел сионизм и упрекнул Англию в том, что она не выполняет своих обещаний по отношению к евреям» [7].

Таким образом, большинство латиноамериканских государств заняли активную позицию уже на первом этапе развития палестино-израильского конфликта и оказали весомую роль в разделе Палестины и становлении на ее территории новых образований. Рассмотрим позицию Эквадора на заявленную проблему.

Роль Эквадора в разрешении конфликта в XX в.

Исторически многие латиноамериканские страны, в том числе Эквадор, Аргентина, Бразилия, Чили и Венесуэла, имели значительные и хорошо организованные еврейские и мусульманские общины. Так, например, сирийские, ливанские и палестинские иммигранты прибывали в Латинскую Америку после выхода соответствующих территорий из Османской империи. Общины создавали обширные сети культурных, образовательных и религиозных учреждений, которые внесли значительный вклад в общество и дали ряду стран многих политиков, включая президентов Эквадора ливанского происхождения Абдалу Хайме Букарама (1996–1997) и Хорхе Хамиля Мауада (1998–2000) [8. Р. 5].

До официального становления Израиля в 1948 г. между еврейским народом и Эквадором уже существовали отношения. С приходом в Германии нацистов к власти Эквадор распахнул свои двери еврейским беженцам, вынужденным бежать из Германии и Европы из-за расовой политики нацистской верхушки [9]. За очень короткое время в Кито возникла уникальная для Южной Америки еврейская общинная жизнь. Из 3 000 евреев, которые с 1940 по 1945 г. составляли еврейскую диаспору в Эквадоре, более 95% были беженцами из гитлеровской Германии [7].

Официально дипломатические отношения Эквадора и Израиля были установлены 18 июня 1957 г., когда в качестве полномочного министра Израиля Тувия Араци вручил свои верительные грамоты президенту Эквадора Камило Понсе Энрикесу (1956–1960), начав тем самым путь к развитию дружеских отношений. В ответном слове президент Эквадора подчеркнул, что «рад поприветствовать представителя народа,

который внес столь значительный вклад в развитие цивилизации» [10]. В 1960 г. было официально открыто посольство Израиля в Кито [9]. В 1962 г. Эквадор открыл свое посольство в Тель-Авиве, где оно располагалось до ноября 1966 г., пока Министерство иностранных дел Эквадора не поручило перенести свое посольство в Иерусалим, с оговоркой, что перевод диппредставительства не подразумевает игнорирование резолюций ООН по палестино-израильскому вопросу, при этом также не подразумевает признание за Израилем территориальных приобретений, полученных силой, а основывается на практике расположения посольств в непосредственной близости к руководству государства (Иерусалим (на тот момент Западный Иерусалим) был признан столицей Израиля в 1950 г. [11], а в 1967 г. Израиль захватил Восточный Иерусалим) с целью непосредственного и бесперебойного взаимодействия и при этом сохранения суверенного права отстаивать место расположения дипломатических учреждений [12].

На очередной сессии ГА ООН 26 сентября 1967 г. представитель Эквадора осудил произошедшие события Шестидневной войны (5–10 июня 1967 г.) Израиля и арабских государств, призвал установить международный режим для Иерусалима, признать права на существование Израиля, вместе с тем проследить за выводом всех войск из оккупированных территорий, а также выдвинул положение о создании постоянной комиссии по примирению сторон [13].

В одной из своих работ эксперт по арабо-израильскому конфликту проводит анализ голосований латиноамериканскими странами по пяти группам резолюций по арабо-израильскому конфликту: резолюции, касающиеся деятельности и финансирования операций ООН (БАПОР, ЧВС, СООННР); резолюции, касающиеся нарушений прав человека, совершенных Израилем на оккупированных арабских территориях с 1967 г.; резолюции, касающиеся путей и средств достижения ближневосточного урегулирования; резолюции о роли и правах палестинского народа; резолюции с 1975 г., подрывающие международную и моральную приемлемость сионизма, приравнивающие последний к расизму [14. Р. 103]. Эквадор наряду с небольшим числом государств являлся последовательным сторонником резолюций, осуждающих Израиль и отстаивающих проарабскую сторону. Лишь в некоторых случаях эквадорским официальным лицам пришлось «воздержаться» при голосовании, в том числе по резолюции № 3379 ГА ООН «Ликвидация всех форм расовой дискриминации» от 10 ноября 1975 г., в которой Генеральная Ассамблея «постановляет, что сионизм является формой расизма и расовой дискриминации» [15]. Тем самым Эквадор в очередной раз подчеркнул собственную позицию о неприемлемости нарушений резолюций ООН и международных прав человека и отметил важность соблюдения основополагающих договоренностей между Израилем и арабскими соседями.

Ранее в тот же день Эквадор проголосовал за предоставление законных прав Организации освобождения Палестины (ООП) принимать участие в обсуждениях и конференциях по Ближнему Востоку

под эгидой ООН на равной основе с другими участниками, тем самым палестинскому народу предоставили возможность осуществлять его неотъемлемые национальные права [16].

После продолжительных войн и противоречий в 1978 г. в Вашингтоне были подписаны Кэмп-Дэвидские соглашения между Египтом и Израилем, положившие начало Египетско-израильскому мирному договору 1979 г. Для палестинцев эти договоренности имели большое значение: признание сторонами в резолюции № 242 СБ ООН части, посвященной Западному берегу и Сектору Газа, в качестве основы для разрешения противоречий, а также признание за палестинцами права выбирать для себя дальнейшую форму управления [17].

Представитель Эквадора на ежегодной сессии ГА ООН в 1978 г. отметил «искреннюю надежду, что переговоры в Кэмп-Дэвиде приведут к справедливому и прочному решению... к признанию законных прав палестинского народа... с тем, чтобы добиться урегулирования, которое обеспечит мир и безопасность для всех стран региона» [18].

30 июля 1980 г. Кнессет (законодательный орган Государства Израиль) принял «Закон об Иерусалиме», провозгласивший, что «Иерусалим, единый и неделимый, есть столица Израиля» [19]. В ответ на это противоправное решение 20 августа СБ ООН принял резолюцию № 478, в которой осудил Израиль за принятие упомянутого закона, нарушение статуса-кво и призвал все государства вывести свои диппредставительства из Священного города [20]. За пару недель до принятия этой резолюции Эквадор и многие другие латиноамериканские государства приступили к выводу своих посольств в Тель-Авив, которые до этого располагались в Иерусалиме, в знак протеста против израильского решения [21. Р. 37].

В 1970–1980-х гг. прошлого века в Эквадоре резко усилилась антисемитская пропаганда, за которой стояли исламские радикалы. В начале 1980-х гг. в Кито регулярно проводились антиеврейские демонстрации, а в октябре 1982 г. около здания Еврейской ассоциации была взорвана бомба. Официальные власти Эквадора выступили с решительным порицанием антисемитской кампании и пообещали восстановить безопасность и спокойствие [22. С. 58]. Взрыв бомбы явно был проявлением недовольства со стороны, возможно, палестинского населения, как и в целом арабского мира в ответ на принятие Израилем в 1980 г. «Закона об Иерусалиме», формально лишившего кого-либо возможности заявлять о Священном городе как о столице двух государств. Руководство Эквадора со своей стороны столкнулось у себя с непосредственной проблемой взаимоотношений евреев и арабов, продемонстрировавших применение любых средств против друг друга с целью поддержки своих сторон на Ближнем Востоке.

После ряд событий: Первая палестинская интифада (1987–1991 гг.), отказ Иордании от притязаний на Западный берег в пользу создания палестинского государства привели к подписанию между Израилем и ООП Соглашений в Осло и Декларации о принци-

пах в 1993 г. Обе стороны признали друг друга, а также подтвердили договоренность немедленно установить палестинскую автономию на территориях, отмеченных в Кэмп-Дэвиде, и создать палестинское правительство [23]. Таким образом стороны договорились положить конец длительному конфликту.

Эквадор в свою очередь «с энтузиазмом приветствовал» урегулирование конфликта и подчеркнул, что «это историческое событие будет не только началом сложных и обнадеживающих отношений... но и станет символом, признаком времени для многих других народов, которые идут по тернистому пути мира и понимания» [24].

Современное участие в урегулировании вопроса

Первое десятилетие XXI в. на Ближнем Востоке охарактеризовалось рядом конфликтов и войн, в результате которых погибло большое число мирных граждан, а остальные вынуждены были покинуть свои дома. Эквадор через ООН выражал обеспокоенность высоким уровнем насилия между народами Палестины и Израиля, уничтожающим также материальные ценности [25]. Официальные лица государства на ежегодных сессиях ГА ООН продолжили отстаивать право палестинцев на создание свободного и независимого государства и существование Израиля в рамках безопасных и международно признанных границ.

В наши дни Эквадор старается вести последовательную политику в адрес Израиля и Палестины, хотя это не всегда ему удается. Вместе с тем, когда Венесуэла и Боливия в начале 2009 г. разорвали дипломатические отношения с Израилем из-за жесткого подавления Израилем террористов в Секторе Газа, в результате чего пострадало мирное население, Эквадор только ограничился осуждением данной акции [22. С. 58–59].

В июне 2010 г. во время инцидента с «Флотилией свободы» («Флотилия свободы» – международный конвой гуманитарной помощи для жителей Сектора Газа, организованный пропалестинскими активистами движения «Free Gaza Movement») у берегов Израиля в результате штурма гуманитарного конвоя израильскими военно-морскими силами были задержаны суда, направляющиеся в Газу; на борту находилось 600 правозащитников. В результате операции были убиты, ранены, арестованы и оказавшиеся за решеткой граждане разных стран. Президент Эквадора Рафаэль Корреа Дельгадо (2007–2017) осудил данную акцию и отозвал для консультации своего посла в Израиле Рафаэля Вейнтимилья, выразив обеспокоенность из-за действий Израиля по поводу насилия против мирных граждан [26].

Что касается другого не менее важного вопроса, то, как подчеркивают некоторые исследователи, правительство Эквадора, признав Палестину в статусе государства, окажет содействие в гуманитарной деятельности и внесет свой вклад в урегулирование арабо-израильского конфликта [27. Р. 17].

Таким образом, следуя соблюдению основополагающих принципов международного права и истори-

ческой справедливости, 24 декабря 2010 г. Эквадор признал Палестину «как свободное и независимое государство в рамках границ 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме», поддержав также заявление Палестины о приеме ее в ООН в качестве полноправного члена организации [28].

Сразу же после признания независимости Палестины президент Эквадора Рафаэль Корреа направил официальное сообщение палестинскому лидеру Махмуду Аббасу (2013 г. – настоящее время), где подчеркнул: «...события насилия на Ближнем Востоке контрастируют с гуманистической и пацифистской позицией, установленной Конституцией Эквадора. Данное признание призвано подтвердить действительное и законное стремление палестинского народа иметь свободное и независимое государство, что будет иметь важное значение для достижения путем диалога и переговоров мирного сосуществования между странами региона» [29].

По утверждению российского эксперта, анализирующего отношения Латинской Америки и Ближнего Востока, Мексика и Чили, которые изначально сомневались из-за боязни давления со стороны США, Канады и Израиля, в итоге признали Палестину. Тогда как Боливия, Венесуэла и Эквадор, придерживающиеся своего рода более антиамериканской политики, признали Палестину, при этом без каких-либо изменений их отношений с Израилем. Как подчеркивает автор, «произошедший левый поворот в политике латиноамериканских государств, который в 2000-х годах превратился в антиамериканские и антиколониальные лозунги и выступления, был мимолетным явлением» [30. Р. 182].

29 ноября 2012 г. ГА ООН приняла резолюцию № 67/19 «Статус Палестины в Организации Объединенных Наций», соавтором которой стал Эквадор. Верный своим целям в поддержке дела палестинского народа, Эквадор выступил «за» вступление Палестины в ООН в статусе государства-наблюдателя организации, не являющегося ее членом [31]. По этому случаю официальные лица Эквадора очередной раз обратились к Палестине и Израилю «вновь сесть за стол переговоров после этого исторического голосования, чтобы прийти к окончательному решению конфликта», призывая полностью выполнять резолюцию № 181 ГА ООН от 1947 г.» [32].

27 марта 2014 г. в Кито состоялась встреча представителей ООН для обсуждения вопроса отношений между Израилем и Палестиной, а также содействия гражданскому обществу израильско-палестинского мира. Встреча носила конструктивный характер, на которой ставилась проблема поддержки странами Латинской Америки и Карибского бассейна всеобъемлющего, справедливого, конструктивного и прочного урегулирования палестинского вопроса, а также роль неправительственных субъектов. Представитель МИД Эквадора Диего Морехон отметил, что «встреча является проявлением солидарности Эквадора в пользу Палестины... это заседание ООН в Эквадоре рассматривается как уникальная возможность подтвердить нашу приверженность палестинскому народу» [33].

В своем слове помощник генерального секретаря ООН по политическим вопросам Оскар Фернандес поблагодарил Эквадор «за его ведущую роль и поддержку в реализации концепции интеграции Латинской Америки, где государство сыграло важную роль в гуманитарных процессах постконфликтного восстановления» [33]. В ходе обсуждения заместитель министра иностранных дел Эквадора Леонардо Арисага подчеркнул заинтересованность Эквадора палестинским вопросом и отметил намерение Эквадора открыть в Палестине посольство, а также сделал акцент на том, что его страна отмечает особую важность работы организаций, занимающихся вопросами мира. Кроме того, в те же дни состоялась встреча Комитета ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа, что лишним раз подчеркнуло заинтересованность Латинской Америки проблемой и значением данного мирного процесса для всех сторон [33].

В конце июня 2014 г. между представителями Эквадора и Израиля в Иерусалиме были подписаны двусторонние соглашения о техническом сотрудничестве и развитии. Президент Эквадора Рафаэль Корреа выразил поддержку еврейскому государству, назвав Израиль «единственной демократией на Ближнем Востоке, которая заставила пустыню цвести» [34]. «Израиль – это пример, которому мы должны следовать, чтобы эмансипироваться в Латинской Америке», – заявил президент Корреа по итогам подписания министром экономики Эквадора упомянутого соглашения с Израилем [34]. Такое яркое определение не осталось без внимания. Евреи и правое крыло поддержали заявление президента Корреа, подчеркнув его «интеллектуальную честность в признании преимуществ единственной демократии на Ближнем Востоке», тогда как палестинцы и левое крыло выразили свое негодование и несогласие: «Президент Корреа должен знать, что если Израилю удалось заставить пустыню расцвести, то это произошло из-за кражи 85% палестинской воды», – подчеркнул Рафаэль Арайя Масри, бывший советник палестинского посольства в Аргентине [34].

Параллельно развитию благоприятных контактов возникали и серьезные противоречия между правительством Эквадора и руководством Израиля. Эквадор неоднократно отзывал своего посла в Израиле в знак поддержки Палестины и демонстрации неприятия жестких мер со стороны израильских политиков в отношении Газы. Так, с 7 июля по 26 августа 2014 г. в ходе операции «Нерушимая скала» со стороны Израиля против Исламского движения сопротивления (ХАМАС), а именно в знак протеста против «геноцида в Газе», как заявил Рафаэль Корреа, Эквадор отозвал своего посла из Тель-Авива, а сам президент Эквадора отменил свой государственный визит в Израиль, отметив, что эквадорцы и дальше будут поддерживать Палестину [35]. Нападение на Газу продемонстрировало широкую единую поддержку со стороны латиноамериканских государств, выступивших категорически против подобных действий и нарушений международных прав со стороны Израиля, тогда как большая часть международного сообщества продолжила хранить молчание [8. Р. 9].

5 августа 2014 г. министр иностранных дел Эквадора Рикардо Патиньо в своем «Твиттере» написал, что «Палестина переживает трагические моменты: моральный долг мира – положить конец резне в Газе и содействовать прочному миру на основе справедливости» [36] и через несколько минут объявил на своей странице о том, что Эквадор принял решение открыть свое посольство в Палестине, при этом «в Рамалле – сердце Палестины, уже находится наша дипломатическая делегация» [37].

Стоит отметить, что ранее в мае 2013 г. Эквадор и Палестина договорились обменяться дипломатическими миссиями [38], заключив Меморандум о взаимопонимании, что дало толчок к началу подготовки обмена дипломатическими представительствами [39].

В январе 2014 г. первый посол Палестины в Эквадоре Хани Ремави представил копии верительных грамот министру иностранных дел Эквадора Р. Патиньо, начав дипломатическую активность своего государства в этой арабской стране [40]. В конце марта 2015 г. посол Эквадора в Палестине Хавьер Сантос Пласарте вручил копии верительных грамот министру иностранных дел Палестины Рияду аль-Малики, подтвердив свою поддержку делу арабского народа в необходимости продвижения к юридическому равенству государств, мирному урегулированию споров, политической интеграции и осуждению всех форм колониализма и империализма, а также укрепления двусторонних отношений. В ответном слове глава МИД Палестины выразил благодарность Эквадору «за безоговорочную поддержку палестинских требований в ООН, защиту прав человека и уважение международного права» [41].

На фоне кровопролитных событий в Секторе Газа, 10 августа 2014 г. МИД Эквадора объявил о проведении дней гуманитарной помощи палестинскому народу, в результате чего на просьбу откликнулось большое число жителей Эквадора: «Это очень трудное время... Эквадор продемонстрировал свою солидарность, любовь к палестинскому народу, уважение к миру и стремление к тому, чтобы народы могли жить гармонично», – заявил глава МИД Эквадора Р. Патиньо [42]. Министр иностранных дел подчеркнул очередной раз, что Эквадор выступает за скорейшее прекращение преступной блокады Сектора Газа и оккупации палестинских территорий в границах 1967 г., а также призвал безоговорочно выполнять все принятые ООН резолюции в рамках арабо-израильского конфликта, которые регулярно игнорируются и не соблюдаются.

29 ноября 2016 г. на торжественном заседании ГА ООН по случаю празднования Международного дня солидарности с палестинским народом постоянный представитель Эквадора при ООН Орасио Севилья Борха призвал все государства объединиться в вопросе создания независимого Государства Палестина на основе границ 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме при мирном и безопасном существовании с Государством Израиль. Представитель Эквадора подчеркнул, что «в 2017 г. исполняется 70 лет резолюции о разделе Палестины и создании на этой

территории двух государств... 5,3 миллиона палестинских беженцев вынуждены были покинуть свою страну из-за отсутствия эффективных действий со стороны Совета Безопасности, который продолжает уклоняться от ответственности. Таким образом 2017 г. должен стать окончанием иностранной оккупации Палестины» [43]. Тем самым постпред Эквадора подчеркнул бездействие и отсутствие выработанной позиции у международного сообщества по проблеме суверенности Палестины и палестино-израильскому вопросу в целом. Орасио Севилья завершил свое выступление, процитировав слова Фиделя Кастро, сказанные еще в 1979 г.: «Мы осудили преследования и геноцид, которые нацисты обрушивали на евреев, но в современной истории нет ничего, что было бы столь близко к этому, как изгнание и геноцид, которые империализм и сионизм в настоящее время обрушивают на палестинский народ» [43].

Реакция Израиля на речь Орасио Севильи была незамедлительной. Исполнительный директор Латиноамериканского еврейского конгресса Клаудио Эпельман прокомментировал заявление дипломата, отметив, что «этот факт свидетельствует о полном незнании того, что произошло в Германии и на Ближнем Востоке и ранит чувства свидетелей Холокоста и их семей» [44]. Сразу же представители Центра Симона Визенталя – неправительственной организации, занимающейся борьбой с антисемитизмом и изучением Холокоста, резко отреагировали на выступление представителя Эквадора и направили письмо президенту Рафаэлю Корреа, где выразили свое возмущение и призвали «публично извиниться за клевету в адрес еврейского народа», а также предложили «за вопиющий ревизионизм отстранить от дипломатической службы Орасио Севилью» [44]. В упомянутом письме представители центра отметили, что «никогда не было Государства Палестина, при этом, приняв арабы резолюцию ООН от 1947 г. о разделе Палестины, они бы отмечали свое 69-летие вместе с Государством Израиль» [44]. Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху (2009–2021) направил в МИД Эквадора коммюнике, в котором подчеркнул, что «зверства нацизма не могут сравниться с палестино-израильским конфликтом» [45]. Тем самым на достаточно высоком уровне официальные лица Эквадора «подлили масла в огонь» сложной ситуации на Ближнем Востоке, в результате чего руководство Израиля выразило сожаление в связи с испорченными двусторонними отношениями.

Новый виток в развитии контактов пришелся с приходом к власти в Эквадоре новой администрации. 25 мая 2017 г. на инаугурации нового эквадорского президента Ленина Морено Гарсеса (2017–2021) присутствовали официальные представители иностранных государств. На торжественном приеме делегации основных государств Персидского залива впервые за последние годы открыто встретились с израильским правительственным официальным лицом. Представитель Ликуда (правоцентристская национал-либеральная политическая партия Израиля) Аюб Кара отметил позже, что был «удивлен очень теплым от-

ношением представителей стран Персидского залива». Принимая во внимание шаги США по сближению Израиля и Палестины в деле достижения мирного соглашения, которое будет способствовать широкому миру Израиля со странами Персидского залива, представитель Израиля встретился с делегатами арабских стран для обсуждения событий на Ближнем Востоке и дальнейшего взаимодействия [46].

Большой резонанс вызвало заявление 6 декабря 2017 г. президента США Дональда Трампа (2017–2021), подписавшего указ о переносе американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим. Данное политическое заявление произвело фурор в мировом сообществе и резко пошатнуло безопасность на Ближнем Востоке. Еще в 1995 г. Конгрессом США был принят Jerusalem Embassy Act, признавший столицей Израиля Иерусалим, однако до решения Трампа американское посольство продолжало оставаться в Тель-Авиве [47. С. 392]. 7 декабря Министерство иностранных дел и мобильности населения Эквадора с официальным заявлением осудило решение президента Трампа признать Иерусалим столицей Израиля и перенести в этот город свое посольство, как противоречащее международному праву, а также резолюциям ООН: «Указ США подрывает международные усилия по поиску согласованного, справедливого и прочного решения в регионе» [48]. Эквадор со своей стороны заявил о возможных негативных последствиях, которые могут оказать отрицательное влияние на восстановление мирных контактов между Израилем и Палестиной. Вместе с тем, позиция Эквадора в деле урегулирования опирается на принцип существования двух государств – Палестины и Израиля со столицей Палестины в Восточном Иерусалиме и границами, существовавшими до 1967 г. [48].

21 декабря 2017 г. состоялась чрезвычайная специальная сессия ГА ООН, посвященная решению президента США Трампа о переносе американского посольства в Иерусалим. 128 государств – членов ООН «поддержали» резолюцию ГА ООН [49], осудив правовое нарушение статуса Иерусалима и демографического состава этого города [3. С. 177].

Стоит акцентировать внимание на голосовании стран Латинской Америки по данной резолюции. На тот момент сложилась весьма пестрая картина: Эквадор, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Перу, Уругвай, Чили поддержали резолюцию, «против» выступили Гватемала и Гондурас, остальные члены Латинской Америки «воздержались» или отсутствовали [50], что ярко продемонстрировало наличие союзников США в ООН и в то же время неприязнь и присутствие антиамериканских настроений.

Ранее в конце ноября 2017 г. Эквадор стал соавтором ряда проектов резолюций по проблеме Палестины, Иерусалима и палестинского народа, которые были приняты ГА ООН (резолюции 72/11, 72/12, 72/13, 72/14, 72/15, 72/16). В них рабочая группа, состоящая из разных государств, высказалась по ситуации вокруг арабо-израильского конфликта и порекомендовала придерживаться принятых ранее резолюций ООН, а также установила ряд новых мер и требований к конфликтующим сторонам для полного достижения мира.

14–15 мая 2018 г. после переноса посольства США в Иерусалим у границ Сектора Газа произошли столкновения между палестинцами – противниками переноса американского посольства и армией Израиля. В результате более 500 человек погибли и около 2 500 получили ранения. Ряд латиноамериканских государств высказались с осуждением в адрес Израиля, среди которых были Венесуэла, Боливия, Мексика, Чили и Эквадор. Последний призвал «уважать нормы международного права и прав человека, в частности в отношении принципа пропорционального применения силы», отмечая, что Израиль вновь вызвал волну насилия, в результате чего погибли многие палестинцы, усугубляя в целом гуманитарный кризис на палестинской территории [51]. Эквадор, по словам министра иностранных дел Марии Фернанды Эспиносы Гарсес, продолжает стоять на том, что «окончательное и верное решение этой проблемы должно строиться на основе существования двух государств – Палестины и Израиля; данная основа будет исключительным средством достижения мира и стабильности на Ближнем Востоке» [52].

Чуть позже на встрече, посвященной Международному дню солидарности с палестинским народом 3 декабря 2018 г. в ООН, постоянный представитель Эквадора при организации Луис Гальегос Чирибога отметил, что «Эквадор занимает неизменную точку зрения и будет продолжать придерживаться ее, поскольку это принципиальная позиция», а также подчеркнул, что резолюцией № 181 ГА ООН постановила разделить Палестину на два государства – Израиль и Палестину [53]. Представитель Эквадора заявил о приверженности его страны резолюциям ООН, подтверждающим неотъемлемые права палестинского народа, поддержке по обеспечению осуществления прав беженцев вернуться на свою родную землю и призвал международное сообщество достичь требуемого результата в деле содействия достижению окончательного и справедливого для всех политического урегулирования на основе существования двух государств в качестве единственного пути для достижения мира и стабильности на Ближнем Востоке, а также возвращения палестинскому народу его прав на создание независимого государства [53].

Анализируя ежегодные выступления представителей Эквадора перед ГА ООН с 1946 по 2020 г., можно однозначно отметить единство всех администраций на протяжении более 70 лет по палестинско (арабо)-израильской проблеме: неотъемлемое право Израиля на существование; право народа Палестины на самоопределение, независимость и национальный суверенитет; неприемлемость территориальных приобретений с помощью силы, равно как и оккупация; соблюдение всех резолюций ООН и мирное решение конфликта. Также стоит подчеркнуть, что практически во всех своих выступлениях, призывая соблюдать резолюции ООН, Эквадор подтверждает свою позицию перед конфликтующими сторонами отталкиваться от обязанности выполнения резолюции № 242 СБ ООН от 22 ноября 1967 г. по итогам Шестидневной войны, в результате которой Израиль захватил,

помимо всего, Сектор Газа, Западный берег реки Иордан, а также Восточный Иерусалим – важные для палестинцев территории.

Заключение

Заинтересованность в разрешении палестино-израильского конфликта у Эквадора свидетельствует о возрастающей роли малых стран, расположенных вдали от непосредственного противостояния враждующих сторон, и необходимости в скорейшем разрешении конфликта, затрагивающего весь мир. Участие в качестве посредника в данном вопросе указывает на способность малых государств внести свой

вклад в разрешение конфликта. Позиция официальных лиц Эквадора с первого дня палестино-израильского противостояния демонстрирует симпатию к обеим сторонам, что хорошо прослеживается в его контактах с ними, при этом подчеркнута важность признания Палестины со столицей в Восточном Иерусалиме, соблюдения всех резолюций ООН и мирного сосуществования Палестины с Израилем. В то же время важно отметить непредвзятый характер и независимость от американских администраций по вопросу о том, чью сторону в палестино-израильском конфликте следует занимать Эквадору, который проявил общую и последовательную позицию в этом вопросе.

Список источников

1. Resolución aprobada sobre la base del informe de la comisión ad hoc encargada de estudiar la cuestión de Palestina №181 (II), 29 de noviembre de 1947 // Asamblea General de la ONU. URL: [https://undocs.org/es/A/RES/181\(II\)](https://undocs.org/es/A/RES/181(II)) (accessed: 04.03.2021).
2. UN General Assembly Resolution 181, November 29, 1947 // Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/un%20general%20assembly%20resolution%20181.aspx#:~:text=29%20Nov%201947&text=United%20Nations%20General%20Assembly%20Resolution,state%20and%20an%20Arab%20state.&text=The%20resolution%20was%20accepted%20by,Palestine%20and%20the%20Arab%20states> (accessed: 04.03.2021).
3. Кузьмин В.А., Николаев Ю.В. Решение администрации Д. Трампа по переносу посольства США в Иерусалим и реакция мирового сообщества // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14, № 3 (191). С. 170–185.
4. Resolución №273 (III). Admission of Israel to membership in the United Nations. May 11, 1949 // UN General Assembly. URL: [https://undocs.org/en/A/RES/273\(III\)](https://undocs.org/en/A/RES/273(III)) (accessed: 04.03.2021).
5. Application of Israel for admission to membership in the United Nations: report of the Ad Hoc Political Committee (A/855). May 11, 1949 // UN General Assembly. URL: <https://undocs.org/en/A/PV.207> (accessed: 05.03.2021).
6. Edward B. Glick. Latin America and the Palestine Partition Resolution // Journal of Inter-American Studies. 1959. Vol. 1, № 2. P. 211–222.
7. Weiser B. Ecuador: Eight Years on Ararat: The Story of a South American Haven // Commentary. June, 1947. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/benno-weiser/ecuador-eight-years-on-ararat-the-story-of-a-south-american-haven/> (accessed: 06.03.2021).
8. Munck R., Pozzi P. Israel, Palestine, and Latin America: Conflictual Relationships // Latin American Perspectives. 2019. Vol. 46, Is. 226, № 3. P. 4–12.
9. Ecuador Israel relaciones // Embajada de Israel en Ecuador. 2012. URL: <https://embassies.gov.il/quito/Relations/Pages/ECUADOR-ISRAEL-RELACIONES.aspx> (accessed: 07.03.2021).
10. Republic of Ecuador establishes diplomatic relations with Israel // Jewish Telegraphic Agency. Daily News Bulletin. New York, June 19, 1957. URL: http://pdfs.jta.org/1957/1957-06-19_116.pdf?_ga=2.38694051.1480956694.1601223057-1628906168.1601223057 (accessed: 09.03.2021).
11. 1967: The reunification of Jerusalem // Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://mfa.gov.il/Jubilee-years/Pages/1967-The-Reunification-of-Jerusalem.aspx> (accessed: 09.03.2021).
12. Silva del Pozo R. La Guerra de los Seis Días. Conflicto Árabe-Israelí. Analogía con el diferendo ecuatoriano-peruano // Trabajo de investigación individual. Secretaría General del Consejo de Seguridad Nacional. Instituto de Altos Estudios Nacionales. 1980. URL: <https://repositorio.iaen.edu.ec/bitstream/24000/4538/1/Silva%20del%20Pozo%20Ramiro.pdf> (accessed: 09.03.2021).
13. Discurso del Sr. Prado Valles. 22 período de sesiones, 1568ª sesión plenaria, 26 de septiembre de 1967 // Asamblea General de la ONU. URL: <https://undocs.org/es/A/PV.1568> (accessed: 14.03.2021).
14. Sharif R. Latin America and the Arab-Israeli Conflict // Journal of Palestine Studies. 1977. Vol. 7, № 1. P. 98–122.
15. Resolución № 3379 (XXX). Eliminación de todas las formas de discriminación racial. 30 período de sesiones, 2400ª sesión plenaria, 10 de noviembre de 1975 // Asamblea General de la ONU. URL: [https://undocs.org/es/A/RES/3379\(XXX\)](https://undocs.org/es/A/RES/3379(XXX)) (accessed: 14.03.2021).
16. Resolución №3375 (XXX). Invitación a la Organización de Liberación de Palestina a participar en los esfuerzos en pro de la paz en el Oriente Medio. 30 período de sesiones, 2399ª sesión plenaria, 10 de noviembre de 1975 // Asamblea General de la ONU. URL: [https://undocs.org/es/A/RES/3375%20\(XXX\)](https://undocs.org/es/A/RES/3375%20(XXX)) (accessed: 14.03.2021).
17. The Camp David Accords. The Framework for Peace in the Middle East. September, 1978. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/camp-david-accords-egypt-1978.pdf> (accessed: 15.03.2021).
18. Discurso del Sr. Ayala Lasso. 33 período de sesiones, 13ª sesión plenaria, 28 de septiembre de 1978 // Asamblea General de la ONU. URL: <https://undocs.org/es/A/33/PV.13> (accessed: 17.03.2021).
19. Basic Laws. Jerusalem, the Capital of Israel (1980) // The Knesset. URL: <https://m.knesset.gov.il/EN/activity/Pages/BasicLaws.aspx> (accessed: 17.03.2021).
20. Resolución №478 (1980). 20 de agosto de 1980 // Consejo de Seguridad de la ONU. URL: [https://undocs.org/es/S/RES/478\(1980\)](https://undocs.org/es/S/RES/478(1980)) (accessed: 17.03.2021).
21. The status of Jerusalem. New York : United Nations, 1997. 39 p. URL: <https://www.un.org/unispal/wp-content/uploads/2016/07/The-Status-of-Jerusalem-English-199708.pdf> (accessed: 19.03.2021).
22. Белый Э.Л. Андские страны – Израиль: связи длиной в полвека // Латинская Америка. 2014. № 9. С. 48–65.
23. Двусторонние переговоры. Израиль-палестинцы // Министерство иностранных дел Израиля. URL: <https://mfa.gov.il/MFARUS/Foreign-Relations/PeaceProcess/Pages/BilateralPalestinians.aspx> (дата обращения: 20.03.2021).
24. Discurso del Sr. Diego Paredes Peña. 48 período de sesiones, 17ª sesión plenaria, 5 de octubre de 1993 // Asamblea General de la ONU. URL: <https://undocs.org/es/A/48/PV.17> (accessed: 20.03.2021).
25. Discurso del Sr. Heinz Möeller Freile. 56 período de sesiones, 47ª sesión plenaria, 11 de noviembre de 2001 // Asamblea General de la ONU. URL: <https://undocs.org/es/A/56/PV.47> (accessed: 21.03.2021).
26. Эквадор отзывает посла из Израиля из-за инцидента с флотилией // РИА Новости. 2010. URL: <https://ria.ru/20100603/241929242.html> (дата обращения: 21.03.2021).
27. Cuéllar A.A., Silverburg S.R. Diplomatic Dominos: South America and the Recognition of (the State of) Palestine // Review of Social Sciences. 2016. Vol. 1, № 3. P. 11–24.

28. Discurso del Sr. Francisco Carrión Mena. 66 período de sesiones, 29ª sesión plenaria, 27 de septiembre de 2011 // Asamblea General de la ONU. URL: <https://undocs.org/es/A/66/PV.29> (accessed: 24.03.2021).
29. Ecuador reconoce al Estado Palestino. Boletín de Prensa No. 992. Quito, 24 de diciembre del 2010 // Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio e Integración. URL: <http://www.embajadapalestinaenperu.pe/DOCUMENTOS/Comunicado%20Ministerio%20RREE%20Ecuador,%2024%20de%20Diciembre.pdf> (accessed: 27.03.2021).
30. Yevsénko A. América Latina y el Oriente Próximo: evolución de las relaciones // Iberoamérica. 2020. № 3. P. 169–193.
31. Cuestión de Palestina. 67 período de sesiones, 44ª sesión plenaria, 29 de noviembre de 2012 // Asamblea General de la ONU. URL: <https://undocs.org/es/A/67/PV.44> (accessed: 29.03.2021).
32. Ecuador votará a favor de Resolución que reconoce a Palestina como Estado Observador en la ONU // Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. URL: <https://www.cancilleria.gob.ec/2012/11/29/ecuador-votara-a-favor-de-resolucion-que-reconoce-a-palestina-como-estado-observador-en-la-onu/> (accessed: 29.03.2021).
33. Naciones Unidas se reúne en Quito para analizar el apoyo a la paz entre Israel y Palestina // Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. URL: <https://www.cancilleria.gob.ec/2014/03/27/naciones-unidas-se-reune-en-quito-para-analizar-el-apoyo-a-la-paz-entre-israel-y-palestina/> (accessed: 02.04.2021).
34. Ecuador's president expresses Zionist support // Middle East Monitor. 2014. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20140627-ecuadors-president-expresses-zionist-support/> (accessed: 02.04.2021).
35. Ecuador's President Cancels Visit to Israel // Arutz Sheva. 2014. URL: <http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/183803> (accessed: 02.04.2021).
36. Ricardo Patiño. August 5, 2014 // Post on Twitter. URL: <https://twitter.com/RicardoPatinoEC/status/496443834889678849> (accessed: 05.04.2021).
37. Ricardo Patiño. August 5, 2014 // Post on Twitter. URL: <https://twitter.com/RicardoPatinoEC/status/496445616332238848> (accessed: 05.04.2021).
38. Ecuador anuncia la apertura de una embajada en Palestina // RT. 2014. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/view/136081-ecuador-patino-embajada-palestina-israel> (accessed: 05.04.2021).
39. Ecuador y Palestina acuerdan establecer misiones diplomáticas // Palestinalibre.org. 2013. URL: <https://www.palestina-libre.org/articulo.php?a=45459> (accessed: 06.04.2021).
40. Embajador palestino presentó credenciales // ECUADOR TIMES.net. 2014. URL: <https://www.ecuadortimes.net/es/embajador-palestino-presento-credenciales/> (accessed: 07.04.2021).
41. Embajador del Ecuador presenta Copia de Cartas Credenciales en Palestina // Radio Elite. 2015. URL: <https://www.radioelite.com.ec/?p=8967> (accessed: 15.04.2021).
42. Ecuador con Palestina: ciudadanos se suman a la campaña de ayuda humanitaria emprendida por Cancillería // Ministerio de Agricultura y Ganadería. URL: <https://www.agricultura.gob.ec/ecuador-con-palestina-ciudadanos-se-suman-a-la-campana-de-ayuda-humanitaria-emprendida-por-cancilleria/> (accessed: 23.04.2021).
43. Embajador ecuatoriano Horacio Sevilla aboga ante ONU por creación de Estado independiente de Palestina // Palestinalibre.org. 2016. URL: <https://www.palestinalibre.org/articulo.php?a=62806> (accessed: 30.04.2021).
44. Ecuador acusó a Israel de “exterminar al pueblo palestino como los nazis a los judíos” // La República. 2016. URL: <https://www.larepublica.ec/blog/2016/12/03/ecuador-acuso-israel-exterminar-pueblo-palestino-como-nazis-judios/> (accessed: 03.06.2021).
45. Israel pide una aclaración “fuerte y precisa” a Ecuador // El Comercio. 2016. URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/israel-aclaracion-palestina-ecuador-discurso.html> (accessed: 03.06.2021).
46. Israeli minister meets publicly with Arab officials in Ecuador // The Times of Israel. 2017. URL: <https://www.timesofisrael.com/israeli-minister-meets-publicly-with-arab-officials-in-ecuador/> (accessed: 05.06.2021).
47. Хейфец В.Л., Добронравин Н.А., Хадорич Л.В., Андреев А.С., Правдюк Д.А. Латинская Америка в глобальных политических процессах // От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / отв. ред. В.Л. Хейфец. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 326–405.
48. Comunicado oficial, 7 de diciembre de 2017 // Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. URL: <https://www.cancilleria.gob.ec/2017/12/07/comunicado-oficial-18/> (accessed: 09.06.2021).
49. Resolución aprobada por la Asamblea General el 21 de diciembre de 2017. El estatuto de Jerusalén. 22 de diciembre de 2017 // Asamblea General de la ONU. URL: <https://undocs.org/es/A/RES/ES-10/19> (accessed: 15.06.2021).
50. Cómo votaron los países latinoamericanos en la resolución de la ONU contra la decisión de Estados Unidos de reconocer a Jerusalén como capital de Israel // BBC News. 2017. URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-42449990> (accessed: 26.06.2021).
51. Venezuela, Bolivia, Chile y Ecuador rechazan violencia de Israel contra palestinos // Anadolu Agency. 2018. URL: <https://www.aa.com.tr/es/mundo/venezuela-bolivia-chile-y-ecuador-rechazan-violencia-de-israel-contra-palestinos/1146481> (accessed: 26.06.2021).
52. Comunicado oficial, 14 de mayo de 2018 // Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. URL: <https://www.cancilleria.gob.ec/2018/05/14/comunicado-oficial-23/> (accessed: 26.06.2021).
53. Ecuador mantiene una posición invariable frente a la causa palestina, 3 de diciembre de 2018 // Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. URL: <https://www.cancilleria.gob.ec/2018/12/03/ecuador-mantiene-una-posicion-invariable-frente-a-la-causa-palestina/> (accessed: 26.06.2021).

References

1. Asamblea General de la ONU. (1947) *Resolucion aprobada sobre la base del informe de la comision ad hoc encargada de estudiar la cuestion de Palestina No. 181 (II), 29 de noviembre de 1947*. [Online] Available from: [https://undocs.org/es/A/RES/181\(II\)](https://undocs.org/es/A/RES/181(II)) (Accessed: 04.03.2021).
2. Israeli Ministry of Foreign Affairs. (1947) *UN General Assembly Resolution 181, November 29, 1947*. [Online] Available from: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/un%20general%20assembly%20resolution%20181.aspx#:~:text=29%20Nov%201947&text=United%20Nations%20General%20Assembly%20Resolution,state%20and%20an%20Arab%20state.&text=The%20resolution%20was%20accepted%20by,Palestine%20and%20the%20Arab%20states> (Accessed: 04.03.2021).
3. Kuz'min, V.A. & Nikolaev, Yu.V. (2019) The decision of the Trump administration to relocate the us embassy to Jerusalem and the reaction of the international community. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*. 3 (14) (191). pp. 170–185. (In Russian).
4. UN General Assembly. (1949) *Resolution No. 273 (III). Admission of Israel to membership in the United Nations. May 11, 1949*. [Online] Available from: [https://undocs.org/en/A/RES/273\(III\)](https://undocs.org/en/A/RES/273(III)) (Accessed: 04.03.2021).
5. UN General Assembly. (1949) *Application of Israel for admission to membership in the United Nations: report of the Ad Hoc Political Committee (A/855). May 11, 1949*. [Online] Available from: <https://undocs.org/en/A/PV.207> (Accessed: 05.03.2021).
6. Edward, B. (1959) Glick. Latin America and the Palestine Partition Resolution. *Journal of Inter-American Studies*. 2 (1). pp. 211–222.

7. Weiser, B. (1947) Ecuador: Eight Years on Ararat: The Story of a South American Haven. *Commentary*. June. [Online] Available from: <https://www.commentarymagazine.com/articles/benno-weiser/ecuador-eight-years-on-ararat-the-story-of-a-south-american-haven/> (Accessed: 06.03.2021).
8. Munck, R. & Pozzi, P. (2019) Israel, Palestine, and Latin America: Conflictual Relationships. *Latin American Perspectives*. 3 (66). pp. 4–12.
9. Embajada de Israel en Ecuador. (2012) *Ecuador Israel relaciones*. [Online] Available from: <https://embassies.gov.il/quito/Relations/Pages/ECUADOR-ISRAEL-RELACIONES.aspx> (Accessed: 07.03.2021).
10. Jewish Telegraphic Agency. Daily News Bulletin. (1957) Republic of Ecuador establishes diplomatic relations with Israel. *Jewish Telegraphic Agency: Daily News Bulletin*. 19 June. [Online] Available from: http://pdfs.jta.org/1957/1957-06-19_116.pdf?_ga=2.38694051.1480956694.1601223057-1628906168.1601223057 (Accessed: 09.03.2021).
11. Israeli Ministry of Foreign Affairs. (1967) *1967: The reunification of Jerusalem*. [Online] Available from: <https://mfa.gov.il/Jubilee-years/Pages/1967-The-Reunification-of-Jerusalem.aspx> (Accessed: 09.03.2021).
12. Silva del Pozo, R. (1980) La Guerra de los Seis Días. Conflicto Árabe-Israelí. Analogía con el diferendo ecuatoriano-peruano. *Trabajo de investigación individual. Secretaría General del Consejo de Seguridad Nacional. Instituto de Altos Estudios Nacionales*. [Online] Available from: <https://repositorio.iaen.edu.ec/bitstream/24000/4538/1/Silva%20del%20Pozo%20Ramiro.pdf> (Accessed: 09.03.2021).
13. Asamblea General de la ONU. (1967) *Discurso del Sr. Prado Valjejo. 22 período de sesiones, 1568ª sesión plenaria, 26 de septiembre de 1967*. [Online] Available from: <https://undocs.org/es/A/PV.1568> (Accessed: 14.03.2021).
14. Sharif, R. (1977) Latin America and the Arab-Israeli Conflict. *Journal of Palestine Studies*. 1 (7). pp. 98–122.
15. Asamblea General de la ONU. (1975) *Resolución № 3379 (XXX). Eliminación de todas las formas de discriminación racial. 30 período de sesiones, 2400ª sesión plenaria, 10 de noviembre de 1975*. [Online] Available from: [https://undocs.org/es/A/RES/3379\(XXX\)](https://undocs.org/es/A/RES/3379(XXX)) (Accessed: 14.03.2021).
16. Asamblea General de la ONU. (1975) *Resolución №3375 (XXX). Invitación a la Organización de Liberación de Palestina a participar en los esfuerzos en pro de la paz en el Oriente Medio. 30 período de sesiones, 2399ª sesión plenaria, 10 de noviembre de 1975*. [Online] Available from: [https://undocs.org/es/A/RES/3375%20%20\(XXX\)](https://undocs.org/es/A/RES/3375%20%20(XXX)) (Accessed: 14.03.2021).
17. The Camp David Accords. (1978) *The Framework for Peace in the Middle East. September, 1978*. [Online] Available from: <https://www.peaceau.org/uploads/camp-david-accords-egypt-1978.pdf> (Accessed: 15.03.2021).
18. Asamblea General de la ONU. (1978) *Discurso del Sr. Ayala Lasso. 33 período de sesiones, 13ª sesión plenaria, 28 de septiembre de 1978*. [Online] Available from: <https://undocs.org/es/A/33/PV.13> (Accessed: 17.03.2021).
19. The Knesset. (n.d.) *Basic Laws. Jerusalem, the Capital of Israel (1980)*. [Online] Available from: <https://m.knesset.gov.il/EN/activity/Pages/BasicLaws.aspx> (Accessed: 17.03.2021).
20. Consejo de Seguridad de la ONU. (1980) *Resolución No. 478 (1980)*. 20 August. [Online] Available from: [https://undocs.org/es/S/RES/478\(1980\)](https://undocs.org/es/S/RES/478(1980)) (Accessed: 17.03.2021).
21. Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People. (1997) *The status of Jerusalem*. New York: United Nations. [Online] Available from: <https://www.un.org/unispal/wp-content/uploads/2016/07/The-Status-of-Jerusalem-English-199708.pdf> (Accessed: 19.03.2021).
22. Belyy, E.L. (2014) Andskie strany – Izrail': svyazi dlinoy v polveka [Andean countries – Israel: ties half a century long]. *Latinskaya Amerika*. 9. pp. 48–65.
23. Israeli Ministry of Foreign Affairs. (2016) *Dvustoronnie peregovory. Izrail'-palestintsy* [Bilateral negotiations. Israel-Palestinians]. [Online] Available from: <https://mfa.gov.il/MFARUS/Foreign-Relations/PeaceProcess/Pages/BilateralPalestinians.aspx> (Accessed: 20.03.2021).
24. Asamblea General de la ONU. (1993) *Discurso del Sr. Diego Paredes Pena. 48 período de sesiones, 17ª sesión plenaria, 5 de octubre de 1993*. [Online] Available from: <https://undocs.org/es/A/48/PV.17> (Accessed: 20.03.2021).
25. Asamblea General de la ONU. (2001) *Discurso del Sr. Heinz Möeller Freile. 56 período de sesiones, 47ª sesión plenaria, 11 de noviembre de 2001*. [Online] Available from: <https://undocs.org/es/A/56/PV.47> (Accessed: 21.03.2021).
26. RIA Novosti. (2010) Ekvador otzyvaet posla iz Izrailiya iz-za intsidenta s flotiley [Ecuador recalls the ambassador from Israel because of the incident with the flotilla]. *RIA Novosti*. [Online] Available from: <https://ria.ru/20100603/241929242.html> (Accessed: 21.03.2021).
27. Cuéllar, A.A. & Silverburg, S.R. (2016) Diplomatic Dominos: South America and the Recognition of (the State of) Palestine. *Review of Social Sciences*. 3 (1). pp. 11–24. DOI:10.18533/rss.v1i3.18
28. Asamblea General de la ONU. (2011) *Discurso del Sr. Francisco Carrión Mena. 66 período de sesiones, 29ª sesión plenaria, 27 de septiembre de 2011*. [Online] Available from: <https://undocs.org/es/A/66/PV.29> (Accessed: 24.03.2021).
29. Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio e Integración. (2010) *Ecuador reconoce al Estado Palestino. Boletín de Prensa No. 992, Quito, 24 de diciembre del 2010*. [Online] Available from: <http://www.embajadapalestinaenperu.pe/DOCUMENTOS/Comunicado%20Ministerio%20ORREE%20Ecuador,%2024%20de%20Diciembre.pdf> (Accessed: 27.03.2021).
30. Yevsénko, A. (2020) América Latina y el Oriente Próximo: evolución de las relaciones. *Iberoamérica*. 3. pp. 169–193. DOI: 10.37656/s20768400-2020-3-08
31. Asamblea General de la ONU. (2012) *Cuestión de Palestina. 67 período de sesiones, 44ª sesión plenaria, 29 de noviembre de 2012*. [Online] Available from: <https://undocs.org/es/A/67/PV.44> (Accessed: 29.03.2021).
32. Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. (2012) *Ecuador votará a favor de Resolución que reconoce a Palestina como Estado Observador en la ONU*. [Online] Available from: <https://www.cancilleria.gob.ec/2012/11/29/ecuador-votara-a-favor-de-resolucion-que-reconoce-a-palestina-como-estado-observador-en-la-onu/> (Accessed: 29.03.2021).
33. Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. (2014) *Naciones Unidas se reúne en Quito para analizar el apoyo a la paz entre Israel y Palestina*. [Online] Available from: <https://www.cancilleria.gob.ec/2014/03/27/naciones-unidas-se-reune-en-quito-para-analizar-el-apoyo-a-la-paz-entre-israel-y-palestina/> (Accessed: 02.04.2021).
34. Middle East Monitor. (2014) Ecuador's president expresses Zionist support. *Middle East Monitor*. [Online] Available from: <https://www.middleeastmonitor.com/20140627-ecuadors-president-expresses-zionist-support/> (Accessed: 02.04.2021).
35. Arutz Sheva. (2014) Ecuador's President Cancels Visit to Israel. *Arutz Sheva*. [Online] Available from: <http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/183803> (Accessed: 02.04.2021).
36. Patiño, R. (2014a) *Post on Twitter*. 5 August. [Online] Available from: <https://twitter.com/RicardoPatinoEC/status/496443834889678849> (Accessed: 05.04.2021).
37. Patiño, R. (2014b) *Post on Twitter*. 5 August. [Online] Available from: <https://twitter.com/RicardoPatinoEC/status/496445616332238848> (Accessed: 05.04.2021).
38. RT. (2014) Ecuador anuncia la apertura de una embajada en Palestina. *RT*. [Online] Available from: <https://actualidad.rt.com/actualidad/view/136081-ecuador-patino-embajada-palestina-israel> (Accessed: 05.04.2021).
39. Palestinalibre.org. (2013) Ecuador y Palestina acuerdan establecer misiones diplomáticas. *Palestinalibre.org*. [Online] Available from: <https://www.palestina-libre.org/articulo.php?a=45459> (Accessed: 06.04.2021).
40. ECUADOR TIMES.net. (2014) Embajador palestino presentó credenciales. *ECUADOR TIMES.net*. [Online] Available from: <https://www.ecuadortimes.net/es/embajador-palestino-presento-credenciales/> (Accessed: 07.04.2021).

41. Radio Elite. (2015) Embajador del Ecuador presenta Copia de Cartas Credenciales en Palestina. *Radio Elite*. [Online] Available from: <https://www.radioelite.com.ec/?p=8967> (Accessed: 15.04.2021).
42. Ministerio de Agricultura y Ganadería. (n.d.) *Ecuador con Palestina: ciudadanos se suman a la campaña de ayuda humanitaria emprendida por Cancillería*. [Online] Available from: <https://www.agricultura.gob.ec/ecuador-con-palestina-ciudadanos-se-suman-a-la-campana-de-ayuda-humanitaria-emprendida-por-cancilleria/> (Accessed: 23.04.2021).
43. Palestinalibre.org. (2016) Embajador ecuatoriano Horacio Sevilla aboga ante ONU por creación de Estado independiente de Palestina. *Palestinalibre.org*. [Online] Available from: <https://www.palestinalibre.org/articulo.php?a=62806> (Accessed: 30.04.2021).
44. La República. (2016) Ecuador acusó a Israel de “exterminar al pueblo palestino como los nazis a los judíos”. *La República*. [Online] Available from: <https://www.larepublica.ec/blog/2016/12/03/ecuador-acuso-israel-exterminar-pueblo-palestino-como-nazis-judios/> (Accessed: 03.06.2021).
45. El Comercio. (2016) Israel pide una aclaración “fuerte y precisa” a Ecuador. *El Comercio*. [Online] Available from: <https://www.elcomercio.com/actualidad/israel-aclaracion-palestina-ecuador-discurso.html> (Accessed: 03.06.2021).
46. The Times of Israel. (2017) Israeli minister meets publicly with Arab officials in Ecuador. *The Times of Israel*. [Online] Available from: <https://www.timesofisrael.com/israeli-minister-meets-publicly-with-arab-officials-in-ecuador/> (Accessed: 05.06.2021).
47. Kheyfets, V.L. et al. (2019), Latinskaya Amerika v global'nykh politicheskikh protsessakh [Latin America in global political processes]. In: Kheyfets, V.L. (ed.) *Ot bipolyarnogo k mnogopolyarnomu miru: latinoamerikanskiy vektor mezhdunarodnykh otноsheniy v XXI veke* [From Bipolar to Multipolar World: Latin American vector of international relations in the 21st century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 326–405.
48. Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. (2017) *Comunicado oficial*. 7 December. [Online] Available from: <https://www.cancilleria.gob.ec/2017/12/07/comunicado-oficial-18/> (Accessed: 09.06.2021).
49. Asamblea General de la ONU. (2017) *Resolución aprobada por la Asamblea General el 21 de diciembre de 2017. El estatuto de Jerusalén. 22 de diciembre de 2017*. [Online] Available from: <https://undocs.org/es/A/RES/ES-10/19> (Accessed: 15.06.2021).
50. BBC News. (2017) Cómo votaron los países latinoamericanos en la resolución de la ONU contra la decisión de Estados Unidos de reconocer a Jerusalén como capital de Israel. *BBC News*. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-42449990> (Accessed: 26.06.2021).
51. Anadolu Agency. (2018) Venezuela, Bolivia, Chile y Ecuador rechazan violencia de Israel contra palestinos. *Anadolu Agency*. [Online] Available from: <https://www.aa.com.tr/es/mundo/venezuela-bolivia-chile-y-ecuador-rechazan-violencia-de-israel-contra-palestinos/1146481> (Accessed: 26.06.2021).
52. Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. (2018) *Comunicado oficial*. 14 May. [Online] Available from: <https://www.cancilleria.gob.ec/2018/05/14/comunicado-oficial-23/> (Accessed: 26.06.2021).
53. Ministerio de Relaciones Exteriores y Movilidad Humana. (2018) *Ecuador mantiene una posición invariable frente a la causa palestina*. 3 December. [Online] Available from: <https://www.cancilleria.gob.ec/2018/12/03/ecuador-mantiene-una-posicion-invariable-frente-a-la-causa-palestina/> (Accessed: 26.06.2021).

Информация об авторе:

Николаев Ю.В. – аспирант направления «История международных отношений и внешней политики» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: yura.nik95@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.V. Nikolaev, postgraduate student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: yura.nik95@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 16.08.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 94: 378.4.338"1991/1999"(571.16)
doi: 10.17223/15617793/477/18

Социально-экономическое положение Томского государственного университета в 1990-е гг. (по материалам газеты «Alma mater»)

Виктор Владимирович Расколец¹, Сергей Александрович Некрылов², Сергей Федорович Фоминых³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ predator-101@mail.ru

² medicinahistory@yandex.ru

Аннотация. На основе материалов органа периодической печати «Alma mater» реконструируется социально-экономическое положение Томского государственного университета (ТГУ) в 1990-е гг. В процессе исследования были выделены следующие аспекты, затронутые газетой: рост накладных расходов университета; взаимодействие университета с федеральным и региональным административными центрами; положение учебных и научных подразделений; деятельность ректората по улучшению положения университета и др. Сделан вывод, что в 1990-е гг. «Alma mater» являлась одной из главных площадок обсуждения социально-экономических проблем ТГУ и путей их решения.

Ключевые слова: Томский государственный университет, Alma mater, 1990-е, социально-экономическое положение высшей школы

Для цитирования: Расколец В.В., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Социально-экономическое положение Томского государственного университета в 1990-е гг. (по материалам газеты «Alma mater») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 163–172. doi: 10.17223/15617793/477/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/18

The socioeconomic situation of Tomsk State University in the 1990s (based on the newspaper *Alma mater*)

Victor V. Raskolets¹, Sergei A. Nekrylov², Sergei F. Fominykh³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ predator-101@mail.ru

² medicinahistory@yandex.ru

Abstract. The article explores the socioeconomic situation of Tomsk State University (TSU) in the 1990s based on the periodical *Alma mater*. The authors distinguish the following problems addressed by the newspaper during the period under review: the university's overhead costs, the interaction between the university and regional and central administrations, the advocating for the rights of the employees, and the work of the administration to improve the situation of the university. In the field of the university's overhead costs, the main topics for almost the entire decade were the repair and reconstruction of the university's academic buildings, as well as utility bills (mainly heat and electricity). *Alma mater* published letters, appeals and resolutions of TSU's rector, academic council and trade union addressed to senior officials; the purpose of the letters was to "reach out" to the regional administration and, broader, to the "Centre". *Alma mater* published notes on the daily life in research facilities, scientific laboratories, faculties and departments of the university, which formed a view of the socioeconomic status of the university in those years. *Alma mater* also published all kinds of program, statistical and analytical reports, such as interviews with rectors (Yu.S. Makushkin, M.K. Sviridov, G.V. Mayer) and vice-rectors (A.S. Revushkin, V.I. Zinchenko, G.E. Dunaevsky, A.G. Timoshenko, and others), in which the university's problems and ways to solve them were discussed; annual reports by the university's rectors and vice-rectors, summarizing the past year and providing goals for the next; various practical steps to improve the financial situation of the university. Based on the results of the study, the authors conclude that the newspaper *Alma mater* in the 1990s was one of the main platforms for discussing TSU's socioeconomic problems and ways to solve them.

Keywords: Tomsk State University, *Alma mater*, 1990s, socioeconomic situation of higher education

For citation: Raskolets, V.V., Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2022) The socioeconomic situation of Tomsk State University in the 1990s (based on the newspaper *Alma mater*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 163–172. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/18

Введение

Оценки социально-экономического положения высшей школы России в период перехода к рынку сходятся у большинства исследователей. Как правило, ученые рассматривают 1990-е гг., как один из самых тяжелых (в социально-экономическом плане) этапов в жизни высших учебных заведений России, негативные последствия которого ощущаются и в первые десятилетия XXI в. [1, 2]. Лишь в небольшом количестве исследований отмечаются не только отрицательные, но и положительные тенденции «девяностых» для развития высшей школы [3, 4]. Негативное восприятие мешает ученым рассматривать систему высшего образования в наиболее продуктивном ключе – в качестве высокодифференцированной системы, объединяющей в себе различные элементы исторического, геокультурного, экономического, регионального и другого характера.

В данном исследовании авторы предприняли попытку раскрытия «региональный аспект» изучения высшей школы в 1990-е гг., позволяющего учесть специфику развития вузов «на местах». Речь пойдет об изучении социально-экономического положения Томского государственного университета (ТГУ) – одного из примеров успешного развития регионального вуза в рассматриваемый период.

Главным источником теоретических рассуждений и оценок стали материалы газеты Томского государственного университета «Alma mater», обладающие солидной репрезентативностью и позволяющие воспринять социально-экономическое положение ТГУ «изнутри», с позиции современников событий. Таким образом, цель предстоящего исследования – выявление источникового потенциала газеты «Alma mater» для реконструкции социально-экономического положения Томского государственного университета в период последнего десятилетия XX в.

Университетская газета «Alma mater» до середины апреля 1991 г. являясь органом парткома, ректората, месткома, комитета ВЛКСМ и профкома именовалась «За советскую науку». Запоздавшая смена названия стала отражением переосмысления университета периода перестроечной трансформации общества. Источниковый потенциал газеты на протяжении 1990-х гг. неоднократно менялся: если в до 1994 гг. номер университетской газеты (как и в советский период) составлял четыре полосы (за исключением выпусков, приуроченных к приемным кампаниям университета), то с 1995 г. объем «Alma mater» составлял 8 полос, а с 1998 г. – от 8 до 16 полос или больше (в зависимости от цели выпуска). Соответственно с этим менялся источниковый потенциал газеты в освещении ряда вопросов. Однако для исследуемой нами проблемы это значение не было столь ощутимым, поскольку вопросы социально-экономического положения университета, от которых подчас зависело его существование, занимали в газете центральное место.

В рассматриваемый период – до появления интернета и социальных сетей, именно «Alma mater» выполняла роль «общественного форума» университет-

ской жизни. На её страницах отразились различные аспекты социально-экономического положения Томского государственного университета: материальное положение, взаимодействие университета с федеральными и региональными административными центрами, действия профсоюзов высшей школы по отстаиванию социальных прав профессорско-преподавательского и научного состава, положение учебных и научных подразделений (факультетов, НИИ, лабораторий), деятельность ректората (за рассматриваемый период в университете работало три ректора) по улучшению положения университета, успехи развития ТГУ и др.

«Бытовые проблемы» организации учебного и научного процессов

Сквозными темами для ТГУ на протяжении практически всего десятилетия стали коммунальные платежи (прежде всего, тепло- и электроэнергия), а также ремонт и реконструкция учебных корпусов университета. И если первая из них затронула, пожалуй, практически все без исключения вузы России, то вторая оказалась сугубо университетской.

Еще в 1986 г. в ТГУ был принят перспективный план развития и расширения учебно-научных площадей. В том же году начался ремонт северного крыла главного корпуса, который был построен еще в конце XIX в. Распад СССР, начало рыночных экономических реформ и связанное с этим резкое падение уровня финансирования высшей школы затормозили процесс реконструкции корпусов ТГУ, который и без того требовал солидных материальных вложений. К началу учебного 1991/92 года, по данным «Alma mater», в ТГУ на 14 факультетов пришлось всего 62 аудитории, не хватало еще 12 [5]. На территории университетского кампуса продолжалась реконструкция центральной части главного корпуса, третьего корпуса (БИН) и бассейна в спортивном комплексе. В аварийном состоянии находился четвертый корпус. Параллельно этому велось строительство корпуса для Научно-исследовательского института биологии и биофизики (НИИ ББ). Сложное материальное положение высшей школы в России не позволяло университету эффективно вести строительство и реконструкцию учебных площадей. «Когда-то архитектурный ансамбль в университетской роще был одним из лучших памятников Томска. Сегодня мы лицезреем его жалкие остатки, – констатировала “Alma mater”. Если главный корпус приводится в порядок, старое здание библиотеки хотя бы посмотрится, то третий корпус университета представляет собой жалкое зрелище. Корпус будто ослеп: черные пустые прогалы окон, крыша почти провалилась» [6]. Обстановка вокруг третьего корпуса осложнилась в 1992 г., когда в срочном порядке необходимо было решать вопрос об отведении техногенных вод, подтачивающих фундамент здания. Без этих затратных работ корпус мог в любой момент обрушиться.

В тому же году стало очевидно, что в университете увязла реконструкция центральной части главного корпуса. «Неприятно осознавать, что “альма матер”

сохранит в памяти целого поколения не только свои прекрасные черты. Невозможно забыть “фанерные” аудитории, груды верхней одежды на аудиторных столах, атмосферу неухоженности и беспорядка, свойственных бесконечно длящемуся капитальному ремонту. И, конечно, трудно принимать многочисленных гостей в неухоженном доме, – констатировала университетская газета» [7].

В 1993 г. приоритетом в реконструкции оставался БИН, однако, не менее важным было завершение строительства университетского пансионата круглогодичного действия в Алаево, на озере Шира, окончание реконструкции бассейна университета. Насколько серьезное место занимали ремонт и реконструкция учебных и жилищных объектов, а также коммунальные услуги, позволяет судить мартовский номер «Alma mater», где была опубликована смета университет на месяц. Согласно ей, всего университетом было получено за март 186 480 тыс. руб. После погашения задолженностей за февраль у университета осталось 99 900 тыс. руб., из этой суммы 60 200 тыс. руб. ушло на выдачу зарплаты и стипендий. На ремонт корпусов, проект главного корпуса, а также коммунальные платежи пришлось 33 600 тыс. руб., т.е. почти 1/6 от общих доходов университета за месяц и 30% от оставшейся суммы после погашения долгов [8].

Когда сроки сдачи БИНа в эксплуатацию приближались к концу, университету поступило предупреждение от Госпожнадзора о закрытии четвертого учебного корпуса и запрещении эксплуатации «временных» учебных аудиторий. Их оказалось более 30, каждая из них означала потерю 25 человек от плана приема студентов и вела к сокращению 2,5 преподавательских ставок. «Ситуация даже не экстремальная, хуже», – резюмировал проректор по учебной работе А.С. Ревушкин в интервью корреспонденту «Alma mater» [9]. Проблемы, сложившиеся вокруг четвертого корпуса, удалось исправить во многом за счет перевода радиофизического факультета в корпус СФТИ.

Серьезный удар по материально-финансовому положению университета нанесли события в ночь с 24 на 25 февраля 1994 г. Во втором учебном корпусе университета случился сильный пожар, вызванный, предположительно, курением в аудитории. В результате огонь уничтожил угловую аудиторию-амфитеатр, лаборантскую комнату старинного физического демонстрационного кабинета. Сильный мороз, сквозняки, вода, в течение 10 часов непрерывно подававшаяся в очаг пожара, сделали невозможными работу нескольких кафедр и лаборатории физического факультета. Но самой «шокирующей» оказалась сумма, требующаяся на восстановление сгоревших аудиторных площадей, – около 1 млрд 350 млн руб. (общая задолженность университета к тому моменту составила 2,5 млрд руб.) [10].

Летом 1994 г. Совет университета констатировал: из-за отсутствия средств были практически приостановлены реставрация главного корпуса и строительство других объектов [11]. По состоянию на июнь 1995 г. окончание этих работ оценивалось в 8 млрд руб. [12].

Не без помощи губернатора В.М. Кресса в 1996 г. университету удалось завершить десятилетний период реконструкции главного корпуса. «Мы получили, – отмечал заведующий кафедрой истории философии и логики ФСФ А.К. Сухотин, – наконец отремонтированный главный корпус, кудаходишь, как в храм, пробуждающий желание отойти от суеты внешних шумов и приобщиться к традициям идущей из глубины столетия строгой науки» [13].

Большим вызовом для университета стало многократное повышение расходов на коммунальные платежи. Если в 1992 г. расходы на тепло и электроэнергию составляли 3,3% бюджета вуза, то в 1993 г. они выросли до 11,6%, а в 1994 г. до 16,2%. К концу сентября 1994 г. долг ТГУ только перед АО «Томскэнерго» составил около 2 млн руб. Еще через месяц общий долг по теплу и электроэнергии достиг 1 144,2 млн руб. Столь стремительный взлет цен на энергетику больно ударил по статье расходов университета, выделенных на содержание зданий, ремонт общежитий и материально-техническое обеспечение учебного процесса, которые составляли, соответственно, 35,4% общих расходов университета в 1992 г., 24,1% в 1993 г. и 15,9% в 1994 г. [14]. В свою очередь, перебои с подачей тепла в учебные корпуса стали причиной регулярных (в особенности для шестого и четвертого корпусов) «холодных бунтов», когда студенты и преподаватели отказывались заниматься в холодных аудиториях. Проблеме «холодных бунтов» были посвящены публикации «Идет студенческая забастовка» и «На пороге зимы» [15, 16].

Проблема коммунальных платежей была актуальной для университета на протяжении всего последнего десятилетия XX в.

Университет – регион, университет – федеральный центр: конфликты и сотрудничество

На страницах «Alma mater» размещались письма, обращения и постановления ректора, ученого совета и профсоюза ТГУ в адрес высокопоставленных лиц, целью которых нередко было донести до руководства региона или федерального центра сложное материально-финансовое положение, в котором оказался университет. Одно из таких посланий от ТГУ за подписью ректора Ю.С. Макушкина и председателя профкома Н.А. Пучковой в адрес председателя комитета Верховного совета РФ по делам науки В.П. Шорина, советника президента Российской Федерации И.Г. Малышева, государственного секретаря РФ Г.М. Бурбулиса и министра науки, высшей школы и технической политики Б.Г. Салтыкова было адресовано в феврале 1992 г. Констатируя объективные причины возникших сложностей (высокий уровень инфляции, непосильную налоговую нагрузку, резкое повышение тарифов на коммунальные услуги), авторы письма отметили деструктивные процессы, возникшие внутри университета – массовый отток квалифицированных кадров из вуза и, как следствие, распад сложившихся научных коллективов.

Чтобы препятствовать сползанию страны (отметим, не Томской области, а именно страны) в обозримом будущем на положение «колониальной территории», они предложили ряд фискальных и административных мер, включавших полное освобождение ТГУ от уплаты налога на добавленную стоимость, повышение заработной платы профессорско-преподавательского и научного состава, увеличение финансирования на материальные затраты университета по ряду статей (коммунальные платежи, издательская деятельность, реконструкция и строительство учебных и научно-учебных корпусов университета) [18].

6 марта того же года на имя главы администрации Томской области В.М. Кресса и представителя президента по Томской области С.С. Сулакшина было отправлено другое письмо. «Взрывоопасная обстановка, сложившаяся в Томском университете, – отмечалась в нем, – вынуждает нас обратиться к Вам. Резко снизившийся жизненный уровень работников университета усугубляется тем, что им систематически занижают зарплату. Только 24 февраля был произведен перерасчет зарплаты за декабрь 1991 года, то есть выдана зарплата, которая за два месяца инфляции обесценилась более чем в 10 раз» [19]. В заключении письма содержалось требование выдачи заработной платы за январь–февраль 1992 г. и угрозы пойти на самые крайние меры, «разрешенные законом».

Ситуация накалялась чрезвычайно быстро. 12 июня 1992 г. Ученый совет ТГУ пошел на радикальный шаг, выразив недоверие правительству Б.Н. Ельцина – Е.Т. Гайдара, политика которого «приводит к разрушению науки и высшего образования в России» [20].

Отражение в «Alma mater» получили визиты официальных лиц в Томский государственный университет. В феврале 1993 г. ТГУ посетил В.Г. Кинелев – председатель Государственного комитета по Высшей школе. Состоялась встреча с ректором и директорами НИИ ТГУ. Председатель смог воочию увидеть не только высокий научный потенциал ТГУ, но в еще большей степени убедиться в его бедственном положении. По результатам встречи он пообещал взять под особый контроль финансирование завершения реконструкции главного корпуса, помочь с оснащением Научной библиотеки компьютерным и реставрационным оборудованием, усилить финансирование научных программ, содействовать участию университета в проведении конкурсов грантов [21].

В апреле 1993 г. университет посетили губернатор В.М. Кресс, заведующий отделом науки и вузов обладминистрации В.И. Подкатов, председатель областной федерации профсоюзных организаций В.Е. Хохлов и председатель обкома профсоюза работников народного образования и науки Л.И. Полубяtko. Встречу с деканами глава областной администрации начал с извинений от имени правительства страны «за то бедственное положение, в котором мы держим научные отрасли» [22]. Губернатор и его коллеги встретились с ректором, проректором по научной работе, а также директорами НИИ университета: И.Б. Богорядом (НИИ ПММ), А.Г. Колесником

(СФТИ), Г.Ф. Плехановым (НИИ ББ) и А.Л. Шушариным (Институт социально-экономических и гуманитарных проблем Сибири). В.М. Крессу было доложено тяжёлое положение учебных корпусов университета, а также его НИИ. По итогам встречи он пообещал выделить денежные средства на ремонт и реконструкцию корпусов, а также на некоторые научные программы.

К осени 1993 г. обстановка в стране радикализировалась до такой степени, что всеобщая забастовка работников высшей школы могла начаться в любой момент. Динамику этих процессов отслеживала на своих страницах «Alma mater». Газета приводила следующие цифры: за семь месяцев 1993 г. правительство профинансировало всего 30% расходов вузов страны, а к началу сентября – лишь немногим более 20% долгов, которые накопились перед вузами за пять предшествующих месяцев. Долг правительства перед ТГУ достиг 1 млрд 477 млн руб. [23].

В сентябре было запланировано возместить всего 47,4% заработной платы в неиндексированном виде. Но и этого правительство не могло гарантировать в полной мере. В связи с этим 16 сентября в Москве состоялась конференция работников народного образования и науки, которая выразила недоверие президенту и правительству в проведении социально-экономической политики в области образования и объявила 12 октября 1993 г. днем однодневной предупредительной забастовки во всех вузах России [24].

Однако участвовать в забастовке или нет предстояло решить каждому вузу в отдельности на своих конференциях. По результатам тайного голосования, проведенного членами профсоюза ТГУ 29 сентября, университет не смог набрать необходимой для положительного решения 2/3 голосов. Более решительно выступили студенты ТГУ, решившие провести забастовку 12 октября без преподавателей [25]. Однако забастовки студентов ТГУ, равно как и всеобщей забастовки высшей школы не состоялось – в конце сентября – начале октября 1993 г. в России разразился Конституционный кризис, отодвинувший на время все прочие проблемы в стране.

«Всеобщая» забастовка вузовских работников в России состоялась 24 декабря 1993 г. Всеобщей её можно было назвать с трудом: из 589 вузов бастовали всего 50. Не присоединился к ним и ТГУ, ограничившийся митингом в актовом зале. Корреспондент «Alma mater», освещавшей это событие, не без иронии отмечал: «...митинг проходил в холодном помещении и при полном отсутствии света, что выглядело весьма символично». По итогам митинга была выражена солидарность с бастующими, а также с социально-экономическими требованиями Всероссийской конференции работников вузов [26].

Здесь же впервые с подачи доцента исторического факультета ТГУ Э.Л. Львовой [27] была высказана идея обращения в ЮНЕСКО с целью информирования мировой общественности о ситуации в российском образовании и науке. Письмо, опубликованное уже в феврале следующего года на имя генерального директора Ф. Майора Сарагосе, содержало глубокий

анализ условий существования высшей школы по всей России и, в частности, в г. Томске. Главной причиной её кризисного состояния, по мнению авторов письма, заключалось в том, что она совершенно выпала из числа приоритетных направлений деятельности властных структур и рассматривалась им в плане финансирования как «третьестепенная». Такое положение, по мнению авторов письма, привело не только к оттоку квалифицированных кадров – оставшиеся преподаватели были вынуждены «работать на трех работах», что сказывалось на выполнении их непосредственных обязанностей. Сократились до минимума научные конференции, симпозиумы, практики и экспедиции. До предела «сжалась» экспериментально-научная и учебная база университета и его НИИ. Ввиду удорожания издательской деятельности, практически до нуля снизилась публикационная активность преподавателей и аспирантов. «Невосполнимо» уменьшился объем и качество поступлений в Научную библиотеку ТГУ.

«Мы просим Вас, – завершалось в письме, – с помощью высокого авторитета руководимой Вами организации и доступных Вам методов и механизмов донести до нашего Правительства и Парламента нашу тревогу за духовную и культурную судьбу России, помочь им выработать адекватное реальности понимание роли и места культуры, науки и образования в жизни любого государства – даже и в такие трудные времена, которые сейчас переживает Россия, и убедить их включить эту сферу социальной инфраструктуры нашей страны в число приоритетных» [28]. В письме отмечалось, что обращение адресовано группой частных лиц. По-видимому, обращение к ЮНЕСКО не имело всеобщей поддержки в университете либо таким образом авторы письма намеревались защитить руководство собственного вуза от возможного давления властей.

К январю 1994 г. положение высшей школы в стране продолжало ухудшаться, в результате чего ТГУ присоединился к забастовке вузов. Обращение к профессорско-преподавательскому составу, сотрудникам и студентам ТГУ, опубликованное после этого, призывало к решительным действиям: «Уважаемые коллеги! Указ № 1 Президента РФ Б.Н. Ельцина и Закон “Об образовании” вселил в нас надежду, что правительство России будет гораздо больше уделять внимание науке, культуре и системе образования в нашем государстве... Однако последовавшие... действия правительства свидетельствуют о том, что им взят курс на удушение отечественной науки и культуры, на перераспределение финансовых средств из социальной сферы в сферу накопления капитала... Все вышеизложенное вынуждает нас обратиться к сотрудникам и студентам ТГУ с призывом начать с 15 февраля 1994 года бессрочную забастовку...» [29]. Обращение подписали более 30 сотрудников, в том числе декан физического факультета В.М. Кузнецов, декан радиофизического факультета С.В. Маслянов, декан философского факультета М.П. Завьялова и др.

В забастовке участвовало более 200 вузов различной ведомственной принадлежности из 45 регионов

России, в том числе 104 вуза провели однодневную полномасштабную забастовку. Кроме того, более чем в 30 регионах прошли митинги, пикетирование у зданий местной администрации. Руководство многих регионов было вынуждено признать, что они не в состоянии самостоятельно решить проблемы финансовой поддержки вузов [30].

В конце сентября 1995 г. в университет пришло письмо от заместителя председателя Госкомитета РФ по высшему образованию П.П. Афанасьева, в котором сообщалось, что фактическое исполнение бюджета по Госкомузу России было выполнено на 85%. По факту же задолженность правительства перед ТГУ составила к тому времени по заработной плате 3 млрд 445 млн руб., по стипендиям – 1 млрд 215 млн руб., по коммунальным услугам – 3 млрд 167 млн руб. [31]. При росте заработной платы, стоимости услуг и оборудования примерно на 200–250% годовая индексация средств бюджета составила лишь 12,5%.

3 октября 1996 г. по инициативе председателей профкомов вузов в зале областной федерации профсоюзов состоялось расширенное заседание профсоюзного актива преподавателей и студентов вузов г. Томска на котором присутствовали: заместитель губернатора области Ю.Ю. Галямов, начальник департамента социальной сферы и научно-образовательного комплекса областной администрации В.Е. Хохлов, мэр города А.С. Макаров, генеральный директор акционерного общества «Томскэнерго» Н.А. Вяткин, а также ректоры вузов. Перед ответственными лицами были поставлены вопросы касательно возобновления подачи тепла и электроэнергии в учебных корпусах, систематической выплаты заработной платы и стипендий. Профсоюзным активом преподавателей и студентов вузов г. Томска было принято постановление с предупреждением в адрес администрации о переходе преподавателей и студентов к коллективным действиям по отстаиванию социально-экономических интересов с 5 ноября 1996 г. в случае, если ситуация с выплатой зарплат, стипендий, погашением долгов по теплоэлектроэнергии не улучшится.

На адрес ряда высокопоставленных лиц, включая представителей Государственной Думы, Совета Федерации, Правительства РФ, Министерства общего и профессионального образования, Союза ректоров РФ, ЦК профсоюза образования и науки РФ, была выслана телеграмма, в которой содержалось требование принятия немедленных мер по исправлению ситуации в высшей школе, выплаты зарплат, стипендий, социальных пособий, возврата долгов, приведения бюджета вузов в соответствие с законом РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Протестующие требовали созыва экстренного заседания Госдумы по рассмотрению критического состояния в образовании, а также организации встречи с депутатами Госдумы и представителем президента от Томской области [32].

14 декабря 1996 г. Томский госуниверситет посетила делегация в составе первого заместителя председателя правительств РФ В.В. Илюшина, начальника

департамента науки и образования правительства РФ, члена-корреспондента РАН М.П. Кирпичникова, первого заместителя министра общего и профессионального образования В.М. Журавлевского, заместителя министра финансов РФ В.А. Молчанова, помощника вице-премьера Л.А. Щербакова, губернатора Томской области В.М. Кресса, мэра г. Томска А.С. Макарова и др. Гости были «поражены» высоким уровнем достигнутых результатов университета в столь тяжелое время. В.М. Журавский же сообщил сведения о том, когда будет выплачена заработная плата и стипендии ТГУ [33].

Однако визит московских гостей и их теплые слова в адрес университета в целом не исправили положения, и ТГУ принял решение об участии во втором этапе Всероссийской акции работников образования, назначенной на 27 марта 1997 г. В назначенный день перед Дворцом спорта на акцию протеста вышло более 15 тыс. человек. Тысяча из них представляла Томский госуниверситет. «Даже у нашего супертерпеливого народа, кажется, кончилось терпение, – не без иронии отмечал корреспондент *Alma mater*. Эхо народных волнений докатилось наконец-то и до дверей правительственных кабинетов, и президент в срочном порядке начал делать перестановки в правительстве, а в регионы начали поступать долгожданные деньги, которые вдруг сразу же нашлись. Но остаётся открытым вопрос – надолго ли? Те реплики и разговоры, которые приходилось слышать на митинге в толпе, свидетельствовали об одном – народ окончательно разуверился в дееспособности руководителей государства и в том, что они смогут навести в стране порядок» [34].

Резолюция участников митинга содержала целый ряд требований, включавших: соблюдение правительством конституционных прав граждан России, выполнения в полном объеме основополагающих пунктов конвенции Международной организации труда; обеспечение согласованного со всем обществом уровня жизни населения; осуществления принудительного регулирования цен и тарифов естественных монополистов в топливно-энергетическом комплексе; обеспечения защиты населения доходами не ниже прожиточного минимума на члена семьи; борьбу против коррупции и саботирования Конституции и законов Российской Федерации всеми структурами власти. «В случае невыполнения наших требований – отмечалось в резолюции, – мы готовы на дальнейшие коллективные действия вплоть до бессрочной общероссийской стачки» [35].

7 октября 1998 г. состоялась новая Всероссийская акция протеста, которую подготовила и провела Федерация независимых профсоюзов России. Несмотря на тяжелое экономическое положение в стране на центральную площадь города – Новосибирскую вышло всего 5 тыс. человек. «Выразить протест существующей государственной политике, – писал корреспондент *Alma mater*, – пришли врачи, учителя, студенты и преподаватели вузов, рабочие, пенсионеры, словом, все, кого государство в очередной раз “кинуло”. Главным политическим требованием собравшихся была отставка президента» [36].

Представители ТГУ вышли на акцию протеста с требованиями обратить внимание на проблемы высшей школы, отечественной науки, выплатить долги по зарплате, погасить задолженность за тепло и электроэнергию вузов. В результате на митинге было принято обращение к депутатам всех уровней: ускорить процедуру отставки президента, разработать законы об уголовной ответственности за невыплату заработной платы, привлечь к суду виновных за развал армии, оказать помощь отечественным товаропроизводителям.

Положение учебных и научных подразделений университета

«*Alma mater*» публиковала на своих страницах заметки о НИИ, научных лабораториях, факультетах и кафедрах университета, которые позволяют исследователю составить представление об их социально-экономическом положении. Развитию науки в ТГУ в 1990-е гг., реконструированного на основе материалов «*Alma mater*», авторами посвящена отдельная статья [37]. Отметим лишь, что положению науки в ТГУ на страницах университетской газеты отводилось значительное место. Она публиковала не только заметки, призванные обратить внимание на тяжелое положение НИИ университета (нехватку финансирования, коммунальные платежи, сокращение и отток научных кадров, проблемы интеллектуальной собственности, юридические лакуны в статусе университетских НИИ и др.), но также их возможности (например, для развития экономики Томской области) и достижения (выигранные гранты, защищенные диссертации, разработанные интеллектуальные продукты и т.д.).

Что касается учебных подразделений университета (факультетов и кафедр), то на страницах «*Alma mater*», например, получил отражение процесс придания факультетам ТГУ статуса полусамостоятельных в экономическом плане образований. В заметке под названием «Совет поддержал решение Комиссии» от 3 июня 1994 г. публиковалось решение Ученого совета ТГУ, одоббившее принципы введения элементов хозрасчета, изложенных в проекте «Временного положения о хозяйственной деятельности структурного подразделения в ТГУ». В соответствии с ним на частичный хозрасчет переводились структурные подразделения и на них возлагалась часть расходов университета [11].

Номера университетской газеты стали площадкой для дискуссии плюсов и минусов экономической самостоятельности факультетов. К плюсам относились, прежде всего, заинтересованность факультетов в поиске дополнительных источников дохода без опасения, что заработанные ими деньги потеряются в «общее университетское хаосе». Однако чрезмерная свобода факультетов грозила возникновением «сепаратистских», центробежных тенденций, способных подорвать единство всего университета.

Другим процессом, в который активно были вовлечены учебные подразделения университета в 1990-е гг., стало появление платных образовательных услуг.

Именно появление возможности организации платного обучения, в том числе на ставшем престижном экономическом и юридическом образовании, дали возможность преподавателям университета, а также ученым НИИ (многие из которых попали в 1990-е гг. под сокращение и искали возможности преподавания на факультетах) «удержаться на плаву». Так, из 7 млрд руб., полученных университетом в 1995 г. на внебюджетной основе, 6,5 млрд пришлось на платные образовательные услуги. На своих страницах «Alma mater» не только рекламировала платные услуги университета (самым очевидным здесь были ежегодные номера газеты, приуроченные к кампании по набору абитуриентов в вуз), но и посвящала отдельным специальностям (например, Высшей школе бизнеса, Международному факультету управления) заметки, касающиеся организации учебного процесса, взаимодействию с потенциальными партнерами и т.д. Процессу организации платного обучения и связанных с этим сложностям была посвящена довольно обширная заметка под названием «Вне бюджета» [38].

Пути улучшения социально-экономического положения университета: инициативы и деятельность ректората

Тяжелое положение Томского государственного университета заботило его руководство. На страницах «Alma mater» также размещались всевозможные программные, отчетно-статистические и отчетно-аналитические материалы: интервью с ректорами (Ю.С. Макушкиным, М.К. Свиридовым и Г.В. Майером) и проректорами (А.С. Ревушкин, В.И. Зинченко, Г.Е. Дунаевский, А.Г. Тимошенко и др.), в которых они излагали проблемы, стоящие перед университетом, и пути их решения; ежегодные доклады ректоров и проректоров (главным образом по учебной и научной работе) университета по итогам прошедшего года и задач на следующий; различные практические шаги по улучшению материального положения университета (например, создание летом 1993 г. производственно-экономической службы ТГУ [39], целью которой являлось регулирование и поощрение внебюджетной деятельности сотрудников университета; создания в 1994 г. Комиссии для анализа финансового состояния университета и составления рекомендаций по поддержке и обеспечению учебной, научной и хозяйственной деятельности ТГУ).

Публикация такого рода материалов позволяет читателю сформировать более объективную картину развития Томского госуниверситета. Большая их часть (в особенности отчетно-статистические материалы) проникнута оптимизмом и верой в успешное преодоление университетом всех имеющихся проблем. Позитивный настрой подкреплялся отчетами, демонстрирующими высокие показатели развития университета, в особенности внебюджетной грантовой деятельности (МОПО, РГНФ, РФФИ и др.), где ТГУ на протяжении 1995–1999 гг. стабильно занимал третью строчку среди вузов России (после МГУ и

СПбГУ) [40–44]. Отчеты также демонстрировали успехи университета в реализации различного рода международных проектов: ТЕМПУС, ТАСИС, ИНТАС, «Развитие программ по бизнесу и банковскому делу в учебных заведениях Томска», «Развитие программ подготовки по бизнесу в университетах Томска», «Федерализм в России», программы Института «Открытое общество» и др.

Заключение

Университетская газета «Alma mater» предоставляет для исследователя весьма репрезентативный материал по истории социально-экономического положения Томского государственного университета в период 1990-х гг. Газета позволяет судить о целом ряде аспектов в этой области: проблемах материально-технического положения университета, стратегии развития ТГУ в условиях экономического кризиса, взаимодействии университета с федеральным и региональным административными центрами, отстаивании социальных прав профессорско-преподавательского и научного состава, работе ректората по улучшению положения университета и т.д. В результате на страницах университетской газеты размещались не только проблемы ТГУ, но и пути и способы их решения.

«Alma mater» освещала все имевшиеся в университете «животрепещущие темы». Анализ публикационной активности позволяет сделать вывод, что проблемы университета на страницах газеты постепенно накапливались, достигнув пика в 1994 г. Последующие три года – с 1994 по 1997 г. – характеризовались периодическими «вспышками», когда проблемы социально-экономического характера университета имели место, но проявлялись не так часто, в большей степени локализовано. В 1998–1999 гг. социально-экономическое положение университета (несмотря на тяжелый экономический кризис 1998 г.) на страницах газеты освещалось преимущественно с положительной стороны. Такая активность газеты объясняется не только и не столько сокращением проблем, возникших перед университетом сколько, по-видимому, адаптивными стратегиями руководства ТГУ, успех которых стал ощутим на рубеже XX–XXI вв.

В целом же «Alma mater» на своих страницах старалась выдерживать баланс между публикациями, посвященных проблемам ТГУ, и публикациями, посвященных решению этих проблем, равно как и успехам университета. Современник не смог бы упрекнуть газету в каком-либо «пресмыкательстве» ни перед руководством университета (которое тоже подвергалось критике), ни перед чиновниками регионального и федерального уровня. В то же время тон публикаций газеты носил уважительный и конструктивный характер, направленный на установление диалога между всеми «участниками» как внутри университета, так и за его пределами. В конечном итоге это и делало «Alma mater» одной из главных площадок обсуждения ключевых социально-экономических проблем ТГУ и путей их решения в 1990-е гг.

Список источников

1. Машковская Т.О. Государственная политика СССР и Российской Федерации в сфере науки и научно-технического прогресса (1955–1997 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. 529 с.
2. Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. Российская наука в постсоветский период: от кадрового обвала к численной стабилизации // *Science and Science of Science*. 2005. № 1. С. 51–62.
3. Научная политика: глобальный контекст и российская практика / Л.М. Гохберг, С.А. Заиченко, Г.А. Китова, Т.Е. Кузнецова. М., 2011. 307 с.
4. Грэхэм Л.Р. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. URL: <https://www.litres.ru/loren-grehem/smozhet-li-rossiya-konkurirovat-istoriya-innovatsiy-v-carskoy-sovetskoj-i-sovremennoy-rossii/> (дата обращения: 30.06.2021).
5. Учебный год новый, проблемы – старые // *Alma mater*. 1991. 30 августа.
6. О ремонте, БИНе и тополях // *Alma mater*. 1992. 18 сентября.
7. Реконструкция. Воспоминания о прошлом и размышления о настоящем // *Alma mater*. 1993. 26 марта.
8. На ученом совете ТГУ // *Alma mater*. 1993. 15 апреля.
9. БИН: живем надеждой // *Alma mater*. 1993. 28 мая.
10. Еще раз о последствиях пожара // *Alma mater*. 1993. 4 марта.
11. Совет поддержал решение Комиссии // *Alma mater*. 1994. 3 июня.
12. Из доклада первого проректора «Итоги финансовой деятельности в 1994 году», прозвучавшего 31 мая на заседании Ученого Совета ТГУ // *Alma mater*. 1995. 9 июня.
13. Хорошо, что университет в трудную пору возглавил профессор Г.В. Майер // *Alma mater*. 1996. 17 декабря.
14. Приказано: выжить // *Alma mater*. 1994. 21 октября.
15. Идет студенческая забастовка // *Alma mater*. 1991. 20 сентября.
16. На пороге зимы // *Alma mater*. 1992. 29 сентября.
17. Приказ ректора от 29 марта // *Alma mater*. 1994. 1 апреля.
18. Письмо... // *Alma mater*. 1992. 21 февраля.
19. Письмо главе администрации Томской области В.М. Крессу, представителю Президента С.С. Сулакшину // *Alma mater*. 1992. 6 марта.
20. Решение ученого совета Томского государственного университета // *Alma mater*. 1992. 12 июня.
21. Университет посетил председатель комитета по высшей школе // *Alma mater*. 1993. 26 февраля.
22. Полдня в университете провел глава областной администрации В.М. Кресс // *Alma mater*. 1993. 15 апреля.
23. Встречи с ректорами облуправлений // *Alma mater*. 1993. 1 октября.
24. Из решения конференции работников высшего образования и науки (16 сентября 1993) // *Alma mater*. 1993. 16 сентября.
25. Забастовка: студенты будут защищать права преподавателей университета // *Alma mater*. 1993. 1 октября.
26. Митинг в поддержку бастующих // *Alma mater*. 1993. 27 декабря.
27. Львова (дев. Бийчанинова) Элеонора Львовна // Электронная энциклопедия Томского государственного университета. URL: [wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Львова_\(дев._Бийчанинова\)_Элеонора_Львовна](http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Львова_(дев._Бийчанинова)_Элеонора_Львовна) (дата обращения 25.05.2020).
28. Письмо в ЮНЕСКО // *Alma mater*. 1994. 11 февраля.
29. Обращение к профессорско-преподавательскому составу, сотрудникам и студентам Томского государственного университета // *Alma mater*. 1994. 11 февраля.
30. Обращение бюро Межотраслевого координационного совета председателей профкомов вузов РФ к профсоюзным организациям высших учебных заведений // *Alma mater*. 1994. 1 апреля.
31. Финансы, финансы... // *Alma mater*. 1995. 29 сентября.
32. Профсоюз требует ответа // *Alma mater*. 1996. 11 октября.
33. Визит московских гостей // *Alma mater*. 1996. 17 декабря.
34. В рамках акции протеста // *Alma mater*. 1997. 7 марта.
35. Всероссийская акция протеста. Тур второй // *Alma mater*. 1997. 8 апреля.
36. Осень на дворе – народ на площади // *Alma mater*. 1998. 9 октября.
37. Расколец В.В., Сорокин А.Н. Некоторые проблемы развития науки в Томском государственном университете в 1991–1999 гг. (по материалам газеты «Алма матер») // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 148–160.
38. Вне бюджета // *Alma mater*. 1995. 16 февраля.
39. Зеленый свет предпринимательству. Этому должна способствовать новая – производственно-экономическая служба // *Alma mater*. 1993. 21 мая.
40. Положение университета тяжелое, но не безнадежное. Ученый совет принял отчет ректора // *Alma mater*. 1994. 30 сентября.
41. Итоги 1996 г. и задачи деятельности ТГУ развития в 1997 году. Из доклада проректора по НР В.И. Зинченко на ученом совете ТГУ // *Alma mater*. 1997. 18 апреля.
42. Итоги научной деятельности ТГУ за 9 месяцев 1997 года. Из доклада проректора по НР В.И. Зинченко на совещании руководителей структурных подразделений НИЧ и деканов факультетов ТГУ // *Alma mater*. 1997. 14 ноября.
43. «Итоги 1997 года и задачи развития Томского университета в 1998 году». Отчет ректора ТГУ на заседании ученого совета ТГУ 24 декабря 1997 года // *Alma mater*. 1998. 26 января.
44. Итоги 1998 года и задачи развития ТГУ в 1999 году (из отчета ректора на ученом совете ТГУ 30 декабря 1998 г.) // *Alma mater*. 1999. 25 января.

References

1. Mashkovskaya, T.O. (1999) *Gosudarstvennaya politika SSSR i Rossiyskoy Federatsii v sfere nauki i nauchno-tekhnicheskogo progressa (1955–1997 gg.)* [State policy of the USSR and the Russian Federation in the field of science and scientific and technological progress (1955–1997)]. History Dr. Diss. Tomsk.
2. Allahverdyan, A.G. & Agamova, N.S. (2005) Rossiyskaya nauka v postsovetitskiy period: ot kadrovogo obvala k chislennoy stabilizatsii [Russian science in the post-Soviet period: from personnel collapse to numerical stabilization]. *Nauka ta naukoznastvo – Science and Science of Science*. 1. pp. 51–62.
3. Gokhberg, L.M. et al. (eds) (2011) *Nauchnaya politika: global'nyy kontekst i rossiyskaya praktika* [Scientific Policy: Global context and Russian practice]. Moscow: Higher School of Economics.
4. Graham, L.R. (2013) *Smozhet li Rossiya konkurirovat'?* *Istoriya innovatsiy v tsarskoy, sovetskoj i sovremennoy Rossii* [Lonely Ideas: Can Russia Compete?]. [Online] Available from: <https://www.litres.ru/loren-grehem/smozhet-li-rossiya-konkurirovat-istoriya-innovatsiy-v-carskoy-sovetskoj-i-sovremennoy-rossii/> (Accessed: 30.06.2021).
5. Alma mater. (1991) *Uchebnyy god novyy, problemy – staryye* [The academic year is new, the problems are old]. *Alma mater*. 30 August.
6. Alma mater. (1992) *O remonte, BINe i topolyakh* [About repair, BIN and poplars]. *Alma mater*. 18 September.

7. Alma mater. (1993) Rekonstruktsiya. Vospominaniya o proshlom i razmyshleniya o nastoyashchem [Reconstruction. Memories of the past and reflections on the present]. *Alma mater*. 26 March.
8. Alma mater. (1993) Na uchenom soвете TGU [At the Academic Council of TSU]. *Alma mater*. 15 April.
9. Alma mater. (1993) BIN: zhivem nadezhday [BIN: we live in hope]. *Alma mater*. 28 May.
10. Alma mater. (1993) Eshche raz o posledstviyakh pozhara [Once again about the consequences of the fire]. *Alma mater*. 4 March.
11. Alma mater. (1994) Sovet podderzhal reshenie Komissii [The Council supported the decision of the Commission]. *Alma mater*. 3 June.
12. Alma mater. (1995) Iz doklada pervogo prorektora "Itogi finansovoy deyatel'nosti v 1994 godu", prozvuchavshogo 31 maya na zasedanii Uchenogo Soveta TGU [From the report of the first vice-rector "Results of financial activity in 1994", made on May 31 at the meeting of the Academic Council of TSU]. *Alma mater*. 1995. 9 June.
13. Alma mater. (1996) Khorosho, chto universitet v trudnyuyu poru vozglavil professor G.V. Mayer [It is good that Professor G.V. Mayer headed the university in a difficult time]. *Alma mater*. 17 December.
14. Alma mater. (1994) Prikazano: vyzhit' [Ordered to: survive]. *Alma mater*. 21 October.
15. Alma mater. (1991) Idet studencheskaya zabastovka [There is a student strike]. *Alma mater*. 20 September.
16. Alma mater. (1992) Na poroge zimy [On the threshold of winter]. *Alma mater*. 29 September.
17. Alma mater. (1994) Prikaz rektora ot 29 March [Rector's order of March 29]. *Alma mater*. 1 April.
18. Alma mater. (1992) Pis'mo... [Letter ...]. *Alma mater*. 21 February.
19. Alma mater. (1992) Pis'mo glave administratsii Tomskoy oblasti V.M. Kressu, predstavitel'yu Prezidenta S.S. Sulakshinu [Letter to the head of the administration of the Tomsk region V.M. Kress, representative of the President S.S. Sulakshin]. *Alma mater*. 6 March.
20. Alma mater. (1992) Reshenie uchenogo soveta Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Decision of the Academic Council of Tomsk State University]. *Alma mater*. 12 June.
21. Alma mater. (1993) Universitet posetil predsedatel' komiteta po vysshey shkole [The University was visited by the Chairman of the Higher School Committee]. *Alma mater*. 26 February.
22. Alma mater. (1993) Poldnya v universitete provel glava oblastnoy administratsii V.M. Kress [The head of the regional administration V.M. Kress spent half a day at the university]. *Alma mater*. 15 April.
23. Alma mater. (1993) Vstrechi s rektorami obladministratsii [Meetings with rectors of the regional administration]. *Alma mater*. 1 October.
24. Alma mater. (1993) Iz resheniya konferentsii rabotnikov vysshego obrazovaniya i nauki (16 sentyabrya 1993) [From the decision of the Conference of workers of Higher education and science (September 16, 1993)]. *Alma mater*. 16 September.
25. Alma mater. (1993) Zabastovka: studenty budut zashchishchat' prava prepodavateley universiteta [Strike: students will defend the rights of university teachers]. *Alma mater*. 1 October.
26. Alma mater. (1993) Miting v podderzhku bastuyushchikh [Rally in support of strikers]. *Alma mater*. 27 December.
27. Elektronnaya entsiklopediya TGU [Electronic Encyclopedia of TSU]. (n.d.) L'vova (nee Biychaninova) Eleonora L'vovna. [Online] Available from: [wiki.tsu.ru/wiki/index.php/L'vova_\(dev._Biychaninova\)_Eleonora_L'vovna](http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/L'vova_(dev._Biychaninova)_Eleonora_L'vovna). (Accessed 25.05.2020). (In Russian).
28. Alma mater. (1994) Pis'mo v YuNESKO [Letter to UNESCO]. *Alma mater*. 11 February.
29. Alma mater. (1994) Obrashchenie k professorsko-prepodavatel'skomu sostavu, sotrudnikam i studentam Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Appeal to the faculty, staff and students of Tomsk State University]. *Alma mater*. 11 February.
30. Alma mater. (1994) Obrashchenie byuro Mezhotraslevogo koordinatsionnogo soveta predsedateley profkomov vuzov RF k profsoyuznym organizatsiyam vysshikh uchebnykh zavedeniy [The appeal of the Bureau of the Intersectoral Coordinating Council of Chairmen of trade union committees of universities of the Russian Federation to trade union organizations of higher educational institutions]. *Alma mater*. 1 April.
31. Alma mater. (1995) Finansy, finansy... [Finance, finance ...]. *Alma mater*. 29 September.
32. Alma mater. (1996) Profsoyuz trebuyet otveta [The trade union demands an answer]. *Alma mater*. 11 October.
33. Alma mater. (1996) Vizit moskovskikh gostey [Visit of Moscow guests]. *Alma mater*. 17 December.
34. Alma mater. (1997) V ramkakh aktsii protesta [As part of the protest action]. *Alma mater*. 7 March.
35. Alma mater. (1997) Vserossiyskaya aktsiya protesta. Tur vtoroy [All-Russian protest action. The second round]. *Alma mater*. 8 April.
36. Alma mater. (1998) Osen' na dvore – narod na ploshchadi [Autumn in the yard – people on the square]. *Alma mater*. 9 October.
37. Raskolets, V.V. & Sorokin, A.N. (2020) Some problems of the scientific development of Tomsk State University in the period from 1991 to 1999 (based on Alma Mater). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 148–160. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/459/19
38. Alma mater. (1995) Vne byudzheta [Out of budget]. *Alma mater*. 16 February.
39. Alma mater. (1993) Zelenyy svet predprinimatel'stvu. Etomu dolzhna sposobstvovat' novaya – proizvodstvenno-ekonomicheskaya sluzhba [Green light for entrepreneurship. This should be facilitated by a new production and economic service]. *Alma mater*. 21 May.
40. Alma mater. (1994) Polozhenie universiteta tyazheloe, no ne beznadezhnoe. Uchenyy sovet prinyal otchet rektora [The university's situation is difficult, but not hopeless. The Academic Council adopted the Rector's report]. *Alma mater*. 30 September.
41. Alma mater. (1997) Itogi 1996 g. i zadachi deyatel'nosti TGU razvitiya v 1997 godu. Iz doklada prorektora po NR V.I. Zinchenko na uchenom soвете TGU [The results of 1996 and the tasks of TSU development in 1997. From the report of the Vice-rector for scientific work V.I. Zinchenko at the Academic Council of TSU]. *Alma mater*. 18 April.
42. Alma mater. (1997) Itogi nauchnoy deyatel'nosti TGU za 9 mesyatsev 1997 goda. Iz doklada prorektora po HP V.I. Zinchenko na soveshchaniy rukovoditeley strukturnykh podrazdeleniy NICH i dekanov fakul'tetov TGU [Results of TSU scientific activity for 9 months of 1997. From the report of Vice-Rector for scientific work V.I. Zinchenko at the meeting of heads of structural divisions of the Research Institute and deans of faculties of TSU]. *Alma mater*. 14 November.
43. Alma mater. (1998) "Itogi 1997 goda i zadachi razvitiya Tomskogo universiteta v 1998 godu". Otchet rektora TGU na zasedanii uchenogo soveta TGU 24 dekabrya 1997 goda ["Results of 1997 and tasks of Tomsk University development in 1998". Report of the Rector of TSU at the meeting of the Academic Council of TSU on December 24, 1997]. *Alma mater*. 26 January.
44. Alma mater. (1999) Itogi 1998 goda i zadachi razvitiya TGU v 1999 godu (iz otcheta rektora na uchenom soвете TGU 30 dekabrya 1998 g.) [The results of 1998 and the tasks of TSU development in 1999 (from the report of the rector at the Academic Council of TSU on December 30, 1998)]. *Alma mater*. 25 January.

Информация об авторах:

Расколец В.В. – канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Некрылов С.А. – д-р ист. наук, зав. кафедрой российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Фоминых С.Ф. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Raskolets, Cand. Sci. (History), assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

S.A. Nekrylov, Dr. Sci. (History), head of the Russian History Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

S.F. Fominykh, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 01.07.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 29.04.2022.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.016
doi: 10.17223/15617793/477/19

Прикладная физическая подготовка студентов с ограниченными возможностями здоровья

Дмитрий Валерьевич Викторов^{1, 2}

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Южно-Уральский институт искусств им. П.И. Чайковского, Челябинск, Россия
^{1, 2}viktorovdv@yandex.ru

Аннотация. Проведен педагогический эксперимент по модернизации прикладной физической подготовки, обеспечивающей профессиональную готовность к будущей трудовой деятельности, в которой сформулированы педагогические задачи и определена системная взаимосвязь с другими видами физической культуры и двигательной активности.

Ключевые слова: студенты, адаптация, профессиональная деятельность, прикладная физическая подготовка, высшее образование

Для цитирования: Викторов Д.В. Прикладная физическая подготовка студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 173–177 doi: 10.17223/15617793/477/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/19

Applied adaptation of students with health limitations

Dmitriy V. Viktorov^{1, 2}

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

² South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russian Federation
^{1, 2}viktorovdv@yandex.ru

Abstract. The transformation of education observed today in the Russian Federation does not facilitate the preparation of recommendations for the implementation of applied education based on the following reasons: the introduction of distance learning, the increase in specialties with the consolidation of universities, the formation of a two-tier system (bachelor's and master's degree) of higher education, and the formation of multidisciplinary universities. As a result, students with health limitations have certain issues associated with the possibility of maintaining an appropriate level of applied preparedness within the framework of a future profession. The aim of the study is to form an applied adaptation when working with students of various medical groups due to the adaptation of the body to physical activity by the degree of severity (volume and intensity) of applied physical education. To achieve this aim, the author has developed applied physical education – the concept of students' applied physical training: a set of specific and non-specific means and types of physical culture, as well as professionally applied means associated with their use in mastering the norms and functions of the future professional activity of an employee. The author's hypothesis states that, for this purpose, the means and methods of physical culture that are used in the professionally applied training of students is of great importance. In conjunction with the pedagogical process of applied physical education, this implies the organization of continuous professional and applied training. Thus, for the adaptation of the body to the future profession, students will be sufficiently provided with a ranged increase in functional capabilities. The South Ural State University students took part in the study in control (15 students) and experimental (15 students) groups. The participants were male and female students with different diseases: of the musculoskeletal system (3 males and 4 females); with myopia or of sight (3 males and 2 females); with hearing loss or of hearing (1 male and 1 female); disorders of the internal organs (7 males and 5 females); of the endocrine system (diabetes) (2 males and 2 females). The average age of the participants was 19. A distinctive feature of the experimental methodology was that the mechanism for implementing applied physical education is based on the introduction of professionally applied physical culture in every second, fourth and sixth semester to improve motor fitness, reduce the period of adaptation, and increase the range of adaptive capabilities during applied physical loads. The study clearly demonstrates that, when using the methodology of applied physical education developed by the author, the range of adaptive capabilities

of the body increases sufficiently ($p < 0.05$) in the students of the experimental group at all three phases of its formation: urgent "initial", long-term, and stable, due to structural changes in students' bodies.

Keywords: students, adaptation, applied physical education, professional activity, applied training, higher education

For citation: Viktorov, D.V. (2022) Applied adaptation of students with health limitations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 173–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/19

Успешное освоение будущей профессиональной деятельности в соответствии со специфическими требованиями, предъявляемыми производственными профессиями, находится в прямой зависимости от механизмов самоорганизации жизнедеятельности человека, позволяющих обеспечить оптимальный уровень качества жизни личности [1].

Профессиональное образование даёт знания и умения профессиональной направленности, готовит к жизни, формирует соответствующее мировоззрение; контрольное тестирование определяет уровень полученных знаний, умений и навыков, сформированных как продукт изучения образовательных программ.

Однако профессиональная адаптация, а также способность будущего профессионала самостоятельно эффективно и качественно применять элементы различных прикладных знаний и умений не вполне достаточны. Вузы обращаются к поиску новых форм обучения, повышающих качество прикладной физической подготовки и, следовательно, увеличению адаптационного потенциала будущих специалистов [2–4].

Определяя профессиональную адаптацию как путь стабильного привыкания студентов к содержанию и порядку труда, к требованиям и манере работы, взаимоотношениям в трудовом коллективе, в данную дефиницию следет включить такие характеристики, как степень владения навыками профессии, воспитание необходимых для данной профессии качеств личности и неизменное позитивное отношение к профессии [5].

В настоящее время обращение к процессу профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) является вынужденной мерой, так как позитивные изменения должны произойти не только на уровнях здоровья и физической подготовленности, но и на уровне профессиональной подготовки.

Однако ППФП реализует, по существу, функции, характерные для физической культуры в целом. Иначе говоря, это процесс физкультурного образования применительно ко всем специальностям, обогащающий субъективный профессиональный фонд полезных как в плане физических, так и опосредованно связанных с ними способностей, соответственно сформированных двигательных умений и навыков, от состояния которых косвенно или напрямую зависит дееспособность профессионала.

Можно предположить, что профессиональная адаптация к содержанию трудовой деятельности как закономерный результат профессионального образования, воспитания и самовоспитания, а также самоопределения личности является комплексным показателем результативности прикладной физической подготовки студентов с ограниченными возможностями здоровья. Для студентов с ограни-

ченными возможностями здоровья поддержание должного уровня прикладной физической подготовленности в рамках будущей профессии требует особого подхода.

Безусловно, осуществить полноценную подготовку к будущей профессиональной деятельности этого контингента обучающихся в условиях современного вуза проблематично.

В результате студенты с ограниченными возможностями здоровья оказываются недостаточно подготовленными для исполнения задач профессионально-трудовой деятельности.

Согласно статистике из 60 000 жителей Челябинской области, имеющих ограниченные возможности здоровья, доля трудоустроенных составляет только 22% [6]. Это свидетельствует о том, что значительный для Челябинской области ресурс рабочих кадров не используется, а это нерационально с экономической точки зрения. Для решения данной проблемы требуется расширение направлений деятельности организаций и учреждений высшего профессионального образования в области прикладной физической подготовки студентов.

Общезвестно, что качественное улучшение процесса прикладного физического воспитания приводит к увеличению диапазона адаптационных возможностей обучающихся. В этой связи актуальность данной проблемы обусловлена требованиями к молодому специалисту – выпускнику вуза – со стороны современных работодателей [7].

При этом подчеркнем, что именно в учебных заведениях должна происходить основная работа по формированию готовности студента к трудовой деятельности, а содержательные и процессуальные стороны прикладной физической подготовки должны обеспечивать адаптацию обучающихся к условиям будущей профессии.

Гипотеза. Поскольку ППФП как подсистема физической культуры не обеспечивает в должной мере необходимого уровня прикладной физической подготовленности студентов с ограниченными возможностями здоровья и не способствует оптимизации функционального состояния организма занимающихся, следует организовать учебный процесс по физическому воспитанию в рамках прикладного физкультурного образования (ПФО) в каждом четном семестре в течение трех лет обучения.

Цель исследования – обоснование разработанной методики прикладной физической подготовки студентов с ограниченными возможностями здоровья. Поскольку такие студенты не могут в полной мере использовать все возможности общепринятой системы ППФП, новый этап целостной концепции воспитания

и обучения в ядре физической подготовки студенческой молодежи есть прикладное физкультурное образование (ПФО), которое обладает совокупностью специфических и неспецифических средств, форм, видов и методов прикладной физической культуры при овладении будущей профессией.

Организация исследования. В исследовании приняли участие студенты (юноши и девушки) ЮУрГУ; выборка составила 30 чел.: 15 респондентов – в контрольной группе (КГ), 15 – в экспериментальной (ЭГ).

Характеристика выборки: нарушения функции опорно-двигательного аппарата – 3 юноши и 4 девушки; миопия и другие нарушения зрения – 3 юноши и 2 девушки; тугоухость и другие нарушения слуха – 1 девушка и 1 юноша; нарушения работы внутренних органов – 7 юношей и 5 девушек; заболевания эндокринной системы (диабет) – 2 юноши и 2 девушки. Средний возраст исследуемых – 19 лет.

Поскольку факторы, определяющие содержание ППФП, зависят от формы, условий и характера труда, режима труда и отдыха и специфики утомления, мы

решили не учитывать такие параметры, как уровень физической подготовленности и гендерный фактор.

Отличительной чертой экспериментальной методики является то, что механизм реализации ПФО основан на внедрении занятий по прикладной физической подготовке в каждый второй, четвёртый и шестой семестр для повышения двигательной подготовленности, сокращения периода адаптации, а также увеличения диапазона адаптационных возможностей занимающихся.

На занятиях студенты осваивают те элементы прикладной физической подготовки, которые доступны им по состоянию здоровья, а преподаватель, определяя содержание каждого занятия, должен подобрать и использовать средства, отвечающие состоянию здоровья и уровню физической подготовленности занимающихся, учитывая при этом медицинские показания и рекомендации.

В процессе эксперимента формирование адаптации к будущей профессиональной деятельности проходило в три фазы (см. табл. 1): 1) срочная (начальная); 2) долговременная; 3) устойчивая.

Таблица 1

Экспериментальная методика прикладного физкультурного образования

2-й семестр	4-й семестр	6-й семестр
Начальная адаптация	Долговременная адаптация	Устойчивая адаптация
Мобилизация функциональных систем (внешнего дыхания и кровообращения)	Повышение качества функции равновесия	Двигательная активность (мощность работы)

Для нашего исследования логика преемственности согласовывалась с разработанной нами моделью ПФО и периодами адаптации и была следующей:

– первый курс (2-й семестр) – срочная (начальная) адаптация, стадия ПФО в процессе приспособления организма занимающихся к прикладной физической нагрузке (основные знания профессионально-прикладной физической культуры, общие моторные способности, важные для профессии двигательные умения, технические освоения прикладных видов спорта);

– второй курс (4-й семестр) – долговременная адаптация, стадия ПФО, на которой, вследствие накопления в организме эффектов многократно повторенной срочной «начальной» адаптации, организм занимающихся приобретает новое качество в определенном виде деятельности (вариативные профессионально-прикладные знания, развитие специальных двигательных способностей);

– третий курс (6-й семестр) – устойчивая адаптация, стадия ПФО, характеризующаяся повышением резистентности организма занимающихся к повреждающим воздействиям (прикладная физическая подготовка по собственной инициативе, самостоятельные занятия).

Оценка эффективности ПФО осуществлялась на основе критериев, отражающих увеличение диапазона адаптационных возможностей организма.

При этом негативные, нейтральные и позитивные тенденции в обозначенных компонентах позволяют определить уровни сформированности для каждого из показателей: а) низкий, б) средний и в) высокий.

Согласно проведённому исследованию на этапе формирования начальной стадии адаптации, занятия прикладной физической подготовкой увязывались с противопоказаниями и показаниями ограниченных возможностей здоровья студентов и осуществлялись с целью формирования прикладных знаний, которые необходимы для будущей профессиональной деятельности и приобретались в процессе регулярных занятий физическими упражнениями. Ведь подобранный правильно и регулярно выполняемый комплекс физических упражнений позволяет снизить отрицательные влияния профессии и усилить знания о профессиональных заболеваниях.

Для фиксации результатов, отражающих увеличение диапазона адаптационных возможностей организма, использовались методы функциональных проб, в частности, проба Серкина.

На этапе долговременной адаптации развитие физических качеств, имеющих существенное прикладное значение для определённой профессиональной деятельности, становится важным акцентом специального формирования их до профессионально требуемого уровня.

Поскольку осуществляется это вследствие самостоятельного выбора определенного вида спорта, ПФО студентов имеет свою специфическую особенность: содержание тренировочного процесса формируется с учетом противопоказаний и показаний состояния здоровья занимающихся.

На этой фазе для фиксации результатов, отражающих увеличение диапазона адаптационных возмож-

ностей организма, а следовательно, и качества функции равновесия, используется метод стабилотрии, в основе которого лежит проба Ромберга.

На этапе устойчивой адаптации занятия прикладной физической подготовкой имеют конкретную особенность, а именно: специфическая направленность ПФО как предмета рабочей программы определяется требованиями, предъявляемыми специальностью, к которой готовят студента, или профессиограммой. При этом решение задач ПФО осуществляется в рамках выбора студентом определенного вида спорта.

Для фиксации увеличения диапазона адаптационных возможностей организма использовался метод увеличения мощности и повышения экономичности функционирования двигательного аппарата, а для её измерения используется проба PWC_{170} и МПК

На всех этапах использовались средства ПФО для воспитания как основных, так и специальных для данной профессии физических качеств.

В числе других применялись физические упражнения с использованием метода сопряженного воздействия, когда, упражняясь в развитии какого-то одного физического качества, занимающийся одновременно развивает и другие.

Результаты исследования. Анализ эмпирических данных, полученных в результате исследования, показал низкий исходный уровень прикладной физической подготовленности студентов с ограниченными возможностями здоровья, на основании чего можно предположить, что подобная ситуация с состоянием психофизической готовности к будущей профессиональной деятельности характерна не только для студентов с ослабленным здоровьем данного вуза, но имеет место и в вузах подобного профиля Южно-Уральского региона и других субъектов РФ (табл.2).

Сравнительный анализ показателей экспериментальной и контрольной групп студентов, принимавших участие в исследовании, позволил проследить динамику повышения адаптационных возможностей обучающихся с ослабленным здоровьем к будущей профессиональной деятельности, под воздействием

разработанной программы ПФО, включающей базовый и вариативный содержательные компоненты, учитывающие индивидуальные особенности каждого студента, его мотивацию, интересы, потребности, а также возможности ресурсного обеспечения образовательного учреждения.

Результаты тестирования с использованием пробы Серкина показали продолжительность задержки дыхания после физической нагрузки и через 1 мин после восстановления в процентном содержании от исходного.

Среднестатистические показатели групп студентов, после проведения пробы Серкина, вне зависимости от гендерных различий и уровней физической подготовленности, убедительно доказывают увеличение адаптационных возможностей организма занимающихся под воздействием физической нагрузки, адекватной состоянию здоровья занимающихся (см. табл. 2).

Эффективность данного подхода в физическом воспитании исследуемого контингента студентов заключается в формировании и повышении их профессиональной готовности к будущей трудовой деятельности, что опосредованно способствует увеличению адаптивных возможностей организма ($p < 0,05$).

В экспериментальной группе, помимо качественного улучшения исследуемых значений в процессе занятий с использованием прикладных средств физического воспитания, реализуемых на основе учета функциональных возможностей психофизиологических систем организма, у студентов с ограниченными возможностями здоровья зафиксирован также рост значений показателей развития основных физических качеств.

В процессе эксперимента также зафиксирована минимизация показателей стабилотрии, которая выражается в снижении затрат энергии и уменьшении площади статокинезиограммы.

Это подтверждает выраженная положительная динамика ($p < 0,05$) перестройки функциональной системы статокинетической устойчивости организма у студентов экспериментальной группы к окончанию третьего курса.

Таблица 2

Фазы увеличения диапазона адаптационных возможностей

Показатели	Группы	2018–2019	2019–2020	2020–2021
Начальная адаптация				
Проба Серкина (%)	ЭГ/ КГ	46,3–86,7/46,7–91,9 ($p > 0,05$)	48,2–97,5/48–103,1 ($p < 0,05$)	59,5–103,4/64,6–116,4 ($p < 0,05$)
Долговременная адаптация				
Площадь статокинезиограммы (мм ²)	ЭГ/ КГ	235,1/237,5 ($p > 0,05$)	205,9/229,1 ($p > 0,05$)	173,2/231,72 ($p < 0,05$)
Устойчивая адаптация				
PWC_{170} (относительная) (кгм/мин кг)	ЭГ/ КГ	12,9 ± 1,2/13,1 ± 1,1 ($p > 0,05$)	14,4 ± 1,4/14,2 ± 1,4 ($p > 0,05$)	16,7 ± 0,5/14,8 ± 1,3 ($p < 0,05$)
МПК (относительная)	ЭГ/ КГ	31,9 ± 2,1/31,8 ± 1,8 ($p > 0,05$)	37,1 ± 1,7/35,6 ± 2,3 ($p > 0,05$)	42,2 ± 0,7/37,6 ± 2,5 ($p < 0,05$)

Аналогично исследованиям стабилотрии, осуществлялся и тестирование МПК: оценка осуществлялась по соответствующей шкале уровня физического развития: очень низкий – менее 33, низкий – от 33 до 38, средний – от 39 до 44. Во втором семестре показатели в экспериментальной и контрольной группах оценивались как очень низкие; в четвертом семестре

показатели в экспериментальной группе оценивались как низкие, в контрольной – ниже среднего ($p > 0,05$); в шестом семестре показатели в экспериментальной группе оценивались как средние, в контрольной – ниже среднего ($p < 0,05$).

Кроме того, сами учебно-тренировочные занятия базировались на широком использовании теоретико-

методических знаний и практических умений и предполагали применение разнообразных средств прикладной физической культуры. Их направленность связана:

- с обеспечением необходимой двигательной активности, достижением и поддержанием оптимального уровня физической и функциональной подготовленности в период обучения;
- усвоением опыта совершенствования и коррекции индивидуального физического развития, а также функциональных и двигательных возможностей;
- освоением и приобретением жизненно-важных и профессионально необходимых навыков и психофизических качеств.

В нашем понимании методику ППФП возможно актуализировать, а именно: дополнить сведениями в рамках последовательного (этапного) преобразования прикладной физической подготовки, повышения степени её развития с помощью не только количественных, но и качественных изменений.

Заключение. Результаты эксперимента подтвердили, что содержание, средства и методы разработанной ПФО создают предпосылки для обеспечения профессиональной готовности и повышения адаптационных возможностей организма студентов с ограниченными возможностями здоровья к будущей эффективной трудовой деятельности.

Список источников

1. Нагорнов И.В., Хоровец С., Фролов А.Ю., Лазаренко В.П. Предупреждение развития утомления у студентов с разной физической активностью // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование, здравоохранение, физическая культура». 2008. Вып. 14, № 4 (104). С. 108–110.
2. Викторов Д.В. Прикладное физкультурное образование студентов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 145–149.
3. Коровин С.С. Методологические основы теории профессиональной физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2018. № 4. С. 43–44.
4. Захарова А.Н., Карвунис Ю.А., Капилевич Л.В. Мониторинг и менеджмент здоровья, образа жизни и физической активности студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 203–215.
5. Чекалева Н.В. Эффекты модернизации педагогического образования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 175–178.
6. Сафонова О.А., Кривошеёв В.Г. Профессионально-прикладная физическая подготовка студенток строительного профиля на основе комплексного подхода // Теория и практика физической культуры. 2015. № 9. С. 29–30.
7. Коданева Л.Н., Кетлерова Е.С. Динамический контроль нагрузки в процессе занятий физической культурой со студентами специальной медицинской группы // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20, № 2. С. 125–131.

References

1. Nagornov, I.V. et al. (2008) Preduprezhdenie razvitiya utomleniya u studentov s raznoy fizicheskoy aktivnost'yu [Prevention of fatigue development in students with different physical activity]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Obrazovanie, zdravookhranenie, fizicheskaya kul'tura"*. 4-14 (104). pp. 108–110.
2. Viktorov, D.V. (2021) Methods of applied physical education of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 463. pp. 145–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/463/18
3. Korovin, S.S. (2018) Methodological foundations for vocational physical education theory. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 43–44. (In Russian).
4. Zakharova, A.N., Karvunis, Yu.A. & Kapilevich, L.V. (2021) Monitoring and management of students' health, lifestyle and physical activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 203–215. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/464/23
5. Chekaleva, N.V. (2017) Effects of modernization of teacher education. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 3 (16). pp. 175–178. (In Russian).
6. Safonova, O.A. & Krivoshechekov, V.G. (2015) Applied professional physical training of female students specializing in construction based on comprehensive approach. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 9. pp. 29–30. (In Russian).
7. Kodaneva, L.N. & Ketlerova, E.S. (2020) Dynamic control of load in special medical group students during PE activities. *Chelovek. Sport. Meditsina – Human. Sport. Medicine*. 2 (20). pp. 125–131. (In Russian). DOI: 10.14529/hsm200215

Информация об авторе:

Викторов Д.В. – канд. пед. наук, доцент Института спорта, туризма и сервиса Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия); доцент Южно-Уральского института искусств им. П.И. Чайковского (г. Челябинск, Россия). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Viktorov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation); associate professor, South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: viktorovdv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021;
одобрена после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 22.11.2021;
approved after reviewing 13.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 37.022
doi: 10.17223/15617793/477/20

Влияние предметных связей на когнитивную эффективность изучения физики

Татьяна Николаевна Гнитецкая¹, Иван Иванович Анкудинов²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹gnitetskaya.tn@dvfu.ru

²ryback95@bk.ru

Аннотация. На основе анализа определений когнитивности показано, что не исследовались роль и место связей в процессе интериоризации. Включение связей между информацией, заложенной в поступающем в сознание сигнале, и существующими в сознании превосходящими схемами в процесс интериоризации позволило встроить связи и соответствующие мыслительные операции в механизм феномена понимания. Приведен разработанный прототип модели процесса интериоризации, происходящего на основе установленных связей и приводящего к пониманию. Предложена приводящая к целенаправленной самостоятельной деятельности обучающихся когнитивная технология обучения физике, включающая методы когнитивного проекта и смысловых структур.

Ключевые слова: когнитивность, моделирование, понимание, когнитивная психология, когнитивная технология, внутрипредметные связи, межпредметные связи, когнитивный проект по физике, методы обучения физике

Для цитирования: Гнитецкая Т.Н., Анкудинов И.И. Влияние предметных связей на когнитивную эффективность изучения физики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 178–190. doi: 10.17223/15617793/477/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/20

Subject connections' influence on the cognitive efficiency of studying physics

Tatyana N. Gnitetskaya¹, Ivan I. Ankudinov²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹gnitetskaya.tn@dvfu.ru

²ryback95@bk.ru

Abstract. The authors discuss the problem of providing a scientific substantiation of the cognitive technology applied for teaching physics; this technology can be applied both to the face-to-face and distant styles of teaching. The research is relevant as physics courses are filled with numerous abstract concepts. Failure in understanding an abstract concept results in the emerging obstacle in perceiving signs, symbols and terms. The authors suggest reducing this obstacle by applying the teaching technology based on (intra-) inter-subject connections and focused on stimulating targeted independent work. However, in-depth preliminary research is required. The authors have reviewed the definitions of cognition, cognitive psychology and science, cognitive technology and cognitive educational technology. Based on their analysis, they have established that interiorization, according to Lev Vygotsky, calls for established connections between information that enters consciousness and anticipative schemes – intellectual structures that emerged from the previous learning. However, the problem of establishing connections has not been raised or discussed before. The authors supplemented the interiorization process with establishment of connections and described the phenomenon of understanding based on this idea. This brought to light the specific features of didactic solutions in the cognitive theory of teaching. Inclusion of the establishing of connections that depends on the level of mental operations development (especially of analysis, synthesis and generalization) calls for a more specific and detailed definition of cognition. The concept of a semantic transfer was introduced; the specific features of defining cognitive technologies were brought to light; a definition of cognitive educational technology was suggested. The authors propose to include in didactic solutions hierarchic semantic structures of (intra-) inter-subject connections built with the method of semantic structures (Tatyana Gnitetskaya). The authors suggest applying cognitive educational technology in accordance with Howard Gardner's specific features of cognitive research: representation, computer, interdisciplinarity, exclusion of vague concepts, and philosophical problems as fundamentals of the universe. The results described in the article show that a project possesses specific features of cognitive research if the participants of the project are involved in targeted independent activities and the project is aimed at revealing inter-subject connections with the help of semantic structures, at interdisciplinarity, at generalizations that allow connecting the research subject to the world view. An enhanced cognitive efficiency of studying physics is achieved without using new neu-

rotechnologies (neurodevices). A cognitive project can be realized in the context of any teaching mode – online or face-to-face; it can be applied at schools and universities. Organizing team contests within projects in physics can engage even low-level students and encourage them to strive for high performance.

Keywords: cognition, cognitive psychology, cognitive technology, intra-subject connections, inter-subject connections, cognitive project in physics, methods of teaching physics

For citation: Gnitetskaya, T.N. & Ankudinov, I.I. (2022) Subject connections' influence on the cognitive efficiency of studying physics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 178–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/20

Введение

В настоящее время и в школе, и в вузах как никогда ранее возникла потребность в новых, универсальных методах обучения физике, подходящих к оф- и онлайн-условиям. Эта универсальность не должна идти в разрез с эффективностью учебного процесса. Известны результаты психологических исследований факторов эффективности учебного процесса [1. С. 217–222]. Эффективность обусловлена организацией условий, в которых у обучающихся формируются навыки целенаправленных самостоятельных действий. Результативность этой деятельности в большой степени зависит от уровня ее специальной организации. Не менее важной предпосылкой эффективного обучения физике является мотивированность обучающихся к ее изучению. Описание физики, в отличие от многих дисциплин, например математики, обходится без алгоритмов, но, так же как и математика, содержит большое количество абстракций, усвоение которых требует определенных интеллектуальных усилий. Неусвоенная абстракция приводит к созданию барьера узнавания символов, терминов, смыслов. Известно, что барьер снижается при создании соревновательной среды, обуславливающей возникновение у обучающихся мотива достижения успеха [2. С. 1712–1715]. Другими словами, требуется искать новые методы обучения, обращенные к неисчерпаемым резервам памяти человека, его безграничным мыслительным возможностям.

Вызовы времени требуют передать ведущую роль от объяснительно-трансляционных методик коллективного «живого» сетевого обучения физике новым когнитивным методикам, базирующимся на самостоятельных целенаправленных действиях обучающегося. Для ответа на вопрос о степени разработанности проблемы когнитивных образовательных технологий авторы статьи обратились к сервису Google Weier и проанализировали частоту встречаемости термина «когнитивный» в сочетании с другими словами в научной литературе за несколько десятков лет.

Результаты проведенного исследования показали, что в последние годы уровень интереса исследователей к феномену когнитивности стабильно растёт. Скорость его роста приняла наибольшее значение в период с 1995 по 2008 г. В настоящее время уровень медленнее, но все-таки возрастает. Впервые термин «когнитивный» появился в научных исследованиях в 1940 г. Интересно, что максимально часто он встречается в сочетании с терминами «подход» и «анализ» в контексте деятельности. Меньше «когнитивный» сочетают с «аспект» и «компонент». В 2018 г. макси-

мальное количество обращений к термину «когнитивный» выполнено в Центральной России, что вполне объяснимо с точки зрения максимальной для данной территории плотности населения [3. С. 44–46]. Незначительность событий по использованию в научных трудах сочетаний «когнитивное обучение» и «когнитивное образование» не позволило выделить их из набора словосочетаний. Данный факт указывает на актуальность и своевременность исследования проблемы теоретического обоснования и разработки когнитивных технологий обучения, особенно физике.

Термины «когнитивный» и «когнитивность» применяются в различных областях знаний: физиологии, психологии, педагогике, социологии и пр. Анализ определений понятия «когнитивный» потребовал их предварительной классификации. Нами выделены три типа содержания определений: семантический, психологический и технологический.

Семантический тип определений понятия «Когнитивный»

Подход к толкованию понятия «когнитивный», сосредоточенный на семантике его содержания, встречается в словарях, в которых даётся различный перевод понятия (либо от лат. *Cognitio*, либо от англ. *cognition*). Перевод существенно зависит от области применения этого термина, которая и определяет его семантику.

В словаре иностранных слов Н.Г. Комлева даётся перевод понятия «*cognitio*» в лингвистическом контексте. ««*Cognitio*» (когнитивный) предлагается трактовать как относящийся к познанию, к функциям мозга, которые обеспечивают формирование понятий, оперирование ими и получение выводных знаний. Это толкование позволяет определить когнитивную лингвистику как отрасль языкознания, занимающуюся ролью языка в познании» [4. С. 125].

Наиболее общая трактовка термина «*cognitio*» приводится в толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова. Это знание, познание, что связано с буквальным смыслом понятия «когнитивный». **Пояснение** осуществляется на контекстных примерах: когнитивный анализ (исследование процессов познания человеком окружающего мира, а также способности человека приобретать новые знания); когнитивная система человека (центральная нервная система и органы чувств, с помощью которых человек познает окружающий мир и самого себя) [5. С. 114].

В Webster's New World Dictionary приводится английское написание «*cognition*» (в переводе – познавательная деятельность) и указывается на связь с латинским термином «*cognoscere*», который

состоит из «со-» и «gnoscere» («чтобы узнать») и означает «узнавать, приобретать знания, знакомиться, исследовать». Прослеживается связь этого термина с известным афоризмом Рене Декарта «Cogito ergo sum» (мыслю, следовательно, существую). В словаре даётся обобщённая трактовка «cognition» как когнитивной психической деятельности [6. Р. 10]. Таким образом, смысл термина «когнитивный» охватывает всё, что связано с процессами мышления, понимания, восприятия.

К семантическому типу мы отнесли и определения термина «когнитивный» (cognitive) в форме прилагательного, которые приводятся в электронном словаре Wordnik online English dictionary [7]. Этот словарь объединил несколько источников: Совместный международный словарь английского языка, Американский словарь английского языка Heritage® (5-е изд.), Century Dictionary, Wiktionary, WordNet 3.0. Приведём трактовки понятия «когнитивный» из перечисленных источников [7]:

- знающий или постигающий познание (Совместный международный словарь английского языка);
- вовлечённый в процесс познания или связанный с ним (Американский словарь английского языка Heritage®, 5-е изд.);
- способный к познанию, формированию знания, часто используется как когнитивные способности (Century Dictionary);
- часть умственных функций, которая имеет дело с логикой, в отличие от аффективной, которая имеет дело с эмоциями (Wiktionary);
- связанное с познанием или включающее его (WordNet 3.0).

По-своему подходят к семантике термина «когнитивный» авторы когнитивных технологий. Они выделяют в семантике функции и особенности познания. Например, на официальном сайте МФТИ суть термина «когнитивный» трактуется как проявление мыслительных операций анализа (способности разлагать целое на части, декомпозировать и редуцировать реальность), синтеза и обобщения. Когнитивная сторона мышления человека связана со способностью устанавливать причинно-следственные связи (каузальностью), что свойственно рассудку [8].

Все вышеприведённые определения, описывающие семантику понятий «когнитивность» и «когнитивный», сведены в табл. 1.

Определения, относимые к семантическому типу, можно обобщить, трактуя когнитивность как феномен, в котором отражаются процессы познания и восприятия человеком окружающего мира. Когнитивность исходит из осознанного желания человека знать и неосознанного чувственного восприятия.

В процессе познания приоритет отдаётся логике и рассудку, а не эмоциям, нарушающим структурированность, количество и качество знаний. Эта точка зрения согласуется с трактовкой когнитивности как «разума... и означает способность думать, объяснять, обосновывать действия, идеи и гипотезы» [8]. Следует отличать чувственное восприятие от эмоций, которые, по [7], к когнитивности не относятся. В целом, разделяя определение, данное в [8], авторы статьи отмечают необходимость охвата анализом психологического типа определений.

Таблица 1

Семантический тип определений понятия «когнитивный»

№	Содержание определения	Автор/Источник
1	Восприятие, познание, относящийся к познанию, к функциям мозга, которые обеспечивают формирование понятий, оперирование ими и получение выводных знаний	Н.Г. Комлев [4]
2	Связанный с познанием, мышлением. Поясняется на примерах когнитивного анализа (исследование процессов познания человеком окружающего мира, а также способности человека приобретать новые знания) и когнитивной системы человека (центральная нервная система и органы чувств, с помощью которых человек познает окружающий мир и самого себя)	С.А. Кузнецова [5]
3	Процесс познания, осознания, мышления, обучения и суждения. «Познание» происходит от латинского корня «cognoscere», означающего «познакомиться». Cognoscere состоит из «со-» и «gnoscere», что означает «узнавать» («The process of knowing. More precisely, the process of being aware, knowing, thinking, learning and judging. Cognition comes from the Latin root “cognoscere” meaning to become acquainted with. Cognoscere is made up of “co-” + “gnoscere” = to come to know.»)	Webster's New World Dictionary [6]
4	Прилагательное, характеризующее вовлечением в процесс познания или относящееся к нему («adjective of, characterized by, involving, or relating to cognition»)	The American Heritage® Dictionary of the English Language
5	Особая форма корневого слова в грамматике, выражающего познание или знание. Способный к познанию, приобретению знания. Когнитивный, относящийся к познанию, например когнитивные способности («Capable of cognition; learning; knowing. Pertaining to cognition: as, the cognitive faculties. In grammar, a particular form of a root word, expressing recognition or knowledge»)	Century Dictionary [6]
6	Прилагательное, знающий или постигающий понимание («adjective Knowing, or apprehending by the understanding»)	Collaborative International Dictionary of English [6]
7	Часть умственных функций, которая имеет дело с логикой, в отличие от аффективных, которая имеет дело с эмоциями («The part of mental functions that deals with logic, as opposed to affective which deals with emotions»)	Wiktionary [6]
	Связанное с познанием или включающее его («of or being or relating to or involving cognition»)	Word Net 3.0 [6]
8	Как «разум» означает «способность думать, объяснять, обосновывать действия, идеи и гипотезы»	МФТИ [8]
9	Активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знаний	У. Найссер [9]

Выделившаяся в психологии в середине прошлого века отрасль когнитивной психологии исследует познавательные процессы, такие как память, внимание,

чувства, представления информации, логическое мышление, воображение, способности к принятию решений. По данной причине авторы статьи провели анализ

определений когнитивной психологии и когнитивной науки, который изоморфен анализу определений понятия когнитивности психологического типа.

Когнитивные психология и наука

Когнитивная психология уходит корнями к тем временам, когда Эдвард Чейс Толмен, являясь создателем когнитивного необихевиоризма, начал исследовать когнитивные основы поведения животных в критических условиях. Когнитивная психология расширяет взгляды бихевиористов, базирующихся на сопоставлении поведения животных и человека, которое они объясняют посредством стимула и последующей реакции. Данные обстоятельства явились одной из причин выделения исследований когнитивной психологии в отдельную область.

Э.Ч. Толмен экспериментально установил наличие закономерности возникновения пространственной ориентации животных за счёт научения. Им было выделено понятие когнитивных карт, которое получило широкое распространение в психологии. Под когнитивными картами он понимал «сенсорные психические конструкции, представляющие собой ассоциированные

визуальные образы, воспоминания и представления, репрезентирующие знакомые нам участки окружающего мира» [10. Р. 38]. Смысл не меняется даже при характерном для современности переносе акцента на глобальную индивидуальную модель – репрезентацию окружающего мира, фрагментами которой (преимущественно визуальными) являются чувственные психические конструкции, называемые когнитивными картами [11. С. 273]. Подразумевается, что в сознании возникает когнитивная карта, которая содержит связи ощущений с координатами места и его исследуемым свойством, например «есть еда – нет еды».

Э. Толмен и его последователи сопоставили этот результат с процессами сознания, возникающими у человека, например, ориентирующегося на городских улицах. Позднее эти идеи нашли своё отражение в работах У. Найссера [9. С. 84] и Дж. Брунера [12. С. 95], которые были направлены на исследование когнитивных структур. В данном параграфе уместно оценить степень единства взглядов на когнитивную психологию. С этой целью обсудим определения понятия когнитивной психологии, предложенные разными авторами. В табл. 2 приведён далеко не полный перечень определений понятия «когнитивная психология».

Таблица 2

Определения понятий «когнитивная наука» и «психология»

№	Содержание определения	Автор(ы)
<i>Когнитивная психология</i>		
1	Общий подход в психологии, в котором основное внимание уделяется внутренним мыслительным процессам	Ребер А. [13]
2	Раздел психологии, изучающий когнитивные, т.е. познавательные процессы человеческого сознания. Исследования в этой области обычно связаны с вопросами памяти, внимания, чувств, представления информации, логического мышления, воображения, способности к принятию решений	М. Фаликман, В. Спиридонова [14]
3	Раздел психологии, касающийся всей человеческой деятельности, связанной со знаниями. Она связана с тем, как знания приобретаются, хранятся, соотносятся и извлекаются путем изучения психических процессов, лежащих в основе внимания, формирования концепции, обработки информации, памяти и речи («The branch of psychology concerned with all human activities relating to knowledge. More specifically, cognitive psychology is concerned with how knowledge is acquired, stored, correlated, and retrieved, by studying the mental processes underlying attention, concept formation, information processing, memory, and speech»)	E. Martin [15]
4	Наука, изучающая восприятие, память, внимание, распознавание конфигураций, решение задач, психологические аспекты речи, когнитивное развитие	У. Найссер [9]
<i>Когнитивная наука</i>		
5	Современная, эмпирически основанная попытка ответить на давние эпистемологические вопросы - особенно те, которые касаются природы знания, его компонентов, его источника, его развития и развертывания а («modern, empirically based attempt to answer long-standing epistemological questions - especially those concerning the nature of knowledge, its components, its source, its development and deployment»)	H. Gardner [16]
6	Область междисциплинарных исследований, изучающая познание и высшие мыслительные процессы с помощью информационных моделей. Включает дисциплины: эпистемологию, когнитивную психологию, лингвистику, психолингвистику, нейробиологию и компьютерную науку	А.А. Ивин [17]
7	Когнитивная наука (от англ. cognitive science; лат. cognitio – знание, познание) - область междисциплинарных исследований, изучающая познание и высшие когнитивные функции с помощью моделей переработки когнитивной информации	И.Т. Касавин [18]

Таблица 2 состоит из двух частей – в первой собраны наиболее распространённые определения когнитивной психологии, во второй – определения когнитивной науки. Они взаимосвязаны между собой. Так, в Оксфордском толковом словаре по психологии под редакцией А. Ребера приводится общий контекст когнитивной психологии, где «поведение определяется не просто с помощью понятий внешних свойств, но требует объяснения на уровне психических явлений, мысленных представлений, убеждений, стремлений» [13. С. 329].

Содержание остальных определений похоже, несмотря на принадлежность их авторов как к россий-

ской научной школе (М.В. Фаликман, В.Ф. Спиридонова) [14. С. 159], так и к зарубежной (E. Martin, У. Найссер). Они определяют содержание когнитивной психологии, включая в него процессы представления информации, внимания, воображения, памяти, чувств, способности к принятию решений, логического мышления. Общим признаком определений является отсутствие в них требований, которым должны отвечать когнитивные исследования. Но эти требования можно найти в описаниях когнитивной науки.

Взаимосвязанность когнитивной психологии и науки следует из рассуждений, выполненных науч-

ным дуэтом М.В. Фаликман и В.Ф. Спиридоновой. По их мнению, когнитивная психология во многом основывается на проведении аналогии между преобразованием информации в вычислительном устройстве и познавательными процессами у человека [14. С. 173], которые являются предметом исследований когнитивной науки.

Переходя к определениям когнитивной науки, которые составляют вторую часть табл. 2, выделим одного из её основателей Н. Gardner, на работы которого ссылаются многие современные исследователи когнитивной психологии. В своей книге [16. Р. 235] он отмечает, что к когнитивным можно отнести науки, исследующие и живые и неживые объекты, где живые разделяются на человеческие (сознательные) и нечеловеческие (несознательные). Это значит, что в рамках всех наук можно провести когнитивные исследования. Вместе с тем Н. Gardner понятие когнитивности связывает только с человеческим знанием. Когнитивной он определяет современную науку, исследующую вопросы природы знаний, их компонентов, источника, развития и развёртывания (*«I define cognitive science as a contemporary, empirically based effort to answer long-standing epistemological question - particularly those concerned with the nature of knowledge, its components, its source, its development, and its deployment»*) [16. Р. 362]. Важным его достижением стало описание особенностей когнитивной науки, будь то когнитивная психология, когнитивная методика обучения физике, когнитивная философия и пр. Как он отмечает, все когнитивные научные исследования отличаются пятью особенностями: 1 – репрезентация; 2 – компьютер; 3 – снятие акцентов на аффекте, контексте, культуре и истории; 4 – междисциплинарность; 5 – связь с классическими философскими проблемами [16. Р. 367].

В отличие от него А.А. Ивин перечисляет дисциплины, которые, по его мнению, относятся к когнитивной науке – это эпистемология, когнитивная психология, лингвистика, психолингвистика, нейробиология и когнитивная наука [17. С. 74]. Определение И.Т. Касавина более общее – он относит к когнитивной науке междисциплинарные исследования познания и его функций с помощью моделей переработки когнитивной информации [18]. Следует заметить, что А.А. Ивин также апеллирует к изучению познания с помощью информационных моделей. Н. Gardner же относит это к одной из особенностей когнитивного исследования – просто компьютер.

Как компьютер рассматривают когнитивную систему человека М.В. Фаликман и В.Ф. Спиридонова [14. С. 223]. Эти авторы представляют её как систему, имеющую устройства ввода, хранения, вывода информации с учетом её пропускной способности [14. С. 259]. На этот вывод их натолкнули разработки Р. Аткинсона [19], который выделил многочисленные структурные составляющие (блоки) познавательных и исполнительных процессов сознания, прежде всего, памяти.

Идея представлять психику человека в виде устройства с фиксированной способностью к преоб-

разованию сигналов прослеживается в трудах именитых представителей когнитивной психологии (Дж. Брунера, У. Найссера, G. Miller) и лежит в основе ведущей концепции в когнитивной психологии. Главенствующая роль в этой концепции отведена внутренним когнитивным схемам и познавательной активности в контексте естественной целенаправленной деятельности.

Знаменитая теория восприятия У. Найссера и сегодня остаётся актуальной. Познание как процесс, при котором «входящие сенсорные данные подвергаются трансформации, редукции, обработке, накоплению, воспроизведению и в дальнейшем используются». Вводятся так называемые предвосхищающие схемы или когнитивные структуры, которые подготавливают индивида к принятию информации строго определенного вида и таким образом управляют его текущей когнитивной активностью. Нельзя обойтись без сопутствующей трактовки термина восприятия – конструктивного процесса предвосхищения некоторой информации, делающего возможным для человека принятие этой информации, когда она оказывается доступной [11. С. 48]. Предвосхищение, по мнению авторов данной статьи, обуславливает процесс установления связей между информацией уже осознанной и поступающей в настоящий момент в сознание.

Теория У. Найссера во многом опирается на предложенную ранее теорию Дж. Брунера, изложенную в работе «Психология познания. За пределами непосредственной информации», в которой описываются когнитивные структуры человеческого сознания. По Дж. Брунеру в основе успешного учебного процесса лежит иерархически организованная система знаний учащихся, так называемая когнитивная структура. Эффективное обучение возможно только тогда, когда новый материал, связанный с уже имеющимися знаниями и умениями, включается в существующую когнитивную структуру. Ведущую роль в учебной деятельности Дж. Брунер присваивал мотиву: «...важным условием обучения является внутренняя мотивация, связанная с познавательным интересом учащихся к изучаемому предмету» [12. С. 235].

И Дж. Брунер, и У. Найссер фактически обсуждают один и тот же механизм познания – обучаясь, индивид постепенно в процессе накопления информации автоматически соединяет простые, созданные на новой информации мыслительные конструкции с уже имеющимися и трансформирует их в сложные. Таким образом, новое знание оказывается связанным с предыдущим.

Отечественная психология в советский период была направлена на исследование единства природ сознания и деятельности [20]. Так, А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн [21. С. 53; 22. С. 532] обосновывают деятельностьный подход к научению. Он был дополнен П.Я. Гальпериным [23. С. 361] и раскрыт Н.Ф. Талызиной в теории поэтапного формирования умственных действий [24. С. 83]. Основу подхода составляет учение Л.С. Выготского об интериоризации – процессе поэтапного преобразования внешней предметной деятельности во внутреннюю психическую деятель-

ность, формировании внутренних интеллектуальных структур психики посредством усвоения внешней социальной действительности [25]. Следует отметить, что впервые этот термин ввел Пьер Жане. В переводе с французского Interiorisation означает переход извне внутрь (от лат. Interior – внутренний). Существуют разные подходы к решению задачи – каким образом этот переход осуществляется. Их обсуждение не является целью данной статьи. Процесс интериоризации используется нами для моделирования механизма понимания.

Возьмем за основу то, что любой сигнал, поступающий в канал сознания, проходит процесс интериоризации или последующее возникновение в сознании интеллектуальной структуры. Разделение во времени интериоризации и понимания обусловлено протяженностью во времени психических процессов. Так, например, Б.Ф. Ломов [26] утверждает: то, что психические процессы протекают во времени, является общепризнанным и подтверждается экспериментально. Требование изучать их во временном контексте уже давно стало методическим правилом. Приняв за связь категорию, которая обеспечивает выявление общих признаков у двух и более элементов системы и оценку ее целостности, авторы статьи предлагают процесс интериоризации и последующее понимание представить с помощью сопутствующего ему процесса уста-

новления связей. Коннекционисты (connectionism) устанавливают аналогии между мыслительными процессами и множеством соединений (связей. – Авт.) между узлами в сети [16]. Изучению дисциплин также сопутствует процесс установления внутри- и междисциплинарных связей, которые создают основу организованной системы знаний обучающихся.

Процесс перехода от сигнала к предвосхищающей схеме, а затем к интеллектуальной структуре и пониманию можно представить в виде модели (рис. 1). Новая информация связывается с предвосхищающей схемой, обогащая или трансформируя её смысл. В зависимости от того, с какой из предвосхищающих схем (когнитивной структурой) этот сигнал имеет максимальное число совпадающих признаков, с такой и установится максимальное число связей. Связь устанавливается произвольно, но в контексте обучения к основному связеобразующему толчку можно отнести целенаправленные самостоятельные действия обучающихся. Установление большого количества связей и их интеграция обеспечивают когнитивный трансфер информации, сопровождающий процесс интериоризации, и возникновение интеллектуальной структуры. Описанный процесс можно сопоставить с процессом понимания содержания сигнала.

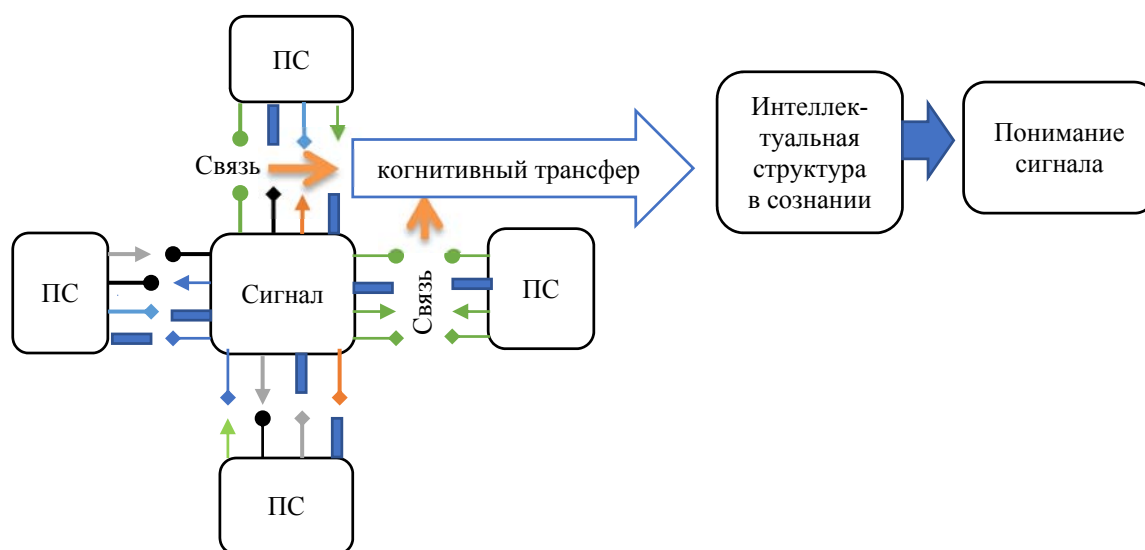

Рис. 1. Прототип модели процесса интериоризации и последующего понимания на основе связей

Обозначения: ПС – предвосхищающая схема, ● – признак 1, ■ – признак 2, ▲ – признак 3, ✕ – признак 4, разные цвета означают отличие признаков

На рис. 1 прямоугольниками, треугольниками, кружками и крестиками схематично обозначены признаки сигнала. Если один из них или несколько присутствуют у предвосхищающей схемы, то между ними возникает связь, которая тем прочнее, чем больше признаков совпало. Процесс установления связей обуславливает когнитивный трансфер и возникновение интеллектуальной структуры, приводящей к пониманию сигнала.

Авторы предположили, что для обеспечения когнитивной активности обучающихся во время про-

ектной деятельности необходимо в основу проекта положить предметные связи, которые должны быть представлены в виде смысловых структур, имеющих иерархическое строение. Данный подход позволит активизировать умственную деятельность и приблизить к пониманию содержания исследуемой темы проекта. В пользу включения в проект заданий по внутри- и междисциплинарным связям в виде смысловых структур свидетельствует следующий факт. В особенности когнитивного исследования, кроме прочих,

Х. Гарднер [16] включил междисциплинарность и репрезентацию, материалом которой установил связи. Разработка когнитивного проекта на основе внутри- и межпредметных связей является крайне важной для процесса обучения физике. Одной из его отличительных причин является то, что содержание физики наполнено абстракциями, оперирование которыми требует навыков самостоятельно выполнять интеллектуальные усилия. Такие навыки вырабатываются у большинства обучающихся, если присутствует специальная организация целенаправленных самостоятельных действий.

После установления связей схема переходит в новое семантическое состояние с обогащённым смыслом. Такое толкование позволяет представить механизм процесса понимания. Например, при прочтении иероглифа сознание свяжет его с соответствующей языковой схемой. Если же человек не изучал язык иероглифов, в его сознании отсутствуют необходимые для интериоризации схемы. В этом случае человек обращается к технологии (материальной или теоретической), которая позволит ему прочесть иероглиф. Любая технология обучения имеет целью достижение обучающимися понимания.

Если предложенный механизм понимания положить в основу технологии обучения, то она должна быть наполнена соответствующими дидактическими разработками, обуславливающими процесс интериоризации, сопровождающийся установлением предметных связей. В дидактические разработки следует включать адепт превосходящих схем – иерархические когнитивные структуры, передающие смысл завершенной порции информации (содержания), с точ-

ным описанием их признаков для того, чтобы сознание с помощью ответственных за связи мыслительных операций анализа, синтеза и обобщения установило связи с имеющимися в нем интеллектуальными структурами – интериоризацию, что обусловило бы последующее понимание. Такие технологии обучения мы относим к когнитивным. Анализ существующих определений когнитивных технологий, изоморфных определению когнитивности технологического типа, выполним в следующем параграфе.

Когнитивные образовательные технологии

На основе анализа определений когнитивных технологий, приведённых в первой части табл. 3, была установлена их особенность. Особенностью является включение в технологию некоего разработанного продукта, взаимодействие которого с сознанием приводит к изменению (усиление или ослабление) интеллектуальных способностей человека. Примеров ослабления нами не найдено. Разные авторы по-разному трактуют этот продукт: 1) информационные технологии (см. № 1 табл. 3) [27]; 2) способы и алгоритмы достижения целей субъектами (см. № 2 табл. 3) [28]; 3) систему методов, алгоритмов и программ (см. № 2 табл. 3) [29].

Конечно, такие технологии могут быть разработаны в образовательных целях. Определения когнитивных образовательных технологий приведены во второй части табл. 3. Однако авторам статьи не удалось найти определение когнитивной образовательной технологии, в которое был бы включён упомянутый выше продукт. Исключением, с некоторыми оговорками, можно считать определение М. Нестерова.

Таблица 3

Определения понятий «когнитивные технологии» и «когнитивные образовательные технологии»

№	Содержание определения	Авторы/Источник
<i>Когнитивные технологии</i>		
1	Информационные технологии, специально ориентированные на развитие интеллектуальных способностей человека. Когнитивные технологии развивают воображение и ассоциативное мышление человека	Финансовый словарь Финан. [27]
2	Способы и алгоритмы достижения целей субъектами, опирающиеся на данные о процессах познания, обучения, коммуникации, обработки информации человеком и животными, на представление нейронауки, на теорию самоорганизации, компьютерные информационные технологии, математическое моделирование элементов сознания, ряд других научных направлений, ещё недавно относившихся к сфере фундаментальной науки	Г.Г. Малинецкий [28]
3	Система методов, алгоритмов и программ, моделирующих и усиливающих познавательные способности людей для решения практических задач – распознавания образов и речи, выявления и идентификации закономерностей в массивах данных, проектирования сложных систем, принятия решений в условиях недостаточности информации и т.д.	В.И. Кудашов [29]
<i>Когнитивные образовательные технологии</i>		
4	Технологии, где используются различные методы обучения, такие как объяснительно-иллюстративный, эвристический, программированный и проблемный. Когнитивная образовательная технология подразумевает определение уровня когнитивных способностей обучающихся в процессе усвоения теоретического и практического материала и многократное его повторение до полного усвоения. Эта технология ориентирована на личностный подход, развитие когнитивных способностей студентов	Аналитический обзор «Профессиональная подготовка и непрерывное образование в контексте развития науки и технологий» [30]
5	Направлены на развитие навыков творческой деятельности. Вовлекают студентов в интерактивные процессы преподавания и обучения, для достижения лучших результатов в обучении, лучшей сплоченности, формирования команды и социального интеллекта	М. Nesterova [31]
6	Характеризуются наличием содержательной и процессуальной составляющих, модульностью представления содержания обучения, измерением состояний субъектов обучения до и после применения технологий, наличием когнитивных схем, регламентирующих деятельность учащихся	А.А. Машиньян, Н.В. Кочергина [32]
7	Является общепедагогической предметно независимой индивидуально ориентированной образовательной технологией, обеспечивающей понимание ребенком окружающего мира путем формирования системы когнитивных схем, необходимых для успешной адаптации к жизни в современном информационном обществе	М.Е. Бершадский [33]

В аналитическом обзоре «Профессиональная подготовка и непрерывное образование в контексте развития науки и технологий» когнитивная образовательная технология определяется как набор всего, что есть в технологиях обучения. По какой-то причине авторы обзора считают, что только в когнитивных технологиях используются различные методы обучения, такие как объяснительно-иллюстративный, программированный, эвристический и проблемный. Только эти методы обеспечивают многократное повторение материала до его полного усвоения и только они направлены на личностный подход и развитие когнитивных способностей студентов [30]. Вместе с тем очевидно, что эти методы используются в большинстве технологий обучения, в том числе и в тех, которые опираются на традиционное субъект-объектное взаимодействие преподавателей и обучающихся.

Неоднозначно определяет когнитивные образовательные технологии М. Nesterova. По её мнению, когнитивные технологии направлены на развитие навыков творческой деятельности и помогают студентам социализироваться в постоянно меняющихся образовательных условиях [31. Р. 106]. По нашему мнению, любая образовательная технология включает самостоятельную деятельность обучающихся, которая априори выполняется с элементами творчества, если она специально организована. В этой же работе М. Nesterova устанавливает, что при обучении с помощью когнитивных технологий получение и преобразование информации сознанием происходит преимущественно визуально. По этому поводу следует заметить, что максимальная пропускная способность оптического канала сознания по сравнению с тактильным, обонятельным и осязательным каналами является физиологической особенностью сознания, а не результатом воздействия технологии обучения. Вместе с тем авторы настоящей статьи отмечают оригинальность продукта, предлагаемого М. Nesterova для когнитивных технологий обучения. Продукт нацелен на повышение когнитивной эффективности обучения без использования новых нейротехнологий (нейроустройств), а также на тренировку различных умственных способностей (нейробика, эйдетики и мнемоники) с обязательным использованием методов активного обучения [31. Р. 105].

А.А. Машиньян и Н.В. Кочергина видят целью когнитивных технологий развитие когнитивной сферы учащихся, а именно различных видов интеллекта, памяти и мышления (вербального и невербального, индуктивного и дедуктивного, творческого и репродуктивного и т.п.). Особое внимание они уделяют модульному представлению содержания учебных курсов, что, по их мнению, лежит в основе организации когнитивной технологии обучения, включающей когнитивные схемы. Когнитивная схема понимается А.А. Машиньяном и Н.В. Кочергиной как образ знакомого пространственного окружения, который создается и видоизменяется в результате активного взаимодействия субъекта с окружающим миром. К одной из особенностей когнитивной технологии А.А. Машиньян и Н.В. Кочергина относят «историческое раз-

витие теории» и иллюстрируют это на примере квантовой теории [32. С. 72–80]. Вместе с тем, как уже упоминалось выше, Н. Gardner указывает, что в когнитивном исследовании следует избегать акцентов на истории.

Из приведённых в табл. 3 выделяется определение М.Е. Бершадского, который рассматривает обеспечивающий понимание процесс обучения как процесс формирования когнитивных схем. Когнитивные схемы являются условным каркасом, который в последующем обрастает новой информацией. Однако нет механизма построения этих схем.

Авторы статьи отмечают, что такой модельный процесс познания справедлив и для когнитивного исследования, которое, как было отмечено выше, характеризуется пятью особенностями. Опираясь на Н. Gardner и считая основой когнитивной образовательной технологии представленные иерархическими конструкциями предметные связи, которые обеспечивают понимание, возникающее в результате интериоризации, можно уточнить определение когнитивности.

Под когнитивностью мы понимаем способность сознания человека осуществлять мыслительные операции, в том числе анализа, синтеза и обобщения, приводящие к семантическому трансферу когнитивных схем, возникающих в процессе познания окружающего мира. Под семантическим трансфером мы подразумеваем процесс интегрального переноса поступившего в сознание сигнала по каналам связей к интеллектуальной структуре. Вышеприведённое позволило нам ввести следующее определение когнитивной образовательной технологии: это алгоритмы, способы и методы тренировки сознания по выполнению операций анализа, синтеза и обобщения, которые сопровождаются процессом установления предметных связей, обуславливающим понимание. В дидактические разработки когнитивной технологии следует включать иерархические смысловые структуры предметных связей. Одним из методов, направленных на вскрытие предметных связей в виде иерархических структур, является метод смысловых структур [34]. Предлагаемая когнитивная образовательная технология по физике включает два метода – упомянутый выше метод смысловых структур и метод когнитивного проекта по физике.

Метод когнитивного проекта по физике

С помощью метода смысловых структур, в котором используется информационная модель предметной связи, она представляется в виде иерархической структуры, уровни иерархии которой соответствуют уровням абстрагирования. Нижний уровень абстракции смысловой структуры заполнен понятиями, входящими в содержание понятий, расположенных на следующем, более высоком уровне, и так далее до ее вершины, где находится изучаемое понятие, закон или теория. По сути, смысловая структура является логически завершённым смысловым образом рассматриваемого в содержании параграфа (темы, модуля) элемента знания (понятия, закона, теории и т.д.),

наименование которого, как правило, совпадает с названием параграфа. Посредством усвоения этого смыслового образа предметной связи в процессе интериоризации возникает связь с предвосхищающими схемами, построенными на предыдущих знаниях,

Сегодня на всех образовательных уровнях – от школы до университета – получила развитие организация проектной деятельности обучающихся по темам, относящимся к разным предметам, в том числе и физике. В рамках проекта обучающиеся знакомятся с элементами и этапами научного исследования. Авторами статьи предположено, что для успешной реализации проектной деятельности в обучении необходимо, чтобы она была организована в соответствии с особенностями когнитивного исследования. Рассмотрим подробно пять особенностей исследования, описанные Н. Gardner, в рамках когнитивного проекта по физике.

1. Репрезентация. По Н. Gardner деятельность человека (не только научная) может быть когнитивной и описываться в символах, образах, схемах, понятиях и других формах ментальной репрезентации [16. Р. 39]. Подразумевается, что в сознании устанавливается отдельный уровень анализа, на котором человек оперирует символами, принципами, образами – материалами репрезентации. Процессы установления связей между ними, их трансформации и противопоставления друг другу также относятся к материалу репрезентации [16. Р. 38]. Чтобы проект обладал данной особенностью, в нем должны быть использованы материалы репрезентации. К ним авторы статьи относят элементы знаний по группам понятий, законов, теорий, моделей и принципов и внутрипредметные, и межпредметные связи. Моделирование предметных связей осуществляется методом смысловых структур в рамках графовой и информационной моделей (см.: [35, 36]). Направление иерархической предметной связи противоположно направлению аналитических операций сознания, представляет собой путь – от простого к сложному и требует привлечения мыслительных операций анализа, синтеза и обобщения. Одно из заданий проекта посвящено работе со смысловой структурой.

2. Компьютеры. В рамках отмеченной выше концепции когнитивной психологии психика человека сопоставляется устройству, способному преобразовывать поступающие в него внешние сигналы. В проекте обучающиеся строят предметную связь методом смысловых структур в виде иерархической конструкции. Описание ее элементов может быть выполнено с

использованием метода гипертекста, который широко применяется в глобальной сети Интернет. Смысловая структура демонстрирует предметную связь между понятиями в логически завершенном блоке материала, сохраняется в оперативной памяти сознания и ориентирует его в процессе установлении связей с предвосхищающими схемами (интеориоризация). Контекст этой и предыдущей особенностей непосредственно связаны.

3. Исследование учебных проблем без обращения к «туманным» понятиям (к ним относят, например, «аффект», «контекст», «окружающий любое действие или мысль, исторический или культурный анализ») является очередной особенностью когнитивного исследования. Следует отметить, что в содержании дисциплины «Физика» «туманные» понятия встречаются крайне редко. Однако следует указать на учет этой особенности при подготовке проекта.

4. Междисциплинарность. Физика является фундаментальной наукой, ее законы и теории используются в разных областях науки и техники. Поэтому содержание исследуемой в проекте темы обладает высоким уровнем междисциплинарности. Одно из заданий проекта посвящено установлению междисциплинарных задач в рамках темы.

5. Мировоззрение. Н. Gardner отмечает, что классические философские проблемы являются ключевым компонентом современной когнитивной науки и трудно представить когнитивную науку отдельно от них [16. Р. 43]. Физика занимает центральное место в формировании естественно-научного мировоззрения. Поэтому обязательным заданием проекта является определение степени вклада темы проекта в физическую и естественнонаучную картины мира.

Проект выполняется не индивидуально, а командой из 5–6 человек, где каждому участнику отведена своя роль. Мотивирование обучающихся к самостоятельной целенаправленной деятельности во время проекта обеспечивается организацией соревнования команд. Пример организации когнитивного проекта и результаты его внедрения описаны в работе [26. С. 294–296]. Ниже приводится пример дидактической разработки к проекту на тему «Исследование движения заряженных частиц в электрическом и магнитном полях на примере осциллографа». Каждой команде в рамках проекта выдается своя подтема с заданиями, соответствующими особенностям когнитивного исследования. Пример дидактической разработки для одной команды приводится ниже.

Проект Исследование движения заряженных частиц в электрическом и магнитном полях на примере осциллографа.

Подтема 2. «Управление пучком электронов в электронно-лучевой трубке осциллографа с помощью ускоряющего электрода».

Пояснение: ускоряющий электрод является вторым анодом (A2) электронно-лучевой трубки (ЭЛТ) осциллографа. Его функцией является ускорение электронов, летящих по оси ЭЛТ к ее экрану.

Задание 1. Проведите теоретическое исследование темы. Напишите конспект по вопросам темы, используя источники, указанные в плане-вопроснике, а также дополнительные.

План-вопросник по подтеме 2

Список литературы

1. Савельев И.В. Курс общей физики: учеб. пособие: в 3 т. Т. 2. Электричество и магнетизм. Волны. Оптика. 3-е изд. испр. / И.В. Савельев. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1988. - 496 с.
2. Парселл Э. Электричество и магнетизм. Берклевский курс физики. Т. 2. Учебное руководство / Э. Парселл. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1983. 416 с.
3. Портис А. Физическая лаборатория. Берклевский курс физики. Т. 6. М.: Наука, 1972. 322 с.
4. Гнитецкая Т.Н. Изучение электронного осциллографа: учеб.-метод. пособие к лабораторной работе по электричеству для студентов физических специальностей университетов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 23 с.
5. Кушнир Ф.В. Электрорадиоизмерения: учеб. пособие для вузов. Л.: Энергоатомиздат. Ленингр. отд-е, 1983. 320 с. http://know.sernam.ru/book_el.php?id=26
6. Авдеев Б.Я. Основы метрологии и электрические измерения: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. / Б.Я. Авдеев, Е.М. Антоноук, Е.М. Душин. Л.: Энергоатомиздат. Ленингр. отд-е, 1987. 480 с. http://stu.scask.ru/book_metr.php?id=44

№	Теоретические вопросы проекта	Ссылки
1	Модель электрона как отрицательно заряженной частицы	[1] – § 1; [2] – § 1.1
2	Электростатическое поле, его источники и свойства	[1] – § 5; [2] – § 1.7; 5.5
3	Сила, действующая на электрон в электростатическом поле	[1] – § 2-4; [2] – § 5,8
4	Напряжённость электростатического поля, единицы измерения	[1] – § 5; [2] – § 1.4; 1.7
5	Потенциал электростатического поля, единицы измерения	[1] – § 6; [2] – § 2.2
6	Эквипотенциальные линии и поверхности равного потенциала проводящих материалов	[1] – § 5.8; [2] – § 1.7; 3.2
7	Электрод. Катод. Анод. Устройство и применение	[3] – Р. 1; [4]; [5] – § 5; [6] – § 6.6
8	Движение электрона в однородном электростатическом поле	[3] – Р. 1; [4]; [5] – § 5; [6] – § 6.6
9	Поле плоско-параллельного конденсатора	[3] – Р. 1; [4]; [5] – § 5; [6] – § 6.6
10	Движение электрона в поле положительно заряженного кольца	[3] – Р. 1; [4]; [5] – § 5; [6] – § 6.6

Задание 2. Исследуйте устройство ускоряющего электрода – анода А2, для чего изобразите ускоряющий электрод – анод (А2): общий вид сбоку в разрезе.

Задание 3. Исследуйте движение электрона в поле кольца, для чего:

3.1. Получите соотношение для напряженности кольца вдоль его оси, если радиус кольца R , его заряд (+) q и найдите точки на оси, соответствующие экстремумам напряженности.

3.2. Установите направления сил, действующих на электрон в поле кольца в точках экстремумов напряженности.

3.3. Определите условие, при котором электроны, прошедшие положительно заряженное кольцо, продолжают ускоренное движение по оси кольца к экрану ЭЛТ.

Задание 4. Завершите построение смысловой структуры понятия ускоряющего электрода, для чего вопросы в ячейках структуры замените нужным содержанием (рис. 2).

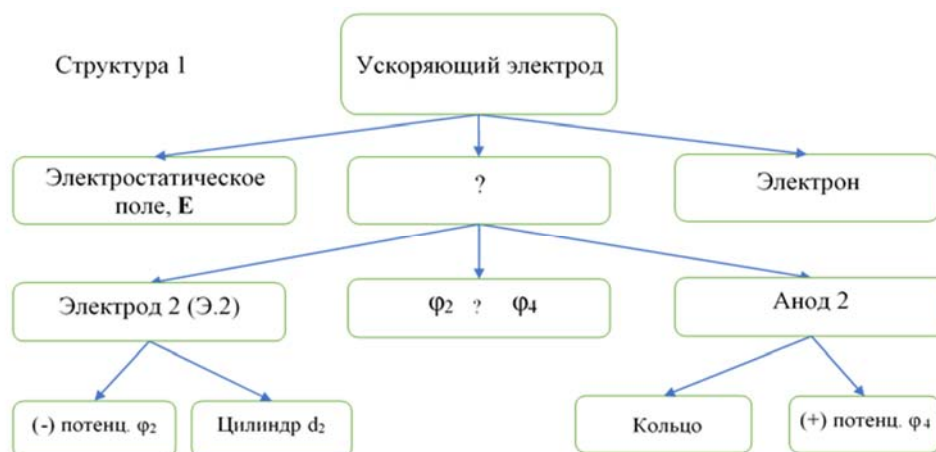

Рис. 2. Смысловая структура понятия ускоряющего электрода

Задание 5. Разработайте междисциплинарную практикоприменимую задачу, в которой используется принцип действия ускоряющего электрода.

Задание 6. Укажите место и роль знаний о поведении микрочастиц в электростатических полях в физической картине мира. Приведите примеры.

Разработанная нами когнитивная образовательная технология в виде когнитивного проекта была внедрена в учебный процесс по физике с учащимися 7-х классов хореографического училища при Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ) и со студентами направлений подготовки

«Физика» и «Ядерная физика и технологии» Школы естественных наук ДВФУ. В обеих возрастных группах обучающихся наблюдалось повышение интереса к изучаемому материалу (100% участников проявили заинтересованность); развитие навыков самостоятельной и групповой работы (отметили 64%); а также повышение

(на 72%) успеваемости по физике. Участники проекта (78%) отметили достижение понимания проектной темы, которое выражалось в значительном облегчении процесса самостоятельного решения физических задач по данной теме. Как школьники, так и студенты признали такую форму проведения учебных занятий увлекательной, развивающей и стимулирующей к изучению сложного содержания курса физики. Подробно методика когнитивного проекта будет описана в следующей статье.

Заключение

Таким образом, организовав в рамках проекта по физике целенаправленную самостоятельную деятельность участников и направив проект на вскрытие ВПС и МПС с помощью смысловых структур и ориенти-

ров, заданных маршрутизированной учебной информацией в планах-вопросниках к теме проекта (репрезентация, компьютеры); на междисциплинарность с помощью специальных опытов; на обобщения, позволяющие связать исследуемую в рамках проекта тему с мировоззренческой картиной; можно считать проект обладающим особенностями когнитивного исследования. Повышенная когнитивная эффективность обучения достигается в результате проектной деятельности обучающихся без использования новых нейротехнологий (нейроустройств). Когнитивный проект реализуем в любых режимах обучения – онлайн и контактном, применим в школьном и университетском процессе обучения физике. Организация соревнования команд в рамках проекта приводит к возникновению мотива достижения успеха даже у слабо подготовленной по физике категории участников.

Список источников

1. Репкин В.В., Середа Г.К. О некоторых условиях рационального использования памяти в процессе обучения // Проблемы инженерной психологии. Вып. 3 «Психология памяти» / под ред. П.И. Зинченко. Л., 1965. С. 217–222.
2. Gnitetskaya T.N., Almaev N.A., Ivanova E.B. The Role and Place of Achievement Motive in Modular Technology of Teaching Physics to Future Engineers // Advanced Materials Research. 2014. Vol. 889–890. P. 1712–1715. doi: 10.4028/www.scientific.net/AMR.889-890.
3. Гнитецкая Т.Н., Анкудинов И.И. Частота и тренды использования понятия когнитивности // Материалы 62-й Всероссийской научной конференции. Т. 3. Фундаментальные и прикладные вопросы естествознания. Владивосток : ТОВВМУ им. С.О. Макарова, 2019. С. 44–46.
4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2006.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка : [BTC: А–Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. СПб. : Норинт, 2004. 1534 с.
6. Webster's New World Dictionary, Editors Of Webster's II Dictionaries // Houghton Mifflin Harcourt, 2005. P. 1518.
7. Wordnik online English dictionary. Cognitive – definition. URL: <https://www.wordnik.com/words/cognitive>
8. О когнитивных технологиях // МФТИ. URL: https://mipt.ru/education/chairs/KognTech/about_technology/
9. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М. : Прогресс, 1981. 232 с.
10. Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men // Psychological Review. 1948. Vol. 55. P. 192.
11. Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. СПб. : Питер, 2017. 621 с.
12. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М. : Прогресс, 1977. 413 с.
13. Ребер А. Оксфордский толковый словарь по психологии / пер. с англ. Е.Ю. Чеботарева. М. : Вече АСТ, 2003. Т. 1. 592 с.
14. Фаликман М.В., Спиридонова В.Ф. Когнитивная психология: история и современность. Ломоносов, 2011. 384 с.
15. Martin E. (ed.) Concise Medical Dictionary. 9nd. Oxford University Press, 2015. 832 p.
16. Gardner H. The mind's new science a history of the cognitive revolution. With a New Epilogue by the Author: Cognitive Science After 1984. BasicBooks, 1987. 401 p.
17. Ивин А.А. Энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.
18. Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
19. Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М. : Прогресс, 1980. 528 с.
20. Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М. : ПЕР СЭ, 2002. 304 с.
21. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Деятельность, сознание, личность. М., 2005. 130 с.
22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2006. 720 с.
23. Гальперин П.Я. Лекции по психологии / под ред. и с предисл. А.И. Подольского. М., 2002. 400 с.
24. Талызина Н.Ф. Педагогическая психология : учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 1998. 288 с.
25. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М. : Педагогика, 1991. 480 с.
26. Ломов Б.Ф. Человек и техника. Очерки инженерной психологии М. : Сов. радио, 1966. 464 с.
27. Финансовый словарь Финан. Когнитивные технологии. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/
28. Малинецкий Г.Г. Когнитивный вызов и информационные технологии // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2010. № 46. С. 5.
29. Кудашов В.И. Социальные технологии в обществе знания: когнитивные аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 58–64.
30. Аналитический обзор «Профессиональная подготовка и непрерывное образование в контексте развития науки и технологий». Материалы экспертов Федерального реестра научно-технической сферы Минобрнауки России. М., 2015.
31. Nesterova M. Educational cognitive technologies as human adaptation strategies // Future Human Image. 2017. № 7. P. 102–112.
32. Машиньян А.А., Кочергина Н.В. Когнитивная технология формирования знаний о естественнонаучных теориях // Перспективы науки и образования. 2015. № 3 (15). С. 72–81.
33. Бершадский М.Е. Когнитивная технология обучения: теория и практика применения. М. : Сентябрь, 2011. 256 с.
34. Gnitetskaya T.N. The entropy estimation of the physics' course content on the basis of intradisciplinary connections' information model // Journal of Physics: Conference Series. 2016. Vol. 738 (1). Art. № 012079. doi: 10.1088/1742-6596/738/1/012079
35. Gnitetskaya T.N. Graph Model of Intradisciplinary Connections in Example of General Physics Course // Journal of Physics: Conference Series. 2015. Vol. 633. doi: 10.1088/1742-6596/633/1/012091
36. Гнитецкая Т.Н., Анкудинов И.И. Организация самостоятельной деятельности первокурсников по физике с помощью проекта // Региональная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых учёных по естественным наукам. Владивосток : ДВФУ, 2019. С. 294–296.

References

1. Repkin, V.V. & Sereda, G.K. (1965) O nekotorykh usloviyakh ratsional'nogo ispol'zovaniya pamyati v protsesse obucheniya [About some conditions of rational use of memory in the learning process]. In: Zinchenko, P.I.L. (ed.). *Problemy inzhenernoy psikhologii* [Problems of Engineering Psychology]. Vol. 3. Leningrad: [s.n.]. pp. 217–222.
2. Gnitetskaya, T.N., Almaev, N.A. & Ivanova, E.B. (2014) The Role and Place of Achievement Motive in Modular Technology of Teaching Physics to Future Engineers. *Advanced Materials Research*. 889–890. pp. 1712–1715. DOI: 10.4028/www.scientific.net/AMR.889-890
3. Gnitetskaya, T.N. & Ankudinov, I.I. (2019) [Frequency and trends of using the concept of cognitiveness]. *Fundamental'nye i prikladnye voprosy estestvoznaniya* [Fundamental and Applied Issues of Natural Science]. Proceedings of the 62nd All-Russian Conference. Vol. 3. Vladivostok. 12 December 2019. Vladivostok: The Makarov Pacific Higher Naval School. pp. 44–46. (In Russian).
4. Komlev, N.G. (2006) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo.
5. Kuznetsov, S.A. (2004) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: [BTS: A–Ya]* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: [BTS: A–Ya]]. Saint Petersburg: Norint.
6. Webster's II Dictionaries. (2005) *Webster's II New College Dictionary*. Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt. P. 1518.
7. Wordnik online English dictionary. (n.d.) *Sognitive – definition*. [Online] Available from: <https://www.wordnik.com/words/cognitive>.
8. MIPT. (n.d.) *O kognitivnykh tekhnologiyakh* [About cognitive technologies]. [Online] Available from: https://mipt.ru/education/chairs/KognTech/about_technology/.
9. Neisser, U. (1981) *Poznanie i real'nost'*. *Smysl i printsipy kognitivnoy psikhologii* [Cognition and Reality. Principles and Implications of Cognitive Psychology]. Translated from English. Moscow: Progress.
10. Tolman, E.C. (1948) Cognitive maps in rats and men. *Psychological Review*. 55. P. 192.
11. Polyakov, S.E. (2017) *Kontsepty i drugie konstruksii soznaniya* [Concepts and Other Constructions of Consciousness]. Saint Petersburg: Piter.
12. Bruner, J. (1977) *Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing]. Translated from English. Moscow: Progress.
13. Reber, A. (2003) *Oksfordskiy tolkovyy slovar' po psikhologii* [Oxford Explanatory Dictionary of Psychology]. Translated from English by E.Yu. Chebotarev. Vol. 1. Moscow: Veche AST.
14. Falikman, M.V. & Spiridonova, V.F. (2011) *Kognitivnaya psikhologiya: istoriya i sovremennost'* [Cognitive Psychology: History and modernity]. Moscow: Lomonosov.
15. Martin, E. (ed.) (2015) *Concise Medical Dictionary*. 9th ed. Oxford University Press.
16. Gardner, H. (1987) *The Mind's New Science: A history of the cognitive revolution. With a new epilogue by the author: cognitive science after 1984*. New York: BasicBooks.
17. Ivin, A.A. (2004) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki.
18. Kasavin, I.T. (2009) *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: "Kanon+", ROOI "Reabilitatsiya".
19. Atkinson, R.Ch. (1980) *Chelovecheskaya pamyat' i protsess obucheniya* [Human Memory and the Learning Process]. Moscow: Progress.
20. Kholodnaya, M.A. (2002) *Kognitivnye stili: o prirode individual'nogo uma* [Cognitive Styles: On the nature of the individual mind]. Moscow: PER SE.
21. Leont'ev, A.A., Leont'ev, D.A. & Sokolova, E.E. (2005) *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, Consciousness, Personality]. Moscow: Politizdat.
22. Rubinshteyn, S.L. (2006) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint Petersburg: Piter.
23. Gal'perin, P.Ya. (2002) *Lektsii po psikhologii* [Lectures on Psychology]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet".
24. Talyzina, N.F. (1998) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
25. Vygotskiy, L.S. (1991) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow: Pedagogika.
26. Lomov, B.F. (1966) *Chelovek i tekhnika. Ocherki inzhenernoy psikhologii* [Man and Technology. Essays of engineering psychology]. Moscow: Sov. radio.
27. Akademik [Academic]. (n.d.) *Finansovyy slovar' Finam. Kognitivnye tekhnologii* [Finam Financial Dictionary. Cognitive technologies]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/.
28. Malinetskiy, G.G. (2010) The cognitive challenge and computer modeling. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha – Keldysh Institute Preprints*. 46. pp. 5. (In Russian).
29. Kudashov, V.I. (2012) Social technologies in the knowledge society: cognitive aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4-1 (20). pp. 58–64. (In Russian).
30. Federal'nyy reestr nauchno-tekhnicheskoy sfery Minobrnauki Rossii [Federal Register of the Scientific and Technical Sphere of the Ministry of Education and Science of Russia] (2015) *Analiticheskiy obzor "Professional'naya podgotovka i nepreryvnoe obrazovanie v kontekste razvitiya nauki i tekhnologii"* [Vocational training and continuing education in the context of the development of science and technology. Analytical review]. Moscow: [s.n.].
31. Nesterova, M. (2017) Educational cognitive technologies as human adaptation strategies. *Future Human Image*. 7. pp. 102–112.
32. Mashin'yan, A.A. & Kochergina, N.V. (2015) Cognitive technology of knowledge formation about natural science theories. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 3 (15). pp. 72–81. (In Russian).
33. Bershadskiy, M.E. (2011) *Kognitivnaya tekhnologiya obucheniya: teoriya i praktika primeneniya* [Cognitive Learning Technology: Theory and practice of application]. Moscow: Sentyabr'.
34. Gnitetskaya, T.N. (2016) The entropy estimation of the physics' course content on the basis of intradisciplinary connections' information model. *Journal of Physics: Conference Series*. 738 (1). Art. No. 012079. DOI: 10.1088/1742-6596/738/1/012079
35. Gnitetskaya, T.N. (2015) Graph Model of Intradisciplinary Connections in Example of General Physics Course. *Journal of Physics: Conference Series*. 633. DOI: 10.1088/1742-6596/633/1/012091
36. Gnitetskaya, T.N. & Ankudinov, I.I. (2019) [Organization of independent activity of first-year students in physics using project]. Proceedings of the Regional Natural Science Conference for Students and Young Scientists. Vladivostok. 15–30 April 2019. Vladivostok: Far Eastern Federal University. pp. 294–296. (In Russian).

Информация об авторах:

Гнитецкая Т.Н. – д-р пед. наук, профессор кафедры общей и экспериментальной физики Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия). E-mail: gnitetskaya.tn@dvfu.ru

Анкудинов И.И. – аспирант кафедры общей и экспериментальной физики Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия). E-mail: gyback95@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.N. Gnitetskaya, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: gnitetskaya.tn@dvfu.ru

I.I. Ankudinov, postgraduate student, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: ryback95@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2021;
одобрена после рецензирования 11.12.2021; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 30.01.2021;
approved after reviewing 11.12.2021; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 796.011.3
doi: 10.17223/15617793/477/21

Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов

Елена Александровна Поздеева^{1, 3}, Александр Николаевич Мелентьев^{1, 4},
Ольга Николаевна Руссу^{1, 5}, Юлия Валентиновна Коричко^{2, 6}, Светлана Александровна Давыдова^{2, 7}

¹Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия

²Нижегородский государственный университет, Нижегородск, Россия

³lena.pozdeewa@mail.ru

⁴anmagesa@rgau-msha.ru

⁵russu@rgau-msha.ru

⁶korichko_nv@mail.ru

⁷ffkis@nvsu.ru

Аннотация. Представлен анализ нового явления в России – биохакинга. Определено понятие «биохакинг», обозначены его интерпретации в исследованиях. Детально проанализированы составляющие здорового образа жизни и биохакинга. Выделены отличительные особенности биохакинга в сравнении со здоровым образом жизни. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о недостаточном научном обосновании этого направления.

Ключевые слова: биохакинг, здоровый образ жизни, мониторинг здоровья, биомаркеры, принципы здоровьесбережения

Для цитирования: Поздеева Е.А., Мелентьев А.Н., Руссу О.Н., Коричко Ю.В., Давыдова С.А. Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 191–200. doi: 10.17223/15617793/477/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/21

Healthy lifestyle and biohacking: Analysis of concepts, components and basic principles

Elena A. Pozdeeva^{1, 3}, Aleksandr N. Melentyev^{1, 4}, Olga N. Russu^{1, 5},
Yulia V. Korichko^{2, 6}, Svetlana A. Davydova^{2, 7}

¹ Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

² Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

³ lena.pozdeewa@mail.ru

⁴ anmagesa@rgau-msha.ru

⁵ russu@rgau-msha.ru

⁶ korichko_nv@mail.ru

⁷ ffkis@nvsu.ru

Abstract. The analysis of a new direction in Russia – biohacking – is presented. The media present biohacking as a comprehensive scientifically based approach aimed at improving body functions and slowing down aging. However, we have not found scientific evidence for this direction as a system. The founders of biohacking in Russia (S. Fage, D. Varnavets, A. Vasiliev) characterize it as a personalized wellness program that includes proper nutrition, identification of genetic risks and predisposition to diseases, moderate physical activity, restoration of hormonal balance, healthy sleep, improvement of brain activity, release from stress. What is the essence of this direction and how does it differ from the category “healthy lifestyle”? At first glance, biohacking is based on the principles and methods of the well-known “healthy lifestyle” system, but it remains unclear whether it corresponds to the principles of health protection? The aim of this study is to conduct a comparative analysis of the concepts that make up healthy lifestyle and biohacking. The research methods are: analysis and generalization of scientific and methodological literature, special literature and interviews; content analysis; mathematical methods. The concept “biohacking” and its interpretations are defined. The data obtained from the analysis of scientific articles call into question the statement about the scientific approach of biohacking. A comparative analysis of the categories of healthy lifestyle and biohacking showed that these phenomena are similar, and the concept of healthy lifestyle is fundamental for the latter. But the analysis of the components showed that some means are different. Thus, biohacking focuses on daily independent

measurements and tracking a large number of biomarkers. Biohackers recommend using drugs (dietary supplements and medicines in unlimited quantities), which are questioned by our scientists due to the lack of medical clinical studies. The authors come to the conclusion that "biohacking" is an innovative direction in the field of physical culture and preventive medicine, the purpose of which is to prolong life.

Keywords: biohacking, healthy lifestyle, health monitoring, principles of health protection

For citation: Pozdeeva, E.A., Melentyev, A.N., Russu, O.N., Korichko, Yu.V. & Davydova, S.A. (2022) Healthy lifestyle and biohacking: Analysis of concepts, components and basic principles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 191–200. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/21

Введение

В настоящее время среди молодежи растет интерес к здоровому образу жизни (ЗОЖ), особенно к таким его компонентам, как правильное питание, тайм-менеджмент, физическая культура и закаливание организма. Культура потребления и ЗОЖ – два современных тренда, взаимообусловленных и неразрывно связанных с уровнем качества жизни индивида и общества в целом [1]. Видимо, в связи с этим в современном мире появилось новое направление – биохакинг, целями которого являются расширение возможностей человеческого организма, продление молодости и укрепление здоровья. Биохакинг представлен как комплексная персонифицированная программа, включающая правильное питание, выявление генетических рисков и предрасположенность к заболеваниям, умеренную физическую активность, восстановление гормонального баланса, здоровый сон, улучшение мозговой деятельности, избавление от стресса [1, 2]. Однако большинство из перечисленных составляющих биохакинга давно рассматриваются учеными и входят в категорию ЗОЖ.

Проблема ЗОЖ изучается с позиций философско-социологических [1, 3 и др.], медико-гигиенических [4, 5 и др.], психолого-педагогических исследований [6, 7 и др.]. Ученые разрабатывают направления формирования и поддержания ЗОЖ для разных возрастных категорий. Ведется поиск новых подходов к организации учебно-воспитательного процесса в школе, в вузе; проводится внедрение здоровьесберегающих и здоровьесформирующих технологий. Важно подчеркнуть, что и сегодня категория «здоровье» рассматривается не только как медицинская, но и как социально-педагогическая проблема. А изучение понятий «здоровье», «ЗОЖ» и их характеристик входит в компетенцию различных естественно-научных, общественных и гуманитарных дисциплин [8–10 и др.]. Таким образом, в науке является общепризнанным, что проблема формирования ЗОЖ носит выраженный междисциплинарный научный характер. Что касается биохакинга, то на данный момент нет сформированного отношения ученых к данному явлению.

С развитием и продвижением биохакинга в социум возникает ряд вопросов у специалистов разного профиля. В российском научном сообществе этот термин не имеет единого толкования и характеристик. Первая группа исследователей представляют биохакинг как технологию, позволяющую совершенствовать возможности организма [11], вторая группа – как метод оценки и контроля состояния организма через приме-

нение мобильных приложений [12, 13]. Третья группа рассматривает его с точки зрения обоснованности и отношения к научному знанию. Так, некоторые ученые [14, 15] характеризуют биохакинг как «молодое околонаучное направление, преследующее цель при помощи новейших научных разработок продлить жизнь и период её активной стадии» и соотносят его с «исследованиями вне университетских лабораторий» (так называемая гаражная наука, подчеркивает Щеглова М.И. [15. С. 205]). Другие исследователи [16, 17] отмечают, что «биохакинг» это интересное «пограничное» явление между наукой и «ненаукой». Это направление как часть новой парадигмы развития науки предполагает большую степень вовлеченности «любителей» и «публики» [3. С. 7]. На этот счет у представителей-практиков, которые используют методы и средства биохакинга и продвигают его в массы, совершенно иное мнение.

Так, основатели биохакинга в России (Сергей Фаге, Артем Васильев и др.) утверждают, что это направление базируется на результатах научных исследований [2]. Однако эти исследования носят фрагментарный характер. В научно-методической литературе затрагиваются этический, социологический, философский аспекты биохакинга, а с позиций педагогических исследований – в теории и методике физической культуры и спорта – биохакинг раскрыт недостаточно. Научных работ, где биохакинг изучается как медицинское клинически обоснованное направление или как оздоровительная технология, которая имеет экспериментально подтвержденную эффективность, нами не найдено. Поэтому тема является актуальной и требует изучения.

Цель исследования: проведение сравнительного анализа понятий, составляющих здорового образа жизни и биохакинга.

Организация исследования. Теоретическую базу исследования составили тексты научных статей в журналах, материалах конференций, интервью и статьи в средствах массовой информации, анализ деятельности компаний, продвигающих услуги биохакинга. Контент-анализ использовался для изучения освещенности в научно-методической литературе категорий «биохакинг» и «ЗОЖ». Был выполнен анализ издания О. Совиярви «Биохакинг: руководство по раскрытию потенциала организма» (2020). Сравнительная характеристика двух направлений позволила выделить отличительные особенности и принципы биохакинга. В качестве методов исследования использовались анализ и обобщение научно-методической литературы, интервью и статей в СМИ, контент-анализ, математические методы.

Понятия «биохакинг», «биохакер»

Для выявления сущности биохакинга сначала обратимся к его определению. Однозначного, общепринятого определения «биохакинг» в научной литературе нами не найдено, так как это достаточно новое направление. Каждый автор трактует его по-своему, поэтому обратимся к дословному переводу с английского языка. «Biohacking» («bio» – относящееся к биологии, жизнь; «hacking» – взлом) означает взлом биологических систем, т.е. взломать живое. Сам термин «биохакинг» имеет отношение к хакерской культуре, которая возникла в 1960-е гг. в США.

Как отмечается в толковом словаре, «хакер» (с англ. hacker, от to hack – рубить, кромсать) – это компьютерный взломщик; человек, который исправляет ошибки в программном обеспечении каким-либо быстрым и нетрадиционным способом [18]. При этом К.А. Петров [16. С. 341] подчеркивает, что у обычных хакеров биохаkers заимствуют радикальное требование открытого, свободного доступа к научным данным и информации в области биологии. В исследовании Е.В. Середкиной указывается, что биохакерами называли генов инженеров, которые занимались наукой вне лабораторий и ставили собственные эксперименты, сегодня «биохакер» – независимый ученый-любитель в сфере молекулярной биологии [19. С. 265].

Термин «биохакинг» впервые был употреблен еще в 1988 г. в США [18], поэтому стоит обратиться к иностранным источникам. В зарубежной научной литературе [20–22] точного определения термина не встречается, а в качестве синонима употребляется понятие «Do-It-Yourself», что означает «сделай это сам». По мнению С. Джордано, движение «Do-It-Yourself» (DIY) связано с распространением идей синтетической биологии. Как отмечает автор, новая грань синтетической биологии претендует на новый вид науки, основанной на использовании доступных лекарств и научной практики DIY. «На основе геномных технологий рекомбинантной ДНК синтетическая биология использует инженерные принципы и компьютерные технологии, чтобы вдохновить на исследование молодое поколение ученых – как внутри, так и за пределами университетов» – уточняет С. Джордано [20. С. 403].

В книге А. Дельфанти «Биохаkers. Политика открытой науки» биохаkers трактуются как «ученые» (life scientists), чьи практики демонстрируют смешение областей и обновляют традиционное научное знание в биологии [21. С. 26–29]. Эти «ученые» добавляют элементы «хакинга» и программного обеспечения с открытым доступом. Он подчеркивает, что не использует термин «хакер», поскольку ученые-любители, которые обращаются к инструментам и методам открытой науки, не считают себя хакерами. В этой связи А. Дельфанти отправляет читателей к кейсам «DIY Biology», которые имеют «явные связи» с хакингом. Автор также подчеркивает различие между «хакингом биологии» и «хакингом ДНК», где отмечает, что первый касается изменения техно-

научных институций, а не генов и клеток. Биохакинг выходит за пределы лабораторий, свидетельствуя об открытии биологии для участия общественности, а также для новых форм массового предпринимательства [21. С. 55–68]. Таким образом, за рубежом биохакер – это ученый, который исследует, экспериментирует в области биологии и делает открытыми для ознакомления свои результаты.

Одним из основателей и инициатором движения биохаkers за рубежом является физик Роберт Карлсон. Он внес большой вклад в распространение биохакинга по всему миру. Организовал первую домашнюю лабораторию в целях популяризации науки, где рекомендовал применять «биолайфхаки» в повседневной жизни (например, исследовать геном на предмет изменений; произвести оценку состава продуктов и т.д.) [22].

В зарубежных исследованиях рассматриваются риски использования технологий биохакинга, их влияние на различные стороны здоровья человека. Так, А. Феррари с соавторами изучают внедрение методов биохакинга с позиций информатизации общества и человека. В этих трудах подчеркивается мысль, что существует неоднозначное мнение по применению технологий биохакинга в медицине и генетике [22–24]. Стоит отметить, что в России изучение биохакинга ведется в других аспектах.

Освещённость «биохакинга» в отечественной научной литературе

Для изучения состояния вопроса об освещённости этого направления в сравнении с ЗОЖ в отечественной научно-методической литературе был проведен контент-анализ. Поисковой запрос в научной электронной библиотечной системе «elibrary.ru» только за период 2019–2021 гг. выдает 4 762 публикации с ключевым словом «ЗОЖ». Контент-анализ публикаций в России за 2021 г. выявил, что в 742 работах объектом исследования либо ключевым понятием является «ЗОЖ». Результаты исследований отражены как в материалах конференций, в научных статьях журналов, так и в диссертациях и монографиях.

За последние три года категория «ЗОЖ» изучается с позиций философско-социологического [1, 3, 25, 26], медико-гигиенического [4, 5, 27], психолого-педагогического подходов [6, 7, 9, 28, 29]. Поднимаются аспекты, где ЗОЖ рассматривается на уровне культуры личности и культуры потребления. В некоторых исследованиях представляется оценка состояния российского и зарубежного опыта мониторинга здоровья, образа жизни и двигательной активности разных групп населения. Появился термин «менеджмент здоровья». Отмечается, что современные подходы к управлению здоровьем основаны в большей степени на социально-гуманитарных, чем на медицинских принципах, где предполагается активное вовлечение человека в осознанный процесс контроля за своим здоровьем. Проблема ЗОЖ исследуется и с позиций комплексного подхода, включая все его элементы, и акцентированно, останавливаясь лишь на одном

компоненте (например, физическая культура как фактор здоровья и формирования ЗОЖ). Научные деятели изучают и разрабатывают направления формирования и поддержания ЗОЖ в разных условиях и регионах проживания. Это подчеркивает высокий запрос потребителей и постоянный интерес ученых. В сравнении с ЗОЖ биохакинг как система изучена крайне мало.

Первые исследования по направлению биохакинг в России были опубликованы в 2017 г. Сегодня запрос с этим ключевым словом в научной электронной библиотечной системе «Elibrary.ru» за период 2017–2021 гг. выдает 48 публикаций. Контент-анализ научных работ электронного ресурса показал, что в основном проводятся обзорно-аналитические исследования. Вопросы, которые освещаются в научных статьях, касаются этических аспектов применения методов биохакинга [20, 30, 31]. В исследованиях современных философов анализируется правомерность причисления деятельности биохакеров к научно-исследовательской [16, 17, 26]. В некоторых работах медицинского характера описаны возможности использования разнообразных технологий и мобильных устройств с целью мониторинга различных аспектов здоровья человека, и это представлено как метод биохакинга [12, 13, 32]. Монографий и диссертаций в этом направлении пока нет.

В настоящее время основная идея этого направления – открытый подход к науке и провокация независимых биологических исследований [16, 17]. Биохакаеры хотят сделать биотехнологии доступными для всех, внести вклад в развитие науки. Эта позиция российских ученых совпадает с мнением коллег за рубежом. В нашей работе под термином «биохакер» мы будем понимать исследователя, который интересуется этим направлением и применяет методы и средства с целью расширения возможностей своего организма и укрепление здоровья. К таким исследователям можно отнести С. Фаге, А. Васильева, Д. Варнавец и др. Далее были проанализированы их интервью в средствах массовой информации.

Основатель биохакинга в России Сергей Фаге отмечал, что суть его заключается в «изменении качества жизни с помощью глубокого анализа и измерений состояния организма, привычек, генетической предрасположенности к заболеваниям». По его мнению, комплексный подход к поддержанию здоровья включает шесть разделов: гигиена сна, оптимальное питание, оптимальные физические нагрузки, ментальное здоровье, медицинские тесты, биологические активные добавки (БАД) и лекарства. Фаге полагает, что с помощью биохакинга можно совершенствовать способности здоровых людей до «сверхчеловеческих»; что возможно «переписать программы», которые индивида не устраивают» [2]. Он часто ссылается на врачей, но фактически предлагает собственное видение системы биохакинга. Руководствуется собственной методологией при выборе тактики: сам проверяет научность и логичность, мнения независимых экспертов (врачей). Его интересует, стоят ли результаты затрат, а также может ли он отслеживать свои субъективные или объективные характеристики, свя-

занные с этой тактикой [17. С. 62–63]. С этих позиций С. Фаге является потребителем технологий биохакинга, он изучает и применяет средства и методы этого направления, основываясь на результатах зарубежных исследований. Однако те исследования, на которые он ссылается в своих интервью, являются узконаправленными, а не комплексными. Также использует методы, которые не имеют в медицине научно-подтвержденных доказательств положительного влияния на организм. Например, ежедневный прием большого количества лекарственных препаратов и добавок для активизации мозговой деятельности, быстрого восстановления и хорошего самочувствия. С. Фаге предлагает постепенную замену продуктов питания на синтетические препараты и пищевые добавки. Но эксперты сходятся во мнении, что предпочтительнее получать питательные вещества, витамины и минералы из продуктов питания, а не из специальных препаратов [4 и др].

Дале стоит отметить, что термин «биохакинг» используется и интерпретируется по-разному, об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе анализа научных статей и интервью в средствах массовой информации.

Первая интерпретация – основная. Биохакинг как оздоровительная технология, направленная на сохранение здоровья, улучшение самочувствия и замедление старения [2, 33]. Этой позиции придерживаются основатели биохакинга в России (С. Фаге, А. Васильев, Д. Варнавец). Полная характеристика данной технологии будет представлена ниже.

Вторая интерпретация. Биохакинг рассматривают как подход к управлению здоровьем посредством применения специализированных продуктов. Эти продукты в форме БАД для женского здоровья способствуют повышению иммунитета, улучшению нейropsychического здоровья, снижению уровня триглицеридов и «вредного» холестерина [32. С. 16–22]. Как считают исследователи, эти БАД могут служить действенным фактором сохранения здоровья и основой эффективного комплексного лечения распространенных заболеваний.

Третья интерпретация. Радикальное видение биохакинга предложил Михаил Батин, связав его с изменением генома, который может попытаться взломать биохакер [34. С. 344]. Вопрос о редактировании генома человека очень остро воспринимают в социуме по этическим, морально-нравственным и правовым аспектам. Так, проведя анонимный опрос (n = 1 012 человек), Евстифеева Е.В. с соавторами [30] выявила отношение людей к манипуляциям с генами человека. Основное мнение респондентов заключается в том, что изменение генома должно проводиться только в случае крайней необходимости и под контролем государства. Большинство опрошенных не допускают вмешательство в геном эмбриона в целях коррекции интеллектуальных и физических свойств организма ребенка. А идею создания людей со сверхспособностями поддержало лишь 13,0% населения.

Четвертая интерпретация. Некоторые идеи биохакинга сегодня связывают с идеями киборгиза-

ции. М.И. Щеглова [15. С. 206] пишет, что технология синтеза неорганической материи с биологической системой является исследуемой и вынужденной темой в биохакинге. Киборгизация в настоящее время связана с вживлением в организм имплантов, чипов и других устройств, появлением «биотехнического» человека и бионических существ, трансгенов (генетически модифицированных людей), а также с созданием роботов, подключенных к искусственному интеллекту. Все это, как подчеркивает автор, ведет к изменению технической реальности, в которую человечество включается ускоренными темпами и в рамках которой современные люди вынуждены существовать. Несмотря на то что этот процесс влечет за собой много спорных этических, политических, философских вопросов, развивается он очень быстрыми темпами [35, 36].

Пятая интерпретация. Биохакинг рассматривается как направление по созданию мобильных устройств и приложений. С помощью этих устройств можно сравнивать в динамике уже имеющиеся проблемы со здоровьем и создавать напоминание о лечении. Все программы и приложения mHealth (мобильной медицины) привязаны к телефону пользователя, что в свою очередь означает постоянную доступность и легкость в применении при подключении к сети Интернет. Специалисты в сфере информационных технологий совместно с врачами разных профилей активно занимаются разработкой такого вектора [12, 13].

Таким образом, биохакинг сегодня рассматривают с разных позиций в зависимости от области исследования. Под биохакингом в широком смысле понимают *направление, которое включает в себя технологии и средства повышения уровня здоровья и совершенствования способностей человека*. С одной стороны, это и измерение показателей состояния здоровья и физической работоспособности, и соблюдение правил здорового питания, гигиены сна, режима дня и физической активности, принятия БАД. С другой стороны, это редактирование генома человека, вживление чипов и целых устройств в организм. На сегодняшний день нет четкого понимания – что такое «биохакинг», нет границ использования данного термина. Пять представленных интерпретаций можно использовать как векторы изучения биохакинга.

В более узком смысле понятие «биохакинг» стоит рассматривать как *технология, целью которой является продление жизни при помощи разработок в области биотехнологий, физиологии человека, теории и методики физической культуры и принципов правильного питания*. Этот подход на сегодняшний день имеет реализацию на практике. В Москве открыты фитнес-центры и лаборатории, где применяют технологии этого «нового тренда».

Анализ деятельности таких компаний позволил сделать заключение, что данное направление представлено как специфические фитнес-услуги либо услуги превентивной медицины. Здесь предлагают диагностику состояния здоровья и физической работоспособности. Она может включать антропометри-

ческое тестирование, оценку осанки, нагрузочные тесты (определение аэробного и анаэробного порога, расчет максимального потребления кислорода и других показателей) и определенный набор анализов. На основе полученных результатов проводятся консультации и разрабатываются рекомендации по физическим нагрузкам, питанию, восстановлению. В связи с коммерциализацией этого направления в средствах массовой информации и в сети Интернет появилось очень много рекламных и коммерческих статей, где биохакинг представлен как комплексный, научно обоснованный подход, направленный на улучшение функций организма и замедление старения [2, 33 и др]. Однако медицинских исследований очень мало, они носят узконаправленный характер. Опираясь на представленные данные, мы сделали вывод, что биохакинг сегодня имеет недостаточное научное обоснование. По нашему мнению, *главное, на чем необходимо сделать акцент, рассматривая биохакинг как «оздоровительную технологию», это вопрос: соответствует ли он здоровьесберегающим принципам*, принципам, на которые опирается система ЗОЖ.

Сравнительная характеристика биохакинга и ЗОЖ

В нашей работе будет подробно проанализировано представление о биохакинге с позиций «оздоровительной технологии», составляющими которой являются гигиена сна, оптимальное питание, оптимальные физические нагрузки, ментальное здоровье, мониторинг здоровья, применение биологически активных добавок и лекарств. Это те составляющие, которые отмечают его основатели в России.

Сначала необходимо обозначить, что мы понимаем под термином «ЗОЖ». Мы придерживаемся точки зрения ученого Виленского М.Я. [8. С. 9], где ЗОЖ представлен как некая эталонная модель, система общих условий, совокупность повседневного образа жизни и мероприятий, поддерживающих и укрепляющих здоровье человека. Приведем тезисы М.Я. Виленского. «ЗОЖ предполагает соблюдение определенных правил, обеспечивающих гармоничное развитие, высокую работоспособность, душевное равновесие и здоровье человека. В основе ЗОЖ лежит индивидуальная система поведения и привычек каждого отдельного человека, которая обеспечивает необходимый уровень жизнедеятельности и здоровое долголетие» [8. С. 10].

Сравнивая цели ЗОЖ и биохакинга, мы пришли к выводу, что они совпадают друг с другом. Далее для выявления различий и сходства представленных систем мы опирались на положения о ЗОЖ, сформулированные в теории и методике физической культуры (М.Я. Виленский, Ю.И. Евсеев и другие), и материалы издания О. Совиярви «Биохакинг: руководство по раскрытию потенциала организма» [37]. Подробный анализ позволил выделить характерные особенности биохакинга в сравнении с ЗОЖ (табл. 1).

Сравнительная характеристика ЗОЖ и биохакинга

Составляющая	Особенности ЗОЖ	Особенности биохакинга
Питание	Принципы питания: равновесие получаемой и расходуемой энергии; соответствие химического состава рациона физиологическим потребностям организма в пищевых веществах. Разнообразие и сбалансированность продуктов питания в белках, жирах, углеводах, витаминах, минеральных веществ и т.д. Учет калорийности и пищевой ценности продуктов. Поддержание водно-солевого режима и т.д.	Функциональные продукты питания
Отсутствие и профилактика вредных привычек	Воздержание от курения, злоупотребления алкогольными напитками, лекарственными средствами, неупотребление наркотиков	Контроль потребления алкоголя
Контроль состояния здоровья (мониторинг организма)	Методы самоконтроля (например, на занятиях физической культурой и спортом: определение ЧСС, индивидуальное дозирование нагрузки, функциональные пробы и др.). Ведение дневника самоконтроля (измерение и фиксация объективных и субъективных показателей самоконтроля). Методы медицинского контроля (диспансеризация и др.)	Постоянный контроль «биомаркеров». Персонализированные системы и мобильные устройства для мониторинга состояния организма. Генетический тест на определение предрасположенности к заболеваниям и их профилактика
Двигательная активность и физическая культура	Принципы физического воспитания и тренировки: всесторонность; сознательность и активность; повторность и систематичность; последовательность, доступность и т.д. Индивидуальный выбор видов двигательной активности и видов спорта в свободное время. Самостоятельно разрабатывается график и содержание оздоровительных занятий	Те же принципы, но используются генетические тесты, которые помогают оптимизировать занятия спортом. Разрабатывается график и содержание оздоровительных занятий инструктором
Сон и восстановление	Гигиена сна. Активный отдых, двигательная рекреация. Соблюдение режима дня, труда и отдыха. Закаливание, массаж, баня, сауна и другие средства	Те же принципы. Бесконтактный прибор для борьбы с бессонницей и улучшения качества сна (например, Ecosleep CUBE) Барокамеры, криокамеры, медитации, прием БАДов и лекарственных препаратов
Психическое и ментальное здоровье	Психофизиологическая регуляция (оптимистический настрой, благоприятный социопсихологический климат семьи, малой группы). Адекватная физическая и умственная нагрузка	Рекомендации к применению различных препаратов (глицин, ноотропы – нейрометаболические стимуляторы). Посещение психолога или специальных тренингов

Основные принципы правильного питания не имеют различий в данных системах. Биохакаеры считают необходимым регулярно измерять биологические признаки состояния организма (биомаркеры) и использовать полученные результаты для оптимизации питания. В рационе питания они предлагают уменьшать количество продуктов промышленного производства, а объем растительной пищи – увеличить [37. С. 232–258].

Следующий компонент сравнения – отказ от вредных привычек, таких как курение, употребление алкоголя и наркотиков. В системе ЗОЖ ведется активное информирование школьников и студентов о негативном влиянии этих привычек. Отмечается, что они значительно разрушают и подрывают здоровье, сокращают продолжительность жизни, негативно влияют на работоспособность и здоровье [8]. Биохакаеры делают акцент на ограничении в приеме алкоголя.

Под мониторингом организма биохакаеры подразумевают измерение и отслеживание биомаркеров [2] и уделяют ему большее внимание, чем остальным компонентам. В основном мониторинг организма связан не только с проведением лабораторных исследований, но и с самостоятельным измерением показателей. Это тесты для оценки физической активности, состояний сна и бодрствования; сбор параметров и анализ состояний после приема пищевых добавок, лекарственных средств и др. [37].

Многочисленные исследования, проведенные в области физической культуры и спорта, показывают, что оптимальный двигательный режим – это основное условие поддержания ЗОЖ [28, 29, 38 и др.]. Анализируя опубликованные материалы и интервью [2, 33, 37], мы сделали вывод, что биохакаеры опираются на результаты научных исследований и, соответственно, положения, которые уже разработаны и используются в ЗОЖ. Отличие лишь в том, что биохакаеры предлагают пройти лабораторные исследования и тестирование, требующее специального оборудования (кстати, применяемое у спортсменов высокого класса). А полученные результаты применяют для составления индивидуальной программы занятий физическими упражнениями. Система ЗОЖ предлагает занимающимся использовать простые функциональные пробы для оценки и анализа своей физической работоспособности и подготовленности, которые не требуют финансовых вложений (например, проба Мартине – Кушелевского, Гарвардский степ-тест и др.).

Требования к гигиене сна одинаковы и в системе ЗОЖ, и в биохакинге. К ним относятся достаточный и полноценный сон, влажность и температура в комнате, освещение и др. Биохакаеры предлагают дополнительно принимать добавки к рациону питания для улучшения качества сна: цитрат магния, глицинат магния, глицерофосфат магния, цитрат калия, триптофан, таурин. Также советуют транскраниальную электростимуляцию и «трекинг сна» [37. С. 432].

Сравнительный анализ составляющих ЗОЖ и биохакинга позволил нам выделить следующие моменты. Во-первых, биохаkers в своей деятельности опираются на концепцию ЗОЖ, ставят цели – сохранение здоровья, улучшение самочувствия и замедление старения. Применяют принципы, методы, схожие с системой ЗОЖ. Во-вторых, рекомендуют применять средства (БАД и лекарственные препараты) в неограниченных количествах, которые ставят под сомнение ученые по причине отсутствия медицинских клинических исследований. В-третьих, уделяют большее внимание ежедневному измерению и отслеживанию биомаркеров. По нашему мнению, такой мониторинг биологических показателей не должен являться самоцелью при формировании здорового стиля жизни индивида.

Несмотря на спорные вопросы и вопросы, требующие новых исследований, можно подчеркнуть положительные аспекты биохакинга. К ним относятся информирование о новых специальных устройствах и возрождение интереса к здоровому стилю жизни.

Через средства массовой информации и интернет-ресурсы люди узнают о возможности использования приборов, устройств, мобильных приложений, контролирующих состояние здоровья и эффективно отслеживающих жизненно важные процессы. С помощью таких устройств и специальных приложений возможно вести и текущий контроль показателей работоспособности и функционального состояния организма до, в течение и после физической нагрузки. Их применение является неоспоримым преимуществом биохакинга.

И второй положительный аспект: это направление способствует возрождению интереса к ЗОЖ, к управлению своим здоровьем, осознанию ценности своего здоровья. Так, проведение самонаблюдений с использованием мобильных устройств и фиксирование в дневнике наблюдений показателей сна, физических нагрузок и самочувствия способствует формированию привычки у индивида следить за своим здоровьем.

По нашему предположению, биохакинг может быть представлен как дополнение к системе ЗОЖ, которое отвечает современным требованиям и подходам к продлению жизни человека. С позиций педагогических и медицинских исследований биохакинг стоит изучать и развивать с точки зрения оздоровительных технологий, соответствующих принципам «не навреди». Уже сегодня возникают определенные риски, связанные с внедрением «новых методов и средств» в жизнь человека, непосредственно в его биологическую сущность. Но активное «продвижение» и массовая коммерциализация диктуют свои правила, где нет контроля за соблюдением принципов здоровьесбережения, где не учитываются этические аспекты. С этих позиций нам импонирует высказывание философа, члена комиссии по биоэтике МГУ им. М.В. Ломоносова Елены Брызгалиной. Она говорит о том, что старение – биологический процесс, и оно неизбежно. Обозначить границу между разумными усилиями по продлению жизни при сохранении ее качества и «взламыванием старости» трудно. Границы наступле-

ния старости пытались отодвигать и ранее, но использовались методы, связанные с физическими тренировками и умственными нагрузками. Таких возможностей, которые появились в современном мире науки и техники в этой области, не было, а сегодня биохаkers все совершенствование хотят свести к биотехнологиям – заключает эксперт [39]. Предполагаемый эффективный путь – это совершенствование системы ЗОЖ при активном использовании результатов научных открытий и достижений в области биотехнологий, но в аспекте мониторинга здоровья и профилактики заболеваний; а также мобильных приложений и устройств, которые способны измерять и давать достоверные сведения. Нужно информировать молодое поколение о новых методиках контроля за своим здоровьем, чтобы потребители осознанно применяли их, а не экспериментировали над своим организмом и самочувствием. Сегодня особенно остро стоит вопрос о научном обосновании новых методов и технологий управления своим здоровьем.

Заключение. Анализ научно-методической литературы и контент-анализ показали, что биохакинг сегодня имеет недостаточное научное обоснование. Проведенные исследования в России по данному направлению имеют обзорно-аналитический характер. Подчеркивается мысль, что биохакинг – это современный тренд XXI в., который будет развиваться. Таким образом, необходимо проводить комплексные исследования как медицинского, так и педагогического характера.

Под «биохакингом» в узком смысле следует понимать инновационное направление в области оздоровительных технологий, целью которого является продление жизни при помощи разработок в сфере биотехнологий, физиологии человека, гигиены питания, теории и методики физической культуры. Однако это направление интерпретируется по-разному. Биохакинг сегодня исследуется в следующих качествах:

- как оздоровительная технология;
- подход к управлению здоровьем посредством применения специализированных продуктов;
- подход к редактированию генома человека;
- технология синтеза неорганической материи с биологической системой;
- направление по созданию мобильных устройств и приложений, с помощью которых изучается динамика состояний и проблем со здоровьем человека.

Сравнительный анализ категорий ЗОЖ и биохакинга показал, что эти явления схожи, концепция ЗОЖ является основополагающей и для последнего. Но анализ составляющих выявил, что применяемые средства отличаются. Так, биохакинг делает акцент на каждодневных самостоятельных измерениях и использовании лабораторных методов для оценки состояния здоровья, физической активности, питания и сна. Биохаkers рекомендуют применять средства (БАД и лекарственные препараты в неограниченных количествах), которые ставят под сомнение наши ученые по причине отсутствия медицинских клинических исследований. С этих позиций необходим комплексный и системный подход, подтвержденный научными исследованиями.

Задача дальнейшей работы – выявление возможности применения некоторых методов биохакинга в процессе индивидуализации образования в сфере физической культуры и спорта.

Список источников

- Басарева Н.И. Культура потребления и здоровый образ жизни // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 292–295. doi: 10.17223/22220836/36/31
- Faguet S. Biohacking // Facebook. 2018. URL: <https://www.facebook.com/sergef/posts> (дата обращения: 17.09.2021)
- Петров К.А. Феномен биохакинга в контексте эссенциалистских и конструктивистских концепций науки // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 4. С. 6–15. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.1
- Воронина В.Т. Основные принципы здорового питания, как одного из составляющих здорового образа жизни // Региональный вестник. 2019. № 21 (36). С. 34–35.
- Замараева К.А. Здоровое питание как одна из ведущих составляющих здорового образа жизни // Здоровый образ жизни и здоровьесберегающее мировоззрение как приоритет национальной политики : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 12 апреля 2019 г. / под ред. В.А. Лазаренко, Т.А. Шульгина, Ю.С. Филиппович. Курск : Курск. гос. мед. ун-т, 2019. С. 34–36.
- Воронов Н.А. Здоровый образ жизни как основная составляющая жизни индивида // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 55-7. С. 20–22. doi: 10.18411/lj-10-2019-126
- Плещев А.М. Главные составляющие здорового образа жизни // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (39). С. 39–43.
- Виленский М.Я. Общее и особенное в педагогических категориях «здоровый образ жизни» и «здоровый стиль жизни» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 11. С. 8–18.
- Захарова А.Н., Карвунис Ю.А., Капилевич Л.В. Мониторинг и менеджмент здоровья, образа жизни и физической активности студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 203–215. doi: 10.17223/15617793/464/23
- Некрасова Т.А. Здоровый образ жизни в контексте современного социологического знания // Сервис plus. 2010. № 4. С. 20–27.
- Крылова Н.П., Левашов Е.Н., Яшалова Н.Н. Гендерные особенности использования технологий биохакинга // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21, № 3. С. 73–83. doi: 10.14529/hsm210309
- Лусипкая А.В., Шелемех К.Е., Дударева В.А., Дядикова И.Г. Биохакинг – здоровье в один клик // Современные аспекты формирования ЗОЖ у молодого поколения : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. студ. и мол. ученых, Ростов-на-Дону, 15 мая 2020 г. Ростов на/Д : Рост. гос. мед. ун-т, 2020. С. 31–33.
- Кузнецова Ю.М. Общие принципы коммуникативной деятельности когнитивного ассистента – виртуального тренера здоровья // Человек: образ и сущность. 2021. № 2 (46). С. 145–168. doi: 10.31249/chel/2021.02.09
- Lewis D. Should a Materialist Believe in Qualia? // Australasian Journal of Philosophy. 1995. Vol. 73. P. 140–144.
- Щеглова М.И. Квалитативность сознания как одно из проблемных полей биохакинга // Kant. 2018. № 4 (29). С. 205–209.
- Петров К.А. Биохакинг: do-it-yourself или serious science? // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: труды II Всерос. науч. конф., Нижний Новгород, 29 нояб. – 1 дек. 2019 г. Н. Новгород : Красная ласточка, 2019. С. 340–342.
- Соколова Е.К., Шевченко С.Ю. Типология знания в биохакинге // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 62–79. doi: 10.31857/S086954150008758-3
- Толкование слова «биохакер» // Энциклопедия на Академике. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 01.09.2021).
- Середкина Е.В. Синтетическая биология и биохакинг как новый вызов для технонауки и социальной оценки техники // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 10. С. 264–281.
- Giordano S. New Democratic Science, Ethics, and Proper Publics // Science, Technology & Human Values. 2018. Vol. 43 (3). P. 401–430.
- Delfanti A. Biohackers: The Politics of Open Science. London : Pluto Press, 2013. P. 25–68.
- Landrain T., Meyer M., Martin Perez A., Sussan R. Do-it-yourself biology: challenges and promises for an open science and technology movement // Systems and Synthetic Biology. 2013. Vol. 7, № 3. P. 115–126. doi: 10.1007/s11693-013-9116-4
- Ferrari A., Coenen C., Grunwald A. Visions and ethics in current discourse on human enhancement // NanoEthics. 2012. Vol. 6, Is. 3. P. 215–229. doi: 10.1007/11569-012-0155-1
- Bennett G., Gilman N., Stavrianakis A., Rabinow P. From synthetic biology to biohacking: Are we prepared? // Nature Biotechnology. 2009. Vol. 27, Is. 12. P. 1109–1111. doi: 10.1038/nbt1209-1109
- Федоров В.В. К вопросу о взаимодействии категорий «здоровье», «здоровый образ жизни», «культура здорового образа жизни» // Современный ученый. 2019. № 3. С. 174–180.
- Фролова Т.И., Стрига Е.А. Готовность российских журналистов к продвижению ценностей здорового образа жизни // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 3. С. 29–55. doi: 10.30547/vestnik.journ.3.2020.2955
- Коновалов О.Е., Алленов А.М., Горенков Р.В., Пак В.И., Арсеенкова О.Ю. Приоритетные направления формирования и поддержания здорового образа жизни в условиях мегаполиса // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 421–425. doi: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-421-425
- Шахридинова Л.Н. Физическая активность главный составляющий элемент здорового образа жизни // Актуальные проблемы физической культуры и спорта : материалы VI междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 17 ноября 2016 г. / под ред. Г.Л. Драндрова, А.И. Пьянзина. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2016. С. 110–113.
- Новоселова Е.Н. Физическая культура и спорт как факторы здоровья и формирования здорового образа жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 1. С. 112–130. doi: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-112-131
- Евстифеева Е.В., Дородонова Н.В., Лапунин М.М. Социальный запрос общества на использование технологий редактирования генома человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5 (136). С. 202–212. doi: 10.24411/2227-7315-2020-10143
- Поздеева Е.А., Ивко И.А. Анализ представлений о ЗОЖ и биохакинге у студентов нефизкультурных вузов // Глобальный научный потенциал. 2021. № 10 (127). С. 75–79.
- Вековцев А.А., Сербя Е.М., Бямбаа Б., Позняковский В.М. Микробиом и биохакинг: парадигма управления здоровьем // Индустрия питания. 2021. Т. 6, № 2. С. 16–22. doi: 10.29141/2500-1922-2021-6-2-2
- Варнавец Д. Всё о высоких технологиях для здоровой жизни // Доктор.ру – портал о здоровье. URL: <https://doctor.ru/view/60275/> (дата обращения: 20.09.2021).
- Соколова Е.К. Повестка биохакинга в Рунете // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: труды II Всерос. науч. конф., Н. Новгород, 29 ноября – 01 декабря 2019 г. Н. Новгород : Красная ласточка, 2019. С. 343–345.
- Малькова Т.П. Киборгизация: философские аспекты исследования симбиоза человека и техники // Гуманитарный вестник. 2017. № 4 (54). 4 с. doi: 10.18698/2306-8477-2017-4-426
- Емелин В.А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 1. С. 103–115.

37. Совиярви О., Теэму А., Халметоя Я. Биохакинг. Руководство по раскрытию потенциала организма. М. : Альпина Паблишер, 2020. 552 с.
38. Поздеева Е.А., Алаева Л.С. Методика применения здоровьесберегающих технологий фитнес-йоги // Глобальный научный потенциал. 2017. № 5 (74). С. 8–10.
39. Брызгалина Е.В. Биохакинг торгует своим телом: погоня за молодостью лишает человека права на полноценную старость (беседовала Е. Бабичева) // Коммерсантъ. 13.08.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4117700> (дата обращения: 01.08.2021).

References

1. Basareva, N.I. (2019) Consumer culture and healthy living. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 36. pp. 292–295. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/36/31
2. Faguet, S. (2018) Biohacking. *Facebook*. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/sergef/posts> (Accessed: 17.09.2021)
3. Petrov, K.A. (2019) Biohacking phenomenon in the context of essentialist and constructivist conceptions of science. *Logos et Praxis*. 4 (18). pp. 6–15. (In Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.1
4. Voronina, V.T. (2019) Osnovnye printsipy zdorovogo pitaniya, kak odnogo iz sostavlyayushchikh zdorovogo obraza zhizni [Basic principles of healthy nutrition as one of the components of a healthy lifestyle]. *Regional'nyy vestnik*. 21 (36). pp. 34–35.
5. Zamaraeva, K.A. & Nasonova, I.G. (2019) [Healthy nutrition as one of the leading components of a healthy lifestyle]. *Zdorovyy obraz zhizni i zdorov'esberegayushchee mirovozzrenie kak prioritet natsional'noy politiki* [Healthy Lifestyle and Health-Saving Worldview as a Priority of National Policy]. Proceedings of the International Conference. Kursk. 12 April 2019. Kursk: Kursk State Medical University. pp. 34–36. (In Russian).
6. Voronov, N.A. (2019) Zdorovyy obraz zhizni kak osnovnaya sostavlyayushchaya zhizni individa [Healthy lifestyle as the main component of an individual's life]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 55-7. pp. 20–22. DOI: 10.18411/lj-10-2019-126
7. Pleshchev, A.M. (2018) The main components of a healthy lifestyle. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*. 3 (39). pp. 39–43. (In Russian).
8. Vilenskiy, M.Ya. (2006) General and especial in pedagogical categories “the healthy way of life” and “healthy style of a life”. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta – IKBFU's Vestnik*. 11. pp. 8–18. (In Russian).
9. Zakharova, A.N., Karvunis, Yu.A. & Kapilevich, L.V. (2021) Monitoring and management of students' health, lifestyle and physical activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State Journal*. 464. pp. 203–215. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/464/23
10. Nekrasova, T.A. (2010) Zdorovyy obraz zhizni v kontekste sovremennogo sotsiologicheskogo znaniya [Healthy lifestyle in the context of modern sociological knowledge]. *Servis plus – Service Plus*. 4. pp. 20–27.
11. Krylova, N.P., Levashov, E.N. & Yashalova, N.N. (2021) Gender features of biohacking technologies. *Chelovek. Sport. Meditsina – Human. Sport. Medicine*. 3 (21). pp. 73–83. (In Russian). DOI: 10.14529/hsm210309
12. Luspikayan, A.V. et al. (2020) [Biohacking: health in one click]. *Sovremennyye aspekty formirovaniya ZOZh u molodogo pokoleniya* [Modern Aspects of the Formation of Healthy Lifestyle in the Younger Generation]. Proceedings of the 2nd All-Russian Conference. Rostov-on-Don. 15 May 2020. Rostov-on-Don: Rostov State Medical University. pp. 31–33. (In Russian).
13. Kuznetsova, Yu.M. (2021) Principles of communicative activity of a cognitive assistant – virtual health coach. *Chelovek: obraz i sushchnost' – Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2 (46). pp. 145–168. (In Russian). DOI: 10.31249/chel/2021.02.09
14. Lewis, D. (1995) Should a Materialist Believe in Qualia? *Australasian Journal of Philosophy*. 73. pp. 140–144.
15. Shcheglova, M.I. (2018) Qualia of consciousness as one of the problematic fields of biohacking. *Kant*. 4 (29). pp. 205–209. (In Russian).
16. Petrov, K.A. (2019) [Biohacking: do-it-yourself or serious science?]. *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve* [Revolution and Evolution: Models of development in science, culture, society]. Proceedings of the 2nd All-Russian Conference. Nizhny Novgorod. 29 November – 01 December 2019. Nizhny Novgorod: Krasnaya lastochka. pp. 340–342. (In Russian). DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00122
17. Sokolova, E.K. & Shevchenko, S.Yu. (2020) A typology of knowledge in biohacking. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 1. pp. 62–79. (In Russian). DOI: 10.31857/S086954150008758-3
18. Akademik [Academic]. (n.d.) *Tolkovanie slova “biokhaker”* [Definition of the word “biohacker”]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru> (Accessed: 01.09.2021).
19. Seredkina, E.V. (2015) Synthetic biology and biohacking as a new challenge for technoscience and technology assessment. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya – Social and humanitarian knowledge*. 10. pp. 264–281. (In Russian).
20. Giordano, S. (2018) New Democratic Science, Ethics, and Proper Publics. *Science, Technology & Human Values*. 3 (43). pp. 401–430. DOI: 10.1177/0162243917723078
21. Delfanti, A. (2013) *Biohackers: The Politics of Open Science*. London: Pluto Press. pp. 25–68.
22. Landrain, T. et al. (2013) Do-it-yourself biology: challenges and promises for an open science and technology movement. *Systems and Synthetic Biology*. 3 (7). pp. 115–126. DOI: 10.1007/s11693-013-9116-4
23. Ferrari, A., Coenen, C. & Grunwald, A. (2012) Visions and ethics in current discourse on human enhancement. *NanoEthics*. 3 (6). pp. 215–229. DOI: 10.1007/11569-012-0155-1
24. Bennett, G. et al. (2009) From synthetic biology to biohacking: Are we prepared? *Nature Biotechnology*. 12 (27). pp. 1109–1111. DOI: 10.1038/nbt1209-1109
25. Fedorov, V.V. (2019) To the question of interaction of categories “health”, “healthy lifestyle”, “culture of the healthy lifestyle”. *Sovremennyy uchenyy – Modern Scientist*. 3. pp. 174–180. (In Russian).
26. Frolova, T.I. & Striga, E.A. (2020) Readiness of Russian journalists to promote healthy lifestyle values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 3. pp. 29–55. (In Russian). DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2020.2955
27. Kononov, O.E. et al. (2021) The priority directions of forming and supporting healthy life-style in megalopolis conditions. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdavoookhraneniya i istorii meditsiny – Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine, Russian Journal*. 3 (29). pp. 421–425. (In Russian). DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-3-421-425
28. Shakhridinova, L.N. (2016) [Physical activity is the main component element of a healthy lifestyle]. *Aktual'nye problemy fizicheskoy kul'tury i sporta* [Actual Problems of Physical Culture and Sports]. Proceedings of the 6th International Conference. Cheboksary. 17 November 2016. Cheboksary: I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. pp. 110–113. (In Russian).
29. Novoselova, E.N. (2021) Physical education and sport as factors of health and formation of a healthy lifestyle. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 1 (27). pp. 112–130. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-112-131
30. Evstifeeva, E.V., Dorodonova, N.V. & Lapunin, M.M. (2020) Social demand of society for the use of human genome editing technologies. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of Saratov State Law Academy*. 5 (136). pp. 202–212. (In Russian). DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10143
31. Pozdeeva, E.A. & Ivko, I.A. (2021) Analysis of ideas about healthy lifestyle and bio-hacking among students of non-physical education universities. *Global'nyy nauchnyy potentsial – Global Scientific Potential*. 10 (127). pp. 75–79. (In Russian).

32. Vekovtsev, A.A. et al. (2021) Microbiome and biohacking: health management paradigm. *Industriya pitaniya – Food Industry*. 2 (6). pp. 16–22. (In Russian). DOI: 10.29141/2500-1922-2021-6-2-2
33. Varnavets, D. (n.d.) Vse o vysokikh tekhnologiyakh dlya zdorovoy zhizni [All about high technologies for a healthy life]. *Doktor.ru – portal o zdorov'e* [Doctor.ru – portal about health]. [Online] Available from: <https://doctor.ru/view/60275/> (Accessed: 20.09.2021).
34. Sokolova, E.K. (2019) [Biohacking agenda on the runet]. *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve* [Revolution and Evolution: Models of development in science, culture, society]. Proceedings of the 2nd All-Russian Conference. Nizhny Novgorod. 29 November – 01 December 2019. Nizhny Novgorod: Krasnaya lastochka. pp. 343–345. (In Russian). DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00123
35. Mal'kova, T.P. (2017) Cyborgization: philosophical aspects of the man and technology symbiosis study. *Gumanitarnyy vestnik – Humanities Bulletin of BMSTU*. 4 (54). pp. 4. (In Russian). DOI: 10.18698/2306-8477-2017-4-426
36. Emelin, V.A. (2018) From neo-luddism to transhumanism: singularity and vertical progress or identity loss. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 1 (23). pp. 103–115. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-1-103-115
37. Sovijärvi, O., Teemu, A. & Halmetoja, J. (2020) *Biokhaking. Rukovodstvo po raskrytiyu potentsiala organizma* [Biohacker's Handbook. Upgrade yourself and unleash your inner potential]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
38. Pozdeeva, E.A. & Alaeva, L.S. (2017) Application of fitness yoga as a health-saving technology. *Global'nyy nauchnyy potentsial – Global Scientific Potential*. 5 (74). pp. 8–10. (In Russian).
39. Bryzgalina, E.V. (2020) Biokhakery torguyut svojim telom: pogonya za molodost'yu lishaet cheloveka prava na polnotsennuyu starost' (besedovala E. Babicheva) [Biohackers trade their bodies: the pursuit of youth deprives a person of the right to a full-fledged old age (interviewed by E. Babicheva)]. *Kommersant*. 13 August. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4117700> (Accessed: 01.08.2021).

Информация об авторах:

Поздеева Е.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева (г. Москва, Россия). E-mail: lena.pozdeewa@mail.ru

Мелентьев А.Н. – канд. экон. наук, доцент кафедры физической культуры Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева (г. Москва, Россия). E-mail: anmagesa@rgau-msha.ru

Руссу О.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева (г. Москва, Россия). E-mail: russu@rgau-msha.ru

Коричко Ю.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой теоретических основ физического воспитания Нижневартковского государственного университета (г. Нижневартовск, Россия). E-mail: korichko_nv@mail.ru

Давыдова С.А. – канд. пед. наук, декан факультета физической культуры и спорта Нижневартковского государственного университета (г. Нижневартовск, Россия). E-mail: ffkis@nvsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Pozdeeva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: lena.pozdeewa@mail.ru

A.N. Melentyev, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: anmagesa@rgau-msha.ru

O.N. Russu, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: russu@rgau-msha.ru

Yu.V. Korichko, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: korichko_nv@mail.ru

S.A. Davydova, Cand. Sci. (Pedagogics), dean of the Faculty of Physical Culture and Sports, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: ffkis@nvsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.09.2021;
одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 21.09.2021;
approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 378.14.015.62
doi: 10.17223/15617793/477/22

Оценка умений составления аннотаций статей в курсе иностранного языка для аспирантов

Наталия Юрьевна Федорова¹

¹Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия,
natajfedorova@rambler.ru

Аннотация. Представлен подход к разработке критериев оценки аннотаций статей на иностранном языке, написанных аспирантами. Предлагается учитывать композиционные, стилистические и языковые характеристики текста, сформулированные в публикациях в сфере лингвистики научного дискурса, а также проводить анализ образцов аннотаций и выявлять типичные для русскоязычных авторов лексико-грамматические ошибки, структурные и стилистические недочеты. Описана и иллюстрируется примером процедура разработки критериев оценки работ аспирантов, формулируются рекомендации по их использованию в учебном процессе.

Ключевые слова: профессионально ориентированный иностранный язык, аннотация научной статьи, критерии оценки, обучение иностранному языку в аспирантуре, развитие умений письменной речи, стилистические характеристики научного текста

Для цитирования: Федорова Н.Ю. Оценка умений составления аннотаций статей в курсе иностранного языка для аспирантов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 201–208. doi: 10.17223/15617793/477/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/22

Assessment of formation of postgraduate students' ability to write article abstracts in a foreign language

Nataliia Yu. Fedorova¹

¹ Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russian Federation, natajfedorova@rambler.ru

Abstract. The article presents an approach to assessing abstracts of scientific articles written by postgraduate students in a foreign language. It also considers classroom techniques that use detailed assessment criteria as performance guidelines at early stages of implementing academic writing tasks. The main idea underlying the author's attempts was to make assessment criteria highly applicable in order to advance students' self-control, self-organization and motivation. Assessment criteria were intended to provide useful guidance for learners, emphasizing the clearest and catchy ways to express thoughts and communicate information. As a result, students would learn how they should organise the text, what vocabulary and grammar structures they should regard as appropriate, and what stylistic faults they should try to avoid. Two sources of data were used in the study. The first one was publications in the field of scientific text stylistics, and the second one was the results of text sample analysis. The former revealed scientific text structure patterns and stylistic features including characteristics of abstracts. The author used them to formulate criteria for assessing postgraduate students' works. One important conclusion was that the structure of an abstract is determined by the subgenre of the article. For first- and second-year postgraduates, it is essential to distinguish between the concepts of "review article", "scientific methodological article" and "scientific theoretical article". Each of these subgenres aims to perform particular functions, which are spotlighted in abstracts. Another factor that predetermines effectiveness of an abstract is how promptly and accurately the reader can comprehend what the article is about and what new it offers. The next task of the study was to produce a generalized description of the most frequent mistakes that are found in abstracts in the field of earth science (meteorology, ecology, oceanology, and hydrology). This description included text logic flaws, incorrect arrangement of elements within the sentence, vague and incoherent expressions, and inappropriate choice of grammatical structures. Semantic accuracy, register, and correctness of collocations were also evaluated. The results of sample texts analysis were compared with some other researchers' conclusions that summarise communicative errors and stylistic faults in scientific texts written in English by Russian-speaking authors. The obtained data have given rise to descriptors outlining the desired result of postgraduates' writing. Teaching postgraduates to write abstracts during the experiment was organized as follows. The students considered the descriptors presented in this article. Then they were offered several texts to edit. After that, they wrote their own abstracts, which were afterwards discussed in the classroom. The abstracts presented by the students at the end of the academic year generally met all the necessary requirements.

Keywords: foreign language for specific and academic purposes, abstract of scientific article, academic performance assessment criteria, postgraduate course, writing skills development, academic writing style

For citation: Fedorova, N.Yu. (2022) Assessment of formation of postgraduate students' ability to write article abstracts in a foreign language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 201–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/22

Умение представлять результаты своей научной деятельности на иностранном языке стало одним из требований, предъявляемых к выпускникам аспирантуры. Основным способом научной коммуникации была и остается публикация в специализированных научных изданиях. Уже на этапе первых публикаций не только в зарубежных, но и в отечественных журналах аспиранты сталкиваются с необходимостью представить в редакцию аннотацию и ключевые слова на английском языке. От того, как написана аннотация, во многом зависит, будет ли опубликована статья, вызовет ли она интерес у читателей. Как показывает опыт работы с аспирантами и опыт редактирования сборника статей, начинающие ученые, как, впрочем, и многие ученые с опытом, испытывают значительные трудности в подготовке аннотаций.

В процессе обучения иностранному языку значительная роль отводится контролю и оценке достижений учащихся. Конечный успех обучения зависит в значительной степени от эффективности процедуры контроля и от того, как сформулированы критерии оценки результатов выполнения заданий.

Цель исследования – разработка подхода к формулированию критериев оценки аннотаций статей. Кроме того, в ходе эксперимента были разработаны методические приемы, позволяющие использовать критерии оценки письменных работ в обучении с целью повышения его результативности.

Курс иностранного языка в аспирантуре имеет целью подготовку к сдаче кандидатского экзамена. До недавнего времени преподаватели ориентировались исключительно на задачи, предусмотренные Программой-минимум кандидатского экзамена, разработанной Московским государственным лингвистическим университетом под общей редакцией профессора И.И. Халеевой [1]. В соответствии с требованиями Программы от обучающегося, кроме перевода текста по специальности и рассказа о своей научной работе, требуется изложить содержание прочитанного отрывка в форме резюме. Эта задача предполагает владение умениями компрессии текста, способность выделить основную идею отрывка статьи. При подготовке к экзамену обучающийся работает с текстами других авторов и интерпретирует эти тексты таким образом, чтобы самому в дальнейшем пользоваться ими, включив их в свою реферативную базу.

Задача создания реферативной базы цитируемых источников является немаловажной частью исследовательской работы. Однако если мы говорим о конечной цели создания авторских публикаций, формирование умений последовательного реферирования отрывков текста может рассматриваться только как один из этапов обучения написанию аннотаций статей. Для подготовки аннотации требуется целый комплекс специфических умений и стратегий. Они вклю-

чают формулировку основного постулата статьи, выявление и речевое оформление логических связей между ее отдельными частями, определение приоритетных и второстепенных блоков информации, выбор речевых средств, которые позволят читателю составить наиболее полное и точное представление о важности решаемой проблемы и о результатах, достигнутых автором. Написание аннотации собственной статьи отличается от реферирования чужих статей наличием адресата – потенциального читателя. Это означает необходимость понимания и учета когнитивных механизмов, которые читатель задействует при прочтении текста аннотации, и знания риторических конвенций международного общения в научной сфере.

Потребность в подготовке будущих ученых к активной письменной коммуникации находит в настоящее время отклик у авторов программ по иностранному языку. Создаются рабочие программы и учебные материалы, направленные на углубленную подготовку по академическому письму. Актуальными признаются следующие виды заданий: краткая автобиография на английском языке; критическое резюме статьи или главы из книги; заявка участника конференции; стендовый доклад или презентация PowerPoint; аннотация на английском языке авторской статьи [2]. С.Б. Дектерев и Н.Ю. Осокина отмечают, что важно не только предложить аспирантам актуальные жанры текстов, но и предусмотреть использование каналов коммуникации и электронных информационных источников, которые научные коллективы используют в своей работе [2].

Значительное количество исследований направлено на формулировку содержательных, структурных, стилистических, языковых характеристик научного текста, а также лингвокультурных особенностей общения в академической сфере [3–8]. Предпринимаются попытки систематизации и классификации компетенций, необходимых для межкультурной коммуникации в научной среде, предлагаются модели их формирования [9]. Опубликован ряд работ в области академического письма, в которых объясняются причины возникновения ошибок на уровне системы языка и нарушений узуальной традиции, обсуждаются методы их преодоления [10–12].

Теоретической основой нашего исследования явилась концепция формирующего оценивания достижений обучающихся. Оценивание результатов обучения, согласно этой концепции, рассматривается не просто как фиксация уровня знаний и умений в определенный момент времени, например при промежуточной аттестации, а как непрерывный процесс обработки информации, полученной в ходе текущего контроля с целью выработки рекомендаций и внесения коррективов в учебный процесс [13].

Для достижения наилучшего результата обучающиеся должны ясно и четко представлять себе, какие

компетенции будут сформированы на каждом этапе, какие задачи можно будет решать с их помощью. Они должны понимать, как составляются критерии оценки, считать их абсолютно обоснованными и достижимыми. По некоторым источникам, рекомендуется совместная с преподавателем разработка критериев, предлагается предусмотреть возможность оценки обучающимися работ друг друга [14].

Важно научить аспирантов самостоятельно анализировать результаты своей деятельности. Им необходимо в процессе работы над аннотацией уметь предсказывать то впечатление, которое она произведет на потенциального читателя. Для этого они должны знать особенности восприятия текста читателем, уметь поставить себя на его место. Поэтому в процессе обучения целесообразно вместе с обучающимися анализировать примеры текстов, написанных исследователями в той же сфере научной деятельности, в которой работают обучающиеся, обсуждать с ними структуру аннотаций и стилистические приемы, которые используются для их создания.

Существует значительное количество исследований, позволяющих ответить на вопрос о том, какими должны быть контрольные задания в курсе профессионально ориентированного иностранного языка. Л. Бахман и Д. Дуглас подвели итог основным этапам развития взглядов на сущность контроля и оценки результатов обучения иностранному языку [15–17]. Они сформулировали требования, которым должны отвечать контрольно-измерительные материалы. Эти требования включают: надежность, валидность, аутентичность, интерактивность, положительное влияние контроля на процесс формирования коммуникативной компетенции, применимость материалов в данной конкретной учебной ситуации.

В 1996 г. Л. Бахман и А. Пальмер ввели понятия аутентичности и интерактивности контрольного задания. Аутентичность определяется как «степень соответствия характеристик тестового задания особенностям задачи, для решения которой используется иностранный язык» [16. С. 13]. Под интерактивностью следует понимать «степень вовлеченности обучающегося и тип задействованных при выполнении задания индивидуальных качеств обучающегося» [16. С. 13]. Речь идет о коммуникативных и когнитивных умениях и способностях обучающегося, а также, что не менее важно, о его профессиональных интересах и его осведомленности в той или иной профессиональной области знания. Следовательно, интерактивным будет задание, направленное на написание обучающимся аннотации собственной статьи, желательно для конкретного издания с перспективой дальнейшей публикации.

Следует обратить внимание на замечание Л. Бахмана и А. Пальмера о том, что так как в учебных условиях невозможно полностью воспроизвести ситуацию общения, аутентичность контрольного задания является относительной характеристикой [16]. Степень аутентичности определяется тем, насколько задание соответствует параметрам описания реальной задачи общения. Для того чтобы задание, требующее

составления аннотации, отвечало принципу аутентичности, следует определить требования к аннотации: тип аннотации (структурированная или неструктурированная), ее объем, требование к количеству ключевых слов. Необходимо также распространить принцип аутентичности и на критерии оценки аннотации. Соответствие текста требованиям к содержанию, структурным, стилистическим характеристикам аннотации, выбор формулировок, наиболее четко и убедительно выражающих замысел автора, учет особенностей восприятия аннотации читателем имеют не менее важное значение, чем следование лексическим и грамматическим правилам.

Критерии оценки выполнения контрольных заданий призваны играть в обучении двойную роль. Они служат для оценки работ, но они в то же время могут быть эффективным инструментом самоконтроля, самоорганизации и мотивации обучающихся. В правильно сформулированных критериях оценки содержится подсказка: как следует структурировать текст, по какому принципу следует отбирать речевые средства, какой уровень языковой грамотности и диапазон речевых средств требуются для достижения цели. Поэтому при формулировке критериев оценки не следует ограничиваться несколькими общими фразами. Например, дескриптор «Учащийся демонстрирует знание законов композиции и стиля, умение логически верно, аргументированно и ясно строить письменную речь» не будет достаточно эффективно выполнять функции, которые мы определили для критериев оценки. Этот дескриптор не сообщает ни педагогу, ни учащемуся, что конкретно нужно сделать, чтобы текст был логичным, а мысль была выражена ясно и аргументированно. Целесообразно предложить обучающимся подробное описание требований, касающихся содержания и логики построения аннотации, выбора синтаксических структур и лексических средств выражения идей.

Вместе с тем дескрипторы должны быть лаконичными и понятными для обучающихся, они должны восприниматься как руководство к действию. Кроме того, следует принимать во внимание фактор времени, которое преподаватель тратит на проверку работ. Чем конкретнее сформулированы дескрипторы, тем быстрее преподаватель сопоставит проверяемую аннотацию с описанием требований к эталонному тексту.

Проблема разработки методов оценки контрольных письменных заданий и описания ожидаемых результатов их выполнения является одной из самых сложных для преподавателя, разрабатывающего программу. Безусловно, в качестве надежного ориентира для определения требуемого уровня могут быть использованы дескрипторы, представленные в документе «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (The Common European Framework of Reference for Languages). В них предложено описание уровней владения иностранным языком, в том числе дескрипторы для письменной речи. Однако они носят общий характер, и для оценки результата выполнения конкретных задач необходима их детализация.

При составлении критериев оценки аннотаций мы предлагаем опираться на два источника: исследования

в области стилистики научного текста и результаты анализа образцов текстов, написанных русскоязычными авторами. Целью анализа аннотаций, опубликованных в отечественных журналах, является выявление типичных отступлений от композиционных, языковых и речевых норм, которые могут привести к сбою в коммуникации. После того как выполнено обобщенное описание этих недостатков, можно приступить к подготовке дескрипторов для оценивания аннотаций. Необходимо изменить отрицательные формулировки, выражающие, что обучающиеся делают неверно, на положительные, показывающие, что следует делать, чтобы избежать те или иные ошибки. Посредством положительных формулировок дескрипторы указывают, как следует строить аргументацию и структурировать текст. Подчеркнем еще раз, что критерии оценки, сформулированные по этому принципу, заключают в себе методический потенциал, который трудно переоценить.

Таким образом, первым шагом в разработке дескрипторов для оценки научного текста является изучение рекомендаций, представленных в публикациях, посвященных характерным особенностям научного дискурса. В лингвистических исследованиях научная статья рассматривается в единстве лингвистических, когнитивных и социокультурных факторов. Кроме вопросов отбора языковых средств и соблюдения структурных и стилистических требований к научным текстам, в публикациях обсуждаются такие категории научного текста, как функциональность, адресованность, логичность изложения, структурированность и внутритекстовые связи [3–5].

Научный текст служит для построения дискуссии между учеными, и, что важно, дискуссии дистанционной. В этих условиях на первый план выступает необходимость выбора наиболее эффективных форм передачи информации для обеспечения полного ее понимания. При этом учитываются характеристики адресата, а именно его осведомленность и степень вовлеченности в рассматриваемую проблему [5]. Адресатом статьи выступает также и конкретное издание, для которого она предназначена. Соблюдение требований издания в плане объема, структуры, содержания аннотации является важным условием положительного решения о публикации статьи. Кроме того, в качестве адресата следует рассматривать поисковые системы в сети Интернет. С точки зрения успешности появления статьи в списке результатов поиска при работе поисковых систем решающее значение имеет частота появления и расположение терминов, являющихся ключевыми словами для данной статьи [5]. Из сказанного следует, что в число критериев оценки аннотаций следует включить точность и стандартизированность терминологии и присутствие ключевых слов в тексте аннотации.

В работе Е.Н. Рохлиной и У.У. Тримбла рассматриваются основные поджанры научных статей: научно-практическая статья, обзорная статья, краткое сообщение, научно-теоретическая статья, научно-методическая статья, реферативная статья. Каждый поджанр направлен на выполнение четко определен-

ных функций и обладает стилистическими и структурными признаками, позволяющими тексту наиболее эффективно выполнить свое предназначение [6]. Для аспирантов первого и второго курсов наиболее актуальным является разграничение понятий «обзорная статья», «научно-методическая» статья и научно-теоретическая статья. Обзорная статья предлагает сопоставительный анализ методов и направлений исследований в конкретной области. В научно-методической статье содержится описание методов исследования, но, в отличие от научно-теоретической публикации, не выдвигается научных гипотез, не содержится выводов о теоретической значимости исследования. В аннотации обзорной статьи, написанной аспирантом, внимание фокусируется на проблематике исследования, на цели изучения анализируемых концепций и методов, применимости его результатов для дальнейшей работы. В зависимости от поджанра определяется структура аннотации. Очевидно, содержание аннотации научно-методической статьи будет отличаться от обзорной статьи.

Аннотация призвана максимально ясно и лаконично сообщить читателю, о чем статья и что нового предлагает автор. Для того чтобы читатель мог быстро найти ответы на эти вопросы, необходимо выполнить два основных условия. Во-первых, аннотация должна быть четко структурирована предпочтительно с использованием общепринятых шаблонов организации текста данного типа. Основные смысловые блоки аннотации должны следовать в определенном порядке. Например, аннотация научно-методической статьи содержит: введение в проблематику, цель исследования, методы исследования, результаты, их оценку и выводы. Это является своего рода конвенцией, соблюдение которой значительно упрощает понимание текста. Во-вторых, важен выбор речевых средств, позволяющих сигнализировать, о чем идет речь в каждом отрывке: о цели, методах или результатах исследования [7]. Важную роль здесь играет время глагола, который является сказуемым в предложении. Так, для формулировки проблематики исследования и задач, которые решает статья, используется Present Simple, для описания методов исследования рекомендуется использовать Past Simple, а для подведения итогов проведенного исследования и представления его результатов – Present Perfect [18].

Таким образом, мы определили наиболее важные характеристики аннотации, которые необходимо включить в критерии оценки работ аспирантов. Однако картина будет далеко не полной без анализа готовых речевых произведений данного жанра на предмет возможных стилистических и лексико-грамматических трудностей, которые можно было бы охарактеризовать как типичные, часто повторяющиеся в русскоязычной аудитории. Данному вопросу посвящены работы ряда исследователей.

О.Л. Добрынина к коммуникативно-значимым относит следующие ошибки [8, 10]:

1. Нарушение порядка слов в английском предложении.
2. Ошибки в использовании видовременных форм глаголов, которые особенно часто возникают при выборе форм глагола в пассивном залоге.

3. Отсутствие сказуемого или подлежащего.
4. Отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым.
5. Ошибки в использовании причастий.
6. Искажения смысла в связи с неверным выбором лексических единиц, в том числе эквивалентов терминов.
7. Неверный выбор либо отсутствие связующих элементов.

Часто нарушения языковой и речевой нормы возникают по причине внешней интерференции. Л.А. Шимановская [11] приводит ряд характерных для научных текстов сложностей. Прежде всего, это неправильное употребление псевдоинтернациональных слов или «ложных друзей переводчика». Например, слово «актуальный» неверно переводится как *actual*, слово «техника» передается словом *technique*. Часто встречаются попытки скопировать порядок слов русского предложения при переводе на английский. Неверное употребление предлогов также часто объясняется влиянием русского языка. Встречаются ошибки, связанные с неправильным словоупотреблением, с нарушением области использования слов в соответствии с жанром текста (*to get / to receive, to keep / to maintain*).

Работа С.Е. Рахманкуловой посвящена влиянию узуальной интерференции на качество иноязычной речи. В ней обсуждаются причины нарушений узуальных конвенций и способы их преодоления [12]. Узуальная интерференция понимается как взаимодействие языковых систем, «приводящее к отклонениям от способов выражения мысли, предпочитаемых в контактирующих лингвокультурах, либо к использованию тех или иных способов выражения мысли, имеющих в иностранном языке, но отсутствующих в родном» [12. С. 40]. Иными словами, вследствие интерференции выбирается модель высказывания, не характерная для иноязычных текстов данного жанра. Причина кроется в попытке перевода привычных способов построения дискурса с родного языка на иностранный. Не нарушая процесса общения, узуальная интерференция, тем не менее, приводит к тому, что речь производит впечатление менее аутентичной.

На уровне синтаксиса предложения в научном тексте нарушение сложившихся у потенциального читателя шаблонов построения высказывания затрудняет восприятие текста, может исказить его смысл при беглом прочтении. Так как во многих случаях читателю необходимо быстро прочитать несколько аннотаций и верно понять замысел их авторов, при написании аннотации следует выбирать синтаксические структуры, которые легко распознаются читающим.

С.Е. Рахманкулова [12] и О.Л. Добрынина [8] выявили основные типы проявления узуальной интерференции. Рассмотрим те из них, которые, как показал проведенный нами анализ аннотаций статей, представленных к публикации в журнале «Ученые записки РГТМУ», являются наиболее характерными для данного жанра.

Одна из нежелательных синтаксических конструкций, которая часто появляется в текстах в результате интерференции, – это конструкция с глаголом-сказуемым в страдательном залоге и обстоятельством

места для сообщения о содержании письменного или устного источника («*In the letter it is written that...*») [12. С. 40]. Предпочтительной была бы модель с подлежащим, глаголом-сказуемым (в действительном залоге) и обстоятельством места. Наиболее характерный прием перевода распространенной фразы «В статье рассматривается...» для русскоязычных авторов это «*In the article it is considered...*». Можно рекомендовать вариант замены: «*The article is focused on ...*».

Аналогичная сложность возникает с переводом предложений с неличными конструкциями типа «*Представлено описание...*», «*Был проведен анализ...*». Обычно автор использует конструкцию с глаголом в страдательном залоге. При этом дополнение в русском предложении при переводе будет являться подлежащим в английском варианте высказывания. Например: «*...is described*», «*...has been analysed*». Однако указанный прием перевода не эффективен при наличии распространенных второстепенных членов, придаточных предложений или причастного оборота, отделяющих сказуемое от подлежащего. Приведем пример. *In the article a brief description of the operational technologies developed in the Hydrometeorological Center of Russia for forecasting the main characteristics necessary for hydrometeorological support of activities in the non-Arctic seas of Russia: waves, currents, level, ice conditions is given*. Проблема не только в том, что читатель не сможет найти глагол в данном предложении: его расположение в конце предсказуемо, а читатели уже не впервые сталкиваются с усложненными конструкциями в научных статьях. Возникает сложность в восприятии той информации, которая сообщается посредством зависимых элементов между подлежащим и сказуемым. На эти факты читатель не обратит внимание, так как будет занят поиском глагола. Очевидно, что нужен другой подход. Можно, например, использовать активный залог и написать следующим образом: «*The article is focused on the operational technologies developed in the Hydrometeorological Center of Russia for forecasting the main characteristics necessary for hydrometeorological support of activities in the non-Arctic seas of Russia including waves, currents, level, ice conditions*».

Узуальная интерференция может проявляться в том, что авторы игнорируют в речи структуры, характерные для иностранного языка, но либо отсутствующие в родном языке, либо непривычные для автора в силу сложившихся традиций написания текстов данного жанра [12]. Например, в нескольких из рассмотренных нами аннотаций встречается предложение «*the problem can be solved in two ways*» (проблема может быть решена двумя способами). Это предложение содержит страдательный залог и модальность, которая в данном случае неуместна с точки зрения смысла высказывания. Предложение «*there are two solutions*» выглядило бы более уместно.

Используются словосочетания с несколькими предлогами «*of*» вместо цепочек существительных [12]. Приведем пример из одной из рассмотренных нами аннотаций. Словосочетание «*the analysis of the quality of the sources of oceanographic data*» выглядит громоздким. Если его перефразировать, получится: «*the analysis of oceanographic data sources quality*». Во

втором варианте читателю проще понять, что было объектом анализа. Однако, как будет показано в одном из следующих абзацев, предлог «of» в ряде ситуаций может оказаться не помехой, а полезным инструментом, который поможет избежать искажения смысла высказывания.

К узальной интерференции можно отнести номинализацию. Авторы используют отглагольные существительные вместо того, чтобы определить посредством глагола события или действия [8]. В аннотациях, если глаголы в формулировках цели работы, методов, полученных результатов заменяются на существительные, номинализация выглядит особенно неуместно. Например, четкому и ясному предложению «*The authors analyse various distance learning systems*» авторы одной из аннотаций предпочли «*Attention is paid to the analysis of various distance learning systems*».

Анализ образцов аннотаций выявил еще три типа стилистических погрешностей. Во-первых, во многих аннотациях не оптимально выбрано время глагола. Как указывалось выше, выбор времени глагола несет существенную смысловую нагрузку. Однако значительная доля авторов рассмотренных нами аннотаций для изложения результатов исследования использует Present Simple в ситуациях, когда более обоснованным был бы Present Perfect. Например, в представленном ниже предложении не ясно, имеет ли оно целью описать существующие подходы к решению проблемы или формулирует результаты работы, проделанной автором. *Numerical experiments are made on the basis of three-dimensional convective cloud model with spectral microphysics.*

Второй выявленный недостаток заключается в том, что авторы используют цепочки существительных, содержащие более четырех слов. Это объясняется тем, что когда обучающиеся осваивают принцип формирования цепочек существительных, они используют его, не пытаясь критически оценить результат. Читателю сложно определить взаимоотношения между элементами словосочетания, их расшифровка требует много времени. Например, словосочетание «*automatic ecological stations metrological reliability*» было бы целесообразно разделить предлогом «of» на две части. Получится фраза «*metrological reliability of automatic ecological stations*», в которой предлог «of» разграничивает два отдельных термина.

Еще одна тенденция: методы исследования и полученные результаты помещаются автором в одно предложение. Распространенным является следующий прием. «*Using... (метод, модель, инструмент)... (результат работы) were received*». Описание методов исследования и результаты относятся к разным смысловым блокам и их необходимо помещать в отдельные предложения. Этому принципу рекомендуется следовать, даже если получившиеся предложения выглядят короткими и не соответствуют представлению многих авторов о научном стиле текста.

На основе рассмотренных выше положений были сформулированы критерии оценки аннотаций. Ниже приведены дескрипторы для описания аннотации на оценку «отлично», т.е. аннотации, полностью отвеча-

ющей всем необходимым характеристикам: смысловой точности, ясности, логичности, стилового соответствия жанру текста и адекватности передачи содержания статьи.

Критерии оценивания аннотации научной статьи

В аннотации выполнены все требования, предъявляемые к публикациям конкретным изданием. Аннотация научнометодической статьи содержит: вступительное слово о теме работы и решаемой проблеме; цель научного исследования; описание методов исследования; результаты, выводы о значимости и применимости результатов на практике. Аннотация обзорной статьи должна содержать цель и основные результаты сопоставительного анализа различных научных подходов или методов решения научных задач. Каждый из перечисленных смысловых блоков выражен не более чем четырьмя предложениями. Информация излагается последовательно, без смысловых искажений. Цель и результаты исследования сформулированы посредством глаголов, значение и грамматическая форма которых выбраны адекватно смыслу, который намерен передать автор. Выбор пассивного или активного залога обусловлен требованиями, предъявляемыми к логике формирования высказываний: от известного к новому. Расположение и длина второстепенных членов в предложениях (обстоятельства, причастные и деепричастные обороты), придаточных предложений, не препятствует оперативной идентификации подлежащего и сказуемого и пониманию смысла высказывания в целом. Словосочетания, содержащие цепочки существительных, составлены оптимально с точки зрения однозначного понимания смысла и не допускают двойственного толкования. Присутствуют необходимые средства связности. Отсутствуют грамматические ошибки и лексические неточности, препятствующие коммуникации. В статье, ключевых словах и заглавии прослеживается единство терминологии. В целом представленная аннотация лаконично, последовательно и ясно обобщает содержание статьи.

В ходе констатирующего эксперимента оценивались работы аспирантов очной формы обучения, которые проходили курс иностранного языка в 2018–2019 учебном году. Группа состояла из восьми человек. Они были ознакомлены с кратко сформулированными требованиями к аннотации: «Логичность, ясность изложения, объективность и терминологическая точность текста, наличие информации о решаемой проблеме, задачах, методах и результатах исследования». Из 10 написанных обучающимися аннотаций все 10 включали те или иные из рассмотренных нами выше стилистических недостатков. В тот же период был проведен анализ 50 аннотаций статей, представленных в редакцию журнала «Ученые записки РГГМУ». Этот журнал публикует работы в сфере наук о Земле (гидрометеорология, экология, геоинформатика). 38 статей содержали языковые ошибки и нарушения стиля, которые относятся к числу коммуникативно значимых. 12 образцов было сложно читать из-за многочисленных лексико-грамматических ошибок, структурных и стилистических погрешностей, приводящих к искажению смысла. Аналогичный результат анализа аннотаций статей в области экологии приводит Л.А. Шимановская. Она пишет: «Из 127 аннотаций 77 аннотаций на английском языке не грамотны с точки зрения грамматики (морфология и

синтаксис, использование предлогов и союзов, артиклей, неправильное использование существительных в роли определения и пр.), лексики (неправильное употребление терминов, ограниченное использование общенаучной лексики), стилистики (несоблюдение особенностей научного стиля)» [11. С. 288]. В результате проведенного констатирующего эксперимента был сделан вывод о необходимости проведения с аспирантами занятий, посвященных работе над аннотациями и детализации критериев оценки их работ.

В 2019–2020 и 2020–2021 учебных годах общее количество учащихся очной и заочной форм обучения составило 16 человек. Они были ознакомлены с представленными в данной статье критериями оценки аннотаций. Им было предложено несколько текстов для редактирования. После этого они писали аннотации самостоятельно. Готовые тексты обсуждались на занятиях в группах. Представленные обучающимися в конце учебного года аннотации в целом отвечали разработанным нами критериям. Девять из них не требовали редактирования и были оценены на «отлично». В семь аннотаций вносились незначительные исправления, но в целом они были пригодны для публикации.

Наиболее сложным для обучающихся было освоить приемы перифразы с целью замены глагола в пассивном залоге на активный залог, так как это предполагало введение подлежащего и уход от привычных безличных форм, которые в русскоязычных статьях считаются признаком объективности изложения. Прием разделения сложных длинных предложений на простые осваивался достаточно легко. Хорошо удавалась аспирантам проверка точности используемых терминов, так как они владели английским языком в достаточной степени, чтобы использовать иноязычные глоссарии, а также уметь проверять термины в контексте публикаций зарубежных коллег.

Сравнение степени грамотности текстов, которые были изучены в ходе констатирующего эксперимента и с аспирантами, в последующие годы проводилось только качественно. Какие-либо количественные показатели, как, например, количество ошибок того или

иного типа, не вводились. На грамотность аннотаций могло повлиять множество факторов, которые сложно учесть в количественном анализе. К этим факторам можно отнести возраст обучающихся и их опыт научной работы, опыт работы с иноязычными источниками и опыт публикаций на родном и иностранном языках. Кроме того, уровень владения английским языком не был однородным ни в одной из групп, принимавших участие в экспериментах.

Результаты показали, что детально разработанные критерии оценки, содержащие подробные рекомендации относительно структурирования текста, выбора синтаксических моделей предложений, выбора лексических средств, облегчают процесс работы над аннотациями. Значительно снижается количество работ, которые могут быть отклонены редакцией научного журнала из-за серьезных недостатков в аннотациях.

Таким образом, основной принцип, лежащий в основе подхода к разработке критериев оценки аннотаций статей, заключается в том, чтобы максимально использовать их возможности в качестве инструмента, стимулирующего формирование умений грамотного академического письма. Они призваны помочь авторам статей избежать отклонений от норм языка и конвенций научной речи. Теоретической основой для разработки критериев оценки служат стилистические и структурные принципы создания научного текста, которые в настоящее время широко освещаются в литературе. Кроме того, рекомендуется провести анализ типичных ошибок, которые допускают начинающие авторы научных статей. Критерии оценки включают характеристику жанровых признаков аннотации, требования к ее структуре, отбираемым синтаксическим конструкциям, уровню языковой грамотности и диапазону речевых средств. Они позволяют обучающимся избегать сложностей на уровне логики построения предложения и расположения элементов внутри предложения, при выборе наиболее подходящих грамматических структур. Оцениваются семантическая точность отдельных слов и словосочетаний, синтаксических конструкций, их соответствие регистру речи.

Список источников

1. Программа-минимум кандидатского экзамена по общенаучной дисциплине «Иностранный язык» // Российское образование. Федеральный портал. URL: <http://www.edu.ru/db/pke/sb-2.htm> (дата обращения: 07.01.2018).
2. Дектерев С.Б., Осокина Н.Ю. Роль английского языка в формировании профессиональной коммуникативной компетенции // Современные проблемы гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды на пространстве СНГ : сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Российского государственного гидрометеорологического университета. 2020. С. 703–704.
3. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста : теорет. учеб. пособие. СПб. : Наука, 2004. 127 с.
4. Колесникова Н.И. Что важно знать аспиранту о научном тексте? (Статья 3) // Высшее образование в России. 2015. № 7. С. 55–62.
5. Михайлюк Т.М. Специфика научного текста в аспекте категории адресованности (сопоставительный анализ русских и французских текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1996. 174 с.
6. Рохлина Е.Н., Тримбл У.У. Особенности развития различных типов научных статей: тенденции развития // Филологические науки. 2015. № 5. С. 91–101.
7. Рязанова Е.В. Abstract как формат академического письма // Профессиональное лингвообразование : материалы двенадцатой междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2018. С. 266–271.
8. Добрынина О.Л. Академическое письмо для публикационных целей: стилистические погрешности // Высшее образование в России. 2019. № 10. С. 38–39.
9. Беляева И.В., Ренер Е.И. Место письма в развитии академических языковых навыков в условиях иноязычной научной и профессиональной коммуникации // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. Екатеринбург : Изд-во Уральск. гос. пед. ун-та, 2012. № 6. С. 27–30.
10. Добрынина О.Л. Пропедевтика ошибок при написании англоязычной авторской аннотации к научной статье // Высшее образование в России. 2015. № 7. С. 42–50.
11. Шимановская Л.А. Анализ типичных ошибок в аннотациях на английском языке к научным статьям по проблемам инженерной экологии // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 13. С. 287–292.
12. Рахманкулова С.Е. Узловая синтаксическая интерференция: проявления и пути преодоления (на материале английского и русского языков) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 40–48.

13. Викулина М.А., Вилкова Л.В. Элементы методики формирующего оценивания учебных достижений в овладении иностранным языком обучающимися вуза // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 131–139.
14. Rust C., Price M., O'Donovan B. Improving Students' Learning by Developing Their Understanding of Assessment Criteria and Processes. URL: <http://web.a.ebscohost.com/ehost/pdfviewer/pdfviewer?sid=ad50fd33-edc1-46b7-8b02-1965515748b3%40sessionmgr4003&vid=5&hid=4214> (дата обращения: 01.10.2020).
15. Bachman L.F. Modern language testing at the turn of the century: assuring that what we count counts // *Language Testing*. 2000. Vol. 17, Is. 1. P. 1–42.
16. Bachman L.F., Palmer A.S. *Language testing in practice: designing and developing useful language tests*. Oxford : Oxford University Press, 1996. 377 p.
17. Douglas D. *Assessing language for specific purposes: theory and practice*. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 311 p.
18. Навицкайте Э.А., Померанец И.Б. Английский язык. Академическое письмо. Введение и аннотация : материалы и методические указания по дисциплине «Иностранный язык» к самостоятельной работе. СПб. : Изд-во СПб. горного ун-та, 2019. 42 с.

References

1. Rossiyskoe obrazovanie. Federal'nyy portal [Russian Education. Federal portal]. (2007) Programma-minimum kandidatskogo ekzamina po obshchenauchnoy distsipline "Inostranny yazyk" [The minimum program of the candidate's exam in the general scientific discipline "Foreign language"]. *Rossiyskoe obrazovanie. Federal'nyy portal* [Russian Education. Federal portal]. [Online] Available from: <http://www.edu.ru/db/pke/sb-2.htm> (Accessed: 07.01.2018).
2. Dekterev, S.B. & Osokina, N.Yu. (2020) [The role of English in the formation of professional communicative competence]. *Sovremennyye problemy gidrometeorologii i monitoringa okruzhayushchey sredy na prostranstve SNG* [Modern Problems of Hydrometeorology and Environmental Monitoring in the CIS]. Abstracts of the International Conference. Saint Petersburg. 22–24 October 2020. Saint Petersburg: Russian State Hydrometeorological University. pp. 703–704. (In Russian).
3. Chernyavskaya, V.E. (2004) *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpretation of a Scientific Text]. Saint Petersburg: Nauka.
4. Kolesnikova, N.I. (2015) What is important for postgraduates to know about the academic texts? *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 7. pp. 55–62. (In Russian).
5. Mikhaylyuk, T.M. (1996) *Spetsifika nauchnogo teksta v aspekte kategorii adresovannosti (sopostavitel'nyy analiz russkikh i frantsuzskikh tekstov)* [The specificity of the scientific text in the aspect of the category of addressability (comparative analysis of Russian and French texts)]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
6. Rokhlina, E.N. & Trimbl, U.U. (2015) Different types of academic articles: trends of development. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 5. pp. 91–101. (In Russian). DOI: 10.20339/PhS.5-15.091
7. Ryazanova, E.V. (2018) [Abstract as format of academic writing]. *Professional'noe lingvooobrazovanie* [Professional Language Education]. Proceedings of the 12th International Conference. Nizhny Novgorod. 02–05 July 2018. Nizhny Novgorod: RANEP. pp. 266–271. (In Russian).
8. Dobrynina, O.L. (2019) Academic writing for publication purposes: the infelicities of style. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 10. pp. 38–39. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-10-38-49
9. Belyaeva, I.V. & Renner, E.I. (2012) Mesto pis'ma v razvitiy akademicheskikh yazykovykh navykov v usloviyakh inoyazychnoy nauchnoy i professional'noy kommunikatsii [The place of writing in the development of academic language skills in academic and professional communication]. In: Kazakova, O.P. (ed.) *Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam* [Professionally-Oriented Teaching of Foreign Languages]. Vol. 6. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 27–30.
10. Dobrynina, O.L. (2015) Propaedeutics of errors in abstracts of papers written in Russian. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 7. pp. 42–50. (In Russian).
11. Shimanovskaya, L.A. (2013) Analiz tipichnykh oshibok v annotatsiyakh na angliyskom yazyke k nauchnym stat'yam po problemam inzhenernoy ekologii [Analysis of typical errors in annotations in English to scientific articles on problems of engineering ecology]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of the Kazan Technological University*. 13 (16). pp. 287–292.
12. Rakhmankulova, S.E. (2020) Syntax usage interference: manifestations and ways to handle (in English and Russian). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 40–48. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/450/5
13. Vikulina, M.A. & Vilkova, L.V. (2019) Elements of the methods for formative assessment of educational achievements in mastering a foreign language by university students. *Vestnik PNIU. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2. pp. 131–139. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.12
14. Rust, C., Price, M. & O'Donovan, B. (2003) Improving Students' Learning by Developing Their Understanding of Assessment Criteria and Processes. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2 (28) pp. 147–164. [Online] Available from: <http://web.a.ebscohost.com/ehost/pdfviewer/pdfviewer?sid=ad50fd33-edc1-46b7-8b02-1965515748b3%40sessionmgr4003&vid=5&hid=4214> (Accessed: 01.10.2020). DOI: 10.1080/0260293032000045509
15. Bachman, L.F. (2000) Modern language testing at the turn of the century: assuring that what we count counts. *Language Testing*. 1 (17). pp. 1–42.
16. Bachman, L.F. & Palmer, A.S. (1996) *Language testing in practice: designing and developing useful language tests*. Oxford: Oxford University Press.
17. Douglas, D. (2000) *Assessing language for specific purposes: theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Navitskayte, E.A. & Pomeranets, I.B. (2019) *Angliyskiy yazyk. Akademicheskoe pis'mo. Vvedenie i annotatsiya* [English. Academic writing. Introduction and abstract]. Saint Petersburg: Saint Petersburg Mining University.

Информация об авторе:

Федорова Н.Ю. – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Российского государственного гидрометеорологического университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: natajfedorova@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.Yu. Fedorova, Cand. Sci. (Pedagogics), docent, head of the Foreign Languages Department, Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: natajfedorova@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2021;
одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted 14.08.2021;
approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 28.04.2022.

Научная статья
УДК 378.12
doi: 10.17223/15617793/477/23

Физкультурно-спортивная деятельность кафедры физического воспитания ТГУ в 1960-х гг.

Раиса Геннадьевна Черданцева¹, Светлана Александровна Дробышева²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ *raisa070946@mail.ru*

² *dsa6314@mail.ru*

Аннотация. На основании архивных документов, научных публикаций и других источников рассмотрена история физкультурно-спортивной и учебной деятельности кафедры физического воспитания ТГУ в период 1960-х гг. Основные изменения в организации деятельности данного подразделения Томского государственного университета связаны с созданием в СССР Союза спортивных обществ и организаций, в частности, ДСО «Буревестник». Подчеркивается роль руководителей кафедры физического воспитания в процессе развития студенческого физкультурно-спортивного движения и формирования тенденций в организации учебной деятельности.

Ключевые слова: Томский государственный университет, физическая культура, кафедра физического воспитания, В.К. Мархальчук, А.П. Писанко, учебный процесс, программа физического воспитания, спортивно-массовые мероприятия

Для цитирования: Черданцева Р.Г., Дробышева С.А. Физкультурно-спортивная деятельность кафедры физического воспитания ТГУ в 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 209–215. doi: 10.17223/15617793/477/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/23

The history of organising physical education classes at TSU in the 1960s

Raisa G. Cherdantseva¹, Svetlana A. Drobysheva²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ *raisa070946@mail.ru*

² *dsa6314@mail.ru*

Abstract. In the 1960s, in the country, physical education and sports were given constant attention by the Communist Party and the government, as evidenced by many enactments of that time. On the basis of archival documents, periodical press materials and documentary publications, the authors analysed the methodology of conducting physical education classes; sports achievements of the university in international, all-Union, regional and city competitions; and the material base and its improvement at the Department of Physical Education headed by Vladislav Markhalchuk and Aleksandr Pisanko. With the help of the material base, which was created in the 1960s, many sports facilities were built at Tomsk State University to improve athletes' training process, and sports camps were opened. Sports camps played an important role in stabilizing the training process and creating opportunities for year-round training for athletes at the university. Additionally, many sections for various sports disciplines were opened. Work was carried out to attract students to sports in their free time. The staff of the Department of Physical Education were assigned to the university's faculties in order to strengthen physical culture and sports work. Many innovations affected the educational process. In the 1960s, the organization and conduct of academic studies changed for the better. Training sessions with students of the main and preparatory groups began to be conducted according to specializations. The work of the university's departments of physical education in general was aimed at increasing the attendance of classes and strengthening control over changes in students' physical development. A record book on physical education was introduced, in which all control standards and dynamics of physical development of each student were fixed. Health-improving and physical culture work began to be carried out with students assigned to a special medical group for health reasons. Individual groups were recruited; their main task was to eliminate functional deviations and deficiencies in physical development, as well as to improve versatile physical fitness. Vladislav Markhalchuk and Aleksandr Pisanko, heads of the Department of Physical Education in the 1960s, made a huge contribution to the development of physical education not only at Tomsk State University, but also in Tomsk Oblast.

Keywords: Tomsk State University, physical education, Department of Physical Education, Vladislav Markhalchuk, Aleksandr Pisanko, teaching methodology

For citation: Cherdantseva, R.G. & Drobysheva, S.A. (2022) The history of organising physical education classes at TSU in the 1960s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 209–215. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/23

История физкультурного образования в Томском государственном университете ведет отсчет с 1938 г.

В данной статье рассмотрены отдельные аспекты развития и становления физкультурно-спортивной и учебной деятельности кафедры физического воспитания ТГУ в период с 1960 по 1970 г., напрямую связанные с деятельностью заведующих кафедрой – В.К. Мархальчука и А.П. Писанко.

В 1960-х гг. в СССР перед физкультурным движением со стороны Коммунистической партии и правительства были поставлены новые задачи: превратить занятия физической культурой и спортом в массовое, общенародное движение.

Вслед за постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1959 г. «О руководстве физкультурой и спортом в стране», в 1960 г. вышло постановление II Всесоюзной Конференции СДСО «Буревестник» о работе ЦС и задачах по дальнейшему улучшению физкультурно-массовой, оздоровительной и учебной работы среди студентов и преподавателей вузов.

Владислав Казимирович Мархальчук был избран заведующим кафедрой в 1960 г. и работал в этой должности до 1962 г.

Родился В.К. Мархальчук 8 мая 1923 г. в городе Барнауле Алтайской губернии в семье рабочего. В 1940 г. после окончания 8 классов он поступил учиться в Томский техникум железнодорожного транспорта. Учебу прервала война. В 1941 г. В.К. Мархальчук добровольцем ушел на фронт. Участвовал в Сталинградской битве. Демобилизовался из армии в 1947 г. Был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

С 1947 по 1952 г. работал на Томском электромеханическом заводе им. Василия Вахрушева. Без отрыва от производства окончил Томский горный машиностроительный техникум, а в 1952 г. поступил учиться на факультет физического воспитания Томского педагогического института, который окончил в 1956 г. После окончания вуза один год проработал директором детско-юношеской спортивной школы Томского городского отдела народного образования. В 1957 г. был принят на работу в ТГУ преподавателем кафедры физического воспитания, а в 1960 г. избран по конкурсу на должность старшего преподавателя и заведующего кафедрой.

Владислав Казимирович был известным спортсменом, побеждал на областных и городских соревнованиях, на первстве Сибири и Дальнего востока в конькобежном и велосипедном спорте. Впоследствии стал одним из ведущих тренеров по конькобежному спорту. Его воспитанники становились победителями и призерами многих крупных всероссийских соревнований, а сборная команда конькобежцев ТГУ была постоянным призером городских и областных спортивных состязаний. Являясь председателем областной федерации и тренерского совета по конькобежному спорту, Владислав Казимирович принимал активное

участие в организации и судействе соревнований. В 1961 г. ему было присвоено почётное звание судьи республиканской категории.

За период работы заведующим кафедрой Владислав Казимирович много сделал для повышения качества учебно-спортивной работы, укрепления материально-технической базы кафедры. За плодотворную работу в ТГУ В.К. Мархальчук был награжден медалью «За доблестный труд». В 1961 г. избран депутатом Томского городского совета трудящихся [1].

Начало 1960-х гг. ознаменовалось развитием массового физкультурно-спортивного движения. Председатель ЦС Ю.А. Парфенов, выступая на Всесоюзной Конференции СДСО «Буревестник», акцентировал внимание руководителей вузов на необходимости строительства спортивных сооружений собственными силами. Самодеятельное строительство получило значительное распространение в вузах СССР. В ТГУ за лето 1960 г. было построено несколько комплексных спортивных площадок, в зимнее время заливался и функционировал каток, вдоль реки была проложена лыжная трасса.

Эти годы были ознаменованы введением в вузах новых учебных программ и планов по физическому воспитанию; изменились организация и проведение академических занятий, упорядочилась физкультурно-массовая работа. До этого во всех вузах страны программами были предусмотрены обязательные занятия по физическому воспитанию для студентов 1-го и 2-го курсов 2 раза в неделю. Новая программа предусматривала организацию занятий по физическому воспитанию в расчете четыре обязательных часа в неделю. Работа кафедр физического воспитания была направлена на повышение посещаемости занятий, усиление контроля за изменениями в физическом развитии студентов. По инициативе В.К. Мархальчука в ТГУ была введена зачетная книжка по физическому воспитанию, в которой фиксировались данные по выполнению контрольных нормативов, а также показатели динамики физического развития. Для усиления физкультурной и спортивной работы за каждым факультетом был закреплен преподаватель кафедры физического воспитания. Годовые отчеты, сохранившиеся в архивах Томского госуниверситета, свидетельствуют о том, что успеваемость по физической культуре в этот период была достаточно высокой – в пределах 97–98%.

В 1962 г. состоялся VI пленум Центрального Совета Союза; в решении этого пленума подчеркивалась необходимость усиления работы по подготовке спортсменов-разрядников (были поставлены конкретные задачи – 20–25% разрядников от общеглобального числа студентов), т.е. студенческое физкультурное движение должно выйти на новый качественный уровень. Это означало, что практически каждый студент по окончании вуза должен был стать спортсменом-разрядником или инструктором-общественником.

Куратором данного направления стало ДСО «Буревестник». Для его реализации в каждом вузе страны был сформирован план по подготовке спортсменов-разрядников.

На лидирующие позиции по подготовке разрядников в Томской области ТГУ вывела именно чёткая постановка физкультурной работы кафедры физического воспитания. Студенты стали более заинтересованы в занятиях по физической культуре, у них появился особый энтузиазм, здоровый интерес. Этому способствовало решение кадровой проблемы в физкультурной отрасли – повышение квалификационного уровня преподавателей, укомплектованность физкультурных кафедр дипломированными специалистами.

Подготовку спортсменов высокого уровня в вузовских объединениях осуществляли лучшие тренеры города, одновременно являющиеся преподавателями кафедр физической культуры. На тот момент в ТГУ костяк кафедры физического воспитания состоял из преподавателей, имеющих высшее образование, высшие спортивные разряды и достижения по видам спорта:

– Касаткина Тамара Сергеевна – мастер спорта СССР по баскетболу, окончила Ленинградский институт им. Лесгафта, тренер сборной команды ТГУ по баскетболу;

– Кирюшкина Алевтина Петровна – кандидат в мастера спорта СССР по легкой атлетике, участница международных соревнований во Франции (кросс Юманите), член сборной команды СССР. Рекордсменка области в беге на 800 м (1950–1960-е гг.);

– Тарасова Вера Дмитриевна – мастер спорта СССР по легкой атлетике, рекордсменка РСФСР, участница международных соревнований в Париже на приз Юманите, член сборной команды СССР по легкой атлетике (1950–1960 гг.);

– Толмачев Владимир Степанович – мастер спорта СССР по лыжным гонкам, чемпион Томской области, участник всероссийских соревнований, тренер сборных команд Томской области и ТГУ по лыжным гонкам;

– Угольников Леонид Николаевич – мастер спорта СССР по мотоспорту, тренер сборной команды ТГУ по мотоспорту, председатель спортклуба ТГУ;

– Дализин Юрий Сергеевич – перворазрядник по волейболу, тренер сборной команды ТГУ по волейболу;

– Ковязин Виктор Степанович – перворазрядник по легкой атлетике и многоборью;

– Корнев Николай Леонтьевич – мастер спорта СССР по легкой атлетике, тренер сборной команды ТГУ по легкой атлетике;

– Шамшур Алла Георгиевна – перворазрядница по легкой атлетике, рекордсменка Томской области на дистанции 80 м с барьерами;

– Кузьмин Василий Викентьевич – перворазрядник по конькобежному спорту, тренер;

– Гончарик Вера Петровна – перворазрядница по спортивной гимнастике, тренер сборной команды ТГУ по гимнастике;

– Бобин С.В. – перворазрядник по легкой атлетике [2].

Важными мероприятиями для усиления физкультурной и спортивной работы в вузах рассматриваемый период стали смотры-конкурсы и социалистические соревнования среди факультетов ТГУ и кафедр; между спортивными клубами вузов города также были организованы социалистические соревнования по следующим направлениям:

– по спортивно-оздоровительной работе;

– подготовке спортсменов-разрядников;

– итогам спартакиад и соревнований областного совета «Буревестник» [3].

За счёт использования различных форм спортивно-массовой работы значительно возросла численность студентов, активно занимающихся физической культурой. Большим разнообразием отличались программы соревнований различного уровня. Центральное же место среди всех мероприятий занимала традиционная круглогодичная комплексная студенческая спартакиада.

Приведем краткий перечень спортивных мероприятий и достижений студентов ТГУ в различных видах спорта.

Конькобежный спорт. В феврале 1961 г. в городе Иркутске проходили зональные соревнования конькобежцев в зачет II Зимней спартакиады РСФСР. Студентка ТГУ Тамара Горпунова, входившая в состав сборной команды ТО, выполнила норматив I разряда. В марте этого же года, на областном лично-командном первенстве по скоростному бегу на коньках в забеге на 500 м и 1500 м победила студентка ТГУ Л. Голякова. Т. Горпунова и Л. Голякова возглавили пятёрку лучших конькобежцев Томской области [4].

Лыжные гонки. В 1962 г. на межфакультетских лыжных соревнованиях первое место заняла студентка (РФФ) Е. Ведерникова, второе место – Н. Каштанова (ФФ), третье место – Г. Воробьева (ХФ). Среди мужчин на дистанции 15 км первое место – Н. Москаленко, на дистанции 10 км первым стал А. Трофимов (ГГФ). В эстафетном беге на лыжах победу одержали девушки ФФ, у мужчин – студенты ГГФ. 1 марта на соревнованиях по лыжным гонкам в честь XIV съезда ВЛКСМ 1-е место среди девушек заняла В. Колтукова (ГГФ), среди мужчин – В. Титов (ФФ). В общем зачёте первое место – ФФ, второе – РФФ, третье – ГГФ.

Плавание. В 1960 г. на первенстве города Томска команда ТГУ заняла первое место.

Лёгкая атлетика. 21–24 мая 1960 г. на первенстве ТГУ по легкой атлетике лучшие результаты показали: в спортивной ходьбе – В. Рябов (ГГФ), в прыжках в длину (4 м 97 см) и в беге на 80 м с барьерами – Л. Орлова (ММФ), в толкании ядра, прыжках в длину и в беге на 800 м – В. Лесникова, в беге на 200 м – Г. Недаиводина (РФФ), на 1 500 м – М. Кирюшин, в беге на 400 м – Т. Холодовская.

В январе 1961 г. на первенстве города Томска спортсмены ТГУ заняли общекомандное 2-е место, набрав 19 616 баллов. В апреле 1961 г. в лично-командном первенстве города Томска по лёгкой атле-

тике, команда ТГУ, набрав 26 632 очка, оказалась на 2-м месте. 7 мая 1961 г. на открытии летнего спортивного сезона на стадионе ДСО «Труд» сборная команда ТГУ по легкой атлетике заняла третье место. В июле 1962 г. на первенстве ТГУ по легкой атлетике в командном зачете победила команда РФФ, второй стала команда ГГФ, третьей – ММФ. Среди женщин лучшие результаты показали: М. Поталицина – в метании копья и толкании ядра, М. Павлова – в прыжках в длину, Л. Рыбкина – в метании диска. Среди мужчин: А. Деревянкин – в толкании ядра, А. Болтаев – в метании диска, С. Фоминых – в беге на 1 500 м [4].

Теннис. В июле 1961 г. чемпионкой первенства города Томска стала С. Ильина. В парном зачете победили Н. Петров, С. Ильина. Победители получили право участвовать в розыгрыше первенства РСФСР по теннису во второй группе.

Хоккей. В январе 1961 г. команда томских студентов, костяк которой состоял из студентов ТГУ, участвовала в розыгрыше первенства РСФСР по хоккею с шайбой среди команд первой группы.

Тяжелая атлетика. В марте 1961 г. на первенстве города Томска чемпионами и призерами в первом тяжелом весе стали Ю. Линьков (367,5 кг), в среднем – Ю. Шумилин (392 кг), который установил новый рекорд области в жиме двумя руками (132, 5 кг) [6].

Подводное плавание. В сентябре 1962 г. в ТГУ проходило первенство по плаванию в аквалангах. Титулы чемпионов достались студентам В. Жданову и Г. Колтуновой. На чемпионате РСФСР по подводному спорту в Новороссийске В. Жданов завоевал алую ленту чемпиона РСФСР [2, 7].

В целях выполнения Постановления правительства «О модернизации процесса физического воспитания в высших учебных заведениях» (1960) вузы перешли на новые учебные планы, предусматривающие специализацию по видам спорта.

И именно в этот перестроечный период в сентябре 1962 г. руководство кафедрой физического воспитания ТГУ принимает Александр Павлович Писанко, проработавший в должности заведующего до 1969 г.

Писанко Александр Павлович родился 17 мая 1921 г. в селе Елгай Томского уезда Томской губернии. Отец, Павел Константинович (1898 г.р.), из крестьян-переселенцев с Украины, в 1930-х гг. работал грузчиком на железнодорожной станции Томск-1. В 1937 г. арестован и обвинен в шпионско-диверсионной деятельности, осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах сроком на 5 лет. Реабилитирован в 1958 г. А.П. Писанко окончил 7 классов средней школы в Томске. В 1938 г. поступил на рабфак при ТИИ (ныне ТПУ), однако в продолжении учебы в институте ему было отказано как сыну врага народа. С сентября 1939 по ноябрь 1940 г. работал статистиком в Томском горно. В 1940 г. поступил на подготовительные курсы немецкого языка при Томском государственном педагогическом институте, которые успешно окончил в 1941 г. и был распределен на работу преподавателем немецкого языка в село Ново-Покровка Тяжинского

района Красноярского края. С августа по октябрь 1941 г. А.П. Писанко исполнял должность директора Новопокровской начальной сельской школы. Затем он переехал в Томск. С января 1942 г. по ноябрь 1943 г. работал токарем по металлу на оптико-механическом заводе № 355, размещавшемся в главном корпусе Томского университета. С сентября 1943 г. по сентябрь 1945 г. А.П. Писанко – мастер производственного обучения токарному делу, затем старший мастер технического училища № 1. В тот же период начал заниматься легкой атлетикой и лыжами в ТГУ в группе тренера А.А. Далингера. В 1949 г. А.П. Писанко поступает в Томский государственный педагогический институт на факультет физического воспитания. Еще будучи студентом работал тренером при ДСО «Искра», преподавателем физвоспитания в Томском медицинском институте. В 1953 г. с отличием окончил Томский педагогический институт, получив квалификацию «учитель средней школы по физическому воспитанию, анатомии и физиологии человека» и остался преподавать на кафедре физического воспитания в Томском государственном педагогическом институте. С ноября 1955 по сентябрь 1957 г. – заведующий кафедрой физвоспитания и спорта Томского государственного педагогического института. С сентября 1957 по июнь 1962 г. – преподаватель кафедры физвоспитания и спорта Томского политехнического института. С сентября 1962 по 1969 г. – заведующий кафедрой физического воспитания и спорта Томского государственного университета [8].

В период заведования кафедрой А.П. Писанко продолжил работу по развитию материальной базы университета и вовлечению студенческой молодежи в активные занятия физической культурой и спортом.

Работа кафедры физического воспитания состояла из следующих направлений:

- реализация учебного процесса в соответствии с учебной программой;
- организация факультативных занятий физической культурой;
- подготовка спортсменов-разрядников и значкистов ГТО;
- внеучебная спортивно-массовая работа со студентами;
- медицинское сопровождение процесса физического воспитания (академические занятия, спортивно-массовые мероприятия);
- повышение квалификации преподавательского состава;
- подготовка инструкторов по физической культуре из числа студентов;
- организация летнего отдыха студентов и туристических мероприятий;
- шефская работа в школах [9].

Нововведением в организацию процесса физического воспитания в ТГУ стали занятия со студентами, имеющими отклонения в состоянии здоровья. Комплектовались отдельные группы, основной задачей которых являлось устранение функциональных отклонений и недостатков в физическом развитии. Занятия проходили по особой программе, включающей

элементы гимнастики, лыжного спорта, а также теоретический курс. Нагрузка определялась для каждого студента индивидуально. Зачетные требования для студентов специальной медицинской группы включали: знания из теоретического раздела, посещение практических занятий, приобретение практических навыков по судейству и проведению утренней гимнастики. В 1960-х гг. численность медицинских групп была невысокой [9] (например, в 1964 г. в ТГУ обязательные занятия по физической культуре посещали 1 925 студентов, а в специальной медицинской группе занимались 118 человек).

Особо следует сказать о планировании деятельности кафедры физического воспитания ТГУ. Обязательные занятия, как и факультативные, планировались учебной частью вуза по семестрам по согласованию с руководством кафедры физического воспитания и спортивным клубом. Занятия с группами разрядников предусматривались по особому графику. Планы спортивных мероприятий по семестрам входили в структуру общего плана воспитательной и культурно-массовой работы ТГУ и утверждалась ректором или проректором по учебной работе.

Особо формировались планы на периоды зимних и летних каникул, а также оперативные планы спортивно-массовых мероприятий на месяц. В планировании спортивных мероприятий на факультетах принимали участие спортивные советы факультетов совместно с кураторами – сотрудниками кафедры физического воспитания. Наиболее массовыми спортивно-массовыми мероприятиями считались первенства и блицтурниры факультетов по видам спорта, лыжные и легкоатлетические кроссы, туристические походы, спортивные фестивали, праздники здоровья, а также спартакиады среди студентов, проживающих в общежитии. Все мероприятия содействовали вовлечению студентов в занятия спортом и повышению спортивного мастерства.

В организации учебно-спортивного процесса участвовали штатные преподаватели, преподаватели-почасовики, кроме того, к работе привлекались тренеры-общественники. Спортклуб отвечал за подготовку общественных инструкторов, организуя семинары для физоргов учебных групп и членов спортивного совета ТГУ по видам спорта.

С 1962 г. подготовка спортсменов-разрядников стала одним из основных направлений работы кафедр физического воспитания. Содействовало этой работе ДСО «Буревестник».

Особое внимание было направлено на развитие видов спорта, особенно популярных в условиях Сибири (в ТГУ – это лыжный, конькобежный спорт, хоккей, легкая атлетика, пулевая стрельба, борьба, тяжелая атлетика, баскетбол, волейбол и др.).

В 1966 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию физкультуры и спорта», во исполнение которого 17 ноября 1967 г. бюро Томского обкома КПСС приняло Постановление, где предусматривались меры по развитию физкультурного движения в области, строительству материально-технической ба-

зы, а также определялись приоритетные для Томской области виды спорта: лыжные гонки, тяжелая атлетика, борьба классическая, прыжки с трамплина и двоеборье, легкая атлетика. В ТГУ были дополнительно созданы спортивные секции по опорным видам спорта. В этот период в университете выросла целая плеяда мастеров спорта СССР, кандидатов в мастера спорта, перворазрядников, которые успешно выступали на соревнованиях всесоюзного и международного масштаба. Приведем краткий перечень спортивных достижений студентов ТГУ в период с 1962 по 1969 г.

Подводное плавание. В.В. Жданов – первый абсолютный чемпион России, участник международных соревнований по скоростным видам плавания в ластах 1962 г., В.Б. Титов – чемпион России 1963 г., первый мастер спорта СССР по скоростным видам плавания в ластах. В 1964 г. на первенстве Томской области по подводному спорту первое место и звание чемпиона области среди мужчин завоевал президент клуба СКАТ, дважды чемпион РСФСР В. Жданов, второе место – В. Титов, третье – В. Сарычев. Среди женщин первое место завоевала Н. Юркова, второе – В. Рубина, третье – В. Сазанович. В 1965 г. команда спортивного клуба СКАТ в полном составе участвовала в первенстве РСФСР и завоевала звание чемпиона РСФСР, а все участники вошли в десятку сильнейших. В 1965 г. члены клуба СКАТ участвовали в экспедициях на Японском море и на оз. Байкал.

В 1967 г. в Новороссийске состоялось второе первенство ЦС «Буревестник» по скоростным видам плавания в ластах. Сборную г. Томска представляли студенты ТГУ В. Жданов, Н. Юрга, Н. Яковлев, В. Титов, В. Брудный и Н. Юрков. По итогам соревнований команда стала чемпионом Центрального совета общества, а Н. Юрга выполнил норматив КМС.

Легкая атлетика. Наиболее значимыми соревнованиями были ежегодные массовые легкоатлетические кроссы ТГУ, численность участников составляла 1500 и более студентов. В. Аржанников стал чемпионом Томской области и бронзовым призером первенства СССР в беге на 10 км. В 1963 г. на первенстве РСФСР по легкоатлетическому кроссу в Ставрополе принимали участие студенты ТГУ: Г. Воробьева (ХФ), В. Головки (ФТФ), С. Фоминых (ИФФ). В 1967 г. на первенстве РСФСР по легкой атлетике в Иваново команду Томской области представляли студенты ТГУ. В командном зачете область заняла 20-е место. В личном зачете в беге на 200 и 400 м среди женщин первым призером стала Л. Мухарева стала, среди мужчин в беге на 1 000 и 5 000 м – В. Аржанников. В 1968 г. команда ТГУ принимала участие во Всесоюзных студенческих соревнованиях по легкой атлетике в Саратове.

Коньки. 1967 г. на стадионе «Труд» состоялось первенство ДСО «Буревестник» по конькам. Среди женщин чемпионкой стала Т. Горбунова.

Лыжи. В.С. Толмачев, преподаватель кафедры физического воспитания ТГУ, выполнил норматив мастера спорта СССР по лыжным гонкам. В декабре 1963 г. на открытии лыжного сезона в городе Томске, команда ТГУ заняла стала третьей на городских со-

ревнованиях. В 1964 г. по итогам «Снежной универсиады» лыжники ТГУ заняли общекомандное второе место. В личном зачете победила сотрудница ТГУ Г. Горбунова.

Тяжелая атлетика. В 1964 г. на первенстве ДСО «Буревестник» команда ТГУ заняла второе место.

Альпинизм. В 1968 г. команда ТГУ была отправлена в Заилийское Алатау на базу «Туюк-Су» для прохождения учебно-тренировочных занятий по горным восхождениям и участия в зимней альпиниаде. Руководитель экспедицией Н.Н. Дьяченко.

Баскетбол. В 1969 г. женская сборная ТГУ выступала за честь Томской области в первенстве РСФСР среди вузов в городе Кемерово.

Шахматы. В 1968 г. сборная команда ТГУ в составе: В. Бережной, А. Приходский, И. Ахунов, А. Скавронский, Л. Бахтина, Ю. Мокин, А. Гулидов участвовала в первенстве Западной Сибири среди студентов в Новокузнецке.

Мотоспорт. Команда мотоциклистов университета (Д. Парамонов, А. Гнатюк, А. Петров, В. Карпов, Ф. Брагин и др.) была участником и призером многих спортивных состязаний: 1966 г. – первенство РСФСР среди вузов по мотоспорту в Москве, 1967 г. – в Ижевске, 1969 г. – первенство ДСО «Буревестник» в Казани [10].

Значимым событием того времени можно считать введение в эксплуатацию в 1969 г. спортивного корпуса ТГУ. Спортивный корпус представлял собой современное по тому времени сооружение, которое могло удовлетворить физкультурно-спортивные интересы и потребности студентов и сотрудников ТГУ. По инициативе А.П. Писанко здесь была оборудована барокамера для проведения исследований по адаптации спортсменов в условиях высокогорья.

В 1962 г. ЦК СДСО «Буревестник» принял постановление «О работе оздоровительно-спортивных лагерей» Это положило начало организации и строи-

тельства спортивных лагерей на базе ТГУ. В 1963 г. был построен палаточный лагерь «Рубин» на берегу Оби, начальником лагеря был назначен Л.Н. Угольников. В 1965 г. на р. Курья был открыт еще один спортивно-оздоровительный лагерь, начальником которого был назначен В.А. Дятлов. В спортивных лагерях были оборудованы места для проведения занятий по плаванию, гимнастические городки, игровые площадки, легкоатлетическая трасса для бега, прыжковые ямы, футбольное поле. Всё обустройство, как свидетельствуют документы, выполнялось силами студентов и преподавателей кафедры физвоспитания. Жизнь в лагере была ключом. Проводилась утренняя гимнастика, работали секции по видам спорта (футбол, волейбол, баскетбол, легкая атлетика, плавание, гребля на лодках), проходили оздоровительные занятия со студентами специальной медицинской группы, студентов обучали плаванию и гребле на весельных лодках; проходили товарищеские встречи между командами факультетов ТГУ, а также с командами студентов из лагерей других вузов в рамках межлагерной Спартакиады и т.д. Здесь же готовили инструкторов-общественников, судей по видам спорта, сдавали нормы ГТО, оказывали помощь Киреевскому колхозу в заготовке кормов.

А.П. Писанко, возглавляя кафедру физического воспитания, принимал активное участие в общественной жизни университета и города. Неоднократно избирался членом профкома, председателем ревизионной комиссии Томского областного совета СДСО «Буревестник», был председателем федерации по легкой атлетике Томской области и одним из инициаторов проведения спартакиады университетов Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Средней Азии, Урала. Александр Павлович пользовался большим авторитетом у коллег. Награжден медалями «За доблестный труд в ВОВ 1941–1945 гг.», «60 лет ВОВ 1941–1945 гг.».

Список источников

1. Архив Томского государственного университета. Ф. Р. 815. Оп. 85. Д. 5463. Мархальчук В.К. 1957–19/16. 42 л.
2. Архив спортивного клуба Томского государственного университета
3. Сарычева Т.В. Организация внеучебных форм физкультурно-массовой и спортивной работы в вузах Западной Сибири (на примере г. Томска в 1945–1991 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 70–77.
4. За Советскую науку. 1961. Февраль.
5. За Советскую науку. 1961. Январь.
6. За Советскую науку. 1961. 20 марта, 30 апреля, 15 мая.
7. Сарычева Т.В. Становление и развитие физической культуры в системе высшего образования в Сибири. Томск : Изд-во ТПУ, 2013. 198 с.
8. Писанко Александр Павлович // Электронная энциклопедия Томского государственного университета. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Писанко_Александр_Павлович
9. Сарычева Т.В. Становление и развитие физической культуры в системе высшего образования в Сибири : на примере вузов города Томска : дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2004. 198 с.
10. За советскую науку. 1963. № 3 (666). 28 января.

References

1. Archive of Tomsk State University. Fund P. 815. List 85. File 5463. Markhalchuk V.K. 1957–19/16. 42 p. (In Russian).
2. Archive of the Sports Club of Tomsk State University. (In Russian).
3. Sarycheva, T.V. (2014) The organization of extracurricular physical cultural and sport mass work in higher institutional establishments (HIE) in Western Siberia (HIE of Tomsk, 1945–1991). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (31). pp. 70–77. (In Russian).
4. *Za Sovetskuyu nauku*. (1961) February.
5. *Za Sovetskuyu nauku*. (1961) January.
6. *Za Sovetskuyu nauku*. (1961) 20 March, 30 April, 15 May.

7. Sarycheva, T.V. (2013) *Stanovlenie i razvitie fizicheskoy kul'tury v sisteme vysshego obrazovaniya v Sibiri* [Formation and development of physical culture in the system of higher education in Siberia]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
8. Elektronnaya entsiklopediya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Electronic Encyclopedia of Tomsk State University]. (n.d.) *Pisanko Aleksandr Pavlovich* [Aleksandr Pavlovich Pisanko]. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Pisanko,_Aleksandr_Pavlovich
9. Sarycheva, T.V. (2004) *Stanovlenie i razvitie fizicheskoy kul'tury v sisteme vysshego obrazovaniya v Sibiri : na primere vuzov goroda Tomsk* [Formation and development of physical culture in the system of higher education in Siberia: on the example of universities in Tomsk]. Pedagogics Cand. Diss. Tomsk.
10. *Za sovetskuyu nauku*. (1963) 3 (666). 28 January.

Информация об авторе:

Черданцева Р.Г. – тренер-преподаватель кафедры физической культуры и спорта Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: raisa070946@mail.ru

Дробышева С.А. – старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dsa6314@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.G. Cherdantseva, instructor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ffk@mail.tsu.ru

S.A. Drobysheva, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dsa6314@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.06.2021;
одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 22.06.2021;
approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 29.04.2022.*

Original article
UDC 378+37.0
doi: 10.17223/15617793/477/24

Historical conditions of human capital's formation in the higher education's non-state sector abroad*

Olesya V. Tsiguleva¹, Svetlana I. Pozdeeva²

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ oltsiguleva@yandex.ru

² svetapozd@mail.ru

Abstract. Private education in most countries is considered as an important part of the national education system. Having a long history private education demonstrates high quality and standards of education. Historical conditions of human capital's formation in the non-state sector of higher education in foreign countries (China, the UK, the USA, and others) are analyzed. Features of human capital's formation in the private sector of education in different countries are characterized.

Keywords: historical conditions of human capital's formation; private education; higher education

For citation: Tsiguleva, O.V. & Pozdeeva, S.I. (2022) Historical conditions of human capital's formation in the higher education's non-state sector abroad. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 216–221. doi: 10.17223/15617793/477/24

Private education in most foreign countries is a national educational system's integral part. Private education, having a long history, demonstrates education high quality and standards in developed countries such as Great Britain, the USA, Japan, China, etc.

The concept's essence of "private education" in different historical periods was interpreted in different ways. In certain periods, "private education" was understood as home education, since education for many centuries was inseparable from the clan life, and, consequently, the family. As such, a special institution of education did not exist; it originated at a later stage in the primitive society development. Today, most scholars interpret the concepts of "private education" and "private school" as identical, but it is necessary to separate these definitions, since "private education" is a form of education, and a private school is a non-state educational institution owned by individuals and various foundations.

The non-state education sector's genesis showed that the school historical point as a special sphere of social activity is the era of Ancient East civilizations, the origin of which dates back to the 5th millennium BC. In the late Neolithic era, decomposition of primitive society's features began to appear in various parts of the world, and at the same time new social structures arose. In the most ancient states that replaced the archaic society, education and training was carried out mainly in the family [1].

Obtaining an education in ancient society meant not only the selection of an individual who acquired certain knowledge from among other tribe's members, but also a means for gaining a higher position in the community. Physical and labor training for the younger generation in ancient society was inseparable, connected with the elementary mental and moral education foundations.

The accumulated methods of younger generation teaching the in a primitive society historically prepared those qualitative changes that took place in the future and which laid the foundation for the education system formation as such. In the growing division of labor context, when a person required a much larger amount of information, home education was not enough. All this created the preconditions for the subsequent emergence of specially organized education, which, in turn, acted as a powerful factor in the social progress of society.

The history of private education origin abroad dates back to ancient times. The first Chinese schools arose in the 3rd millennium BC [2. P. 22]. Only the wealthy parent's offspring could receive education in these educational institutions, studying hieroglyphic writing. In the described historical period of time, hieroglyphic writing already took place, however, only a select few, mainly ministers of the church, owned it. Writing and reading skills were passed on to sons and grandchildren, and practically did not receive distribution in society.

In China, in the second half of the first millennium BC, during the Qin emperors short reign (221–207 BC), a centralized state took shape [2]. Educational reforms carried out by state authorities contributed to the simplification of elementary literacy (writing hieroglyphs) and the centralization of China educational segment, uniting government and private educational institutions into a single system.

Despite of public education intensive development in the Middle Ages in China, the upper class preferred private education over public education (home schooling or private school).

The first schools in Ancient Egypt appear at about the same period as in Ancient China, emerging as a family institution [1]. Ancient Egyptian schools distinctive

characteristic is a small number of students. School fees were high, so only boys who belonged to the families of officials, priests and wealthy citizens could attend the school. The girls were homeschooled. The training was individual in the essence; its duration depended on the student's efforts and abilities. At the education initial stage, children were taught elementary literacy, at the second stage, there was a differentiation in academic subjects depending on the education purpose: (humanitarian training, mathematical, economic activity). The learning process was monotonous and consisted of rewriting and memorizing standard texts, teachings, examples, etc. Despite the fact that education in Ancient Egypt was of a specialized nature, it was considered the key to a future successful career.

In ancient Greece, the first Athenian educational institutions (didaskaleons), as well as in China, were private. The education's main goal in these educational institutions was bodily and moral development [2]. During the period under review, there were two types of schools - general education (musical) and private gymnastic schools for boys (palestra).

In general education schools children were taught the art of reading, writing and counting, using abacus in the learning process. Learning to write and read was taught using the literal method (i.e. memorizing the alphabet, and then two-letter syllables, three-letter syllables, etc.).

The private education formation in Rome dates back to the II century BC. In the ruling Roman estate (nobilet), which replaced the patricians, homeschooling with invited teachers (Greeks) dominated [2]. This tradition lasted throughout the Roman Empire entire period.

However, only wealthy people could afford to invite teachers to their homes, and therefore Greek grammar teachers more and more often taught not at home, but in their own schools. Private were also trivial schools in which elementary education was given. In this type schools, there were various educational programs. In the II century. BC. a new type of private education appears in Rome, advanced schools (grammatical), also opened by Greek teachers. Older children, boys from 12 to 16 years old, studied in them. In these educational institutions, which are private in their status, they taught basic subjects (grammar and arithmetic). The main emphasis was placed on physical training and military exercises, which were carried out outside the classroom. It is necessary to emphasize that teachers of specialized educational institutions (grammar) occupied a higher hierarchical position in comparison with teachers of elementary schools, could be in the public service and be paid by the state.

Private education originated in the ancient world, when the society's need for elementary knowledge arose. Only wealthy and state people could afford to study in private schools, since a small number of people owned knowledge in the described historical period and knowledge was considered the lot of the elite.

By the beginning of the Middle Ages in Europe, an extremely variegated picture existed in the education field on the former Roman Empire ruins.

The new period's reporting point in the European countries history can be dated to 476, the year of Roman

rule end. This time also coincides with the change in the legal relations system in European society (the feudal system is replacing the slave system) [2]. Religion, led by clergy, becomes the core and stronghold of feudal society. The church a priori becomes the cradle of knowledge, uniting various schools, workshops and libraries under its roof.

The described historical events have left an imprint on the education system development in Europe.

According to most scholars, the Western European educational system is difficult to understand without considering Byzantine influence. For a long time in Europe, education was based on the study of classical languages: Latin and Greek. This teaching tradition, which came from the Byzantine Empire, existed in Western European countries until the 15th century [2].

The medieval education development is primarily associated with the church culture development in European countries. For example, in the IV-V centuries, when the Germanic tribes resettlement began, their tradition of military-community education became widespread in Europe, thereby influencing the knightly and monastic education system that was taking shape in the Middle Ages. Schools and educational centers were created within the walls of the monasteries, where future clergymen received both secular and military education.

The private education origins in the British Isles date back to the 6th century beginning, when feudal society and the church as a stronghold of knowledge began to play a dominant role in the spread of education. Researcher S.V. Kordle in his work identifies three stages of the private education development in the UK. The author notes that non-state education intensive spread was influenced by religious, socio-economic, political and cultural preconditions [3].

Analyzing the first historical period of the private education formation and development in Great Britain (from the 5th to the 13th centuries), it can be noted that they are associated with the emergence of church and monastery schools.

The first schools in the British Isles (cathedral schools at Canterbury (598) and York (635)) were owned by the church, as in many European states. The main reason for the private education emergence and development in Great Britain is the peculiarities of public administration in the period under review.

As the genesis of the non-state sector of education formation abroad shows, in the Middle Ages, schools were opened mainly in church parishes and their creation coincides with the Christian chronology. For example, the oldest private school in Britain was opened in York.

However, many English scholars consider the issue of the first private school in York controversial. According to their research, the first educational institution was created in the year of St. Augustine's Cathedral (598) founding and is today known as King's College in Canterbury [4]. Such educational institutions are a reflection of the politics of Roman influence.

As the theoretical sources analysis on the research topic shows, a British education distinctive feature was that the schools were taught not by church ministers,

despite the fact that the educational sphere was the clergy prerogative.

The 11th century invasion of Britain by the Norman Duke William the Conqueror and his subsequent coronation did not negatively impact of private English education development. Educational institutions, as before, were in the clergymen hands and under their tireless control, but training was also carried out by secular persons.

Intensive development of Europe private education takes place in the XI century. The main reason for this was the cities formation and trade relations development. In the cities where private schools were opened, they taught directly practical knowledge. The teachers of such schools were criticized by the monasteries for introducing fees, since knowledge was considered exclusively a gift from God.

British educational institutions from the 11th to the 15th centuries. were aimed at training statesmen, clergy and warriors [1]. In the Britain educational system of the period described, the nobility idea, generosity and dedication prevailed, therefore, the upper class priority was learning to ride a horse, handling various types of weapons, hunting, i.e. everything a knight needs. But in addition to all this and in the name of this, a spiritual and moral order of norms of behavior reigned in educational institutions.

The second period of private education development dates back to the 13th–18th centuries. This period is associated with the grammar schools emergence. Private education intensive development in England occurs at the end of the XIV c. The most famous of the private schools created during the Middle Ages: Winchester (1387) and Eton (1449). Schools were opened on various donations from individuals and state subsidies, but only the wealthy parents' offspring who could provide donations or pay for education could study in them.

The practice of private education became widespread in Flanders and Italy in the second quarter of the 14th century, from where it spread to other countries. The schools were divided into public and private. It is known that all programs in schools were almost identical (both in public and private), teaching was conducted without students' gender separation, and women taught on an equal basis with men in these schools. However, it should be noted that it was with the private schools emergence that the idea arose about the children's gender division in the future.

Most of the students in private schools, who were trained for commercial activity, after graduating from elementary private school, chose to continue their studies in commercial. There they were taught arithmetic, accounting, and rules of commercial correspondence, foreign languages and geography.

A special place in the Western European education system in the Middle Ages was occupied by traditional schools for the aristocratic class, the so-called palace schools. The spread of the system of such educational institutions in the Middle Ages was typical for German and Italian cities: Meissen, Verona, Padua, Venice, Florence, etc.

The private education development in the medieval period is closely associated with the cities emergence and trade development. During the early Middle Ages, the private education system, as well as public education, was under the church vigilant supervision, and it was the church that had the primary influence on the private education development in European states.

Since the end of the 18th century, in most European countries, private educational institutions have been under strict supervision, verification and audit by government bodies. So, for example, in Prussia since 1794 legislation was in force, according to which all schools, including private ones, were subject to government control. It should be noted that even now private education in Germany is under state control, especially in matters of education quality.

French private schools were constantly checked by the state inspection. And although the activities of private schools were guaranteed by the laws of 1850, 1867, 1880s, nevertheless, the state kept the private education development under control [1].

In contrast to Germany and France, in Fraternia, the adopted legislation, on the contrary, contributed to the private education sector productive development. It was this circumstance that contributed to the intensive development and stability of the private school positions. The non-state education functioning sector depended on material investments and donations from the public. The private school development contributed to the qualitative and quantitative composition of students in state educational institutions (downward). In the UK, the need to innovate in education has historically been shaped by the upper echelons as a response to the need for rapid industrial growth. The government saw the main direction of the educational system development in Great Britain in changing the education content.

State control over the private sector of education in Great Britain was established only in the 19th century, but the transition to government public forms did not take place. Despite the transformations that have taken place in the UK education system over 600 years, private education has retained its high social status and remains in high demand.

Summing up the above, it should be emphasized that during this period the church role in the educational segment, especially in the non-state sector, was dominant. Many private schools, workshops and libraries were controlled by the clergy. For example, religious subjects were taught in almost all English schools, although they were not included in the curriculum mandatory content. The private education sector stable position in England was explained by the minimal interference of the state in this activity sphere.

The higher education development in Europe can be dated back to the late 12th – early 13th centuries, when the first universities appeared. The word “university” (from Latin “universities” means “integrity”, “totality”), that is, a corporation of teachers and students [1].

One of the first universities founded in Europe was the Bologna University (1088 AD). However, it should be noted that the world history of university education dates

back to the Arabs, when a university was opened in Fez (Morocco), in 859. Following it, in 900, a university was opened in Scotland in Faifa, where they taught medicine and theology.

Less than 100 years after the opening of the Bologna University in 1167, one of the oldest universities in the world, Oxford, began to operate. Following the high school opening in Oxford, universities are starting to open throughout Europe.

Medieval universities' feature was that all subjects were taught in Latin, which ensured these autonomy educational institutions in making decisions on management and educational activities without the state and local authority's participation. It is the 12th century that is considered the beginning of academic mobility emergence, since, according to the rules of universities, an agreement with professors was concluded only for one year. Therefore, teachers wandered from one university to another.

In the Middle Ages, university studies began with a junior faculty, where liberal arts (i.e. grammar, logic, rhetoric, arithmetic, etc.) were taught. After graduating from the junior faculty, it was necessary to enter the faculties of law, medicine, theology, philosophy (the next level of education).

To obtain the university status, it was necessary to obtain the main medieval papal document (with a lead or gold) seal about its discovery. This document confirmed the university status and its direct subordination to the Pope. The powers of this higher educational institution were confirmed by special documents, which were valid only when signed by the reigning persons or by the pope. This document gave sovereignty and independence to the university, and also guaranteed:

- autonomous management of the educational process
- conferring academic degrees
- exemption of students from military service
- own judicial system.

All subjects of this educational institution (faculty, students and administrative staff) were subordinate only to the rector of the university (elective position).

As for higher education in Europe, it reached its greatest peak in the seventeenth century, especially in Western Europe. The reasons for such an intensive education development were the humanities and natural sciences integration, native language teaching, independence in the management and organization of the educational process in higher education, the opening of professionally oriented universities [5].

The private higher education development in some countries was formed later and dates back to the end of the 18th – early 19th centuries. In Germany there were several types of higher commercial educational institutions at the end of the XIX century.

Higher education institutions' characteristic feature in Germany is legal independence, despite the fact that in reality they were part of classical universities. Commercial disciplines in these universities were taught by teachers from commercial educational institutions, and general education courses, such as history, Latin, philosophy, etc., were taught by university professors [5].

P. 178]. Obviously, the main reason for this was financial savings, since some subjects were taught at the university or at the polytechnic institute.

Outstanding examples of this type educational institution were the Higher Commercial School in Leipzig, established in April 1898. It was the first higher commercial educational institution opened in Germany. This commercial school characteristic feature of this commercial school was that it was founded on the basis of the Leipzig University. The institution was opened by agreement of the Leipzig Chamber of Commerce in conjunction with the university, with the Chamber of Commerce taking on financial responsibility for the university for a two-year period. Financial assistance to the commercial school was provided by the Leipzig official authorities, which pledged to pay 3 and 5 thousand marks over a two-year period [6. P. 14].

The commercial school main tasks were:

- to provide general and special commercial education to students who are ready to engage in commercial activities in the future;
- to provide appropriate theoretical and practical training for young people willing to teach in commercial schools;
- to take care of providing other professions to people who need them on commercial issues (for example, lawyers preparing for service in consulates, chambers of commerce, etc.).

Another equally famous non-state educational institution was the Higher Commercial School, created in Berlin at the beginning of the 20th century. This private educational institution was characterized by the fact that it existed only on financial resources and investments of merchants and did not have the (financial) support of the Ministry of Trade and Industry.

The curriculum content was mostly business sciences: accounting, financial and commercial computing. In addition, in the curriculum content, a large place was given to theoretical subjects that increased the knowledge amount needed for commercial sphere (economic geography, political economy, history and jurisprudence, natural sciences, foreign languages).

Thus, a modern system of non-state higher education begins to take shape starting from the XVIII century in Western Europe

Unlike in Europe, the history of American education dates back to the 17th century due to historical background (the first English settlement was founded in 1620, Plymouth colony). One of the main characteristic features of private education birth in the United States was that, in socio-economic terms, plantation slavery (and not a feudal system) was established in the country, in connection with vast land areas. The American educational segment formation was greatly influenced by the traditions and experience of the English education system (since in this historical period the United States was a colony of England), which was taken as a basis.

Thus, the schools prevalence with identical curricula and learning process, as in the UK educational institutions, is obvious. As a rule, schools functioned on material rewards from public and subsidies from local

administrative authorities, that is, by their legal status, they were private.

As in Great Britain, schools in the United States were under the clergy dogma. However, the church influence on the United States educational system lasted for just over 50 years, in contrast to Western European countries, and especially Great Britain, where the clergymen control continued for a long time.

The US education system's genesis showed that Samuel Phillips, who founded one of the oldest private academies in America, Phillips Academy, became the founder of the non-state education sector formation in the United States, which became famous for its outstanding graduates. When organizing the educational process, the Americans copied the English education system, but did not reach European educational institutions level, the history of which dates back to the 12th – 13th centuries.

The United States agricultural orientation, as one of the most important economy segments of the colonial period, had a huge impact on the educational system's formation and development. Almost all curricula of academic disciplines in educational institutions were of a practical nature and were directly related to the development of the state agrarian complex [7]. This specific nature of training was due to the need for practical skills and abilities throughout the country and is associated with the geographical mobility of the population. It is here, in our opinion, that it is appropriate to talk about the origins of the professional mobility emergence.

At the end of the 18th century. significant changes are taking place in the US educational system. Having achieved independence, the North American states felt the need for a large number of specialists capable of organizing production, meeting the needs of health care and education.

The US educational segment's genesis dates back to 1636, when the first American college, known today as Harvard University, was founded.

It should be noted that the education history of the United States is one of the most recent, since in 1620 (the time the first pilgrims' arrival in America), many universities had already been created and successfully operated in Europe and the Middle East. So, for example, the Al-Azhar University (Egypt) was founded in the XI century, a little later the university was opened in Bologna (Italy), in Paris and in England (Oxford and Cambridge universities).

The intensive development of industrial production served as a catalyst for changing the directions of training specialists in private educational institutions. The government has set an orientation towards staffing the technical and agricultural sectors. This circumstance was a key incentive for the private college's transformation into universities with extensive areas of training and a developed research base. In fact, this can be considered the formation's starting point of well-known American private universities.

The state legislation and their economic situation's difference led to the fact that the attitude towards the American education system during the described period was significantly different. However, state leaders, recognizing the importance of education, began to pay attention to the education system's problems. Thus, the non-governmental sector of higher education in the United States has developed for several reasons, which can be formulated as follows:

- the state could not satisfy the growing population's educational needs, and the private sector of higher education sought to provide education to everyone;

- the non-state sector of higher education was the first to recognize the labor markets challenges and restructure the education content in accordance with the society needs (the need for education in a highly specialized sphere), in this regard, the development and application of new teaching methods took place [8];

- large monopolies and individuals' financial support (many wealthy families took an active part not only in the development of the state economic segment, but also in the educational sphere) [9; 10]. For example, at the end of the 19th century, the Rockefeller family donated a huge amount to a Chicago university's development; with the financial resources of businessman D. Hopkins, Hopkins University is opened in Baltimore – for a long time it was considered the largest research center and served as a model for modern research universities);

- a characteristic trend of the non-state higher education historical development in the United States is a steady increase in the proportion of women in the student body.

The historical conditions of human capital's formation in the non-state sector of higher education abroad are the following:

- 1) private education's formation and development in European countries in the Middle Ages is closely related to the cities emergence and trade development. During the wounded Middle Ages, the church influenced the private education development, most of the private educational institutions were created at monasteries;

- 2) private sector of education's stable position and its intensive development in European countries is explained by the state minimal interference in the private schools activities;

- 3) private universities were the first to recognize the labor market's challenges and restructure the education content in accordance with the society needs, including the education content in a highly specialized sphere;

- 4) non-state sector of higher education, being an innovation source, has played a significant role in the history of education development in foreign countries;

- 5) state's legislative support of the non-state sector of higher education development;

- 6) large monopolies' financial support of the non-state sector of higher education.

References

1. Dzhurinsky, A.N. (1998) *A history of foreign pedagogy*. Moscow: FORUM-INFRA-M. (In Russian).
2. Piskunov, A.I. (ed.) (2001) *Istoria pedagogiki i obrazovaniya. Ot zarozhdeniya i vospitaniya v pervobitnom obshchestve do kontsa 20 veka: ucheb. posobie dlya ped. vuzov* [History of pedagogy and education. From birth and upbringing in primitive society to the end of the 20th century: A textbook for pedagogical universities]. 2 ed. Moscow: Sfera. (In Russian).

3. Kordle, S.V. (2007) *The development of private schools in Russia and the UK as a factor in education reform*. Pedagogics Cand. Diss. Krasnodar. (In Russian).
4. Abakumova, I.A. (1999) *Organizational and pedagogical foundations of the activities of the English private boarding school*. Pedagogics Cand. Diss. Rostov-on-Don. (In Russian).
5. Portalslovo.ru. (n.d.) *Development of education in Western Europe*. [Online] Available from: <http://www.portalslovo.ru/pedagogy/41983.php>. (Accessed: 21.04.2021). (In Russian).
6. Bessolitsyn, A.A. (2014) Commercial education in Europe: German experience and its use in Russia at the beginning of the 20th century. *Istoricheskoe-ekonomicheskoe issledovaniye*. 15 (1). pp. 173–192. (In Russian).
7. Western.rusff.ru. (n.d.) *Features of the education system in the United States*. [Online] Available from: <http://western.rusff.ru/viewtopic.php?id=38> (Accessed: 04.05.2021).
8. Tsiguleva, O.V. & Malkova, I.Yu. (2018) Reforming the non-state education sector in the context of human capital in the Russian Federation. *Tomsk State University Journal*. 433. pp. 158–163. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/22
9. Tsiguleva, O.V. (2016) Higher education and human capital in Russia and abroad: comparative context. *Proceedings of MAC-ETeL, International Conference*. Prague, Czech Republic. pp. 251–257.
10. Belenkova, O., Vanchukhina, L. & Leybert, T. (2018) Human capital as socio-economic phenomenon of the innovation society: prerequisites of formation, essence and structure. *SHS Web of Conferences*. 55. Art. 01003. DOI: 10.1051/shsconf/20185501003. [Online] Available from: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/16/shsconf_icpse2018_01003.pdf

Information about the authors:

O.V. Tsiguleva, Cand. Sci. (Pedagogics), associated professor, head of the Department of Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oltsiguleva@yandex.ru

S.I. Pozdeeva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, head of the Department of Pedagogy and Methodology of Primary Education, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetapozd@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*The article was submitted 30.06.2021;
approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 29.04.2022.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/477/25

Возможности применения информационных технологий при принятии судом процессуальных решений по уголовному делу

Виктор Иванович Качалов¹, Оксана Валентиновна Качалова², Елена Викторовна Марковичева³

^{1, 2, 3} Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

¹ okukel@yandex.ru

² oksana_kachalova@mail.ru

³ markovicheva@yandex.ru

Аннотация. Изучены возможности и пределы применения современных интеллектуальных систем в процессе вынесения судебных решений. Применение общенаучных, формально-юридического и сравнительно-правового методов исследования позволили выявить возможности применения интеллектуальных технологий при вынесении судами решений по уголовным делам. Заключается, что к причинам, определяющим ограниченное применение искусственного интеллекта при принятии судами решений могут быть отнесены: 1) отсутствие необходимой нормативной базы 2) риски, связанные с использованием искусственного интеллекта в судебной деятельности; 3) отсутствие соответствующих организационных условий и недостаточная кадровая подготовленность судебной системы.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, искусственный интеллект, судебное решение, информационные технологии

Для цитирования: Качалов В.И., Качалова О.В., Марковичева Е.В. Возможности применения информационных технологий при принятии судом процессуальных решений по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 222–229. doi: 10.17223/15617793/477/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/25

Possibilities of using information technologies when making procedural decisions by the court in a criminal case

Viktor I. Kachalov¹, Oksana V. Kachalova², Elena V. Markovicheva³

^{1, 2, 3} Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

¹ okukel@yandex.ru

² oksana_kachalova@mail.ru

³ markovicheva@yandex.ru

Abstract. The achievements of the digital revolution are actively used in the regulation of public relations. The aim of the article is to study the possibilities and limits of the use of modern intelligent systems in the process of making court decisions. The use of general scientific, formal legal and comparative legal research methods allowed us to identify the possibilities of using intelligent technologies in making decisions by courts in criminal cases. The analysis of modern approaches to the use of artificial intelligence by courts when considering criminal cases leads to the conclusion that there are limited opportunities for its use when making decisions by courts. Information technologies can be used when drafting solutions that require the analysis of a large amount of data, as well as solutions based on formalized criteria, in which there is no dispute about the right. The use of artificial intelligence in making a number of decisions at the stage of execution of a sentence seems promising. In particular, draft decisions on issues whose resolution is mainly related to the calculation of certain deadlines could be previously compiled by a program based on artificial intelligence. (on release from serving a sentence due to the expiration of the statute of limitations of a guilty verdict; on the offset of the time of detention, as well as the time spent in a medical institution). With the help of artificial intelligence, decisions could also be made on the release from punishment or on the mitigation of punishment as a result of the publication of a criminal law that has retroactive effect (based on the analysis of the term of the sentence already served in relation to the changes in the criminal law mitigating the punishment). A promising direction of using artificial intelligence at the stage of execution of a sentence is the resolution of questions about release on parole. When resolving issues about parole behavior, the criteria for evaluating the behavior of a convicted person could be partially formalized to conclude that for correction they do not need to fully serve the sentence im-

posed by the court, and algorithms for predicting the risks of further criminalization of the convicted person could be used. The reasons determining the limited use of artificial intelligence in decision-making by courts can be attributed to: (1) the lack of the necessary regulatory framework; (2) risks associated with the use of artificial intelligence in judicial activity; (3) the lack of appropriate organizational conditions and insufficient personnel training of the judicial system's officers.

Keywords: criminal procedure, court, artificial intelligence, judicial decision, information technologies

For citation: Kachalov, V.I., Kachalova, O.V. & Markovicheva, E.V. (2022) Possibilities of using information technologies when making procedural decisions by the court in a criminal case. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 222–229. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/25

В последнее десятилетие в юридической науке обозначился тренд на более активное исследование проблем использования достижений цифровой революции при отправлении правосудия. Несмотря на консервативность судебных институтов, в силу целого ряда объективных причин невозможно полностью игнорировать активное проникновение информационных технологий в правоприменительную деятельность. Современные технологии все чаще используются в рамках различных правовых систем судами при рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел. Степень информатизации судебной деятельности зависит как от вида судопроизводства (по гражданским и арбитражным делам она традиционно выше), так и от иных факторов (общего уровня информатизации государства, степени технической оснащенности судебных органов, готовности юристов и граждан к более активному использованию технологий и т.п.) [1. Р. 8].

Данная проблематика стала активно обсуждаться как учеными, так и практиками в 2020 г., когда введенные большинством государств противозидемические ограничения стали препятствием к обеспечению судебной деятельности в традиционном очном непосредственном формате [2. С. 5–15; 3. С. 99–104]. Пандемия COVID-19 весной 2020 г. на несколько месяцев сделала практически невозможным рассмотрение судами любых дел, кроме тех, которые отвечают критерию неотложности. Но и после возвращения к функционированию судов в обычном режиме стало очевидным, что использование современных цифровых технологий позволит сделать судопроизводство более адаптированным к условиям чрезвычайных ситуаций и облегчит доступ граждан к правосудию в условиях обычной жизни [4. С. 76–81].

В течение последнего десятилетия обозначилось несколько направлений исследования возможностей применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. К наиболее продуктивному и разработанному направлению можно отнести использование средств, позволяющих автоматизировать часть рутинных процедур, например протоколирование, более широкое использование электронных документов и образов электронных документов, а также сервисов, позволяющих участвовать дистанционно в судебном разбирательстве, например видео-конференц-связи. Намечился даже определенный тренд, связанный с отнесением отправления правосудия к особой государственной услуге, которая может быть оказана обществу, в том числе с использованием современных технологий [5. С. 10]. Все чаще исследователи ведут речь о необходимости адаптации современного уголовного судопроизводства к влиянию на него технологических факторов [6. С. 9–18].

Определенные значимые шаги в этом направлении были сделаны в России в рамках реализации отдельных федеральных целевых программ, позволивших улучшить информационное обеспечение судов различного уровня, реализовать ряд мероприятий по более широкому применению видео-конференц-связи, обеспечить возможность подачи отдельных документов в электронном виде [7. С. 86–99]. Хотя все это в совокупности позволило российской судебной системе продемонстрировать в 2020 г. готовность к функционированию даже в условиях специального противоэпидемического режима. Верховный Суд России стал рассматривать дела онлайн посредством веб-видеоконференцсвязи с применением технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу [8]. Аналогичная система была организована в Московском городском суде, а также 60 арбитражных судах различных субъектов Российской Федерации. При этом сторонам была предоставлена возможность не только онлайн-участия в судебном заседании, но и онлайн-ознакомления с материалами дела, поскольку все документы, поступающие в суд, сканируются и загружаются в специальные программы, например, «Мой арбитр». В большей степени это касается гражданского и арбитражного судопроизводства, однако является весьма актуальным и для судопроизводства уголовного. В настоящее время потребность в масштабной цифровизации судопроизводства не отпала. В этой связи важным является изучение и опыта отдельных государств, решающих подобные проблемы.

В Республике Казахстан в период особого санитарного режима, введенного из-за пандемии новой коронавирусной инфекции, более 90% судебных процессов проводились по видео-конференц-связи. Процент приостановленных уголовных дел не превышал 14%. Получили возможность работать удаленно 30% судей, дистанционно подключаясь к своему рабочему компьютеру и имея доступ ко всей необходимой информации [9]. Вынужденная цифровизация «ковидного» периода наглядно продемонстрировала удобство и рациональность цифровизации судопроизводства и поставила на повестку дня дальнейшие вопросы ее дальнейшего развития.

Однако одно из направлений информатизации судопроизводства остается наиболее дискуссионным в науке и сложно реализуемым на практике. Это использование искусственного интеллекта в принятии процессуальных решений. Основное внимание исследователей направлено на изучение и последующее обсуждение с экспертами юридического сообщества возможностей использования ис-

искусственного интеллекта при принятии решений судами. Ряд ученых высказывает определенные опасения относительно возможности использования подобных технологий при вынесении судами итоговых или промежуточных решений [10. С. 15–25]. Другие, наоборот, активно поддерживают внедрение искусственного интеллекта в деятельность суда [11. С. 160–168].

Действительно процессуальное решение, принимаемое судом по уголовному делу, по своей сути является заключением суда по тем или иным значимым с юридической точки зрения вопросам, получившим форму специального процессуального акта. Законодательно закрепляется ряд требований к его форме и содержанию. Само принятие решения судом может быть рассмотрено как сложный когнитивный процесс, представляющий собой волеизъявление отдельных судей, сознательно через систему рационального обоснования приходящих к юридически значимому промежуточному или итоговому выводу в рамках конкретного уголовного дела. Причем такое процессуальное решение должно отвечать ряду обязательных требований: иметь специальную процессуальную форму, соответствовать требованиям, установленным законодателем к содержанию, быть вынесенным в определенном процессуальном порядке и обязательным для исполнения [12. С. 7–10]. Закономерно возникает вопрос о правомерности использования современных интеллектуальных систем в процессе вынесения судами решений.

Исследователи обсуждают два направления возможного использования искусственного интеллекта в уголовном процессе: 1) более продуктивное, связанное с использованием интеллектуальных систем как вспомогательного средства обеспечения нормального судопроизводства и поддержки принятия процессуальных решений; 2) менее продуктивное, подразумевающее частичное или полное замещение искусственным интеллектом субъекта уголовного судопроизводства, уполномоченного принимать процессуально значимые решения [13. С. 97–99].

Возможности использования искусственного интеллекта в судебной деятельности являются предметом обсуждения не только в России, но и за рубежом. Несмотря на различия в подходах и вариативность научных точек зрения, ученые сходятся в том, что на данный момент не идет речи о полной замене судьи механизмом искусственного интеллекта. В первую очередь обсуждается возможность использования различных интеллектуальных систем для уменьшения судебной нагрузки и минимизации рутинных процедур. В этом смысле заслуживает пристального внимания опыт технологизации судопроизводства в Республике Казахстан. В Верховном Суде Казахстана разрабатывается современный IT-продукт «Цифровая судебная аналитика», который включает в себя модули «Умный поиск судебного акта», «Аномальные судебные акты», «Жизненный цикл дела» и ряд других. Эти модули облегчат поиск аналогичных по ситуации и смыслу дел, интеллектуальный поиск по тексту, выявление «аномальных» судебных актов, «жизненный

цикл» решений по всем инстанциям. В «Цифровую судебную аналитику» уже загрузили порядка 2 млн итоговых судебных актов по гражданским спорам с 2016 по 2019 г., а также 120 тыс. исков, этот массив перевели в машиночитаемый текст. В этом же IT-продукте судьи будут видеть решения по схожим делам. Выровняется судебная практика. Продукт апробируют уже в этом году.

Еще одним нововведением, внедренным в судебную систему Казахстана, является модуль «Образцовое решение» (из сотен схожих дел выбирается несколько образцовых решений, которые являются ориентиром для судей). Логика разработчиков такого подхода следующая: нередко нормы законов и подзаконных актов написаны так, что их невозможно понять однозначно. Судьи тоже, как и другие юристы, понимают их каждый по-своему. Но они не могут не принимать решения, ссылаясь на недостатки законодательства. Следствием этого стала противоречивая судебная практика, в которой отсутствует единообразие. Было предложено в случаях, когда в районные суды поступают тысячи исков со схожими требованиями, забирать одно из таких дел вышестоящим судом и рассматривать его по существу. Вышестоящий суд примет образцовое решение. А районные суды потом будут разрешать подобные споры без полного рассмотрения [14].

Современный этап информатизации судопроизводства ставит много вопросов: о технологиях, пригодных для использования в судах, о рисках использования подобных технологий, о повышении уровня «машиночитаемости» современных правовых норм и др. В основе практически всех вариантов использования судами искусственного интеллекта лежит технология Big Data («большие данные»), которая предполагает предоставление системе значительного объема информации и может быть использована в судах для дистанционной идентификации участника, в распознавании речи и изображений [15. С. 201–212].

Более сложным является вопрос использования таких современных технологий при принятии судом решений. Действительно, судья должен оценивать доказательства по уголовному делу по своему внутреннему убеждению, т.е. принятие им решения будет представлять сознательный волевой акт. Очевидно, что на сегодняшний день наибольшую практическую ценность имеют интеллектуальные системы поддержки принятия решений в судах. В большей степени эти системы используются при рассмотрении гражданских, семейных, налоговых дел, преимущественно бесспорного характера, иногда по некоторым делам, связанным с дорожно-транспортными происшествиями. В рамках уголовного судопроизводства в силу его особенностей изначально меньше возможностей для использования искусственного интеллекта. Тем не менее определенные технологии уже сейчас используются судами в различных государствах [16]. Например, в США и Великобритании применяются интеллектуальные системы поиска информации в больших электронных документах. При этом стороны согласовывают параметры и условия такого интеллектуального поиска. Это позволяет несколько убыстрить процесс и оптимизировать

систему представления доказательств суду. Технология блокчейн может использоваться для отслеживании ареста на имущество и ценные бумаги, приводов, арестов, судимостей, правонарушений, собственности и т.д., упрощая поиск информации, создавая унифицированную систему для всех документов и форм, интегрируя существующие базы данных [17. С. 8].

Много споров вызывает применение алгоритмов прогнозирования при расчете вероятности принятия судом того или иного решения. Пока такие системы не получили широкого распространения, хотя широко известны результаты эксперимента, когда с помощью технологий машинного обучения и обработки естественного языка прогнозировалось принятие решений, связанных с оценкой приемлемости жалобы и возможности ее рассмотрения по существу Европейским судом по правам человека. В IT-продукте Верховного Суда Республики Казахстан «Цифровая судебная аналитика» разрабатывается модуль «Прогноз исхода дела», который позволяет оценить его судебную перспективу [14].

Таким образом, алгоритмы могут быть рассмотрены как вспомогательный инструмент в процессе принятия решений судом. Если оценивать реальные перспективы цифровизации современного российского уголовного процесса, то определенный потенциал для использования интеллектуальных систем поддержки принятия судом решений есть у стадии исполнения приговора. В данной стадии суды разрешают значительное число вопросов, а предпосылкой для постановления обоснованного и законного решения являются анализ и оценка информации, которая может быть формализована и первоначально проанализирована искусственным интеллектом.

В частности, проекты решений по вопросам, разрешение которых связано в основном с исчислением определенных сроков, могли бы предварительно составляться программой на основе искусственного интеллекта. К таковым можно отнести предусмотренные п. 9 и 11 ст. 397 УПК РФ (об освобождении от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора; о зачете времени содержания под стражей, а также времени пребывания в лечебном учреждении в соответствии со ст. 72, 103 и 104 УК РФ). С помощью искусственного интеллекта могли бы приниматься решения и об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ (п. 13 ст. 397 УПК РФ), на основе анализа срока уже отбытого наказания в соотношении с изменениями уголовного закона, смягчающего наказание. Безусловный характер освобождения от наказания в связи с болезнью осужденного в соответствии со ст. 81 УК РФ при наличии соответствующего заболевания, включенного в перечень, утвержденный в Постановлении Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью», также позволит упростить принятие такого решения посредством использования искусственного интеллекта (п. 6 ст. 397 УПК РФ).

Весьма перспективным направлением использования искусственного интеллекта в стадии исполнения приговора могло бы быть разрешение вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (п. 4 ст. 397 УПК РФ). Вопросы оптимизации условно-досрочного освобождения традиционно привлекают внимание представителей уголовно-процессуальной науки и практики [18. С. 78–89]. Опыт применения IT-технологий при условно-досрочном освобождении уже имеется в ряде стран (США, Казахстан и др.). В частности, в Казахстане тестируется IT-программа, составляющая проекты судебных решений по вопросам условно-досрочного освобождения, которые затем должны проверяться, а при необходимости корректироваться судьей [14].

При разрешении вопросов об условно-досрочном поведении могли бы быть частично формализованы критерии оценки поведения осужденного, позволяющие сделать вывод о том, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания (с установлением посредством квантилей удельного веса того или иного критерия). Так, определение степени исправления осужденного (соблюдение требований режима, отношение к труду, отношение к получению образования (основного общего, среднего и среднего профессионального) и профессиональному обучению, отношение осужденного к совершенному деянию, раскаяние в совершенном деянии, возмещение причиненного ущерба или иное устранение последствий вреда, причиненного в результате преступления, прохождение осужденным курса лечения от наркомании, алкоголизма, токсикомании, венерических заболеваний, психических расстройств, не исключающих вменяемости, его отношение к лечению [19. С. 64–67]) может первоначально определяться искусственным интеллектом на основании множества показателей, детально раскрывающих вышеуказанные критерии: трудоустроенность, эффективность труда, наличие поощрений и взысканий, соблюдение правил внутреннего распорядка, выполнение требований администрации учреждения уголовно-исполнительной системы, участие в мероприятиях воспитательного характера и в общественной жизни учреждения, поддержание отношений с родственниками и осужденными, положительное или отрицательное отношение к учебе, возмещение ущерба, перевод на облегченные условия содержания, посещение библиотеки и чтение книг и т.д. При разрешении вопросов об условно-досрочном освобождении могут применяться и алгоритмы прогнозирования рисков дальнейшей криминализации осужденного.

Применение современных технологий в какой-то мере может снять нагрузку с суда при разрешении данных вопросов за счет автоматического структурирования информации. Однако встает вопрос о параметрах, которые использует интеллектуальная система и которые должны носить недискриминационный характер. В США резонансным стало дело Эрика Лумиса против штата Висконсин, по которому заявитель ставил под сомнение применение системы COMPAS («Correctional Offender Management Profiling for

Alternative Sanctions»), используемой судами для оценки риска рецидива при принятии решений, связанных с предварительным заключением, вынесением обвинительного приговора или условно-досрочном освобождении [20]. К недостаткам данной системы относят то, что риски рецидива у афроамериканцев она всегда оценивает выше. Следует отметить, что в система в целом показала свою жизнеспособность и достаточно активно используется в ряде американских штатов.

Однако дело Лумиса стало основой для обсуждения стандартов ответственного использования судей современных интеллектуальных систем при принятии судебного решения. Позволим себе кратко изложить суть данного дела.

В 2013 г. Эрик Лумис, уже имевший криминальное прошлое, был задержан полицией при попытке скрыться на автомобиле и обвинен в пяти эпизодах участия в перестрелке из окон автомобиля, которым он управлял. Лумис частично признал эти обвинения, подтвердив факт управления чужим автомобилем и попытки скрыться на нем от полиции.

Суд при принятии решения по делу использовал интеллектуальную систему COMPAS, которая дает некое заключение об одном из важных факторов – риске рецидива. Анализируя актуарные данные, система рассчитывает риск совершения преступлений лицом с предшествующим криминальным опытом и оказывает помощь суду в принятии решения о замене реального тюремного срока альтернативными наказаниями. Данная система оценила риск общественной опасности Лумиса как высокий, и обвиняемый был приговорен к шести годам тюремного заключения.

Добиваясь смягчения приговора, Эрик Лумис обжаловал использование искусственного интеллекта в принятии решения по его делу, считая, что используемые судом алгоритмы носят дискриминационный характер, поскольку учитывают гендерный признак, а также, что судом было нарушено его право на надлежащую правовую процедуру, подразумевающую в числе прочего и индивидуализацию постановленного приговора. По делу *State v. Loomis* Верховный суд штата Висконсин в 2016 г. вынес неоднозначное решение.

С одной стороны, высшая судебная инстанция штата признала, что использование алгоритмической системы оценки риска рецидива допустимо, поскольку не нарушило право Эрика Лумиса на надлежащую правовую процедуру, даже с условием неизвестности суду и заявителю методики оценки такого риска. Вся информация, внесенная в систему расчета риска, была получена из общедоступных источников и от самого Эрика Лумиса, право которого опровергать ее в судебном заседании не ограничивалось. Также заявителю не удалось доказать, что использование параметра «пол» носит дискриминационный характер. Суд указал, что применение этой системы ни в коей мере не повлияло на постановление индивидуального приговора, поскольку данные COMPAS оценивались судом в совокупности с другими данными, имеющимися в уголовном деле.

С другой стороны, в решении Верховного Суда штата Висконсин содержалось предостережение судам относительно осторожности использования системы COMPAS для оценки существующих рисков и необходимости более тщательной мотивировки принимаемых ими решений с указанием всех факторов, которые повлияли на постановление приговора [21]. Это дело позволило юридическому сообществу США более внимательно подойти к возможности использования интеллектуальных систем проприетарного прогнозирования в принятии судами решений, так как поставило ряд важных вопросов: о допустимости экстраполяции данных о преступности в одном штате на другой при оценке рисков, о худшей прогностической оценке для определенных групп меньшинств и другие [22].

Учитывая подобные риски, Комиссия по эффективности правосудия Совета Европы утвердила ряд этических принципов использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия [16]. К основным принципам можно отнести: совместимость интеллектуальных технологий с концепцией прав человека, их недискриминационный характер, безопасность используемых данных, понятность и прозрачность используемых технологий, возможность их внешнего контроля, наличие у субъекта, принимающего процессуальное решение, возможности сознательного выбора и отказа от алгоритма действий, предложенного искусственным интеллектом.

Однако понимание и анализ рисков, связанных с допуском интеллектуальных систем к деятельности судов, не меняет общий вектор на дальнейшую цифровизацию судебной деятельности.

В Верховном Суде Казахстана в настоящее время идет работа над созданием прототипа smart-помощника судьи. Эта IT-программа позволит формировать проекты судебных актов по примерно 400 тыс. дел и материалов, что составляет около 30% дел от рассматриваемых казахстанскими судами. В первую очередь речь идет о рассмотрении дел, в которых отсутствуют споры о праве. Предполагается, что робот регистрирует такие материалы и готовит проект суд акта по судебным приказам, запретам на выезд, взысканию алиментов и др. Судья проверяет составленное решение, при необходимости вносит коррективы и подписывает его [14].

Вопросы применения IT-продуктов, которые позволяют в режиме онлайн сгенерировать отдельные шаблоны документов, активно обсуждаются мировым юридическим сообществом [16]. Перспективным направлением представляется разработка IT-программы «Юридическая арифметика», осуществляющей помощь судьям в исчислении срока наказания при применении положений Общей части УК (льготных, усиленных и смешанных санкций), поскольку традиционно наиболее частой причиной изменения приговоров вышестоящими судами является неправильное назначение наказания [17. С. 8].

На заседании клуба им. Д.Н. Замятина 26 мая 2021 г. председатель Совета судей России В.В. Момотов рассказал о планах запуска в 2024 г. суперсервиса «Правосудие онлайн». В качестве возможной сферы

применения данного сервиса были названы «разметка аудио- и видеопотоков судебных заседаний через использование систем распознавания речи и видеоизображения; распознавание общего смысла текста с возможностью выделять ключевые тезисы из текста; использование систем поддержки принятия решений судом, автоматизированной подготовки проектов судебных актов» и мн. др. Наиболее перспективным является его использование в процедуре вынесения судебных приказов. В Белгородской области в 2021 г. запустили интересный пилотный проект: три участка мировых судей с помощью технологии искусственного интеллекта будут готовить судебные приказы при взыскании с граждан имущественного, транспортного и земельного налогов. Данная технология должна помочь заявителям при подготовке документов и проверке необходимых реквизитов, но при этом решение о вынесении судебного приказа остается прерогативой судьи. В.В. Момотов отметил, что «система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики, действуя лишь с точки зрения формальной логики... никогда до конца не сможет понять фабулу дела, так как во многих делах, например, семейных или уголовных, очень много иррационального, а не формально-логического». Понимание сути критериев, которыми руководствуется судья, возможно только в процессе социализации, жизни в обществе, «впитывании в себя окружающей среды», и такой опыт невозможно передать искусственному интеллекту и отобразить в программном алгоритме. Искусственный интеллект не будет способен применять аналогию закона или аналогию права, так как только человек может постигнуть дух закона [23].

Л.А. Воскобитова, анализируя труды авторов, исследовавших объективное значение и роль эмоций в деятельности судей, приходит к выводу, что принятие решений по делу требует не только формального знания права, но еще и определенного уровня «когнитивной и эмоциональной компетенции», которым не обладает искусственный интеллект. Благодаря эмоциональной компетентности судьи, могут выявлять и различать подлинные и мнимые интересы участников процесса; глубинные причины поведения человека. Следует согласиться с Л.А. Воскобитовой в вопросе о том, что в реальной практике уголовного судопроизводства каждое дело уникально.... Цифровые технологии, наоборот, опираются на массивы повторяющихся данных, их типизацию, что позволяет формализовать такие данные. Поэтому нельзя не учитывать, что уникальные особенности отдельного уголовного дела могут «не попадать» в формализацию, а прямолинейное, формально-правовое решение в отдельных случаях может не отвечать требованиям правосудности, убедительности, справедливости [24. С. 97–99].

Таким образом, у искусственных интеллектуальных технологий есть определенный потенциал ис-

пользования в качестве инструмента, помогающего суду принять решение по делу. Однако речь не идет о замене суда искусственным интеллектом и о появлении судьи-робота. Для более активного использования искусственного интеллекта необходим переход к формату электронного уголовного дела, что позволит автоматически обрабатывать определенную информацию (например, данные о подсудимом, месте его жительства, семейном положении и т.д.). Важным видится и подготовка судей, которые получат необходимые знания и навыки работы с определенными интеллектуальными системами [25. С. 29–34]. В частности, судьи должны уметь контролировать эффективность использования подобных систем при принятии решений по делу. Обсуждение проблем использования вышеупомянутой системы COMPAS в американском юридическом сообществе вскрыло серьезную проблему: большинство судей имеют очень ограниченное представление о том, что такое алгоритм, как вообще функционируют алгоритмические системы и насколько они точны в прогнозировании. Недостаточный уровень «цифровой грамотности» судьи может повысить риск некомпетентного применения вспомогательных систем поддержки принятия решений.

Но можно прогнозировать дальнейшее более активное использование современных технологий судами при принятии решений, поскольку переход социума на качественно новый этап общественного развития сопровождается его же новыми ожиданиями от традиционных публичных институтов. Понимание того, что системы искусственного интеллекта способны облегчить доступ к правосудию, повысить его транспарентность и изменить систему коммуникации между гражданским обществом и судами, побуждает все большее число людей видеть в цифровизации не только существующие риски, но и социальную выгоду, связанную с оптимизацией рассмотрения судом уголовного дела и постановлением справедливого решения. Стратегия цифровой трансформации судопроизводства требует как научно-практической дискуссии по принципиальным вопросам, так и определения некой «дорожной карты» по ее реализации, которая должна носить поэтапный характер с тем, чтобы обеспечить недискриминационное положение участников процесса, иных лиц, для которых в силу субъективных и объективных причин сложным является принятие цифрового мира в целом, и чья уязвимость должна учитываться при внедрении систем искусственного интеллекта в деятельность современных судов. При этом есть шанс, что искусственные интеллектуальные системы сделают отправление правосудия более персонализированным и соответственно обеспечат новый уровень защиты как публичных, так и частных интересов.

Список источников

1. Reiling A.D. (Dory) Courts and Artificial Intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. Vol. 11 (2). P. 8. doi: <http://doi.org/10.36745/ijca.343>

2. Андреева О.И., Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 5–15.
3. Качалова О.В. Обеспечение прав человека при производстве по уголовным делам в условиях пандемии // Российское правосудие 2020. № 11. С. 99–104.
4. Марковичева Е.В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе: уроки пандемии // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 76–81.
5. Качалова О.В. Правосудие как услуга: мировой тренд // Уголовный процесс. 2019. № 11 (179). С. 10.
6. Власова В.С. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.
7. Марковичева Е.В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. 2020. Т. 2, № 3. С. 86–99.
8. Верховный суд начнет рассматривать дела онлайн // Право.ру. URL: https://pravo.ru/news/220845/?desc_news_13=.
9. Казахстанцы могут обратиться в суд с любого гаджета // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: <http://sud.gov.kz/rus/news/kazakhstancy-mogut-obratitsya-v-sud-s-lyubogo-gadzheta>
10. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 15–25.
11. Заплатина Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4(56). С. 160–168. doi: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.160-168.
12. Беляев М.В., Качалов В.И., Качалова О.В., Марковичева Е.В. Свойства судебных решений и механизм их вынесения в уголовном судопроизводстве : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2021. 133 с.
13. Соломатина А.Г. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 97–99.
14. Бержанова И. Реформа судебной системы: консерватизм или прогресс // Казахстанская правда. 03.04.2021 г. URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/massmedia/reforma-sudebnoy-sistemy-konservativizm-ili-progress-iberzhanova-kazakhstanskaya-pravda>.
15. Андреева О.И., Иванов В.В., Нестеров А.Ю., Трубникова Т.В. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. № 449. С. 201–212. doi: 10.17223/15617793/449/25.
16. Углубленное исследование вопроса использования искусственного интеллекта в судебных системах // Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 г.). URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>
17. Качалова О.В. Искусственный интеллект в правосудии – светлое будущее с оговорками // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 8.
18. Качалов В.И. Перспективы совершенствования разрешения судом вопросов об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания // Российское правосудие. 2021. № 2. С. 78–89.
19. Голодов П.В., Рудаков А.М. Критерии оценки поведения осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве: вопросы систематизации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 64–67.
20. Brennan T., Dieterich W., Ehret B. Evaluating the Predictive Validity of the Compas Risk and Needs Assessment System // Criminal Justice and Behavior. 2009. Vol. 1. P. 21–40. doi: 10.1177/0093854808326545.
21. State v. Loomis: Wisconsin Supreme Court Requires Warning Before Use of Algorithmic Risk Assessments in Sentencing // Harvard Law Review. URL: <https://harvardlawreview.org/2017/03/state-v-loomis/>
22. Starr S.B. Evidence-Based Sentencing and the Scientific Rationalization of Discrimination // Stanford Law Review. 2014. Vol. 66, № 4. P. 803–872.
23. Момотов рассказал, откуда в российские суды придет искусственный разум // Legal.Report. URL: <https://legal.report/momotov-rasskazal-otkuda-v-rossijskie-sudy-privet-iskusstvennyj-razum/>
24. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5. С. 91–104.
25. Ершов В.В., Ловцов Д.А. Концепция непрерывной информационной подготовки юриста // Информационное право. 2007. № 3. С. 29–34.

References

1. Reiling, A.D. (2020) (Dory) Courts and Artificial Intelligence. *International Journal for Court Administration*. 2 (11). pp. 8. DOI: 10.36745/ijca.343
2. Andreeva, O.I. & Kachalova, O.V. (2020) Russian Criminal Trial in the era of Coronavirus: challenges of time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 36. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/36/1
3. Kachalova, O.V. (2020) Ensuring human rights in criminal proceedings in the context of a pandemic. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice System*. 11. pp. 99–104. (In Russian). DOI: 10.37399/issn2072-909X.2020.11.99-104
4. Markovicheva, E.V. (2021) Ensuring the right to a fair trial in criminal proceedings: lessons from the pandemic. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*. 1 (7). pp. 76–81. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-76-81
5. Kachalova, O.V. (2019) Justice as a service. *Ugolovnyy protsess – Criminal Procedure*. 11 (179). P. 10. (In Russian).
6. Vlasova, V.S. (2018) Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*. 1 (36). pp. 9–18. (In Russian).
7. Markovicheva, E.V. (2020) Digital transformation of Russian criminal proceedings. *Pravosudie – Justice*. 3 (2). pp. 86–99. (In Russian). DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99
8. Pravo.ru. (2020) Verkhovnyy sud nachnet rassmatrivat' dela onlayn [The Supreme Court will start considering cases online]. *Pravo.ru*. [Online] Available from: https://pravo.ru/news/220845/?desc_news_13=.
9. The Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. (2020) *Kazakhstancy mogut obratit'sya v sud s lyubogo gadzheta* [Kazakhstanis can go to court via any gadget]. [Online] Available from: <http://sud.gov.kz/rus/news/kazakhstancy-mogut-obratitsya-v-sud-s-lyubogo-gadzheta>.
10. Kleandrov, M.I. (2018) Whether judge be robot? *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice System*. 6 (146). pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2072-909X.2018.6.15-25
11. Zaplatina, T.S. (2019) Artificial intellect in the passing sentences issues or AI judge. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 4 (56). pp. 160–168. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.160-168
12. Belyaev, M.V. et al. (2021) *Svoystva sudebnykh resheniy i mekhanizm ikh vyneseniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Properties of Judicial Decisions and the Mechanism of Their Issuance in Criminal Proceedings]. Moscow: Prospekt.
13. Solomatina, A.G. (2020) Admissibility of the use of artificial intelligence in criminal proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 3. pp. 97–99. (In Russian). DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10145
14. Berzhanova, I. (2021) *Reforma sudebnoy sistemy: konservativizm ili progress* [Judicial system reform: conservatism or progress]. *Kazakhstanskaya pravda*. 03 April. [Online] Available from: <https://www.sud.gov.kz/rus/massmedia/reforma-sudebnoy-sistemy-konservativizm-ili-progress-iberzhanova-kazakhstanskaya-pravda>.
15. Andreeva, O.I. et al. (2019) Facial recognition technologies in criminal proceedings: problems of grounds for the legal regulation of using artificial intelligence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 201–212. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/449/25.

16. European Commission for the Efficiency of Justice. (2018) Uglublennoe issledovanie voprosa ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemakh [In-depth study of the use of artificial intelligence in judicial systems]. *Evropeyskaya eticheskaya khartiya ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemakh i okruzhayushchikh ikh realiyakh* [European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment]. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>.
17. Kachalova, O.V. (2020) Artificial intelligence in justice – a bright future with reservations. *Ugolovnyy protsess – Criminal Procedure*. 10 (190). P. 8. (In Russian).
18. Kachalov, V.I. (2021) Prospects for improving court resolution questions about the parole of a convicted person from serving a sentence. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice System*. 2. pp. 78–89. (In Russian). DOI: 10.37399/issn2072-909X.2021.2.78-89
19. Golodov, P.V. & Rudakov, A.M. (2016) Criteria for the behavior evaluation of the convicts in the penal law: issues of systematization. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*. 3 (35). pp. 64–67. (In Russian).
20. Brennan, T., Dieterich, W. & Ehret, B. (2009) Evaluating the Predictive Validity of the Compas Risk and Needs Assessment System. *Criminal Justice and Behavior*. 1. pp. 21–40. DOI: 10.1177/0093854808326545.
21. Harvard Law Review. (2017) State v. Loomis: Wisconsin Supreme Court Requires Warning Before Use of Algorithmic Risk Assessments in Sentencing. *Harvard Law Review*. [Online] Available from: <https://harvardlawreview.org/2017/03/state-v-loomis/>.
22. Starr, S.B. (2014) Evidence-Based Sentencing and the Scientific Rationalization of Discrimination. *Stanford Law Review*. 4 (66). pp. 803–872.
23. Gubanov, A. (2021) Momotov rasskazal, otkuda v rossiyskie sudy pridet iskusstvennyy razum [Momotov told where artificial intelligence will come from in Russian courts]. *Legal.Report*. [Online] Available from: <https://legal.report/momotov-rasskazal-otkuda-v-rossijskie-sudy-pridet-iskusstvennyj-razum/>.
24. Voskobitova, L.A. (2019) Criminal justice and digital technology: compatibility issue. *Lex Russica*. 5 (150). pp. 91–104. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104
25. Ershov, V.V. & Lovtsov, D.A. (2007) Kontseptsiya nepreryvnoy informatsionnoy podgotovki yurista [The concept of continuous information training of a lawyer]. *Informatsionnoe pravo – Information Law*. 3. pp. 29–34.

Информация об авторах:

Качалов В.И. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия (г. Москва, Россия). E-mail: okukel@yandex.ru

Качалова О.В. – д-р юрид. наук, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства – главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия (г. Москва, Россия). E-mail: oksana_kachalova@mail.ru

Марковичева Е.В. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия (г. Москва, Россия). E-mail: markovicheva@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Kachalov, Dr. Sci. (Law), professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: okukel@yandex.ru

O.V. Kachalova, Dr. Sci. (Law), chief researcher, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: oksana_kachalova@mail.ru

E.V. Markovicheva, Dr. Sci. (Law), chief researcher, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: markovicheva@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021;
одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 23.08.2021;
approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 347.44
doi: 10.17223/15617793/477/26

Возмещение вреда пациенту: деликтное право vs компенсационные (страховые) схемы

Максим Владимирович Кратенко¹

¹Псковский государственный университет, Псков, Россия, maxkrat@yandex.ru

Аннотация. Исследуются два основных подхода к возмещению вреда, причиненного пациенту в ходе медицинского вмешательства: с помощью норм деликтного права и через не основанные на вине компенсационные схемы. Основное внимание уделено условиям, при которых у пациента возникает право на получение возмещения в рамках первой и второй модели. С опорой на зарубежный опыт обосновывается возможность введения в России компенсационных (страховых) схем для некоторых видов медицинских травм: неврологических нарушений у ребенка, связанных с родами; поствакцинальных осложнений.

Ключевые слова: медицинская небрежность, бремя доказывания, причинная связь, пропорциональный подход, компенсационная схема, страхование пациентов, предотвратимость вреда

Для цитирования: Кратенко М.В. Возмещение вреда пациенту: деликтное право vs компенсационные (страховые) схемы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 230–238. doi: 10.17223/15617793/477/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/26

Compensation for harm caused by medical treatment: Tort law vs. alternative (insurance) scheme

Maxim V. Kratenko¹

¹ Pskov State University, Pskov, Russian Federation, maxkrat@yandex.ru

Abstract. Two main approaches to compensation for harm caused to a patient by medical treatment are explored: under tort law (negligence-based system) and through the no-fault (insurance) scheme. Within the framework of tort law, the plaintiff (patient) has the burden of proving the preconditions of medical service provider's liability, including the fact of professional negligence and causation. Analysis of foreign legislation and case law demonstrates the strengthening of the plaintiff's procedural position due to evidentiary doctrines developed by courts and shifting the burden of proof to the defendant (Germany, Estonia, Austria, People's Republic of China, etc.). In turn, compensation schemes (New Zealand, Sweden, Finland, etc.) are characterized by formalization of the grounds for payment in favor of the injured patient. The fact of medical error is not decisive. Instead of proving a causal link, it is sufficient to establish the medical origin of the injury and its compliance with one of the criteria: preventability (avoidability) of harm, disproportionate harm to the disease, etc. An integral part of the above schemes can be compensation for harm to persons who suffered from post-vaccination injury, where the results of epidemiological statistics are widely used. At the beginning of the 21st century, medical negligence lawsuits became a notable phenomenon in the Russian legal system. At the same time, the doctrine has no developed standard of proof for this type of claims, there is no unity in the assessment of probabilistic conclusions of medical experts or their conclusions about the indirect link between medical negligence and adverse outcome, which leads to inconsistent judicial practice. The situation is exacerbated by the long time it takes to trail such cases and the significant legal costs. Based on foreign experience, a number of solutions to the above problems are proposed. It is necessary to establish special rules in the law to shift the burden of proof (on the defendant) in medical disputes – for cases of improper medical records and gross medical errors. This will mitigate information asymmetry in the relations of the disputing parties. The civil law doctrine should offer a solution for complex medical cases with competing causes of adverse outcomes. It is possible that the proportional approach will be such a solution. The emergence in Russia of alternative (no-fault) compensation schemes is also possible in the future, but implies significant transformations in the health care system. As pilot projects, compensation (insurance) schemes could be introduced for victims of vaccine-related injuries, as well as for families where children have been diagnosed with serious birth-related neurological injuries.

Keywords: medical negligence, burden of proof, causal link, proportional approach, compensation scheme, patient insurance, avoidability of injury

For citation: Kratenko, M.V. (2022) Compensation for harm caused by medical treatment: Tort law vs. alternative (insurance) scheme. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 230–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/26

Медицинская небрежность как правовое явление: вводные замечания

Споры о возмещении вреда, причиненного пациенту вследствие медицинской травмы¹, характерны практически для любого государства, вне зависимости от уровня доходов его граждан. Развитие медицинских знаний и технологий само по себе не снижает остроту подобных споров, а лишь повышает уровень требований к качеству медицинской услуги. Внешними факторами, способствующими росту количества исков пациентов к врачам и медицинским организациям, считают: внимание СМИ к проблемам качества медицинской помощи и присутствующий в репортажах обвинительный уклон, увеличение предложения юридических услуг по сопровождению медицинских споров [1. С. 132], повышение уровня правовой грамотности потребителей медицинских услуг, отсутствие или незначительность барьеров для обращения в суд².

Для получения компенсации пациенту, как правило, необходимо обратиться в суд с иском к врачу (медицинской организации): доказать наличие профессиональной ошибки в действиях ответчика, а также причинную связь между ошибкой и ухудшением состояния здоровья. Юридическая сложность и длительность рассмотрения подобных споров общеизвестны. Например, в Японии одно из медицинских дел продолжалось более 10 лет, что в конечном счете привело к реформированию судопроизводства по данной категории споров – созданию «медицинских» судебных коллегий и системы назначаемых судом экспертов [2. С. 270–273]. Судебные споры по искам из медицинской небрежности часто сравнивают с верхушкой айсберга, поскольку основной объем претензий пациентов урегулируется вне зала судебного заседания (через медиативные процедуры, медицинские арбитражи). Врачи обычно не заинтересованы в публичном освещении неблагоприятных медицинских исходов, особенно летальных [3. С. 102–104].

Однако в ряде государств (Новая Зеландия, Скандинавские страны, некоторые штаты США, Япония) на протяжении длительного времени защита пациентов осуществляется с помощью альтернативных компенсационных схем, прежде всего, страхования пациентов. Объединяет эти схемы то, что для получения компенсации не требуется доказывать наличие ошибки в действиях врача (no-fault scheme). Предпосылкой выплаты компенсации является связь травмы пациента с медицинским вмешательством. Но поскольку любая альтернативная схема направлена на обеспечение большей доступности компенсации для пострадавших, вместо причинной связи используются иные критерии: предотвратимости вреда, чрезмерности вреда, резистентности пациента к инфекции. Несмотря на существующую критику в адрес компенсационных схем (например, из-за роста расходов на их администрирование), они успешно функционируют уже долгие годы. Еще удивительнее то, что в ряде государств обсуждается возможность замены деликтной ответственности врачей и медицинских организаций

компенсационными схемами (Австралия, Великобритания). Однако решающий шаг в этом направлении так и не сделан [4, 5].

Возмещение вреда пациенту в системе деликтного права

Ученые и практикующие юристы в своих комментариях к спорам о возмещении вреда вследствие врачебной ошибки (medical malpractice) указывают на необходимость доказывания истцом следующих обстоятельств:

- наличие у ответчика обязанности перед истцом по осуществлению лечения;
- отступление ответчика от соответствующего медицинского стандарта (клинических рекомендаций, протоколов);
- наличие юридически значимого (компенсируемого) вреда здоровью пациента;
- наличие причинной связи между дефектами лечения и наступившим вредом [1. С. 143–144; 6. С. 32; 7. С. 1149–1150].

Все перечисленные выше обстоятельства трактуются в зарубежной правовой доктрине более-менее единообразно.

Стандарт лечения или заботы о пациенте определяется на уровне знаний и опыта среднего врача (average doctor), его возможных действий при сходных медицинских обстоятельствах. Иными словами, применяется объективный тест на профессиональную небрежность.

При разрешении спора о медицинской небрежности в 1994 г. Верховный Суд Австрии дал следующее толкование ст. 1299 Гражданского уложения Австрии (ABGB) о стандарте исполнения профессиональной обязанности: «Врач нарушает свою обязанность по осуществлению заботы о пациенте, если поступает вопреки положениям медицинской науки и практики, либо пренебрегает обычной осторожностью добросовестного среднего врача в подобных обстоятельствах. Однако он не считается поступившим неправильно, если метод медицинского вмешательства, который он избрал, соответствовал практике авторитетных специалистов в данной области медицины, даже если другие специалисты избрали бы иной вариант лечения. В последнем случае врач обязан предпринять необходимые меры безопасности, чтобы предотвратить известные медицинской науке риски подобного вмешательства» [8. С. 17].

Критерий профессиональной заботы врача о пациенте может определяться и со ссылкой на общий уровень медицинской науки (ст. 762 Обязательственно-правового закона Эстонии³). Общий уровень медицинской науки подразумевает такие методы лечения, которые настолько распространены, что их рассматривают при обучении или повышении квалификации врачей. При оценке правильности лечения необходимо ответить на вопрос, действовал ли лечащий врач как минимум так же качественно, как образованный⁴ и опытный врач той же специальности.

В настоящее время во многих государствах проводится работа по стандартизации медицинских услуг,

что в значительной степени упрощает истцу доказывание факта нарушения ответчиком профессиональных обязанностей [10]. Однако в большинстве случаев для оценки правильности действий врача стороны спора и судьи по-прежнему обращаются к помощи медицинских экспертов. При этом корреляция между выводом медицинских экспертов и результатом судебного разбирательства достаточно высока⁵.

Еще одним обязательным условием ответственности врача и (или) медицинской организации⁶ является причинная связь между дефектами лечения и неблагоприятным исходом. К доказыванию причинной связи, как правило, предъявляются высокие требования. С этой целью используются различные критерии: *but for test*, *conditio sine qua non*, *proximate cause*. Их общий смысл в том, что соответствующая связь должна быть непосредственной (ближайшей) и установлена с высокой степенью вероятности. При строгом следовании данным критериям процессуальное положение пациента-истца кажется незавидным. Однако это лишь первое впечатление.

Немецкими судами применительно к медицинским спорам были разработаны доктрины, позволяющие перенести бремя доказывания с пациента на врача. Например, при ненадлежащем ведении медицинской документации судьи опираются на опровержимую презумпцию, согласно которой отсутствие записи о диагностическом тесте или терапевтическом лечении приравнивается к непроведению соответствующей медицинской процедуры. В случаях, когда лечение было особенно небрежным (*grobe Behandlungsfehler*⁷) и создавало более чем вероятный риск причинения вреда, уже ответчик обязан доказать, что ошибки в лечении не находятся в причинной связи с вредом [7. С. 1152–1154]. В 2011 г. раздел 8 ГГУ («Договор об оказании услуг») был дополнен §§ 630 a–h об обязательствах из договора лечения, в которых также нашли отражения вышеуказанные доказательственные доктрины.

Механизм перераспределения бремени доказывания, применительно к медицинским травмам, используется и в законодательстве Эстонии. Соответствующие положения включены в гл. 41 Обязательственно-правового закона. Бремя доказывания оснований ответственности/их отсутствия переходит на исполнителя медицинских услуг, если он не документирует надлежащим образом оказываемую медицинскую помощь (п. 3 ст. 770 ОПЗ). В отношении причинной связи бремя доказывания переходит на исполнителя, если им были допущены ошибки в диагностике или лечении, повлекшие такое повреждение здоровья пациента, которого явно можно было бы избежать при использовании традиционного лечения (п. 4 ст. 770 ОПЗ)⁸.

В Великобритании, несмотря на всеобщее признание критерия *but for*⁹, получили распространение аналогичные доказательственные приемы, позволяющие смягчить бремя доказывания для пациента. В частности, если истец сможет продемонстрировать, что небрежность ответчика способствовала существенно увеличению риска для его здоровья (*material in-*

crease in risk), он вправе рассчитывать на возмещение вреда [1. С. 148]. Формирование данного подхода связывают с делом *McGhee v. National Coal Board* (1972)¹⁰.

Более того, некоторые Лорды-судьи в частных мнениях допускают возможность использования доктрины утраты шанса (*Loss of chance*¹¹) в ограниченных случаях, например, если медицинский спор характеризуется значительной неопределенностью в части последствий для пациента при своевременном и правильном лечении

*В 2002 г. Палатой Лордов было рассмотрено дело Gregg v. Scott*¹², в котором истец просил взыскать компенсацию в связи с несвоевременной диагностикой ответчиком онкологического заболевания. Вследствие допущенной врачом ошибки, благоприятный десятилетний прогноз для истца снизился с 42 до 25%. И хотя большинством голосов (3:2) Палата Лордов вынесла отрицательное решение, Лорд Николас и Лорд Хоуп выразили мнение, что доктрина утраты шанса может использоваться при рассмотрении споров о медицинской небрежности (как основание для вывода о наличии причинной связи) при определенных обстоятельствах и в ограниченном числе случаев.

Подход российских судов к оценке причинной связи (в качестве условия ответственности) в так называемых врачебных делах не отличается последовательностью и логикой. Еще несколько лет назад в качестве юридически значимой суды рассматривали исключительно прямую причинную связь¹³, что создавало пациентам серьезные проблемы в получении компенсации. Однако со временем в вопросах доказывания причинной связи произошли метаморфозы.

Во-первых, суды перестали воспринимать вывод судебно-медицинских экспертов о наличии опосредованной (косвенной) связи между дефектами медицинской помощи и ухудшением состояния больного в качестве препятствия для удовлетворения иска пациента.

*Родственники умершего пациента обратились с иском к больнице о возмещении расходов на погребение и компенсации морального вреда. Решением суда иск удовлетворен. Апелляционной инстанцией решение оставлено без изменения, отмечено, что материалы дела свидетельствуют о наличии опосредованной (косвенной) причинной связи между дефектами диагностики и смертью пациента. При этом характер связи не может служить основанием для отказа в иске (апелляционное определение Красноярского краевого суда от 10.02.2020 № 33-1935/2020)*¹⁴.

Во-вторых, презумпция вины причинителя вреда (п. 2 ст. 1064 ГК РФ) в контексте медицинских споров стала трактоваться судами как обязанность ответчика (!) доказать невозможность достижения благоприятного результата даже при условии правильного лечения. Иными словами, при наличии дефектов лечения

бремя доказывания причинной связи де-факто переносится на медицинскую организацию¹⁵.

Однако такой формальный подход характерен лишь для исков о компенсации морального вреда. При рассмотрении иной категории требований (о возмещении утраченного заработка, расходов на лечение, содержания по случаю потери кормильца) наличие прямой причинной связи все еще является обязательной предпосылкой удовлетворения иска¹⁶. Как следствие, текущая судебная практика в России по медицинским спорам представлена в основном «половинчатыми» решениями¹⁷.

Оптимизация судопроизводства по медицинским спорам: создание специальных судебных коллегий и системы назначаемых судом экспертов

Некоторые страны идут гораздо дальше разработки доказательственных доктрин в пользу пациента, оптимизируя непосредственно судебное производство. Показателен опыт Японии, которая в начале 2000-х гг. столкнулась с проблемой резкого увеличения количества медицинских споров и в какой-то степени «беспомощностью» судей в их разрешении. В 2001 г. Верховный Суд Японии инициировал ряд процедурных реформ, включавших в себя установление четких сроков судебного разбирательства с концентрированным процессом сбора доказательств, расширение системы назначаемых судом экспертов (court-appointed experts)¹⁸. Ключевым аспектом реформы стало создание специальных медицинских коллегий в районных судах наиболее крупных городских поселений (Токио, Осака, Йокогама и пр.).

Специфика формирования и работы коллегий заключалась в том, что соответствующие судьи регулярно проходили профессиональную подготовку и повышение квалификации как в области права, так и в сфере медицины: посещая занятия в медицинских вузах и на базе лечебных учреждений, а также участвуя в тренингах, проводимых более опытными коллегами. Уже к 2005–2006 гг. средняя продолжительность рассмотрения медицинского спора снизилась с 1 000 до 600 дней.

Институт назначаемых судом экспертов также сыграл положительную роль. Эксперты оказывают помощь судьям медицинских коллегий в различных формах. Например, коллегия в Йокогаме привлекает экспертов для получения консультативной помощи на ранней стадии рассмотрения дела (expert commissioners): при определении предмета доказывания, сборе необходимых доказательств. Коллегия в Токио обращается к помощи назначаемых экспертов на заключительной стадии судебного разбирательства, используя такую форму, как конференция (conference of experts). С этой целью подбираются 3–4 медицинских эксперта из релевантных делу областей медицины, которые уже после представления сторонами всех доказательств по делу передают судье краткие письменные заключения, а затем выступают с устными докладами, отвечая на уточняющие вопросы судей и представителей сторон [2. С. 270–272].

Альтернативные схемы: общая характеристика

Дискуссии о недостатках деликтной системы, перспективах её замены альтернативными компенсационными схемами возникли еще в 1970-х гг. и носили преимущественно теоретический характер. Однако на фоне усилившейся критики в адрес длительных судебных разбирательств по искам из медицинской небрежности и кризиса в отрасли страхования ответственности врачей в середине 1980-х гг.¹⁹ многие государства предприняли реальные шаги в этом направлении.

Новая Зеландия ввела универсальную компенсационную схему для всех случаев причинения вреда личности, отказавшись одновременно от применения деликтного права. Скандинавские государства предусмотрели страховые схемы в отношении травм, полученных при любых видах медицинских вмешательств. Наконец, еще в ряде государств были введены ограниченные версии компенсационных схем, чтобы изъять из сферы деликтной ответственности наиболее проблемные медицинские травмы. В частности, в двух штатах США – Вирджинии (1987) и Флориде (1988), а также в Японии (2009) были введены программы компенсации для лиц, получивших неврологические травмы при рождении (birth-related injuries).

Ключевым отличием всех не основанных на вине схем компенсации от деликтной системы является отсутствие необходимости доказывать небрежность в действиях врача.

Как и в деликтном праве, в компенсационных схемах необходимы два других условия: пациент должен получить травму (вред здоровью), и эта травма должна быть связана с лечением. Для установления медицинского происхождения травмы используются формальные критерии (Avoidability, Tolerability, Disproportionate)²⁰, что позволяет компенсировать более широкий спектр медицинских травм, чем деликтное право с его строгим стандартом доказывания причинной связи, не говоря уже о сроках осуществления компенсационных выплат, сокращении судебных и репутационных издержек.

Вопрос о наличии у пациента права на получение компенсации (Eligibility of claim), как правило, решается экспертами-оценщиками внутри специально созданного органа для выплаты компенсаций – Фонда страхования пациентов (Швеция), Центра страхования пациентов (Финляндия) либо административными «судьями» (Департамент по административным спорам штата Флорида, США).

Несмотря на внешнее сходство с системой обязательного социального страхования, компенсационные схемы имеют частноправовую природу. Это выражается, прежде всего, в источниках финансирования схем – взносы врачей и медицинских организаций. Бюджетные средства привлекаются на факультативной основе. От страхования профессиональной ответственности врачей (professional liability insurance) альтернативные схемы отличает специфика страховых рисков – медицинские травмы, не обязательно связанные с профессиональной небрежностью.

Скандинавская модель страхования пациентов

Финская схема страхования пациентов (Patient insurance scheme) действует вне судебной системы. Схема страхования была введена в действие в 1987 г., после чего пациенты получили возможность обращаться за компенсацией вреда в Центр страхования пациентов (Potilasvakuutuskeskus, PVK)²¹ вместо предъявления иска в суд²². Как следствие, количество судебных споров о возмещении вреда за медицинскую небрежность сократилось до 20 исков в год, в то время как остальная часть проходит через Центр. Количество таких обращений постоянно увеличивалось, но рост прекратился на рубеже 7–8 тыс. в 2011 г.

Законом (Patient Injury Act, 1985) предусмотрены семь оснований для выплаты компенсации: травмирование пациента в процессе лечения; инфицирование; причинение вреда неисправным медицинским оборудованием; отрицательные последствия неверного назначения лекарства; причинение чрезмерного вреда²³ и др. Для случаев травмирования предпосылкой выплаты компенсации является предотвратимость вреда (Avoidability). Вред подлежит компенсации, если опытный врач действовал бы иначе в сравнении с фактически оказанным лечением, и вреда можно было бы избежать.

В свою очередь, критерий выплаты компенсации при инфицировании основан на резистентности пациента к определенной инфекции (Tolerability). Это означает, что при обычном ходе вещей пациент не должен был бы получить инфекционное заболевание с учетом истории его болезни, текущего состояния здоровья, а также характера предоставляемого лечения и сопутствующих ему рисков; при этом учитываются и последствия развития инфекции – их влияние на результат медицинского вмешательства. Для иных оснований выплаты предусмотрены собственные критерии права на компенсацию [16].

Принципы работы Центра и подходы к решению вопроса о наличии у пациента права на компенсацию подробно освещены на официальном сайте. В отдельной рубрике приведены примеры положительных и отрицательных решений Центра применительно к отдельным направлениям медицинской практики (гинекология, стоматология, ортопедия, глазные операции и пр.).

Пациент обратился за компенсацией, ссылаясь на то, что в ходе лечения 22-го зуба инструмент сломался внутри корневого канала зуба. Вследствие данного обстоятельства пациенту пришлось сделать три дополнительных визита к стоматологу, продлить период временной нетрудоспособности. Центр принял решение в пользу пациента, указав на то, что корневой канал не был узким или изогнутым, поэтому поломки инструмента можно было избежать – в случае выполнения манипуляции более опытным специалистом и при более аккуратном подходе.

В другом случае пациент просил выплатить компенсацию в связи с повреждением премоляра при введении трахеальной трубки (интубации). Центр отка-

зал в выплате компенсации, указав на то, что проведение интубации было необходимой процедурой (для восстановления дыхания), а поврежденный зуб ранее подвергался лечению, был заполнен пломбировочным материалом с четырех сторон. В отличие от здоровых зубов, зубы со слабым пародонтом или протезные конструкции, как правило, не выдерживают нагрузки при введении трахеальной трубки. Данный вред был неизбежен.

Сходные по своему функционалу, источникам финансирования и критериям выплаты компенсации схемы существуют и в других Скандинавских странах: Швеции, Дании, Норвегии [17].

Компенсационные схемы в отношении неврологических травм при рождении: опыт США и Японии

В отличие от Новой Зеландии и Скандинавских стран, в США отсутствуют какие-либо обязательные национальные программы возмещения вреда пациентам. Однако два штата, **Вирджиния и Флорида**, ввели на добровольной основе компенсационные программы (не основанные на вине) для детей, получивших неврологические травмы при медицинском сопровождении родов²⁴. Вирджиния и Флорида создали специальные фонды²⁵ для выплаты компенсаций. Распоряжение средствами фонда, в том числе урегулирование заявлений о компенсационных выплатах, осуществляют одноименные ассоциации: Birth-Related Injury Program (BIP²⁶) – в Вирджинии, Neurological Injury Compensation Association (NICA²⁷) – во Флориде.

Получение компенсации из фонда является альтернативой судебному преследованию врача или госпиталя. Если ребенок признается соответствующим критериям для выплаты компенсации, он и его родители не вправе предъявлять иск о возмещении вреда. И наоборот, при отклонении требования о компенсации за счет фонда, за потерпевшими остается право на предъявление иска в суд.

Право на компенсацию возникает при соответствии травмы (birth-related neurological injury) определенным критериям: травма должна быть получена при оказании медицинской помощи практикующим акушером-гинекологом или в медицинском госпитале; травма вызвана кислородным голоданием или механическим повреждением головного или спинного мозга (в процессе родов); вследствие травмы ребенок утратил двигательные функции, способности к когнитивной деятельности или нуждается в постоянном уходе в повседневной жизни (при питании, пользовании туалетом и пр.)²⁸.

В отличие от Скандинавской модели страхования пациентов, в основе которой лежит критерий предотвратимости вреда, Программы компенсации для новорожденных с неврологическими травмами используют критерий связи травмы с процессом ведения родов (birth-related injury). Этот критерий также формализуется – через описание локализации травм, воз-

можных причин травмирования и даже с помощью некоторых доказательственных презумпций, например, относительно причин дистресса плода (fetal distress presumption)²⁹. Правило о данной презумпции было включено в законодательство штата Вирджиния в 2003 г. и позволяет предположить наличие связи между неврологической травмой и процессом ведения родов, если медицинская организация не предоставляет запись фетального кардиомонитора. В свою очередь, суды Вирджинии выработали аналогичную презумпцию для ситуаций, когда медицинская организация не предоставляет информацию об уровне кислорода в пуповинной крови.

В случае признания неврологической травмы соответствующей критериям компенсации семья пострадавшего ребенка получает пожизненное финансирование всех необходимых и разумных расходов: на лечение, реабилитационные процедуры, медицинский уход и обучение в специальных условиях. Также возмещается потеря доходов за период с 18 до 65 лет.

Компенсационные программы для лиц, пострадавших вследствие поствакцинальных осложнений

Еще одной областью медицины, где компенсационные схемы получили признание, является иммунопрофилактика заболеваний. Вакцины не являются абсолютно безопасными и в редких случаях все же приводят к тяжелым осложнениям (инвалидности, смерти).

В отсутствие доказательств медицинской небрежности или недоброкачественности вакцин, для пострадавшего крайне сложно получить компенсацию в судебном порядке. Осознавая это, ряд государств ввели специальные программы компенсации вреда, связанного с поствакцинальными осложнениями (Vaccine Injury Compensation, VIC), не основанные на вине. Эти программы отражают веру в то, что будет справедливым и разумным, что общество, которое защищает себя посредством программ иммунопрофилактики, принимает на себя ответственность за их побочные эффекты и обеспечивает финансовую защиту пострадавшим [18].

Программы VIC появлялись и совершенствовались на протяжении всего XX в., по состоянию на 2018 г. они действуют в 25 государствах – членах Всемирной организации здравоохранения³⁰. Существуют отличия в том, какие виды вакцин (и поствакцинальных осложнений) охватываются компенсационными схемами. Некоторые схемы распространяются лишь на случаи обязательных и рекомендованных государством вакцин, в то время как другие – на все одобренные препараты. Практически все компенсационные программы устанавливают пороговые значения вреда (длительность нетрудоспособности, инвалидность и т.п.), при которых возникает право на получение компенсации³¹.

Финансируются программы преимущественно за счет бюджетных средств (65%), особенно в странах со средним и невысоким уровнем доходов населения. Источниками финансирования также могут быть

взносы фармацевтических³² и медицинских организаций; пошлины, удерживаемые с импортеров вакцин.

Вопрос о наличии у пострадавшего права на получение компенсации, как правило, разрешается в административном порядке, с возможностью внутренней апелляции. При этом могут использоваться формальные критерии (таблицы распространенных осложнений при вакцинации) для предварительной оценки связи расстройства здоровья с проведением иммунопрофилактики. Так, если анафилактический шок проявляется в течение 4 ч с момента вакцинации против гепатита В, то предполагается, что он вызван вакциной. Если осложнение «не вписывается» в таблицу, то его связь с вакцинацией проверяется с помощью иных критериев³³, в том числе с привлечением комиссии медицинских экспертов или врачей-эпидемиологов.

Перспективы для российской правовой системы (заключение)

Опыт некоторых государств показывает, что и в рамках традиционной деликтной системы пациенту может быть обеспечена эффективная защита нарушенных прав за счет использования специальных доказательственных доктрин, включая правила о перераспределении бремени доказывания. Это позволяет сгладить имеющуюся изначально информационную асимметрию в отношениях между истцом (пациент, его близкие) и ответчиком (врач, медицинская организация). В качестве негативных аспектов системы остаются длительные сроки ожидания выплат и значительные судебные издержки, но и они могут быть компенсированы за счет оптимизации судопроизводства по данной категории споров, а также развития внесудебных (альтернативных) механизмов разрешения споров – медиации, медицинских арбитражей и т.д.

Текущая судебная практика в России по медицинским спорам свидетельствует о потребности в легальном разрешении или доктринальном обосновании перераспределения бремени доказывания в пользу пациента в определенных случаях (при ненадлежащем ведении или утрате медицинской документации, при совершении грубой медицинской ошибки и пр.). Возможно, следует дополнить § 2 гл. 59 Гражданского кодекса РФ соответствующими положениями, взяв за основу законодательный опыт Германии или Эстонии.

Определение приемлемого стандарта доказывания причинной связи применительно к медицинским спорам, равно как и возможность использования пропорционального подхода в ситуациях неопределенности причинно-следственной связи, – вопросы, которые требуют дальнейшего обсуждения. В отечественной литературе отмечается, что оптимальный стандарт доказывания может варьироваться в зависимости от ряда факторов, в том числе информационной асимметрии. В частности, чем больше преимуществ у оппонента в доступе к доказательствам, тем больше оснований снимать с обремененной стороны (например, пациента) бремя доказывания [20. С. 90–96].

Альтернативные (не основанные на вине) компенсационные схемы обладают рядом преимуществ для пациента: более широкий охват медицинских травм, относительно небольшой период ожидания выплаты, отсутствие необходимости в доказывании факта медицинской небрежности и причинной связи, экономия на судебных издержках. Даже присутствующие в некоторых схемах ограничения (максимальные размеры выплат по отдельным видам травм и пр.) представляются несущественными на фоне многочисленных решений об отклонении исков пациентов, основанных на нормах деликтного права. В свою очередь, врачам и медицинским организациям компенсационные схемы позволяют более открыто обсуждать неблагоприятные медицинские исходы, не опасаясь разорительных исков из медицинской небрежности и последующих расходов на страхование ответственности.

У всех вышеперечисленных преимуществ есть «цена», которая выражается в необходимости стабильных источников финансирования альтернативной схемы – в виде регулярных отчислений врачей и медицинских организаций, фармацевтических компаний, инвестиций со стороны частных страховщиков.

Создание в России универсальной компенсационной схемы (для всех случаев вреда при медицинском вмешательстве) при фактическом отсутствии конкурентных начал в сфере здравоохранения³⁴, неразвитости страхования профессиональной ответственности врачей и отсутствии статистики неблагоприятных медицинских исходов представляется преждевременным. Можно предложить начать с двух пилотных проектов, предусмотрев выплату компенсаций лицам, пострадавшим от поствакцинальных осложнений, а также семьям детей, получивших неврологические травмы при рождении. Во-первых, подобные программы присутствуют во многих социально ориентированных государствах (не только Европы) и обеспечивают полноценную и своевременную реабилитацию пострадав-

шим³⁵. Во-вторых, это позволит предупредить нарастающее количество судебных споров, связанных с указанными медицинскими травмами, применительно к которым экспертное подтверждение врачебной ошибки может быть затруднительным.

Предложенные схемы следует вводить именно в качестве альтернативных механизмов урегулирования медицинских споров: у пострадавшего пациента должно сохраняться право выбора – воспользоваться этой альтернативой или обратиться в суд с иском.

Администрирование компенсационных программ должно быть ориентировано на использование внебюджетных источников финансирования – страховых взносов, уплачиваемых медицинскими организациями, частнопрактикующими врачами, производителями и продавцами фармацевтической продукции.

Критерии компенсируемости медицинской травмы, включая признак «связи» с медицинским вмешательством (или вакцинацией), не должны быть многосложными и провоцирующими апелляционные разбирательства внутри и вне компенсационной схемы. В противном случае схема может утратить свою привлекательность в глазах пациентов.

Обязательным элементом компенсационных программ должно быть аккумулирование и обобщение данных о неблагоприятных медицинских исходах – с целью дальнейшего использования полученной информации в учебных и превентивных целях. Информацию о результатах работы программ, характере удовлетворенных и отклоненных заявлений о компенсации целесообразно доводить в обязательном виде до сведения потенциальных потерпевших (пациентов), например путем размещения на официальном сайте администратора программы³⁶. Это сделает более предсказуемой юридическую оценку травмы пациента, сократит количество необоснованных обращений и, в конечном счете, издержки по администрированию схемы.

Примечания

¹ Термин медицинская травма (*medical injury*) подразумевает любого рода травмы, полученные пациентом при медицинском вмешательстве, независимо от того, сопряжены ли они с ошибкой врача.

² Все эти факторы присутствуют и в российской правовой системе. Речь может идти, в частности, об освобождении отдельных категорий истцов от уплаты государственной пошлины за предъявление иска – потребителей, истцов по требованиям о возмещении вреда здоровью (пп. 3 п. 1, пп. 4 п. 2 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ); о праве адвокатов согласовывать с клиентом оплату гонорара в зависимости от достижения положительного результата по делу (п. 4.1 ст. 25 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в ред. от 02.12.2019 № 400-ФЗ).

³ См.: [9].

⁴ Термин «образованный врач» вовсе не означает, что общий уровень медицинской науки приравнивается к уровню профессора университета или ведущего специалиста в своей области.

⁵ По данным Российского центра судебно-медицинской экспертизы (РЦСМЭ), соответствие составляет порядка 80%. Подробнее см.: [11].

⁶ Законодательство некоторых европейских государств в качестве субъекта ответственности перед пациентом рассматривает именно лечащего врача, допустившего ошибку (§ 630h ГГУ). Медицинская организация привлекается к ответственности при наличии её собственных нарушений и вины (за отсутствие необходимого медицинского инвентаря, неверный подбор медицинского персонала и пр.). Законодательством может быть предусмотрен и вариант солидарной ответственности врача и медицинской организации (ст. 770 Обязательственно-правового закона Эстонии).

⁷ Грубая ошибка (*нем.*).

⁸ Фактически речь идет об аналоге грубой ошибки, известной немецкой правовой доктрине.

⁹ Для разрешения вопроса о наличии причинной связи.

¹⁰ Обстоятельства дела см.: [12].

¹¹ Доктрина подразумевает учет статистических показателей выживаемости пациентов и продолжительности их жизни при условии правильного и своевременного лечения. Доктрина популярна в некоторых странах Европы (Франция, Италия) при рассмотрении исков из медицинской небрежности, связанных с ошибочной диагностикой онкологических заболеваний. Подробнее см.: [13].

¹² Обстоятельства дела см.: [14].

¹³ См., например: определение Верховного Суда РФ от 18.03.2011 № 78-В10-47.

- ¹⁴ Об учете судами опосредованной (косвенной) связи см. также: определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2020 № 88-2577/2020, от 06.11.2019 № 88-34/2019.
- ¹⁵ Примером может служить определение Верховного Суда РФ от 18.02.2019 № 71-КГ18-12 (Фролов v. ГБУЗ «Гусевская ЦРБ»). В последующем определение было включено в Обзор практики Верховного Суда РФ № 2 за 2019 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019).
- ¹⁶ См., например: определение Первого кассационного СОЮ от 03.06.2020 № 88-6831/2020 (дело № 2-553/2019).
- ¹⁷ О взыскании компенсации морального вреда при одновременном отказе в основных требованиях (о возмещении утраченного заработка, расходов на лечение).
- ¹⁸ Их процессуальный статус иной, нежели у медицинских экспертов, привлекаемых по инициативе спорящих сторон для проведения специальных исследований и дачи показаний в суде.
- ¹⁹ Кризис коснулся, прежде всего, акушеров и акушеров-гинекологов. Подробнее см.: [15].
- ²⁰ В переводе с англ. – *предотвратимость, резистентность и чрезмерность* соответственно.
- ²¹ Центр страхования пациентов представляет собой ассоциацию частных страховых компаний. Деятельность Центра находится под надзором Службы финансового надзора (FSA). Основные задачи Центра: установление обоснованности претензии пациента, определение размера компенсации и её выплата. Официальный сайт Центра: <https://www.pvk.fi/en/>.
- ²² Обращение с заявлением в Центр страхования пациентов или предъявление иска к врачу (медицинской организации) о возмещении вреда – альтернативные возможности для пациента.
- ²³ Не оправданного целями медицинского вмешательства с учетом первоначального диагноза.
- ²⁴ Компенсационные схемы были введены в обоих штатах в конце 1980-х гг.: Virginia Birth-Related Neurological Injury Compensation Act (BIRP), 1987; Florida Birth-Related Neurological Injury Compensation Act (NICA), 1988.
- ²⁵ Компенсационные фонды формируются за счет ежегодных отчислений врачей и госпиталей. Врачи и госпитали участвуют в данной программе добровольно. По состоянию на 2012 г. взносы составляли соответственно: 6 100 долларов – для врача, участвующего в Программе; 300 долларов – для не участвующих в Программе врачей (но осуществляющих практику на территории штата); 55 долларов за каждого ребенка (но не более 200 тыс. долларов) – для госпиталя. Подробнее см.: [15].
- ²⁶ Официальный сайт ассоциации: <https://www.vabirthinjury.com>.
- ²⁷ Официальный сайт ассоциации: <https://www.nica.com>.
- ²⁸ Критерии компенсируемой травмы (Eligibility) в NICA и BIRP имеют много общего, однако существуют и некоторые отличия. Например, обязательным условием получения компенсации по программе NICA является то, что ребенок на момент рождения имеет вес не менее 2 500 г. Подробнее о критериях компенсируемой травмы и составе компенсационных выплат по программе NICA см.: https://www.nica.com/eligibility_benefits.html.
- ²⁹ В медицинской литературе к причинам дистресса плода относят различные факторы, включая предродовые обстоятельства, сосудистые заболевания матери и пр.
- ³⁰ В период с 2010 по 2018 г. количество государств, применяющих VIC, увеличилось с 19 до 25. Прирост происходит преимущественно за счет стран с высоким уровнем дохода: 2 государства на Американском континенте, 6 – в Азии, 16 – в Европе и 1 – в Океании (Новая Зеландия). В перечень стран, где используются VIC программы, часто включают Россию, что не совсем корректно, поскольку компенсация вреда ограничивается выплатой «символических» государственных пособий.
- ³¹ Сравнительный анализ параметров программ VIC см.: [19].
- ³² В Швеции фармацевтические компании с 1960-х гг. участвуют на добровольной основе в специальной Компенсационной схеме для пострадавших от поствакцинальных осложнений (Swedish vaccine-injury compensation scheme), уплачивая соответствующие взносы. В свою очередь, финские фармацевты для этой же цели создали страховой пул (Finnish Pharmaceutical Insurance Pool).
- ³³ Наиболее общепринятыми являются критерии эпидемиологической причинно-следственной связи Брэдфорда Хилла, учитывающие специфичность, выраженность реакции после введения вакцины (Bradford Hill criteria).
- ³⁴ См.: [21].
- ³⁵ Схемы компенсации для пострадавших от поствакцинальных осложнений также могут быть аргументом в спорах между сторонниками и противниками обязательной иммунопрофилактики.
- ³⁶ По аналогии с официальными сайтами PVK (Финляндия), NICA (Флорида, США), BIRP (Вирджиния, США).

Список источников

1. Goldberg R. Medical Malpractice and Compensation in the UK // Chicago-Kent Law Review. 2012. Vol. 87. P. 131–161.
2. Feldman E. Law, Society, and Medical Malpractice Litigation in Japan // Faculty Scholarship at Penn Law. 2009. № 992. P. 257–284. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/992 (дата обращения: 10.04.2021).
3. Leflar R.B. The Law of Medical Misadventure in Japan // Chicago-Kent Law Review. 2012. Vol. 87. P. 79–110.
4. Weisbrot D., Breen K.J. A no-fault compensation system for medical injury is long overdue // The Medical journal of Australia. 2012. Vol. 197 (5). P. 296–298. doi: 10.5694/mja12.10322
5. Vincent C. Compensation as a duty of care: the case for “no fault” // BMJ Quality & Safety. 2003. Vol. 12 (4). P. 240–241. doi: 10.1136/qhc.12.4.240
6. Козьминых Е. Обязательства вследствие причинения вреда здоровью при оказании медицинских услуг // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 32–34.
7. Stauch M.S. Medical Malpractice and Compensation in Germany // Chicago-Kent Law Review. 2011. Vol. 86 (3). P. 1139–1168.
8. Medical malpractice and compensation in global perspective / Ken Oliphant, Richard W. Wright (eds.). Berlin/Boston, 2013. 591 p.
9. Law of Obligation Act, 2001. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/508082018001/consolide> (дата обращения: 10.04.2021).
10. Кратенко М.В., Луйк О.-Ю. Возмещение вреда, причиненного вследствие ненадлежащего медицинского вмешательства: сравнительный анализ опыта РФ и Эстонии // Закон. 2020. № 7. С. 68–83.
11. Шмаров Л.А. Соотнесение результатов выполнения судебно-медицинских экспертиз с решениями судов по искам к медицинским организациям // Судебно-медицинская экспертиза. 2020. № 63 (3). С. 8–12. doi: 10.17116/sudmed2020630318
12. McGhee v National Coal Board // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/McGhee_v_National_Coal_Board (дата обращения: 10.04.2021).
13. Beran R.G., Rapozo V.L., Yang M. Loss of chance across different jurisdictions (the why and wherefore) // Peking University Law Journal. 2021. Vol. 8 (2). P. 1–15. doi: 10.1080/20517483.2020.1857116
14. Gregg v Scott // WIKI 2. Wikipedia Republished. URL: https://wiki2.org/en/Gregg_v_Scott (дата обращения: 10.04.2021).
15. Khadijah Mohd Najid, Putery Nemie Jahn Kassim. No-fault compensation scheme for obstetric injuries: a viable alternative? // Medico-Legal Journal. 2016. Vol. 3 (28) URL: <https://www.researchgate.net/publication/317553013> (дата обращения: 10.04.2021).
16. Jurvelin J. Studies on Filed and Compensated Claims for Patient Injuries: Academic Dissertation, presented with the permission of the Faculty of Medicine, University of Helsinki on November 9, 2012. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-245-750-9> (дата обращения: 10.04.2021).
17. Broberg M. The Danish Patient Insurance Act of 1991: first experiences // International Journal of Risk & Safety in Medicine. 1994. Vol. 6. P. 139–144.

18. Looker C., Kelly H. No-fault compensation following adverse events attributed to vaccination: a review of international programs // *Bulletin of the World Health Organization*. 2011. Vol. 89. P. 371–378. doi: 10.2471/BLT.10.081901
19. Mungwira R.G., Guillard C., Saldaña A., Okabe N., Petousis-Harris H., Agbenu E. et al. Global landscape analysis of no-fault compensation programmes for vaccine injuries: A review and survey of implementing countries // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15(5). Art. e0233334. doi: 10.1371/journal.pone.0233334
20. Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019. № 5 (Специальный выпуск). С. 4–88.
21. Стратегия развития страховой отрасли РФ на период с 2018 по 2021 год, утв. Президиумом Всероссийского союза страховщиков 31.10.2018. URL: https://raex-a.ru/files/research/2018_bsr_research_vol1.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

References

1. Goldberg, R. (2012) Medical Malpractice and Compensation in the UK. *Chicago-Kent Law Review*. 87. pp. 131–161.
2. Feldman, E. (2009) Law, Society, and Medical Malpractice Litigation in Japan. *Faculty Scholarship at Penn Law*. 992. pp. 257–284. [Online] Available from: https://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/992 (Accessed: 10.04.2021).
3. Leflar, R.B. (2012) The Law of Medical Misadventure in Japan. *Chicago-Kent Law Review*. 87. pp. 79–110.
4. Weisbrot, D. & Breen, K.J. (2012) A no-fault compensation system for medical injury is long overdue. *The Medical journal of Australia*. 5 (197). pp. 296–298. DOI: 10.5694/mja12.10322
5. Vincent, C. (2003) Compensation as a duty of care: the case for “no fault”. *BMJ Quality & Safety*. 4 (12). pp. 240–241. DOI: 10.1136/qhc.12.4.240
6. Koz'minykh, E. (2001) Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda zdorov'yu pri okazanii meditsinskikh uslug [Obligations due to injury to health in the provision of medical services]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2. pp. 32–34.
7. Stauch, M.S. (2011) Medical Malpractice and Compensation in Germany. *Chicago-Kent Law Review*. 3 (86). pp. 1139–1168.
8. Oliphant, K. & Richard, W.W. (2013) (eds) *Medical malpractice and compensation in global perspective*. Berlin/Boston: De Gruyter.
9. Riigi Teataja. (2001) *Law of Obligation Act, 2001*. [Online] Available from: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/508082018001/consolide> (Accessed: 10.04.2021).
10. Kratenko, M.V. & Luyk, O.-Yu. (2020) Liability for medical malpractice: comparative analysis of the legal experience of the Russian Federation and Estonia. *Zakon – Statute*. 7. pp. 68–83. (In Russian).
11. Shmarov, L.A. (2020) Correlation of the results of forensic examinations with court decisions on claims against medical organizations. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza – Forensic Medical Expertise*. 63 (3). pp. 8–12. (In Russian). DOI: 10.17116/sudmed2020630318
12. Wikipedia. (n.d.) *McGhee v National Coal Board*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/McGhee_v_National_Coal_Board (Accessed: 10.04.2021).
13. Beran, R.G., Rapozo, V.L. & Yang, M. (2021) Loss of chance across different jurisdictions (the why and wherefore). *Peking University Law Journal*. 2 (8). pp. 1–15. DOI: 10.1080/20517483.2020.1857116
14. WIKI 2. Wikipedia Republished. (n.d.) *Gregg v Scott*. [Online] Available from: https://wiki2.org/en/Gregg_v_Scott (Accessed: 10.04.2021).
15. Najid, Kh.M. & Kassim, P.N.J. (2016) No-fault compensation scheme for obstetric injuries: a viable alternative? *Medico-Legal Journal*. 28 (3) [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/317553013> (Accessed: 10.04.2021).
16. Järvelin, J. (2012) *Studies on Filed and Compensated Claims for Patient Injuries*. Academic Dissertation. Helsinki. [Online] Available from: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-245-750-9> (Accessed: 10.04.2021).
17. Broberg, M. (1994) The Danish Patient Insurance Act of 1991: first experiences. *International Journal of Risk & Safety in Medicine*. 6. pp. 139–144. DOI:10.3233/JRS-1994-6204
18. Looker, C. & Kelly, H. (2011) No-fault compensation following adverse events attributed to vaccination: a review of international programs. *Bulletin of the World Health Organization*. 89. pp. 371–378. DOI: 10.2471/BLT.10.081901
19. Mungwira, R.G. et al. (2020) Global landscape analysis of no-fault compensation programmes for vaccine injuries: A review and survey of implementing countries. *PLoS ONE*. 5(15). Art. e0233334. DOI: 10.1371/journal.pone.0233334
20. Karapetov, A.G. & Kosarev, A.S. (2019) Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie [Standards of proof: analytical and empirical research]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – Herald of Economic Justice*. 5 (Special Issue). pp. 4–88.
21. RAEX. (2018) *Strategiya razvitiya strakhovoy otrasli RF na period s 2018 po 2021 god, utv. Prezidiumom Vserossiyskogo soyuza strakhovshchikov 31.10.2018* [Strategy for the development of the insurance industry of the Russian Federation for the period from 2018 to 2021, approved by the Presidium of the All-Russian Union of Insurers on 31.10.2018]. [Online] Available from: https://raex-a.ru/files/research/2018_bsr_research_vol1.pdf (Accessed: 10.04.2021).

Информация об авторе:

Кратенко М.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков, Россия). E-mail: maxkrat@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Kratenko, Cand. Sci. (Law), associate professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: maxkrat@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 14.06.2021;
одобрена после рецензирования 05.07.2021; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 14.06.2021;
approved after reviewing 05.07.2021; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 343.27
doi: 10.17223/15617793/477/27

Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран

Дмитрий Борисович Лаптев¹, Андрей Александрович Федоров^{1,3}

¹Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Томск, Россия

²lapa612@mail.ru

³andreyfedorov238@mail.ru

Аннотация. Констатируется необходимость совершенствования норм уголовного законодательства о конфискации имущества. Предлагается использование зарубежного опыта в части расширения уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц. Аргументируется необходимость изменения стандарта доказывания по делам коррупционной направленности применительно к возможности принудительного изъятия имущества, в отношении которого имеются разумные сомнения относительно легальности происхождения. Обосновывается законодательное решение по установлению открытого перечня преступлений, правовым последствием которых может выступать конфискация имущества.

Ключевые слова: наказание, иные меры уголовно-правового характера, конфискация имущества, бремя доказывания, уголовная ответственность юридических лиц

Для цитирования: Лаптев Д.Б., Федоров А.А. Совершенствование института конфискации имущества на основе опыта зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 239–245. doi: 10.17223/15617793/477/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/27

Improvement of the institution of confiscation of property based on the experience of foreign countries

Dmitry B. Laptev¹, Andrey A. Fedorov^{1,3}

¹ West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Tomsk, Russian Federation

²lapa612@mail.ru

³andreyfedorov238@mail.ru

Abstract. The article proposes the use of foreign experience in regulating rules on confiscation of property, taking into account the identified imperfection of relevant domestic legal regulations. The potential effectiveness of expanding the scope of criminal legal influence against legal entities is justified, including by extending the possibility of implementing such a criminal legal measure as confiscation of property. As a perspective, it is proposed to implement the objective direction of the concept of corporate guilt, according to which the organization is found guilty of an offense if it is found that it had the opportunity to comply with the rules and norms for the violation of which responsibility is provided, but it has not taken all the necessary measures to comply with them. The authors conclude that there is a need to reform the institution of confiscation in terms of changing approaches to the standard of proof of the legitimacy of the origin of assets if there are reasonable grounds to believe that the assets were acquired illegally. The specificity of property confiscation should be the redistribution of the burden of proving the legality of the origin of the asset to its title owner. If the latter does not have reasonable arguments confirming the legitimacy of the sources of property acquisition, it is subject to recourse to state income. The introduction of expanded confiscation as an effective means of anti-corruption measures is consistent with progressive world practice. The importance of directing the use of foreign experience to establish an open list of crimes, as a result of which confiscation can be applied, is argued. In this respect, domestic criminal law is not well defined. Using a list approach in determining the structure of acts entailing the confiscation of property, the Russian legislator made shortcomings, because of which some more characteristic and dangerous acts were not included in this list, while acts with low public danger and dubious “confiscation potential” were. Self-serving offenses (theft, robbery, larceny), which make up about half of registered crimes, were not indicated as acts that could lead to confiscation of property. The authors conclude that it is important to establish a universal approach when any proceeds from crime are subject to seizure, rather than a specific closed list of crimes whose legal consequence may be property confiscation.

Keywords: punishment, other criminal measures, confiscation of property, burden of proof, criminal liability of legal persons

For citation: Laptev, D.B. & Fedorov, A.A. (2022) Improvement of the institution of confiscation of property based on the experience of foreign countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 239–245. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/27

Проблема назначения адекватной меры уголовно-правового воздействия лицу, совершившему общественно опасное деяние, имеет трансграничный характер. В этой связи сравнительно-правовой метод справедливо признается обладающим исключительным научным потенциалом и позволяющим выявить положительный опыт правового регулирования, достойный адаптации и отражения в национальном законодательстве [1. С. 7–11].

Ученые отмечают, что с 1990-х гг. заимствование и адаптация правового опыта зарубежных стран (в особенности европейского и американского) приобрели актуальность для всего постсоветского пространства [2. С. 166–173]. В современный период имеется тенденция конвергенции национальных правовых систем [3. С. 13–14], в силу которой взаимопроникновение опыта правового регулирования из одной страны в другую представляется естественным и отчасти необходимым способом совершенствования законодательства.

Долгое время конфискация имущества в отечественном уголовном праве была регламентирована как дополнительный вид наказания. Однако с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ [4] соответствующие нормы были признаны утратившими силу, что вошло в определенное противоречие с международными обязательствами России в части соблюдения Конвенции ООН против коррупции [5], Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [6] и др.

В этой связи 27 июля 2006 г. Федеральным законом № 153-ФЗ [7] соответствующие положения о конфискации имущества вновь получили отражение в уголовном законодательстве России, но уже в статусе иных мер уголовно-правового характера, что по сей день продолжает вызывать серьезные разногласия на страницах юридической печати [8. С. 5]. С нашей точки зрения, авторы небезосновательно указывают о наличии лишь видимости конфискации имущества как средства противодействия преступности [9. С. 61], что подкрепляется данными официальной статистики последних лет, свидетельствующих о крайне низкой востребованности норм, особенно применительно к преступлениям коррупционной направленности. Так, в 2020 г. конфискация применена в отношении 2 933 человек (менее 0,4% осужденных), при этом только за совершение преступлений коррупционной направленности было осуждено 4 012 человек [10].

В данной работе мы постараемся вычленив положительный зарубежный опыт, позволяющий придать отечественным уголовно-правовым правовым предписаниям о конфискации имущества большую эффективность и практическую востребованность. Используя традиционную в теории права дифференциацию

англо-саксонской и романо-германской правовых семей [11. С. 18–30], включим в страноведческую выборку, во-первых, США и Великобританию, а во-вторых, Францию и ФРГ, поскольку в этих странах за последние годы накоплен достаточно интересный опыт правового регулирования отношений соответствующей тематики.

В главе 46 раздела 18 Свода Законов США предусмотрены нормы об уголовной конфискации (*criminal forfeiture*), под которой понимается дополнительный вид наказания, предполагающий изъятие движимого или недвижимого имущества, вовлеченного в преступление либо полученного в его результате, а также орудий и средств совершения преступления [12]. Данная мера может применяться в дополнение к таким наказаниям, как штраф, probation, тюремное заключение. Для реализации уголовной конфискации сторона обвинения должна доказать, что соответствующие активы приобретены виновным именно в результате незаконной деятельности либо взаимосвязь имущества с такой деятельностью. При этом конфискация имущества предусмотрена в качестве одного из видов наказаний, применяемых к юридическим лицам.

Возможность реализации мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц в России во многом справедливо ставится некоторыми авторами под сомнение, поскольку юридическое лицо как некая правовая фикция не может совершить преступление и, соответственно, подвергаться уголовной ответственности [13. С. 57]. Формула уголовной ответственности именно физического лица согласуется с базовыми принципами карательной деятельности, рожденными еще классической школой уголовного права [14. С. 102]. Кроме того, при рассмотрении вопроса о возможном использовании зарубежного опыта уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц важно учитывать позицию Конституционного Суда (КС) РФ, выраженную в Постановлении от 25.01.2001 № 1-П, где обозначено, что наличие вины является общим принципом юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно [15].

Применительно к данному вопросу перспективной видится реализация объективного направления концепции вины корпорации, в соответствии с которым организация признается виновной в совершении правонарушения, если будет установлено, что у нее имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена ответственность, но ей не были приняты все зависящие меры по их соблюдению (Постановление КС РФ от 25.04.2011 № 6-П) [16]. Подобное понимание вины юридического

лица раскрыто в нормах административного права (ст. 2.1 КоАП РФ), где организация изначально выступает в качестве одного из субъектов состава административного правонарушения.

Безусловно, любые предложения, касающиеся распространения сферы уголовно-правового воздействия, в отношении юридических лиц будут не безупречны. Но, вместе с тем, полный отказ от учета в уголовной политике государства современных реалий вредоносной деятельности преступных корпораций, с нашей точки зрения, противоречит назревшему общественному запросу. Учеными справедливо отмечается, что преступная деятельность юридических лиц затрудняет создание здоровых основ отечественной социальной, политической и экономической жизни [17]. Соответственно, необходимо продолжение поиска компромиссных вариантов расширения потенциала применения, в том числе конфискации имущества применительно к преступным корпорациям. Однако подобные законодательные решения будут эффективны лишь в сочетании с изменениями стандартов доказывания и корректировки перечня имущества, подлежащего безвозмездному изъятию в пользу государства, о чем соответствующие выводы будут сделаны ниже.

Помимо уголовной американское законодательство предусматривает гражданско-правовую конфискацию, в том числе применяемую в отношении вещи (*in rem*). Спецификой гражданско-правовой конфискации является перераспределение бремени доказывания законности владения имуществом от государства к лицу, в отношении которого есть подозрения в совершении противоправного деяния. В ситуациях, когда лицо не предоставляет убедительных доказательств законного приобретения собственности, имущество конфискуется государством. Возможность использования гражданско-правовой конфискации предусмотрена при нарушениях законодательства об «отмывании» денег, в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, незаконной банковской деятельности и др. Считаем, что подобные подходы к распределению бремени доказывания законности происхождения активов могут быть использованы отечественным законодателем при совершенствовании норм УК РФ о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений коррупционного характера.

Нормы о конфискации имущества в Великобритании закреплены в различных правовых актах и предполагают реализацию данной меры, в том числе, в отношении следующего имущества:

- 1) доходы свыше 10 000 фунтов стерлингов, полученные в результате незаконной деятельности (Закон об уголовном правосудии 1988 г.);
- 2) активы, связанные с финансированием террористической деятельности (Закон о терроризме 2000 г.);
- 3) активы, связанные с торговлей и перевозкой запрещенных наркотических веществ (Закон о торговле наркотиками 1994 г.) и др. [18. С. 296]

Примечательно, что в Великобритании, как и в США, также предусмотрен такой инструмент изъ-

ятия в пользу государства преступных доходов, как конфискация *in rem*. Данный вид конфискации предполагает предъявление гражданско-правового иска не к лицу, совершившему преступление, а к имуществу. При этом, как и в упомянутых выше американских нормах, спецификой реализации данной меры выступает перераспределение бремени доказывания законности происхождения актива на его титульного владельца. В случае отсутствия у последнего разумных аргументов, подтверждающих легитимность источников приобретения имущества, оно обращается в доход государства.

Согласимся с авторами, утверждающими, что подобный недооцененный отечественными юристами цивилистический инструментарий является наиболее эффективным средством в противодействии корыстной, в том числе коррупционной преступности [19. С. 52]. Так, профессор В.А. Уткин в рамках анализа целесообразности реформирования системы уголовных наказаний отмечает перспективность введения в отечественное уголовное законодательство института конфискации *in rem* [20. С. 129]. Профессор А.А. Арямов справедливо предлагает рассматривать данный вид конфискации в качестве одной из альтернативных форм решения уголовно-правового конфликта [21. С. 26]. Однако, учитывая заданные рамки нашего исследования, направленного на изучение мер непосредственно уголовно-правового характера, мы вынуждены ограничиться выводом о перспективности использования российским законодателем при модернизации УК РФ лишь отдельных принципов конфискации *in rem*.

Соответствующие принципы нашли свое отражение в британском законодательстве и при регламентации норм о так называемой расширенной конфискации (Закон о преступных доходах 2002 г.), которая занимает промежуточное положение между гражданско-правовой конфискацией *in rem* и уголовно-правовой конфискацией. Данный инструмент предполагает возможность изъятия в пользу государства имущества, нажитого «в связи с преступным поведением общего характера или преступным образом жизни» (*criminal lifestyle*). При этом стандарт доказывания в механизме реализации данной меры не требует установления связи между получением выгоды и конкретным преступлением [22. С. 80]. Расширенная конфискация применяется судьей путем вынесения приказа, основанного на презумпции, что все доходы, полученные субъектом в период антисоциального образа жизни, являются криминальными и подлежащими конфискации [23. С. 70]. Лицо, в отношении которого реализуется данная мера, в целях уменьшения размера имущества, подлежащего конфискации, вправе приводить доводы в пользу того, что вся либо какая-то часть активов, приобретенных в определенный период, имеет законный источник происхождения, что, с нашей точки зрения, справедливо.

Переходя к рассмотрению законодательства стран романо-германской семьи, необходимо отметить, что в Уголовном уложении (УУ) ФРГ установлен открытый перечень преступлений для реализации конфискации.

Так, если исполнитель или участник приобрёл что-либо посредством совершения противоправного деяния или за совершение этого деяния, то суд назначает конфискацию приобретённого (§ 73 УУ ФРГ) [24].

Российский же законодатель ограничил сферу реализации конфискации преступлений лишь отдельными составами преступлений, что, с нашей точки зрения, сомнительно.

Во-первых, конфискация имущества назначается за совершение наиболее тяжких преступлений против личности (убийство при отягчающих обстоятельствах, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека). При этом, например, законодатель допускает назначение конфискации по ч. 2 ст. 126 УК РФ (видимо, исходя из признака корыстных побуждений, который, собственно, может являться катализатором, получения виновным материальной выгоды, подлежащей конфискации), а по ч. 3 – более тяжкой, включающей совершение преступления организованной группой (в том числе при возможном наличии таких же корыстных побуждений), – не предусматривает. В данном случае очевидно, что похищения людей ради наживы, совершенные организованными преступными группами, не являются редкостью.

Во-вторых, в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ предусмотрено назначение конфискации имущества по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (например, ст. 171.1–171.4 УК РФ). В данном случае создается дисбаланс следующего содержания. Как известно, ст. 76.1 УК РФ допускает освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба на указанных в ней условиях. Перечень статей УК РФ, на которые это правило распространяется, согласован со ст. 104.1 УК РФ не полностью. Например, преступление, предусмотренное ст. 171.1 УК РФ, может влечь за собой назначение наказания и конфискацию имущества, а может – применение привилегированной нормы ст. 76.1 УК РФ. В первом случае осужденный лишается всего имущества, обращаемого в доход государства, отбывает наказание и претерпевает уголовно-правовые последствия судимости, а во втором – только выплачивает предусмотренную законом сумму в федеральный бюджет. В данной части, полагаем, что законодателем не вполне взвешенно спрогнозирована потенциальная эффективность правовых предписаний.

Далее можно отметить, что характер и степень общественной опасности некоторых деяний, влекущих конфискацию имущества, значительно уступают аналогичным параметрам преступлений, таких последствий не влекущих. Например, преступление небольшой тяжести – незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции (ст. 171.4 УК РФ) – указано в перечне деяний, влекущих конфискацию имущества. Совершается это преступление, как правило, продавцами магазинов, не имеющих разрешение на реализацию такой продукции. Потребность конфискации имущества в этом случае (и при достаточно распространенном явлении, когда в материалах уголовного дела фигурирует сум-

ма продажи, исчисляемая несколькими сотнями рублей [25]) весьма сомнительна. При этом на основе изученных нами материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 171.4 УК РФ, не выявлено ни одного случая назначения конфискации имущества, причем в приговорах судов по этим делам целесообразность (или возможность) ее назначения даже не обсуждалась.

В-третьих, конфискация имущества может быть применена по делам о преступлениях коррупционной направленности (при осуждении по ст. 201.1, 204, 285, 285.4, 290 УК РФ). Отметим, что из данного перечня «выпал» целый ряд коррупционных проявлений (в том числе, посредничество во взяточничестве или в коммерческом подкупе), а сам он – гораздо уже, нежели приведенный в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции». Обусловленность подобного законодательного решения не может не вызывать вопросов.

В-пятых, конфискация имущества предусмотрена в отношении денег и ценностей, полученных в результате совершения преступлений против общественной безопасности (в том числе преступлений террористической направленности, преступлений против общественной нравственности и здоровья населения). Это закономерное решение, поскольку для посягательств данного вида характерна максимально высокая общественная опасность, и противодействию им государство придает приоритетное значение. Однако возникает вопрос о причинах отсутствия в перечне соответствующих преступлений ст. 234.1 УК РФ, тогда как незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ является сверхдоходным криминальным бизнесом, распространенным на всей территории России [26. С. 30–34].

В-шестых, конфискацию имущества влечет совершение преступлений против государственной власти. Однако некоторый дисбаланс может быть выявлен и здесь: например, вполне логично применять конфискацию по делам о государственной измене или шпионаже, но достаточно сомнительно – по делам о даче ложных показаний. Как представляется, применение этой меры уголовно-правового характера, возможно, будет оправдано при установлении корыстных побуждений, о чем законодатель сделал оговорку применительно к другим преступлениям.

В этой связи можно заключить, что, используя перечневый подход при определении структуры деяний, влекущих за собой конфискацию имущества, законодатель допустил недочеты, из-за чего некоторые более характерные и опасные деяния в этот перечень не попали, а деяния с низкой общественной опасностью и сомнительным «конфискационным потенциалом» оказались в нем.

«Традиционные» посягательства корыстной направленности, составляющие около половины структуры зарегистрированной преступности (кража, грабеж, разбой), в такой перечень не попали, хотя и в советском законодательстве, и в соответствии с нормами о конфискации имущества, включенными в первую редакцию УК РФ, конфискация имущества за их совершение

предусматривалась. В целом соглашаясь с тем, что это произошло в связи с отсутствием в большинстве случаев возможности реального обращения имущества в собственность государства [27. С. 28–32], и с тем, что в подобных ситуациях приоритетным должно быть возмещение ущерба потерпевшему [28. С. 10–15], отметим, что принцип целесообразности в структуре конфискации имущества выдержан не до конца.

Соответственно, считаем перспективным использование зарубежного опыта, в соответствии с которым важность представляет закрепление не конкретного закрытого перечня преступлений, правовым последствием которых может быть конфискация, а универсального подхода, когда изъятию подлежат любые доходы от преступной деятельности.

Следует положительно также оценить немецкий опыт применения расширенной конфискации, предполагающий назначение рассматриваемой меры даже в том случае, когда денежные средства и предметы получены виновным в результате других противоправных деяний, не являющихся предметом публичного обвинения (§ 73а УУ ФРГ). Данный вид конфискации применяется при совершении тяжких деяний в составе организованных преступных групп. Безусловно, подобные правила в какой-то степени ставят под сомнение реализацию принципа *in dubio pro geo* (при наличии сомнений дело решается в пользу подсудимого), но являются оправданными инструментами противодействия организованной преступности, в том числе, коррупционного характера. Наличие судебного усмотрения в целом неизбежно при реализации уголовно-правовых норм, что, как представляется, распространяемо и в отношении оценки происхождения имущественных активов, подлежащих расширенной конфискации.

Конфискация имущества в УК Франции предусмотрена в качестве наказания. При этом данная уголовно-правовая мера имеет два варианта реализации: 1) общая конфискация (полная либо частичная), применяемая в отношении имущества преступника, не связанного с совершением конкретного преступления, при совершении преступлений против человечества и

ряда преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; 2) специальная конфискация, которая связана с изъятием имущества, служившим совершению общественно опасного деяния, либо полученного в результате преступного деяния. Примечательно, что в перечень имущества, подлежащего конфискации, включены, в том числе, животные, в отношении либо с помощью которых было совершено посягательство (ст. 131-39 УК Франции) [29].

Аналогично нашим выводам, касающимся немецкого опыта, следует положительно оценить положения ст. 131.21 УК Франции, не ограничивающие возможность реализации конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, отдельными составами. Кроме того, в УК Франции, как и во всех исследованных выше законодательствах, предусмотрена возможность применения конфискации в отношении юридических лиц, которые признаются субъектами уголовной ответственности, на что, как мы отмечали выше, российскому законодателю стоит обратить внимание.

Таким образом, считаем возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, эффективным представляется использование зарубежного опыта в части расширения сферы уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, в том числе путем распространения возможности реализации иной меры уголовно-правового характера – конфискации имущества.

Во-вторых, считаем верным реформирование института конфискации в части изменения подходов к стандарту доказывания легитимности происхождения активов, в отношении которых есть разумные основания считать, что они приобретены незаконным путем. Внедрение расширенной конфискации как эффективного средства антикоррупционного противодействия соответствует прогрессивной мировой практике.

В-третьих, важным направлением использования зарубежного опыта является установление открытого перечня преступлений, в результате совершения которых может применяться конфискация.

Список источников

1. Егоров А.В. Теория сравнительного правоведения. М. : Проспект, 2018.
2. Немытина М.В. Сравнительно-правовые исследования и типология правовой культуры // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 166–173.
3. Безбородов Ю.С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции. М. : Проспект, 2018.
4. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу законодательных актов РСФСР : Федеральный закон от 08.12.2003 № 169-ФЗ // Российская газета. 2003. № 3366.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 12.01.2022).
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности : Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 12.01.2022).
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ // Российская газета. 2006. № 4131.
8. Шеломенцев В.Н., Горохова С.С. Вопросы конфискации имущества, используемого или предназначенного для финансирования экстремистской деятельности // Адвокат. 2015. № 7.
9. Бажукова Ж.А., Тетерина Т.В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. № 3.
10. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2020 г. : Форма № 10.1 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 31.10.2021).

11. Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 18–30.
12. U.S. Code. Title 18. Criminal and Criminal Procedure // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/3563> (дата обращения: 22.08.2019).
13. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. 2006. № 4.
14. Бытко Ю.И. Понятие и содержание вины юридических лиц в уголовном праве // Современное право. 2018. № 6. С. 102–108.
15. Постановление КС РФ от 25.01.2001 № 7-П // СПС «КонсультантПлюс»
16. Постановление КС РФ от 25.04.2011 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс»
17. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. 2010. 10 дек.
18. Докучаев А.И., Волеводз А.Г. Регулирование возврата преступных активов по праву Англии // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 4 (33). С. 282–297.
19. Арямов А.А., Руева Е.О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. № 3. С. 52–55.
20. Уткин, В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127–130.
21. Арямов А.А. Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта: новые направления развития // Российский следователь. 2015. № 23
22. Голованова Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 78–86.
23. Арямов А.А., Руева Е.О. Конфискационный ресурс антикоррупционной политики: гибридные частно-публичные формы (опыт Великобритании) // Российский следователь. 2020. № 2. С. 69–72.
24. Уголовное уложение Федеративной Республики Германии // Потсдамский портал публикации. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lsh-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
25. Уголовное дело № 1-170/2018 // Архив Карталинского городского суда Челябинской области.
26. Шалагин А.Е., Усманов И.М. Современная наркоситуация в Российской Федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 30–34.
27. Векленко С.В., Карпов К.Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 28–32.
28. Пудовочкин Ю.Е. Конфискация имущества: толкование и применение уголовно-правовых норм // Вестник Института: Преступление. Наказание. Исправление. 2009. № 1. С. 10–15.
29. Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 году; Вступил в силу с 1 марта 1994 года. URL: <http://law.edu.ru> (дата обращения: 31.10.2022).

References

1. Egorov, A.V. (2018) *Teoriya sravnitel'nogo pravovedeniya* [Theory of Comparative Jurisprudence]. Moscow: Prospekt.
2. Nemytina, M.V. (2013) Comparative legal studies and legal culture typology. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN Journal of Law*. 4. pp. 166–173. (In Russian).
3. Bezborodov, Yu.S. (2018) *Mezhdunarodno-pravovye metody i formy pravovoy konvergentsii* [International Legal Methods and Forms of Legal Convergence]. Moscow: Prospekt.
4. Rossiyskaya gazeta. (2003) O vnesenii izmeneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii, a takzhe o priznanii utrativshimi silu zakonodatel'nykh aktov RSFSR: Federal'nyy zakon ot 08.12.2003 № 169-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, as well as on the Invalidation of legislative Acts of the RSFSR: Federal Law No. 169-FZ of December 08, 2003]. *Rossiyskaya gazeta*. 3366.
5. The United Nations. (2003) *Konventsia Organizatsii Ob "edinennykh Natsiy protiv korruptsii: Prinyata rezolyutsiyei 58/4 General'noy Assamblei ot 31 oktyabrya 2003 goda* [United Nations Convention against Corruption: Adopted by General Assembly resolution 58/4 of October 31, 2003]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (Accessed: 12.01.2022).
6. The United Nations. (2000) *Konventsia Organizatsii Ob "edinennykh Natsiy protiv transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti: Prinyata rezolyutsiyei 55/25 General'noy Assamblei ot 15 noyabrya 2000 goda* [United Nations Convention against Transnational Organized Crime: Adopted by General Assembly resolution 55/25 of November 15, 2000]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (Accessed: 12.01.2022).
7. Rossiyskaya gazeta. (2006) O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "O ratifikatsii Konventsii Soveta Evropy o preduprezhdenii terrorizma" i Federal'nogo zakona "O protivodeystvii terrorizmu": Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 153-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism" and the Federal Law "On Countering Terrorism": Federal Law No. 153-FZ of July 27, 2006]. *Rossiyskaya gazeta*. 4131.
8. Shelomentsev, V.N. & Gorokhova, S.S. (2015) Issues of forfeiture of property used or intended for the financing of extremist activity. *Advokat*. 7. (In Russian).
9. Bazhukova, Zh.A. & Teterina, T.V. (2017) Revisiting the need for further improvement of the criminal justice. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 3. (In Russian).
10. Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude RF [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. (2020) *Otchet o chisle privilechennykh k ugovolnoy otvetstvennosti i vidakh ugovolnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2020 g.: Forma № 10.1* [Report on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment for 12 months of 2020: Form No. 10.1]. [Online] Available from: <http://http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (Accessed: 31.10.2021).
11. Chirkin, V.E. (2017) Global legal systems, legal families and their classification. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 4. pp. 18–30. (In Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.18.30
12. Legal Information Institute. (n.d.) U.S. Code. Title 18. Criminal and Criminal Procedure. *Legal Information Institute*. [Online] Available from: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/3563> (Accessed: 22.08.2019).
13. Dodonov, V. (2006) Otvetstvennost' yuridicheskikh lits v sovremennom ugovolnom prave [Responsibility of legal entities in modern criminal law]. *Zakonnost'*. 4 (858).
14. Bytko, Yu.I. (2018) Concept and content of the guilt of legal entities in criminal law. *Sovremennoe pravo*. 6. pp. 102–108. (In Russian).
15. Consultant Plus. (2001) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 25, 2001 No. 7-P*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
16. Consultant Plus. (2011) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 2011 No. 6-P*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Zor'kin, V. (2010) Konstitutsiya protiv kriminala [Constitution against crime]. *Rossiyskaya gazeta*. 10 December.

18. Dokuchaev, A.I. & Volevodz, A.G. (2017) Regulation of return of criminal assets under the laws of England. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*. 4 (33). pp. 282–297. (In Russian).
19. Aryamov, A.A. & Rueva, E.O. (2017) Issues of application of property confiscation institution as an anti-corruption method. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 3. pp. 52–55. (In Russian).
20. Utkin, V.A. (2011) Grounds and ways of the system of punishment modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 127–130. (In Russian).
21. Aryamov, A.A. (2015) Alternative forms of settlement of the criminal law conflict: new trends of development. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 23. (In Russian).
22. Golovanova, N.A. (2015) Confiscation as necessary response to acquisitive crime. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 7 (223). pp. 78–86. (In Russian). DOI: 10.12737/11754
23. Aryamov, A.A. & Rueva, E.O. (2020) The confiscatory resource of the anti-corruption policy: hybrid private public forms (experience of Great Britain). *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 2. pp. 69–72. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3783-2020-2-69-72
24. Golovnenkov, P.V. (2021) *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoy Respubliki Germanii* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. [Online] Available from: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (Accessed: 12.01.2022).
25. Arkhiv Kartalinskogo gorodskogo suda Chelyabinskoy oblasti [Archive of the Kartaly City Court of the Chelyabinsk region]. *Criminal case No. 1-170/2018*. (In Russian).
26. Shalagin, A.E. & Usmanov, I.M. (2016) Sovremennaya narkosituatsiya v Rossiyskoy Federatsii: tendentsii, prognoz, mery protivodeystviya [Modern drug situation in the Russian Federation: trends, forecast, counteraction measures]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 1 (23). pp. 30–34.
27. Veklenko, S.V. & Karpov, K.N. (2010) Confiscation of property contradictions of legislation. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*. 1. pp. 28–32. (In Russian).
28. Pudovochkin, Yu.E. (2009) Konfiskatsiya imushchestva: tolkovanie i primeneniye ugovovno-pravovykh norm [Confiscation of property: interpretation and application of criminal law norms]. *Vestnik Instituta: Prestupleniye. Nakazaniye. Ispravleniye*. 6. pp. 10–15.
29. Federal'nyy pravovoy portal "Yuridicheskaya Rossiya" [Federal Legal Portal "Legal Russia"]. (1992) *The Criminal Code of France. Adopted in 1992; Entered into force on March 1, 1994*. [Online] Available from: <http://law.edu.ru> (Accessed: 31.10.2022). (In Russian).

Информация об авторах:

Лаптев Д.Б. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск, Россия). E-mail: Lapa612@mail.ru

Федоров А.А. – преподаватель кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск, Россия). E-mail: andreyfedorov238@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.B. Laptev, Cand. Sci. (Law), associate professor, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lapa612@mail.ru

A.A. Fedorov, lecturer, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreyfedorov238@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/477/28

О деятельности и процессуальном статусе прокурора на стадии подготовки к судебному заседанию

Игорь Владимирович Овсянников^{1, 2}

¹*Академии ФСИН России, Рязань, Россия*

²*Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия*
^{1, 2}*ivover@mail.ru*

Аннотация. Анализируются проблемный в теории уголовного процесса вопрос о том, необходимо ли поддерживать государственное обвинение на первой стадии судебного производства – стадии подготовки к судебному заседанию, и имеющие практическое значение смежные вопросы о задачах сотрудника прокуратуры на данной стадии процесса и его процессуальном статусе. Сделан вывод, что на данной стадии прокурор государственное обвинение не осуществляет, его деятельность носит иной характер.

Ключевые слова: стадия подготовки к судебному заседанию, прокурор, государственное обвинение, судебное производство, предварительное слушание, судебное разбирательство, судья

Для цитирования: Овсянников И.В. О деятельности и процессуальном статусе прокурора на стадии подготовки к судебному заседанию // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 246–253. doi: 10.17223/15617793/477/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/28

On the activities and procedural status of the prosecutor at the stage of preparation for the court session

Igor V. Ovsyannikov^{1, 2}

¹*Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation*

²*Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation*
^{1, 2}*ivover@mail.ru*

Abstract. The article substantiates that one of the reasons for the different understandings in theory and practice of the prosecutor's activities at the stage of preparation for the trial in a criminal case is the ambiguity of some concepts and formulations used in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and in the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". In this regard, in order to concretize and clarify the prosecutor's activities at this stage of the criminal process, the author proposes to use a narrow interpretation and understanding of the concepts "judicial proceedings", "court", "consideration of cases by courts". The importance of the moment after which the prosecutor becomes a public prosecutor is due to the fact that the public prosecutor has procedural powers that the prosecutor does not have (for example, to object to a motion by the accused for the court to apply a special procedure for the proceedings). The author draws attention to a number of features of the regulations of the stage under consideration: the participation of the prosecutor in the preliminary hearing is not mandatory; the criminal procedure law and orders of the Prosecutor General's Office of Russia provide for the possibility of participating in a preliminary hearing and endow the prosecutor with the necessary powers for this, not the public prosecutor; a preliminary hearing is possible even in the absence of a timely notified defense lawyer, regardless of whether, as a general rule, the participation of a defense lawyer in criminal proceedings is mandatory; the judge does not have the authority to consider and resolve questions of fact – about the evidence and validity of the charge, which is especially obvious in the case of jury participation in a criminal case (it is the jury who is authorized to decide on questions of fact, but not the professional judge); the essence of the accusation is not stated, the parties do not present evidence supporting the charge to the court, this evidence is not examined, there is no debate of the parties, the judge holds a preliminary hearing alone, the preliminary hearing is held in a closed court session. Based on the analysis of these features, the author comes to the following conclusions: there is no need to support the public prosecution at the preliminary hearing stage and at the entire stage in question; the prosecutor does not support public prosecution and is not a public prosecutor; the activities of the prosecutor at the stage of preparation for the trial can be viewed as an important part of the preparation for the upcoming support of public prosecution at the next stage of the trial and, at the same time, as activities to ensure the validity and legality of the charge.

Keywords: stage of preparation for trial, prosecutor, public prosecution, judicial proceedings, preliminary hearing, court proceedings, judge

For citation: Ovsyannikov, I.V. (2022) On the activities and procedural status of the prosecutor at the stage of preparation for the court session. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 246–253. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/28

Положения, закрепленные в п. 45 и 47 ст. 5, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 37 УПК РФ, позволяют утверждать, что по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения прокурор выполняет функцию обвинения (уголовного преследования). Реализует прокурор эту функцию и на стадии подготовки к судебному заседанию (далее – СПкСЗ).

Что касается полномочий и деятельности прокурора на СПкСЗ, то они в теории и на практике понимаются неоднозначно. Проблемы, связанные с недостаточной ясностью законодательной регламентации процессуального статуса прокурора на этой стадии, относят к числу сложных [1. С. 19].

Существенная часть уголовного преследования – поддержание государственного обвинения. С учетом содержания п. 6 ст. 5 УПК РФ ключевым представляется вопрос о том, **необходимо ли поддерживать государственное обвинение на СПкСЗ и, прежде всего, на предварительном слушании**. Полагаем, что от того или иного решения этого теоретического вопроса будут зависеть и решения имеющих практическое значение смежных вопросов о полномочиях и задачах сотрудника прокуратуры на данной стадии процесса и его процессуальном статусе: поддерживает ли сотрудник прокуратуры государственное обвинение на «промежуточной» стадии, является ли он на этой стадии государственным обвинителем, вправе ли он, в частности, уже на предварительном слушании возразить против применения судом особого порядка и фактически заблокировать возможность этого. В науке уголовного процесса эти вопросы однозначного решения не получили и длительное время являются предметом дискуссий.

Одна из причин сложившейся ситуации, по-видимому, в том, что у СПкСЗ непростая судьба. За последние сто с небольшим лет она подвергалась многократному реформированию, существенно изменялись ее название и содержание, вызывает дискуссии и ее современное законодательное регулирование [2, 3]. Причем процедура предания суду, как ранее в России именовалась СПкСЗ, не всегда относилась к судебному производству и была судебной стадией. В 1929–1934 гг. существовал и иной порядок предания суду, в соответствии с которым предание суду было не судебным актом, а актом органа обвинения, прокуратуры [4. С. 455; 5. С. 184–185]. Авторы Концепции судебной реформы, принятой Парламентом России в 1991 г., полагали, что документом предания суду должен быть обвинительный акт прокурора [6].

Но есть, по нашему мнению, и другие причины, затрудняющие понимание деятельности прокурора и его процессуального статуса на современной СПкСЗ. Дело в том, что некоторые понятия и формулировки, используемые в уголовно-процессуальном законе и в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О

прокуратуре РФ»)), допускают различное их толкование и понимание.

Так, законодатель делит уголовное судопроизводство на досудебное и судебное (п. 56 ст. 5 УПК РФ) и указывает, что в судебном производстве прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). СПкСЗ является частью судебного производства. На первый взгляд, исходя из этого, можно сделать логический вывод, что на рассматриваемой стадии прокурор поддерживает государственное обвинение.

Однако в ч. 3 УПК РФ, имеющей наименование «Судебное производство», регламентирован порядок производства не только в суде первой инстанции (на СПкСЗ и на стадии судебного разбирательства), но и на стадии исполнения приговора и на проверочных судебных стадиях. Таким образом, все эти стадии уголовного процесса отнесены к судебному производству, что позволяет толковать понятие «судебное производство» достаточно широко.

В науке уголовного процесса понятие «судебное производство» рассматривается еще шире. Так, С.В. Бурмагин относит к судебным производствам и рассмотрения судами ходатайств органов предварительного расследования и прокурора о выполнении процессуальных действий, применении мер принуждения и рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство [7. С. 148].

Но вряд ли столь же широко следует рассматривать и деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения, вряд ли такая деятельность необходима на всех стадиях и при любых видах судебного производства. Например, в судебно-исполнительных производствах (гл. 47 УПК РФ) объектом судебного рассмотрения являются возникшие вопросы, которые связаны с исполнением вступившего в законную силу приговора, обвинение же в совершении преступления объектом судебного рассмотрения не является, несмотря на участие в судебном заседании прокурора (ч. 6 ст. 399 УПК РФ), стороны обвинения нет, функцию обвинения никто не осуществляет [8. С. 5; 9. С. 96–97], а потому о поддержании обвинения говорить не приходится.

Часть 6 ст. 399 УПК РФ была предметом рассмотрения и Конституционного Суда РФ, который указал, что при судебном рассмотрении по правилам ст. 399 УПК РФ требования реабилитированного о возмещении вреда прокурор осуществляет не уголовное преследование, а иной (особый) вид деятельности [10].

Следовательно, участие прокурора в судебном производстве на конкретной стадии процесса еще не означает, что его текущая деятельность связана с осуществлением им уголовного преследования и поддержанием государственного обвинения. С учетом этого вывод о поддержании прокурором государ-

ственного обвинения на СПКЗ уже не столь очевиден. Отсутствие в УПК РФ чёткого определения положения прокурора М.К. Свиридов обоснованно считает недостатком кодекса [11. С. 5].

В статье 35 ФЗ «О прокуратуре РФ» регламентировано «участие прокурора в рассмотрении дел судами». В части 2 этой статьи указано, что «осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя». По смыслу ч. 4 той же статьи полномочия прокурора при этом определяются процессуальным законодательством. В уголовно-процессуальном законе понятие «суд» одно из основных, его значение указано в пункте 48 ст. 5 УПК РФ. В статье 29 УПК РФ указан обширный перечень полномочий суда, в том числе и в досудебном производстве.

Однако в целях анализа деятельности прокурора на СПКЗ необходимо, очевидно, иное, более узкое, толкование и понимание понятий «судебное производство», «суд», «рассмотрение дел судами». В связи с этим интересна точка зрения С.В. Бажанова, который полагает, что в контексте ч. 3 ст. 37 УПК РФ выражение «судебное производство» подразумевает лишь стадию судебного разбирательства, а используемое в ч. 3 ст. 1 и в ст. 35 ФЗ «О прокуратуре РФ» выражение «рассмотрение дел судами» подразумевает ту же стадию, что порождает, в частности, проблему функции прокурора в первой судебной стадии – СПКЗ [12].

С нашей точки зрения, определенные основания для ограничительного толкования норм, закрепленных в ч. 3 ст. 37 УПК РФ и ч. 2 ст. 35 ФЗ «О прокуратуре РФ», для того чтобы в контексте этих норм не подразумевать первую судебную стадию, имеются. Тем более, что сам законодатель использует понятие «судебное производство» и в более узком смысле. Так, в случае производства дознания в сокращенной форме предписывается осуществлять судебное производство в том порядке, который установлен ст. 316, 317 УПК РФ (ч. 1 ст. 226⁹ УПК РФ). Но ст. 316 и 317 регламентируют порядок проведения судебного заседания, постановления приговора или прекращения уголовного дела и пределы обжалования приговора. В частях 1–8 ст. 316 речь идет о подсудимом, т.е. об этапах после назначения судебного разбирательства (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). В статьях 316 и 317 не регламентируются ни порядок подготовки к судебному заседанию, ни порядок производства на стадии исполнения приговора и на проверочных судебных стадиях. Таким образом, под судебным производством в узком смысле следует понимать лишь судебное разбирательство.

Кроме того, в доктрине отечественного уголовного процесса СПКЗ рассматривается как промежуточная стадия передачи дела от прокурора суду, но факт направления дела в суд не предпринимает разбирательство его судом по существу, так как при наличии формальных препятствий для этого направление движения уголовного дела на рассматриваемой стадии может и измениться [13. С. 46–47].

В современной же практике государственный обвинитель назначается, как правило, после назначения

судебного заседания, что положительно оценивается в научной литературе [14. С. 408].

Проблемность вопроса о процессуальном статусе прокурора на «промежуточной» стадии уголовного судопроизводства обусловлена, в частности, и тем обстоятельством, что в уголовно-процессуальном законе никак не регламентирован момент, определяемый временем или принятием какого-либо процессуального решения, после которого прокурор становится государственным обвинителем [15. С. 6–7]. Но этот момент важен: у государственного обвинителя есть процессуальные полномочия, которых нет у прокурора (ч. 5 ст. 246 УПК РФ).

Еще более значимым для суда является возражение против ходатайства обвиняемого об особом порядке, но возражение, выраженное государственным обвинителем, а не прокурором (п. 3 ч. 2 ст. 314, ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Возражение государственного обвинителя против применения судом особого порядка фактически предопределяет ординарную форму будущего судебного разбирательства, причем для прокурора право отменить решение государственного обвинителя законом не предусмотрено.

Между тем, в случае заявления ходатайства об особом порядке, например на предварительном слушании, поспешное возражение участника со стороны обвинения против особого порядка будет замедлять и усложнять судебное производство. Для его обеспечения от государства потребуются повышенные трудовые и материальные ресурсы. Отказ стороны обвинения от особого порядка может стать причиной и для изменения позиции обвиняемого, для защитниками в ходе последующего судебного разбирательства. При этом доказывать и обосновывать обвинение в ходе судебного разбирательства станет намного сложнее.

В научной литературе распространено такое понимание обсуждаемых вопросов, согласно которому участвовать в проведении предварительных слушаний, в том числе решать задачи по отстаиванию необходимых для судебного следствия обвинительных доказательств, должен государственный обвинитель [16. С. 8–9, 56–57], на СПКЗ судья имеет дело с прокурором, поддерживающим государственное обвинение [17. С. 16].

Но предлагаются и иные решения.

А.С. Есина и М.Э. Семененко, исследуя характеристику функции прокурора – государственного обвинения, аргументируют выводы о том, что государственный обвинитель появляется лишь после начала судебного разбирательства, что «начальным моментом реализации функции государственного обвинения следует считать начало судебного разбирательства» [18]. Несогласие с указанными авторами выражает М.Н. Гаврилова, которая полагает, что «на стадии предварительного слушания прокурор участвует в качестве государственного обвинителя», и подкрепляет свое мнение вопросом: «А кто же еще вправе отказаться от обвинения, как не государственный обвинитель?» [19. С. 13, 32]. По мнению же П.П. Рукавишникова, на этапе предварительного слушания отказ от

обвинения заявляется именно прокурором, который до назначения судебного заседания не обладает процессуальным статусом государственного обвинителя [20. С. 116].

А.М. Мухин связывает момент появления государственного обвинителя с дачей руководителем прокуратуры письменного поручения прокурору, направляемому в суд для поддержания государственного обвинения [21. С. 8].

По мнению Н.Ю. Решетовой, участвует в предварительном слушании и продвигает обвинение на условиях его законности и обоснованности в целях дальнейшего судебного разбирательства прокурор, который «осуществляет процессуальные полномочия государственного обвинителя, характер и объем которых в сравнении с перечисленными в ст. 246 УПК РФ ограничен» [13. С. 50].

Полагаем, что при решении анализируемых вопросов целесообразно учитывать следующие особенности регламента СПкСЗ.

Во-первых, следует обратить внимание, что неявка своевременно извещенного прокурора не препятствие для предварительного слушания (ч. 4 ст. 234 УПК РФ). Участие государственного обвинителя обязательно лишь в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 246 УПК РФ). Следовательно, по замыслу законодателя, на предварительном слушании еще нет необходимости для прокурора поддерживать перед судом государственное обвинение.

Начинать деятельность по поддержанию перед судом государственного обвинения было бы явно преждевременным, в частности, в ситуации, когда есть основания для возвращения уголовного дела прокурору, например копия обвинительного заключения не была вручена обвиняемому по не зависящим от него причинам (п. 2 ч. 2 ст. 229, п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

По данным М.Н. Гавриловой, в практике 2018–2019 гг. стали распространены частичные отказы от обвинения на предварительном слушании (во избежание рассмотрения дела в районном суде с участием присяжных, в том числе и после отмены оправдательного приговора) [19. С. 63]. Думается, что и отказ от обвинения, в том числе частичный, вряд ли можно считать деятельностью по его поддержанию.

Во-вторых, законодатель предусматривает возможность участия в предварительном слушании именно прокурора, а не государственного обвинителя, также, как и в судебном заседании при рассмотрении и разрешении вопросов, которые связаны с исполнением приговора (ч.ч. 6, 7 ст. 399 УПК РФ). Если в ходе судебного разбирательства правом отказа от обвинения или его изменения в сторону смягчения наделен государственный обвинитель (ч. 7, 8 ст. 246 УПК РФ), то на предварительном слушании – прокурор (ч. 5 ст. 236, ч. 1 ст. 239 УПК РФ). На прокурора возложено и бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, заявившей ходатайство об исключении доказательств (ч. 4 ст. 235 УПК РФ). Именно прокурору направляется и копия постановления судьи с решением по поступившему делу (ч. 4 ст. 227 УПК РФ).

Такой законодательный регламент явно не соответствует взглядам сторонников тезиса о том, что в стадии подготовки дела к судебному заседанию прокурор обладает статусом обвинителя и поддерживает государственное обвинение. Не случайно, отстаивая этот тезис, В.В. Хатуева предлагает заменить в ч. 4 ст. 235, ч. 5 ст. 236, ч. 1 ст. 239 слова «прокурор» словами «государственный обвинитель», а также в законодательном порядке признать участие государственного обвинителя в предварительном слушании обязательным [1. С. 21].

Между тем в п. 1.12 Приказа Генпрокуратуры России от 27.11.2007 № 189 [22] предписано назначать государственных обвинителей заблаговременно для обеспечения им возможности готовиться к судебному разбирательству, при этом задача подготовки государственных обвинителей к предварительному слушанию не ставится. Отметим также, что в п. 3 Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 [23] предписано «уделять должное внимание подготовке к участию в предварительном слушании» без конкретизации процессуального статуса участвующего в предварительном слушании сотрудника прокуратуры. Но в пункте 4.2 ранее действовавшего Приказа Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 [24] речь шла о подготовке к участию на этапе предварительного слушания именно прокурора (не государственного обвинителя).

В-третьих, проведение предварительного слушания возможно и в отсутствие своевременно извещенного защитника (ч. 4 ст. 234 УПК РФ), причем независимо от того, является ли по общему правилу участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательным (ст. 51 УПК РФ). Неявка же защитника и невозможность его замены на стадии судебного разбирательства влечет отложение разбирательства (ч. 2 ст. 248 УПК РФ). Такое различие в последствиях неявки защитника на двух судебных стадиях объясняется, по нашему мнению, именно тем, что на СПкСЗ (в отличие от стадии судебного разбирательства) суд еще не рассматривает обвинение. Следовательно, и о его (обвинении) поддержании говорить преждевременно.

В-четвертых, представляется, что вопрос о том, необходимо ли на СПкСЗ поддерживать обвинение, следует решать с учетом и того, как будет решаться другой вопрос – вопрос о том, должен ли суд на этой стадии оценивать обвинение с точки зрения доказанности и обоснованности. Если бы такая задача перед судом стояла на рассматриваемой стадии, то тогда было бы логично признать, что на этой стадии целесообразно кому-то поддерживать обвинение путем доказывания обстоятельств.

По мнению Л. Курочкиной, государственный обвинитель должен быть готов выразить на предварительном слушании свое мнение об обоснованности обвинения, подтвержденности его материалами дела, о возможности рассмотреть дело в особом порядке [25. С. 92].

Однако необходимость всего этого вызывает сомнение, так как на СПкСЗ уголовное дело по суще-

ству не рассматривается. Более того, на этой стадии у судьи нет полномочий рассматривать и разрешать вопросы о доказанности и обоснованности обвинения, закон не ставит в зависимость от их разрешения решения, принимаемые судьей по поступившему уголовному делу. Причем это не является каким-то недостатком закона. В доктрине российского уголовного процесса принципиально важной особенностью данной стадии обоснованно считается именно то, что на этой стадии судья ни при каких обстоятельствах не имеет права входить в обсуждение существования обвинения, его доказанности или обоснованности [26. С. 851].

Иной подход, при котором дальнейшее движение уголовного дела (возможность проведения судебного разбирательства) ставится в зависимость от мнения судьи о степени доказанности и обоснованности обвинения (о достаточности в материалах дела доказательств), означал бы, что важнейшие вопросы о доказанности и виновности (п. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ) судья решал бы еще до начала судебного разбирательства, причем без соблюдения условий тайны совещательной комнаты (ст. 298 УПК РФ). Но без соблюдения этих условий вряд ли можно обеспечить независимость судей (ст. 81 УПК РФ) и свободу оценки ими доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Кроме того, если возможность проведения судебного разбирательства ставить в зависимость от мнения судьи о доказанности и обоснованности обвинения, то судья, назначая судебное заседание (п. 3 ч. 1 ст. 227 УПК РФ), фактически будет выражать свое мнение, прежде всего, о достаточности доказательств, совокупность которых по закону необходима для постановления лишь обвинительного приговора (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Но это повлечет, как справедливо отмечает М.К. Свиридов, формирование у судьи обвинительного тезиса еще до разрешения дела и утрату в связи с этим судьей объективности, возникает опасность формирования у судьи пресловутого обвинительного уклона [27. С. 114–116]. В таком случае он не сможет далее быть независимым (от своего мнения), как требует закон (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, ч. 1 ст. 8¹ УПК РФ). Следует согласиться, что в таком случае судья не должен участвовать в дальнейшем рассмотрении уголовного дела [28].

Недопустимость для судьи на СПкСЗ входить в обсуждение доказанности и обоснованности обвинения особенно очевидна в случае, когда уголовное дело должно рассматриваться в усложненном порядке – с участием присяжных заседателей. При такой форме судебного разбирательства вопросы о доказанности обвинения, о виновности подсудимого в совершении преступления решают присяжные заседатели (судьи факта), а не председательствующий судья (ч. 1 ст. 334 УПК РФ). Но на СПкСЗ коллегия присяжных еще не сформирована, она формируется позже, после назначения судебного заседания. Поддерживать государственное обвинение перед судом, который пока не рассматривает уголовное дело по существу, не оценивает доказанность обвинения и даже не сформирован, было бы, повторим, преждевременно.

Указанное ограничение в деятельности судьи на СПкСЗ необходимо и должно безусловно действовать и при наличии ходатайства обвиняемого о применении особого (упрощенного) порядка разбирательства [29]. Логично разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о том, что при решении вопроса о возможности применения особого порядка судья вправе назначить судебное заседание в порядке, установленном нормами главы 40 УПК РФ, при наличии условий, указанных в части 1 ст. 314 УПК РФ [30. П. 11]. Наличие других необходимых для постановления приговора условий, в том числе отсутствие возражений государственного обвинителя и потерпевшего, обоснованность и подтвержденность доказательствами обвинения, судья сможет проверить в ходе судебного разбирательства, как это и предписано в ч. 4, 6, 7 ст. 316 УПК РФ.

В-пятых, представляется обоснованным сформулированное в научной литературе предложение рассматривать государственное обвинение как осуществляемую в суде процессуальную деятельность, направленную на доказывание в ходе судебного следствия и судебных прений виновности подсудимого [31. С. 190]. Такой подход закреплен, например, в п. 28 ст. 7 УПК Республики Казахстан [32].

Но вряд ли возможно поддерживать перед судом обвинение, т.е. убеждать суд в его законности и обоснованности, не только без исследования доказательств, без обоснования ими виновности обвиняемого, но и без изложения обвинителем сути обвинения, без выступления обвинителя в прениях сторон.

Вряд ли было бы логично делать это в закрытом судебном заседании вопреки общему правилу о том, что разбирательство уголовных дел во всех судах должно быть открытым (ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, ч. 1 ст. 241 УПК РФ). Открытость судебного разбирательства является необходимым условием, позволяющим обеспечить возможность общественного контроля за судом, и одновременно антикоррупционным фактором. Вряд ли логично и поддержание обвинения перед одним судьей, если дело будет рассматриваться по существу судом коллегиально.

Но на СПкСЗ вне зависимости от формы будущего судебного разбирательства суть обвинения не излагается, стороны не представляют суду подтверждающих обвинение доказательств, эти доказательства не исследуются (кроме, быть может, случаев, когда рассматривается ходатайство об исключении доказательств), нет прений сторон. Что касается предварительного слушания, в рамках которого прокурор только и может участвовать на данной стадии, то закон предписывает судье проводить его безусловно в закрытом судебном заседании, причем вне зависимости от того, в каком составе суд будет рассматривать дело по существу, – единолично (ч. 1 ст. 234 УПК РФ).

Совокупность указанных особенностей позволяет заключить, что на этапе предварительного слушания и на СПкСЗ в целом нет необходимости поддерживать государственное обвинение, на этой стадии прокурор его еще не поддерживает и не может поддер-

живать. Следовательно, в силу п. 6 ст. 5 УПК РФ на данной стадии прокурор государственным обвинителем пока еще не является.

Таким образом, деятельность осуществляющего уголовное преследование прокурора на первой судебной стадии можно рассматривать, как важную часть подготовки к предстоящему поддержанию государственного обвинения в ходе будущего судебного разбирательства и одновременно как деятельность по обеспечению обоснованности и законности обвинения. Указанные подготовка и обеспечение заключаются, в частности, в создании необходимых для этого условий путем: заявления ходатайств, например, о принятии судьей мер по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа, возмещения вреда, причиненного преступлением, или возможной конфискации имущества (п. 5 ч. 1 ст. 228, ч. 1, 2 ст. 230 УПК РФ), об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста, заключения под стражу, о продлении срока запрета определенных действий, домашнего ареста или содержания под стражей (ч. 2 ст. 228 УПК РФ),

о продлении срока ареста, наложенного на имущество лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ (ч. 3 ст. 228 УПК РФ); участия в предварительном слушании, формулирования и обоснования своего мнения по вопросам, для разрешения которых назначено предварительное слушание, в том числе опровержения доводов стороны защиты, заявившей ходатайство об исключении доказательств; анализа и учета изменений в доказательственной базе в случае исключения судом отдельных доказательств; учета изменений в уголовном и иных законах (при появлении таковых); формулирования и согласования с прокурором, поручившим поддержание государственного обвинения или утвердившим обвинительное заключение (акт), либо с вышестоящим прокурором позиции по ходатайству обвиняемого об особом порядке; обжалования при необходимости принятого судом на предварительном слушании решения (о возвращении дела прокурору, о приостановлении производства по делу, о его прекращении, о назначении судебного заседания в части разрешения вопроса о мере пресечения) (ч. 7 ст. 236 УПК РФ) и т.п.

Список источников

1. Хатуаева В.В. Проблемы законодательной регламентации процессуального статуса прокурора в стадии подготовки дела к судебному заседанию // *Законность*. 2015. № 8. С. 19–21.
2. Божьев В. Правовое регулирование первой стадии судебного производства // *Уголовное право*. 2007. № 6. С. 70–74.
3. Рябинина Т.К. Стадия назначения судебного заседания как правовой институт, этап уголовного судопроизводства и процессуальная деятельность суда // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2019. № 34. С. 124–137. doi: 10.17223/22253513/34/12
4. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 624 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М. : Наука, 1970. 516 с.
6. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // *Ведомости СНД и ВС РСФСР*. 1991. № 44. Ст. 1435.
7. Бурмагин С.В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // *Государство и право*. 2019. № 2. С. 146–159. doi: 10.31857/S013207690003859-6
8. Якимович Ю.К. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора // *Законность*. 2015. № 8. С. 3–7.
9. Бурмагин С.В. Проблемные вопросы состязательного построения судебных производств в стадии исполнения приговора // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15, № 9. С. 93–103. doi: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.093-103
10. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2018. № 1.
11. Свиридов М.К. О качестве уголовно-процессуального законодательства // *Правовые проблемы укрепления российской государственности* : сб. ст. Ч. 67 / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович; под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 3–7. doi: 10.17223/9785751123871/1
12. Бажанов С.В. Несовершенство законодательной регламентации уголовного судопроизводства у мирового судьи // *Мировой судья*. 2015. № 9. С. 12–18.
13. Решетова Н.Ю. Функции прокурора после завершения предварительного расследования и до начала судебного разбирательства уголовного дела // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2020. № 5. С. 44–50.
14. Ефанова В.А. О соотношении полномочий прокурора и государственного обвинителя в судебных стадиях российского уголовного процесса // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2013. № 2. С. 406–412.
15. Балакшин В.С. Государственный обвинитель в российском уголовном процессе – кто он? // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2019. № 1. С. 5–9.
16. Кириллова Н.П. Поддержание государственного обвинения в суде. СПб., 2003. 148 с.
17. Миронов В.Д. Полномочия прокурора и их реализация при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 24 с.
18. Есина А.С., Семененко М.Э. Характеристика функции прокурора – государственного обвинения (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2008).
19. Гаврилова М.Н. Участие прокурора в рассмотрении судом вопросов о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 206 с.
20. Рукавишников П.П. Об отказе прокурора от обвинения на предварительном слушании // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2006. № 6. С. 116–118.
21. Мухин А.М. Процессуальная деятельность прокурора при разбирательстве уголовных дел в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. 27 с.
22. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: Приказ Генпрокуратуры России от 27.11.2007 № 189 (ред. от 19.08.2021) // *Законность*. 2008. № 2.
23. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
24. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

25. Курочкина Л. Участие прокурора в предварительном слушании // Уголовное право. 2007. № 4. С. 89–92.
26. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
27. Свиридов М.К. Исследование доказательств в стадии подготовки к судебному разбирательству // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 30 / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 112–117.
28. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габбасова Марселя Римовича на нарушение его конституционных прав статей 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 426-О-О (Документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
29. Овсянников И.В. Когда судья должен оценивать обвинение? // Законность. 2020. № 8. С. 53–56.
30. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2.
31. Исаенко В.Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 183–193. doi: 10.17803/1994-1471.2019.98.1.183-193
32. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm (дата обращения: 11.04.2021).

References

1. Khatuaeva, V.V. (2015) The problems of legislative regulation of the procedural status of a public prosecutor at the stage of preparation of a case for court trial. *Zakonnost'*. 8 (970). pp. 19–21. (In Russian).
2. Bozh'ev, V. (2007) Pravovoe regulirovanie pervoy stadii sudebnogo proizvodstva [Legal regulation of the first stage of judicial proceedings]. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 70–74. (In Russian).
3. Ryabinina, T.K. (2019) Appointment of court hearing as a legal institution, stage of criminal proceedings and court procedural activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 34. pp. 124–137. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/34/12
4. Chel'tsov, M.A. (1948) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Process]. Moscow: Yurid. izd-vo MYu SSSR.
5. Strogovich, M.S. (1970) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Course of the Soviet Criminal Process]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
6. Vedomosti SND i VS RSFSR. (1991) O kontseptsii sudebnoy reformy v RSFSR: Postanovlenie VS RSFSR ot 24.10.1991 № 1801-1 [On the Concept of Judicial reform in the RSFSR: Resolution of the Supreme Council of the RSFSR No. 1801-1 of October 24, 1991]. *Vedomosti SND i VS RSFSR*. 44. Art. 1435.
7. Burmagin, S.V. (2019) Court proceedings in criminal procedure: concept and types. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 146–159. (In Russian). DOI: 10.31857/S013207690003859-6
8. Yakimovich, Yu.K. (2015) The designation of the public prosecution service and procedural duties of a public prosecutor. *Zakonnost'*. 8 (970). pp. 3–7. (In Russian).
9. Burmagin, S.V. (2020) Problematic issues of adversarial construction of judicial proceedings at the stage of execution of the sentence. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 9 (15). pp. 93–103. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.093-103
10. Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. (2018) Po delu o provere konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina M.I. Bondarenko: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.11.2017 № 28-P [In the case of checking the constitutionality of Certain provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.I. Bondarenko: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 28-P of November 14, 2017]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 1.
11. Sviridov, M.K. (2015) O kachestve ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [On the quality of criminal procedure legislation]. In: Sviridov, M.K. & Yakimovich, Yu.K. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening the Russian Statehood]. Part. 67. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–7. DOI: 10.17223/9785751123871/1
12. Bazhanov, S.V. (2015) Imperfection of the legislative regulation of criminal legal proceedings in the justice of the peace court. *Mirovoy sud'ya – Magistrate judge*. 9. pp. 12–18. (In Russian).
13. Reshetova, N.Yu. (2020) Functions of the prosecutor after the completion of the preliminary investigation and before the start of the trial of a criminal case. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 5 (79). pp. 44–50. (In Russian).
14. Efanova, V.A. (2013) Ratio of powers of attorney and public prosecutor at the stages of Russian criminal process. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. 2 (15). pp. 406–412. (In Russian).
15. Balakshin, V.S. (2019) The state prosecutor in the Russian criminal process – who is he? *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 1. pp. 5–9. (In Russian).
16. Kirillova, N.P. (2003) *Podderzhanie gosudarstvennogo obvineniya v sude* [Support of the State Prosecution in Court]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskii institut General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii.
17. Mironov, V.D. (2008) *Polnomochiya prokurora i ikh realizatsiya pri proizvodstve po ugolovnym delam v sude pervoy instantsii* [The powers of the prosecutor and their implementation in criminal proceedings in the court of first instance]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh.
18. Esina, A.S. & Semenchenko, M.E. (2008) *Kharakteristika funktsii prokurora – gosudarstvennogo obvineniya* [Characteristics of the Function of the Prosecutor – Public Prosecution]. Moscow: Consultant Plus.
19. Gavrilova, M.N. (2019) *Uchastie prokurora v rassmotrenii sudom voprosov o prekrashchenii ugolovnogo dela (ugolovnogo presledovaniya)* [Participation of the prosecutor in the court's consideration of the termination of a criminal case (criminal prosecution)]. Law Cand. Diss. Moscow.
20. Rukavishnikov, P.P. (2006) System of purchases of the goods for the state needs: legal aspects. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii – Bulletin of Baikal State University*. 6. pp. 116–118. (In Russian).
21. Mukhin, A.M. (2009) *Protsessual'naya deyatel'nost' prokurora pri razbiratel'stve ugolovnykh del v sude pervoy instantsii* [Procedural activity of the prosecutor in the proceedings of criminal cases in the court of first instance]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
22. *Zakonnost'*. (2008) Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za soblyudeniem konstitutsionnykh prav grazhdan v ugolovnom sudoproizvodstve: Prikaz Genprokuratury Rossii ot 27.11.2007 № 189 (red. ot 19.08.2021) [On the organization of prosecutorial supervision over the observance of constitutional rights of citizens in criminal proceedings: Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 189 of November 27, 2007 (ed. of August 19, 2021)]. *Zakonnost'*. 2.
23. Consultant Plus. (2021) *On the participation of prosecutors in the judicial stages of criminal proceedings: Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 376 of June 30, 2021*. (The document was not published). Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
24. Consultant Plus. (2012) *On the participation of prosecutors in the judicial stages of criminal proceedings: Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 465 of December 25, 2012*. (The document was not published). Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
25. Kurochkina, L. (2007) Uchastie prokurora v predvaritel'nom slushanii [Participation of the prosecutor in the preliminary hearing]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 89–92.
26. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugolovnogo protsessa* [The Course of Criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Statut.

27. Sviridov, M.K. (2006) Issledovanie dokazatel'stv v stadii podgotovki k sudebnomu razbiratel'stvu [Investigation of evidence in preparation for trial]. In: Sviridov, M.K. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening the Russian Statehood]. Part 30. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112–117.
28. Consultant Plus. (2012) On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Gabbasov Marcel Rimovich for violation of his constitutional rights by Article 63 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 426-O-O of March 01, 2012. (The document was not published). Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
29. Ovsyannikov, I.V. (2020) When should a judge evaluate a charge? *Zakonnost'*. 8 (1030). pp. 53–56. (In Russian).
30. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2010) O primeneni sudami norm ugovovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva, reguliruyushchikh podgotovku ugovovnogo dela k sudebnomu razbiratel'stvu: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22.12.2009 № 28 [On the application by courts of the norms of criminal procedure legislation regulating the preparation of a criminal case for trial: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 28 of December 22, 2009]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.
31. Isaenko, V.N. (2019) Public prosecution in the system of criminal procedural functions. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 1. pp. 183–193. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.98.1.183-193
32. Kodeksy-kz.com. (2014) *Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V of July 4, 2014*. [Online] Available from: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm (Accessed: 11.04.2021). (In Russian).

Информация об авторе:

Овсянников И.В. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии ФСИН России (г. Рязань, Россия); профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: ivover@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Ovsyannikov, Dr. Sci. (Law), chief researcher, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation); professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: ivover@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.06.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 09.06.2021;
approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 29.04.2022.*

Научная статья
УДК 342.4
doi: 10.17223/15617793/477/29

К вопросу о закономерностях трансформации современного конституционного права России и основаниях их классификации

Татьяна Ивановна Ряховская¹

¹ Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, dnight@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что познание закономерностей эволюции конституционного права, сознательное их использование – способствует сохранению конституционных особенностей государства, его конституционной самобытности, несхожести с другими. Автор обращает внимание на отсутствие комплексного подхода к указанной категории, предлагает свое определение этого понятия, предпринимает попытку классифицировать закономерности в конституционном праве по различным основаниям.

Ключевые слова: конституционная самобытность, конституционная идентичность, рецепция, преемственность, универсализация, интернационализация, закономерности в праве, закономерности в конституционном праве, эволюция конституционного права

Для цитирования: Ряховская Т.И. К вопросу о закономерностях трансформации современного конституционного права России и основаниях их классификации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 254–259. doi: 10.17223/15617793/477/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/29

On laws governing the transformation of modern constitutional law in Russia and reasons for their classification

Tatyana I. Ryakhovskaya¹

¹ Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation, dnight@mail.ru

Abstract. The relevance of the presented research is due to the fact that the knowledge of the laws of evolution of constitutional law and their conscious use contribute to the preservation of the constitutional characteristics of the state, its constitutional identity, dissimilarity with others, which is especially important in the period of development and rapid changes in the field of international cooperation, strengthening of the universalization of constitutional and legal norms. In addition, questions concerning the clarification of the origins of the transformation of the legal system of Russia make it possible for state studies to foresee the potential of its evolution and to identify the elements and essential content of the term “constitutional identity”. The aim of this research is to reveal the basic regularities in constitutional law, clarify the essence of this term, and attempt to classify these regularities. The theoretical basis of the research was formed by the works of E.S. Anichkin, L.V. Butko, Yu.Yu. Vetyutnev, S.N. Ovchinnikov, Yu.A. Tikhomirov, Yu. Yu. Shturtsev, who certainly made a great contribution to the development of the problem of patterns in law and constitutional law, in particular. The main research methods were: dialectical, with the help of which the content of the category “regularity in constitutional law” in its formation and development was analyzed; formal logical, which helped clarify and generalize the opinions of authors of different periods on the issue of manifestation of patterns in state studies; formal legal and comparative legal, which helped clarify the successive and received provisions in the Constitution of the Russian Federation. In the course of the study, the author revealed that the patterns had been studied earlier, but an integrated approach to this issue was not presented. She also found that various scientists, when conducting specific studies, identified as patterns in constitutional law the following: continuity, reception, universalization and subsequent internationalization, cyclicity, change in the subject of constitutional law; each pattern is consistently described in the article. As a result, the author offers her own definition of the concept “regularity in constitutional law” – it is a repeated process and phenomenon, accompanied by interdependent facts, arising on the basis of constitutional legal norms; consistently considers the possibilities of its manifestation and offers her own approach to classifying this phenomenon on different bases: for example, by occurrence, by the subject.

Keywords: constitutional originality, constitutional identity, reception, continuity, constitutional law, universalization, internationalization, patterns in law, patterns in constitutional law, evolution of constitutional law

For citation: Ryakhovskaya, T.I. (2022) On laws governing the transformation of modern constitutional law in Russia and reasons for their classification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 254–259. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/29

В период развития и стремительных изменений в сфере международного сотрудничества, усиления универсализации конституционно-правовых норм, связанной с обязательствами Российской Федерации, принятыми еще в период существования СССР, позволяющими считаться полноправным членом международного сообщества, вопросы, касающиеся уточнения истоков трансформации правовой системы России, дают возможности государствоведению предвидеть потенциал ее эволюции, а также выявления элементов и сущностного наполнения терминологического оборота «конституционная самобытность».

Познание закономерностей, присущих конституционному праву, сознательное их использование – важное условие формирования и утверждения доктрины правового государства в России.

Целью настоящего исследования автор ставит раскрытие основных закономерностей в конституционном праве, уточнение сущности этого терминологического оборота и попытку их классификации.

Следует обратить внимание на то, что научные изыскания, посвященные закономерностям в конституционном праве, чаще носят точечный характер и рассматривают лишь определенные примеры этого явления. Кроме того, сам термин «закономерность» пока так и не обрел единого, комплексного определения, отражающего все его составляющие.

Задаваясь вопросом ограничения временными рамками рассмотрения правовых закономерностей, следует отметить, что этот период для конституционного права начинается с 1905 г. Эта дата не случайна: в этот год предпринимаются первые попытки внедрения конституционной монархии в России.

Однако первые научные работы, связанные с признанием специфических закономерностей права, встречаются лишь в советское время, что, вероятно, связано с периодом установления самого термина «конституция», доктринальными разработками в этом направлении и утверждения ее юридических свойств. Так, С.Н. Овчинников уточнял, что существуют закономерности двух видов: те, что выступают итогом действия более общих (социальных) законов, и юридические закономерности, связанные с внутренним определением права [1. С. 71, 73]. Указанная последней группа закономерностей близка и современному конституционному праву, так как именно ею могут быть охарактеризованы особенные (специфические) черты государства, относящиеся к категории «конституционная самобытность».

Л.А. Морозова поддерживает идею существования особенных закономерностей, которые были бы характерны только для конституционно-правового развития конкретного государства, поясняя «закономерность» как «все формы связей и взаимоотношений объективной действительности, которая представляет собой единое и неразрывное целое» [2. С. 4, 19]. На наш взгляд, этими связями и отличаются конституци-

онно-правовые отношения в государствах, т.е. фактическая (реальная) конституция при схожести формальных установлений.

Рассматривая закономерности права в целом, М.Р. Мурсалимов отмечает, что эти связи присущи праву как относительно независимой системе. Он перечисляет такие характерные черты права, как юридическая гарантированность, стабильность и динамизм правовых норм, внутренняя согласованность правовых решений [3. С. 104]. Полагаем, если закономерности права выявлять через его качественные характеристики, то идентичное сопровождает и конституционное право, которое являет собой один из элементов системы права.

Ю.Ю. Штурцев предлагает подход, в рамках которого характеризует государственно-правовые закономерности через «принципы права», объясняя это тем, что именно они дают обоснование государственно-правовым закономерностям. Более того, принцип права – это то во что трансформируется рассматриваемое явление, получив всестороннее логичное объяснение [4. С. 137]. Интересная мысль, но тогда, рассматривая общепризнанные принципы, такие как справедливость, равенство всех перед законом и судом, можно утверждать, что это общепризнанные закономерности, а вовсе не базовые идеи? Тогда для конституционного права таковыми вполне могли бы являться основы конституционного строя, однако последние формально повторяются из государства в государство, следовательно, для уточнения конституционно-правовых особенностей России едва ли могут быть пригодны.

Наиболее полное исследование государственно-правовых закономерностей представлено Ю.Ю. Ветютневым, который определяет их «как объективную, систематическую, логически обоснованную повторяемость взаимосвязанных фактов в сфере государства и права» [5]. Полагаем, главный признак в изложенном – повторяемость. То есть чтобы процесс или явление стало закономерностью, должно быть его повторение на определенном временном промежутке.

По идее, выявлению закономерностей способствуют факторы специфики национальной правовой системы, которые выделяет М.В. Сальников, классифицируя их на такие как: а) общецивилизационного характера, итогом чего является выработка «общечеловеческих ценностей»; б) особого характера, позволяющие определить некие группы, объединяемые родственными признаками (например, правовые семьи); в) единичного характера, типичные для конкретной социальной среды [6. С. 156]. Полагаем, что конституционная самобытность как особенность конкретной правовой системы напрямую связана со спецификой национально-правовой системы. В то же время описанный первый компонент может негативно влиять на ее сохранение, так как влечёт за собой универсализацию. Что касается второго, то он может

быть вызван рецепцией, что в общем-то тоже не помогает сохранению конституционной самобытности. И лишь третий максимально полно может предоставить информацию об особенностях государства и его нетождественности другим. Однако перечисленное бесспорно способствует выявлению закономерностей развития российского конституционного права.

В научной литературе предлагается идея, в соответствии с которой конституционные закономерности отличаются от иных по следующим параметрам, выработанным А.А. Макушиным: 1) создаются на основе правил, установленных народом; 2) их наличие и эволюция обеспечены особенностями объектов и способов конституционного регулирования; 3) поддерживают и создают особый государственно-правовой порядок; 4) возникают в связи с реализацией сверхзадач: организации процесса свободного прогрессивного развития [7. С. 81–83]. Исходя из изложенного, если конституция принимается не народом, а даруется, например, монархом, как это произошло в Пакистане, в Монако, то первый признак оказывается не состоявшимся. Полагаем, описанное ученым распространяется только на условия, характерные для России.

Подводя небольшой итог, отметим, что закономерности в конституционном праве – это повторяемые процессы и явления, сопровождающиеся взаимозависимыми фактами, возникающие на основе конституционно-правовых норм. Они заметно влияют на категорию «конституционная самобытность», так как порождены специфическими нормами и внеправовыми факторами, к которым можно отнести особое отношение субъектов к обозначенным нормам и порождаемым ими общественным отношениям.

Интересный, комплексный подход предлагает Е.С. Аничкин, выделяя такие закономерности эволюции современного конституционного права России, как «преемственность, рецепция, интернационализация, цикличность, расширение предмета отрасли и обновление его содержания» [8. С. 19]. Следует заметить, что едва ли подобное встретится в советском конституционном праве, где налицо было нарочитое отрицание преемственности и рецепции, частое смешивание их. Дискретно идея, озвученная Е.С. Аничкиным, подтверждается и другими учеными в их трудах по некоторым позициям, обозначенным выше.

Так, например, К.В. Чувилкиным отмечается общая закономерная связь «историко-культурных и политико-правовых традиций государства с современным конституционно-правовым регулированием» [9. С. 4, 9], которая как раз и может быть выражена в форме преемственности.

По идее Ю.Ю. Ветютнева, право – один из тех социальных институтов, которые обеспечивают связь времен [10. С. 274–286], что опять же подтверждает изложенные выше тезисы.

Примером проявления преемственности является связь между предшествующей доктриной и практикой, что принято называть конституционными реставрациями (например, институт наказов избирате-

лей, суд присяжных, гражданское общество, сенаторы в законодательной ветви власти и др.), а также в используемых формах закрепления конституционно-правовых норм (в Конституции РСФСР 1918 г. наблюдается отказ от такой формы права как «закон», однако в дальнейшем он возвращается. А в действующей Конституции 1993 г. встречаются такие же разновидности законов, которые были не чужды и дореволюционному периоду. Кроме того, международные и внутренние договоры по сей день известны российскому конституционному праву, как действующие источники. Следует заметить, что некоторые из них были заключены в период существования СССР). Общеизвестные сегодня юридические свойства норм Основного закона РФ, к которым принято относить высшую юридическую силу, прямое действие и верховенство на всей территории России, можно обнаружить еще в Конституции СССР 1936 г., что позволяет выявить толкование ее норм (ст. 19, 20). Однако следует отметить, что преемственность между дореволюционной доктриной и современной выражена более четко, чем между дореволюционной доктриной и советским правом. Рассматривая не конкретные конституционно-правовые нормы, а обобщенно, например, форму правления, безусловно, можно обнаружить ее развитие – от монархической до современной республиканской, причем все они отличаются от советской. Форма государственного устройства постепенно превращалась в федеративную, которую мы можем наблюдать и по сей день. Указанное также характеризует конституционную самобытность, которой оказался не чужд и мнимый отказ от предшествующего опыта отечественного государства.

Что же касается упоминания рецепции как закономерности эволюции конституционного права, то здесь можно даже обратиться к трудам ученых, созданных еще в досоветский период, где упоминалось о том, что конституционно-правовое развитие России было спровоцировано влиянием извне. Например, Б.Н. Чичерин уточняет, что интерес к конституционному вопросу (после отмены крепостного права в 1861 г.) связан соседством с конституционными государствами. Им же обосновывается практическая необходимость установления представительного правления, которая возникает «не из слепого копирования зарубежных примеров, а из самого существа государственной жизни, в основе которой везде лежат одинаковые человеческие элементы. Мы ничего своего не изобретаем, по той простой причине, что в этой области изобретать нечего» [11. С. 4, 7], – заключает правовед.

Н.И. Лазаревский также не отрицает существования процесса заимствования конституционно-правовых предписаний, полагая, что свое начало идея конституционного строя берет в Англии, далее распространяется по Европейскому и Американскому континентам, воспринимается государствами Африки и даже Азии, получая таким образом характер норм общеправового права. Более того, им же подчеркивается своеобразие общественных отношений во всех государствах в начале их конституционной жизни,

которое с течением времени нивелируется, корректируясь под основные начала государственного строя отдельных стран, под известный общий тип [12. С. 2–4]. И сегодня можно наблюдать нечто общее с ранее происходившими явлениями. Этот процесс принято называть универсализацией конституционно-правовых норм, на которые оказывает влияние не только взаимодействие с соседними государствами, но и международное право, влекущее интернационализацию, устанавливающее общечеловеческие ценности и демократический политический режим. Все это действительно приводит к ликвидации особенностей и потере конституционной самобытности.

Отмечая заимствованные элементы из конституций зарубежных государств, Т.Е. Беджанова описывает следующие: формирование модели ассиметричного федерализма (донорами явились Испания, Бельгия и отчасти Индия); конституционные постулаты ФРГ просматриваются в общей трактовке федерализма, концепции формирования Совета Федерации РФ; импичмент Президента РФ и механизм внесения поправок в Конституцию РФ – созвучны установлениям Основного закона США; на закрепление статуса Конституционного Суда РФ повлияли Австрия, Германия и Италия [13. С. 60–61]; ратификация международных договоров в форме федеральных законов отражает рецепцию Шведских норм.

В целом же взаимодействие государств и последующее заимствование накопленного конституционно-правового опыта неизбежны, причем, как и интернационализация конституционного права, влекущая сближение не только внутригосударственного права каждого отдельного государства, но и проникновения норм международного публичного права в конституционное.

О постепенной «интеграции в европейскую правовую систему, приближение к стандартам европейского права в области прав человека и в иных сферах правового регулирования» [10. С. 278], как о закономерности, говорит и Ю.Ю. Ветютнев. Своевременной и логичной в этом контексте представляется обратная тенденция: появление оборонного конституционализма [14], т.е. предпринимаемые попытки Российской Федерацией отстоять собственные конституционные особенности.

С.Г. Дзыбова отмечает в качестве закономерности конституционного права поэтапное сближение естественно-правовых и государственно-правовых начал, реализацию нравственно-гуманистических общественных идеалов; требование соответствия правовых явлений фактическим общественным отношениям [15. С. 50–53]. Первая обозначенная в плоскости конституционного права явно связана с имплементацией международно-правовых норм, которая отражается и на конституционно-правовых установлениях и действительно является вполне закономерным явлением. Вторая – скорее положительное стремление к тому, чтобы фактическая конституция не отличалась от юридической.

В.Д. Вохмяхин обнаруживает возможность сохранения несхожести и в универсализации, которая, по

его идее, может иметь определенную национальную специфику, обусловленную особенностями исторического развития страны, а также ее многонациональностью. Он считает, что эта тенденция, признающая определенные права и свободы человека, не исключает национально-культурное и историческое своеобразие конкретного государства [16. С. 66], так как для реализации они попадают в отечественную правовую среду, отличающуюся определенным своеобразием, что в общем-то созвучно контексту и нашего исследования.

Цикличность как закономерность изменения государственно-правовой действительности также рассматривается различными авторами. Например Ю.А. Тихомиров, полагает, что этот подход дает возможность отказаться от механистичного отношения к праву, от его формального восприятия, определяя цикл права как «относительно устойчивый временной и содержательный период развития правовой сферы, характеризующийся постепенными и последовательными действиями субъектов права по достижению стратегических целей» [17. С. 15]. Выдвинутая идея подтверждает, что Конституция РФ это не только текст (форм права), но и складывающиеся на основе ее норм общественные, политические, управленческие и экономические отношения (реальная конституция), восприятие ее как самим народом, так и органами государственной власти и их должностными лицами, то есть конституционная психология, отражающая элемент конституционной самобытности. Причем, по идее, цикличность как закономерность изменения правовой действительности для каждого отдельного государства обладает определенным своеобразием.

Весьма обширное исследование специфики цикличности модели развития конституционализма проведено А.Н. Медушевским, который уточнил следующие временные рамки: первый цикл (1905–1907 гг.) связан с противопоставлением абсолютной монархии конституционной; второй (1906–1989 гг.) – с попыткой организовать демократические институты, но закончился водворением мнимого конституционализма; третий (с 1990 г. – завершается в настоящее время) – определяется переходом от номинального советского конституционализма к реальному [18. С. 275–276]. В то же время, наблюдая недавние поправки и современные «вызовы», едва ли можно предположить, что начатый в 1990 г. цикл завершился.

Е.С. Аничкин выделяет в качестве особенностей предмета современного конституционного права как отрасли российского права – «наличие в нем оригинальных (единичных) конституционно-правовых явлений, которые не имеют или почти не имеют аналогов в зарубежном конституционном праве» [8. С. 32]. Относя к их числу «видовое многообразие субъектов РФ с особенностями их статуса, “сложносоставные” субъекты РФ, федеральные округа, “обнуление” президентских сроков, формирующийся субинститут поручений Президента РФ и ряд других. Все эти явления – черты своеобразия предмета отечественного конституционного права и проявления конституцион-

ной самобытности современной России» [8. С. 31]. Указанное демонстрирует, что процесс трансформации конституционного права как отрасли права идет весьма активно, что неизбежно найдет свое отражение и в государственно-правовой доктрине.

Происходящие изменения обстановки в мире: распространение новой коронавирусной инфекции, установление условий пандемии, трансформация взаимоотношений власти и личности в этих обстоятельствах, бесспорно приводят к тому, что изменяется и сам предмет конституционного права, акцентируя внимание и на конституционные права человека, появляющиеся в киберпространстве, связанные с ростом общественных отношений в этой сфере.

Некоторые авторы предлагают классифицировать закономерности эволюции конституционного права. Например, Л.В. Бутко выделяет следующие:

- имеющие глубинные исторические корни (православный традиционализм, особенности вероисповедной политики);
- выработанные в современных условиях (обновление технологического инструментария формирования правовой политики государства и осуществления его функций в духе инновационных тенденций и модернизации и др.) [19. С. 8].

То есть, по идее, их можно было бы называть традиционными и современными закономерностями, причем для каждого промежутка времени современные будут иметь свое наполнение. Иначе сказать, более устойчивые – закономерности-константы первые (которые не претерпевают существенных изменений со временем, сохраняя конституционную самобытность государства, к ним можно было бы отнести особое отношение к главе государства, верховенство государства над частными институтами), а динамич-

ные – вторые (обусловленные современными тенденциями развития конституционного права).

Полагаем, классифицируя закономерности в конституционном праве по основаниям (по факторам) их возникновения, представляется возможным выделить:

- внешние закономерности (обусловленные влиянием «извне», к которым можно отнести рецепцию, универсализацию, интернационализацию. Причем для возникновения таковых необходимо как минимум два государства: донор и получатель, а для двух последних – запуск процесса международного взаимодействия и глобализации);
- внутренние закономерности, обусловленные факторами традиционности, порожденные преемственностью, цикличностью, объяснимыми изменениями предмета конституционного права, связанного с развитием общественных отношений, но происходящие внутри одной и той же системы.

Подразделение на виды закономерностей может быть также проведено по субъекту: возникающие на основе взаимодействия двух и более государств – полизакономерности (рецепция, интернационализация и др.) и возникающие внутри одного государства – монозакономерности (преемственность, цикличность). Таким образом, обращая внимание на вышеизложенное, можно сделать вывод, что закономерности, возникающие из взаимоотношений между государствами, могут способствовать уточнению категории «конституционная идентичность», дать информацию о тождественных государственно-правовых явлениях. Вторая же группа оказывается своего рода «препятствием» для таких изменений, отражая конституционные особенности, конституционную самобытность государств.

Список источников

1. Овчинников С.Н. О специфических закономерностях права // Правоведение. 1979. № 2. С. 70–73.
2. Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности : учеб. пособие. М. : Юрид. лит., 1998. 256 с.
3. Мурсалимов М.Р. Следование закономерностям права и соблюдение правил законодательной техники – снова высокого качества нормативных правовых актов // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 8. С. 104–107.
4. Штурцев Ю.Ю. Принципы права и закономерности: соотношение и взаимосвязь // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 5. С. 136–139.
5. Ветютнев Ю.Ю. Что такое государственно-правовая закономерность? // Право и политика. 2005. № 9.
6. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 153–156.
7. Макушин А.А. Философия права: от обычая к конституционным закономерностям [электронный ресурс] : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербург. институт (филиал) ВГУЮ (ФПА Минюста России), 2017. 1 Мб.
8. Аничкин Е.С. Закономерности развития российского конституционного права в постсоветское время // Право и политика. 2020. № 4. С. 18–33.
9. Чувилкин К.В. Преемственность конституционного развития российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.
10. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы. СПб. : Алетей, 2015. 448 с.
11. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Рукопись. СПб. : Тип. Т-ва Печ. Станка, 1906. 34 с.
12. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное право. Изд. 2-е. С.-Петербург : Типография акц. общ. «Слово», 1910. 480 с.
13. Беджанова Т.Е. Конституция РФ 1993 года: заимствования, особенности содержания, некоторые проблемы реализации // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28, № 4. С. 60–66.
14. Лукьянова Е. Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3 (136). С. 130–147.
15. Дзыбова С.Г. Общие закономерности и противоречия правовой системы общества // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 50–53.
16. Вохмякин Д.В. Универсализация в конституционном праве // Защита прав человека в современных условиях : теория и практика : матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. 20.04.2017. Пермь, 2017. С. 61–68.
17. Тихомиров Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10 (142). С. 15–22.
18. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 574 с.
19. Бутко Л.В. К вопросу о некоторых закономерностях развития российского права // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 8–15.

References

1. Ovchinnikov, S.N. (1979) O spetsificheskikh zakonernostyakh prava [On the specific patterns of law]. *Pravovedenie*. 2. pp. 70–73.
2. Morozova, L.A. (1998) *Problemy sovremennoy rossiyskoy gosudarstvennosti* [Problems of Modern Russian Statehood]. Moscow: Yurid. lit.
3. Mursalimov, M.R. (2013) Following the laws of law and respect for the rules of legislative technique – the basis of high-quality regulations. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 8. pp. 104–107. (In Russian).
4. Shturtsev, Yu.Yu. (2015) Printsipy prava i zakonernosti: sootnoshenie i vzaimosvyaz' [Principles of law and laws: correlation and interrelation]. *Innovatsionnaya nauka – Innovation Science*. 5 (5). pp. 136–139.
5. Vetyutnev, Yu.Yu. (2005) Chto takoe gosudarstvenno-pravovaya zakonernost'? [What is a state-legal regularity?]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 9.
6. Sal'nikov, M.V. (2012) Political-and-legal tradition, legal culture and legal system: on the issue of the categories correlation. *Mir politiki i sotsiologii*. 9. pp. 153–156. (In Russian).
7. Makushin, A.A. (2017) *Filosofiya prava: ot obychnaya k konstitutsionnym zakonernostyam* [Philosophy of Law: From custom to constitutional laws]. Saint Petersburg: Sankt-Peterb. institut (filial) VGUYu (FPA Minyusta Rossii).
8. Anichkin, E.S. (2020) Development trends of the Russian constitutional law in post-Soviet time. *Pravo i politika – Law and Politics*. 4. pp. 18–33. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2020.4.32517
9. Chuvilkin, K.V. (2013) *Preemstvennost' konstitutsionnogo razvitiya rossiyskogo gosudarstva* [Continuity of the constitutional development of the Russian state]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
10. Romashov, R.A., Vetyutnev, Yu.Yu. & Tonkov, E.N. (2015) *Pravo – yazyk i masshtab svobody* [Law – Language and the Scale of Freedom]. Saint Petersburg: Aleteyya.
11. Chicherin, B.N. (1906) *Konstitutsionnyy vopros v Rossii. Rukopis'* [Constitutional Question in Russia. A manuscript]. Saint Petersburg: Tip. T-va Pech. Stanka.
12. Lazarevskiy, N.I. (1910) *Leksii po ruskomu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on Russian State Law]. Vol. 1. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiya akts. obshch. "Slovo".
13. Bedzhanova, T.E. (2018) The constitution of the Russian Federation (1993): borrowings, content features, and some implementation issues. *Yuridicheskiy vestnik DGU – Law Herald of Dagestan State University*. 4 (28). pp. 60–66. (In Russian). DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-60-66
14. Luk'yanova, E. (2020) Identity and transformation of modern law. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 3 (136). pp. 130–147. (In Russian). DOI: 10.21128/1812-7126-2020-3-130-147
15. Dzybova, S.G. (2011) Obshchie zakonernosti i protivorechiya pravovoy sistemy obshchestva [General patterns and contradictions of the legal system of society]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2. pp. 50–53.
16. Vokhmyanin, D.V. (2017) [Universalization in constitutional law]. *Zashchita prav cheloveka v sovremennykh usloviyakh: teoriya i praktika* [Protection of Human Rights in Modern Conditions: Theory and practice]. Proceedings of the 7th International Conference. Perm. 20 April 2017. Perm: [s.n.]. pp. 61–68. (In Russian).
17. Tikhomirov, Yu.A. (2008) Tsikly pravovogo razvitiya [Cycles of legal development]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10 (142). pp. 15–22.
18. Medushevskiy, A.N. (2005) *Teoriya konstitutsionnykh tsiklov* [Theory of Constitutional Cycles]. Moscow: Higher School of Economics.
19. But'ko, L.V. (2017) [On the question of some laws of the development of Russian law]. *Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii* [Law and the State: problems of methodology, theory and History]. Proceedings of the 6th All-Russian Conference. Krasnodar. 17 May 2019. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. pp. 8–15. (In Russian).

Информация об авторе:

Ряховская Т.И. – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск, Россия). E-mail: dnight@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.I. Ryakhovskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 24.06.2021;
одобрена после рецензирования 03.08.2021; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 24.06.2021;
approved after reviewing 03.08.2021; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 349.2; 349.3
doi: 10.17223/15617793/477/30

В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости

Алена Вадимовна Серова¹

¹Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,
a.v.serova@icloud.com

Аннотация. Сформулированы и научно обоснованы основные положения, необходимые для разработки комплексной и системной нормативной регламентации труда, осуществляемого посредством использования цифровых трудовых платформ. Сделан вывод о необходимости закрепления в российском законодательстве о занятости населения таких понятий и их определений, как «платформенная занятость», «платформенные трудящиеся», «цифровые трудовые платформы». Предложена классификация платформенных трудящихся и цифровых трудовых платформ по степени трудовой автономии. Определены оптимальные модели правового регулирования труда, осуществляемого посредством использования цифровых трудовых платформ.

Ключевые слова: платформенная занятость, платформенные трудящиеся, платформенные самозанятые, платформенные работники, цифровая трудовая платформа по типу «маркетплейс», цифровая трудовая платформа по типу «цифровой работодатель», трудовой договор с нулевым рабочим временем

Для цитирования: Серова А.В. В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 260–268. doi: 10.17223/15617793/477/30

Original article
doi: 10.17223/15617793/477/30

Legal regulation of platform employment: In search of a concept

Alena V. Serova¹

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation,
a.v.serova@icloud.com

Abstract. The aim of the article is to form an optimal model of legal regulation of labour carried out through the use of digital labour platforms. It is achieved by reaching the following objectives: to study concepts formulated in legal and economic sciences in the field of labour activity on digital labour platforms and to supplement existing developments in this area with new scientific knowledge; to clarify their names; to classify subjects of labour relations through the use of digital labour platforms; to identify and analyse problems in the current Russian legislation regarding platform employment; to propose and justify ways to solve the identified problems. The research methodology is generally traditional for legal research. Its basis is formed by the general scientific dialectical method of cognizing objective reality. The collection, processing, analysis and interpretation of the information necessary for the research and the formulation of conclusions were carried out using various general scientific logical methods (analysis and synthesis, induction and deduction, ascent from the abstract to the concrete, and others). Also, the study used various specific scientific methods of cognition: formal legal and the method of systems analysis. The main results of the study are as follows. Firstly, the author has substantiated that the conceptual apparatus of legal regulation of platform employment should be based on such key concepts as “platform employment”, “platform workers” and “digital labour platforms”. Secondly, the author has supported the view from the economic literature that it is advisable to divide digital labour platforms into two categories depending on the degree of work autonomy of persons carrying out their activities there: digital labour platforms of the “market-place” type and digital labour platforms of the “digital employer” type. Accordingly, platform workers should include platform self-employed people and platform workers. Thirdly, the author has determined that the legal regulation of the legal status of platform workers should be carried out at three levels: general, which is inherent in all platform workers; specific, for the self-employed and for workers in general; particular, which establishes unique provisions for platform self-employed people and platform workers. Fourthly, with regard to platform self-employed people, the author has supported the idea that they retain the status of subjects of civil law and that it is expedient to development the Russian legislation regarding the self-employed, provided they have social and labour protection in an amount corresponding to the specificity of their legal status. As for platform workers, a zero-hours employment contract model should be chosen to regulate the specifics of their work.

Keywords: platform employment, platform workers, platform self-employed, digital labour platform of “market-place” type, digital labor platform of “digital employer” type, zero-hours employment contract

For citation: Serova, A.V. (2022) Legal regulation of platform employment: In search of a concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 260–268. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/477/30

Введение

Построение концепции регулирования платформенной занятости должно последовательно включать в себя следующие этапы: выработка понятийного аппарата, классификация платформенных трудящихся и цифровых трудовых платформ, опосредующих осуществление ими трудовой деятельности, подбор подходящей для каждой из выделенных классификационных групп оптимальной и эффективной модели правового регулирования.

Формирование понятийного аппарата правового регулирования платформенной занятости

Обзор экономической и юридической литературы относительно рассматриваемого предмета исследования позволяет выделить и проанализировать ряд терминов, которые используются в научно-исследовательских целях учеными для обозначения явлений, существующих в рамках осуществления трудовой деятельности посредством использования цифровых платформ.

Изучение данного вопроса следует начать прежде всего с выбора и обоснования терминологии, подходящей для наименования данного специфического вида занятости. Относительно этого стоит отметить, что в экономической и юридической литературе используются такие термины, как «платформенная занятость» [1, 2], «фрилансинг», «краудсорсинг» [3] и др. Однако не совсем корректно рассматривать их в качестве синонимических ввиду нескольких причин. Во-первых, термины «фрилансинг» и «краудсорсинг» не показывают специфичность рассматриваемого вида занятости. Во-вторых, по своему объему они пересекаются с понятием «платформенная занятость». Таким образом, следует признать, что термин «платформенная занятость» является наиболее предпочтительным. Тем более что в научной литературе в целом он считается устоявшимся. Его использование является наиболее корректным также по причине того, что российское законодательство о занятости населения оперирует терминами «занятость» и «самозанятость», а значит, термин «платформенная занятость» будет соответствовать логическим правилам деления понятия «занятость» как общего понятия на разные виды.

Что же представляет собой платформенная занятость? В литературе предлагаются различные варианты определения данного понятия. В качестве примера можно привести следующее: платформенная занятость – это такая форма занятости, которая обеспечивает реализацию различных направлений трудовой деятельности и базирующаяся на использовании инфраструктуры и сервисов цифровых платформ [2. С. 471]. Представляется, что данное определение не в полной мере отражает специфику данного вида занятости. Общее определение занятости подразумевает

под собой осуществление видов деятельности, не только приносящих доход, но и иных (например, обучение в образовательной организации по очной форме обучения) [4. С. 89]. Если говорить об индивидуальных предпринимателях, то к числу лиц, занятых на цифровой трудовой платформе, относятся только те из них, которые осуществляют трудовую деятельность лично, без помощи третьих лиц. Не совсем понятен подход автора к обозначению платформенной занятости в качестве формы, а не вида занятости. Указание на разнообразие видов трудовой деятельности перегружает определение понятия, поскольку не показывает специфику платформенной занятости.

Думается, что под платформенной занятостью следует понимать трудовую деятельность физических лиц, связанную с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащую законодательству, приносящую трудовой доход, осуществляемую посредством использования цифровых трудовых платформ и при соблюдении установленных правил пользования ею.

Поскольку платформенная занятость является одним из видов занятости¹, постольку обозначим ее специальные признаки:

- она предполагает реализацию человеком его способностей трудиться, ввиду чего к ней не могут быть отнесены такие виды деятельности, как, например, последующая перепродажа товаров, сдача помещений в аренду и пр.;
- личный характер трудовой деятельности;
- трудовая деятельность осуществляется в отношении третьих лиц;
- всегда возмездный характер в виде трудового дохода (заработной платы, вознаграждения по гражданско-правовому договору);
- организация трудовой деятельности происходит с использованием цифровой трудовой платформы и при соблюдении установленных правил пользования ею.

Ведя речь о выборе терминологии, подходящей для обозначения лиц, реализующих свою свободу труда посредством использования цифровых трудовых платформ, следует отметить, что исследователи, занимающиеся проблемами платформенной занятости, оперируют такими терминами, как «платформенные работники» [1. С. 13], «лица, занятые посредством онлайн-платформ» [5], и др. Однако дефиниция их не приводится. Следовательно, не определены признаки, с помощью которых могла бы осуществляться идентификация лица в качестве лица, трудящегося посредством цифровых трудовых платформ. Кроме того, в российском законодательстве употребление термина «работник» пригодно только в отношении лиц, с которыми у юридического или физического лица возникли трудовые отношения. В этой связи наиболее корректным представляется именовать всех лиц, осуществляющих трудовую деятельность посредством цифровых трудовых платформ, платфор-

менными трудящимися. Такой вариант согласуется не только с отечественным законодательством, но и с терминологией, используемой Международной организацией труда (МОТ) [6. С. 78]. Понятие «платформенные трудящиеся» является собирательным, оно объединяет такие категории лиц, как самозанятые и работники. Более подробно данная классификация и их правовой статус будут раскрыты далее.

Еще одним проблемным вопросом является выбор подходящего термина для наименования самих платформ, посредством которых граждане реализуют свою свободу труда, и определение их конститутивных признаков. Так, В.Н. Бобков, Е.А. Черных в своей работе называют их «цифровые платформы труда», «цифровые платформы занятости», «онлайн-платформы» [1. С. 1], но не исследуют их признаки. М. Ричерри выделяет два вида рабочих платформ: микроработа (очень плохо оплачиваемая работа по заданию, требующая незначительной квалификации) и онлайн-фриланс (когда квалифицированные самозанятые могут находить новых клиентов и устанавливать свои условия и тарифы) [7. С. 49]. Не представляется возможным согласиться с мнением данного автора ввиду отсутствия единого критерия, на основании которого осуществляется им классификация рабочих платформ. В то же время А.В. Шевчук, занимаясь в большей степени вопросами социологии труда, называет их «цифровые трудовые платформы» и формулирует следующее определение: «...это информационная система (веб-сайт или мобильное приложение), основная функция которой состоит в технологической и институциональной организации взаимодействия между самозанятыми работниками и заказчиками (индивидами или фирмами) по поводу купли-продажи разовых услуг, отдельных трудовых заданий и краткосрочных проектов» [8. С. 37]. Кстати, МОТ в своих публикациях тоже использует термин «цифровые трудовые платформы» (digital labour platforms) [9]. Проведенное автором исследование позволило в достаточной степени раскрыть признаки таких платформ, описать особенности власти платформ в отношениях с платформенными трудящимися (определение правил «игры» и тарифов, одностороннее их изменение, применение рейтингов, асимметрию информации между платформой и ее работником, их деактивацию, т.е. «увольнение»), выделить два типа цифровых трудовых платформ с точки зрения трудовой автономии, т.е. тех границ, в пределах которых платформенный трудящийся может самостоятельно определять содержание, процесс и условия своего труда (маркетплейс и теневые корпорации).

Так, под маркетплейсом понимается площадка, на которой по заранее установленным правилам происходит выбор исполнителей и заказчиков, контакт между ними, они могут договариваться о цене, при этом у площадки нет стремления контролировать прямо качество исполнения предмета договора, платформенные трудящиеся действуют от своего имени, самостоятельно осуществляют поиск заказов. Теневые корпорации – платформы, в рамках которых выбор контрагентов и ценообразование осуществляется

самой платформой, платформенные трудящиеся действуют от ее имени, основная цель таких платформ – организация бесперебойного потока стандартизированных услуг, качество которых задается и гарантируется платформой [8. С. 35–41]. Данные научные разработки следует признать наиболее оптимальными для построения понятийного аппарата правового регулирования платформенной занятости, что позволяет положить их в основу для построения концепции регулирования правового статуса платформенных трудящихся.

Таким образом, цифровая трудовая платформа – это информационная система, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (сайт в сети «Интернет» или приложение) и с помощью которой осуществляется организация трудовой деятельности платформенных трудящихся.

Нормативно следует закрепить следующую классификацию цифровых трудовых платформ: маркетплейсы и «цифровые работодатели». Итак, цифровая трудовая платформа по типу «маркетплейс» – информационная система по предоставлению информации о предлагаемых товарах, работах и услугах, их характеристиках, обеспечению взаимодействия между контрагентами и обработке онлайн-платежей. По своей сути она является «цифровым посредником» между платформенными трудящимися и их контрагентами. При этом оператор данной информационной системы² вправе установить правила пользования маркетплейсом, которые, однако, не посягают на свободу договора во всех ее проявлениях: в выборе контрагента, определении его условий, в том числе относительно вида договора, предмета договора и его характеристики, цены договора, времени и места осуществляемой ими деятельности и пр. Платформенные трудящиеся и оператор маркетплейса находятся друг с другом в отношениях юридического равенства, в отношении них либо не производится алгоритмический контроль, либо он производится, но не посягает на автономию трудящегося. Они осуществляют на маркетплейсе трудовую деятельность от своего имени и самостоятельно несут ответственность перед своими контрагентами. По указанным причинам платформенные трудящиеся, чей труд организуется посредством маркетплейса, следует отнести к категории самозанятых (платформенные самозанятые), поскольку их автономия не подвергается ограничению.

Цифровая трудовая платформа по типу «цифровой работодатель» – информационная система с функцией алгоритмического контроля по предоставлению информации о предлагаемых товарах, работах и услугах, их характеристиках, обеспечению взаимодействия между работниками, работодателями, являющимися операторами данной информационной системы, и контрагентами данных работодателей, обработке онлайн-платежей. Это тот вариант, который именуется в литературе «теневая корпорация». Надо понимать, что сама платформа не обладает самостоятельной правосубъектностью, поскольку это информационная система. Работодателем по отношению к платфор-

менному трудящемуся-работнику (платформенный работник) является ее оператор.

Особенности правового статуса платформенных трудящихся и цифровых трудовых платформ: общие положения

Предложенные в предыдущем разделе термины, определения понятий и их классификации следует закрепить в российском законодательстве о занятости населения с целью формирования полноценного и системного правового регулирования отношений, возникающих между платформенными трудящимися и цифровыми трудовыми платформами.

Кроме того, отдельно нужно предусмотреть общие положения для всех платформенных трудящихся, вне зависимости от того, являются они самозанятыми или работниками. Например, их следует наделить правом на доступ к информации, которая обрабатывается на цифровой трудовой платформе и касается их личности, осуществляемой ими деятельности, правом на внесение в нее исправлений, если она является неточной или недостоверной, правом на ознакомление с полной и достоверной информацией о правилах пользования цифровой трудовой платформой, правом на свободный вход и выход из аккаунта в любое удобное для платформенного трудящегося время, правом на деактивацию своего аккаунта в любое время по инициативе платформенного трудящегося, правом на оплату труда в части гарантирования величины минимального часового размера оплаты труда.

Дополнительно стоит отметить, что для определения того, является ли цифровая трудовая платформа маркетплейсом или «цифровым работодателем», потребуется предусмотреть специальный порядок ее идентификации в качестве одной из них. Данная проблема может быть решена за счет создания и ведения специального реестра цифровых трудовых платформ, формирование и ведение которого в России целесообразно возложить на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Критерии, основания и порядок определения вида цифровой трудовой платформы могут быть утверждены Правительством РФ.

Самозанятость как модель правового регулирования труда на цифровых трудовых платформах по типу «маркетплейс»

Обозначенные ранее признаки цифровых трудовых платформ по типу «маркетплейс» и особенности отношений, возникающих по поводу осуществления трудовой деятельности посредством их использования, позволяют сделать вывод о целесообразности использования модели самозанятости для развития отечественного законодательства в части построения нормативной регламентации труда лиц, трудящихся посредством использования указанного вида цифровой трудовой платформы. Стоит отметить, что действующая российская практика развивается именно в

данном направлении. Об этом свидетельствует ряд следующих обстоятельств:

1. На сегодняшний день в России платформенные трудящиеся не наделены специальным отраслевым правовым статусом, а потому они рассматриваются в качестве субъектов гражданского права, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Соответственно, основу нормативной базы их деятельности составляет гражданское законодательство, в особенности положения, устанавливающие правила осуществления физическими лицами предпринимательской деятельности (ст. 23 Гражданского кодекса РФ, далее ГК РФ), особенности отдельных видов договоров (договор подряда (гл. 37 ГК РФ), договор возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) и иные).

2. Среди возможных налоговых режимов, которые российские платформенные трудящиеся могут самостоятельно выбирать, в налоговом законодательстве появляются такие, которые специально предназначаются для самозанятых (например, специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»).

В целом данный путь развития отечественного законодательства в части правового регулирования труда платформенных самозанятых является правильным. Однако он требует значительной корректировки.

Во-первых, в законодательстве о занятости населения необходимо выделить не только платформенную занятость, категории платформенных трудящихся и цифровых трудовых платформ. Начать процесс реформирования законодательства стоит также с обособления самозанятых в качестве отдельной категории занятых граждан с целью придания им тем самым официального самостоятельного статуса занятости на рынке труда. Кроме того, одновременно с этим следует нормативно закрепить определение понятия «самозанятость». Это необходимо ввиду того, что платформенная занятость в части отношений между цифровыми трудовыми платформами по типу маркетплейса и платформенными самозанятыми является разновидностью самозанятости. Поэтому вполне логично выстраивать правовую модель дедуктивным методом. Внесение нормативной ясности в определение статуса занятости на рынке труда для самозанятых, в том числе платформенных, ввиду явной специфики осуществляемой ими деятельности сделало бы возможным предложить адекватные правовые механизмы признания и защиты их социально-трудовых прав и вслед за этим установить экономически эффективные системы налогообложения их доходов.

Во-вторых, следует подчеркнуть отсутствие для них обязанности государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением случаев, когда это необходимо в силу указания закона. Аналогично не должно иметь значения, какой налоговый режим они используют, поскольку налогово-правовой статус вторичен по отношению к статусу занятости на рынке труда, а не наоборот. Тем более, что во многих случаях он выбирается по усмотрению самого физического лица.

В-третьих, платформенным самозанятым должны гарантироваться отдельные социально-трудовые пра-

ва в объеме, соразмерном специфике их правового статуса.

На сегодняшний день в России относительно данного вопроса сложилась следующая ситуация. Прежде всего необходимо отметить, что дифференциация законодательства о социальном обеспечении самозанятых, включая тех, чей труд организуется посредством цифровых трудовых платформ по типу «маркетплейс», происходит на нескольких уровнях на основании следующих критериев. На первом уровне различия проводятся на основании факта наличия или отсутствия государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. На втором уровне дифференциация углубляется на основании двух факторов – применение платформенным самозанятым специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее СНР НПД), а в отношении физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, – каким субъектом является их контрагент (индивидуальный предприниматель/юридическое лицо или физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем). Рассмотрим особенности социально-правового статуса применительно к выделенным уровням и основаниям дифференциации.

1. Платформенные самозанятые – индивидуальные предприниматели:

а) не применяют СНР НПД:

– включены в систему обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством на добровольных началах; самостоятельно уплачивают страховые взносы в Фонд социального страхования (далее ФСС); размер пособий либо исчисляется от минимального размера оплаты труда³ (пособие по временной нетрудоспособности, пособие по беременности и родам, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, при этом для последнего установлена минимальная величина⁴; данные пособия выплачиваются при условии уплаты страховых взносов, для пособия по временной нетрудоспособности имеет также значение продолжительность страхового стажа, однако он не учитывается, если необходимо осуществлять уход за больным ребенком в возрасте до 8 лет) или величины прожиточного минимума для трудоспособного населения в субъекте РФ (ежемесячное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности (до 12 нед)⁵, которое назначается Пенсионным фондом РФ (ПФ РФ) при условии, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает величину прожиточного минимума на душу населения в субъекте РФ по месту жительства (пребывания) или фактического проживания), либо для них определен фиксированный размер (единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности⁶, которое выплачивается в дополнение к пособию по беременности и родам, а значит, право на его получение зависит от уплаты страховых взносов; единовременное пособие при рождении ребенка⁷), реже определяется максимальная величина (социальное пособие на погребение⁸);

– включены в систему обязательного медицинского и пенсионного страхования, самостоятельно уплачивают страховые взносы в Федеральную налоговую службу (далее ФНС);

– могут быть включены в систему социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний при условии, если обязанность контрагента по уплате страховых взносов предусматривается гражданско-правовым договором возмездного оказания услуг, подряда, авторского заказа;

б) применяют СНР НПД – отличаются от предыдущей группы субъектов тем, что:

– в части обязательного медицинского страхования функцию страхователя в отношении них исполняют уполномоченные органы исполнительной власти субъектов РФ;

– пенсионное страхование для них является добровольным, они самостоятельно уплачивают страховые взносы в ПФ РФ.

2. Платформенные трудящиеся – физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями:

а) не применяют СНР НПД (в источниках права социального обеспечения чаще всего они именуются как «физические лица, работающие по гражданско-правовым договорам возмездного оказания услуг, подряда, авторского заказа»):

– с точки зрения социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством имеют право только на получение пособий, выплата которых не зависит от уплаты страховых взносов, ввиду чего не могут претендовать на выплату пособия по временной нетрудоспособности и пособия по беременности и родам, на добровольных началах вступить в данную систему они не могут;

– включены в систему обязательного медицинского и пенсионного страхования, если их контрагентами являются индивидуальные предприниматели или юридические лица, которые перечисляют за них страховые взносы в соответствующие фонды (Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и ПФ РФ); если контрагентами являются физические лица, то они могут на добровольных началах вступить в систему пенсионного страхования и самостоятельно уплачивать за себя страховые взносы, в системе обязательного медицинского страхования они останутся, но страхователями в отношении них будут уполномоченные органы исполнительной власти субъектов РФ;

– могут быть включены в систему социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний при условии, если обязанность контрагента по уплате страховых взносов предусматривается гражданско-правовым договором возмездного оказания услуг, подряда, авторского заказа;

б) применяют СНР НПД – отличаются от предыдущей группы субъектов тем, что вне зависимости от категории контрагента:

– в части обязательного медицинского страхования функцию страхователя в отношении них исполняют уполномоченные органы исполнительной власти субъектов РФ;

– могут только на добровольных началах вступить в систему пенсионного страхования и самостоятельно уплачивать за себя страховые взносы в ПФ РФ.

Трудовым статусом российские платформенные самозанятые не наделены. Однако для реализации ими права на объединение, включая право на создание профсоюзов и вступление в них для защиты своих прав, свобод и интересов, формально отсутствуют законодательные ограничения, поскольку таковые не закреплены в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Ввиду этого на практике ими уже созданы такие профсоюзы, как, например, профсоюз «Курьер», созданный курьерами службы доставки Delivery Club летом 2020 г., Межрегиональный профсоюз «Таксист». Однако следует признать, что в полной мере реализовать указанное право они не могут, поскольку противоположная сторона социального партнерства для них не определена.

Вышеизложенное позволяет сделать неутешительный вывод о том, что в России социально-трудовое законодательство сильно отстает от уровня развития в данной области международной политики и законодательства ряда зарубежных стран. Оно в большей мере направлено на реализацию фискальных интересов государства по выводу «из тени» той части населения, которая ранее не уплачивала в бюджет налоги, но пользовалась общественными благами. Тем самым уровень социальной защищенности с введения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» резко стал ниже в сравнении с лицами, осуществляющими трудовую деятельность с применением других видов налогообложения. Не зря в экономических исследованиях платформенная занятость отнесена к числу неустойчивых видов занятости [1. С. 1].

В этой связи целесообразным представляется предоставить платформенным трудящимся пакет социально-трудовых прав и гарантий на трех уровнях: общие, которые распространяются в отношении всех платформенных трудящихся, видовые, которыми должны обладать все самозанятые, и специальные, которыми будут наделены только платформенные самозанятые.

Поскольку общие социально-трудовые права и гарантии платформенных трудящихся были рассмотрены в предыдущем разделе, постольку сейчас необходимо определиться с тем, какие социально-трудовые права и гарантии должны быть отнесены к видовым:

– право на обязательное социальное страхование (вне зависимости от того, кто является контрагентом, – на медицинское, пенсионное, на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, если контрагентом является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель – дополнительно еще от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний) путем установления единого платежа, а в превышающей его части – право на добровольное социальное страхование;

– право на расследование и учет в отношении них несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, если контрагентом является

юридическое лицо или индивидуальный предприниматель;

– право на отдых в части сокращения рабочего времени и предоставления выходных дней самозанятым, деятельность которых влияет на жизнь и здоровье других людей;

– распространение на самозанятых – женщин и несовершеннолетних запретов или ограничений применения их труда по правилам, установленным трудовым законодательством;

– право на включение времени осуществления деятельности самозанятого в его трудовой стаж.

Специальные социально-трудовые права платформенных самозанятых:

– если соглашением сторон установлено конкретное время выполнения деятельности, то платформенному самозанятому должно быть гарантировано право на установление повышенного размера оплаты времени, в течение которого он осуществлял ее за такими пределами;

– коллективные трудовые права в части права на объединение, на заключение коллективных договоров и на разрешение коллективных трудовых споров;

– право на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда, в части охраны их здоровья посредством закрепления обязанности по прохождению медицинских осмотров. Наряду с этим закрепление данных положений будет способствовать охране здоровья населения, особенно в тех случаях, когда деятельность платформенного самозанятого влияет на здоровье и жизнь других людей.

Трудовой договор с нулевым рабочим временем как модель правового регулирования труда на цифровых трудовых платформах по типу «цифровой работодатель»

Для определения модели правового регулирования труда на цифровых трудовых платформах по типу «цифровой работодатель» рассмотрим особенности конструкции возникающих правоотношений на примере водителей такси, осуществляющих на легальных основаниях деятельность по перевозке пассажиров и багажа легковым такси. Как известно, для того, чтобы осуществлять им данный вид деятельности, согласно ст. 9 Федерального закона от 21 апреля 2011 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», им необходимо получить специальное разрешение, которое оформляется на транспортное средство, используемое в качестве легкового такси, и которое может получить только или юридическое лицо, или индивидуальный предприниматель, владеющие им на праве собственности, праве хозяйственного ведения либо на основании договора лизинга или договора аренды, а также на основании выданной физическим лицом нотариально заверенной доверенности на право распоряжения транспортным средством, если речь идет об индивидуальном предпринимателе. При этом транспортное средство должно отвечать специальным требованиям, установленным в указанном законе. Думается, что основания владения во-

водителем транспортным средством, используемым в качестве легкого такси, не имеют юридического значения, поскольку они не могут повлиять на существо отношений, возникающих между водителем и оператором цифровой трудовой платформой (например, Uber). Они в любом случае должны признаваться трудовыми отношениями. Сложнее кажется вопрос о существовании отношений, возникающих в ситуации если водитель, использующий цифровую трудовую платформу, оператором которой является Uber, вступил в трудовые отношения с таксопарком-партнером Uber. Однако и в этой ситуации следует квалифицировать в качестве трудовых отношения между водителем и Uber, а его отношения с таксопарком не являются по своей сути таковыми, поскольку предмет их договорных отношений фактически является получение гражданином возможности на законных основаниях владеть транспортным средством, которое он вправе использовать в качестве легкового такси.

Наличие признаков трудовых отношений платформенных работников на примере водителей такси уже доказано такими учеными-трудовиками, как Л.В. Зайцева, А.С. Митрясова [10. С. 241–242], Н.Л. Лютов [11. С. 104; 12. С. 155–156], О.В. Чесалина [5. С. 111], С.В. Шуралева [13. С. 18] и др. Конечно, в литературе научно обоснована теория «расщепленной множественности лиц на стороне работодателя», подразумевающей «явление, при котором на одной или на обеих сторонах двустороннего правоотношения выступают два субъекта, а права и обязанности, принадлежащие стороне в целом, распределены между участниками множественности таким образом, что каждый из участников обладает правом (правами) и (или) несет обязанность (обязанности), непосредственно отсутствующие у другого участника» [14. С. 9]. Нормативно в России такая конструкция закреплена в гл. 53.1 Трудового кодекса РФ (ТК РФ) «Особенности регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)». Однако она не применима к рассматриваемому роду общественных отношений по причине иного объекта правоотношений, возникающих между водителем и таксопарком: таксопарк не предоставляет труд водителей компании Uber, он предоставляет транспортные средства, которые используются водителями в качестве легкого такси.

Поэтому представляется необходимым следующее: исключить отношения между водителями и таксопарками из сферы действия трудового законодательства путем внесения дополнения в ч. 8 ст. 11 ТК РФ; включить в ТК РФ новую главу «Особенности регулирования труда платформенных работников», тем самым признав за операторами «цифровых работодателей» статус работодателей в отношении платформенных работников. Таким образом, платформенные работники, как и платформенные самозанятые, будут обеспечены социально-трудовыми правами и гарантиями на трех уровнях: общем (в законодательстве о занятости населения), видовом и специальном (в трудовом законодательстве).

Однако при этом возникает закономерный вопрос о выборе адекватной особенностям их взаимодействия модели правового регулирования труда платформенных работников. Думается, что более подходящей моделью установления особенностей регулирования труда платформенных работников является модель трудовых договоров с нулевым или минимальным рабочим временем, «по вызову», которая уже сейчас применяется в отдельных зарубежных странах (например, в Нидерландах) [11. С. 103]. Она будет, с одной стороны, максимально гибкой (это отвечает и интересам работодателя, и интересам работника, который хочет трудиться в максимально гибком режиме работы, который ему предоставляет цифровая трудовая платформа), но, с другой стороны, не лишит работника основных социально-трудовых прав и гарантий. Однако ученому сообществу следует более подробно проанализировать данную модель и уточнить, в каком объеме будут предоставляться платформенным работникам такие права и гарантии с учетом специфики их деятельности. Представляется, что к числу таких могут быть отнесены следующие:

- срочный характер трудового договора, который действует с момента регистрации аккаунта/профиля на цифровой трудовой платформе и прекращается с момента деактивации аккаунта/профиля;
- специальные основания для расторжения трудового договора по инициативе работодателя, к примеру, нарушение правил пользования цифровой трудовой платформой, в случае увольнения по инициативе работника – отсутствие срока предупреждения работодателем о расторжении трудового договора;
- отсутствие обязанности у работодателя оплачивать время простоя;
- особые правила ограничения продолжительности рабочего времени и предоставления стандартных видов времени отдыха для отдельных категорий платформенных работников, например водителей, для исполнения чего может быть использован принудительный выход из системы, отсутствие запрета на работу в нерабочий праздничный день, но с установлением повышенной оплаты труда в такие дни, отсутствие обязанности по предоставлению выходных дней и др.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ключевые положения, на которых должно основываться формирование концепции правового регулирования платформенной занятости:

1. В законодательство о занятости населения следует ввести такие базовые понятия, как «платформенная занятость», «платформенные трудящиеся», «цифровые трудовые платформы».
2. Понятие «платформенные трудящиеся» целесообразно использовать как родовое понятие, видами которого являются «платформенные самозанятые» и «платформенные работники».
3. Уровни правового статуса платформенных трудящихся: общий (общий для всех платформенных

трудящихся), видовой (для самозанятых в целом и для работников в целом), специальный (уникальные положения для платформенных самозанятых и работников).

4. Цифровые трудовые платформы целесообразно классифицировать на маркетплейсы и «цифровых работодателей» по признаку наличия или отсутствия ограничений трудовой автономии платформенного трудящегося.

5. К платформенным самозанятым отнести только тех, кто лично осуществляет трудовую деятельность (при этом факт государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя не должен иметь значения).

6. Для установления особенностей регулирования платформенных работников предусмотреть специальную главу в ТК РФ, за основу взять трудовой договор с нулевым рабочим временем.

Примечания

¹ Занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход (п. 1 ст. 1 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»).

² Определение данного термина дается в п. 12 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: оператор информационной системы – гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных. В ч. 2 ст. 13 оно конкретизируется: «Если иное не установлено федеральными законами, оператором информационной системы является собственник используемых для обработки содержащейся в базах данных информации технических средств, который правомерно пользуется такими базами данных, или лицо, с которым этот собственник заключил договор об эксплуатации информационной системы».

³ С 01 января 2021 г. по 31 декабря 2021 г. – 12 792 руб.

⁴ Минимальный размер – 7 082,85 руб. (с учетом индексации по состоянию на 01 июля 2021 г.).

⁵ Действует с 01 июля 2021 г. взамен единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности.

⁶ Действовало до 01 июля 2021 г., размер – 708, 23 руб. (с учетом индексации по состоянию на 01 февраля 2021 г. – 30 июня 2021 г.).

⁷ Не зависит от уплаты страховых взносов, назначается одному из родителей или лицу, его заменяющему, размер – 18 886,32 руб. (с учетом индексации по состоянию на 01 июля 2021 г.).

⁸ Разморе равен стоимости услуг, предоставляемых согласно гарантированному перечню услуг по погребению, но не может быть выше 6 424,98 руб. (с учетом индексации с 01 февраля 2021 г.).

Список источников

1. Бобков В.Н., Черных Е.А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. № 14 (2). С. 6–15. doi: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15
2. Савельева Е.А. Подходы к нормативно-правовому регулированию платформенной занятости в контексте обеспечения социально-экономической безопасности России при переходе к цифровой экономике // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3, № 4. С. 469–488. doi: 10.18334/ecsec.3.4.110839
3. Лапидус Л.В., Полякова Ю.М. Гигонимика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 6. С. 73–89.
4. Правовое регулирование занятости населения в Российской Федерации : учеб. пособие / отв. ред. В.Ш. Шайхатдинов. Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 160 с.
5. Чесалина О.В. Трудовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 108–117. doi: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-108-117
6. Трудовые отношения : Доклад V (1) 95-й сессии Международной конференции труда. Женева : МБТ, 2005. 95 с.
7. Ричерри М. Ценность труда в контексте цифровой экономики // Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего в сфере труда / глав. науч. ред. В.Н. Бобков. М. : Изд-во РеалПринт, 2017. С. 37–59.
8. Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. № 32 (1). С. 30–54. doi: 10.22394/2074-0492-2020-1-30-54
9. ILO. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. Geneva : ILO, 2021. 282 p.
10. Зайцева Л.В., Митрясова А.С. Труд водителей такси на основе интернет-платформ: отдельные вопросы правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 239–245. doi: 10.17223/15617793/435/30
11. Лютов Н.Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 98–107. doi: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.098-107
12. Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «Уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115). С. 139–149. doi: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.149-159
13. Шуралева С.В. Работники «в облаках»: влияние интернет-платформ на развитие трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 15–18.
14. Харитонов М.М. Множественность лиц на стороне работодателя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 28 с.

References

1. Bobkov, V.N. & Chernykh, E.A. (2020) Platform employment – the scale and evidence of instability. *Mir novoy ekonomiki – The World of New Economy*. 14 (2). pp. 6–15. (In Russian). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15
2. Savel'eva, E.A. (2020) Approaches to legal regulation of platform employment in the context of ensuring social and economic security of Russia in the transition to the digital economy. *Ekonomicheskaya bezopasnost' – Economic Security*. 4 (3). pp. 469–488. (In Russian). DOI: 10.18334/ecsec.3.4.110839
3. Lapidus, L.V. & Polyakova, Yu.M. (2018) Hygonomics as a new socio-economic model: the development of freelancing and crowdsourcing. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk – Journals established by the Institute of Economics RAS*. 6. pp. 73–89. (In Russian).
4. Shaykhatdinov, V.Sh. (ed.) (2012) *Pravovoe regulirovanie zanyatosti naseleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Legal Regulation of Employment in the Russian Federation]. Yekaterinburg: Izdatel'skiy dom "Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya".

5. Chesalina, O.V. (2020) Labour law guarantees for platform workers. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 1. pp. 108–117. DOI: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-108-117
6. International Labour Organization. (2005) *Trudovye otnosheniya: Doklad V (1) 95-y sessii Mezhdunarodnoy konferentsii truda* [Labor Relations: Report 5 (1) of the 95th session of the International Labor Conference]. Geneva: ILO.
7. Richerri, M. (2017) Tsennost' truda v kontekste tsifrovoy ekonomiki [The value of labor in the context of the digital economy]. In: Bobkov, V.N. (ed.) *Neustoychivost' zanyatosti: mezhdunarodnyy i rossiyskiy konteksty budushchego v sfere truda* [Instability of Employment: International and Russian contexts of the future in the field of labor]. Moscow: RealPrint. pp. 37–59.
8. Shevchuk, A.V. (2020) From factory to platform: autonomy and control in the digital economy. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 1 (32). pp. 30–54. (In Russian). DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-30-54
9. ILO. (2021) *World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work*. Geneva: ILO.
10. Zaytseva, L.V. & Mitryasova, A.S. (2018) Labor of taxi drivers on the basis of internet platforms: some issues of legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 239–245. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/435/30
11. Lyutov, N.L. (2019) Labour law adaptation to the digital technologies: challenges and perspectives. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 6 (103). pp. 98–107. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.098-107
12. Lyutov, N.L. & Voytkovskaya, I.V. (2020) Taxi drivers performing work through online platforms: what are the legal consequences of labor “uberization”? *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 6 (115). pp. 139–149. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.149-159
13. Shuraleva, S.V. (2019) Cloud employees: the influence of internet platforms on development of labor relationships. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 1. pp. 15–18. (In Russian).
14. Kharitonov, M.M. (2010) *Mnozhestvennost' lits na storone rabotodatelya* [Multiplicity of persons on the employer's side]. Abstract of Law Cand. Diss. Saint Petersburg.

Информация об авторе:

Серова А.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Россия). E-mail: a.v.serova@icloud.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Serova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.v.serova@icloud.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.10.2021;
одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 29.04.2022.*

*The article was submitted 04.10.2021;
approved after reviewing 16.11.2021; accepted for publication 29.04.2022.*

Original article
UDC 341
doi: 10.17223/15617793/477/31

Practical legal aspects of the use of publicly accessible roads in the management of agriculture and forest land

Radka Vaníčková¹, Stanislav Bilek²

¹ University of Economics and Management, Prague, Czech Republic, radka.vanickova@vsem.cz,
ORCID: 0000-0003-3559-5799

² Institute of Technology and Business in Ceske Budejovice, Ceske Budejovice, Czech Republic,
stanislav.bilek@mail.vstecb.cz

Abstract. The objective of the article is to analyse forest roads, one of the categories of purposeful roads, which can demonstrate the differences in the regulation of the use of public roads according to the valid legislation. The analysis of the practical legal problem was public opinion, including the use of the method of public opinion survey in order to examine the same or another problem of using the current legal regulation of forest roads by the public for walking and driving with motorized and other non-motorized vehicles.

Keywords: legal environment, competitiveness relationships, public transport, public and forest roads, management of forest land, Forest Law

Financing: The article is part of the project ERASMUS +, KA 205 Strategy Partnerships for youth. Cooperation for innovation and the exchange of good practices.

For citation: Vaníčková, R. & Bilek, S. (2022) Practical legal aspects of the use of publicly accessible roads in the management of agriculture and Forest land. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 269–276. doi: 10.17223/15617793/477/31

1. Introduction

The authors of the paper state that, according to Act No. 428/2012 Coll., the built-up land cannot be issued because it is considered to be a part of land which, after being subject to property injustice as a result of some of the facts mentioned in § 5, was built up or part of it was built up by a building capable of separate use (hereafter referred to as the “building”), if the building was established in accordance with the Building Law and is used as well as the part of the land directly associated with the building which is necessary for the use of the building. A piece of land built by a building, which is owned by a person other than a state or a beneficiary who is directly related to it and uses it, is also considered as a built-up land. In connection with publicly accessible purposeful roads, it can be determined whether the purposeful road may in certain circumstances be a building or not or a land built by the building as a purposeful road. According to general terminology, it is possible to define the legal status of forest roads, the use of forest roads as publicly accessible purposeful roads, the rights of walking and driving of motor and other vehicles on forest roads by the owners or possibly by the authorized users of these roads and the public, e.g. by third persons who have no private-law relationship with forest roads.

2. Theoretical background

Road is defined by Act No. 13/1997 Coll., on Roads, as amended, as a road intended for use by road and other vehicles and pedestrians, including fixed equipment necessary to ensure the use and safety of the ride. From the

above-mentioned terminology, it is clear that the purposeful road, as one of the legally defined types of roads, is primarily the roadway and its purpose is to be used by road and other vehicles as well as by pedestrians. Article 7 (1) of the Act on Roads specifies publicly accessible purposeful roads so that the purposeful road is a road that serves to connect individual properties according to the needs of property owners, to connect these properties with other roads or to manage agricultural and forest land [1]. The Road Act also points to the fact that, within the limits of the special regulations governing the operations on the road and under the conditions laid down by this Act, every citizen may use the infrastructure free of charge in the usual way and for the purposes for which it is intended [2, 3]. The cited provision of the Act on Roads has a considerable importance for the issue of publicly accessible roads because the user of the publicly accessible purposeful roads can be any citizen, e.g. not only the owner or user of the real estate, but also any user who is entitled to use it free of charge and no one is entitled to demand any consideration for the use of roads even through legal private law institutes [4, 5].

For the rights and obligations of the parties involved, e.g. the owner of the road and its user, it is stated that the use of the road is limited by the legal regulations regulating the traffic on the roads, as well as by the construction and technical conditions of the road which determine the road to road and other types of vehicles according to vehicle weight and other technical parameters and dimensions. According to Section 9 (1) of the Act on Roads, the owner of the purposeful road is a legal entity or individual who is legally obliged to tolerate the free use of property by third parties in general. It cannot be inferred from the

above-mentioned that the obligated person, the owner of the purposeful road, must be only a private-law entity, the owner of the purposeful road may also be state with the right of management, e.g. the organizational unit of the state, which has the right to manage it according to another entity, e.g. on behalf of the Forests of the Czech Republic, sp, Povodi Vltavy, sp, etc., add [6].

In the case of publicly accessible purposeful roads defined in § 7 paragraph 1 of Act No. 13/1997 Coll., on Roads, the ownership right is limited by the fact that the owner must tolerate the general use of the land as road (Section 19 of the Act) and allow public access there. According to the law, the land becomes the purposeful road directly when it fulfils the definition given in Section 7 (1) of the Act, e.g. when it is used to connect individual properties for the needs of its owners or to connect these properties with other roads or to manage agricultural and forest land [7], where the Act on Roads does not link the constraints with the provision of financial compensation.

If there are other ways to achieve the objective of providing a road link between real estate without limiting the ownership right, it is appropriate to keep the property right in a different way. If there is a different choice of access to a real estate and if any purposeful road does not fulfil the role of the necessary road link, the alternative entry to the real estate through the land of another owner is purely the private interest of the property owner, which may be edited by private law institutes [8]. The transport route must link the property to the needs and purposes of its owners or serve to connect these properties with other roads or to manage agricultural and forest land or according to the consent of the owner it might be used by an unlimited circle of persons [9]. The transport route must serve the so-called necessary road need, where the connection cannot be clearly regulated by the private law institute [10].

Road is defined by the law as a transport route that displays the features of a publicly accessible purposeful road. The term transport route is not characterized by the law but through interpretation it can be deduced as a noticeable and relatively constant transport connection used by persons to walk, ride, or to some of these acts [11, 12]. The purpose of the transport route, in the case of a purposeful road, will be the connection of real estates for the needs of the owners of these properties or to connect the real estate with other roads or the management of agricultural and forest land [13].

Examples of purposeful roads are dirt and forest roads, arrivals to operational sites and other facilities designed to meet public or private needs, e.g. sports facilities, cultural facilities, forest lands and lands of water-courses, quarries, service stations, schools or other facilities, bus stations, campuses and spaces inside factories and other enterprises and public car parks [14, 15]. Pursuant to the provisions of Section 63 of Act No. 114/1992 Coll., on Nature and Landscape Protection, as amended, it is not allowed to establish or remove publicly accessible public roads, trails and paths outside the built-up area without the consent of the competent nature preservation authority. Municipalities keep an overview of publicly accessible roads, paths and trails in the area of their terri-

torial jurisdiction [16, 17]. The consent of the owner of the purposeful road to its general use is currently being deduced judicially mainly with reference to the finding of the Constitutional Court sp. No. II ÚS 268/06 of 9 January 2008, when it has to be the consent of the owner of the road to use it by an unlimited number of persons, with the fact that no specific form is defined for the consent, e.g. it can also be given implicitly (by factual act of the owner from which the consent to use the road can be deduced by unlimited number of people).

It is also clear from the Constitutional Court's finding that the consent which was granted by the previous private owner of the road is obligatory even for his legal successor, e.g. for the subsequent successors of the purposeful road who have acquired the road by transfer. According to § 1106 of Act No. 89/2012 Coll. of the Civil Code, a generally valid conclusion can be drawn that the person who acquires the right of ownership also acquires the rights and duties to deal with the acquired object. An applicable rule of law cannot be ruled out even in cases where the original owner of the road is a public-law body, e.g. according to the Charter of Fundamental Rights and Freedoms, Article 11, the legal protection of the property rights is provided to all entities without distinction of legal content.

If the road fulfils the attributes of purposeful road, its owner is not entitled to arbitrarily disturb the road or to prevent third parties from using it in accordance with the law, e.g. consent cannot be revoked or cancelled. According to the Law, the purposeful road is created when its owner gives consent to general use.

The question of using road "since time immemorial" is connected with the problematics of the owner's consent to originate a publicly accessible purposeful road, when the consent of a previous owner cannot be detected (statistically traced), but the road permanently serves to the needs of a transport connection to an unlimited number of persons for urgent transport needs, e.g. according to the case law it is as a publicly accessible purposeful road. In many cases consent takes the form of dedicating the road to general use that can be traced by one of the previous owners of the road. In accordance with the case law, it can be concluded that it is a publicly accessible purposeful road when the owner (the previous owner) did not state a qualified clear disagreement with the general use of his road, e.g. the road belongs to his land [18]. The case law requires an active action of the owner resulting in a clear disagreement with the use of the road for benefit of the public. If consent cannot be traced and the road serves to a necessary transport need for a long time, consent to the general use is assumed.

If these conditions are not met, it is possible to use the road only for compensation as it would be an unacceptable restriction of the property rights which are protected by the constitutional order.

The content of the owner's consent will be decisive for determining the attributes of the purposeful public road when the owner is entitled to define a circle of people who can use the road according to the extent of general use, e.g. designating a public car park in front of a hypermarket which might be used only by customers of the shop. The owner can also specify other conditions

including time possibilities of using the road, e.g. to set up a road in a gardening community which links individual recreational objects and land only for property owners. According to the case law, another feature of publicly accessible purposeful road is the so-called necessary transport need, e.g. the assessment of condition whether there is another transport connection for the benefit of the owners of the concerned property, which does not interfere with the owner's property rights.

Comparable ways of connecting, which lead to less inhibitory ownership restrictions, are priority. Alternative connections must be comparable in the sense of full compensation, e.g. winter accessibility, accessibility for collection of waste, arrival of vehicles of the Integrated Rescue System etc. A longer length of the alternative connection does not mean the necessary transport need of the assessed road. From the point of view of the assessment of the transport needs and the attributes of the road or its transport alternatives, the type of land registered in the cadastral register is not decisive. The real nature of the assessed road and the possible transport alternatives are crucial. In the case that the transport need comes to an end, the concerned road is no longer publicly accessible purposeful road. According to the judgment of the Supreme Administrative Court, No. 1 as 76/2009 of 22 December 2009, it can be concluded that factual public accessibility does not make any road publicly accessible purposeful road. The owner's consent is necessary beyond the normal tolerance of the limitation of ownership, but also by the pressing urgent communication need. The owner's consent beyond normal tolerance of limitation of the property right but also the urgent transport need is necessary. The last defining feature of publicly accessible purposeful road is the absence of any private-law agreement under which the concerned entity would use the transport link in question. It might be agreement concluded in any form, mostly in form of rent, loan or service.

The existing obligation of the owner of the road to tolerate the use of the road by third parties is of a public nature which excludes the situation that the owner of the road established changes or annuls the use of the road when it is used for the same need and extent [19]. The subsequent binding legal relationship does not change the existence of the existing public commitment to tolerance of use. This condition does not exclude the fact that the owner of the relevant public road allows the access only for a selected group of persons but the owner might change this condition towards other entities using provisions of civil law, e.g. service or rent. The authors draw attention to the existence of special public regulations which modify the right to walk and to drive differently in incompatibility with the Act on Roads and, according to the principle "lex specialis derogat priori", they are prioritized over the general norm, e.g. the territory of national parks and protected landscape areas, reservoirs, water management structures and protection zones, military areas as well as hunting territories [20]. Point out the rule of free access to the land according to §63 of the Nature and Landscape Protection Act according to which every citizen has the right to free passage through land owned or leased by the state, municipality or other legal entity un-

less no damage to property, rights or health of another person is caused according to generally binding legal regulations [21]. The Act excludes from public authority built-up building plots, yards, gardens, plantations, vineyards, hop gardens and parcels intended for farm animal breeding. Arable land, meadows and pastures are excluded from entitlement at a time when crops, land or cattle can be damaged.

3. Research objective, methodology and data

The objective of the article is to analyse forest roads, one of the categories of purposeful roads, which can demonstrate the differences in the regulation of the use of public roads according to the valid legislation. The analysis of the practical legal problem was public opinion, including the use of the method of public opinion survey in order to examine the same or another problem of using the current legal regulation of forest roads by the public for walking and driving with motorized and other non-motorized vehicles. The poll method is one of the methods that can be used to research the social relationships and conditions that arise as a result of existing legislation and can strengthen / weaken the effective functioning of the proposed legislation.

For the purpose of the research, the following hypotheses were formulated:

1. In practice, access to special-purpose roads is unjustifiably restricted by the owner without the permission of the road administration authority.
2. The purpose road on which the land is located can be considered as built-up.
3. The nomenclature can be described as a discrepancy in defining the issue of forest roads.
4. Unlawful conduct of citizens is considered an obligation, except for special rules and regulations.

According to the survey, research problems were identified that shed light on legal issues in a broader context:

1. If an unauthorized restriction of a communication is found, will the owner always receive a written order to restore public access to the purpose-built road?
2. Based on the findings on the offences of citizens, does the guard, within the scope of justified competencies, deal with illegal measures and actions within the framework of the general use of forest land?
3. Is public access to a sufficient extent allowed by the forest owner to enter public spaces intended for citizens?
4. Can unauthorized entry into the forest be considered an interpretatively capable interpretation perceived by the general public to a comprehensive extent?

In determining the selection of research problems, the legal aspects concerning the forest road as a multi-purpose road were decisive. The procedural method of classifying a road into the category of special-purpose road was not necessary for the bodies of the road administrative authority, as is required for special-purpose roads. The basic category of roads is not suitable for forest roads.

On the other hand, legal issues of a technical codification nature were excluded. In a survey conducted in February 2020 on a sample of enterprises engaged in agricultural production, forestry and water management in the region of South Bohemia in the Czech Republic, a sample

of 250 small and medium-sized enterprises examined four issues related to the general problem, e.g. compliance and non-compliance of applicable law with public opinion. The agreement between the law and the public opinion was found only in 5 cases, in 10 differences were found and in 2 it was difficult to determine a clear answer. The applicable law was in line with the company's legal feelings in the following cases:

1. Should a forest owner restrict the movement of citizens in his own forest?

2. Should public roads always be accessible with regard to the requirements of the forest owner?

In contrast, there was no agreement on the following issues:

1. Should citizens have free access to forest land areas?

2. Is it possible to unambiguously formulate the illegal actions of a citizen in the control of a forest guard?

Questions for which the answers were not clear:

1. Should citizens have free access to forest land areas?

2. In your opinion, is there a traffic sign for a field road with an unambiguous sign with all the legal requirements?

The general conclusion of the survey was to find that there is a difference between the current law in force and opinions on which legal awareness should be relevant. As the results obtained interpret, it is a significant problem to define access to roads for farming purposes, as the ambiguous issue is to identify forest roads, such as field roads, which can be located near the edge of the forest or located on forest lands overgrown with grass. When finding out the WHOM record of the road regulations, it should help to see whether it is a forest road or not. One of the alternatives that can help solve the problem of unauthorized entry into the forest is a traffic sign that informs citizens about the ban or permit to enter the forest. The implementation of a traffic sign is financially demanding and at the same time non-binding, as it does not consider it the duty of the road administrative authority to prepare a traffic sign. The material burden of the forest owner is to protect land from unauthorized entry and use by citizens; it is their own free will, not an obligation that places claims in terms of fulfilling the purpose of the law within the competence of the qualified authority, which is entitled to issue administrative decisions.

The agreement between the law and the legal feeling of society can be expressed in all the above research problems, as most citizens in the Czech Republic (South Bohemian Region) have in their personal ownership an excluded part of the land, most often a forest stand. Another output of the survey was the statement that free access to forest land areas is always allowed together with access to the forest road within the scope of the landowner's decision. Based on the findings, it can be stated that in not every country is this alternative possible and accepted by the forest owner. The authors of the article state that the main problem in the inspections carried out by forest guards, in connection with the infringement, is not clearly formulated in the case of a misdemeanor.

4. Results and discussion

The authors' own knowledge of the legal practice made it possible to formulate conclusions on the estab-

lished hypotheses. Research questions identify facts that very often occur based on arguments about the exercise of land use rights as a purpose-built road, despite the fact that the road has been publicly accessible for many years without any problems and groups the properties of other owners. If an unjustified restriction of public access to a purpose-built road is found, the owner will receive a written order, even in rare cases, such as repeated sending of written orders with a fine of up to 3921 Euro. In the case of forest guards, it is very problematic to solve the offence of the person violating the law and take a position on the situation. In the case of non-purposeful intervention of a person violating the law, the forest guard must notify the police of the Czech Republic of the unlawful conduct of an individual, whose statement can be considered, in the context of resolving disputes, as contradictory. A forest guard often does not have to succeed in resolving an offence against an individual or a group of persons violating the law. Another witness notifying the police of the Czech Republic will often resolve inconsistencies in potential disputes. All legislation using publicly accessible roads declares the fact that forest roads, which are located on roads, are intended to fulfil the function of the forest and are part of the transport network, which is used to transport timber, transport people and materials for the passage of medical and fire vehicles, techniques, for walking, for cycling, on horseback, on skis and for connection to individual properties. The forest owner should not restrict the free access of citizens in order to pass through a publicly accessible path and road in favour of carrying out leisure activities or integration into other roads. The authors expressed the opinion that the determination of the legal attributes of the purposeful road will be significant from the private law's point of view (the Civil Code addresses the relationship of the land and the buildings built on it in this sense) in accordance with Act No. 428/2012 Coll. It can be considered whether the purposeful road is / is not a matter or part of the land on which it is located or eventually the assessment whether the land on which the purposeful road is can be considered as built-up in the sense of Act No. 428/2012 Coll., e.g. excluded from the issue within the meaning of Section 8 of this Act. If the purposeful road is not a building in the sense of civil law, but only a part of the land, it cannot be considered whether the civil relations to the road and the land on which it is located differs. The authors note that even if the opposite conclusion was valid and the purposeful road was found building and not only part of the land then it is still valid that when it is utilized so buildings build up on the land and other facilities are part of the plot including everything that is embedded in the land except for temporary buildings under the meaning of Section 506 of the Civil Code, effective as of 1 January 2014. In the case there are different entities on the part of the owners of the land and the construction, the transitional provisions of the Civil Code § 3054 to § 3060 would be applied, including the legal pre-emptive right and the different legal regimes of the land and the construction. In this connection, the authors draw attention to the problematic provision of Section 3059 of the Civil Code on the building which is located on more plots and

which, in case of roads, will be a frequent case when the double legal regime will be applied only to the land on which the majority of the building is located. A different opinion on the attributes of the purposeful road formulated by the Supreme Administrative Court according to which the construction of the purposeful road is such that it is possible to clearly define where the land ends and the building starts. At the same time, the construction of a purposeful road cannot be removed without its destruction / substantial deterioration of its ability / viability; separate real estate is discussed as a thing within the meaning of Section 119 (2) of the Civil Code, which is subject to legal relations. Considering the meaning of Act No. 428/2012 Coll., which excludes issues of built-up land, it will be decisive to determine whether the purposeful road is / is not a building which is a part of a land and is not capable of separate use, or whether a part of the land is used which is directly related to the building which is necessary to use the building and will not be excluded from issue, although it will not be a purposeful road, e.g. road equipment on another land (lighting, etc.). Prior to the analysis of the legal regulation of the general use of forest roads, the authors define the legislative term “forest road” for the purpose of legal regulation of the use of forests; the authors also define the forest road as a road because of absence in a legal regulation. Only implementing Regulation No. 433/2001 Coll. to the already abrogated Building Act No. 50/1976 Coll., on Spatial Planning, and the Building Code (Building Act) defines the technical requirements for constructions in order to fulfil the function of the forest, characterizes the forest roads as purposeful roads that are part of the forest transport network used for wood removals, transport of persons and material only for the benefit of the owner of the forest and the passage of special vehicles. The authors see inconsistencies in the nomenclature of forest roads, in the meaning of purposeful road, which is not concerned in the access of citizens to public road with regard to the subject of the regulation. The nomenclature is inconsistent, rather controversial, as the inclusion of forest roads into purposeful roads provokes to answer where the purposeful road is located if it is not located in an enclosed area in the sense of the Act on the Roads, Sections 7 and 19. If the definition also states that the forest road serves only to the interest of the forest owner it would exclude other persons from the definitional features. According to the Czech Technical Standard ČSN 73 6108, the Forest Transport Network, we consider forest roads as so-called forest transport networks where transport facilities of all kinds used to interconnect forest complexes with the public transport network [22], as well as to approach and collect wood and other forest products, to transport people and material in the context of forest management [23], respectively to other purposes, are possible.

In the case of forest roads, transport needs must be considered as the forest transport network presents unpaved forest roads where, in relation to third parties, every transport need is unlimited by number so we call it a purposeful road⁶ not a publicly accessible road. According to the definition of the forest road as a purposeful road under § 2 of Act No. 361/2000 Coll., on Road Traffic and

on amendments to some laws, e.g. the Road Traffic Act, as amended, which also define the crossroad as a place in which roads intersect or cross, the crossroad is not the end of a dirt or forest road or other purposeful land road because the concept of a forest road is perceived as another purposeful road [24]. The Act on Forest Roads perceives the forest road as a part of a forest which serves not only for forest management but also for the non-productive function of the forest, e.g. non-wood-based forest infrastructure or environmental [25]. In terms of the priority of the owner of the forest and its economic use, but to the public interest, the use of the forest road for the needs of the owner can be completely excluded [26]. The forest road is in principle accessible to the public free of charge and, under the valid rules, it is primarily designed to protect the forest, nature and landscape [27].

The forest road is a publicly accessible purposeful road within the meaning of the Act on Roads, due to the utility of the purposeful road, e.g. the management of forest lands [28]. In the case that the required attributes of the necessary transport need are met, publicly accessible is a land road, regardless of the absence of forest management functions. Concerning the above-mentioned facts, we conclude that a purposeful road can be used free of charge both for walking and driving by motor and other vehicles, taking into account the rules of road traffic, the construction and technical conditions of the road and other generally binding legal regulations [29].

The authors think that the Forest Act as regards the use of forest roads as land roads is considered to be special in relation to the Roads Act, since the existence of a special Act on public access to roads might vary (we find a direct reference in the law to the Forest Act and its provisions § 20 (1) (j)), it is related to the limitation of forest use in relation to the limitation of forest use outside forest roads, not on forest roads, because forest law regulation does not define forest management rules to fulfil production / non-production functions. The Forest Act not only fulfils the function of a legal regulation (in what way and how much wood it is possible to extract) but also regulates a specific area of public interest namely forest protection as a unique special part of life and the relationship of men to their surroundings [30]. Assuming that a purposeful communication (regarding its construction condition) can show attributes of building (whether under the Building Act or the Civil Code) which would mean that all forest roads that are buildings, respectively the land on which the building of the road is located is built-up land and therefore is automatically excluded from the use limitation regulated by the Forest Act.

A special regulation of the right of entry and walk on land intended for the fulfilment of the functions of the forest, respectively on forest roads, which categorically define land intended for the fulfilment of forest functions according to the provisions of § 19 and § 20 of the Forest Act, we conclude that every citizen has the right to enter the forest at his own risk or to collect forest fruits and dry woods for his own use. Furthermore, the citizen is obliged not to harm the forest, not to disturb the forest environment and to observe the instructions of the owner or the tenant of the forest and his employees. In forests, it is

forbidden to enter fenced or labelled areas and wood stands where harvesting, extraction or transport of woods is carried out. However, these prohibitions are not valid within activities that are carried out during forest management [31]. Special rules are applied to organized sports events in the forest, which can only take place on the basis of an announcement at the State Forestry Authority under the conditions set out in the Forest Act and with the consent of the forest owner. In principle, the right to enter forest roads is unlimited because, according to the provisions of Section 63, paragraph 2 of Act No. 114/1992 Coll., On the Protection of Nature and Landscape, everyone has the right to free passage through land owned or rented by the state, municipality or other legal entities, unless it causes damage to the property or the health of another person and infringes the rights to the protection of personality or neighbouring rights. Considering the attributes of the Forest Act as a special legal regulation in relation to the Roads Act, the authors conclude that (in the sense of the relevant provisions of the Forest Act) riding and stalling of motor vehicles are also prohibited on forest roads which are also lands designated for the fulfilment of forest functions to ride a bike or horse, skiing and sledging are prohibited outside marked roads [32]. The prohibitions mentioned above are not applied within activities carried out in forest management, as they are important with regard to driving and standing of motor vehicles [33].

The Forest Act further states that the forest owner may permit an exception from these prohibitions. A written form is not required to establish a clause; the clause may be granted by the owner in written and oral form or implicitly on the basis of the factual behaviour of the owner who, for example, will tolerate the entry of vehicles on forest roads, on which the entry is normally forbidden, for a certain time. This may be a general exception for an unlimited number of people or a clause appointed for specific entities. Accordingly, it is permissible that the owner, within lease or tenancy of a forest land, allows the tenant (lessee) to enter and to stand motor vehicles of tenants (lessees) or third parties with the permit of the tenant (lessee).

The prohibition to ride and stand in the forest with motor vehicles is not applied to employees of the state forest administration body in the area of their competence in carrying out activities under this Act and to persons who perform activities authorized by special regulations such as vehicles of a fire brigade. Exceptions to the law are also provided for the hunting rights. The Forest Act defines the obligations of the entities in the so-called forest transport under the provisions of §34. The question of general use of forest roads, respectively lands for the fulfilment of the functions of the forest, was mentioned by the Ombudsman who (within dealing with cases of forest protection) interpreted the following statements which confirmed the mentioned hypotheses including the statements of the partial opinions and the final debates of the authors. The authors point to the final opinion expressed by the Ombudsman in sp. No. 512/2013 / VOP / DS of 12 August 2013, which states that the owner of a publicly accessible purposeful road is not entitled to collect any payments from its users even if it is a land intended for

the fulfilment of forest functions. Charging exemptions from the statutory ban on motor vehicles entering the forest is illegal. Lands intended to fulfil forest functions are not paved forest roads that serve as driveways to built-up land; the road user of the road is not obliged to deal with the forest owner's exemption from the prohibition of entering motor vehicles into the forest [34]. Participants in the declaration procedure, in the case of uncertainty about the attributes of the land, are also owners of neighbouring property as they may be directly affected by their rights and obligations in view of possible legal restrictions. From the opinion of the Ombudsman, 5076/2007 / VOP / DS dated 17 June 2008, the authors of the chapter conclude that the forest as a whole cannot be an enclosed area within the meaning of Section 7 paragraph 2 of the Act on Roads, therefore it cannot be a purposeful communication in the woods considered to be non-public communication. It follows from the above-mentioned facts that where the forest road is a land intended to fulfil the functions of the forest, even if it is a purposeful communication, the prohibition of entry and parking of motor vehicles is valid when the general Act on Roads provides exemptions from the general use of purpose roads. The part of the professional public cited the conclusions of the decision of the Supreme Court of the Czech Republic, 33 Odo 449/2005 dated 22 February 2005 which are not in accordance with the applicable legal regulations. They agree that the Supreme Court wrongly assessed the relationship between the Act on Roads and the Forest Act as a relationship between the special act and the general act as the Supreme Court states the following while claiming that the Forest Act is, in relation to the Act on Roads, a special regulation and that, having regard to these facts, their land, through which a part of the disputed road leads, has attributes of a, land intended to fulfil the functions of the forest and therefore the courts should judge the matter in accordance with this special law. However, this opinion is not correct, add the authors. In accordance with the subject-matter of the regulation, as defined in § 1, the Act on Roads should be applied to all roads which fulfil the features specified in the other provisions of this Act and contain no provision to exclude certain roads from this arrangement. The Forest Act does not deal with traffic problems on roads located on forest land which is confirmed by the wording of Section 7 (1) of the Act on Roads which expressly includes communication used for the management of forest land between purposeful roads as same as the wording of Section 3 paragraph 1 letter b) of the Forest Act states that the paved forest road be included among the plots intended for forest functions. If the paved forest road on the plot intended to fulfil the functions of the forest shows at the same time the features of the purpose road pursuant to Section 7 paragraph 1 of the Act on Roads, it is subject as well as other purposeful communications to the regime of this Act including Section 19 paragraph 1, which regulates the general use of roads. Arguments of the applicants by Decree No. 433/2001 Coll. are not permissible. It should not be forgotten that the Decree entered into force on 1 January 2002 whereas the applicants claimed entitlement to unjust enrichment for the period up to 14 November 2001. Furthermore, the purpose of the above-

mentioned decree which specifies the technical requirements for buildings providing forestry function and forestry terminology cannot be absent since it is stated in Section 2 paragraph 1 letter a) taken into account for the purpose of this Decree. It is clear from the wording of the above-mentioned provision that the forest road is at the same time a purpose road which is a concept operated by the Act on Roads. At least with the effect of Act No. 152/2011 Coll., which amended the provisions of § 7 of the Act on Roads, it is unexpected that the Forest Act is a special legal norm in relation to the Act on Roads with respect to the use of forest roads. The Forest Act defines a dual regime, firstly transport roads which are a part of forest in a broad sense, respectively part of forest transport roads network and are publicly accessible purposeful roads (mainly paved forest roads) and secondly driveways to built-up lands as well as a regime of transport roads referring to the principles of forest protection and its function of preventing general use of the entrance and standing of motor vehicles.

5. Conclusion

The aim of the article was to summarize the legal problematics of publicly accessible purposeful roads with regards to the up-to-date valid legal case law in accordance with the question that is connected with issuing of properties to churches and religious societies, including land on which publicly accessible purposeful roads are established pursuant to Act No. 428/2012 Coll. This issue is closely related to forest lands and forest management where one of the reasons for the accessibility of purposeful roads is (according to Czech legislation), inter alia, forest management as this activity is considered to be a public interest and owners of forest lands have a legal mechanism for access to forest and other land which is not owned by them but is necessary for forestry activities. According to the finding of the Constitutional Court of the Czech Republic sp. No. 268/2006 of 9 January 2008 and the case law of the Supreme Administrative Court, the definition of the purposeful road can be deduced: a) it must be a transport road within the meaning of § 2 of the Act on Roads, b) it must connect real estates with each other for the needs of its owners or it must join the property with other roads or to be used for the management of agricultural and forest land; c) the consent of the owner of the purposeful road to its use by an unlimited circle of persons; d) the transport road is used for the so-called transport need, or e) the connection cannot be clearly regulated by the private law institute. According to the assessment of the transfer of the authorization for the general use of the purposeful road, the issue of the land on which purposeful communication exists might be evaluated anyway if it is possible to deduce the existence of publicly accessible purposeful road according to the valid legislation and the case law; the obligation to tolerate the

public authorization to the authorized entity is transferred, irrespective of the fact that the statutory body was a public body. At the same time the above-mentioned consent of the previous owner (as a necessary condition for the duration of authorization for general use) was not deduced during the restitution, e.g. the previous owner was a public body who claimed that the consent of a public entity has a different form than a consent of a private person. However, if the person who acquired the purposeful road by issue did not express a qualified disagreement with the general use of the road within a reasonable period of time, the obligation to tolerate it then passes. If the Constitutional Court does not deviate from the pronounced opinion, it is permissible, in the authors' opinion, that the "religious entity" will cancel the existing public use of the purposeful road by its active disagreement with the general use of the road. It will be of greater significance to see whether in individual restitution cases the issue of purposeful communication will be refused because it is a building (in the case of unpaved roads created by building activities). Free access to land surroundings is not limited with regard to the issuance of property; risks exist when arriving on motor vehicles. The authors in the final summary agree with the statements of the Ombudsman concerning land intended for the performance of forest functions which is not paved forest roads which serve as a driveway to built-up land. The user of such a road is not obliged to obtain the forest owner's exemption from the prohibition of motor vehicles entering the forest because it is not a forest. The entitlement to use a driveway paved forest road should not be affected by the Forest Act or in connection with the issue of forest paths to religious subjects.

Fulfilment of the Strategy for the Development of Legal and Administrative Activities of the Ministry of Agriculture is the transfer of measures into binding legal regulations. The partial goals of providing legal and legislative service are:

- to maintain a high level of comprehensive legal advice,
- to achieve the expected success in representing the Ministry of Agriculture in court disputes in cooperation with the interdepartmental departments of the Ministry of Agriculture,
- to make objective decisions in appeal proceedings and review commissions of the Ministry of Agriculture in accordance with the deadlines set in the Administrative Procedure Code,
- to guarantee a departure from the fragmentation and parcelling of legal regulations that occur in ensuring the legislative process of legal regulations, especially draft laws, decrees and amendments to legal regulations,
- to strive for quality standardization of contracts and agreements through standard contracts,
- to disseminate information on the protection of the intellectual property of forest land owners.

References

1. Bonilla-Bedoya, S., Estrella-Bastidas, A., Molina, J.R. & Herrera, M.A. (2018) Socioecological system and potential deforestation in Western Amazon forest landscapes. *Science of the Total Environment*. 644. pp. 1044–1055. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2018.07.028
2. Gavella, N. (2012) Civil law and special legal systems for particular types of goods. *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu*. 62 (5-6). pp. 1445–1490.
3. Bonifazi, A., Balena, P. & Rega, C. (2017) Pollination and the integration of ecosystem services in landscape planning and rural development. *Lecture Notes in Computer Science*. 10408 LNCS. pp. 118–133. DOI: 10.1007/978-3-319-62404-4_9

4. Ivashova, V.A., Tokareva, G.V., Agalarova, E.G., Nadtochiy, Yu.B. & Yushchenko, I.V. (2020) Social practice of urban environment quality assessment. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 775 (1). p. 012020. DOI: 10.1088/1757-899x/775/1/012020
5. Mikolas, M., Tejkal, M., Kuemmerle, T., Leitao, P.J. & Morrissey, R.C. (2017) Forest management impacts on capercaillie (*Tetrao urogallus*) habitat distribution and connectivity in the Carpathians. *Landscape Ecology*. 32 (1). pp. 163–179. DOI: 10.1007/s10980-016-0433-3
6. Biernat, E., Skrok, L., Majcherek, D. & Nałęcz, H. (2020) Socioecological Profile of Active Adults. Sport as a Whole-life Choice. *Physical Culture and Sport, Studies and Research*. 85 (1). pp. 59–76. DOI: 10.2478/pessr-2020-0007
7. Len, P. (2018) Spatial diversity of agricultural areas with no access to roads in villages of commune of Bilgoraj. *Engineering for Rural Development*. 17. pp. 572–577.
8. Hardt, E., dos Santos, R.F. & Pereira-Silva, E.F.L. (2012) Landscape changes in Serra do Japi: Legal protection or scientific expectation? *Bosque*. 33 (3). pp. 339–344. DOI: 10.4067/s0717-92002012000300019
9. Marinova, B. & Moteva, M. (2019) Issues in creation and use of roads in agricultural areas. *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management. SGEM*. 19 (5.4). pp. 493–500.
10. Pentek, T., Duka, A., Papa, L., Damic, D. & Porsinsky, T. (2016) The effectiveness study of primary forest road traffic infrastructure – an alternative. To study of primary forest opening or just a short – term solution? *Journal of Competitiveness*. 140 (9-10). pp. 435–453.
11. Kupkova, L. & Bicik, J. (2016) Landscape transition after the collapse of communism in Czech. *Journal of Maps*. 12. pp. 526–531. DOI: 10.1080/17445647.2016.1195301
12. D'Amato, D., Rekola, M., Wan, M., Cai, D. & Toppinen, A. (2017) Effects of industrial plantations on ecosystem services and livelihoods: Perspectives of rural communities in China. *Land Use Policy*. 63. pp. 266–278. DOI: 10.1016/j.landusepol.2017.01.044
13. Chen, W., Xie, X., Wang, J., Duan, Z. & Ma, J. (2017) A comparative study of logistic model tree, random forest, and classification and regression tree models for spatial prediction of landslide susceptibility. *Catena*. 151. pp. 147–160. DOI: 10.1016/j.catena.2016.11.032
14. Marousek, J., Haskova, S., Zeman, R., Zak, J., Vanickova, R., Marouskova, A., Vachal, J. & Myskova, K. (2016) Polemics on ethical aspects in the compost business. *Science and engineering ethics*. 22 (2). pp. 581–590. DOI: 10.1007/s11948-015-9664-y
15. Radushinskaya, A., Pushkina, M., Antonova, A., Dyakova, G. & Gaganova, E. (2019) Investment priorities and investment potential of various infrastructure facilities of the city. *E3S Web of Conferences*. 135. pp. 04055. DOI: 10.1051/e3sconf/201913504055
16. Skodova Parmova, D. (2011) Diversification as a factor for sustainable rural development. *Journal of the Austrian Society of Agricultural Economics*. 20 (1). pp. 43–52.
17. Liskova Dvorakova, Z., Partlova, P. & Krogmann, A. (2018). Multi-Level governance towards regional development in post-communist countries. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 13 (2). pp. 5–20.
18. Do, Y., Kim, J.Y., Kim, H.W. & Joo, G.J. (2017) Distribution of carabid beetles within wildlife corridors connecting fragmented forests. *Landscape and Ecological Engineering*. 13 (2). pp. 279–286. DOI: 10.1007/s11355-016-0319-1
19. Muralikrishna, I.V. & Manickam, V. (2017) *Environmental Management: Science and Engineering for Industry*. Butterworth-Heinemann.
20. Melnykovich, M., Nijnik, M., Soloviy, I., Sarkki, S. & Bihun, Y. (2018) Social-ecological innovation in remote mountain areas: Adaptive responses of forest-dependent communities to the challenges of a changing world. *Science of the Total Environment*. 613–614. pp. 894–906. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2017.07.065
21. Kawharu, A. (2011) International law's protection of foreign-owned property against uncompensated expropriation: Preserving host state regulatory freedom. *Legal Aspects of Sustainable Development*. 11. pp. 341–364. DOI: 10.1163/ej.9789004182646.i-415.112
22. Chen, C.X., Pierobon, F., Zamora-Cristales, R., Sessions, J. & Eastin, I. (2017) Modelling the processing and transportation logistics of forest residues using life cycle assessment. *Journal of Forestry*. 115 (2). pp. 86–94. DOI: 10.5849/jof.2016-0273
23. Kaakkurivaara, T. & Korpenen, H. (2017) Increased fly ash utilization – Value addition through forest road reconstruction. *Canadian Journal of Civil Engineering*. 44 (3). pp. 223–231. DOI: 10.1139/cjce-2016-0193
24. Yli-Pelkonen, V., Setälä, H. & Viippola, V. (2017) Urban forests near roads do not reduce gaseous air pollutant concentrations but have an impact on particles levels. *Landscape and Urban Planning*. 158. pp. 39–47. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2016.09.014
25. Angelstam, P., Khaulyak, O., Yamelynets, T., Prots, B. & Valasiuk, S. (2017) Green infrastructure development at European Union's eastern border: Effects of road infrastructure and forest habitat loss. *Journal of Environmental Management*. 193. pp. 300–311. DOI: 10.1016/j.jenvman.2017.02.017
26. Akgul, M., Yurtseven, H., Akburak, S., Eksi, M. & Akay, A.O. (2017) Short term monitoring of forest road pavement degradation using terrestrial laser scanning. *Measurement: Journal of the International Measurement Confederation*. 103. pp. 283–293. DOI: 10.1016/j.measurement.2017.02.045
27. Soltani, A., Sankhayan, P.L., Hofstad, O., Eshraghi, F. & Arabmazar, A. (2016) Consequences of an Improved Road Network in Rural Iran: Does it lead to Better Livelihoods and Forest Protection? *Small-scale Forestry*. 16 (3). pp. 347–365. DOI: 10.1007/s11842-016-9360-z
28. Galantin, A., Eufrazio, S., Silva, C., Alpizar-Jara, R. & Mira, A. (2017) Road effects on demographic traits of small mammal populations. *European Journal of Wildlife Research*. 63 (1). pp. 22. DOI: 10.1007/s10344-017-1076-7
29. Nemec, M. & Holatova, D. (2017) Innovation and Sustainability of Road Management System. *Proceedings of the 11th International Scientific Conference Inproforum 2017. Innovations, Enterprises, Regions and Management*. Ceske Budejovice : University of South Bohemia in Ceske Budejovice, Faculty of Economics.
30. Suzuki, N. & Parker, K.L. (2016) Potential conflict between future development of natural resources and high-value wildlife habitats in boreal landscapes. *Biodiversity and Conservation*. 25 (14). pp. 3043–3073. DOI: 10.1007/s10531-016-1219-2
31. Feist, B.E., Buhle, E.R., Baldwin, D.H., Davis, J.W. & Scholz, N.L. (2017) Roads to ruin: Conservation threats to a sentinel species across an urban gradient. *Ecological Applications*. 27 (8). pp. 2382–2396. DOI: 10.1002/eap.1615
32. Statzner, B., Bonada, N. & Resh, V.H. (2016) Why roads and rivers can be straight or winding: How physical and sociohistorical factors produce contemporary regional landscape patterns. *Freshwater Science*. 35 (4). pp. 1088–1102. DOI: 10.1086/688494
33. Kim, E., Song, W. & Lee, D. (2013) A multi-scale metrics approach to forest fragmentation for strategic environmental impact assessment. *Environmental Impact Assessment Review*. 42. pp. 31–38. DOI: 10.1016/j.eiar.2013.04.001
34. Cintas, O., Berndes, G., Hansson, J., Lundmark, T. & Nordin, A. (2017) The potential role of forest management in Swedish scenarios towards climate neutrality by mid-century. *Forest Ecology and Management*. 383. pp. 73–84. DOI: 10.1016/j.foreco.2016.07.015

Information about the authors:

R. Vanícková, PhD, assistant professor, Department of Management, University of Economics and Management (Prague, Czech Republic). E-mail: radka.vanickova@vsem.cz. ORCID: 0000-0003-3559-5799

S. Bilek, assistant, Department of Management, Faculty of Corporate Strategy, Institute of Technology and Business in Ceske Budejovice (Ceske Budejovice, Czech Republic). E-mail: stanislav.bilek@mail.vstecb.cz

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.07.2020;
approved after reviewing 17.12.2020; accepted for publication 29.04.2022.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 477. Апрель

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.04.2022 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5084. Цена свободная.

Дата выхода в свет 14.09.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – **Томский государственный университет**. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru